

Часть третья

БОЛЬШАЯ ГЕОЛОГИЯ

Снова в своей стихии

Покинув Монголию, геолог Денис Доценко попытался устроиться в Северо-Кавказскую экспедицию. Однако острый приступ аппендицита, перешедший в тупой аппендикулярный инфильтрат, помешал ему выполнить это намерение. Пролежав в ессентукинской больнице до конца отпуска, Денис решил возвращаться, пока не поздно, домой - в Нырвакинот.

- Захотелось кошке мерзлага гамна, - огорчилась сестра-станичница.

- Тилип куцего по яйцам! - отозвался зять-казак.

Вот такую злую шутку сыграла с Денисом его родина.

Восьмого сентября Доценки прилетели в московский аэропорт Быково, удачно приобрели билеты в Анадырь (на двенадцатое сентября, дополнительный рейс!) и поехали в Мытищи, к Олиным знакомым, где провели четыре дня. В полночь двенадцатого сентября чукчи-возвращенцы отправились по знакомому воздушному маршруту Москва - Амдерма - Хатанга - Анадырь. Повезло Доценкам и в Анадыре - улетели на следующий день. Сразу было видно, что, возвращаясь домой, они поступают правильно, что провидение благоприятствует им. Ласковая, добрая матушка-Чукотка предоставила блудным детям зеленую улицу вплоть до самого дома - в аэропорту «Залив Святого Креста» их встретил вроде бы случайно кум-Соб на автомобиле ГАЗ-69 и отвез в поселок. По пути попался Кирилл Пухов, а встретила и радушно приветствовала «иносранцев» его жена Валентина. Она устроила праздничный ужин с прекрасными, как всегда, оленьими отбивными. Под них друзья пили ром «Анджела Дэвис». «Это что-то новенькое», - заметил Денис.

Зятем последовали встречи с Виноградовыми, Майоровыми, Птенцовыми. Денис отведал давно забытого «зверобоя» местного производства и вяленого гольца. Быстро пропитавшись чукотским духом, он уже через три дня сомневался - а была ли Монголия?

После тяжелой, усложненной инфильтратом операции по удалению гнойного аппендикса у Дениса проклюнулась северная муза. Здесь, на родимой Чукотке, стихи Доценко наполнились юмором и озорством. Вот что он сочинил для Валентины Пуховой в день ее рождения:

Ай люли и трали-вали,
Нашей Вале - двадцать лет.
На щеках у нашей Вали
Разудалый алый цвет.

Какомэй! Она прекрасна,
Словно горная коза.
У нее сверкают страстно
Синим пламенем глаза.

Выпьем мы за нашу Валу,
Чтоб жилось ей как в раю,
Ай-люли и трали-вали,
В тихом северном краю.

У сестры Валентины тоже случился день рождения, и Денис откликнулся на него аналогичным образом:

Ах у Нины, ах у Нины
Нынче праздник-именины.
Нина, нынче мы с тобой
Пьем вино и зверобой.

Пожелаем нашей Нине
Расцвести на строганине,
Жить вольготно, как в раю
У Чукотки на краю.

Денис узнал, что в 1971-72 годах к северу от Иультинского оловянно-вольфрамового месторождения разразился золотой бум и рухнул миф об антагонистичности олова и золота. Оказалось, что эти металлы спокойно соседствуют и чувствуют себя прекрасно. Золотоносный Ленотап был у всех на устах. Два года длилась золотая лихорадка, героями которой стали начальник партии Вадим Черных и промывальщик Вовка Котов. Доказывая, что золота на одном из перспективных участков «хоть жопой ешь», Котов однажды сказал Вадиму: «Цум байшпиль!» (Например!). Вот копуш. Беру я из него шлиховую пробу (берет), быстренько промываю (моет, напевая) и получаю весовое золото - биттэ!» И действительно, в лотке желто поблескивал драгоценный металл.

Но, как это часто бывает, в конце концов, из громкого шума по самым разным причинам получился тихий пшик.

Много золота открыли у ворот Иультина,
А когда траншеей вскрыли, то сказали - вот те, на!
У Вадима проявлений было много, хоть пляши.
Грянем, братцы, удалую, на поминку их души.

Такая же участь постигла и золотые миражи залетного лениградского варяга Калабашкина. Его прогнозы опроверг Эдуард Синицын.

Раз восточную Чукотку Калабашкин посетил,
Как персидскую красотку, "зону золота" пленил.
Эдуард месторожденье попытался отыскать.
Только что за наважденье? Нет металла, не видать.

В сезон семьдесят третьего года удачно поработал стратиграфический отряд Марка Осадчего, собравший много ископаемой флоры мелового периода. В качестве внутреннего транспорта геологи использовали резиновые лодки.

Из-за острова на стрежень, на простор речной волны
Выплывают десять лодок, флорой-фауной полны.
На передней сам Осадчий машет мощною рукой.
Шишки с листьями сплавляет, расхорошенький такой.

Существенные, революционные изменения произошли в методике поисково-съемочных работ масштаба 1:50 000 - однолетние, полистные работы были заменены многолетними работами на огромных площадях. Появились отряды так называемой групповой геологической съемки (ОГГС). Полевые работы стали невероятно трудоемкими, изматывающими. Первым испытал тяжесть нововведения Чаантальский отряд, возглавляемый Вадимом Черных и Александром Крюкановым (Кукановым – В.П.). Отряд работал в пределах Телекайского оловоносного района, оконтуренного Евгением

Виноградовым в процессе геологической съемки масштаба 1:200 000. О том времени было написано:

Виноградов взял гитару, как персидскую княжну.
Бросил, как пустую тару, в чаантальскую волну.
«Ничего не пожалею, все за олово отдам!» -
Раздается Женькин голос по чукотским берегам.

А геологи ЧОГТС, завершив сезон, пели:

Занялись мы съемкой групповой.
До чего «удачно», боже мой!
До зимы сидели в поле Алик, Саня, Степа, Толя
И Вадим с лохматой головой.

"Хорошо" в отряде шли дела - новая система помогла.
Дотянули еле-еле, разобраться не успели -
Каковы же рудные тела.

Вынужденно, по производственной необходимости сменил свое амплуа Герман Птенцов (не в марках, а в работе) - из съемщика-магматиста он превратился в поисковика морских россыпей, сменил хребты на болотистую равнину.

На приморские просторы в тундру выскочил Птенцов,
Позади оставил горы, гряды скальных останцов.
От камней он слышит ропот: «Нас на глину променял!
С Рубеновичем спознался - сам геоморфолог стал».
(«Рубенович» - Григорий Гурбанович? – В.П.)

Именно с "морской партии" Птенцова и начались защиты полевых материалов в ноябре семьдесят третьего/состоялась шумная обмывка в рабочем кабинете с большим количеством вина и вяленых чиров. Дошло до громкого хохота и песен. Внезапно в дверном проеме возник разъяренный начальник экспедиции Супин (Борщёв – В.П.), приказал: «Всем немедленно разойтись!». На следующий день вышел грозный приказ (машинистка напечатала "приказа") номер триста семьдесят, категорически запрещающий использование не по назначению рабочих помещений. В нём участникам пьянки (в том числе и Денису) Супчик влупил строгие выговора.

Вскоре после этого вывезли в поля и "бандитов" - геологов групповой геологической съемки. Замученные, грязные бородачи (брился один Крюканов (Куканов) выглядели весьма эффектно. Денис и Серега Любомиров (Тихомиров Юрий Борисович?- В.П.) организовали их фотосъемку - портреты намечалось использовать на вечере полевииков для конкурса "Сэр Борода-73". После защиты полевых материалов групповики, убоявшись "приказа-370", никого не приглашая, выпили втихаря и скрылись на тайную квартиру. Так впервые была нарушена вековая геологическая традиция.

В середине декабря Денис составил два варианта пригласительных билетов на вечер полевииков. Первый - для мужчин:

Сезон прошел, черта подведена.
Все в целом хорошо, как говорится.
Вас приглашаем на стакан вина,
Желаем от души повеселиться.

Второй - для женщин:

Полевики на вечер вас зовут,
Отметить завершение сезона.
Как фей прекраснейших они вас ждут
В цветах, духах и платьях из нейлона.

В концертной праздничной программе на вечере полевиков традиционные частушки заканчивались куплетами о возвращении «обобщенного», типичного полевика в поселок, к жене.

Полевик домой вернулся, бородат, как атаман,
И могучею рукою обнял рюмки тонкий стан.
Мощным взмахом поднимает чарку, полную вина
И за встречу выпивает все до капли, всю до дна.

Полевые песни-частушки исполняли геологи Денис Доценко (Евгений Егорович Петренко), Слава Майоров (Воеводин - ?), Иван Глухарев и бас-геофизик Саша Квасин. После них выступил женские секстет и заслуженный дуэт - Оля Доценко (Зоя Николаевна Петренко) и Римма Крюканова (Куканова). Оркестр состоял из трех гитар (Женя Виноградов, Виталий Клевый и Сергей Колечко), саксофона (Клевый же), баяна (геофизик Чернов). Денис, отчитавшись о своих заграничных полевых сезонах, передал музыкальный привет от великого монгольского народа великому чукотскому народу - он последний раз спел свою экзотическую песню "Наран мандмар утам нутахта", встреченную громким смехом и яростными аплодисментами сотрудников ВЧГРЭ.

Наступал Новый, 1974 год, начиналась новая история. Геолог Доценко возвратился на круги своя. Но намерение о переселении на материк он не оставил. Некоторые старые геологи уже имели кооперативные квартиры в ЦРС (центральных районах страны), другие только что вступили в жилищно-строительные кооперативы (самым престижным считался рижский ЖСК). Доценко, ссылаясь на существующие постановления ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, написал заявления в сто городов Советского Союза, "Где-нибудь, да обломится, - решил он, - Такого не может быть, чтобы все отказали». Отправил письма и стал ждать ответы.

А в это время многих его товарищей охватила автомобильная лихорадка. Они записались в льготную (для северян с десятилетним стажем) очередь на покупку автомобиля и стали посещать платные шестимесячные курсы по подготовке шоферов. Каждый курсант в соответствии со своими психическими и физическими особенностями получил кличку: Любомиров (Тихомиров) - Коленвал, Рубенович (Гурбанович) - Маховик, Синицин - Сальник, Свистоплясов (Плясунов-?) Кардан, Черных - Кривошип, Благоволин - Шатун, Лепешкин - Шплинт, Клевый - Поршень, Маруся Виноградова - Втулка.

После возвращения из заграничной командировки четы Доценко у новой администрации Восточно-Чукотской экспедиции (начальник Супин (Борщев), главный геолог Тафик (Тафинцев), главный инженер Сидоров) возник вопрос об их трудоустройстве. Оле (Зое) было предложено оформительское бюро - картографическая группа (и она, естественно, согласилась - куда же еще?). Денису - геологоразведочная стационарная партия и он, естественно, отказался. Думая, как бы выручить друга из беды, Кирилл Пухов в шутку намекнул:

- Не хочешь ли ты, Денис Иванович (Евгений Егорович), поработать старшим геологом Центральной геолого-геофизической партии, то бишь, ЦГГП? (так был переименован поисково-съёмочный отдел, а сезонные полевые партии превратились в отряды, стали рангом ниже, что повлекло к снижению окладов у геологов).

- Теперь, после Монголии, я стал специалистом высшего, международного класса и с любой должностью справлюсь, - ответно пошутил Денис.

Пухов удивленно пошевелил щетинисто-мохнатыми бровями, зыркнул на Доценко янтарными глазками, жамкнул челюстью и надолго задумался, куря "Беломор". На том и разошлись. Напряженное производственное состояние Дениса разрядил Кузьмич (Дмитрий Кузьмич Кадыков), начальник тематического отряда. К этому времени упрямый, напористый геолог закончил аспирантуру и готовился к защите кандидатской диссертации.

- Пошли ты их всех к ебени матери, - посоветовал он, - Твое место у меня. Я составляю обзорную карту полезных ископаемых Восточной Чукотки. Отдаю тебе на растерзание золото и ртуть. Согласен?

- Еще бы - возрадовался Денис и с головой окунулся в интереснейшую, захватывающую работу.

Весной, когда началась организация новых полевых подразделений, Доценко был назначен начальником Верхне-Амгуэмского геолого-съемочного отряда масштаба 1:200 000. На это место прочили Сергея Любомирова, но у него оказалось столько хвостов (два отчета и один лист!), что браться за новую работу, вешать на радикулитную шею еще один хомут ему было просто невыносимо, невыносимо. Конечная цель работ - составление листа Государственной геологической карты.

- Ну вот, Денис, и ты вышел на Большую Геологию, - торжественно произнес Кадыков, поднимая кружку с вином. - За твои успехи!

- Твое здоровье, шеф! - поддержал Кузьмича Юра Благоволин (Тихомиров?), старший геолог Верхне-Амгуэмского отряда, составитель проекта.

- Ладно, поехали, - кратко ответил Денис и, чокнувшись с друзьями, выпил.

В этот момент дверь кабинета приоткрылась, оттуда пахнуло чесноком, сверкнули очки главного геолога, и раздался его смешок: "А про прикашу-370 забыли?" и дверь захлопнулась.

- Кто это был? - всполошился Кадыков.

- Пежар де Клювжо, - ответил Доценко.

- Кто, кто? - изумился Кузьмич.

- Тафик. Граф Пежар де Клювжо - Петух жареный, клюющий в жопу, пояснил Денис.

Кадыков захихикал.

- Гм! - хмыкнул - усмехнулся Юрка. - Здорово сказано.

Экспедиция всегда бурно отмечала международный женский день (МЖД). Штатный стихотворец Денис Доценко поздравлял сотрудниц через плакаты и стенгазету. В марте семьдесят четвертого, подчеркивая начало дня на Чукотке, он восторженно воскликнул:

День восьмого марта сорвался со старта!

Как мы рады, как мы рады! Эх, да что там говорить -

Нашим женщинам в награду мир готовы подарить

(А в придачу и себя - чего ни сделаешь, любя!?)

В День геолога, на ресторанных торжествах самодеятельность экспедиции, с подачи Доценко, вновь прошла по полевым событиям 1973-го. Для девушек-полевичек (техников-геологов) Нины Кононовой и Юли Рублевой была исполнена песня "Ой, цветет пушица".

Ой, цветет пушица в поле у ручья,
Паренька с лоточком полюбила я,
Полюбила парня на свою беду,
Потому что чувства прячет в бороду.
Моет и не знает ничего о том,
Что геологиня думает о нем.

У ручья пушица обронила цвет,
Накормлю ущицей и спрошу ответ.

Эдуард Синицин, враждующий с Кадыковым, голосом Доценко и Майорова пропел:

Имел бы я золотые горы и реки, полные вина.
Все отдал бы я за ласки-взоры, чтобы Кузьмич любил меня.
Эргувеем ликует снова, я в поле весело иду.
И там для Димы Кадыкова я горы золота найду.

Для жен геологов-полевигов была спета песня "Одиссей" (исполнители - Оля Доценко, Римма Крюканова, Тамара Котова - Вовкина жена).

Где-то по горам мой геолог бродит
И призванье в этом свое он находит,
Вспоминает редко вечерней порою
Он семью забытую и мать.
По весне геолог уходит в поле,
Незавидна летом жены его доля -
Остается дома одна с детворою.
Хочется геологу сказать:
- Ты куда, Одиссей, от жены от детей?
Милый Одиссей!
- Шла бы ты домой, Пенелопа!
Осенью геолог вернулся с поля,
Незавидна снова жены его доля.
Не сидит геолог с семьёю дома.
Он в кругу товарищей сидит.
Он работе весь до конца отдается,
Он с друзьями шутит, поет и смеется.
С ними говорит, за бутылкой рома,
А с женою дома он молчит.
- Полевик, полевик, от жены ты отвык?
Милый полевик!
- Ну, иди на ручки, Пенелопа!

Песня разбойников-групповиков звучала так: (по " бременским музыкантам"):

Гамм!
А, как известно, мы народ бродячий,
А, после поля - нервный и горячий.
А если кто нас ненароком тронет,
Мы врежем между глаз - АУП застонет!
Мы барр! Ой!
Мы бородатые, усатые, патлатые.
Туф-таф! И вы, помятые в зубах ЧОГГС!

И в заключение концерта - общая песня геологов-полевигов.

Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету.
Тем, кто ищет, не страшны дороги, были б только головы да ноги.
Наш ковер - цветочные поляны, наши стены-горы великаны,

Наша крыша - небо голубое, наше счастье - жить такой судьбою.
Мы свое призванье не забудем, мы богатства недр откроем людям.
Ищем здесь мы россыпь золотую, не должны сработать мы впустую.

Последняя строчка относилась, прежде всего, к Амгуэмской (Майныпонтоваамской) геологоразведочной партии, третий год безнадежно бурившей Ванкаремскую низменность. Большие мощности рыхлых неоген-четвертичных отложений и низкие содержания золота или вообще полная пустота - такими были результаты по всем скважинам. Методом "слепой кошки" (ДИКОЙ КОШКИ), как выражался мудрый Тафик, пытались поймать "Золотого Кита", но попадалась лишь мелкая рыбешка, да к тому же на глубинах от ста и более метров.

Среди рабочих ГРП было много украинцев, в связи с чем Денис сочинил "Песню бурового мастера с украинским акцентом".

На сто верст от Пеньельхина разбуривши долины,
Тильки россыпи нэма - пидманула, пидвэла.
Як бурив Аляупын, жинку дюже отлупив -
Вместо золота вона принесла койнатхуна!
За три года буражу - двадцать тысяч мэтражу!
Тильки россыпи нэма - пидманула, пидвэла.
Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвэла,
Ты ж мэнэ, мастера бурового, з ума-розума звэла!

С ума сошли не только буровые мастера, но и все руководство Северо-Восточного геологического управления (Драбкин, Аникеев, Горбань). Оно поощряло выполнение колоссальных, но безрезультатных объемов буровых работ в Восточно-Чукотской экспедиции, оно внушало Супину (Борщеву):

"Вы нам объемы дайте", а запасы мы в другом месте сделаем. Таким образом, в целом по Управлению план и по объемам буровых работ, и по приросту запасов россыпного золота выполнялся. Такова была производственная подоплека дорогостоящей Ванкаремской буровой эпопеи. Эта хитрая политика ЦГПП не касалась, у геологов полевых сезонных отрядов были свои конкретные задачи, не требующие больших финансовых затрат. **(Ложь и провокация!) – на ручье Пеньельхин в 1975 г. Майны ГРП нашла и разведала очень крупную аллювиальную россыпь золота, которую передала в отработку прииску «Восточный» Иультинского ГОКа. Позднее, летом 1976 г., близ пос. Ванкарем была найдена богатая прибрежно-морская россыпь золота – В. Полин).**

ЦИКЛ – VI (1974 – 1977)

База Верхне-Амгуэмского отряда была построена в живописном месте среди гор, в широкой ледниковой долине, на берегу озера Янранай-кооль. Из озера вытекал короткий ручей, впадающий в реку с мягким, пушистым, ласкающим слух названием - Вульвывеем (что означает слово "вульва" по латыни, Денис знал, ну а "веем" по чукотски - вода, река). Сидя на зеленом, поросшим ивами берегу ручья, Денис и Юрка, жалобно постанывая, черпали и пили из эмалированных кружек прозрачную, холодную, живую воду, утоляли жажду, изгоняли похмельную тоску. Отходя от пьянки, они готовились к маршрутам.

Из реки в озеро шли мальмы и нельмы. Юрка на спиннинг поймал одну, и от его победного вопля содрогнулся весь отряд. Юрка, оглушив рыбу веслом, снял с крючка и бросил на дне резиновой лодки.

- Смотри, Денис, какая красота! - воскликнул счастливый рыбак.

- Да, пестрая, разноцветная, в брачном наряде, - отозвался, тоже очарованный, Денис.

Мальма, выслушав восторги и комплименты, махнула хвостом и нырнула в дыру между камерой и днищем лодки. От горестного вопля рыбака снова вздрогнул весь отряд. Юрка сиганул в ручей и, поднимая фонтаны брызг, попытался поймать мальму руками, что даже медведю с его остро-когтистыми лапами не всегда удается сделать. Рыба ушла. Юрка, мокрый с ног до головы, чуть ни плача, выбрался на берег.

И, точно так же, как ускользящую рыбку, самого рыбака пыталась поймать на амурный крючок техник-геолог Нина Кононова. Юрка - парень видный, высокий, широкоплечий, сутуловатый, похожий на артиста Яковлева, представлял собой престижного жениха. По нему вздыхали многие молодые женщины, но он ко всем оставался равнодушным. Ласковые, влюбленные взгляды, мелкие повседневные заботы и услуги чернобровой гуранки Юрка переносил с трудом, они его раздражали, к такому обращению он не привык.

Была в отряде еще одна девица - Юля Рублева, прямая противоположность Нине, высокая гонористая блондинка. Девчата занимались шлиховым опробованием водотоков. Нина - добрая крестьянская душа - своего рабочего-промывальщика уважала и помогала ему во всем. Юля же, как злая принцесса, презирала "работягу". В маршрутах она с ним не разговаривала, гордо вышагивала впереди и, определив место отбора пробы, носком сапога постукивала по земле - здесь!

Различие характеров вульвыевских дам проявилось однажды и в другом, интимном деле. Как-то Денис некстати высунулся из палатки и видит - сидят на склоне две куночки в позе "орлиц" и исполняют малую нуждишку. Одна из них мгновенно вскочила, натянув штаны, другая дернулась, было, но осталась сидеть. Ошарашенный Денис нырнул назад, в палатку. Девчата возвратились, похихикивая.

Погода содействовала выполнению плана, маршрутные пары стремительно отрабатывали район, все исполнители были полны желанием как можно быстрее, до осенних холодов, выполнить геологическое задание! Денис пообещал рабочим: "Сделаем все до первого сентября, а дальше вы свободны, займетесь рыбалкой и охотой." И они энергично шагали за своими ведущими, вкалывали без выходных дней.

В одном из маршрутов Денис нашел на поверхности конечноморенного вала крупную агатовую конкрецию, принесенную ледником издалека, неизвестно откуда (так называемый "эрратический валун"). Попались ему и прекрасные олени рожки, небольшие, ветвистые, удобные для транспортировки. Находки порадовали его - будет, что подарить жене и детям.

Оббежав горную часть района, геологи спустились в Верхне-Амгуэмскую впадину, на Белые Увалы - реликт древней поверхности выравнивания, образованный шистрелыми (? пестрыми? – В.П.) (каолинизированными) вулканитами кислого состава. Вдоль южной окраины неотектонической впадины Денис наблюдал во врезях ручьев остатки древнего (неогенового) леса - окаменелые стволы деревьев, обугленные отпечатки стеблей, листьев, хвойных веточек и шишек (койнатхунские неогеновые слои). Ожидавшаяся повышенная золотоносность Белых Увалов не подтвердилась.

В начале сентября, в последнем плановом маршруте с базы Денис открыл рудопроявление олова турмалинового типа и бросил на него вес отряд. Рабочие, помня обещание начальника, обиженно роптали. Денис уговаривал их, умолял сходить за пробами еще раз, еще разок, ну еще последний раз и, наконец, в окончательный, завершающий, самый-самый распоследний раз! Вот как была отражена Денисом на вечере полевииков деятельность Верхне-Амгуэмского отряда в 1974 году.

Площадь, быстро и умело, мы закрыли, а потом

Просидели месяц целый, успокоившись на том.

Телеграммы посылали, вертолет просили мы.

От безделья устали, сидя в тундре до зимы.

Вульвыведем - наше поле, женский терем не пустой.

Почему же Благоволин возвратился холостой?

Во время вынужденного сидения на базе Денис много чего наслушался по рации, узнал о состоянии дел в других отрядах. В условиях плохой проходимости Виталий Клевый с базы Чаантальского группового отряда пытался сделать заказ.

- Я РТЦВ. Требуется магнето. Подпись Клевый. Как поняли, прием.

73-й (промежуточная мощная радиостанция на Иультине):

- Повторите, не понял.

- Маг-не-то, маг-не-то. Мария, Анна...рий...пись: Клевы...

73-й: - Шум, треск, вы пропадаете, слышу на двоичку, повторите подпись.

- Даю настройку: 1-2-3-4-5-5-4-3-2-1. Маг-не-то! Мария...пись, Клевый.

73-й: А! Понял, понял. Магнета Мария Клевый. Так, да? Прием.

- тр...рпр...хр...пиип!...вый.

Еще одна связь (проходимость хорошая).

Клевый (РТЦВ): А подать на связь Сидорова-Соба! Я ему покажу мать тра-ля-ля! О чем он там думает?

РТВО (центр, Луговая): Его нет, он только что прошел мимо окна, а куда - не знаю.

Виталий, пришла твоя жена, хочет поговорить.

Клевый (сухо) - Слушаю.

Жена: Алло, Витя, ты получил посылку?

- Какую посылку?

- Булькающую.

- Получил, спасибо. Посылай еще, да пусть побольше булькает. РТВО, примите радиограмму.

- Давайте.

- Москва, Крюкановой Римме, Можно ли Саньке есть гречневую кашу. Подпись: групповики.

- Приняла. Тут Пухов (Сухов – В.П.) пришел, к нему вопросы есть?

- Кирилл Сергеевич, завтра вертолет будет?

- Детский вопрос, Виталий.

- Ясно. Связи конец.

Из стратиграфического отряда в центр (РТИВ - РТВО):

- Примите две радиограммы. Первая. Майорову Андрею. Поздравляю днем рождения. Целую, папа. Вторая. Осадчему Игорю. Поздравляю днем рождения. Папа.

- Осадчий что, не целует? РТИВ, Осадчий целует или нет? Прием.

- Нет, не целует, стесняется. Связи конец.

- Вызываю РТЦВ, На связи Собко. РТЦВ, дайте вашу погоду, вообще.

РТЦВ (Клевый): Погода летная, летная погода! Отправляйте вертолет!

- Ну что значит летная, вообще. Дайте облачность, высоту, все, как положено, значить.

- Облачность 1200, видимость десять километров.

- Какая же, значить, летная, если у вас сопки 1500, вообще!

- Я ошибся, ошибся. Высота облачности 1500-1700, два балла. Дайте вертолет, вертолет дайте!

- Пилоты требуют от нас чистое голубое небо, вообще, солнце и чтоб, значить, тихо было, тихо, понимаете? Прием.

- Да есть, есть голубое небо и яркое солнце! На небе ни облачка, тихо, временами дует легкий, приятный ветерок, птички щебечут, хариусы играют. Видимость неограниченная, до острова Врангеля на севере и Аляски на востоке! Дай-дай вертолет, мать-тра-ля-ля!

- Ну вот, это, вообще, совсем другое дела, так бы сразу, значить, и сказал. После обеда ждите вертушку. Все, связи конец.

Из ГРП в Центр.

- РТВО, примите РД Сидорову.

Исходя из проведенного мероприятия по ликвидации выявленного вами при посещении недостатка оговоренного вами пунктом акта вызываем комиссию по приемке устья штольни готовой началу проходки десятого сентября.

РТВО: Не поняла. 73-й, РПЖД, продублируйте.

РПЖД: Он говорит - проведение ликвидации выявленного мероприятия оговоренного вами пунктом.

РТВО: Минуточку, минуточку... так...каким пунктом?

РПЖД: Оговоренного...или заговоренного...

73-й: Да нет, не так. Исходя. Исходя из мероприятия по выявлению ликвидации оговоренного! 0-го-во-рен-но-го! Вами! Пунктом! Акта! Как поняли, прием!

РТВО: Оговоренного, так? Да?

73-й: Передаю по буквам. Огурец - Гриша - огурец- Вася-огурец-ром... Оговоренного!

РТВО: Поняла, спасибо.

На вечере полевиков в краткой стихотворно-частушечной форме были изложены основные результаты работ по всем сезонным отрядам. О Право-Ванкаремском геоморфологическом отряде (Герман Птенцов, Иван Глухарев (Иван Глухов, сотрудник отряда Е.Ф. Дюбы))

Начальник отряда - членам техсовета:

Снова вам привез я море,

снова уровни тяну.

И еще привез на горе только скважину одну.

Геолог добавил:

Мамонта морского мы нашли, Увидали - со смеху дошли!

Он лежал в соленой глине. Сам - в тельняшке, жабры - в тине,

А в зубах торчала рыбья кость!

Начальник ЦГГП геологу:

Рубанул товарищ Пухов правду-матку, не тая:

"Надоела нам, Ванюха, глухомания твоя!"

Ведущий:

Техсовет устроил баню за дела плакучие,

Но зато чирьи у Вани жирные, пахучие!

В Чаантальском геоморфологическом отряде случилось два несчастья сразу. Начальник отряда Гена Цукин (Цуканов), спасаясь от комаров, залил себе в левый глаз большую порцию дэты и чуть не окосел. Глаз распух, воспалился, Цукина санрейсом вывезли, в Нырвакинот (Эгвекинот). Вместо него, и.о. начальника отряда, остался в поле Леша Мишин (Алексей Иванович Гришин), ходивший в маршруты. На базе постоянно находился завхоз, знатный брагодел и беспросветный пьяница, но ретивый охранник отрядных (то бишь Лешкиных) продуктов от злостных грызунов-евражек. Он гонялся за ними по тундре, кидал в них камни, бутылки и прочие увесистые предметы, ставил капканы, короче, изничтожал, как мог. А евражки все равно упорно лезли в складскую палатку, прогрызали фанерные ящики и мешки, набивали щеки макаронами и крупой и таскали добычу в свои норы, делали запасы на зиму, Для евражек это была естественная, необходимая работа, для завхоза - естественный урон.

И вот однажды, где-то в середине полевого сезона, завхоз застал на складе очередного еврагана и пальнул в него из ракетницы. Евражка с визгом убежал, склад с треском сгорел. Пришлось Лехе завозить новые продукты, а сгоревшие расписывать на двоих. Получилось так, что и.о. начальника отряда и завхоз проработали в поле бесплатно. Вот такая беда. Мишин жалобно пел:

Впечатлений много очень получил я за сезон.
 Были дни темнее ночи, дым над базой, не озон.
 Техсовет был беспощаден:

Ваша карта симпатична, поворачивай хоть как.
 Но, проста и схематична, и оценка ей - тройка.
 Ведущий:

Хоть отряд закончил поле ой да с горем пополам,
 Лёшу любят обе Оли, хороши в семье дела.

Здесь требуются пояснения. Расставшись с Галочкой (производительницей "Зверобоя"), которая была старше его на пять лет, Леха в 1972 году женился на молодой девушке-студентке Оле, черноглазой красавице-брюнетке с белой атласной кожей, великолепной грудью и таким добрым, чудесным характером, что вся экспедиция ее полюбила. "Черт побери! - говорили одни мужики, пожирая глазами юную красавицу. - Наконец-то Лехе повезло, нашел стоящую жену". "Вот, старый козел, - говорили другие, - на пятнадцать лет моложе себя девицу уговорил!"

Совратил Леха студенточку еще в поле, задолго до свадьбы, так что, уже через полгода после официального брака Оля подарила ему прелестную девочку, маленькую Олю. Пережив пожар на базе и последовавший за ним финансовый удар, Леха по-прежнему улыбался, резво бегал по Нырвакиноту и был счастлив, как никогда.

Удивительно, с приключениями и неожиданностями прошел полевой сезон-74 у Жени Виноградова (Мамчергыргынский геолого-объемочный отряд масштаба 1:200 000). По совету Славы Майорова (Воеводина?), который скитался в этих же краях, Женя построил базу на низком месте, в пойме реки. После обильного и продолжительного дождя река вздулась и затопила лагерь. Люди стояли на нарах, помостах, бочках, пережидая стихию и проклиная консультанта. На техсовете по приемке полевых материалов Женя пел:

Начал я сезон с потопа (тут Майоров мне помог).
 У меня промокла жопа, долго высохнуть не мог.
 Не везло мне нынче что-то. Я в поселок улетел,
 В ожиданье вертолета дома месяц просидел.
 Возвратился я на базу и влюбленных там нашел.
 Свадьбу я устроил сразу - что же надо вам ишло?

Техсовет:

Констатируем мы все же, что начальник в поле был
 И маршрутил. Но негоже, что про рыхлые забыл.

Ведущий:

Стал начальник воблы суше, бегал так, что от него
 Сохранились только уши, больше нету ничего.

Право-Янрамаваамский отряд (начальник Федор Свистоплясов (Плясунов?), старшие геологи Николаевы (Н.И. Романов и его жена?), геолог Дубов (Е.Ф. Дюба)) работал на альпинотипном Искатеньском хребте. Здесь было известно рудопроявление эпитеpmального (низкотемпературного) золота Тымыль, открытое в 1972 году Дмитрием Кадыковым. Отряд должен был провести дополнительные поисковые работы и оценить объект. Свистоплясов пел:

Кадыков Тымыль подкинул, чтоб его я защитил.

Я б хотел, да нету силы и подкидыш тоже хил.

Вера горы штурмовала, за скалою шла скала.

Вера Толю вдохновляла на великие дела.

Техсовет:

Нет руды, на карте чисто и Тымыля не пошел,

Но за то, что альпинисты, надо ставить "хорошо".

Эдуард Сеницын (Эргувеемский отряд), развенчавший варяга Калабашкина, сам так увлекся гидротермально-измененными вулканитами, так расфантазировался, что выделил аж четыре гигантские, якобы золотоносные зоны, сопоставимые с крупными месторождениями Магаданской области и Казахстана! Вот его доклад:

Экструзивно-эксплозивный субвулкан и вулканит,
Фациальный, эффузивный адуляр и алунит.
Карамкен и Мурунтау, Хаканджучку и Дукат -
Все свои четыре зоны выдаю я напрокат.
Лучше всех работал Котов, вес намыть ему пришлось.
Только раз взгрустнул чего-то (кошки рядом не нашлось).

Станислав Заноза (Чаантальский поисково-разведочный отряд) второй год проводил поверхностные горные работы (канавы, траншеи) на одном из оловянно-вольфрамовых месторождений западной окраины Иультинского рудного района. Детализация поисков приводила к сокращению параметров рудных тел, запасы уменьшались, месторождение таяло на глазах изумленного руководства экспедиции. В разговорный репертуар Занозы прочно вошел глагол "кажется".

Только кажется, что много здесь канавок пройдено.
Только кажется, что много рудных тел не найдено.

Но, будучи коммунистом-оптимистом и не желая прослыть могильщиком месторождения, считавшегося перспективным, Заноза вынужден был утверждать, что все богатые рудные тела находятся на глубине. А это можно доказать только подземными горными выработками (на которые экспедиция никогда не пойдет).

Рудных тел нигде не видно, но ведь надо не тужить.
Чтобы не было обидно, надо штольню заложить.

Техсовет:
За два года, за два года ничего не доказал.
ПЭО нашему в угоду лишь объемы выполнял.
Ведущий:
Славословили Занозу, кто-то Стасу славу дул.
Он же стал в иную позу - всех с запасами надул.

Тем не менее, несмотря на отрицательные результаты поисково-разведочных работ и всестороннюю критику, Заноза был весьма и весьма доволен - он нашел необыкновенно красивый кристалл берилла, которым налюбоваться не мог. "Какие запасы? Какая руда? Вот что главное!" говорил Заноза, смеясь. Дело в том, что Стас был фанатичным коллекционером минералов и очень переживал, когда его сохоббист Кугенков (Каплёнков Геннадий Николаевич) добывал что-нибудь новенькое, оригинальное, и хвастал этим. Но таког берилла у Кути не было, это Стас точно знал! Он пел:

Весь сезон я в радостях прожил,
Очень уж себя я ублажил!
Я нашел кристалл чудесный, всем завидно, интересно,
Стоит он десятка рудных жил!

Не лучше обстояли дела и в соседнем Таризельском отряде, которым руководил Володя Веник.

Десять скважин сели в пустоту, а теперь имеем мы мечту -
Чтобы жила-жила-жила не тужила-жила-жила
Мы подпустим штольню под нее.

Порхал по тундре, развлекался стратиграфический отряд (начальник Майоров, старший геолог Осадчий).

По Чукотке мы скакали, флору-фауну искали,
Фауну-фауну, фауну-расфауну.
Мы кету-кету доили, мы икру-икру солили
Бочками-бочками, бочками-разбочками.

Рыб, как в тире, мы стреляли, а они хвостом виляли.

Чавыча-чавыча, чавыча-расчавыча.

Ведущий (о Майорове):

Был когда-то он геолог, а теперь он - ихтиолог, Хариус-хариус, хариус-расхариус!

И, наконец, о Право-Чаантальском отряде групповой геологической съемки. Песня начальника отряда Вадима Черных:

Не боимся бурь и штормов, просим уважения.

Вдвое-втрое выше нормы были напряжения.

Инженер Виталий Клевый жил на базе под горой,

И направо, и налево он трудился как герой.

Вот на этой на защите смело я могу сказать:

Сколько олова хотите, столько я могу и дать!

Техсовет:

Поработали на славу, документы их на пять,

Хоть и прав Крюканов (Александр Куканов), право: "Необъятно - не объять".

Ведущий:

Пробы носят по три пуда, от такой тектоники все «бандиты» скоро будут супергипертоники!

В групповом отряде - самое большое количество народа, поэтому и обмывка защиты была грандиозной. Супинский "прикаща-370" загнал полевиков в большой подвал жилого дома. Здесь геологам никто не мешал, и они порезвились вволю. Отсутствие окон и вентиляции никого не смущало. Неуютно было только двухметровому Дубову (Дюба Евгений Федорович), который упирался макушкой в потолок и мазал лысину известкой.

Пострадал и магаданский (СВГУшный) куратор Андрей Шавкин. Что-то в его выступлении не понравилось буйному во хмелю Коле Панфилову. Коля впервые увидел этого длинноволосого, говорливого мужика, он понятия не имел, кто это такой, что за гусь и почему так авторитетно, с апломбом, рассуждает. Коля набычился, уставился сквозь запотевшие очки на неприятного незнакомца, залился краской и ринулся в атаку! Он присел, обхватил оратора-куратора мощными лапами вокруг бедер и резко его поднял, саданув макушкой об потолок. Этот прием он повторил трижды. Боря взвыл, стоявший рядом с ним Пухов заорал: "Панфилов, ты что делаешь? Это же Шавкин, куратор из Магадана! Отпусти его!" До Коли дошло. Он бросил жертву на пол и, согнувшись, конфузливо ушел в дальний угол подвала. Геологи хохотали; Боря, морщась от боли, ощупывал шишку-ссадину, стряхивал с волос и плеч белую пыль.

Совершив пьяный подвиг, Панфилов из экспедиции уволился по семейным обстоятельствам - на Алтае его ждала одинокая старушка-мать. А подвал стал знаменитым. Место ударения макушки магаданского начальника было обведено красной краской, внутри круга стояла дата исторического события. Это был второй потолочно-памятный знак Восточно-Чукотской экспедиции (первый находился некоторое время на потолке кабинета оформительской группы - там были обведены отпечатки подошв пенсионерки Ксении Караваевой, которую на проводах парни подбрасывали вверх ногами).

Усилиями главного бухгалтера экспедиции Жупела подвал был отремонтирован, в нем установили большой бильярдный стол, помещение, расположенное под квартирой Любомирова, стало называться "клуб Пирамида" И застучали шары, и занервничал Серега. Игроки и болельщики, подогревая себя вином, проводили в подвале все свободное время. У входа в клуб, на площадке перед лестницей отчетливо запахло мужичьей мочой, перебивающей мочу кошачью. Жители подъезда, обладатели личных подвальчиков, жены бильярдистов и их поклонников возмущались и негодовали.

Денис, у которого был подвал как раз напротив клуба "Пирамида", тоже частенько заглядывал туда в качестве болельщика и выпивохи. Камеральный период он провел в обычном режиме. Помимо основной работы, он по-прежнему участвовал в выпусках

стенгазеты "За недра Чукотки" и изготовлении наглядной агитации, готовил праздничные концерты, стихотворно поздравлял именинников, юбиляров и, разумеется, женщин в день восьмого марта.

Вас поздравляем, женщины-подруги,
За все, за все мы вас благодарим.
Мы - ваши рыцари, рабы и слуги,
Для вас живем, стараемся, творим.
Стены коридоров были увешаны рисунками, плакатами, фотографиями.
Расцвет искусства небывалый, для стендов не хватает мест.
Изопроduct выходит валом, кто не работает - не ест.
Цэ дило так поставить смог предразведком Золотоног.

Маленький, толстенький, энергичный, косноязычный председатель разведкома катался по экспедиции, как ртутный шарик, смеялся, шутил и непрерывно щебетал на смешанном русско-украинском диалекте.

Редактором стенгазеты (орган партийной, профсоюзной и комсомольской организации) вместо уставшего от частой критики в свой адрес Пухова стал начальник рассыпного отдела Смеян.

Что за газета без Смеяна? Она - как Марья без Ивана.

Газету любит Ю. Смеян, как Марью русскую Иван.

В камеральный период, отдыхая от геологических дел и размышлений, Женя Виноградов разыгрывал товарищей. Как-то зашел к нему известный сквалыга и крохобор Серега Любомиров. Женя ему и говорит:

- Серега, хочешь я подарю тебе вот эту гирию с этикеткой?

- Нет, зачем она мне нужна, эта гирия.

- Как зачем? Толкать, как ядро.

- Нет, не нужно (ушел).

Женя обратился к Денису:

- Слушай, Дэн, я сейчас позову Любомирова, а ты при нем попроси у меня эту гирию.

Появился Серега. Денис говорит:

- Женя, дай мне эту гирию с этикеткой. Она такая хорошая. Ее можно толкать правой ручкой, как ядро. Вот так (взял с полки, приложил к плечу).

- Отдай! Это моя вещь! - вскрикнул Серега, выхватил у Дениса гирию и убежал к себе в кабинет.

Друзья расхохотались - розыгрыш удался.

Прошло некоторое время. Любомиров снова зашел в кабинет к Виноградову. Женя начал хвастаться.

- Серега, смотри, какая у меня есть веревочка. Японская. Выдерживает пять тонн.

- Дай мне.

- Да ты что? Такую вещь разве я отдам? Мне ее на время дал поносить Слава Майоров, он нашел ее на берегу моря. Пять тонн выдерживает! Пойди к Майорову, попроси (Слава об этом визите был заранее предупрежден).

Серега - Майорову:

- Слава, у тебя есть веревочка? Японская.

- Ну, была. Я ее временно дал Виноградову. Пять тонн выдерживает. Не могу дать. Такой больше нету, это очень редкая вещь.

Серега целый месяц ходил от Виноградова к Майорову и наоборот, канючил, просил веревочку. Не дали, стервецы, Серега настолько расстроился, что даже работать перестал. Какая там работа, когда веревочку не дают! А она ему стала позарез нужна! Наконец он сообразил - надо делать обмен. Он принес Майорову бамбуковую палочку.

- Слава, я тебе дам вот эту вещь, а ты забери веревочку у Виноградова и дай мне.

- Да на хрен он мне нужен, твой бамбук! Веревочка ценнее. Впрочем, пусть Виноградов решает, иди к нему.

Притопал Серега к Виноградову с бамбуковой палочкой, тоже найденной на берегу моря.

- Женя, давай меняться, ты мне веревочку японскую, а я тебе - бамбук.

Виноградову надоела эта история, и он сказал:

- Ладно, Серега, бери веревочку, только тебе и никому другому я не могу ее дать, а знаешь, сколько желающих было? И палочку бамбуковую можешь себе оставить, сделаешь кнут.

Серега схватил вожаденную веревочку и, криво ухмыляясь, поковылял в свой кабинет. Он был счастлив - цель достигнута, можно спокойно сидеть за столом и работать.

Открытие любого рудного месторождения начинается со штуфной пробы (несколько обломков минерализованной породы весом от одного до трех килограммов). Свой путь в лабораторию проба начинает на спине у геолога. Зетем, упакованная в мешок, снабженная этикеткой и биркой, она на вертолете вылетает в Нырвакино и сбрасывается на краю аэродрома. Оставшиеся до лаборатории ВЧГЭ пять километров оказываются иногда самыми трудными для пробы. Бывает, она подолгу валяется в аэропорту, всеми проходимыми пинаемая и всеми презираемая. В экспедицию звонит аэродромное начальство, грозит спихнуть бульдозером пробу в яму и засыпать землей. Наконец Кум-Соб или Пухов изыскивают транспорт, посылают его за пробой, шофер, матерясь, забрасывает ее в кузов везет в гараж и сбрасывает во дворе, в лужу солярки. До лаборатории остается пятьсот метров. Помятая, избитая, испачканная проба терпеливо ждет. Об одном таком случае на профсоюзном собрании образно выразился классик русскоязычной словесности Мойша Блямберг. "Пробы до дикости доходили, вот что с ними творилось!" - сказал он. "Блямберг загт!" - говорили геологи, изучавшие немецкий язык.

Долго ли, коротко ли, с приключениями или без них, но проба добирается до конечного пункта. Здесь ее как дорогую гостью принимают в свои объятия добрымолодцы - дробильщики. Они превращают пробу в порошок, сокращают в четыре раза и отправляют на стиратель, где она доводится до состояния пудры. Тончайшая пыль подвергается спектральному; анализу на двадцать-тридцать элементов (помещается в угольный электрод и сжигается на спектрографе в дуге постоянного тока). Пробы на золото предварительно обогащаются с помощью царской водки. Аналитик Римма Крюканова расшифровывает спектрограмму, определяет содержание металлов. Спектральный анализ - быстрый, удобный, но дает содержание приблизительные, ориентировочные, поэтому называется полуколичественным. Для определения точных концентраций металлов в руде применяется химический анализ, которым занимается заведующая лабораторией Сима Морозова.

- Серафима Ивановна, как вы думаете, почему химиков называют лукавыми?

- Про себя могу сказать - я очень хитрая, все делаю сама, никому не доверяю, - смеется Сима.

Точный (количественный) анализ на золото и серебро производится в пробирной лаборатории. Занимается этим ветеран экспедиции старший техник-геолог Григорий Соколов. Проба, предварительно прошедшая спектрозолотометрический анализ и показавшая повышенные содержания благородных металлов, помещается в муфельную электрическую печь для выплавки верблея - сплава золота и серебра со свинцом. Затем металлы разделяются (процесс купелирования) и взвешиваются на лабораторных весах. Так определяются содержания золота и серебра - количество граммов на тонну руды.

Все лаборатории - и спектральная, и химическая, и пробирная - смотрятся архаично по сравнению с ядерным анализатором "Минерал-3" (оператор-геофизик Штейн). С точностью химанализа он в пять раз быстрее его определяет концентрации олова и вольфрама! Рентгенорадиометрический метод внедрен недавно, но за ним - будущее.

Так обстоят дела с анализом рудных проб. Но главная задача экспедиции в текущий момент - прирост запасов россыпного золота. К ее решению причастны работники

минералогической лаборатории - Ирина Свистоплясова и Роза Прилепилова. Они просматривают шлихи под биноклем, тщательно отбирают и взвешивают золото, касситерит, вольфрамит, шеелит, определяют содержания полезных минералов в граммах на кубический метр рыхлых отложений.

Геологи, получая сообщения из лаборатории, с жадностью набрасываются на них, сначала бегло, а потом внимательно просматривают колонки цифр, отмечают красным карандашом высокие (промышленные) содержания металлов. Где бы ни произошло открытие рудного или россыпного проявления, оно завершается в лаборатории ВЧГЭ.

Зимой 1975 года поиски золотых россыпей на Ванкаремской низменности продолжались. Героем геофольклера стал Адам Рубанобич (Григорий Гурбанович), бедная разнесчастная головушка, которую ежедневно долбил Пежар де Клювжо. Адам причитал:

Золото подводит каждый день, скоро стану я худой, как тень.

Стать кротом готов я, братцы, землю жрать, всю стараться,

Чтобы Тафик не шпынял меня.

Молодые специалистки, направляемые в ГРП, называли Рубановича своей подружкой Адой и посвящали ей свои полевые разведпесни.

В ВЧГЭ я прибыла и в разведку выбыла,

На прорыв закинули меня.

Но была я ушлая, сразу замуж вышла я,

Ах, Ада-Ада, как же ты была права.

Адамушка, каталась я на тракторе Эс-сто

С мастером бурения. Только, к сожалению,

Каталась я вдоль линии пустой.

Пробурили линию, длинную-предлинную,

По разрезу ил и трын-трава.

Знаки появились, мы развеселились,

Ах Ада-Ада, как же ты была права!

Адамушка, в разведочке мы весело живем. Родила я малую, доченьку удалую,

Ее мы Россыпушкою зовем,

В день геолога-75 лучше всех чувствовал себя Сергей Любомиров.

Мне теперь сплошная благодать,

Почему - не трудно угадать -

От хвостов освободился, словно заново родился!

Года три я буду отдыхать.

Окончательно выздоровел пострадавший от зловредного реппелента Геннадий Цукин.

Левым глазом все теперь видать.

Вам могу совет полезный дать -

Не берите в поле дэту, знаю я отраву эту,

С нею трудно планы выполнять.

Торжествовал Дмитрий Кадыков:

Скоро я закончу диссерт - это будет мудрости черта.

Вот тогда месторожденья все как есть без исключенья

Я открою сразу без труда.

Сомневался умница Осадчий:

Чтоб по вулканитам дать ответ надо мне не менее ста лет.

Разрешу ли я проблему иль закончу только тему

У меня, друзья, сомнений нет.

Сезон - 75

Верхне-Амгуэмокий геолого-съёмочный отряд в поле вылетел поздно, в середине июня. Базу геологи поставили на берегу озера Ирвинеягытгын по упрощенному варианту - без бани и пекарни (на их сооружение не хватало ни времени, ни стройматериалов). Полевика мылись в маленькой двухместной палатке вприсядку или на карачках, раздевались в жилом шатре и бегали в "баню" голяком, иногда под дождичком, что придавало процессу омовения своеобразный, экстремально-полевой оттенок. Хлеб, привезенный из Нырвакинота, полевика быстро умяли и стали печь ландорики. Это умел делать расторопно-опытный рабочий Санников. Никакой пользы от тундры геологи не имели, потому что охотничьего ружья не было. Однажды хмельной Юрка Благоволин гонялся за куропачом и палил в него из пистолета, повторяя давнюю ошибку Дениса. Куропач перелетал с места на место и хохотал, как дьявол. Вместе с ним ухохатывался и весь отряд, за этим же куропачом-нахалом охотился с топором и рабочий Валерка. Он подползал к птице по-пластунски, скрываясь в складках местности (между береговыми валами) и кидал топор, как томагавк. Куропач, издевательски хохоча, отлетал метров на двадцать, садился на землю и продолжал измываться над геологами, не давал им спать. О том, что в озере есть рыба, возвестила большая чайка поморник или "мартын", как его называли в простонародье. Он выхватил из воды хариуса, взлетел и бросил его на лед. Санников с воплем бросился за рыбой, сначала по воде, потом залез на плавающую льдину и, испугавшись, залег на ней, как весенняя нерпа.

- Держись, Коля! - заорал рабочий Иван Седых, разделся, бросился в ледяную воду, поймал резиновую лодку, которую оттолкнул студент, и погнал ее к льдине.

-Эй, погоди! - остановил Ивана Валерка. - Ты иди, грейся, а я поплыву.

- Не пойду! - отозвался Иван, подогнал лодку к берегу, Валерка свалился в нее, спасатели поплыли вдвоем, сняли Колю, достали рыбу. Слава Богу, все закончилось благополучно. Но начальнику отряда эти маневры ой как не понравились!

- Ребята, все сюда! - крикнул Денис командирским голосом и предложил собравшимся расписаться в журнале по технике безопасности.

- Вот так. Теперь можете смело тонуть, - и Денис удовлетворенно захлопнул тетрадь.

После этого случая рыбалкой решили заняться всерьез. Денис оборудовал поплавокми и грузилами новую двадцатипятиметровую сеть (подарок Жени Виноградова), ребята поставили ее в широкое разводье, из которого таскал хариусов мартын. Наутро глянули - ё-к-л-м-н! Разводья нет, льды сошлись, затерли сетку. Все, хана, отрыбачились, пропала сеть! Денис закручинился. "Как бы меня матюгал Женька, если бы увидел это", - подумал он.

Сидение на базе в ожидании вертолета для разброски лабазов затягивалось. Денис, заскучав по жене, написал ей письмо. "Оленька, ты мне начала сниться и представляться во всевозможных соблазнительных позах уже через неделю после вылета, когда я окончательно протрезвел и окреп. В мою буйную головушку полезли шаловливые мысли, мне вспомнились эротические стишки: "Знает каждый жеребец, что подвыпившие бабы неустойчивы и слабы, что и их смущает бес". Мораль сей басни такова - пей только с Манюней или Зоей Глухаревой и никаких мужиков, чтоб!

Ты, конечно, понимаешь, что я шучу. К тебе, моя прелесть, это утверждение не относится. Просто засиделись мы на базе, пора и в горы. А там, в маршрутах, вся дурь из головы вылетит, можешь не сомневаться. Л.ц. Твой щетинистый Дэн (до бороды еще далековато, в сентябре пощекочу).

Однажды, выйдя из палатки, Денис увидел удивительную картину - евражку гоняла маленькая птичка, нападала на него сверху, клевала в спину. Евражка спрятался под брезент, птичка улетела. Денис пытался понять - что бы это значило? Или птичка отгоняла евражку от гнезда, или наоборот - дергала из него шерстинки для гнезда, что более вероятно.

Прибежал из тундры один из молодых рабочих, глупый "чечако", и сообщил:

- А там лягушки из воды прыгают за комарами!

- Да ты что! - говорят ему, смеясь, - На Чукотке лягушек нету!

-Что же там тогда такое?

-Рыба, наверно.

- Да ну? Идемте ловить. Бреднем. Я покажу место.

Коля Санников возглавил бригаду рыбаков. Улов получился невероятный - около шестидесяти килограмм! Ребята довольны, улыбаются, глаза у них горят.

- Рыба там кишит! - кричит возбужденный Коля, вываливая трепещущую добычу из рюкзака. Денис посмотрел - преимущественно каталка, реже - чирь. Рыбу засолили и через трое суток повесили вялиться.

Первого июля ночью льды с озера выперло на галечный берег, получился ледяной надвиг метровой толщины. Льдом придавило бочку с керосином, пришлось ее подкапывать, вытаскивать и катить выше. По предложению Юрки Благоволина (он сказал - давай капику попробуем) Денис снял с веревки завяленного чира с капельками жира, вместе с Юркой съел центральную часть, а хвост пришил к голове, этого куцега уродца-головастика он снова повесил на веревку. Мимо проходил главный рыбак Санников. Он с удивлением взглянул на странную рыбу (вроде бы, не ловил такую!), прошел дальше, остановился, оглянулся - что за черт! Откуда она взялась, эта несуразная коротышка? Вернулся, внимательно посмотрел (нитки под чешуёй не видны) пожал плечами и ушел. Наблюдая за Колей из окна палатки, Денис и Юрка посмеивались.

А вертолета все нет. Терпение у Дениса лопнуло, и он решил идти в маршрут с базы на высокий, зубчато-скалистый хребет. На гребне водораздела, забравшись в игнимбритовые и риолитовые скалы с вертикальными стенками, он попал в отчаянное положение.

Один километр по горизонтали он преодолел за два часа! "Куда ж меня занесло?" - поражался он, У него даже возникла трусливая мыслишка - бросить все к черту, спуститься вниз и идти домой, пока живой. Но он все-таки преодолел трудный траверс и продолжил маршрут. Сам прошел, а радиометриста потерял. "Э-ге-гей! Валера! Где ты?" - орал он. Тишина. "Наверно, рабочий сорвался и разбился к едрени-фени." Спустившись в долину, Денис понял - надо снова подниматься на хребет, к тому месту, где видел Шибаева последний раз. Было двенадцать часов ночи. Денис очень устал и проголодался, ему хотелось спать, одна мысль о необходимости возвращения приводила его в ужас. И вдруг он увидел своего радиометриста ниже по склону. У него сразу отлегло на душе. Он окликнул Шибаева, подошел к нему. Он не стал его ругать за испорченный маршрут (без радиометрических наблюдений), главное - он живой.

-Ну, ты чего? - спросил геолог.

- Сорвался. Два раза. Скользил по снежнику метров сорок. Да по камням метров пять. Ушибся.

- А радиометр не разбил?

- Не знаю. Он был в рюкзаке.

- Вытаскивай, проверим.

Проверили - действует.

- Ладно, пошли. Впредь будешь умнее. Учись. От меня в маршруте более чем на пять метров не отставай. Если что, подавай звуковые сигналы, то бишь во всю глотку ори. Понял?

Четвертого июля, в первый по настоящему комариный день по радиации поступило указание Пухова: "Работайте с базы. Сидите на базе, может быть, будет вертолет". "Ага! Стой там, иди сюда - хорошее указание, - ухмыльнулся Денис.- Уйдешь в маршрут - прозеваешь вертолет. Уж лучше на базе сидеть и никуда не рыпаться. Правильное было решение, шестого июля прилетел Ми-4, разбросал лабазы и людей. День рождения сына - "монгола" Коли совпал у Дениса с маршрутом по ручью Бутуз. Возвратившись на стоянку, геолог нашел здесь нового студента-практиканта, рабочего Колю Санникова и булькающую посылку от жены. Когда прилетал вертолет, он не слышал. Хотел Денис

подождать ребят - Юру Благоволина и Боря Зеликсона, да не дождался. Седьмое июля подходило к концу, надо было спешить и Денис в одиночку, в своей двухместной палатке провозгласил три тоста: первый - за сына, второй - за маму, третий - за себя, производителя. Пришли из маршрута геологи Юра и Боря, с восторгом присоединились к начальнику. Через долину реки Куйвыкэйвеем, от вершины к вершине перекинулась яркая радуга-дуга - небесный салют в честь именинника. В четыре утра пошел дождь, к полудню сменившийся снегопадом.

А с вертолетами получилась хохма, если так можно назвать нерадивость экспедиционных начальников. Пухов не знал, что в Верхне-Амгуэмском отряде шестого июля был вертолет, выполнивший все работы, и дал заявку в аэропорт на седьмое июля. Эту заявку тоже выполнили, доставив в поле на вертолете МИ-8 двоих человек - дорогое удовольствие!

Через три недели после выезда в поле отряд начал работать на полную мощность. Однажды вечером после удачного маршрута, наевшись до отвала и блаженно развалясь на пушистом кукуле, Денис слушал радиоприемник. "Кто счастливее на свете, чем влюблённый или пьяный?" - задала спидола Гётэвский вопрос. "Чукотский геолог в физически легком маршруте при хорошей погоде", - уверенно ответил Денис.

Пройдя маршруты вдоль северной границы района, Доценко и Благоволин убедились, что их данные не увязываются с картой Виноградова, породы не те (у них - дацитовая толща, у него - андезиты экиത്യкинской свиты). Юрка заметил, что такие противоречия легко устраняются за бутылкой, как это уже не раз бывало (например, у Любомирова и Кадыкова).

При увязке листов не вязали лыка,

Пили десять раз по сто, пели "гоп со смыком!".

- Мне Женя друг, но истина дороже, - сказал Денис.

- Да ведь истина-то - в вине, - засмеялся Юрка.

- Ну что ж, придется и нам в камеральный период увязываться таким же способом, - сдался Денис.

Третий геолог - науканец Боря Зеликсон - такими литолого-стратиграфическими тонкостями не интересовался. Он был рядовым исполнителем, причем на Чукотке работал последний год, папа и мама давно уговаривали его бросить эту геологическую романтику и заняться серьезным прибыльным торговым делом в Москве. Боря сам откровенно признавался, что чукотское полевое существование ему надоело, ему хочется круглогодично жить в квартире со всеми удобствами и каждую ночь иметь женщину. А то, ведь, в Нырвакиноте с этим проблема. Судите сами - договорился он об интимной встрече с одной девочкой-чукчанкой, артисткой знаменитого чукотско-эскимосского ансамбля "Эргырон", проник в гостиницу и незаметно прошмыгнул в ее номер. Тайное randevu внезапно было прервано энергичным стуком в дверь.

- Худрук! Он меня выгонит из ансамбля, если увидит тебя здесь, - испуганно прошептала экзотическая красотка, быстро-быстро натягивая трусики, - Уходи через окно!

Боря, схватив штаны и башмаки, прыгнул со второго этажа на козырек навеса, оттуда грохнулся на тротуар и дал дёру. Кое-кто из жителей поселка его усек - ночь-то полярная, летняя, видно, как днем.

- Ну, Боря, и повезло же тебе! Артистку "Эргырона" чуть ни трахнул!

- Ага, чуть ни трахнул». А сам я знаешь как трахнулся об асфальт, когда прыгнул с навеса? Чуть яйца ни отбил!

- Зато будет что вспомнить и внукам рассказать, - утешил Юрка ловеласа.

В поле Боря отличился тем, что первым пошил себе трусы из красной (транспарантной) материи, в изобилии имеющейся на складе. Все студенты и рабочие, подражая геологу, сделали то же самое. Получилась команда в красных революционных трусах. В последней декаде июля случились по настоящему теплые летние дни. На одной из стоянок отряд разделся и улегся загорать на высокой сухой террасе. Денис, в одиночку

отправившийся в недалекий маршрут, наблюдал россыпь красных задниц, выделяющихся среди зеленой тундры как полярные маки.

При чудесной солнечной погоде с ветерком, отгоняющим комаров, Денис и Юрка провели параллельные маршруты по бортам долины реки Вульвывеем, совершая переход с четвертого лабаза на пятый. Все отрядное имущество сплавлялось по реке на резиновых лодках. Геологи, закончив маршруты, пришли на назначенное место в устье ручья Заячьего и возрадовались - какая красота! Высокие кусты ольховника и ивы, заросли красной смородины. Но...ручья нет, лабаза нет, сплавщиков нет - куда все подевалось? Фокус, да и только. Козни дьявола. Более часа бродили Денис и Юрка по кустам и полянам, нашли ручей и лабазную бочку с продуктами, а сплавщиков все нет. Куда они запропастились? С утра поплыли, а уже поздний вечер. Денис поднялся на высокую террасу, разжег сигнальный костер.

Флотилия причалила только в полночь, преодолев двенадцать километров вниз по течению за двенадцать часов. Люди мокрые, злые, матерятся, как матросы. Денис вытащил из лодки свой рюкзак и ахнул - все мокрое. Геологи начали обустриваться, перетаскали продукты из бочки к лодке (расстояние два километра), кое-как поставили палатки и легли. Борис приплелся из маршрута в половину пятого, взбулгачил всех. Спать не давали духота и комарьё. Тяжким получился финал переходного дня.

- Не все же должно быть гладко, - философски заметил Юрка, зевая и потягиваясь - Лана, надо все-таки капику поспать, - добавил он и, решительно повернувшись набок, замолк.

Как-то еще в начале июля пришел из маршрута Зеликсон и восторженно затараторил: "Какой там разрез, какой разрез, не менее километра! Надо еще раз сходить, описать его как следует". Юрка нехотя согласился идти вместе с Борей (подход - восемь километров). Возвратились оба усталые, изъеденные комарами. Юрка - кисло-соленый, недовольный, Боря смущенный, молчаливый. Оказалось, никакого разреза там нет. Так себе, небольшое обнажение, к тому же пронизанное дайками пластового типа. Обмишурился Боря и Юрку непреднамеренно надул. Юрка обиделся.

На пятой стоянке, в устье ручья Заячьего, пришел из маршрута Благоволин и восхищенно забормотал: "Там такая минерализация! Надо еще раз сходить, детализировать участок. Там и турмалин, самое, и хлорит и грейзенизация! Там даже канаву проходили предшественники". Детализировать участок, названный "Аполло", нехотя отправился Боря - поисковик (подход - семь километров). Возвратился Зелик усталый, унылый, негодующий.

- Все излазил - ничего нет!

- Как нет? Ты что, самое, говоришь? Откуда же я взял образцы? - возмутился Юрка.

- Значит ты всю минерализацию забрал, выколотил, ничего не оставил! - огрызнулся Зелик. - Тоже мне, месторождение нашел, хрен моржовый.

Юрка недоуменно развел руками.

- Вот теперь вы квиты, - резюмировал Денис, обращаясь к Юрке. - Боря тебе подsunул несуществующий разрез, а ты ему - призрачное рудопроявление. Квиты, никаких претензий и обид! Все трое расхохотались.

Денис Доценко как начальник отряда и подотчетное лицо любил точный расчет, который его однажды маленько подвел. На седьмой стоянке случился незапланированный дождь и день пропал. К концу намеченного срока лабазных работ основные продукты питания закончились, и люди по милости слишком расчетливого начальника жили впроголодь. Сам начальник отряда собирал грибы и жарил их на жалких остатках растительного масла, питался подножным кормом. На переход к следующему лабазу никакой еды не осталось. С утра пораньше голодные геологи, чувствуя необыкновенную легкость и желание бежать, ринулись к заветной бочке наперегонки, с рекордным временем совершили марш-бросок в пятнадцать километров, вскрыли бочку, наелись, разлеглись на кукулях и, поглаживая туго набитые животы, лениво перебрёхивались.

Какое сегодня число? - спросил Юрка.

Двадцать девятое, - сказал Денис.

А когда по плану мы должны быть на этой стоянке?

Двадцать девятого.

Опять точный расчет, - хмыкнул Юрка.

- А как ты думал? - захорохорился Денис. - План на то и составляется, чтобы его выполнять. Мы такие. У нас все по графику.

На девятой стоянке в долине реки Пытвытковаам Денис ночью проснулся от матюков. Голос Зедиксона:

- Иван, так твою мать! Ты чего крутишься? Чего прижимаешься? Отодвинься, спать не даешь, раздолбай!

Прошел тихий час.

- Опять ты на меня навалился, так твою мать! Как дам чайником по башке! Чего ты ко мне жмешься? Отодвинься, раздолбай!

- Пошел ты на хер! - буркнул Иван, отодвигаясь.

Утром выяснилось - сползал под уклон не Ивам, а сам Боря. Он накатывался, поджимал, теснил Ивана и его же материл. На следующую ночь Иван положил между собой и Зеликом огромную каменюку, не поленился, притащил.

- Вот теперь, Борис Емельянович (на самом деле Самуилович), - вот теперь мы толкаться не будем, ага?

Однажды утром дежурный Иван вышел из палатки первым и хрипло проорал: "Медведица с медвежатами!" Все обитателя палатки выбежали наружу. Звери гуляли метрах в пятидесяти, через речку. Один медвежонок совсем светлый, желтенький такой.

- Наверно, метис. Бурая мамаша от белого медведя его родила, - предположил Зелик.

- Маша, Машенька, - умильно-ласково приговаривал Иван. - Смотри-ка, спокойно идет, не боится.

Студенты принялись снимать редкий кадр кинокамерой и фотоаппаратом.

- А-а-а! - вдруг истошно, ни с того, ни с сего, дурным голосом, заорал Иван.

Медведица медленными скачками кинулась в гору, комочки – бурый и желтый - покатались за ней.

- Ну, зачем спугнул? - возмутился студент с фотоаппаратом.

- А если бы она на палатку пошла? - парировал Иван. - Чтоб тогда было?

Денис с интересом наблюдал за продвижением медведицы. Куда она направится - по его предстоящему маршруту или по Бориному? Она пошла посредине, ее встреча с геологами не состоялась, хотя вполне могла быть.

В начале августа, съев все лабазы и отработав первый круг, геологи Верхне-Амгуэмского отряда возвратились на базу, где надолго засели в ожидании вертолета. Готовясь ко второму кругу, Денис отбирал необходимую топооснову и придумывал названия пока еще безымянным ручьям. В одном месте на карте ему понравился рисунок гидросети.

- Смотри, Юра, какая интересная древовидно-ветвистая гидросеть. Бассейн ручья напоминает баобаб. Я так и назвал этот ручей – Баобаб. Правда, подходящее название?

- Лучше будет Бабу-бы, - не задумываясь, ответил Юрка.

Денис расхохотался.

- Я тоже не против бабы, но в данный момент это нереально, так что пусть уж остается Баобаб.

Еще перед вылетом на первую стоянку два Саньки поставили на озере вторую новенькую сеть. Произошло это пятого июля. Эту сеть, как и первую, перекрыло подвижное ледяное поле. А когда лед растаял, сетки на озере не оказалось - утонула. Ребята много раз пытались ее отыскать, бросая с лодки крюки на веревке, но тщетно. И вот, наконец, когда все уже смирились с потерей, утопленницу все-таки нашли, зацепили и вытащили на берег. Сделали это те же два Саньки пятнадцатого августа. Сетка

находилась на дне озера сорок дней и была переполнена рыбой, она держала двадцать полуразложившихся налимов и пять чиров. Один, самый крупный налим, заглотил чира вместе с сеткой, да так и подох с торчащим из его пасти чировым хвостом. Рыбу парни выбросили на озерный пляж, сеть распутали-расправили и снова поставили недалеко от берега. А на рыбью дохлятину слетелось множество галдящих, прожорливых, дерущихся чаек. Через день от рыб остались только чистые скелеты-хребты. Одновременно с находкой сетки произошло и другое приятное событие - исчезли комары, изводившие геологов полтора месяца (наиболее активно кровососы действовали двадцать июльских дней). А еще через десять дней начали собираться в стаи и тренироваться для дальнего перелета на юг серые гуси. Березки стали бордовыми, ивы золотисто-желтыми, тундра приобрела ярко-красочный осенний убор.

О том, как завершился полевой сезон-75 Верхне-Амгуэмского отряда, Денис Доценко, Вернувшись в Нырвакинот, написал в газете «Заполярный горняк» статью под названием «Такого еще не бывало».

«Я хочу вынести публичную неблагодарность тем, кто сидел летом в экспедиции и заправлял вертолетами, - писал негодующий полевик. - Мы имеем большие претензии к начальнику ЦГП Пухову. Можно подумать, что старый чукотский геолог забыл, что такое геологическая съемка и что такое Чукотка, если спокойно позволяет равнодушным, несведущим снабженцам передвигать полевые работы с августа на сентябрь. Это же Заполярье, черт возьми! Это риск, и очень большой риск, особенно в горах, где рано выпадает снег.

Теперь я коротко расскажу, как все было. На защите техзадания в начале июня Супин и Пухов (Борщёв и Сухов) уговаривали нас не затягивать сезон до октября, завершить его в начале сентября. Они доказывали нам, как это хорошо и целесообразно. В середине июня три богатыря - Супин, Пухов и Хряпко - дружно выпихивали нас в поле, хотя мы и сами стремились туда и надобности в начальственных пинках не испытывали. Выпихнули и, чрезвычайно довольные собой, успокоились.

21 июня мы дали РД-1 Пухову. «Лабазы готовы ждем остальных людей, вертолет». Через двенадцать дней отправлена РД-2. Супину. «О готовности лабазов сообщено 21 июня до сих пор вертолета нет, полевые работы задерживаются, прошу принять меры». Наконец, шестого июля, через двадцать дней после нашего выезда в поле прилетел вертолет МИ-4, разбросал лабазы и людей. Вслед за ним седьмого июля прилетел МИ-8, не зная о том, что лабазы уже разбросаны. Первый вертолет послал Хряпко, второй - Пухов (кабинеты - рядом). МИ-8 доставил в поле двух людей - завхоза и студента.

Месяц мы от руководства экспедиции и от вертолетов не зависели и работали спокойно. Четвертого августа я сообщил Пухову (РД-3): «Пятого августа требуется вертолет сбора лабазов аэровизуальных наблюдений». Стали ждать. Не дождалось, сбегали на запасной лабаз, отработали его, вернулись на базу, снова ждем. 13 августа не выдерживаем, даем РД-4: «Районе базы работы нет отряд простаивает вторично просим вертолет сбора лабазов аэровизуальных наблюдений». Ни ответа, ни привета. Наконец, 21 августа, утром, Пухов по рации рискнул пообещать вертолет и сделал это напрасно. Вертолет не появился. А погода в августе стояла чудесная.

25 августа даем РД-5: «Дальнейший простой отряда из-за отсутствия вертолета может привести к невыполнению плана и геологического задания». Думаем, может это подействует? Ничего подобного, не на тех напали. Правда, 28 августа Пухов второй раз за месяц рискнул пообещать вертолет, но опять сел в лужу и надолго замолчал. К этому времени терпение Чукотки лопнуло, началась непогода, небо затянуло тучами, пошел дождь.

Первого сентября РТВО (центр) сообщил, что к нам снова запланирован вертолет. Такое упорство планирующих органов нас восхитило, но обмануть не могло. Четвертого сентября Чукотка сделала первое серьезное предупреждение - выпал снег, третья часть

площади Верхне-Амгуэмского отряда осталась не заснятой. Создалось катастрофическое положение. Стало ясно, что сезон затянется до октября и что имеющихся продуктов не хватит.

Шестого сентября случилось чудо - прилетел вертолет, а в нем - начальник партии собственной персоной.

- Здравствуйте, курортнички! Хватит вам лежать, наращивать жир, пора и за работу браться, - пошутил Пухов.

Вместе с нами он негодовал и возмущался по поводу потери чудесного летнего месяца. А командир вертолета Шляпкин пожаловался, что в начале августа он просил в экспедиции работу, а ему ответили, что работы нет и в ближайшее время не будет. Пришлось ему, бедному, лететь на Шмидт. Нам было искренне жаль обманутого пилота, а вместе с ним и себя.

- А ведь вы бы могли бы уже ликвидироваться бы, - мечтательно произнес Пухов, провожая нас на первую стоянку второго круга. - Как было бы хорошо бы. Вы бы уже спокойно принялись бы за составление отчета бы.

Но деваться некуда, площадь закрывать надо, план, как любят выражаться руководящие товарищи, должен быть, безусловно, выполнен. И батюшка Пухов благословил нас на снежно-высокогорную съемку, на рискованный альпинизм, хотя прекрасно знал о только что полученной радиограмме начальника экспедиции, категорически запрещающей движение по снежникам.

Первые сентябрьские маршруты мы проводили, вступив в сделку и с геологической совестью (горы на восемьдесят процентов были покрыты снегом, что наблюдать?) и техникой безопасности (ходить приходилось по скользким заснеженным склонам, по глыбам, присыпанным снегом, по гребням со снежными надувами, причем ходить в резиновых сапогах, непригодных для таких «прогулок»). Правда, снежок, несмотря на ночные морозы, мало-помалу таял и, к концу бабьего лета, длившегося восемь дней, горы стали более-менее доступны для ходьбы и наблюдений.

Тринадцатого сентября снова пошел снег, и мы залегли. Вторичный снегопад плотно залепил горы, лишь отдельные самые любопытные камни все еще проглядывали на свет божий, великодушно подставляя свои лбы под удары молотков. Какие уж тут взаимоотношения геологических образований? Какие контакты? Какие полезные ископаемые? Лишь бы маршрут, лишь бы план. Не бросать же одну «несжатую полоску», не возвращаться же из-за нее на следующий год! И мы закрыли этап, уже по пояс в снегу возвратились на базу, исчерпав весь запас ругательных слов.

Каковы же геологические результаты второго круга? Площадь, как на зло, оказалась наисложнейшей, многое осталось неясным. Зима накрыла белым саваном неразгаданные тайны, а нам оставалось только снова и снова вспоминать недобрым словом тех, кто организовал такой сезон».

Никаких последствий статья не имела. Разве что Пухов как-то по пьянке пристал к Денису: «Ты зачем написал, что я сел в лужу?» Эта фраза его поразила и обидела, он надолго ее запомнил. «Надо же, в лужу сел!» - возмущался начальник ЦГП.

Возвратившись о полевых работ, геологи Верхне-Амгуэмского отряда с удивлением узнали, что на их территории в августе, пока они сидели на базе, тайно работал агент Ратникова Иван Житов (Хабаровск, ДВИМС). Он должен был подтвердить выделенную на востоке Чукотского полуострова новую кремнисто-вулканогенно-терригенную формацию. На левобережье реки Пытвыткаваам Житов эту формацию успешно выделил и, разумеется, нашел связанную о ней скарново-грейзеновую зону, перспективную на олово и вольфрам.

Доценко и Благоволин были буквально ошарашены - ведь это та самая площадь, которую они исходили по снегу в сентябре! И ничего подобного не видели! Ай-я-яй! Неужели месторождение пропустили? Они попросили Житова выслать им результаты анализов штучных проб и показать на карте, где он обнаружил рудную минерализацию.

Житов засмутился. Оказалось, что никаких проб он не отбирал и все его выводы чисто теоретические, сделанные для статьи в научном журнале. Называлась она так: «Скарны в мезозойском эвгеосинклинальном комплексе Чукотского полуострова». Авторы: Ратников, Ратникова, Житов, Кадыков - все доморощенные нырвакинотские ученые, «сгэпавшиеся до кучи» под крышей ДВИМСа, хабаровская диаспора. Чукотским геологам-практикам авторы статьи рекомендовали при картировании вулканитов новую формацию выделять. «Ну что ж, это можно», - снисходительно соглашались Юрка и Денис.

Героем сезона-75 неожиданно, благодаря своему тупоумию и медлительности стал Боря Кутенков, старший геолог Канчаланского отряда, до предела затянувший маршрутное исхаживание района. Именно он поставил последнюю точку наблюдения, завершившую геологическую съемку масштаба 1:200 000 на территории деятельности ВЧГЭ. Именно для него исполнял песню по заявкам чукотско-эскимосский ансамбль «Эргырон».

В болоте сидел Боря-бородач,
 В снегу и воде не видал удач.
 Ни песка, ни гальки нет, белый-белый снег.
 Зверобою и вина уйна, уй-на-на.
 Кутенков-герой под большой горой.
 Пять метров она и везде видна.
 Изогнулся Канчалан в петлю и в дугу,
 Сделан, сделан, сделан план на его лугу.
 Двухсотку добил Боря Кутенков,
 Чукотку закрыл он и был таков.
 Перспективы все ясны, все теперь ясны,
 А маршруты - будто сны, все прошли, как сны.
 Кутёнкову был вручен победный приз - Большой Лысый Сапог с надписью:
 Я был повсюду, был везде, топтал я камни и болота
 И вот венец - я, наконец, объят почетом и заботой.
 Я для геолога-кумир, Награда, радость, сувенир.
 Возьми меня, но не суди, что уж кончается двухсотка.
 Еще маршруты впереди - начнется скоро пятисотка.
 Своею прочностью горжусь, тебе, геолог, пригожусь.

Сапог сорок шестого размера с совершенно стертой, лысой подошвой был подвешен на стенку в рабочем кабинете Кутёнкова (в дальнейшем он был передан в геологический музей).

В иных ландшафтных условиях и без всякой награды завершил сезон-75 Юра Благоволин.

Последний маршрут Юра молодой
 По пояс в снегу, по горе крутой
 Шел, как снежный человек с думою о ней –
 Вульве-веем! Ирвыней! Ирвыр-выр-вы-ней.
 По пояс в снегу камни он искал,
 Торчали в горах лишь макушки скал.
 Тихо, мирно и бело - тундру замело,
 Вульву-веем, Ирвыней, йрвыр-выр-вы-ней.

В декабре в Восточно-Чукотской экспедиции проводилась межрайонная геологическая конференция по теме: «Состояние и перспективы развития минерально-сырьевой базы Восточной Чукотки». Главное внимание было уделено проблеме золотоносности Ванкаремской низменности. Выступления специалистов-россыпщиков в

сатирическом преломлении местных переселенцев-юмористов Доценко и Виноградова звучали примерно так (сочиняя памфлеты, друзья ухахатывались до слез).

Тафик сказал: «Проведя колоссальный объем буровых работ на огромной площади, мы на стометровой глубине выявили струю золотоносных песков шириной двадцать сантиметров и проследили ее до конца. Эти особенности отсутствия россыпей, к сожалению, заставляют нас думать. Очень похоже, что россыпей на Ванкаремской низменности было не очень много. Зато, товарищи, у нас из одной наиболее глубокой скважины пошел вонючий газ. Может быть, он пригодится?»

Махонин, главный инженер СВГУ, заменивший ушедшего на пенсию Горбана, радостно сообщил: «Недавно Северо-Восточное геологическое управление торжественно отметило миллионный метр скважин, пробуренных ударно-канатным способом! Не скрою, что в этом метре огромнейшая заслуга и вашего орденазначетного коллектива. Продолжайте бурить в том же темпе, бурить и бурить, бурить уверенно, с подъемом. Лет через тридцать-сорок мы дадим вам новую технику, которая позволит искать россыпи золота на глубинах до двух тысяч метров! Но и ударно-канатное бурение очень эффективно, оно укрепило финансовое состояние нашего с вами Управления. В конце концов, скажу откровенно, товарищи - хрен с ним, с этим золотом, давайте погонные метры бурения, а запасы драгметалла мы сделаем в других экспедициях, где глубины поменьше и россыпи богаче».

Гольденбек (главный золотовед СВГУ) пробубнил: «Ваша экспедиция поработала не совсем плохо. По нашей рекомендации база Буровой ГРП была решительно переброшена к самой богатой скважине, которая оказалась пустой. Теперь надо стремиться к тому, чтобы получить новую скважину с таким же высоким содержанием золота и еще раз без малейших размышлений перебросить базу. К этой же скважине следует перебросить и всю экспедицию со всеми ее потрохами и Почетным знаком. Только таким путем мы сможем догнать буровиков и оперативно подсчитать неразведанные запасы россыпного золота».

Кандидат геолого-минералогических наук Дмитрий Кадыков, приехавший из хабаровского ДВИМСа, рыдающим голосом произнес: «Я приехал вовсе не на вашу конференцию, а в аккурат домой, к жене и дочке. Но кое-что могу сказать. Тема конференции не подходит к моему докладу. Тема моего доклада не подходит к моей теме. Нынче я занимаюсь меднопорфировым оруденением. А мне Ратников всучил доклад по скарнам эвгеосинклинального комплекса. Мне до лампочки ваше призрачное золото, наплевать мне на несуществующие скарны, я приехал к своей семье. У меня все. Я уложился в аккурат в регламент. Бегу домой, а то дочка Лена ругаться будет. Благодарю за внимание».

Заключительное слово произнес доктор ГМН Бабушкин (Бабкин): «В своем выступлении я хочу отметить, что все предыдущие ораторы дали глубокий анализ и синтез, вскрыли и внесли ясность. Но те, кто не выступал, дали еще более глубокий анализ и синтез, они еще более вскрыли и совсем прояснили. Их веселые картинки, развешанные по стенам конференцзала, открыли нам глаза. Что же вы, товарищи, скрывали до сих пор Эргувеем и Ленотап? Это нечестно. Нам было невдомек, что вы на золоте сидите, золото едите и золота не видите. Вы просите деньги, а под что? Так не просят. Надо ходить, приставать, убеждать, пробивать, кланяться, канючить, требовать, настаивать, как это делает Гольденблат, главный геолог западно-Чукотской экспедиции. Учитесь у него! Подайте товар лицом, назовите его красную цену. И тогда да мы вам, может быть, что-нибудь подкинем. Иди вовсе ничего не дадим. А конференция мне нравится, организована хорошо. Участники проявляют неслыханный энтузиазм, глубокую заинтересованность, здоровый аппетит и деловой подход ко всем видам полезных покупаемых, которые мы видим здесь.»

Перед праздниками и по понедельникам некоторые геологи иногда выпивали прямо на рабочем месте, что почему-то возмущало председателя профсоюзного комитета

(предразведкома) Золотонога. Однажды он заподозрил даже серьезного разумно пьющего геолога Саню Крюканова, у которого от рождения уши имели ярко-красный цвет. На мотив «Червоной руты» Денис сочинил «песенку Золотонога».

Расскажу я тоби, як працюють робята,
 Як вони кажный дэнь потребляють трекляту,
 Як по хатам хожу, пьяных хлопцив шукаю.
 Чтобы их угадать, уси признаки знаю.
 Червоны уши за километр бачу,
 Запах хмэля я чую и тоди кричу –
 Червоны уши, нэ гуляй на работи,
 Нэ шукай в микроскопи огурцы!
 Расскажу я тоби, як поймав я сусида –
 Вин на мэнэ дыхнув, а я чуть ни упав.
 Чи було - ни було, подывився на уши –
 А вони аж горять! И ему я казав:
 Червоны уши, нэ гуляй на работи,
 Нэ шукай в микроскопы огурцы!

Пьющие геологи уважали непьющих женщин и выражали это чувство раз в году, восьмого марта. На МЖД-76 экспедиционные дамы читали такой плакат-признание (слова Доценко, кисть Уралова):

О, Женщины!
 Без вас мы, как без ручки молоток,
 Как микроскоп без линзы чистой.
 Вы в жаркий полдень, как воды глоток,
 Морозной ночью, как кукуль пушистый!

Так прошла камералка. Денис и Юра Благоволин сделали составительский экземпляр Государственной геологической карты масштаба 1:200 000, написали объяснительную записку к ней. Карта была проверена Тафиком, вычерчена в оформительской и отправлена на редактирование в СВГУ.

В мае Денис и Оля Доценко написали заявления на отпуск и, согласно графику, утвержденному еще в январе, получили «добро».

О Т П У С К - 7 6

Летние удовольствия Дениса на Волге (в Энгельсе и Саратове) включали щекочущий ноздри тополиный пух, киевский балет на льду (пляски казаков-запорожцев), плавание по реке на моторной лодке, яблочное вино, пиво, окрошку и загар у бабкиного сарая. На все это ушла неделя. Затем, оставив Олю и Колю у дедки с бабкой, Денис со старшим сыном улетел в Адлер. («Сочи приветствует некурящих», - бросился в глаза плакат), оттуда приехал в Лоо, где сдал Васю (Максима) в пионерлагерь. Вернувшись в Адлер, Денис нашел койко-место в частной квартире у армян (привел его туда старик-абхазец), сходил в самшитовую рощу и отправил телеграмму Юрке Благоволину (Тихомиров Юрий Борисович?); «Не дрожи на Неве от холода, не ищи у Петра услады. Нам, чукотским, пока мы молоды, в Адлере спастись надо».

Ласковое Черное море приняло белое тело северянина в свои соленые объятия. Начался благословенный пляжно - курортный сезон. Через пять суток Денис, имевший путевку в Адлерский пансионат, корпус № 14 – «Дельфин», переселился туда. Его «сокамерником» оказался земляк-ставропольчанин, директор сельской школы, толстый солидный дядька, воспитатель детворы, пример для подражания. Впрочем, все эти положительные эпитеты остались там, за Кавказскими хребтами. Здесь же, на черноморском побережье, заслуженный педагог превратился в обычного здорового мужика, мечтающего только о том, как бы «трошечки попердолить» (свое желание

директор школы выражал почему-то по-польски). Денис был вполне солидарен с ним. Дело обычное, житейское - на курорте все одинокие мужики - холостяки, а женщины соответственно или незамужние, или вдовы. Стало быть, никаких препятствий для всеобщего флирта нет, никто никому не изменяет.

Приключения у Дениса начались уже на третий день пансионатского жития. Получил он на почте перевод от жены (триста рублей), случайно познакомился с двумя другими, по их словам, северянами из Мурманска (которые видели, как он деньги получил), те предложили выпить за знакомство. Сухое вино взяли они. Расположившись в уединенной лесной беседке, парни выпили. Один из мурманчан предложил перекинуться в картишки, сыграть на деньги, но так, по мелочевке, для интереса. А тот, кто выигрывает, дескать, сбегает и купит на эти деньги вина. Отличная идея! Денис согласился, быстро продул пятьдесят рублей, понял, что это не мелочевка, что его, пожалуй, «обувают», надувают, как лоха, возмутился и игру прекратил. «Ну ладно, хватит, я схожу за вином, а вы здесь подождите», - сказал выигравший мурманчанин и скрылся. Прошел час - гонца нет. «Вот гад, - произнес второй якобы мурманчанин, - пойду его искать». И убежал. Денис окончательно убедился, что его «приятели» познакомились с ним не случайно, что они - профессиональные шулера. Все разыграли, как по нотам.

Покинув злополучную беседку, глупый чукча с убитым видом вернулся в пансионат. Он был настолько огорчен, что даже отказался от поездки в Новочеркасск на встречу с выпускниками НПИ 1961 года (пятнадцатилетний юбилей). Авиабилет до Ростова у него пропал.

Следующее событие окончательно повергло Дениса в уныние. В кафе он познакомился с одним хорошим парнем, инженером из Воронежа. Выпили они крепко, парень и говорит: «Я, конечно, женатый, но езжу сюда каждый год один, на одну и ту же квартиру, где встречаюсь со своей любовницей. Она приезжает из Архангельска. Мы проводим вместе две недели и, насладившись друг другом, разъезжаемся по домам до следующего года. Так было несколько лет подряд, я был для нее достойным партнером, она оставалась довольна. А вот сейчас у меня ничего не получается, я каждый день пьяный, хрен у меня не стоит, никакого толку от меня нету. Может, сегодня получится? Пойдем со мной, у нее подруга есть, приятная женщина. Твоя будет».

Недалеко от одноэтажного дома, в котором жили подруги, Денис поскользнулся на мокрой глине, упал, ударился об землю виском, набил здоровенную шишку, рассек кожу, залился кровью и полностью потерял товарный вид. Женщины его обмыли, перевязали и уложили на кушетку. Инженер из Воронежа, завалившись на свою кровать, сходу заснул, возмущенные дамы ушли на танцы. Денис лежал и думал: «И чего я тут лежу? Что я тут, вообще, делаю в этом сарайчике, среди незнакомых людей? Надо идти домой, в свой пансионат, на свою постель». Он встал, оделся и пошел, покачиваясь, с трудом находя дорогу, прикрыв рукой ссадину-шишку и левый заплывший глаз. Он чудом нашел среди однообразных высотных зданий свой корпус и свою комнату, ввалился в нее и упал на кровать. Увидав разукрашенную физиономию товарища, директор школы пришел в ужас. «Ни хрена себе!» - воскликнул он.

Наутро, сокрушаясь по поводу случившегося, Денис решил с пьянкой завязать, образ жизни менять, с дураками-мужиками, такими же, как и он, пьянчужками, больше не связываться, а познакомиться с какой-нибудь симпатичной женщиной и с нею время проводить. Да, но кто его теперь полюбит, с таким шишко-синяком? Оказалось, битая морда флирту не помеха. Поврежденного чукотского геолога пожалела соседка, молодая и красивая киевлянка. «Спаси меня, Тамара, пропадаю! Будь моим ангелом - хранителем, моей доброй феей», - возопил Денис, падая на колени. Смеясь, она согласилась.

Дениса приводила в восторг отличительная особенность ее фигуры - при тонкой талии, плоском животе и узких бедрах - большая, красивая, невероятно упругая грудь, настоящее произведение искусства. Чукотский естествоиспытатель впервые в своей практике наблюдал и ощущал такое чудо природы. Его отдых у моря стал приятным и

романтичным. Совместное времяпровождение с Тамарой было вполне безгрешным. Оно включало пляж, загорание, купание в море, турпоходы в горы, игру в бадминтон, вечерние прогулки со сверчками, цикадами, лягушками и светлячками, объятия, поцелуи, танцы и даже стихи. Воспитывая Дениса, Тамара читала Блока: «И пьяницы с глазами кроликов «ин вино вэритас» кричат». Дальше объятий и поцелуев (а это любят и позволяют все женщины) у этой чудной пары дело не шло. Миниатюрная, но физически очень сильная девушка (вероятно спортсменка, думал Денис) решительно пресекала попытки поклонника овладеть ею. Денис, восхищаясь сопляжницей, в день ее рождения написал такие стихи:

Нежна, мила, прелестна, изящна, как японка.
Но с волею железной - не рвешься, где и тонко.
Желанной и доступной вначале показалась,
Скалою неприступной на деле оказалась.
У Черного моря, не ведая горя,
Купайся, люби, загорай.
Всегда будь во власти желанья и страсти,
Но воли парням не давай.

Денису очень не хотелось, чтобы после него какой-нибудь везучий хмырь добрался до конечной цели и кремень-девицу сломал. Расстались молодые люди по-доброму, без сожалений, упреков и обид, с прощальным дружеским поцелуем.

Оля Доценко, приехавшая в Лоо, окончательно успокоила перевозбужденного, истосковавшегося по максимальной женской ласке муженька, привела его в удовлетворенно-благостное состояние. Вместе счастливые супруги совершили незабываемую экскурсию в Сочи и на гору Ахун со смотровой башней и буфетом, насладились песнями и плясками донских казаков (выступал самодеятельный коллектив из Азова).

Проведя на Черноморском побережье Кавказа полтора месяца, просолившись, как балык и загорев, как бронза, Денис превратился в настоящего арапа. В таком виде он вместе с семьей прибыл на Кавминводы, навестил матушку - Аксютку и константиновскую родню, поднялся на гору Машук. Погостив на родине десять дней, он поездом вернулся в исходную точку всех отпускных странствий - захолустный городишко Энгельс.

Тут и случилась беда. Оля, обнаружив в записной книжке мужа намек на измену (стихи, посвященные Тамаре), устроила ему полную обструкцию, надулась, в приступе горькой, мстительной обиды сделала аборт, полмесяца не разговаривала и к себе, само собой, не допускала. В конце концов, она, конечно, отошла, оттаяла, в Тольятти на «Метеоре» супруги помчались вместе. Волга помирила их. Плавание на этом судне Денису не понравилось - сидишь, как в пенале с окошками, палубы нет, а из окна много ли увидишь?

В Тольятти Денис и Оля Доценко сходили со своими родичами Куксенко на пляж Автозаводского района, позагорали денек. Затем они отыскивали контору жилищно-строительного кооператива, в котором по заявлению 1974 года они поставлены на очередь, и контору КТИСИ, где узнали насчет работы.

В конце августа Денис и Оля жили в Ногинске у Ганюзиных, ходили в лес, собирали редкие грибы, которые вечерами жарили и поедали под сухое вино. Это было чудесное, свободное и беззаботное время.

Первого сентября Доценки вылетели во Фрунзе, к Чобрам, и неделю гостили у них, в изобилии потребляя Лерочкину домашнюю сливянку, всевозможные овощи и фрукты. Попытались они как-то сходить и в ресторан, но бедность его северян поразила - из спиртных напитков (сухих вин) было только «Каберне», которого и в Нырвакиноте - залейся. Приехали к Чобрам и супруги Клевые, во дворе стало еще веселей.

Свою жену Люсю - маленькую худенькую брюнетку - Виталий вроде бы уважал как мать своего ребенка, но как женщину не любил, частенько от нее уезжал, прятался, бегал налево. Люся называла его "мой кобель - Клевый". Любила она баламута Виталика крепко, все ему прощала и очень радовалась, когда он возвращался домой.

- Оп-ля! - воскликнула в день приезда голенькая (в бикини) безгрудая худышка Люся, легкой пташкой прыгнув на землю с крыльца. - Такая погода! Можно и позагорать!

Дородные, смясто-полнотелые Оля Доценко и Валерия Чобра. на которых откровенно-плотоядно поглядывал кобель-Клевый, раздеваться не стали. Они возились на летней кухне, готовили плов, манты, бешбармак и прочие азиатские яства. Денис, как шах и мат одновременно, возлежал в саду на специальном сооружении под навесом - балхане, воздвигнутом Ванькой Глухаревым в прошлом году. Он кушал дыню и виноград и забавлялся с маленькой хорошенькой девочкой - дочкой Валерии и Кузьмы. Чукчи нашли для отдыха в Киргизии славный уголок (далековато, правда, на отшибе, но раз в три года заехать можно).

Возвратясь в Ногинск, Денис и Оля продолжили лесные прогулки с поисками грибов. Они гуляли вдоль чудесной речки, возлежали на скирде, вдыхая сена аромат и слушая пенье птиц. Однажды, заехав далеко и не попав на обратный автобус, они возвращались по пустынной лесной дороге поздно вечером и несколько часов подряд пели бодрые маршевые песни. Подошвы ног, отмахавших километров пятнадцать, горели. Ногинский период завершился баней с хорошим паром. Теперь предстояла туристическая поездка в ГДР.

За время отпуска у Дениса отросла мощная современно-модная грива, которая не нравилась Оле, закоренелой офицерской дочке, уважавшей только короткую, армейскую стрижку. «За границу в таком виде не поедешь!» - твердо заявила она. «Да там такие же лохматики,» - парировал Денис. «Молодежь - может быть, а ты подстрижешься! Пойдем!» И она повела за руку упирающегося мужа в гарнизонную парикмахерскую. Там Дениса превратили в бравого майора. Оля была в восторге, Денис - в унынии. Но недолго. Теплый ветерок, нежно лаская голые уши, щекотал - успокаивал, и Денис смирился - выше голову, майор! Тем более, что костюм на нем отличный, финский, лавсановый (из «Березки»), туфли тоже заграничные, на платформе - стыдиться нечего.

Туристический маршрут по Восточной Германии продолжался с 15 по 27 сентября. Вот его опорные участки и точки наблюдения: аэропорт «Шёнефельд» - Франкфурт-на-Одере - Люббен - Дрезден (Цвингер, «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Венера» Джорджоне) - Карл-Маркс-Штадт - Эрфурт - Айзенах (средневековый город-музей) - Гота (банкет на фабрике) - Вартбург (замок XI века) - Ийена - Веймар - Бухенвальд - Лейпциг - Берлин.

Немецкий орднунг (порядок) северянам понравился. Возвратясь на родину, они увидели разительный контраст. В Берлине сухо, чисто и тепло (+ 20 градусов С), в Москве - сыро, грязно, холодно (+ 4 градуса С). В аэропорту - столпотворение, бардак. У гостиницы «Алтай», куда доставили туристов - разрытая земля, горы мокрой глины, ямы с грязью, мусор и пьяные, небритые мужики. Денис с ужасом спустился с автобуса в вязкую грязь и воскликнул: "Здравствуй, матушка-Россия, узнаю тебя!"

Приобретя авиабилеты в Анадырь, переполненные впечатлениями отпускники возвратились в Энгельс, обняли сыновей. В середине октября вся семья Доценко была дома, на Чукотке. Северная эпопея продолжалась.

Итоги геологического года.

Пока Денис Доценко нежился у Черного моря и мотался по заграницам, товарищи-геологи, не имеющие отпуска, вкалывали в поле. Покинувшего Чукотку супергипертоника Черных заменил пока еще здоровый Крюканов (Куканов). Он возглавил новый -

Тэркэнэйский отряд групповой геологической съемки (М: 1:50 000). Результаты первого года работ были плачевные.

Групповая, групповая и куда ж попала ты?

Нет ни рыбы, ни металла, пробы начисто пусты.

Загрустил Крюканов Саня - Телекая не видать.

Это что за наказание - ничего не взять, не дать.

В Отряде не хватало маршрутных рабочих-радиометристов, геологам приходилось, грубо нарушая технику безопасности, ходить по одному, да еще таскать мешающий геологическим наблюдениям радиометр.

Крюканов шутил:

Удовольствие вкушаю я в маршруте каждый день,

Я ТБ не нарушаю, я иду - со мною тень.

В пределах Ленотапской золотоносной зоны успешно работал Свободный поисково-разведочный отряд Романа Дубова (Евгений Фёдорович Дюба).

Дубов золото копает, дышит пылью золотой.

Мурунтау он мечтает сотворить из сопки той.

Дубов в золото зарылся по макушку, не видать –

Значит, скоро комбинату кое-что он сможет дать.

Раскручивали эпитермальное золото на востоке Чукотки опытные поисковики Федор Свистоплясов и Володя Клинов.

Сыщик Клинов не пропустит ни микрона золота.

Оком видит, нюхом чует без лотка и молота,

На Водораздельном месторождении олова медленно и трудно, с чрезвычайными происшествиями (пропал рабочий) и острой нехваткой взрывчатых веществ разворачивался начальник поисково-разведочного отряда Генрих Козин (Герман Павлович Козлов). Преодолевать препятствия ему помогал старший геолог Алексей Воронов. На вечере полевиков про Козина пели:

Полсезона строил базу, месяц – грузы он таскал

И, в маршрут сходяв три раза, месяц жмурика искал.

С аммонитом не везло, призадумался Козлов,

Предложил однажды: «Лёха, замени ВВ горохом»

Удача постигла двух радикулитчиков Лазурного отряда.

Любомиров и Виденко в поле поднатужились,

Как-то, став на четвереньки, жилку обнаружили.

Но в конце сезона и они пострадали из-за отсутствия вертолета.

Их лабазы на Лазурном зимовать останутся.

Неизвестно никому - кому они достанутся.

На золоторудном месторождении Туманном работали супруги Веники.

Хорошо сработал Веник со своей Тамарою.

И грузили, и возили, и искали парюю.

Получил анализ Веник, удивляется народ –

Это ж Майское второе пропустил он прошлый год.

Удивительная история произошла с Порожистым отрядом. Его начальник Слава Майоров настолько отстал в написании прошлогоднего отчета, что вынужден был взять отпуск и вместо того, чтобы лететь на Черное море, остался у залива Креста на своем рабочем месте, чтобы дописывать отчет за свой счет. И.о. начальника отряда был назначен Станислав Заноза. В местной печати появилась «Сказка про один из полевых отрядов».

Жил да был Помордистый отряд. И было в нем два начальника. И оба Станиславы Петровичи. И был один из них вроде бы ИО, а второй, как будто, в отпуске, и оба сидели в одном кабинете, напротив друг друга, и оба не знали, кто же из них, в самом деле, начальник этого Помордистого отряда. Заходит к ним, бывало, кто-нибудь из планового

отдела, или какого другого места, и говорит: «Станислав Петрович, дайте, пожалуйста, такую-то и такую-то справку по вашему Помордистому отряду». А Станиславы Петровичи оба молчат, потому что не знают, к кому обращен вопрос, кто из них начальник этого самого Помордистого отряда и, стало быть, кому слово молвить и кому справку давать, потому что один из них вроде бы ИО, а другой, как будто, в отпуске.

И вот предстали они перед техсоветом. А народ там, как известно, дотошный, прижимистый, лихой. И признались оба Станиславы Петровичи, что один из них, а именно СП-1, вроде бы ИО и кое за что отвечает, а другой, то есть СП-2, как будто, в отпуске, знать ничего не знает, ведать ничего не ведает, а сидит себе спокойно в уголке, возле туалета, тужится, пыжится, кряхтит, выдает небольшими порциями главы прошлогоднего отчета.

Тогда спросил строгий техсовет, почему в Помордистом отряде не выполнены такие-то и такие-то объемы и не представлены такие-то и такие-то журналы? СП-1, который вроде бы ИО, отвечал, что кое-какие объемы не выполнены потому, что СП-2 рано ушел как будто в отпуск, а он, СП-1, вроде бы стал начальником вместо него. А так как СП-2 на самом деле в отпуск не пошел, а сидит рядом с ним в одном кабинете, то и весь спрос - с него. Что же касается кое-каких журналов, то они остались в поле, на вертолетной площадке, потому что было много груза и журналы не поместились в вертолет.

А карты у вас какие-нибудь есть? - поинтересовался техсовет.

Какие карты? - удивились Станиславы Петровичи. - Мы в карты не играли.

- А во что же вы играли? - спросил техсовет.

Станиславы Петровичи призадумались. Поповздыхал техсовет, попоерошил седые кудри, попотер вспотевшие лысины и принял полевые материалы Помордистого отряда с оценкой «три», потому что меньше ставить нельзя - затраты сделаны.

В частушках эта история была отражена кратко.

Всем четверки, всем четверки, лишь Занозе троечка.

За канавушки ему была головомячка.

Жены геологов как всегда с нетерпением ждали их возвращения.

Полевик-полевик, сапоги-портяночки!

В кукуле ты спать привык да чай хлебать из баночки.

За грибами я ходила, а вернулась и грущу.

Приезжай скорее, милый, разносолом угощу.

Геологи давно заметили, что если отряд сделал открытие, нашел рудопроявление - тройка за полевые материалы, а, следовательно, и лишение премии, ему обеспечены, потому что техсовет резко повышает требования и начинает драть за недостаточную изученность объекта. И второе противоречие - если сезон закончен быстро, отряд вовремя ликвидировался и вылетел в поселок, его ждет наказание в виде командировки в морпорт для разгрузки теплоходов. Полевик негодует:

Позабыв труды и беды, жить культурно я мечтал.

Возвратясь домой с победой, на картошку в трюм попал!

И третья неприятность ждет в поселке полевикув - маленькие, тесные рабочие кабинеты.

Это что за камералка - теснота и духота.

Мы сидим, как сельди в бочке, не работа - смехота!

Геологи действительно смеялись много, причин для этого хватало в избытке. Например, такая ситуация. Руководящий товарищ разговаривает по рации с начальником отряда.

Сообщите объемы выполненных работ.

Но у нас нет аммонита и нет проходчиков.

- Меня не интересует ваш аммонит и ваши рабочие, сообщите, сколько кубических метров канав вы прошли?

- Ноль кубических метров, ноль - ноль-ноль!

- Но ведь это очень мало, практически ничего, вы это понимаете? А ведь план должен быть выполнен, безусловно!

- А когда будут рабочие?

- Зачем они вам нужны? Не забывайте - чем меньше рабочих, тем меньше несчастных случаев.

- Но ведь совсем без рабочих и без аммонита мы едва ли выполним весь объем канавных работ.

- Рабочих и аммонита нет, проходите канавы пока так. Желаю успехов, связи конец.

Через месяц:

- Приготовьтесь к немедленной ликвидации.

- Но мы только получили аммонит и начали проходку канав. Объем горных работ составляет...

- Меня не интересуют ваши объемы, сейчас главное - ликвидация, из Управления приказ пришел. В первую очередь отправляйте рабочих для их немедленного увольнения. А сами на всякий случай подумайте над тем, как лучше обосновать геологическую нецелесообразность проходки канав на вашем объекте. Все. Ждите вертолет.

Смеялись геологи и над специалистами другого, вспомогательно-обслуживающего профиля. На одном из профсоюзных собраний один руководящий товарищ, а точнее, Хряпко, говорил так: «Я, конечно, не совсем геолог, я, соб-сря (собственно говоря), механик, но, прослушав выступление главного геолога, я понял, что все открытия в экспедиции делаются, соб-сря, совершенно случайно, неожиданно как-то, нечаянно, что ли, геологи тут, абсолютно, ни при чем. Найти минерально-сырьевые ресурсы для ИГОКа и прииска Восточного может, соб-сря, любой человек - механик, например, или слесарь, все равно. Нужно только поехать туда, в тундру, значить, чего мы, то есть механики, шофера, плотники, строители и другие специалисты, делаем очень редко, когда появляются грибы, летит гусь или рыба идет на нерест. А многие работники экспедиции и вообще в тундре не бывают и, таким образом, лишены возможности открыть ресурсы. Это безобразие, товарищи. У меня соб-сря есть деловое предложение: поскольку геологи делают открытия случайно, в последнее время и вообще, соб-сря, перестали открывать, разучились окончательно, надо их из экспедиции убрать. На поиски минерально-сырьевых и прочих ресурсов, ну, там, золота, красивых камушков и тому подобное, вывозить АУП, мехцех, АТХ и прочие передовые, ведущие службы».

Совместной супружеской жизни Дениса и Оли Доценко в ноябре семьдесят шестого исполнилось десять лет. Денис раздал друзьям открытки-приглашения: «Мне тридцать восемь, нам десять, милости просим покуралесить». В декабре столько же лет исполнилось и Кузьме, проживающему во Фрунзе. Денис отправил ему поздравление.

Кыргыз!

Будь здоров, упрям и крепок, как ишак.

Будь умен, хитер и ловок, как мангуст.

Ласков будь, красив и нежен, как поэт

И живи на радость Лере сотню лет.

Практическое, бытовое стихосложение стало для Дениса обычным занятием, привыкла к его творчеству и экспедиция - вроде так и надо. Особенно ждали его стихов женщины. На МЖД-77 они читали:

Уж если скажете вы нам: «Лентяям этим стыд и срам»,

Ответим сразу: «Что вы! Служить всегда готовы

Мы вам и днем и ночью, вот! Восьмого марта, каждый год».

Весной появилось у Дениса и еще одно хобби - резьба по кости. Вовлек его в это интереснейшее дело Женя Виноградов, сам не так давно заразившийся от Пухова. Он

обеспечил новичка самыми необходимыми инструментами (самодельными резцами). Первые опыты Денис проводил на оленьих рогах, затем, убедившись, что у него получается, перешел на моржовые клыки. Не забывал Денис и про масляные краски.

На апрельской выставке произведений самодеятельного изобразительного искусства жюри по изделиям из кости решило первое и второе место без разделения присудить Пухову и Виноградову (пусть сами разбираются, кто из них лучше), а третье место - Доценко. Посетителям выставки и жюри понравились также фотоиллюстрация Майорова к рассказу Олега Куваева «Дом для бродяг», неожиданный и очень смешной рисунок Кукина «Последний джигит», рисунок Виденко «Чукотка», картины Доценко «Горечавки» и Уралова «Вяленая рыбка» (холст, масло).

Экспедиционную жизнь за истекший геологический год (с апреля по апрель) отразил со специфическим уклоном телефонный разговор двух подруг - Веры Пеньковой (отдел кадров ВЧГЭ) и Марии Табаковой (пенсионерки из Саратова).

- Здравствуй, Маша. С великим праздником Вас, тебя и Эдуарда.

- Здравствуй, Вера. А с каким праздником ты нас поздравляешь? До пасхи, вроде, еще далеко.

- Ну, ты даешь! Весь советский народ и все прогрессивное человечество отмечают сегодня день геолога!

- Тьфу ты, совсем забыла. Эт самое... да погоди ты, не лезь!

- Куда не лезь?

- Извини, Вера, я не тебе. Эдик тут пристаёт, трубку отбирает.

Эдуард: - Вера, пивзавод в Нырвакиноте построили?

Вера - Обещают к седьмому ноября.

Эдуард - Ясно, спасибо. Как только появится первое пиво, дай срочную телеграмму. Буду возвращаться на Чукотку, а то в Саратове пива нет.

Мария - Я тебе возвращусь! Вот непутевый, забыл, что туда вызов требуется и деньги больше? Иди на кухню, пей свою брагу. Вера, а как дела на Ванкаремской низменности?

- Взяли обязательство бурить до поверхности Рубановичича. Уже газ пошел.

- Так это еще при нас было. А золото?

- Золото Тафика уже не интересуется, он решил платину искать. И вообще, в Буровой партии странные вещи творятся - всякие железки в птичек превращаются. Недавно вал полетел, за ним шестерня, следом бурснаряд.

- А куда полетели-то?

- Да во «Вторчермет», куда ж еще.

- Вера, эт самое, а как ваш главный геолог поживает?

- Как «Великолепный». Видела этот фильм?

- Да? Интересно. Чем же он похож на «Великолепного»?

- Со всех видов оружия бьет без промаха, стреляет по-македонски.

- О, господи! Страхи-то, какие. Он же всю живность на Чукотке перебьет.

- Так ему и позволит Виноградов.

- А при чем тут Виноградов?

- Как, ты не знаешь? Он же председатель общества охраны природы.

Эдуард - Дай трубку! Кто, Женька? Ну, потеха! Теперь уж точно вернусь. Вера, передай Женьке, пусть подготовит мне должность зама по рыбнадзору. Вдвоем с ним мы так природу охраним - пальчики оближешь! Мария - Я, эт самое, сомневаюсь, что у Виноградова есть время за браконьерами следить. Весь Саратов знает, что у него три хвоста - один отчет и два листа.

- Да, это действительно так, но Виноградов парень шустрый, везде успеваает.

- Как работает машбюро? Справляется?

- Еще бы! Геологи говорят, что это не машинистки, а звери. Не успевают их рукописями обеспечивать.

- А пирожки они покупают регулярно?

- Конечно! Машинистки и работают, и едят - дай Боже! В дело все идет - и спецпирожки, и спецкотлеты, и спецрыба, и бумаги нехватает. Одним словом, дружный, полновесный коллектив.

- Вера, спроси у Славы Майорова, не смог бы он приехать в Саратов на день-два? Понимаешь, у нашей соседки дверь захлопнулась, открыть не может. Эдик пробовал - не получилось.

- Хорошо, передам. Думаю, не откажется, он любит такие вещи.

- А Генрих Козин женился?

- Еще нет.

- Давай его сосватаем. В «Волжском пахаре» объявление было. Одна женщина ищет спутника жизни - спокойного, невозмутимого мужчину с толстыми сильными пальцами.

- Пусть высылает фотографию. Надо Генриха уломать, а то он еще троих держит - Мишу Лепешкина, Юру Благоволина и Степана Небабу. Говорят, пока старшего брата не выдадим, сами жениться не будем.

- С этими ребятами ясно. А кум-Соб стол получил?

- Получил, получил, такая радость! Сделали ему подарок к Юбилею. Ему скоро двадцать пять лет северного стажа стукнет, вообще.

- А как у него обстоят дела с боевитостью?

- Одно время он ее чуть было ни потерял, а сейчас снова наращивает. В этом плане за ним строго следит парторг Заноза.

- Глухарев проблему Ванькиной изменности решил?

- Бросил он ее, несчастную, разлюбил. Говорит, кроме спор и пыльцы в ней ничего нету. Пицея, пинус, ларикс, бегула, саликс, осмунда - вот и все. Теперь он перекинулся на рудное золото. Доволен - больше некуда. Очаровательная золотоносная улыбка так и играет на его устах, А раньше он ходил угрюмый, озабоченный, как и Герман Птенцов.

- Они по-прежнему дружат?

- Кто? Иван и Герман? Да они сроду не дружили, а сейчас вообще разругались в пух и прах, в бэтулу и осмунду!

- Это что ж они не поделили? Морские уровни?

- Дело не в геоморфологии, а в деньгах. Герман при расчете Ивана надул, такой забор ему зашмандолил, как будто он весь сезон в ресторане первого класса питался, во как!

- Ой-ё-ёй! Своего товарища, коллегу-полевика ограбил! Нечестно это, нехорошо.

- Ты же, Маша, знаешь, что Птенцову постоянно денег на марки не хватает, он всем должен, а тут и на явную приписку забора пошел, не постеснялся. Денис Доценко как-то на одной из вечеринок прямо его спросил: «Ты пошто Ваньку-то надул?» В общем, все геологи от него отвернулись, презирали. Один Петя Уралов продолжает его уважать.

- Уралов? А он разве из Японии вернулся? Я слыхала, что он поехал туда по туристической путевке и попросил политического убежища.

- Да ты что, Маша, кто это тебе наплел? Разве он променяет Чукотку на какую другую страну? Вернулся он и из Франции, где до этого побывал, и из Японии тоже вернулся. Он родину любит.

- Слава Богу, успокоила ты меня. Вера. А групповики отчет пишут?

- Пишут помаленьку. «Введение» уже есть. Взяли обязательство к концу пятилетки до «Заключения» дойти.

- Батюшки, их посадят?

- Ну что ты, Маша, это же глава такая, последняя в отчете, помнишь?

Эдуард - Маша, дай на минутку. Вера, Саня Крюканов рыбу ловит?

- Какой там, Эдик! Ему сейчас не до рыбалки, пишет отчет круглосуточно, в экспедиции сидит. Римма носит ему передачи в кабинет. Там, на рабочем месте, они и супружеские обязанности исполняют, без отрыва от производства.

- Чего же Саня сам-то упирается? Ведь у него инженер Клевый есть.
- Да он его найти не может. Клевый все время пропадает на складе, в конюшне, своим «Бураном» увлекается.
- Это что, жеребец такой?
- Кто, «Буран»? Нет, это снегоход, первый в экспедиции.
- Так у него же вездеход есть, зачем ему этот буран.
- Клевый жалится, что вездеход развалился, а денег после отпуска на запчасти нет. Эдик ничего для Клевого в Саратове не сможет достать? Передай ему трубку.
- Эдуард - Слушаю.
- Не сможешь ли ты оказать техпомощь Клевому?
- Эдуард - Могу достать списанную сенокосилку.
- Высылай, он и ее для езды приспособит.
- А где он сейчас?
- Говорят, в аэропорту, возится со списанной «Аннушкой». Отремонтирует, и будет летать.
- А у него права есть?
- У него на все есть права, только на кооперативную квартиру прав нет. Уже двести отлупов получил, почесывается.
- Спортивный клуб «Пирамида» действует?
- Биллиардисты сражаются так, что аж кии дымятся. Любомиров в своей квартире при каждом ударе под потолок подпрыгивает и за зубы хватается. Или на полную мощность врубает магнитофон.
- А кто лидирует?
- Главбух Жупел. Ему на кий наступают начальник планово-экономического отдела Доржиев. Алло, что у вас там случилось?
- Да вот, понимаешь, разболтался, трубку не дает. Вера, в «Волжском пахаре» было сообщение, что в Нырвакиноте цветное телевидение сделали. Так ли это?
- Да, телевидение есть, но одноцветное. На экране что-то серенькое в крапинку мельтешит, мельтешит... как пуржичка метет, очень интересно.
- А как там этот, как его...тьфу, забыла, что же хотела спросить... Ага, вспомнила. Мои подружки-оформители заходящим геологам цветные тряпочки-хвостики цепляют?
- Бывает, но редко. Генрих Козин любит с тряпочкой, с хвостиком ходить. Однажды даже на каблук ему прицепили. А вообще-то присмирели картографы, постарели тетки, серьезные стали. Даже Ирка-Кузя слабее визжит, когда в коридоре мимо Клевого проскакивает.
- В «Волжском пахаре» была статья Симы Морозовой, перепечатанная из «Заполярного горняка». Она жалуется, что в лаборатории ВЧГЭ вечно не хватает углей. Так вот, саратовские специалисты предложили вместо дефицитных углей применять макароны.
- Отличная идея! Макаронов у нас полно. А в Саратове они есть?
- Есть покуда.
- А мясо?
- А что это такое?
- Ха-ха-ха! Забыла. Ты оленей помнишь?
- Помню оленей, помню. У нас на стене рога висят. Вера, Эдик только что получил свежий номер «Волжского пахаря». Послушай, что пишут: «Знаменитый нырвакинотский клуб «Пирамида» затопило фекальной жидкостью, есть жертвы». Кто утонул? Когда и как это произошло?
- Это случилось вчера на рассвете. Жупел и Доржиев первые выскочили, двоих затоптали, пьяных болельщиков, ну те и...захлебнулись. Аварию ликвидировали быстро. Работали жители этого подъезда, опытные геологи-сантехники Виноградов и Осадчий. Измазались, промокли...

- Какой ужас! Сколько я помню, в этом доме всегда трубы прорываются, чем-то забиваются. А в самой экспедиции смыв действует?

- Не знаю, по нужде я домой хожу. Тут другая беда - узкие коридоры. Некоторые наши сотрудницы, встречались, разойтись не могут, бедрами или ... ну... другими частями тела цепляются, застревают. Случаются дверные травмы. Выскочит человек из кабинета, Любомиров, например, и натыкается на распахнутую дверь разведочного отдела, в котором маркшейдер сидит, Миша Кондрашкин. Возникает конфликт. Или, скажем, идет мимо кабинета Хряпко Нина Кононова, дверь внезапно открывается и бац ее по лбу! Спрашивается, за что? В общем, синяков и шишек хватает. А сколько прищемленных рук и ног при одновременном распахнутии противоположных кабинетов! Не знаю, куда смотрит инженер по ТБ Васильев, ведь и сам попадал.

- А как решается проблема перенаселенности рабочих кабинетов геологов?

- Хряпко говорит так: а какая, соб-сря (это значит, собственно говоря) разница, где и как геологам сидеть? Пусть меняются, переселяются, пересаживаются, как хотят в своих же кабинетах. А чтобы не было удушья, пусть проведут в форточки шланги, берут концы в рот и дышат себе на здоровье.

- Вера, Эдик уже раздражается, говорит, третьи петухи пропели, пора ложиться спать. Последний вопрос: уборщица Марья Ивановна жива - здорова? Работает?

- Работает, как же, но очень недовольна тем, что много заседаем. Она говорит так: «Все болтають и болтають, а дело ни хрена не идет». Да и мы с тобой, Маша, заболтались, пора прощаться.

- Ага, до свиданья. Новой вам руды!

В июне семьдесят седьмого исполнилось пятьдесят лет Кириллу Пухову (Константину Сухову). Женя Виноргадов сделал ему подарок - вырезал на толстой березовой доске голову пушкинского богатыря из «Руслана и Людмилы». Занимался он резьбой в общем с Денисом подвале, расположенном напротив клуба «Пирамида». Однажды, когда Женя отсутствовал (играл в бильярд), в мастерскую заскочил Слава Майоров, увидел доску с незаконченным барельефом и решил сам попробовать, что это такое - резьба по дереву. Взял он острейший сапожный нож, которым орудовал Женька, резанул по доске да и оттяпал себе полпальца, все изделие кровью залил. Вошел Женька, засмеялся и сказал: «Будешь знать, как не за свое дело братья!» Слава, поскуливая, замотал палец носовым платком и убежал домой, к жене Варюшке, медсестре.

Когда работа была закончена, на обратной стороне доски Денис сделал надпись:

От Колымы до гор Чукотки прошел Сергеич славный путь.

Пешком, верхом, по рекам в лодке, умея в недра заглянуть.

В чукотскую землицу врос, как богатырь былинный.

Чело, брада, усы и нос пропахли духом винным.

Силен и знатен чародей, полсотни лет имея.

Он великан среди людей, живет он, все умея.

Крепкий телом, бодрый духом будь всегда, товарищ Пухов (Сухов)!

ЦИКЛ – VII (1977 – 1980)

В экспедиции возник новый, кабинетно-полевой вид геологических работ - аэрофотогеологическое картирование (АФГК). Карта рисовалась зимой по результатам дешифрирования аэрофото- и космоснимков, границы отдельных стратиграфических или магматических образований заверялись летом в поле. Разумеется, такие работы могли выполнять только опытные геологи-съемщики. Начальником Руддерского отряда АФГК стал Геннадий Цуканов (Цуканов?), старшими геологами - Денис Доценко (Евгений Петренко) и Юра Благоволин (Благодатский? Или Тихомиров Юрий Борисович?). Нелегально, за свой счет, находясь в отпуске, вместе с ними пошел в поле пенсионер

Гаврила Иконников. Врачи по состоянию здоровья в поле его не пускали, но Гаврила говорил товарищам:

Братцы, жить без поля не могу,
Хоть отрежьте вы мою ногу -
На одной скакать я буду, про маршруты не забуду,
Никогда я не согнусь в дугу.

Шестого июля отряд, состоящий из четырех геологов и одного студента Андрушки высадился на берегу реки Милютхейвеем. Голая тундра, беззащитно открытая Ледовитому океану, встретила людей холодным северным ветром. «Ух, как хона», - сказал, вздрагивая, Благоволин. С трудом, натянув палатку, геологи напились вина и нырнули в новые толстые, чистые, пушистые кукули. Денис, ощущая кожей ласковое, нежное прикосновение оленьей шерсти, замурлыкал от удовольствия. Рядом с ним повизгивал от восторга Благоволин Юрка - отличный геолог-полевик, он знал и любил все горные породы и стратиграфические подразделения, ему не нравились только рыхлые четвертичные отложения, «четвертичка». Имея некоторый дефект речи (скороговорка, проглатывание слогов и звуков), это слово он произносил как "чвычка". Денис прилепил к нему это прозвище, и оно прочно вошло в обиход. Так Благоволин с легкого языка Дениса превратился в Чвычку (кличка нравилась даже ему самому и он охотно на нее откликался).

Седьмого июля ветер стих, тучи рассеялись, но в маршруты геологи не пошли - они похмелялись, праздновали рождение младшего Денисова сына Коли (Максим Петренко). Денис и Чвычка просто так гуляли по тундре, находили подходящее место, останавливались, выпивали и орали: «Да здравствует Николай Денисович Доценко! (Максим Евгеньевич Петренко)»

На следующий день весьма кстати небо снова затянуло, пошел дождь. Геологи отлеживались в кукулях, их кормил и поил добровольно-дежурный патриарх-полевик Гаврила Иконников (пригодился таки отряду старина). Третий день тоже был не маршрутный, Денис ходил вдоль реки и безрезультатно бросал спиннинг. За его действиями наблюдали медведи, зайцы, гуси, утки, куропатки и поморники.

На четвертый день, выполнив маршруты (Денис нашел кварчишку - эка невидаль!), геологи погрузили вещи на резиновые лодки и поплыли вниз по течению, подгребая длинными двусторонними веслами. На перекатах лодки приходилось тащить волоком. Неунывающий дед Гаврила на своей двухместной лодке-пирогe отправился в автономное плавание, у него были свои задачи. Вечно ноющий, капризный и трудно переносящий полевой быт Гена Цукин плыл со студентом на пятиместной лодке НЛ-5. За ним на таких же лодках шли Денис и Чвычка. Денис причалил первым. Подплывая к нему, Чвычка крикнул - лови! - и кинул конец веревки. Денис веревку не поймал, на ногах не удержался и шлепнулся в воду животом, чем очень рассмешил товарища. «У меня зад мокрый, а у тебя брюхо!» - радовался он. «Лана, давай сушиться», - сказал Чвычка позже, снимая мокрые штаны.

На второй стоянке маршрут у Дениса был с подходом семь километров и пустяковым результатом (снова нашел пустой кварц), Ходил он, как говорится, за семь верст киселя хлебать, да еще на обратном пути промок под дождем.

И снова сплав. Река стала более полноводной, на ее берегах появились гусиные стаи. Линяющие птицы, вытянув шеи, настороженно следили за флотилией. У Чвычки имелась малокалиберная винтовка, но патроны он утопил, так что гуси могли быть спокойны, они чуяли - ни одна пуля меткого стрелка, каким считал себя Чвычка, не влетит им в глаз.

Тринадцатого июля врезал сильный северо-западный ветер, повалил палатку. Состоялся третий маршрут, в котором Денис опять нашел кварц, но теперь уже с сульфидами. Чай он вскипятил за пять минут - на ветру кассиопея горела, как паяльная лампа.

В середине июля стало жарко, душно, заиграло-зазвенело комарьё. Сплав по Милютхейвеему был закончен, что было отмечено вином, водкой и первым попавшимся в сеть хариусом. Приближалась рыбная страна ПБляндия, в пределах которой работал знаменитый ПБ - муж Ирины Жарковой Федор Свистоплясов. Излюбленное ругательство Федора «падла-блядь» или сокращенно ПБ стало его кличкой и определило название территории.

На последней милютхейской стоянке в жаркие дни толсто - жирный Цук никуда, кроме надобности, ходить не мог. Он возлежал поверх кукуля, потел и спал.

- Стари-и-ик, да брось ты эту бодягу. Ну, куда ты идешь по такой жаре? - ныл он, провожая сонно-ленивым взглядом уходящего в маршрут Дениса.

- В самый раз прогуляться по кочкоте при такой погоде, - нарочито бодрым голосом отвечал Денис. Лежать без дела, млеть и плавиться в палатке ему казалось еще противнее. Совсем разные это были люди - Цукин и Доценко.

- Ты жаворонок, а я сова, - объяснял Цук, - ты не спишь днем, а я - ночью.

- Вот и хорошо, - отвечал Денис, - иначе твой храп и меня превратил бы в сову.

Не смущала никакая погода и Чвычка, он был всепогодный дальнобойный геолог-полевик. Выбравшись из палатки, он произносил «намана», что означает «нормально» и отправлялся к черту на кулички. По вызову Цука на стоянку прилетел вертолет МИ-8, Денис и Чвычка залезли в него и полдня пролетали над тундрой, делая кратковременные посадки в намеченных точках с отбором образцов и проб. Это были плановые аэродесантные наблюдения. Налетались геологи до звона в голове.

Вертолетом же отряд был переброшен с Милютхейвеема на Эргувеем. В салоне этого вертолета сидели кум-Соб и Хряпко, летевшие на озеро Иони с целью обследования и перегона в Нырвакинот вездехода. От них геологи узнали, что на Канэнмывааме началась агатовая лихорадка. Там стараются шустрые парни Виноградов, Майоров, Осадчий. Туда же направил свою пирогу и Гаврила Иконников.

На Эргувеемской стоянке сплавщикам удалось поймать в сеть несколько хариусов и гольцов. Тут же, откуда ни возьмись, прилетел вертолет, ищущий, где бы рыбкой поживиться. Могучий вихрь, поднятый дурмашиной при посадке, поднял в воздух надутую резиновую лодку. Летящая лодка трахнула по башке Дениса, напоролась на кол и испустила дух – шшш! После этого случая цепочка мелких неприятностей продолжилась. Денис пошел на известную рудную точку, чтобы заверить ее, подтвердить - и никакой минерализации не обнаружил. Попив на точке чаю, он вернулся на стоянку ни с чем. Перекусив, он отправился на рыбалку в устье притока реки Эргувеем.

Денис довольно быстро поймал на спиннинг трех хариусов, но на этом везение и кончилось. Студент Андрушка оставил на дне реки отличную блесну. Переходя ручей, Денис провалился в песчаную яму, набрал в сапоги холодной воды. Увидав, как посреди Эргувеема выпрыгнула крупная рыба, он кинул туда блесну, леска размоталась на всю длину, обратная перемотка отказала, пришлось долго с ней возиться-налаживать. При подходе к стоянке Денис обнаружил, что на рыбалке забыл нож, без которого он - как без рук. День закончился ссорой с Цуком. Денис сделал ему выговор за то, что он, цукин-цын, являясь дежурным, посуду не желает мыть, белы ручки боится испачкать.

Двадцать четвертого июля дежурил Денис. С утра пораньше он раскочегарил примус, нажарил рыбы, вскипятил чай и пригласил коллег на завтрак. Потом, пока они снимали палатки, упаковывали вещи и грузили их на лодки, Денис сбегал за ножом. Цук удивлялся и негодовал - да как же так можно? Из-за какого-то ножа пробегать десять километров! Уму непостижимо!

- Это мой верный товарищ, без него в тундре невозможно жить, - отвечал Денис.

Начался сплав. Первыми отчалили Цук и Чвычка. немного позже - Денис и студент. Через несколько часов на геологов налетел сумасшедший ветер с дождем, лодки закружило, прибило к берегу, пришлось тащить их волоком, по-бурлацки. Хорошо еще, что поблизости стояли палатки хасынских геохимиков. Застигнутые бурей геологи

устремилась к ним. Цук и Чвычка успели спрятаться еще до большого дождя, и остались почти сухими, а Денис и Андрушка промокли. В поднятых до паха резиновых сапогах, оранжевых спасательных жилетах и куртках с капюшонами они выглядели как пришельцы из Космоса. Гроза была настоящая, материковская, с мерными тучами, сверкающими молниями и раскатами грома. Переждав дождь, угостившись чайком с ландориками, сплавщики продолжили свой водный путь.

В десять вечера они увидели на высоком берегу Эргувеема палаточный лагерь, вездеход, радиомачту с красным флагом. Это была стоянка Свистоплясова. Состоялась встреча двух бродячих отрядов - сухопутно-механизированного и лодочно-речного. Федор Свистоплясов, как всегда расхристанный, охломонистый, бритый, в лыжной шапочке с бубончиком набекрень, бодрый Петя Уралов с фотоаппаратом, Миша Шатров (тоже безбородые), бородатый, в очках Володя Крайтер и симпатично-румяная Галка Матускина с улыбками наблюдали за возней причаливающих коллег, жали им руки, приобнимали, хлопали по спине, шутили и смеялись.

Нажравшись гусятины (эргувеемцы наловчились добывать линялых, потерявших способность летать гусей), и напившись чаю, сплавщики залезли в кукули. Только Галка и Чвычка еще долго стояли на берегу реки и о чем-то тихо беседовали.

Последующие несколько дней прошли в сплошных удовольствиях: охоте на линялых гусей, бегающих по кочковатой тундре со страусиной скоростью (хрен догонишь); ловили рыбу (здесь появилась икроносная кета), собирали грибы - тундра щедро снабжала геологов первосортными свежими продуктами. Расторопный Чвычка замастырил малосольную икру-пятиминутку, наевшись которой, водоплавающие полевики переехали посуху на вездеходе в «село Свистоплясовку», то есть на базу Эргувеемского отряда. А коль попали в село, так, значит, отведали и баньки, и винца (из запасов Дениса), и местной бражки-титовки.

Поздно вечером в Свистоплясовку на вездеходе АТС (артиллерийский тягач средний) приехал кум-Соб. У него тоже все «наманано». Денис довел до ума рыбу и грибы, соорудил посылку Оле, передал кум-Собу. В день отъезда АТС в Свистоплясовку шел дождь, было серо, скучно, уныло, что и отразилось в письме, которое Денис написал жене: «В ПБляндии идут дожди, меня покудова не жди. Не жди меня покудова с ПБляндии паскудовой».

В ожидании вертолета для перебазировки на рыбно-промысловое озеро Пычхин-мытхин пришлые геологи-гости жили в девчачьей палатке. Денис оставил на столе послание хозяйкам: «Мы освятили ваш вигвам, послав неделю, смылись. Теперь мы сниться будем вам, как вы бродягам снились».

На бане эргувеемцев была такая надпись: Банно-прачечный комбинат «Фиговый листок». Архитектурный памятник топорной работы второй половины девятнадцатого века, построенный в стиле старых русских туалетов по проекту и при личном участии замечательного архитектора-самоучки Петра Уралова. Сдан в эксплуатацию 12.06.77г. Объект охраняется законом Право-Эргувеемского отряда, поджогу и порче не подлежит». Ниже этого текста Денис прибил табличку со стихами: «Мы посетили «Фиговый листок», помыли все, надраили до блеска. Увы! Нас оценить никто не смог, помаялись - и завязали леской. Четыре члена АФГК».

В женской палатке над нарами Денис прикрепил две мемориальные дощечки. «Здесь во второй половине двадцатого века страдал, томился и творил знатный проходимец и стойкий кукулист, флагман Эргувеемского флота Юра Благоволин – Чвычка». «Здесь во второй половине двадцатого века томился и творил свободный листовик, грибовед и рыболоб Денис Доценко».

Цук жил отдельно, днями спал, а по ночам общался с завхозом, пил брагу. Пронзительно-гнусные голоса пьяных мужиков не давали спать Денису, Чвычке и Андрушке.

Первое августа. Свистопляска. Тихо, жарко. Полевой отдых продолжается. В девять утра гнусный голос похмелившегося начальника отряда, выходящего на радиосвязь, разбудил Дениса. Заворочался и Чвычка. «Што за жись - шпижрѣш, шпижрѣш», - проворчал он сквозь усы и кукулиную шерсть, возмущаясь длительным бездействием отряда (спишь, жрешь и больше ничего не делаешь).

В начале августа отряд был переброшен на озеро Пичхин-мытхин, где разделился пополам. Цук со студентом Андрушкой поселился в заброшенном рыбацком домике, Денис и Чвычка высадились восточнее озера, в угрюмом котловане. Выполнив за два непогожих, ветренно-облачных дня намеченные маршруты, геологи навьючились и пошли к озеру, на берегу которого и поставили палатку. Здесь было куда веселее и вольготнее, появилось солнце, взор радовала волнисто-искристая гладь большого водоёма, слух улаждал ритмичный шум волн, набегающих на галечный берег. Потом был штиль.

Встав рано утром, Денис подумал: «А не поймать ли мне на завтрак гольца?» Место для рыбалки подходящее - устье небольшого ручейка. Раз кинул блесну, другой, третий - есть рыба! Чвычка проснулся от потрясающего аромата кипящей ухи и снова, в который раз огорчился - ты опять рыбу поймал? «Ага, да еще какую - сорок сантиметров гольца!»

Отработав участок, Денис и Чвычка снова навьючились и берегом озера пришли к рыбацкой хижине. Как они и ожидали, Цук и студент, два непревзойденных лентяя, поставить сеть не удосужились, питались консервами и по уши засрались. Наведя порядок в жилище и проветрив его, Денис и Чвычка с помощью оживившегося студента поставили сеть. В устье речки Пичхинвеем Денис, несмотря на сильный прибой, вытащил на спиннинг гольца и раскрасавицу-мальму в брачном наряде. В сеть сразу же попало четыре гольца. А на другое утро из сетки, поставленной вечером на вытекающей из озера речки Кэуянвеем, геологи извлекли двадцать три гольца! Цук запаниковал - куда столько? Зачем? А если налетит Провиденский рыбнадзор? «А мы рыбу засолим и спрячем», - успокоил его Денис.

В брошенном сарае Денис весьма кстати обнаружил небольшую бочку, удобную для сплава, отмыл ее и с помощью товарищей засолил в ней чудо-гольцов. Остатки рыбы он сложил, пересыпав крупной солью, в большей ящик из-под аммонита, внутренность которого была выстлана целлофановой пленкой.

На сплаве по Кэуянвеему отличился Чвычка. Бог ты мой, какая прекрасная река! Плес на плесе, рыба кишит. Денис, пресыщенный рыбалкой и вполне удовлетворенный ее результатами, спокойно сидел на носу лодки и потихоньку греб, а Чвычка, удобно расположившись на корме, свесив ноги в воду, спинниговал, кидал и кидал блесну, таскал и таскал, взвизгивая и хохоча, хариусов и гольцов. «Вот так, Денис Иванович, надо рыбу ловить, вот так!», - кричал он, оборачиваясь к Денису, мстя ему за те мгновения острой зависти, которые он раньше испытывал. Денис улыбался. «Смотри, лодку рыбой не перегрузи! Остановись вовремя», - отвечал он.

Геологи проплыли чукотское стойбище (несколько яранг) и остановились километра через два ниже. Хозяева тундры немедля явились в гости, попили чаю, взяли две буханки хлеба, испеченные Свистоплясовским завхозом, и ушли, уведя с собой Андрушку (в кино). Студент вернулся поздно ночью, притащил подарок от чукчей - шесть крупнейших гольцов. Рыба перла со всех сторон, Денис едва успевал ее засаливать, Цук продолжал возмущаться. Девятого августа перед сплавом Чвычка и Андрушка сняли сеть, вынули из нее рекордного гольца длиной семьдесят сантиметров, шириной десять сантиметров и весом не менее пяти килограмм.

Лодки, груженные снаряжением, продуктами и рыбой, подгонял попутный ветер, но приятному сплаву по суперрыбной реке стали мешать валунистые перекааты. Геологи, достигнув лабазной бочки, поставили палатку и сеть. Чвычка произнес: «Рыба у нас есть, теперь надо добыть оленя. Хоца мяса».

И надо же, буквально на следующий день, как по заказу, на стоянку пришел маленький одинокий олень. Первым его заметил зоркий Цук ("левым глазом все теперь

видать"). Кроважидный охотник Чвычка в этот момент сидел на корточках (оправлялся) метрах в ста от палатки.

- Юрка! Олень! - заорал зоркий Цук, показывая рукой на мирно пасущееся животное. Чвычка прибежал крупными скачками, не застегивая штанов (некогда!), схватил МК, пистолет, нож и пошел на сближение с оленем. Остановился, прицелился, нажал курок - цок! Осечка. Цок Осечка. Цок! Вжиу-у-у - мимо. «Да что такое!» - воскликнул раздосадованный охотник, стал на колени и снова прицелился. Цок! Есть, попал! Олень побежал, прихрамывая, Чвычка ринулся за ним. Началась гонка по кочкоте. Чвычка нажал курок - осечка. «Да что такое!» Олень уходит. Разгоряченный Зверобой бросил опозорившуюся винтовку, выхватил пистолет системы «наган». Бум! - вжиу-у - мимо. Испуганный домашний олень, уже ничего не соображая, развернулся и побежал к палатке (там - спасение!). Не добежав, бросился в воду, замер на середине реки. Бум! Зжиу-у-у! Цук присел, шальная пуля пропела у него над головой. «Эй, ты куда стреляешь? Тут же люди!» - заорал Гена и пополз в палатку. Бум! Вжиу-у-у! Денис тоже залег, потому что свинцовый шмель пролетел рядом с ним.

Чвычка забрел в воду по пояс, подошел к оленю метров на десять бум! Есть! Олень упал! Чвычка спрятал пистолет, выхватил нож, кинулся к оленю, поднял голову, перерезал глотку - все! Теперь точно убит! Напряжение спало. Денис и Андрушка вытащили тушу на берег, Чвычка зарыдал: «Ребята, у меня сердце кровью обливается! Зачем я его убил? Он же такой маленький, глупенький, молодой. У-у-у...» Ужин был мясной, сытый, обалденный. Чвычка, обсасывая косточки, бормотал: «Это моя добыча, моя. Это я олешку убил».

По Кэуянвувеему сытые геологи сплывались на Эргувеем. Преступника Чвычку Бог наказал ангиной. Но Чвычка не унывал, он вошел в спиннингтовый раж, увенчавшийся крупным успехом - гольцом восемьдесят сантиметров длиной! Есть рекорд! Торжествующие вопли удачливого рыбака разносились по всей стране ПБляндии. Чвычка из гольца сделал мумию. Он его засолил, закатал, как фараона, в марлю, крепко сжал двумя веслами и замотал веревкой. «Карельский способ», - пояснил он. В таком виде Чвычка и привез гольца в поселок. Размотал, глянул – етит твою мать! В рыбе черви кишат, все-таки мухи проникли сквозь марлю, отложили личинки. А Денис свой рыбный ящик из-под аммонита в землю закопал, дерном прикрыл, и гольцы хорошо сохранились.

С эргувеемской стоянки геологи ходили на Пепенвээмское эпитегрмальное месторождение золота, отбирали образцы вторичных кварцитов для Государственного музея в Москве. На обратном пути Денис наелся морошки, убедился - ягода спелая, можно собирать, заготавливать на зиму. Для этой цели у него были приготовлены трехлитровые банки из-под «ассорти». В середине августа, сходя в последний, тринадцатый по счету маршрут, Денис занялся спасением вялящейся рыбы, отгонял мух, смахивал их яйца с жирных гольцовых тушек. Собирая морошку по берегам Эргувеема, Денис видел на отмелях, косах и осередках множество дохлых горбуш, отметавших икру.

17 августа Федор Свистоплясов (Плясунов?) на своем вездеходе вывез АФГКашников на базу, огорчив при этом рекордсмена Чвычку - он показал пять пойманных на спиннинг гольцов, которые были ничуть не меньше его "фараона". По пути, в устье Кэуянвувеема трое мастеров - спиннингистов – ПБ, Чвычка и водитель вездехода - показали класс рыбной ловли, они тягали гольцов одного за другим. В этом соревновании победил, конечно же, удалой ПБ.

На базе после бани Федор поселил Дениса в своем номере «люкс» с обойными стенами, паласом, керосиновой печкой «Апсны» и электрическим освещением. «Никакой романтики», - сказал Денис. «А кому она на хрен нужна?», - ответил хозяин жилища. Заносить в дом кукуль ПБ не разрешил - от него много вони и шерсти. Он выдал гостю ватный мешок и чистый вкладыш. «Спи культурно!», - приказал ПБ.

Право-Эргувеемский образцово-показательный отряд один из маршрутов проводил с базы. Выезд был назначен на восемь ноль-ноль. К этому времени народ был накормлен,

вездеход заправлен, маршрутные пары, как десантники, сидели в салоне на своих местах. Но выезжать было нельзя - не хватало одной персоны. Выезд задерживала Галка Матускина. ПБ стоял рядом с вездеходом, похлопывал по тундре носком сапог и свирепо взирал на Галкину палатку, шевеля губами (он произносил свое излюбленное ругательство). Напряжение возрастало о каждой минутой. Наконец Галка вылезла из палатки и, непроизвольно, как бы прячась от испепеляющего, змеиного взгляда сурового начальника, желая провалиться сквозь землю, пригнулась и кустиками, кустиками, виляя, галсами, бросилась к задней дверце вездехода, нырнула внутрь. ПБ не произнес ни звука. Он взлетел на свое место, в кабину, рядом с водителем и хлопнул дверцей. Вездеход рванул с места в карьер, отбрасывая бурые шмотья разорванного траками торфорастительного слоя.

В оставшиеся до вылета в Нырвакинот дни Денис усиленно собирал ягоды (голубику, морошку) и варил варенье. Он укомплектовал ящик из четырех трехлитровых банок - таков был план по варенью и он его выполнил. Вместе с Чвычкой Денис построил коптильню, развесил подвяленную рыбу и начал топить. Таким образом, к концу августа у него была рыба соленая (большой ящик с надписью «рудные пробы»), рыба вяленая (полукопченая) - ящик поменьше с надписью «образцы», ящик с вареньем и ящик с грибами.

Между тем приближался день рождения Чвычки. В палатке у него вовсю играла-пенилась брага. Она созревала в десятилитровой пластмассовой канистре, в горло которой был ввинчен большой лодочный ниппель.

Избытки газов, выходя наружу, периодически вздымали длинный резиновый клапан, он подскакивал, становился торчком, раздувался и снова падал вниз, на полшестого. От свечи, стоящей на столе, на стенку палатки ложилась черная тень, поднимающийся и падающий клапан напоминал возбуждающийся мужской орган. Чвычка непрерывно хихикал. Галка делала вид, что ничего странного не происходит. Чвычка не выдержал, спросил:

Галя, тебе это ничего не напоминает?

Тьфу, дурак! - произнесла Галка, фыркнула и убежала. Мужики расхохотались.

А на складе, где, как сторожевой пес Свистоплясова, жил завхоз, происходила еженочная громкоголая беседа трех товарищей - самого хозяина-брагодела, Цука и Гаврилы Иконникова. Запасы рисово-изюмистой бормотухи не иссякали, кончалась одна фляга - созревала другая, так что пока начальника отряда нет на базе, пей - не хочу. Денис и Чвычка в «клуб стариков» не входили, знаменитой забористой титовской бражки не пили. У них созревала своя, заквашенная по титовскому рецепту бражка. Однако и ее Денису отведать не пришлось - за день до Чвычкиного дня рождения он улетел в Нырвакинот.

В аэропорту «Залив Креста» вертолет встретил «бобик» - автомобиль-вездеход ГАЗ-69. Так случилось, что Денис был единственным пассажиром. Незнакомый водитель «бобика» помог Денису выгрузить вещи из вертолета и предложил подвезти в поселок. Денис обрадовался - такое везение! Четыре ящика и рюкзак вместились на заднем сиденье. В пути добрый дядя признался, что он - рыбнадзор, ловит прилетающих из тундры браконьеров. Денис содрогнулся - вот так ситуация! Инспектор помог ему погрузить тяжеленные ящики в свой служебный автомобиль и везет домой! Как хорошо, что на ящиках имеются надписи «рудные пробы» и «образцы». Вот только запах выдает, камни так не пахнут. Но гражданин рыбнадзор на рыбный дух не реагировал, он весело рассказывал о том, какой штраф положен за ту или иную рыбу. Денис спокойно вздохнул только тогда, когда опасный груз был из машины извлечен и инспектор рыбнадзора уехал.

Счастливый экс-полевик стоял у порога родного дома и блаженно улыбался. «Сезон закончен!» - произнес он и начал таскать ящики в свою квартиру на второй этаж. Самый тяжелый, пятидесятикилограммовый ящик (соленые гольцы) он с помощью дюжей жены затащил на чердак. Там ему предстояло простоять, постепенно пустея, всю долгую

полярную зиму. Качество краской рыбы было отменное и со временем не менялось. А Большой Лентяй - Гена Цукин, возвратившись с поля пустым, зимой несколько раз, смущаясь и краснея, просил у Дениса рыбки – гость, дескать, пожаловал, нечем порадовать. Денис охотно выдавал соленую рыбину - закусывайте на здоровье, нам не жалко, у нас хватает этого добра.

Несмотря на полное отсутствие собственных полевых трофеев (даров тундры) начальник Руддерского отряда АФГК Цукин сезоном остался доволен. Безмерно счастлив был и Чвычка, которому в день рождения красавица-полевичка Галочка, помывшись в баньке, подарила себя. Про Дениса и говорить нечего - он имел богатую добычу. Всем понравилось это поле, особенно Цуку - он не перенапрягался, чувствовал себя вольготно, имел много приятных моментов при сплаве, потреблении красной рыбы, икры, оленьего мяса и браги. Он выполнил геологическое задание, он доказал, что большинство выделяемых по аэрофотоснимкам элементов на местности не подтверждается, но метод АФГК все-таки прогрессивный и им следует заниматься (не руби цук, на котором сидишь). Цукин пел:

В общем - целом ставлю полю пять.

Хоть пришлось и киселя хлебать.

Я туризмом занимался, водным спортом увлекался,

Отдохну - и поплыву опять.

Четкость работы Право-Эргувеемского отряда была обеспечена благодаря исправному вездеходу, который развозил геологов к началу маршрутов, экономя их время и силы. Федор Свистоплясов докладывал жене:

Расскажу, Ирина, я тебе: соблюдая правила ТБ,

Ездил я на вездеходе будто Клевый, что-то вроде,

До чего же хорошо, ПБ!

С вездеходом в поле красота! Вездеход - геологов мечта.

Мы забыли переходы, вьюки тяжкие, подходы,

Нам близка любая высота.

В этом механизированном отряде особенно отличился Петр Уралов, человек современный, прогрессивный, коснувшийся европейской цивилизации и японской аудиотехники. Он впервые в истории экспедиции применил в маршрутах диктофон, отказавшись от оперативного маршрутного заполнения полевых книжек со следами раздавленных комаров и дождевых капель. На базе, в комфорте, сидя за столом, он прослушивал свои наговоры и печатал их на перфокарты. Получив на рассмотрение машинописные перфокарты, техсовет растерялся. Этот момент сам рационализатор комментировал так:

Техсовет убил я наповал! Прогрессивною методой,

Перфокартою и кодой всех сразил и всех очаровал.

Необычные полевые материалы Уралова представляли большое затруднение для проверки - надо было сперва прослушать магнитофонные записи и убедиться в том, что они соответствуют тексту на перфокартах. Кроме того, при печатании на машинке Петя допускал много сокращений и ошибок, что тоже, как говорил Осадчий, ни в пи..., ни в красную армию. В итоге техсовет единогласно постановил - таких экспериментов в дальнейшем не допускать, а Уралову поставить тройку с минусом.

Среди рыбаков, удочников и спиннингистов Право-Эргувеемского отряда блистал геолог Миша Шаров, отец трех дочерей.

Спиннингом владею, как артист.

На блесне отплясывали твист

Харюса, гольцы, горбуши, мальмы, нельмы-дорогуши,

Потому силен я и плечист.

Недалеко от Свистоплясовки по правому притоку Эргувеема проходил увлекательный геолпоход, возглавляемый Марком Осадчим.

На Кеныне был геолпоход, подобрался опытный народ.
Пилю, ели, загорали, халцедоны собирали,
Привезли агатов вертолет.
Пересек на вездеходе Чукотский полуостров гипертоник Собко.
В поле, значит, тоже побывал,
Вездеход, вообще, перегонял.
От Иони до Залива двадцать суток был счастливым,
Никаких болезней я не знал. Вообще!

За такое же время, лишившись сподвижника Ваньки Глухарева, избегал очередную площадь на пресловутой Ванкаремской низменности Герман Птенцов.

Это был прекрасный блиц сезон,
Двадцать дней - и завершился он.
На бегу писнул я что-то про холмы и про болота
И домой вернулся, окрылен.

Так обстояли дела на востоке Чукотки. В западной части полуострова, на междуречье Амгуэма-Ванкарем третий год с переменным успехом трудился поисково-разведочный отряд Владимира Веника.

Оба мы с Тamarой Веники.
Были мы к открытию близки.
Где же золото зарыто? У разбитого корыта
Нам сидеть с Тamarой не с руки.

В Тэркэнэйском отряде ГГС, работавшем в пределах вулканогенной зоны, шумел, изображая большого начальника, пантовитый инженер Виталий Клевый.

Кто начальник в поле? Это я! Такова профессия моя.
Захочу и всех уволю, покажу свою я волю,
Клевый прав всегда, мать тра-ля-ля!

Настоящий же начальник Тэркэнэйского отряда - трудяга и скромник Саня Крюканов, не имея видимой рудной минерализации, о результатах полевых работ выражался неопределенно:

Что могу про поле рассказать? Что могу народу показать?
Что покажут наши пробы - вес большой или микробы?
Это, право, трудно угадать.

И лишь одно наглядное, убедительное, причем экзотическое открытие сделал геолог Тэркэнэйского отряда Степа Небаба. Однажды во время обеденного перерыва, попивая чаек, Степа обратил внимание на черные корки по трещинам в андезитах. Лишайник - не лишайник, смола - не смола, что же это такое? Степа вспомнил - подобные образования он видел на Памире, где еще в студенческие годы проходил практику. Там они называются «мумиё», «горный воск»! Очень полезный для здоровья минерал.

Спохватился Стёпа - е-моё! На камнях повсюду мумиё!
Мумиё по андезитам! Станет Стёпа знаменитым
Через это мумиё своё.

У Стёпы радость, у его друга Кози (Генриха Козина) – горе. На оловянном месторождении «Водораздельное» одна из скважин преподнесла ему большой и очень неприятный сюрприз. Козя (Герман Козлов – В.П.) жаловался:

Забурился я на глубину, почесал макушку - ну и ну!
Были жилы, стали жилки, тоньше пальца, вроде вилки,
Ничего я, братцы, не пойму.

А на левобережье нижнего течения реки Амгуэмы, в пределах Иультинского рудного района продолжались детальные поиски скрытых руд. Геофизический отряд Алексея Воронова пытался выявить оловоносные гранитные купола. В горняцком поселке у Лешки произошел бурный роман с шестнадцатилетней школьницей, которая влюбилась в него по уши и отдавалась страстно. Юная любовница стала главным достижением

начальника отряда за полевой (точнее, полевой) сезон. Что же касается геологических результатов, то о них Воронов говорил:

Трудная задача мне дана - Что искать вокруг Иультина?

Геофизика такая - ни на что не намекает. Эх, налью-ка с горя я вина!

Странные явления происходили в Порожистом отряде. Геолог Слава Майоров заблудился в пределах одной горы. Спустился он с нее вечером, смотрит - стоят палатки и никого нет. Попил он чайку, залез в кукуль и крепко заснул. Разбудила его под утро какая-то незнакомая девица и спрашивает - вы кто такой? Почему спите в моем кукуле? Слава сел, удивленно похлопал глазами - так это не наша стоянка? Это не Порожистый отряд?

- Нет, - отвечает девица, - это отряд хасынских геохимиков. А ваша стоянка с другой стороны горы.

- Извините, - сказал Слава, покинул дамский кукуль и отправился искать свою стоянку. На горе его обдул холодный северный ветер, в почках возникла острая боль. Поковылял несчастный полевичок на базу, согрел воду, налил в большой бак и долго в нем сидел, облегчая почечные страдания (этот прием он применял и раньше - помогало).

Начальника Порожистого отряда Занозу привели в замешательство другие обстоятельства - полное отсутствие рудной минерализации на исследуемом участке и неожиданная беременность студентки в конце сезона. Заноза дал в экспедицию тревожную радиограмму: «Ходе полевых работ обнаружилась беременная студентка. Для ее вывоза требуется вертолет». На вечере полевичков Заноза пел:

Знаю, что такое пустота. Наша сопка девственна, чиста.

Хоть исползай всю на пузе, в рюкзаке не будет груза –

Вот такие посетил места.

И еще хочу открыть секрет: от тушонки или от галет

Приключилось в поле чудо - со студенткой стало худо,

Увезли несчастную в декрет.

А Слава Майоров жаловался:

Это поле я в гробу видал! Заблудился, дуба чуть не дал.

На горе стоят лабазы, все их видно прямо о базы,

Между ними что-то я искал.

Поисковую разведку на рудном месторождении золота проводил Свободный отряд под руководством упорного гиганта Романа Дубова (Евгения Дюбы).

Расскажу вам, братцы, не тая, как служила техника моя.

Мой бульдозер разувался, ЗИФ, зато, бурил-старался.

От него в восторге просто я!

Объемы работ были огромные, исполнителей не хватало. Иван Глухарев (Глухов), проводивший площадную металлометрическую съемку, даже журналы опробования не успевал заполнять. Объяснить толком это грубое нарушение методики работ Дубов с Глухаревым не могли.

Отوبرали мы металломе, но журналов не писали, не.

То ли в поле не успели, то ли просто не хотели,

Описание держим мы в уме.

За это на техсовете начальник и геолог получили хорошую взбучку и оценку «удовлетворительно».

В поле Иван Глухарев сидел почти до Нового года, а его истосковавшаяся, отчаявшаяся жена неистовствовала дома:

Ветер воет, снег в окно летит,

Сын болеет, жалобно глядит.

Что за проклятая доля! Все давно вернулись с поля,

Мой Иван чивой-то там сидит!

Прекращу я всю эту муру, в поле поскачу, как кенгуру.

Все запреты преступая, я канавы закапаю
И домой Ивана заберу.

Успешно завершил год Женя Виноградов. Он составил Лист Госгеолкарты-200, отправил его по инстанциям и в ожидании вызова во Всесоюзный геологический институт (ВСЕГЕИ), слетал с Осадчим на Кэнынмуваам, насобирал несколько ящиком «бомб» (агатовых секретий), сделал камнерезный станок и приступил к распиловке и полировке срезов. Любое дело спорилось в его талантливых руках. А осенью он съездил в Ленинград, успешно защитил лист и возвратился домой, будто из концлагеря, худой, как щепка - одни уши торчат (вообще-то он всегда так и выглядел). Денис встретил друга такими виршами:

Наконец-то ты приехал, разудалый листовик.
Ликвидировав помехи, приобрел ты хмурый лик.
Защитился ты на диво, выпил десять бочек пива,
Только жаль, что этот лист иссосал тебя, как глист.

Денис Доценко в это время готовился к новому полевому сезону по новому проекту АФГК и занимался производственным стихотворчеством. Ежегодное послание экспедиционным женщинам в МЖД-78 звучало так:

Милые женщины, наша опера!
С помощью вашей сдвигаем мы горы.
Вы - наша радость, цветы и вино,
Лучшее, что на земле рождено.

В стенгазете «За недра Чукотки» экспедиционный пиит превозносил до небес достоинства отдельных женских коллективов. Главную роль в создании красивых геологических карт играли оформители (среди которых прочно утвердилась и беременная Оля Доценко).

Чертим-пишем - первый сорт! Карты будто натюрморт:
Зелень, синь и краснота, не работа - красота!
Нам еще бы перья, кисти нам еще ба,
Мы б чертить, наверно, стали лучше Соба.

Как всегда безбожно льстил Денис и молодым-здоровым женщинам, ходящим в поле.

Мы сестрички-полевички веселы, стройны, сильны.
Мы порхаем, будто птички, мы в работу влюблены.
Пот соленый нас не губит, мы вкусны, как ананас.
Нас геолог каждый любит, уважает каждый нас.

Персональных стихов удостоилась крепкая, румянощекая полевая подруга Веника, его жена Тамара (до замужества работала в групповом отряде Вадима Черных, где приобрела заслуженную кличку «Ягодка»).

На канавы я поеду, домик в ручки я возьму.
Как я врежу! Как заеду! Покажу я мать-Кузьму!
Все объемы вместе с Вовой буду делать-выполнять.
Коль мы с Вовой здоровы - то чего ж еще желать?

Не забыл Денис и про геофизичек.
Геофизика прекрасна, потому что в ней сидим.
Мы физичим не напрасно, с нами Марк! Мы победим!

(Марк Серов (Седов Марк Павлович – В.П.) - главный геофизик, кандидат технических (геолого-минералогических – В.П.) наук, недавно (октябрь 1975 г.) выписанный из Ленинграда, мужик энергичный, заводной, говорливый и большой любитель выпить).

Вспомнил Денис и о топографинях.
Кто мы есть? Графини Топо. Почему? Да потому,

Что по тундре любим топтать и графинить на дому.

Невозможно представить экспедицию без машбюро. Машинистки были все дамы упитанные, усидчивые («чугунные задницы»), скорострельные и с чудовищным аппетитом.

Четыре грации стабильно восседают
И залпы-строчки быстро выдают.
Бумагу, рыбу, мясо поедают
И никогда не устают.

Каждый рабочий день геологи общались с инспектором спецчасти («первого отдела») - очень большой и доброй женщиной Тamarой Заболоцкой. Утром они у неё брали, а вечером сдавали опечатанные цинковые чемоданы с секретными материалами (геологическими картами на секретной топооснове). Тома шутила:

У меня всегда порядок, не бывает лучше дел.
Все мужчины очень рады заходить ко мне в отдел.
А зачем? Секретно это, не могу раскрыть секрет.
Я сижу зимой и летом за решеткой много лет.

Во время полевого периода не было для геологов женщины нужнее, чем радистка Галя Луговая. О ней было написано:

Я на связь всегда готова и надеюсь на ответ.
Как у вас с погодой? Кто вы? До свидания. Привет.
Как у вас с грибами, Саня? Много? Очень хорошо.
Рыба есть? Сгорела баня? Что имеете еще?

Галя неправильно истолковала первую строчку, в которой, конечно: имелась в виду радиосвязь, а не половой акт, и на сочинителя страшно обиделась, даже здороваться с ним перестала. О том, что шутить с женщинами неприлично, Денис знал от Козьмы Пруткова и вложил эту истину в уста секретарши начальника экспедиции.

Я - бессменный часовой, не шутите вы со мной.
Потому что захочу - от начальства отлучу!

Яркой, интересной личностью, несмотря на черный зуб и кривые ноги, была служащая проектно-сметной группы артистка народного театра Дарья Орлова (тайная любовница Жени Виноградова и лучшая подруга его жены).

Хоть в рабочем кабинете, хоть на сцене - да везде
Как звезда я на примете, аплодируйте звезде!

ЧВЫЧКА (штрихи к портрету)

Каждый год из СВГУ в экспедицию приходил запрос на желающих поступить в аспирантуру. Юрка Благоволин без колебаний записывался каждый раз - он всегда был готов войти в науку. Однако и без аспирантуры он по уровню своего развития вполне соответствовал кандидату ГМН, ибо много читал геологической литературы, выписывал все существующие профессиональные журналы. Он много знал, но знаниями не кичился, держал их в голове и использовал в практической работе.

Как и большинство товарищей-геологов, Чвычка любил выпить и поговорить «за геологию и женщин». Секса на Чукотке официально вроде как бы и не было, да и погода не позволяла им заниматься, однако подпольные эротические фотографии и слайды существовали и пользовались большим спросом у населения.

Однажды Денис встретил на улице Чвычку, Козю и Небабу - трех «упертых» холостяков. Они быстро и решительно держали курс на «сороковедерный» дом, в котором проживал Козин.

- Порнуху хочешь посмотреть? - спросил Чвычка.
- Хочу,
- Ну, пойдём с нами.

В комнате у Кози был установлен проектор, увеличенные цветные изображения обнаженных женщин и разнообразных сексуальных сцен на большом экране приводили неискушенных в этом деле геологов в экстаз. Они попивали вино и наслаждались волнующим зрелищем. Непрерывно раздавались смешки и возгласы: «Ух ты! Ну и ну! Во дают!» и т.п. Так европейская культура проникла в самый дальний уголок Крайне-северовосточной Азии, в полярную ночь, в каменный эковский барак, в среду исследователей чукотских недр. Одним из рьяных приверженцев этой культуры был и передовой, прогрессивный, перспективный геолог Юра Благоволин - Чвычка.

К трем увлечениям Чвычки - геологии, вину и теоретическому сексу неожиданно добавилось четвертое - катание на горных лыжах. Случилось это ранней весной в выходной день. Стояла такая тихая и солнечная погода, что усидеть дома было ну просто невозможно. Сотни обывателей выползли на улицы, многие отправились в распадок, кто с лыжами, кто без них, пешочком, по поскрипывающему белому снегу. Неудержимо потянуло на гору и Чвычку, ему очень захотелось тряхнуть стариной, покататься на горных лыжах. Он долго, тщательно собирался, наконец, к полудню был готов и вышел из сумрака общежития на яркий слепяще-белый свет. Одет он был красиво, как на рекламе - пестрый спортивный костюм, лыжную шапочку и темные очки. Высокий, мощный, с широкими, поблескивающими металлической окантовкой горными лыжами, он смотрелся великолепно. «О, Великолепный Чвычка! Куда настрополился? Неужели в распадок?» удивился подошедший к нему Денис. «Горы зовут!» - ответил Юрка, и дрожь нетерпения продрапа его могучее, застоявшееся спортивное тело.

- О-о-о, Юра! Физкультпривет! Да ты никак на горно-лыжную трассу собрался? (это уже Цук, Козя и Стёпа возникли).

- Да вот... решил, самое... первый раз, - засмутился Чвычка.

- Первый раз! Открытие сезона! Это выдающееся, историческое событие надо отметить. Ты как, не против?

- Мона.

Юрка неуклюже развернулся, ссутулился и потопал назад, в общагу. Оживленная хмельная компания с бутылками вина в карманах последовала за ним. В чвычкиной комнате друзья-геологи заседали до позднего вечера. Разгоряченный вином, а потому говорливый Чвычка, сидя в спортивном костюме на своей койке, размахивал руками и яростно спорил на тему стратиграфии вулканитов. Забытые горные лыжи обиженно стояли в углу.

Одно время Чвычка жил в аэропорту, в восьмиквартирном экспедиционном доме. Его холостяцкая квартира, в которую можно было приходиться в любое время суток, привлекала свободолобивых геологов, она превратилась в своеобразный мужской клуб. Как-то Денис Доценко и Гена Цукин приехали туда на тракторе (дорога была занесена и колесный транспорт бездействовал). Войдя в теплую, накуренную и проспиртованную квартиру, морозные гости поднятием рук приветствовали народ.

- Как вы добрались? - спросил Чвычка.

- На тракторе.

- О-го-го! - заржали ребята. - Они наняли трактор! Во, дают!

Денис сел, на пустую, как ему показалось, койку, покрытую одеялом, но ощутил под задницей прямую твердую жердь. Он привстал, пощупал предмет рукой - нога, что ли?

- Тут лежит человек? - удивился он.

Ага, человек, - засмеялся Чвычка, - и его фамилия - Виноградов. Он тут ночевал.

- Ба, Женя, вот так встреча! - заорал Денис, одергивая одеяло с головы спящего. Женя проснулся, улыбнулся,

Иде я?

- У Юрки.

- А, вспомнил. Я, Денис, опять разругался со своей.

- Эт ничего, дело житейское. Только ты опять покаяйся. Как прошлый раз, помнишь?

- Да этих разов много было. Вино есть? Давай выпьем.

Выпили.

- Прошлый раз ты норовил заночевать в подвале, в кукуле. Ты был очень злой и всяко обзывал свою жену-бабу-хозяйку. Говорил, что она зря ревнует тебя к Дарье Орловой.

Зря, конечно, я давно к ней не хожу.

- А я тебе тогда говорил: Женя, не дури! Остынь, успокойся, иди домой и кайся, на коленях проси прощения за все, что было и чего не было, мирись! Семью ни в коем случае нельзя разрушать. Пей, гуляй, любовницу имей, но домой всегда возвращайся. Брак - это святое, нерушимое. И сейчас я тебе то же говорю, ты меня понял?

- Да, да, Денис, твоя правда, надо возвращаться. Вот только примет ли?

- Маруся примет и простит, не сомневайся. Проси у нее прощения, унижайся, соглашайся на любые условия, но чтоб никаких разводов. Вместе с Маней до конца! Выпьем за это.

Остальной подвыпивший геологический народ, не обращая на Женьку, и Дениса внимания, разногласно рассуждал на другие темы.

- Стари-и-ик! Да брось ты ату бодягу! - гнусно-пронзительным голосом уговаривал Чвычка Цук. - Какая аспирантура? Какая диссертация? Кому они нужны?

- Дана, не буу, - обещал Чвычка, звякнув бутылкой. - Я не буу больше записса.

Ч р е з в ы ч а й н о е с о о б щ е н и е

В мае семьдесят восьмого Оля Доценко подарила Денису долгожданную дочь, названную Катей (Настей – В.П.). Семья была окончательно сформирована, программа «максимум» выполнена (два сына и дочь - вполне достаточно). Экспедиция поздравляла счастливых супругов.

С Е З О Н - 78

Денис Доценко, просидев всю зиму за дешифрированием аэрофотоснимков (АФС) и составлением предварительной аэрофотогеологической карты, составил программу полевых работ, выделил участки для наземного изучения, наметил водные и сухопутные маршруты. Он получил на складе две новенькие резиновые лодки НД-5, . дал им имена «Марья» и «Дарья» получил снаряжение, продукты, двух школьников-старшеклассников и в начале июля на вертолете МИ-8 вылетел на место полевых работ - правобережье нижнего течения реки Амгуэмы, юго-западную окраину Ванкаремской низменности. Вылет сопровождался обильными возлияниями, провожали его два друга-собутельника, два Марка - Осадчий и Серов. В аэропорту Денис пел:

Я за что люблю тебя, Чукотка?

Да за то, что не сдаешься ты

И за то, что каждою весною

Расцветают на тебе цветы.

И за то, что пуночки в апреле,

Прилетая, радостно поют.

Пережив морозы и метели,

Скалы из-под снега восстают.

Вылет в поле состоялся семнадцатого июля, на семнадцать дней позже намеченного срока. К этому времени талые воды сошли, половодье завершилось, водотоки сильно обмелели, но Денис все еще надеялся на сплав. Основное снаряжение (лодки, продукты, рацию) он разгрузил на берегу Экугваама, а сам с пацанами высадился в двадцати километрах западнее, на берегу Амгуэмы.

Холмисто-увалистая кочковатая тундра. Жара, духота, комарьё, изматывающие маршруты. При спуске в долину Амгуэмы рабочие-малолетки отстали от геолога и учухали куда-то в сторону. Оглянулся Денис - нет пацанов, пропали. Он долго бегал и

орал, пока ни обнаружил их значительно ниже по течению реки. Обозленного геолога успокоил живописный берег широкой полноводной Амгуэмы - горный склон, крупноглыбовые развалы песчаников, высокие кусты густо-зеленого ольховника.

Обратный путь к стоянке был тяжким - заели комары. Ветер в спину, солнце в лоб, едкий пот заливает глаза и туча непрерывно атакующих кровососов. Пацаны стонали и плакали: «Каторга! Мучение! Домой, к мамам хотим!» Но рановато они заныли - самое трудное было впереди.

Двадцать первого июля был совершен двадцатикилометровый маршрут-переход (лучше сказать, марш-бросок) под вьюками на стоянку номер два (к Экугвааму). Денису тоже было чрезвычайно тяжело (все еще сказывалось похмелье) - часто и гулко билось сердце, кружилась голова, его мотало из стороны в сторону, он спотыкался о кочки и падал. Пацаны, вывалив языки, еле-еле плелись следом.

Достигнув кучи под брезентом, Денис начал лихорадочно рыться в ней, нашел банку сока манго, вспорол ее и жадно приник к отверстию. Подошли пацаны - пи-и-ить! Воды-ы! Зачерпнули из речки холодной воды в кружках разбавили сок манго и залпом выпили - уф! Вот она, награда изнуренному путнику, вот оно, истинное блаженство! А дальше - неторопливая работа, установка палатки и рации, выход на связь, ужин и сладкий сон под журчанье тундровой реки.

В маршруты Денис стал ходить один. Пусть пацаны отдыхают и готовят пищу, - решил он. Да и спокойнее без них, не надо следить, чтоб не удрали сдуру куда-нибудь. Сидят в палатке - и хорошо, ну, пусть сидят, так спокойнее.

Потом был так называемый сплав по Эргувеему. Речка оказалась настолько мелководной, что тяжело груженные лодки большую часть пути пришлось тащить по каменистому руслу, драть днище и бока. Бедные «Дарья» и «Марья». Они были изодраны в клочья, спускали воздух и пропускали воду со всех сторон. Это был не сплав, а стаск, сдёр, волочение. К назначенному месту (устье ручья Зеленого, десять километров по карте) «сплавщики» шли десять часов. Лодки Денису было жаль до слез - за один день угробил!

На следующий день пострадала и палатка - ее сорвало ураганным южным ветром, повалило и потрепало так, что в ней появилось множество разрывов. Пришлось Денису заняться капитальным ремонтом снаряжения - лодки он заклеил, как мог, а палатку заштопал.

После выполнения намеченных маршрутов отряд должен был сплавляться по реке дальше на север, но теперь этот план выглядел смехотворным - от Экугваама осталась лишь цепочка редких ям с сантиметровым слоем воды на перекатах. Денис отправил в центр экспедиции радиogramму: «Застрял устье Зеленого. Дальнейшая работа невозможна без вертолета. Необходима переброска на четвертую стоянку».

Отряд занялся рыбалкой. Пацаны прошлись бреднем по ямам Экугваама, вытащили из них огромное количество хариусов, засолили их, не потроша, в двух ящиках, придавили гнетами-валунами. На ближайшем бессточном тундровом озере полевики поставили сеть, в которую попало несколько маленьких, тощих и бледных гольцов с червями и пиявками в жабрах и под плавниками (ни в какое сравнение с толстыми красномясыми их эргувеемскими сородичами эти несчастные вырождающиеся рыбки не шли!). В окрестностях стоянки Денис собирал грибы, которые жарились вместе с картошкой и пожирались со зверским аппетитом.

Тридцатого июля утром Денис раскочегарил примус и поставил вариться грибной суп на обед. Затем просолившихся хариусов (около двухсот штук) он с помощью пацанов развесил вялиться на длинных веревках. И тут на стоянку черным вороном налетел вертолет. «Откуда? Неужели за нами? - запаниковал Денис. - Ведь мы совсем не готовы! Боже мой, что делать?» Он стоял, парализованный ужасом, наблюдал за маневрами вертушки - а вдруг мимо пролетит, вдруг не сядет? Сделав круг, вертолет сел, застал геологов врасплох. Начались поспешные, бестолковые сборы. Действовали по принципу -

вали кулем, потом разберем. Пилоты спешили в Нырвакинот (там портилась погода), командир бросал на разгильдяев-геолухов укоризненные взгляды! Чтобы как-то отвлечь летунов, убажить их, Денис вскрыл банку манго, дал им - угощайтесь. А вот удочки, а вот яма, в ней - хариусы, можете половить (рыба была поймана бреднем и выпущена в яму, где сохранялась в свежем виде для жарехи и ухи).

Рыбалкой увлекся второй пилот, бортмеханик помогал таскать грузы, а командир нервно расхаживал и поглядывал на часы. Наконец, все было запихано в вертолетную утробу, стрекозел взлетел и тут же приземлился возле озера, на котором стояла сеть. Лодку, лежащую на берегу, ветром от винтов сдуло и понесло. Денис сиганул в воду, поймал лодку, вытащил на берег, выкрутил ниппель, выдавил воздух. Пилоты в это время тащили сеть, жадно на нее взирая - каков улов? Увы - всего один хилый гольчик. Второй пилот нанизал его на кукан, где уже болталось пять хариусов, и понуро поплелся к вертолету. Бортмеханик помог Денису затолкать лодку в салон. Подбежали пацаны со сложным бреднем и вертолет помчался к указанной Денисом точке на карте.

Так Равнинный отряд АФГК неожиданно, экстремально, по сумасшедшему был переброшен на новую стоянку. Вертолет улетел, зазвенела тишина. Переодевшись в сухие штаны и намазавшись дэтой, полевики спокойно сидели и ели хлеб, подаренный пилотами, свежую редиску и зеленый лук - передачу из Нырвакинота.

Красивая жизнь! - произнес Денис, блаженно развалясь на поляне.

- Да, очень красивая, - согласились с ним его молодые коллеги, уже позабыв только что перенесенные трудности и волнения.

Выполнив четыре маршрута, Денис сделал важное стратиграфическое открытие - среди отложений, относившихся к нижне-среднетриасовой амгуэмской свите, он выделил верхнетриасовые отложения карнийского яруса, содержащие трубчатые раковины крупных фораминифер (флагрины). Эта находка существенно меняла представление о геологическом строении фундамента Ванкаремской низменности в бассейне нижнего течения реки Экугваам (вместо антиклинали получалась синклиналь).

На четвертой стоянке Денис получил не только геологическое удовлетворение - он имел удовольствие отведать непотрошеного вяленого хариуса. Ему показалось, что ничего вкуснее он до сих пор не едал. «Вот так рецепт! - изумился он. - Молодцы, ребятки! Такую вкуснятину сделали. И главное - очень просто, возни мало, разделять рыбу не надо, кишки остаются внутри. Поймал, обмыл, уложил в ящик, пересыпав буровой солью, положил гнет, через трое суток вынул, развесил, завялил - и ешь - наслаждайся - облизывайся! Рыба, пропитавшись внутренним жиром, приобретала необыкновенный, специфический вкус (впоследствии жена и дети Дениса, тоже дали высокую оценку непотрошеному вяленому хариусу из реки Экугваам).

Четвертого августа резко похолодало, исчез комар, небо затянуло тучами: наступила осень. Денис дал РД номер два: «Начиная пятого августа, жду вертолет аэровизуальных наблюдений переброски последнюю стоянку левобережье Амгуэмы». Настудила кукулиная жизнь с редкими дальнобойными вылазками на выходы коренных пород, ловлей рыбы и сбором грибов.

Пятнадцатого августа была отправлена РД номер три: «Ожидании вертолета просидели одиннадцать дней. Продукты на исходе. До двадцатого августа надо отработать еще один участок и закончить сезон. Срочно требуется вертолет для заброски на последнюю стоянку». Семнадцатого августа из центра экспедиции был получен ответ: «В связи с отсутствием авиатранспорта по погодным условиям вам необходимо вернуться на базу экспедиции, на вездеходе Мясоедова. Подпись - Тафик».

Подводя итог сезону, Денис написал:

Это был прекрасный блиц-сезон,

В две недели завершился он.

Амгуэму и карнюху осмотрел, лизнул, понюхал

И залег, туманами пленен.

Я в июле крепко поднажал,
В августе от холода дрожал.
Неуютно было что-то, в ожидании вертолета
В кукуле я месяц пролежал.

Девятнадцатого августа в час ночи Денис постучал домой, держа в руках две полевые сумки и тубус с секретными материалами. Рыба, грибы, камни, остатки продуктов и снаряжения переночевали в вездеходе. Утром дары тундры были доставлены домой и сыновья смаковали отлично завяленных, жирных, вкусных хариусов с кишками.

Тафик, временно исполнявший обязанности начальника экспедиции, в первый же рабочий день огорошил Дениса. Он предложил ему два варианта - или сопровождать бульдозер на Корриду, или ехать на пару с Глухаревым опробовать керамзитовое сырье (углисто-глинистые сланцы и алевролиты). Из двух зол Денис выбрал меньшее - Ваньку с керамзитом.

Двадцать восьмого августа на грузовом автомобиле, взяв все самое необходимое, Глухарев и Доценко выехали на сороковой километр трассы Нырвакинот - Иультин, в истоки реки Укоечхойгуам. Здесь, попив вина и отоспавшись, геологи пошли в маршруты. Под черным мрачным небом, мучимый похмельем, лакая холодную воду из всех встречных луж, Денис кое-как выполнил целевое задание и вернулся в палатку. Ванька ходил значительно дальше, вернулся позже и промок под дождем. Стоянка на твердой, каменной площадке (нигде ни кустика, ни травинки) была унылой, сырой и холодной.

В дальнейшем и погода и настроение пошли на улучшение. Из обследованных (зарисованных и описанных в полевой книжке) коренных выходов алевролитов были отобраны пробы, задание было выполнено и Иван Иванович, суровый муштина, запел, как соловей. На вершинах гор лежал молодой ярко-белый снежок, температура воздуха около нуля, бодрость и свежесть излучает природа. Приехала машина, геологи загрузились и вернулись домой. Денис, великолепно устроившись в кузове на мягких кукулях, восторженно любовался альпинотипными вершинами Искатеньского хребта, его карами, моренами, разноцветными скалами, белыми снежниками, пестрыми осыпями, золотисто-багряными полянами в нижней, придолинной части склонов - осенняя палитра радовала глаз. В такое время года, при солнечной погоде Искатень к югу от перевала сказочно красив.

Первого сентября Денис сдал свои записи и пробы Глухареву и сразу же забыл про керамзит. А Ваньке еще пришлось погнуться-попотеть. На наиболее перспективном участке, прямо возле трассы, ему выпало счастье отбирать технологическую пробу весом в тридцать тонн! Делал он это, разумеется, не один, а с помощью бульдозера, но все равно надорвался. На вечере полевииков Иван и Денис пели дуэтом:

Знаем, что такое керамзит -
Пучится и газами разит.
Но зато он к трассе близко
И лежит в долинах низко,
Глухарева мучит, паразит.

Что такое проба в тридцать тонн?
Знают только Ванька и Ньютон.
Это сила! это масса!
Хорошо, что близко трасса,
Хорошо, что все прошло, как сон.

Бульдозер на Корриду перегонял Стас Заноза, переведенный из начальника отряда в геологи по геолпоходам. В новой должности он побывал на Кеныне, пособирал в свое удовольствие агаты и был очень доволен - его коллекция пополнилась. И вдруг это ужасное задание! Заноза искренне возмутился и сказал Тафику:

Я люблю геолпоходы и агаты я люблю,

Я свои молодые годы на походах загублю.

Но бульдозер, как ни молишь, гнать куда-то не хочу.

А заставишь - тот бульдозер я всего лишь проглочу!

Проглотить бульдозер Занозе не удалось, пришлось ему две недели на нем трястись, не спать, мерзнуть и материться,

В начале сентября Денис собрался лететь на аэровизуальные наблюдения - без них геологическое задание Равнинного отряда считаться выполненным не могло. Неделю геолог понтовался, ходил в полевой форме, но вертолета так и не получил, аэровизуалка накрылась. Вместо нее поступило предложение лететь в Магадан для работы над листом Госгеолкарты-200. Вылет состоялся семнадцатого сентября. Вместе с Доценко по своим важным производственным делам (с направлением работ на 1979 год) летели его начальники - Пухов и Тафик (Сухов и Тафинцев).

В Магадан из залива Креста группа геологов ВЧГЭ долетела за один день - случай небывалый. Более того, их уже ждал забронированный номер в СВГУшной гостинице - вот что значит, думал Денис, ездить с шишками. Зеленая улица! Даже магаданская погода - и та ликовала - небо ясное, голубое, температура воздуха +10° С, оранжевая лиственничная тайга покрывала горы (в Анадыре было мрачно, шел снег и температура около ноля - чувствовалась огромная разница между Колымой и Чукоткой).

Вечером Кирилл и Денис (Константин и Евгений) по старой командировочной привычке решили как следует отметить прибытие, оббегали все рестораны Магадана и нигде свободных мест не нашли. Пришлось им брать в гастрономе ультражирный палтус и сухое вино «Ркацители». В номере гостиницы Денис предложил тост за рождение первенца - ему исполнилось одиннадцать лет.

На следующий день начальники-коммунисты Тафик и Пухов перебрались в шикарную обкомовскую гостиницу, а беспартийный-рядовой Доценко остался на месте - ему и тут хорошо.

Интенсивная работа над запиской к листу (исправление - замечаний редактора Шпетного) продолжалась три дня. Потом наступило послабление и появилась возможность ежевечерне посещать ресторан «Магадан», где Денис и Кирилл принимали свои законные двести грамм водки и две бутылки пива, закусывая салатом и бифштексом с яйцом.

Денис навестил старинного друга Блямса, отменно у него покушал, с молодой его женой Людой попил коньяку, посмотрел цветной телевизор. Шарик жил замечательно, в любви и ласке, он как сыр в масле катался, вот только пить ему было нельзя, здоровье не позволяло. Впрочем, это ему и не требовалось, он и без вина был весел, горяч и болтлив. Люда с обожанием взирала на своего легендарного, кучеряво-носатого кумира.

Купив на магаданском рынке малосольных огурцов, морковки и груш, Денис отправился в обратный путь, на Чукотку (впервые он не вез из Магадана пиво - своего в Нырвакините хватало). Возвращались начальники, защитив направление работ. Пухов ничего не купил, а Тафик вез куриные яйца, всю дорогу их бережно охраняя. В Анадыре Денис и Кирилл устроились в гостиницу, а Тафик с яйцами идти в номер отказался, мотивируя это тем, что все опоздавшие на регистрацию пассажиры жили в номерах. А вот он, хитро-мудрый Тафик с яйцами, сидя на стульчике в зале ожидания рядом с динамиком, не разоспится, не расслабится, он, дескать, немедленно услышит объявление и первым на регистрацию прибежит! Во как! Однако, лукавил Пежар. На самом деле он просто не мог больше находиться в одном номере с непрерывно курящим Пуховым, который в шикарной обкомовской гостинице чуть было его ни отравил густым вонючим дымом "Беломора" и водочным перегаром. Теперь непьюще-некурящий Тафик бегал от Пухова, как черт от ладана.

В Анадыре нырвакинотцы просидели всего лишь трое суток. Двадцать шестого сентября командировка Дениса Доценко была завершена и он приступил, наконец, к

камеральным работам по Равнинному отряду АФГК. Одновременно он делал обзорные полевые работы и по другим отрядам (для вечера полеви́ков).

В конце ноября закончил трехлетние полевые работы Тэркэнэйский отряд групповой геологической съемки, территория которого располагалась в пределах Восточно-Чукотской вулканической зоны. Заключительная песня Сани Крюканова звучала так:

Виноградов подарил студента очень мощного,
Пролезает в полушубке в скважину замочную.
Много точек, много точек, только нет руды нигде.
Среди свит, подсвит, свиточек мы мечтали о руде.
Я закончил групповую, групповая нравится,
С десятью теперь смогу я без усилий справиться!

На востоке Чукотки, охватывая эргувеевский золотоносный район, работал новый - Межгорный отряд ГГС (начальник отряда - Эдуард Сеницин, старший геолог - Юрий Благоволин-Чвычка). Напросился в этот отряд и бывший начальник Пепенской ГРП знаменитый Спартак Собакин, проживающий в Чите. Захотелось ветерану посетить родные места, тряхнуть стариной, порыбачить, поохотиться, клыков моржовых пособирать. Написал он другу Пухову письмо, получил по благу вызов и должность геолога Межгорного отряда. Разведчик - россыпник без высшего образования в геологии ничего не смыслил, занимаясь шлиховым опробованием, большой пользы отряду не принес, но сам изрядно обогатился. Главным его трофеем была шкура огромного бурого медведя, которую он тайно обрабатывал на полу Денисовой подвальной мастерской (в то время отстрел медведей был запрещен). В поле пенсионера Собакина поражал голый энтузиазм и геологический фанатизм Благоволина и Сеницина, которых ничего, кроме маршрутов, не интересовало. Он не мог понять - ради чего они так стараются? И как это так - жить в тундре и питаться одними консервами? Эдуард Сеницин об этом полевом сезоне рассказывал:

Бегал я по горам, как архар,
От меня валил соленый пар.
Но зато теперь смогу я сделать медом групповую,
Только б не заел меня комар.
Мне не жалко двадцать килограмм,
Их на игнимбритах я отдам.
На убудковских породах забываю я про годы,
Забываю про цветы и дам.
Рыбы не видали весь сезон,
Каждый был в породы погружен.
Сайру ели, воду пили, молотки позатупили,
Был Спартак увиденным сражен.
И сказал обиженный Спартак:
«Разве можно убиваться так?
Лучше б рыбой и охотой увлекались вы до пота,
Благоволин - бука и чудак».

Начальник Руддерского отряда АФГК Гена Цукин продолжал заверочные работы в бассейне Эргувеема. В поле у него снова разболелся левый глаз. Цукин пел:

Снова в лодке плыл по речке, только рыбу не ловил.
Мой отряд - три человечка, лошадиных десять сил,
С поля с глазом я приехал, но на дэту не грешу.
Дэта вовсе не помеха, я отчетик напишу.

Ново-Эргувеевский отряд Федора Свистоплясова открыл рудопроявление золота Коррида и проводил на нем поисково-разведочные работы. Особенность полевого сезона отразила в своей, по-женски эмоциональной песне, Света Уралова, молодая Петкина жена.

Ах, Коррида ты Коррида, распрекрасная страна!
По тебе, моя Коррида, я вздыхаю не одна.
Чайки кружат белой ночью над зеленою водой,
Гости едут на рыбалку многочисленной гурьбой
И в палатках спят вповалку, что же делать мне с собой?

На Водораздельном оловянном месторождении продолжал поисково-разведочные работы Алексей Мишин (Гришин).

Я надолго, очень прочно оседлал Водораздел,
Чтобы дать запасы точке, выдать много рудных тел.
Помогал мне Мандыч мощно, Шавкин был, совет давал.
Я дорогу строил срочно, и бурить не уставал.
Поработали немало, люди все, как на подбор.
И «Гагара» не дремала - замечательный прибор.

В ходе полевых работ на рентгено-радиометрическом приборе «Гагара» работала молодая специалистка, техник-геофизик Маша Степанова, девочка-блондиночка, стройная и привлекательная. Днем она оперативно определяла содержания металлов в дробленых пробах, а по ночам охотно отдавалась любимившемуся ей парню. Вернулась она в поселок беременной и вскоре родила сына, что дало повод геологам поздравить Мишина с реально-естественным «приростом запасов».

Продолжал выдавать подземно-слепые (геофизические) купола непонятного состава Северо-Иульгинский отряд Алексея Воронова.

Куполов десятки мы даем, Иульгин глубинный создаем.
Коль хотите - разбурите, не хотите - не берите,
Мы почти задаром отдаем.

Все еще действовал Порожистый отряд, руководил которым, на сей раз, Сергей Любомиров. Это был его последний чукотский сезон - на следующий год Сергей собирался уезжать в Красноярск.

Выдал напоследок я руду и теперь спокойно я уйду.
Только жаль, товарищ Пухов, что канав я не понюхал,
Где теперь канавы я найду?
Силы и здоровье сохранил, ветерана честь не уронил.
Хоть в Сибири жить я буду, но Чукотку не забуду,
Потому что всю исколесил.
На проводах Любомирова Денис прочитал адрес со стихами:
Что ж, пришла пора проститься - до свиданья, ветеран.
Пусть тебе Чукотка снится: с телевышкой гора,
Жизнь, прожитая недаром, песня, спетая без нот,
Наш залив, долины, кары, город наш Нырвакинот.
Путь, что был далек и долог, пусть запомнится навек,
До свидания, Геолог! До свиданья, Человек!

Однажды утром в выходной день зашел Денис в общежитие, к другу Чвычке, недавно вернувшемуся с полевых работ, похмелился. Чвычка лежал в постели, задрав бороду к потолку. Денис поговорил с ним о том, о сем, и уже собирался уходить, как вдруг рядом с Чвычкой, возле стены, что-то зашевелилось.

- Кто это там у тебя? - спросил заинтересованный Денис.

- Ну, кто еще, кроме меня, здесь может быть? - спросила, высунувшись из-под одеяла, разлохмаченная Галкина головка. Чвычка хмыкнул.

- А! Ну да, конечно, - смущенно пробормотал Денис и немедленно смылся.

Вскоре Благоволин и Матускина посетили ЗАГС и официально расписались, стали мужем и женой. Шумной свадьбы они не делали, потому что Галка вышла замуж второй раз и имела сына от первого брака. На Чукотку она приехала после окончания геолого-разведочного техникума. Стройная, гибкая черноглазая девица (комсомолка,

спортсменка), свежая и румяная, как утренняя заря, она поражала северных мужиков с первого взгляда. Известный женолюб Виталий Клевый в первый же день знакомства с ней пытался ее облапить и поцеловать в щечку, но Галочка, хохоча, отбилась от него.

Молодая специалистка была направлена в ГРП, где вышла замуж за горного мастера Матускина и вскоре родила сына. Сразу после этой великой семейной радости горный мастер был убит «по всем правилам техники безопасности», как выразился инженер по ТБ Васильев. Трагедия произошла просто и нелепо. Галкин муж сидел за столом в своем домике-балке за пределами опасной зоны, примерно в километре от шурфовочной линии. После взрыва с неба на огромной скорости, как метеор, на балок упал один-единственный камень, пробил крышу, проломил череп человеку. Галка стала вдовой и матерью-одиночкой. Когда сын вышел из младенческого возраста, она отвезла его к родителям на материк, а сама пошла в поле в Право-Эргувеевский отряд, где и схлестнулась с Чвычкой. Соблазнить подвыпившего парня не составляло труда. Но прошел еще целый год, прежде чем Благоволин сдался. Галка ему, несомненно, нравилась, к тому же ему осточертело каждый отпуск возить с Чукотки в Ленинград огромный рюкзак грязного белья для стирки, а потом тащить его обратно. Теперь бельевая проблема была решена, Юркина мать перекрестилась - слава Богу, при бабе охломон.

В МЖД-79 Денис написал женам геологов:

Привет вам, женщины-подруги, от всех геологов привет!

Желаем вам вдали от юга цвести и пахнуть сотню лет.

Для нас, мужчин, вы - объеденье, вино, кристаллы и цветы,

Смысл бытия и вдохновенья, и воплощенье красоты!

Женщин в экспедиции становилось все больше, а количество парней, особенно техников-геологов, катастрофически сокращалось. Сестрички-полевички пели:

С каждым годом больше нас выпускают ВУЗы,

Потому что в самый раз нам тюки и грузы.

Не боимся кукулей, сапогов огромных,

Завлекаем мы парней даже самых скромных.

Мы не можем обрастать бородой-усами,

Но зато мы можем стать сами чудесами.

И в спецовке любят нас - такова природа,

Не отводят парни глаз, путают породы.

В ходе полевых работ всякое бывает.

Много Пухову забот, каждый это знает.

Мы стройны, как тополя, и не косолапы,

Будут Пухову поля - станет крестным папой.

Одну из таких геологинь в камеральный период заполучил и Денис Доценко. Звали ее Люба, перевелась она в ВЧГЭ из Чауна, где ее муж-геолог Георгий (Жора) Тынский скандально прославился тем, что убил в поле трихинлезного медведя, сам отравился его мясом и отравил весь отряд, уложил на больничные койки. Люба пока приехала одна и, войдя в кабинет, поразила начальника отряда своим прекрасным лицом и веселым нравом. (И красива, и умна, в ней изюминка видна» - выдал экспромтом Денис). Он украдкой любовался сотрудницей и тайно завидовал ее избраннику, которого она, судя по ее высказываниям, по настоящему любила.

Ознакомившись с материалами Равнинного отряда, Люба стала надежной, трудолюбивой помощницей Дениса в составлении отчета. Отчет получился интересным. Помимо инструктивной графики, он включал «Альбом отдешифрованных и аннотированных аэрофотоснимков», геоморфологическую схему, отражающую стадии оледенения на Ванкаремской низменности и ее горном обрамлении, трансгрессии и регрессии, морские, ледниково-морские и ледниковые образования, сформировавшие приморскую равнину. В отчете были приведены многочисленные, обработанные Денисом, разрезы по буровым линиям и корреляционные схемы неоген-четвертичных отложений.

Выделены древние погребенные долины и, что самое главное, составлена карта-фантазия мезозойского фундамента Ванкаремской низменности (по данным геофизических и буровых работ). Эту схематическую карту, нарисованную на листе ватмана (составительский экземпляр) по молодости лет посчитал достоверной геолог-роосыпник Сергей Колечко. Она ему так понравилась, что он выпросил ее у Дениса и повесил в своем кабинете, как наглядное пособие и руководство к действию.

И не только молодой Колечко восхищался этим произведением геологического искусства. Большое впечатление карта произвела и на старого геолога, начальника поискового отдела СВГУ Павленко. Тот даже направил геолога из соседней экспедиции для перенятия опыта. Из всего этого следует, что Равнинный отряд АФГК завершил свои работы успешно.

В апреле состоялся телефонный разговор двух подруг - Нади Собко (Нырвакинот) и Маши Табаковой (Саратов). Позвонила Маша,

- Надя, Надя, самое, это ты?

- Я, конечно, кто ж еще, Алла Пугачева, что ли?

- Ты еще на пенсию не пошла?

- Нет пока, работаю. Там же, в здюлькиной конторе.

- Надя, эт самое, как его...тьфу, забыла. Ага, вспомнила. С праздником тебя, с днем геолога!

- Спасибо, Маша, мы с Собом тоже вас с Эдиком поздравляем с тем же самым и по тому же месту! Ну, как вы там поживаете в своем процветающем Поволжье?

- Мы то? Да хорошо, ей Богу. Удивляюсь, понимаешь, как это я могла на вашем диком севере просуществовать тридцать лет!

- Ну, кума, ты даешь! Совсем заелась! Забыла, что ли - тут свои прелести и удовольствия имеются. Мясо, например. Почти задаром продают. Девяносто копеек килограмм, представляешь? Маруся Виноградова за три рубля целую тушу купила!

- И-и, Надюша, так это ж те олешки, что от зимней бескормицы сдохли. В «Волжском пахаре» писали, что на Чукотке колоссальный падеж. На снегу ледяная корка образовалась, олени не могут ее пробить.

- А-а, ну тогда понятно, почему олени такие тощие - ни жиринки. Ну ладно. Передай Эдику, что у нас пивбар открыли, теперь как в Европе живем.

Эдик: Надя, давай вызов, выезжаю.

Маша: Ладно тебе болтать, отдай трубку. Надя, что я еще хотела спросить... Ага, вспомнила. Клевый чем занимается? У меня к нему дело есть.

- Он сейчас вроде бы в гидрогеологическом отряде Полукружкина, точно не знаю, надо у Соба спросить. Передать ему что?

- Ага, передай. У нас тут организуется новый трест «Промсбытхерамзит» ищут директора, может Виталий согласится?

- Хорошо, передам. Но сейчас Клевый, по моему, не в форме. Он играл в баскетбол и сломал руку. Теперь не только крыс, даже мышей не может ловить.

- Что ты, кума, говоришь такое? Разве он кот?

- Кот не кот, а крысу в геофонде поймал.

- Свят-свят-свят...

- Да ты не слыхала, что ли? В газетах же писали, и по телевизору, «В мире животных» показывали. Если бы ни Клевый, то эта зверюга, эта шушера и Риту Кутенкову до истерики бы довела, и все бы отчеты к чертовой матери сгрызла.

- Ужас-то какой! Я сколько лет в фондах просидела, никогда такого не было.

- И еще у нас интересное событие - Доржиев Жупела побил!

- Батюшки-светы, какой хулиган! Или они боксеры?

- Все-то ты забыла, кума, миллиардисты они. Клуб «Пирамида» помнишь?

- Это, который фикалями затопило?

- Вот-вот, он самый, только он давно просох и соревнования продолжаются.
- А по работе кто у вас самый передовой?
- В большом почете Веник, он на площади у райкома висит.
- А за что его повесили?
- Это мы сами только недавно узнали. Получили мы с Собом нашу любимую газету «Заполярный горняк» (в ней программу телепередач печатают) и на первой странице видим портрет нашего симпатичного Володи, под ним подпись: «Помещен в галерею трудовой славы за сдачу в эксплуатацию горно-рудных месторождений». Геологи, правда, ничего об этих месторождениях не знают, Веник тоже удивлен, но журналистам виднее.
- Эт самое, Надя, а Юра Благоволин, в самом деле, женился?
- Женился, кума, женился, Галка вцепилась в него мертвой хваткой.
- Ну, и слава Богу, один холостяк отмутился.
- И не говори, Маша, прямо гора с плеч. А вот Генриха Козина оформители окончательно списали, говорят, у него срок амортизации кончился. На Мишу Лепешкина тоже махнули рукой. Но Степан Небаба еще котирруется, кандибобером ходит. Сейчас они вдвоем с Мыколой Кукуленко парубкують.
- А геофизики у вас еще не переведись?
- Да ты что, кума, сдурела? Наоборот, они размножаются, как кролики. Скоро всю экспедицию полонят и геологов к чертовой матери выживут.
- А что Серов?
- Да что Серов! Хохочет, Особенно по средам, когда у него «приемный день».
- Подумаешь, шишка какая, приемный день сделал...
- Да принимает он не посетителей, а вино!
- Вона что! Тогда понятно. А геологи к нему как относятся?
- Подчиняются. Он даже Занозу в геофизика превратил, не говоря уже о Воронове, который давно под геофизическую дудку пляшет.
- Групповую съемку еще не прикрыли?
- Бог с тобой, как можно! Вот ты послушай, что Саня Крюканов поет: «Я закончил групповую, групповая нравится. С десятью теперь смогу я без усилий справиться». А Синицин и Благоволин вместо трех лет за один год карту нарисовали, теперь, стало быть, два года будут контуры уточнять, финтифлюшки выписывать.
- Надя, ты меня прости, дуру старую, я забыла, наверно, для чего они работают, геологи в нынешнее время? В старину они полезные ископаемые искали, а что сейчас? На картах групповиков что-нибудь полезительное есть?
- Чего нема, того нема, чистая геология. Карты похожи на эту, как ее, неприличное такое... абсрак...абсрак...абсрактную живопись, во! Да ты знаешь, кума, так-то оно и лучше. Для жен геологов. А то понаоткрывают рудопроявлений, а на них надо канавы проходить. Вот некоторые геологи и сидят в поле до зимы, их жены скучают, томятся, ругаются - кому это надо? От Оли Мишиной и Томы Клиновой Пухов уже прятаться начинает. Под стол лезет, как услышит их голоса. Как засядут ихние мужики на горных участках - и ни слуху от них, ни духу и вообще ничего. Какой молодой жене это понравится?
- Что верно, кума, то верно. Мой вот - старый хрен, а и то другой раз ждешь, не дождешься, когда вернется домой из поездки по селам.
- Маша, а про АФГК ты слыхала?
- Господи помилуй, а это еще что за чудо заморское?
- В ВЧГЭ тоже немногие знают. Расшифровывается это так: аэрофото-геологическое картирование. Высшее достижение геологической мысли! Прогрессуха колоссальная!
- Да неужто этот метод лучше группового?
- Ах, едриттвую в корень! Да никакого сравнения! И людей меньше, и площадь больше, и затраты совсем ничего!
- Вот это здорово! Как же они в поле работают?

- Плавают на лодках, ходят пешком ...
- Без вертолетов обходятся?
- В этом году Доценко и Цукин без аэровизуальных работ остались, а карты рисуют, куда ж денешься.

- Ну что, кума, заболтались мы с тобой, пора и за стол садиться, праздновать. Напоследок хочу спросить - как у геологов с жильем?

- Скоро все будет О'Кей! Все будут довольны и рады - такой домину для экспедиции отгрохали! «Арктика» называется. На северной окраине поселка, поперек всех ветров, другие дома от северной стужи загораживает, чтоб, значит, теплее и тише в них было.

- Ну, вот и, слава Богу, поживете в просторных квартирах со свежим воздухом. Привет ветеранам. Кстати, они на материк не собираются?

- Уехали и Иконников, и Любомиров. А остальные рысаки еще не сдаются, трюхают помаленьку. Шустрит, как и прежде, Федор Свистоплясов. Сейчас он вахту на Корриде высиживает. Скоро его сменит Петя Уралов. Ты знаешь, чем он прославился? В маршруты с диктофоном ходил, а описание точек наблюдения выдавал на перфокартах сразу в печатном виде. Правда, опечаток много. Вот, например, послушай: «Каверношные разности лпотных туфво». Что это значит, как думаешь?

- А хрен его знает.

- Вот и Пухов так же сказал, а Петя ему перевел: «Кавернозные разности плотных туфов». Ну, все, Маша, нам с Собою надо в ресторан бежать, будем отмечать день геолога вместе со всем коллективом. Тряхнем, понимаешь, стариной, чтоб чертям тошно стало! Пока!

В камеральные периоды не давал покоя начальникам отрядов и старшим геологам главный геолог ВЧГЭ Тафик (Пежар де Клювжо). Он замучил их политзанятиями, заставлял читать политическую литературу, готовиться, делать конспекты, рефераты, а на занятиях в обязательном порядке выступать. Он выслуживался перед райкомом КПСС, он изображал из себя рьяного борца за коммунистические идеалы, и все только для того, чтобы получить хорошую характеристику для поездки в заграникомандировку в капстрану, где можно хорошо заработать и купить машину. Политкружок Тафика считался лучшим в районе, его занятия часто посещали инструкторы райкома, идеологические работники, и перед ними геологи должны были показать свою политическую зрелость.

Досаждал не только Тафик, раздражали и ежедневные политинформации. Учил несчастных геологов плановик-экономист Доржиев, учил главбух Жупел, учили все, кому не лень, как правильно мыслить и развивать социалистическое производство. Сплошная теория, а на практике - завал. Ванкаремская буровая эпопея заканчивалась безрезультатно. Настало время подводить плачевные итоги и делать административные выводы. В конце концов, главный козел отпущения Тафик был переведен в другую экспедицию, а на его место назначен...

Это была сенсация! Главным геологом ВЧГЭ был назначен идеологически невыдержанный, беспартийный лабух-гитарист Евгений Виноградов! В черном костюме, белой рубашке с галстуком Женька сидел в персональном кабинете, в руководящем кресле, за административным столом и... никакой эйфории не испытывал. Он относился к числу тех беспокойных, суетливо-проворных мужиков, у которых "шило в жопе". Он часто вскакивал, убегал из кабинета, навещал товарищей-полевикув. Виноградов был вторым из числа коренных чукотских геологов, достигшим такой высокой должности после кандидата ГМН Ратникова, но этим отнюдь не гордился, она его не радовала, потому что вынуждала в рабочие дни вести абсолютно трезвый образ жизни.

Среди негеологических (бытовых) проблем у большинства старых геологов была проблема с материковским жильем. Денис Доценко, написавший в 1974-75 годах заявления на кооператив в сто городов Советского Союза, за три года получил девяносто прямых или косвенных отлупов. Собрав и систематизировав отлупы, он написал жалобу

председатель Верховного Совета СССР Подгорному. Подгорного тут же сняли и отправили на пенсию, а его администрация отфутболила письмо в Магадан, СВГУ, с предложением решить жилищный вопрос геолога Доценко на месте. Вот такая получилась загогулина. Денис совсем уж было отчаялся, как вдруг осенью семьдесят восьмого пришел положительный ответ из города Тольятти! Это была большая удача. Тем более что в этом городе уже жила Олина сестра, работавшая на ВАЗе, и Доценкам было, где переночевать. Обрадованный Денис немедленно сообщил другу Виноградову, что в Тольятти принимают северян. Женька послал заявление и тоже получил очередной (сразу за Доценко) номер. Денис и Оля верили и не верили, они с тревогой и волнением ждали извещение из ЖСК-22 с требованием первого взноса. Вот когда это произойдет, когда первый взнос будет отправлен, можно быть уверенным, что кооператив - реальность. А пока - надежда и ожидание.

В 1979 году у Доценок наступил очередной отпуск с оплатой дороги в оба конца. Никаких профсоюзных путевок у них не было, поэтому Денис написал заявление в бюро путешествий и экскурсий города Фрунзе с просьбой выслать ему туристическую путевку по Средней Азии за наличный расчет. Ему и тут сопутствовала удача - путевка была получена, начиналась она двадцать пятого апреля. Но перед этим прекрасным событием Денису предстояла тяжелая и неприятная работа - доработка и защита листа Госгеолкарты - 200 в СВГУ.

Шестого апреля на вертолете МИ-8 Денис Доценко по блату (помогла Олина подружка Маша Карова, работница аэропорта) вылетел в Анадырь, переночевал там на лавке в зале ожидания и, благополучно добравшись до Магадана, поселился в СВГУшной гостинице. Все пока шло четко, по плану.

В Управлении, узнав, что рецензент Кобылянский учинил ему полный разгром, Денис огорчился, приуныл. Удрученным выглядел и редактор листа, работающий пенсионер Шпетный, спокойный и тактичный дед. Он тоже считал, что высокомерный Кобыла поступил слишком формально и жестко. Объем исправительных работ был велик (причем не только для автора листа, но и для чертежниц), а сроки ограничены отпуском и путевкой.

Денис предварительно забронировал билет в Новосибирск на двадцать первое апреля, предупредил об этом куратора Мулевича и принялся за дело. В пятницу тринадцатого апреля в конце рабочего дня Саша Гросс, начальник тематического отряда, изучающего форму золотин россыпного золота, пригласил Дениса в свой кабинет на выпивку по поводу сороколетия. Денис сказал: «Предлагаю тост за бывшего нырвакинотского чукчу, бродягу, бича, алкаша и отъявленного матершинника, а ныне ученого геолога - знатока всего Северо-Востока, трезвого мыслителя и мудреца, самого культурного человека Магаданской области, поклонника изящной словесности и золотого тельца Сашу Гросса! Виват!» И стаканы зазвенели. Гулянье было продолжено на квартире у Гросса с видом на бухту Нагаева.

В субботу основной задачей Дениса было посещение больницы, где лежали Клевый с травмированной рукой (неправильно срослась, снова ломали) и Блямс со спайками кишечника и полной непроходимостью. К Блямбергу Денис и Виталий зашли вместе. В палате у больного они обнаружили доктора ГМН Соломона. При появлении новых посетителей Соломон попрощался. Входя, он бодрым, жизнерадостным голосом пообещал Блямсу, что завтра, на еврейскую пасху, он снова придет и принесет мацу - от нес Мойша быстро поправится.

Рядом с мужем круглосуточно находилась Люда. Блямс был плох. Он лежал голый на высоком столе и был подключен шлангом - отсосом к канализационной трубе. Из-под ключицы у него торчала питательная трубка. Говорил он с трудом. Операция, которую ему сделали, была пятая по счету, но врачи утверждали, что клиент и на сей раз выкрутится, будет жить.

Остатки субботнего дня Денис провел у Гросса за приятной беседой, потребляя водку, пиво и жареное мясо. В воскресенье он встречался с Николаем Жарковым (первым мужем Ирины Свистоплясовой) у него на квартире. Чукчам было о чем поговорить и что вспомнить. Хорошо поднабравшись, они спустились в подвал, где Николай показал Денису свои запасы моржового клыка и подарил ему мореный полуокатанный обломок, твердый, как камень.

В понедельник неожиданно была объявлена досрочная защита листа. «О, ужас! - воскликнул болеющий Денис. - К чему такая спешка?» Оказывается, председатель НТС, главный геолог СВГУ Городецкий должен ехать на какой-то симпозиум или коллоквиум, хрен его знает, поэтому лист надо немедленно защищать и утверждать. Два бешеных пса - Кобылянский и Мулевич - навалились на несчастного, потно-дрожащего автора и, воротя носы, корча отвратительные гримасы, обзывая по всякому, тыкали его носом в недоделку. В обед Денис выпил пива, немного успокоился, но, все-равно, предстал перед самодовольными членами НТС в жалком виде. Многие из того, что было написано в записке, он подзабыл, на вопросы отвечал невразумительно, чем вызвал всеобщее осуждение. Члены хихикали и укоризненно мотали умными головками. Смешав автора с говном, НТС лист утвердил. Сразу после защиты Мулевич буркнул: «Ты пить кончай! Работы много».

Вечером, вдвоем с чудесной женщиной Катей, бездетной женой Жаркова, Денис отметил защиту листа бутылкой вина. Катя рассказала, что вот здесь, в этой кухне до женитьбы частенько бывал Блямс. Рано утром, покинув женщину, проживающую этажом выше, он вваливался к Жарковым и прямо с порога орал: «Катя-а! Моло-чка-а-а!» А потом, засосав стакан, половой бандит докладывал: «Шесть с половиной палок!»

- Да брехал он все, - донеслось из зала, - что ты, Шарика не знаешь? Ой-й-й...

Хозяин квартиры в выпивке на кухне не участвовал и в беседе Дениса с Катей участия не принимал. Отходя от многодневной пьянки, Николай пластом лежал на диване, стонал, плакал и блевал. Он выглядел гораздо хуже теперешнего больного Блямса, подключенного к системе канализации.

Три последующие дня, под неусыпным контролем гнусного нытика Мулевича, Денис плодотворно трудился, исправлял многочисленные замечания. Девятнадцатого апреля в отдел госкартирования, где обретался Денис, позвонила Оля и сообщила преприятнейшую новость - Тольяттинский жилищно-строительный кооператив потребовал первой взнос - четыре тысячи восемьсот рублей да плюс триста за перевод - итого пять сто. Такие деньги на сберкнижке Дениса имелись, он отправил телеграфом доверенность жене, та деньги сняла и отправила на счет ЖСК-22. Фундамент дома был заложен, четырехкомнатная квартира гарантирована. Так Доценки после пятилетних поисков и разочарований получили реальную возможность приобрести квартиру на материке.

Денис воспрял духом. По работе над листом он тоже вышел на финишную прямую. Вечером этого счастливого дня вместе с Мандычем и Жарковым геолог посетил нагаевскую баню («Водно-лечебный оздоровительный комплекс»), попарился дубовым веником, поплавал в охлаждающе-бодрящем бассейне, попил пивка и почувствовал себя на седьмом небе. Двадцатого апреля, в пятницу, он окончательно завершил доработку карты и записки к ней, передал все материалы редактору Шпетному и записал в полевую (теперь отпускную) книжку стихи, которые он когда-то посвятил Виноградову и которые в данный исторический момент подходили к нему:

Завертепил эту шелупонь,

А теперь никто меня не тронь!

Потому что я победу одержал и в отпуск еду,

Потому что бешеный, как конь!

О Т П У С К - 79 .

Двадцать первого апреля температура воздуха в Магадане составляла -10°C , в Новосибирском аэропорту Толмачево $+8^{\circ}\text{C}$. Здесь уже явно чувствовалось дыхание весны, скворцы трещали на березах.

В столице Киргизии Фрунзе Дениса тепло (при $+20^{\circ}\text{C}$) встретил чукотский друг Кузьма. Он привел его в свой частный домик с цветущим садом, женой и дочкой, зарубил собственного петуха (у него был небольшой курятник), сварил плов, угостил домашними (Лерочкиными) разносолами и сливянкой домашнего производства. Друзья беседовали до двух ночи в летней кухне. Чукотский гость по просьбе Кузьмы обстоятельно, подробно, покабинетно рассказал о геологах ВЧЭГ и результатах полевых работ.

Коронный номер киргизской программы - поездка на озеро Иссык-куль. В начале пути светило солнце, белоснежные цепи гор и зелень долин составляли прекрасный пейзаж. Вдоль дороги - улица длиной сто пятьдесят километров, сплошные поселения огородников- дунган. Туристы, не заметив ни одной птицы, проехали Токмакский фазаний заповедник. За ним последовала гранитно-мраморная гора, на которой велась добыча облицовочных материалов. Растительность вдоль дороги убогая, только в долине реки Чу растут ивы и травы. Близ Иссык-куля голые скалы и осыпи сменились мощными накоплениями красного лесса и белых глин. Выходы изрезаны оврагами и отполированы ветрами. Вид фантастический, необыкновенный. На берегу озера (абсолютная высота 1700 метров) расположено село Рыбачье. Деревья здесь еще совсем голые, по осеннему унылые, нигде ни зелени, ни цветов нет - разительный контраст с цветущим Фрунзе (высота над уровнем моря - 750 метров). Сплошные тучи, гор не видно, накрапывает дождь. Вода в Иссык-куле соленая, зеленая, холодная, отталкивающая, берега озера пологие, возле турбазы сплошь покрытые зарослями облепихи. В густом колючем кустарнике летними туристами проложены ходы - норы, по которым можно продвигаться только ползком. Ведут они к тайным лежбищам, в которых уединяются влюбленные парочки.

Первое мая Денис встретил в Ташкенте. Было облачно, пасмурно, прохладно, временами шел дождь. С утра туристы посетили театр оперы и балета имени Алишера Навои, после обеда - исторический музей, где Денису понравилась коллекция черепов от самого древнего обезьяно-человека до современного гомо.

Праздник путешественники отмечали после ужина в гостиничных номерах. Пьяный Денис безуспешно пытался соблазнить одну из шутниц по имени Тая. Это была женщина молодая, еще комсомольского возраста, инструктор горкома ВЛКС, пьющая и курящая. Обладая хорошей фигурой, она имела удивительно мягкую грудь, что значительно снижало ее соблазнительные качества. В первые же дни на Таю положил глаз староста группы, воронежский экономист Мишка Толокушкин, но она предпочла чукотского геолога, она украсила собой его среднеазиатский маршрут.

Второго мая, с удовольствием осмотрев экспозиции музея изобразительных искусств (понравилась резьба по гончу), Денис выехал в Самарканд (Мараканду). И только тут он увидел, наконец, настоящую Среднюю Азию с ее восточной экзотикой и бытовым дискомфортом.

Еще более сказочной показалась Бухара, куда Денис в составе небольшой группы добровольцев приехал на автобусе пятого мая. Здесь он осмотрел летнюю резиденцию эмира, средневековую крепость Арк с тюремными ямами (зинданами), мечеть, духовную семинарию (медресе) и мавзолей Саманидов (девятый век).

В Бухаре уже во всю цвели розы и продавалась клубника. Многие женщины-бухарки носили дорогие старинные украшения из массивного золота и серебра с сердоликами, бирюзой и перламутром.

Апофеозом туристической поездки по Средней Азии стало купание в подземном Бахарденском озере, на глубине шестьдесят метров. К теплому сероводородному водоему, расположенному в огромной пещере, как в преисподнюю, вела крутонаклонная, слабо

освещенная лестница. Уже сам спуск вызывал жутковатый восторг, а плавание в озере, в свете фонарей кажущемся бездонным, заполняющим кратер вулкана, здорово щекотало нервы. Однако теплая газированная вода успокаивала и ласкала тело. Денис и Тая заплыли в дальний угол, в полумрак и улеглись на мелководе. Черный невидимый свод пещеры над головой, неровные глыбистые (свет и тень) стены и берега, таинственно мерцающие блики на озерной глади, серный запах - все это напоминало мягкий вариант ада, огромный каменный котел, наполненный плещущимися в подогретой воде грешниками...

Из пещеры Денис и Тая выбрались последними.

- Ага, вот и они! - зашумела толпа. – А мы думали, что вы утонули.

Тая смущенно потупила взор, щеки ее запылали. Необыкновенное, фантастическое купание было отмечено бутылкой чудесного туркменского вина. Вечером состоялся прощальный ужин в ресторане.

Ночью Мишка Толотушкин ушел прощаться со своей турподругой и попросил Таю, проживающую с ней в одном номере, выйти погулять пару часов. Тая пришла к Денису и осталась у него до утра. Вот так и вышло: конец - всему делу венец...

Перед вылетом из Ашхабада в Минводы Денис вспомнил о жене и купил ей ювелирный подарок - серебряные серьги и перстень с рубинами.

В Эссентуках, подводя итоги замечательному во всех отношениях среднеазиатскому маршруту («наделал – обдумай»), Денис выдел самое-самое, что поразило его и запомнилось навеки.

Киргизия - дорога на Иссык-куль. Таджикистан - Варзопское ущелье, дорога на Нурекскую ГЭС, высочайшая в мире плотина. Узбекистан: Ташкент - театральная площадь с прекрасными фонтанами, театр Навои, стена фонтанов на площади Ленина, современные архитектурные ансамбли; Самарканд - Регистан, Биби-ханум (мечеть, посвященная любимой ханской жене); Бухара – древние архитектурно-исторические памятники; город Навои – современное рукотворное чудо в пустыне. Туркменистан - Ниса, Фирюза и Бахарденское подземное озеро. И еще Денис узнал: узбекское национальное кушанье «бешбармак» означает «пять пальцев» (поедается пятерней).

В конце, июня Денис - со старшим сыном Васей приехал на автобусе из Энгельса в Тольятти, с помощью свояченицы Вали нашел фундамент будущего кооперативного дома, убедился, что ЖСК-22 - это не фикция, а реальность и что через год четырнадцатизэтажное здание вполне может быть построено (Виноградов, к сожалению, в этот дом не попал, Денис оказался последним членом ЖСК).

И еще одну тольяттинскую радость поимели отец и сын Доценко - плавание на яхте под парусами по Жигулевскому морю (Куйбышевскому водохранилищу). Капитан яхты (кэп), - свояк Анатолий Куксенко, - управлял гротом, необученный и нерасторопный матрос Доценко-старший стоял на стакселях, действуя весьма бестолково, получая втыки кэпа и удары реей по башке. Женщина и дитё (Валя и Вася) загорали на палубе. Яхта, подгоняемая ветерком, бойко пересекла водохранилище, достигла Жигулей, прошла у желто-белых обрывистых берегов, мимо кургана Молодецкого, с которым связано множество легенд, вошла в лиман - узкий длинный залив в устье реки Усы и причалила к берегу. Высадившись, «мореплаватели» пообедали с пивом, погуляли по лесным полянам, пособирали землянику и отправились в обратный путь. Наступил штиль, яхта легла в дрейф, остановилась, Валюха легла в трюм и заснула, а трое мужиков любовались скалисто-зелеными берегами, закатным небом и потихоньку гребли. Они с трудом пересекли фарватер, чудом избежав столкновения с теплоходом, и приблизились к левому берегу. Наступила тихая звездная ночь. Запоздавшая моторная лодка, заметив плачевное состояние парусной подруги, обессиленных матросов и орущего капитана, взяла терпящее бедствие судно на буксир и притащила к причалу яхтклуба. Домой голодные, унылые яхтсмены плелись пешком через лес километров десять, Валюха ядовито критиковала Толика, а Толик бормотал: «Да, без мотора не обойтись, надо все-таки мотор ставить».

В Саратов Доценки возвратились авиатранспортом (из куйбышевского аэропорта «Курумоч»). Воздушный путь с автобусными подъездами к самолету показался им предпочтительнее изнурительно-долгого наземного пути. В Энгельсе Дениса ждала радиограмма: «Рассмотрение материалов ВСЕГЕИ назначено на девятнадцатое июля вам необходимо быть Ленинграде за три четыре дня раньше = Городецкий».

Ленинград. Васильевский остров. ВСЕГЕИ. Пережив колоссальный мандраж, Денис за десять минут (уложился в регламент - уже хорошо), сделал сообщение, на вопросы, заданные академиками, ответив удовлетворительно, и - гора с плеч! Вершина Геологического Олимпа покорена! Теперь Денису предстояло потихоньку с нее спускаться.

Получив материалы и замечания к ним, Денис занялся исправлениями. Делал он тоже самое, что и в Магадане, но в абсолютно другой, доброжелательной обстановке. Да и замечания по карте и тексту записки были легко поправимые, просто нужно было приходиться, садиться за стол и не спеша, последовательно работать пером и тушью.

Двадцать седьмого июля, в пятницу, Доценко завершил все исправительные работы по листу, сдал его, куда следует, отметил командировочное удостоверение и с двумя товарищами-геологами в аспирантском общежитии крепко обмыл успех.

На железнодорожный вокзал Денис приехал один (пьяных провожающих не пропускали в метро), с трудом нашел свой поезд, свой вагон и в полночь отправился в Москву.

В купе три женщины. Денис попросил у них сосуд, предложил коньяку - дамы почему-то отказались. Что за народ! «Ладно, за ваши прелести» - провозгласил он и выпил, закусив бутербродами и грушами, из запасов очаровательных попутчиц. Забравшись на верхнюю полку, геолог всю ночь проспал, ни одну женщину не тронул, напрасно они беспокоились...

Десятого сентября пятеро Доценко, попрощавшись с Волгой, по воздуху перенеслись из Саратова в московский аэропорт Быково, оттуда переехали во Внуково, где и заночевали на лавках. Имели они на три билета восемь багажных мест (в том числе и электроплитку «Мечта») и одну безбилетную девочку Катю. Самолет летел по маршруту Москва – Норильск – Хатанга - Анадырь. В аэропорту чукотской столицы он приземлился двенадцатого сентября, Доценки приобрели билеты в Нырвакинот на четырнадцатое и устроились в гостиницу, Оля с детьми в одном номере, Денис - другом. (В 1979 году было завершено строительство нового огромного здания аэропорта со всеми службами и многоместной гостиницей. Пребывание в аэропорту для пассажиров стало значительно цивилизованнее и легче, чем до сих пор).

Залив Крестазакрылся по ветру. Из Магадана в Анадырь прилетел Главный геолог ВЧГЭ Евгений Виноградов. Денис обнял его, пригласил в свой номер, смотался в поселок, купил водки, и друзья начали обмывать радостную встречу. День они закончили ужином в ресторане. За соседним столиком гудели рыбаки-мореманы, играл оркестр, солист пел-надрывался: «Ямщик, не гони лошадей».

Утром следующего дня обитатели Денисова номера и зашедший к ним Виноградов похмелились, ожили, загалдели. После обеда их всех за неумеренное, шумное распитие спиртных напитков из номера выселили, и Денис захватил лавку в зале ожидания, надеясь на ней переночевать. Но вечером ветер в Заливе Креста стих и туда направили грузовой Ил-14, на котором семья Доценко и улетела. Женя Виноградов остался в Анадыре. В Нырвакиноте он появился через два дня с подбитой скулой - подрался из-за лавки с каким-то другим пьяным мужиком. Экспедиция впервые наблюдала битого главного геолога, возвратившегося из Магадана с важными производственными бумагами.

У Оли Доценко отпуск кончился, и она вышла на работу, Катю принял детский сад, мальчишки пошли в школу (Коля - в первый класс) и только у Дениса отпуск за счет ленинградской командировки все еще продолжался, отец семейства занимался оборудованием новой трехкомнатной квартиры в «Арктике». Целую неделю он пил вино

и душу его терзала песня «Ямщик не гони лошадей, нам некуда больше спешить». Это было какое-то наваждение, Денис никак не мог избавиться от этой въедливо-слезливой мелодии, отражавшей его минорное настроение. К нему заглядывали с бутылками поддерживали в бодром состоянии товарищи-геологи: Женя Виноградов, Юра Благоволин, Толик Виденко, Степан Небаба. Дело шло медленно, Оля, в конце концов, взбунтовалась и призвала на помощь своего вечно трезвого и делового поклонника – Виталия Клевого. Клевый бил дырки в бетонных стенах под полки и вешалки, Денис специализировался на заделке окон,

Фу! Наконец-то!

Двадцать шестого сентября хмельной отпуск у Дениса, слава Богу, кончился и начался новый трудовой и производственно-стихотворный этап. По заказу начальника экспедиции Супина (Тимофей Борщев), Доценко поздравил с двадцатилетним юбилеем Иультинский горно-обогатительный комбинат (ИГОК).

С днем рождения, комбинат!

Двадцать лет - расцвет и зрелость,

Многотонный концентрат,

В деле сметка, сила, смелость.

Знает рудник вся страна,

Три металла, труд ударный.

Горнякам Иультина

Клад подвластен заполярный.

ВЧГЭ всегда для вас

На Чукотке быть готова,

Чтоб пополнить ваш запас

И идти на поиск снова

Непосредственно вокруг Иультина с целью поисков скрытого (подземного) олово-вольфрамового оруденения продолжал работать геофизический отряд Алексея Воронова.

Купола мы в недрах роим, ищем, будто трюфеля.

Тайны, может быть, откроет геофизикам Земля.

Ждем теперь мы от бурейки на гипотезу ответ.

Оба в страхе - Марк и Лешка - будет «кумпол» или нет?

Вскрыв скважиной отрицательную гравиметрическую аномалию, которая теоретически должна была соответствовать гранитному куполу, Лешка ахнул - аномалообразующим объектом оказались габбро, дающие, как правило, положительные аномалии! Теория подтвердилась с точностью до наоборот. Как же так? Марк пустился в длинные путаные объяснения геофизических чудес, происходящих в природе, он научно обосновал вероятность такого явления и предложил заверить еще несколько аномалий, которые уж наверняка фиксируют гранитные оловоносные купола. Разочарованное начальство ему не поверило, работы по поискам невидимых, скрытых на глубине гранитных куполов были прекращены.

Готовил минерально-сырьевую базу для Иультина и другой Лешка – Мишин (Гришин). Хоть и далековаты от ИГОКа месторождения Телекая, но если руды богатые, их можно вывозить по зимнику на «Уралах» и это будет экономически выгодно. Сезонный поисково-разведочный отряд Мишина (старший геолог Николай Кукуленко) постепенно превратили в круглогодичную геологоразведочную партию. Мишин недоумевал:

Полевик обычный был когда-то я,

Возвращался осенью домой.

А теперь простился я с ребятами,

В поле остаюсь я и зимой.

Как же так, друзья мои, случилось,

Что - увы! - попал в разведку я?

ГРП с отряда получилось,
В цепи нас с Мыколой закуя.

На россыпном золоте специализировался молодой геоморфолог Сергей Колечко. Он применил новый - кварцево-галечный метод поисков погребенных россыпей к западу от действующего прииска Восточного. Вместе с ним ходила по тундре его жена Света; метод странный, подозрительный. Ветераны-геологи, посмеиваясь, пели на мотив «Гали молодой»:

Бегали Колечки по реке Оленьей,
Гальку собирали весело, без лени.
Ой, ты, галька, галечка с песочком,
Краше тебя нету в полевом лоточке!
С золотом увяжем кварцевую гальку,
Россыпь-невидимку, где искать, укажем.
Кварцевая галька все покажет точно.
Графиком на кальке мы спасем Восточный.
Ой, ты галька, галечка с песочком,
Графиком на кальке мы спасем Восточный!

Крутился-вертелся неугомонный организатор поисков золота Федор Свистоплясов (чукотский стаж - двадцать четыре года).

Все бегом-бегом наш Федотка мчится,
То на склад, то в порт может удалиться,
То, глядишь, машины он пробами грузит,
А потом вдруг в поле он сидит.
Вездеход, бульдозер, «Буран» он имеет,
Над моторной лодкой от счастья млеет,
Забежит домой на минутку Федя
И опять уж в поле он летит.

Его жена Ирина (двадцать лет чукотского стажа), осев в минералогической лаборатории, вспоминала свою молодость.

Я была молода, как тростиночка,
Потрудилась тогда моя спиночка.
С рюкзаком, молотком и с лоточками
По долинам я шла со цветочками.
В поле грузы несла я играючи,
Пробы мыла - жила припеваючи.
А теперь я тружу глазки-пальчики,
Я в шлихах нахожу минеральчики.

Нерентабельность групповой геологической съемки была отражена в «Марше групповиков».

Съемка, съемка групповая! Мы идем, не уставая.
Эх! Сила есть, толку нет, и не надо,
Силы много, толку мало - ну и что же!
Раздраконим вулканиты - туфы, лавы, игнимбриты.
Свиты есть, нет руды и не надо,
Силы много, толку мало - ну и что же!
На пусты места садимся и пусты места снимаем.
Карта есть, вот и все, ну и ладно,
Труд огромный, толку мизер - ну и что же!

Вдохновителем и организатором всех побед и поражений полевых сезонных отрядов был все тот же несгибаемей, могучий чукотский богатырь Кирилл Пухов, который в канун нового 1980 года после второй бутылки водки громко, по-оперному, запел:

Я бродил по разным странам, на Чукотке свил гнездо,

Дедом стал и ветераном, все изведаль от и до.
Все довольны капитаном корабля ЦГП.
Кости режу неустанно и плыву я без ЧП.
Геолог, веселей разворачивай дела,
Ё-го-го! Уложись в сезон.
На Бога не надейся, как черт работой смело,
Ё-го-го! В этом есть резон.

Учитывая ценные указания бывалого начальника партии, освободившийся от листа и хорошо отдохнувший начальник отряда Денис Доценко начал подготовку к новому полевому сезону. Что же ему предстояло делать в 1980 году? Спустившись с заоблачных высот Большой Геологии с ее регионально-теоретическими построениями, Денис вернулся к конкретным, локальным поискам в пределах Чаантальского рудного района, на территории деятельности групповиков. Чануанский отряд, который возглавил Денис, должен был работать на готовой геологической основе масштаба 1:50000, проводя детальные поиски олова и золота на известных ореолах рассеяния этих металлов.

Сколько бы ни было в жизни геолога полевых сезонов, ни один из них не похож на другой - все разные. Это объясняется тем, что каждый год меняются площади работ, рельеф местности, животный и растительный мир, геологическое строение и полезные ископаемые, климатические условия. Меняется из года в год и состав отрядов, другие люди, другие характеры сталкиваются и сосуществуют в полевых сезонных отрядах каждый год. Вот почему полевые сезоны геологам не надоедают, каждой весной они испытывают неудержимую тягу на лоно природы, к новым местам и новым открытиям.

Часть четвертая

ПОИСКИ

ЦИКЛ – VIII (1980 – 1983)

Место для базы Денис выбрал весной на вертолете, когда еще лежал снег, в привольном месте - на высоком берегу Чаанталя, ниже устья реки Телекай. Строил базу Толик Виденко. В конце июня весь отряд выехал в поле. В его составе был и тринадцатилетний Вася Доценко. Как обычно, геологи крепко отметили новоселье. Праздник длился три дня. Он был сильно испорчен непрошенным вертолетом, прилетевшим уже на второй день полевой жизни отряда для разброски лабазов. Почти все геологи, в том числе и начальник отряда, были не дееспособны. Спас положение единственный трезвый геолог Иван Глухарев. Он летал на вертолете и с помощью студентов разбрасывал по району работ заранее подготовленные лабазные бочки с продуктами.

Вертолетчиков, заночевавших на базе, пытался накормить дежурный по кухне рабочий. Он с трудом открыл банку сайры и стал грязным пальцем выковыривать рыбу в немытую алюминиевую миску. Высокомерно-брезгливые пилоты кушать консерву не стали, попили чаю и улетели. Свою задачу они выполнили лихо - люди и лабазы разбросаны по поисковым участкам, отряд мог начинать трудиться. Сногшибательную вертолетную свистопляску, не интересуясь намерениями начальника отряда, устроил Федька Свистоплясов, временно замещавший ушедшего в отпуск Пухова.

На базе Чануанского отряда остался лишь Денис Доценко со своей группой, для него попозже требовался еще один вертолетный рейс. Исыкли спиртные запасы, прекратился грохот вертолета, кончилась суматоха, на базе наступила благодатная тишина. Денис мог спокойно очухаться и приготовиться к маршрутам. Терзаемый похмельными муками начальник отряда метался по базе, стонал и непрерывно курил сигареты «Астра», душевная боль усугублялась острой щиплющей болью под языком - там возникла красная

опухоль с нарывами. Денису показалось, что мясо отстало от зубов. Он перепугался не на шутку и передал по радиации Свистоплясову, что ему придется вылетать в поселок для лечения рта. Из центра экспедиции ответили, что рядом, в Чаантальской ПРП, находится в командировке нырвакинотский стоматолог Баранов, можно обратиться к нему.

Переговорив по радиации с дантистом и сообщив, что «мясо отстало от зубов», Денис в сопровождении рабочего пошел на базу ПРП (по карте - пятнадцать километров). Чаантальского радиста Денис попросил передать кому-либо из ИТР, чтобы обеспечили лодку для переправы через Телекай, поэтому ничуть не удивился, когда на правом берегу реки лодку обнаружил.

Сурово насупленный горный мастер Витя Буцелюк удивился - вы откуда?

- Как откуда? Я же по радиации сообщил, тебе радист ничего не передавал? - в свою очередь удивился Денис.

- Нет.

- Ладно, хрен с ним. Я пришел к Баранову.

- Компоту хочешь?

- О, еще бы!

Приговорив вместе с рабочим банку «Ассорти», Денис отправился в сборно-щитовой финский дом - комплекс «Геолог», нашел дантиста, показал ему пасть. Зубной врач обрадовался - легкая работа.

- Ну, я думал, что дело хуже, а это ерунда, обыкновенный стоматит. Вот вам перекись водорода, будете полоскать. У вас яйца есть?

- Какие яйца?

- Куриные, разумеется

- Нету, откуда им взяться.

- Здесь вроде бы есть, спросите. Под языком будете смазывать яичным белком. Через неделю пройдет.

Суровый Буцелюк выделили больному соседу три яйца, Денис бережно завернул их в вату и бумагу и засунул в карман рюкзака. Успокоенный тем, что болезнь оказалась детской, пустяковой и что в поселок лететь не надо, Денис отправился в обратный путь на свою базу. Переправившись на резиновой лодке через Телекай, он увидел оленье стадо, пьяных сопливых чукчей-пастухов и двух не менее пьяных рабочих Чаантальской партии (лодка принадлежала им). Здесь, на галечном пляже, среди кустов ивы была заключена взаимовыгодная тундровая сделка - за две бутылки водки, которые тут же и были распиты, рабочие взяли у чукчей тушу свежезабитого оленя.

На свою базу Денис возвратился вечером. После длительного зимнего сидения на камералке это была первая прогулка по тундре, первая разминка перед началом систематического маршрутного исхаживания территории. Тридцать километров - не пустяк, как-то завтра будут чувствовать себя мои бедные ножки?" - думал Денис, подходя к базе. Он плелся, спотыкаясь о кочки и цепляясь за кусты - усталость была невероятная. Из крайней палатки-кухни тянуло ароматом горячих пельменей - завхоз Володя Рогов расстарался, угодил начальнику. Жаль только, что еда для Дениса стала мукой, жевать невозможно - больно под языком. Пришлось ему глотать пельмени целиком. Зато крепкий чай шел хорошо, он вызывал обильный пот и дополнял блаженство покоя, наступившего после длинного, утомительного пути.

Из ИТР на базе, помимо Дениса, находился старший техник-геолог Петя Польский. В поле он выехал рано, вместе с Толиком Виденко строил базу, заболел (его сразил приступ астмы), был санрейсом вывезен в поселок. Подлечившись, он вернулся в отряд. Не прошло и десяти дней, как астма снова начала его душить. С каждым днем ему становилось все хуже, ингалятор не помогал. Иногда Петру что-нибудь требовалось, а поблизости никого не было. Он стрелял из карабина, на выстрел прибежал или Денис, или его сын Вася, или завхоз Рогов. Чаще всего требовалось налить в термос кипятку и сыпануть туда соду. Петя делал горячую ингаляцию, тяжело, со свистом и хрипом дышал

над паром. В палатке стоял тяжелый, гнилой, мертвецкий дух. Больной непрерывно кашлял и харкал на пол, где образовалась зеленая зловонная лужа. В перерывах между приступами кашля он глотал пригоршнями таблетки, Денис тоже лечился, полоская рот перекисью водорода и смазывал больное место под языком яичным белком.

- Не палатка, а лазарет, - хрипел Польский.

- Слушай, Петя, может пора вызывать санрейс?

- Нет, пока не надо.

Но вот наступил момент, когда удушье стало настолько сильным, что Петр свалился с нар, дополз до порога и тонким детским голосом закричал: «Мама!» Целую неделю он почти ничего не ел, лишь иногда посасывал сгущенное молоко. На него страшно было смотреть - живой скелет, да и только, под глазами - черные ямы. «Все! - решил Денис. - Парень доходит, пора вызывать вертолет». И он заказал санрейс.

На вертолет Петра вели под руки, его ноги подгибались и заплетались. Десять дней больной держал в напряжении людей, живущих на базе, не давал им спать, пугая хрипами, стонами и жуткими криками. И вот, наконец, его увезли в Нырвакинот. Там его спасут, вылечат, но не скоро. Отряд лишился работника, оставшимся придется пахать за того парня. Да, подвел Петя полевиков, без вины виноватым оказался.

2. Бесплезные маршруты

Свистоплясов решил, что вертолет на Чануанский отряд поработал достаточно, а если он что-то не доделал, то виноват в этом начальник отряда. Вертушка работала на другие отряды, а Денис сидел на своей базе и мучился бездельем. Тринадцатого июля, в день открытия Московской Олимпиады, он решил сделать первый маршрут с пятикилометровым подходом. Сопка, на которую он пошел с сыном Васей, получила название Олимпийской. По пути к ней маршрутная пара пересекла Чануанскую рощу - густые заросли трехметровых чозений с кустами красной смородины.

Продираясь сквозь кусты, Денис провалился в яму, заполненную водой. Вася, шедший позади, радостно заржал, ловушку перепрыгнул и тут же угодил в другую такую же яму! Теперь расхохотался Денис - нет ничего приятнее для человека, чем видеть другого в таком же дурацком положении, в котором сам побывал.

Пройдя рощу и несколько рукавов Чануана, маршрутчики подождали еще двоих - техника-геолога Комкина (Игорь Кемкин, ДВПИ, Советский Союз) (студента-практиканта) и рабочего Ждана. Вверх по склону горы Олимпийской Денис наметил профиля литохимического опробования и вся группа прошла по нему. По ходу Денис учил студента пробоотбору и ведению записей в журнале. На вершине горы Денис покинул металлометристов и пошел по своему маршруту. Вася следовал за ним. На южном склоне горы отца и сына поразили своей неожиданностью и красотой кусты дикой розы - цветущего шиповника. В долине реки Чануан прошли каньон - коренные скальные выходы массивных песчаников. Через бурную валунистую речку Денис и Вася переходили осторожно, подняв голенища резиновых сапог. Вася держался за отца. На выходе из каньона маршрутчики увидели множество стрижей и их гнезд, прилепленных к стенке обрыва.

Первый в жизни геологический маршрут оставил у Васи много впечатлений. И удивительная для восточной Чукотки чозениевая роща со смородиной, и смешные случаи, и цветущий шиповник, и обед на альпийском лугу, и бурная речка, и стрижи. На базе Вася обучался рыбной ловле у завхоза Рогова. Хариус, снятый с крючка, или вынутый из сетки и трепещущий в руках, приводил мальчика в восторг. "Хорошо в поле, - сказал однажды Вася, - я тоже буду геологом».

Неожиданно на базе появился заброшенный на лабаз Толик Виденко. «Девочкам нужен тазик», - объяснил он причину своего прихода. На базе геолога ждал приятный сюрприз - булькающая посылка от жены, прилетевшая санрейсом для Петра. Толик, не

мешкая, выпил две бутылки вина, упал на спину и заснул рыжей бородой к небу, с дымящейся сигаретой в зубах, свесив с нар ноги, обутые в болотные сапоги - не успел снять. Проспавшись, геолог засунул в рюкзак забытый впопыхах при вертолетной заброске тазик и отправился восвояси, за двадцать пять километров, через хребет, в соседнюю долину. Там его встретили улыбками, аплодисментами и словами благодарности миниатюрная черноглазо-раскосая красавица-якуточка Саргылана и крепенькая голубоглазая хохотушка Леночка. Обеспеченные всем необходимым, девочки трудились безропотно, в меру сил отбирая литохимические пробы на крутых склонах Чануанских гор.

Вскоре после ухода Толика студент Комкин и рабочий Ждан обнаружили в тундре оленя, подрали его и погнались за ним. Олень переплыл на остров, расположенный посреди небольшого озера и спрятался там в кустах. Взбудораженный Комкин прибежал на базу, закричал:

- Нужна лодка! Скорее! Уйдет!

- Кто уйдет?

- Олень! Мы его ранили! Он на острове сидит, Ждан его стережет.

- А где это место?

- Да недалеко, километров пять отсюда.

И ты собираешься лодку тащить?

Да.

Пока Комкин бегал за лодкой, Ждан, бросившись в ледяную воду, доплыл до острова и спугнул оленя. Рогатый переплыл озеро и ушел в тундру. Окоченевший Ждан, клацая зубами, прыгая и приседая, остался на острове, назад ему никак не хотелось. Приперся, с лодкой на горбу, распаренный, потный Комкин. Увидав на острове пляшущего Ждана, он страшно удивился.

- Ты как туда попал?

- Пе-пе-реплыл.

- За-за-чем? - спросил Комкин, тоже почему-то заикаясь.

- Ну что ты стоишь? - заорал Ждан. На-на-дувай лодку, гони сюда, я плыть обратно не могу, во-вода холодная!

- А олень где? - накачивая лодку, крикнул Комкин.

- У-бе-бе! Убежал! Ту-ту,..туда. Вту-ту... тундру.

На базу лодку в быстром темпе тащил, согреваясь, Ждан. Интересные ребята! Комкин - коренастый, широкоплечий, черноглазый, с длинными черными волосами, перевязанными красной лентой через лоб - красивый малый, похожий на киношного индейца. Ждан - цыган, высокий, атлетического сложения, смуглый, с черной, пышноволоосой, кучерявой головой. И оба - анархисты, совершенно неуправляемые, своенравные, говнистые парни. С ними Денису предстояло выбрасываться на лабаз и работать весь сезон.

Проявили они себя уже на базе. В один из длинноподходных маршрутов при жарко-душной погоде Денис, как обычно, энергично шагал впереди, а его спутники - Комкин и Ждан - лениво плелись следом. На длинном подъеме - тягунке, среди моренных холмов, ребята как-то внезапно исчезли. Они, по-видимому, присели отдохнуть, да и заснули, потому что поздно легли спать, долго колобродили, брэнчали на гитаре. Денис поднял их рано - и вот результат. Искать молодых мудаков он не стал, Комкин имел карту с профилями пробоотбора и мог самостоятельно выйти на участок. Но и там, в течение всего дня Денис металлометристов не заметил. Обнаружил он их поздно вечером на базе.

- Вы где были? - зло спросил начальник отряда. - Куда вас черти носили?

- Были там, где намечено на карте, - спокойно, глядя прямо в глаза Денису, ответил Комкин.

- И что вы там делали? Пробы отбирали?

- Отбирали. По всем профилям.

Почему же я вас там не видел?

Не знаю.

И в самом деле - журнал заполнен, пробы есть, но не отобраны ли они с одного места? Там, среди морен, где спали эти засранцы? Как это определить? Только по анализам, которые будут только зимой. Пришлось Денису поверить и смириться.

Долгожданный вертолет появился в конце июля. На нем прилетел заметно поддатый Федор Свистоплясов, помог загрузить и забросить лабазы в верховья Чануана. У Дениса начались, наконец, систематические поисковые маршруты. Он ходил один (Вася остался на базе), без радиометра, выискивал рудную минерализацию, брал штуфные пробы со всех «подозрительных» - гидротермальных и метасоматических образований. Он таскал такие тяжеленные рюкзаки, что аж трещали лямки. Комкин и Ждан сначала ходили вместе, потом, для ускорения работ, стали ходить по одному. В первых маршрутах ребята хитрили, брали маленькие, по полмешочка пробы - ну чтоб легче было тащить. Денис им сказал, что так не годится, пробы у них не представительные, надо набирать полные мешочки.

- И так рюкзаки тяжелые, - огрызнулся Ждан.

- А ты мой попробуй, - предложил Денис.

Ждан, стоя на коленях, двумя руками дернул рюкзак - не поднимается.

- Ого! – воскликнул рабочий, стал на ноги, с трудом оторвал рюкзак от земли и немного передвинул его в сторону.

- Да-а-а... - только и смог вымолвить он.

- Вот так, ребята. Прошу вас - берите полноценные, представительные пробы. А то от таких проб, что вы берете, после просева ничего не останется.

Отработав один лабаз, группа Доценко перешла на другой. Здесь к Денису пожаловали неожиданные и нежелательные помощники. Вопреки намеченному плану, на стоянку привел своих девочек с тазиком Толик Виденко.

- В чем дело? Что такое? – возмутился и встревожился Денис.

- Наш лабаз разграбил медведь. Я туда ходил предварительно один. Бочка открыта, банки побиты, керосин вылился.

- Та-а-к, - протянул огорченно начальник отряда. - Обидно, досадно, но ладно. Будем работать вместе, быстрее закончим, а потом отработаем и твой участок.

Об уничтоженных продуктах Денис ничего не сказал, все и так знали, что их стоимость расписывается на тех, кому они были предназначены. Не повезло ребятам и девочкам, придется платить за медвежьи услуги. Студентки и студенты рвались на базу, они бегали по профилям как горные козы и козлы, набивая рюкзаки мешочками с суглинком и супесью, стремясь побыстрее выполнить план, закончить металлометрическую съемку масштаба 1:25 000.

Денис видимого касситерита не находил до тех пор, пока ни посетил рудопроявление Обзорное, открытое в прошлом году Крюкановым (А.В. Куканов). В одной из канав он нашел красивую друзу касситерита и взял ее для личной коллекции. Так и вернулся он на базу, не сделав никакого открытия. Оставался неотработанным еще один, последний участок - может быть, там что-то есть?

3. Мечта сбылась!

К концу сезона в отряде появился вездеход, дали под завязку. Водитель - Витя Мусатов (Мусатов? – В.П.), Мусик, "Ясно море", тот самый, который на Амгене бузил в 1969 году. Прибыл Мусик не один, а с веселой, разбитной подругой, приобретенной в отпуске, и шаловливым щенком Кешкой. Построил себе Мусик терем, попросил Васю украсить его. Вася нарисовал на фанерной двери цветы в горшках - символ семейно-мещанского счастья. Все бы хорошо, да вездеход был сломан, требовал ремонта. Мусик, с тремя помощниками - веселой женошкой Ольгой, шаловливым щенком Кешкой и покладистым геологом Виденко - кое-как дополз до поселка Чаантальской ГРП, утопил

вездеход в Телекае. Разведчики вытащили злополучного инвалида из реки, сделали, где требовалось, сварку и Мусик с тремя помощниками благополучно возвратился домой.

На последний, четвертый по счету лабаз, Денис и Толик выехали на этом самом вездеходе. Дорога была ужасной. На многочисленных ледниковых валунах (бульниках, как говорил Мусик) раз за разом слетали гуски, лопались торсионы. Там, где это происходило, ручьи получили названия Трак, Гуска, Торсион. Не доезжая до лабаза километров пять, вездеход окончательно развалился, глыбово-каменистая дорога стала для него совершенно непроходимой и Денис пошел пешком, оставив Витю и Толика возиться с бесполезной железякой.

Палатку он ставил один. Веселенькое это дельце, особенно в сильный ветер! Ох, и пришлось геологу побегать и попрыгать, устанавливая стойки и натягивая веревки! Палатка-шестиместка много раз падала, и все надо было начинать сначала: стойки - камни - веревки-растяжки. И все же он осилил, поставил, натянул! Дальше - кайф: примус, ужин, чай, кукуль и сознание достигнутой победы - все-таки обосновался, утвердился, закрепился! Завтра - на работу.

Толик, помогавший Мусику транспортировать вездеход-калеку на базу, появился на стоянке через сутки и подключился к поисковому искаживанию участка. И вот тут-то Денису и повезло - он открыл рудопроявление (возможно, месторождение) олова: кварц-касситеритовые прожилки в ороговикованных песчаниках. Открытие произошло, как это обычно и бывает, совершенно неожиданно (прав, прав, соб-сря, механик Хряпко!). Шел Денис по склону хребта, внимательно глядя под ноги. Вдруг что-то блеснуло в солнечных лучах, геолог наклонился и увидел кристаллы касситерита! Он проследил развалы, детально, как говорится, на пузе, исползал весь склон, нашел еще несколько рудных точек, отобрал штучные пробы, набил рудой полный рюкзак. В последующие дни на оловоносном участке было проведено детальное литохимическое опробование. Толик Виденко, разбивая профиля через сто метров, находил, по его словам, много обломков осадочных пород с касситеритом. Геологами был составлен план участка, вынесены все находки касситерита – картина получилась впечатляющая. Смущало одно - Толик со своих многочисленных рудных точек не показал ни одного рудного образца! Денис недоумевал: «Как же так? В чем дело? Ты утверждаешь, что касситерит видел – где же он? Почему нет образцов?» Толик объяснял по-разному. В одном случае, он утверждал, весь касситерит ушел в пробу, на образец не осталось, другой раз он уверял, что касситерит при ударе молотком по камню осыпается или он слишком мелкий, невзрачный, не стоящий того, чтобы его брать в качестве образца. Короче говоря, темнил товарищ Виденко, врал направо и налево, а вот для чего - не понятно. Такая уж у него была странная особенность, причем далеко не безвредная и это в экспедиции знали все, он неоднократно попадался на вранье и раньше, в других отрядах. Анализы проб выводили фантазера на чистую воду.

В данный момент и без Толиковых фантазий Денису было ясно - открытие состоялось! Как назвать рудопроявление? Рядом протекал ручей, который студент, проводивший шлиховое опробование, обозвал Мечтой. Денису это название понравилось. Так возникло рудопроявление олова Мечта. Причем появилось оно на территории, уже опосредованной в масштабе 1:50000. Почему его пропустили групповики? Позже, в камеральный период, Денис выяснил, что этот участок, примыкающий к базе Право-Чаантальского отряда ГГС, был оставлен Вадимом Черных на осень, потому что близко, рядом. Здесь был сделан всего лишь один маршрут, по заснеженному водоразделу, мимо оловоносного участка, расположенного на склоне, так что никто ни в чем не виноват. Выполнил этот осенне-снежный маршрут Степан Небаба. Стёпа, привет!

4. База. Финальные происшествия

Поисковые работы сделаны, все группы Чануанского отряда собрались на базе. Впрочем, до выполнения плана (двенадцать тысяч литохимических проб) оставалось еще сто двадцать проб. Эти недостающие пробы взялся отобрать на задернованных холмах у подножья гор геолог Олег Карбышев, внук знаменитого генерала. При морозе и ветре это было нелегко, но Олег пробы из мерзлого суглинка все-таки отобрал, он сделал это, добил план! А это означало, что, при хорошей оценке, премия - обеспечена.

Началась полевая камеральная обработка материалов. Студенты на базе в этот период – тяжкое бремя для начальника отряда. По ночам – вопли, хохот, песни под гитару. Вражина Комкин (Игорь Кемкин) завывал в стиле битл-поп-рок. Его вой приводил Дениса и Олега в ярость, начальнику отряда приходилось вылезать из теплого кукуля, идти и глушить расходившегося хренова певца. А утром получалась такая картина: техник-геолог Лена и девочка студентка работают, сеют и упаковывают пробы, а Комкин, гад, спит себе без зазрения совести, причем почему-то не на своем месте, а в женской палатке. Возмущенный начальник отряда находит его, дергает за ногу:

- Эй, Комкин, почему спишь?

- А что, нельзя? Хочу и сплю.

- В рабочее время спать не положено! Тебя этому не учили, что ли? Вставай, хватит филонить! По ночам дико завываешь, а днем спишь! Вставай, кому говорю!

Студент Дальневосточного геологического (политехнического – В.П.) института нехотя вылезает из кукуля, девчата хихикают. «Ну и кот», - говорит Денис, возвращаясь в свою палатку. А однажды утром он вообще не смог его найти. Денис заглянул во все палатки - нигде его нет. Вместе с ним исчезла и Рая - студентка того же института. Через некоторое время Денис выяснил - они спят в бане. «Вот те на! У них любовь, что ли?» - возмутился начальник отряда. - Такое безобразие творится у меня под носом!» Комкина в этот день он так и не видел, а Рая заходила по делу. Выглядела она несколько смущенной, закрывала свою нежную шейку воротничком блузки и ладошками, пытаясь скрыть засосы-синяки - следы бурно проведенной ночи.

Студенты были отправлены в Нырвакинот в числе первых. Затем вылетел Польский (пролежав в больнице месяц, он возвратился в поле и кое-как дотянул до конца сезона), за ним - Глухарев, Виденко, Ждан. На базе осталось четыре человека - Доценко, Карбышев, Рогов и Саргылана. Денис и Олег жили в утепленной палатке со всеми удобствами, им не приходилось выходить на улицу по малой нужде. Из тамбура, где размещался рукомыльник, Денис вывел наружу толстую канализационную трубу с раструбом на конце и в нее сливал всякую жидкость. Его товарищ поступал аналогично.

В октябре наступили сильные морозы. Тысячные стаи куропаток покинули долины, поднялись в горы. На базе кончился уголь. Чануанцев выручали запасы угля на пустующей базе соседнего отряда, расположенной в трех километрах ниже по течению Чаанталя (строил базу и завозил уголь Алексей Воронов). Денис и Олег брали большие рюкзаки и по ледовой дорожке, образовавшейся среди кустов и кочек вдоль вездеходной колеи, шли за углем. Наполнив рюкзаки (вес груза составлял не менее пятидесяти килограмм), геологи, не спеша, возвращались домой и разводили огонь. Двух рюкзаков угля хватало на целую неделю - геологи топили печку экономно.

Завхоз Рогов, занимавший отдельную палатку, возил уголь на каком-то санеобразном сооружении. А вот маленькая бедная Саргылана первые морозные дни, не имея топлива, мерзла и страдала. Однажды она не вышла на работу в «Мусикхолл», где сеялись металлометрические пробы. Денис вошел в ее жилище, осмотрел нары, покрытые пустыми кукулями, признаков Саргыланы не обнаружил и забеспокоился - где она может быть? В туалете? «Ладно, подождем еще, - решил начальник, - авось, появится». Прошел час - Саргыланы нет. Денис еще раз заглянул в ее палатку - пусто. Что за чертовщина?

- Сбежала, - предположил Олег. – Одичала и обежала. В тундру.

Денис пошел к завхозу.

- Ты Саргылану не видел?

- Нет, она еще не выходила.
- Откуда не выходила?
- Из своей палатки. Спит.
- Нет ее там, я два раза заходил. Все кукули пустые, плоские.
- Да там она, куда она денется! Покричать надо.

Третий раз вошел Денис в холодную женскую палатку, заорал с порога:

- Саргылана, ты где? Отзовись, ау!

- Тут я, - раздался тоненький голосок, и в одном из спальных мешков обозначилось слабое шевеление. Слава Богу, нашлась, живая, к тому же, разговаривает.

- Я сейчас встану, Денис Иванович, - пропищал кукуль.

Начальник ушел. На другое утро он увидел дым из трубы Саргыланиной палатки. «Нашла топливо, молодец», - обрадовался Денис. На работу оттаявшая техник-геолог явилась вовремя. Олег сообщил Денису, что уголек ей притащил Рогов, спас девушку от вымерзания. Через несколько суток после первой топливно-энергетической помощи Рогов решил, что содержать две печки - свою и Саргыланину - нерационально, получается слишком большой расход драгоценного каменного угля. И он, с разрешения Саргыланы, перебрался в ее палатку, лег рядом. Здесь он быстро сообразил, что спать в двух кукулях тоже нехорошо, прохладновато как-то и с разрешения Саргыланы перебрался к ней. Вот теперь все было в порядке - компактно, тепло, уютно. Никакой мороз нипочем. Так на угольной почве возникла новая полевая семья. Геологам было завидно, они жалели пропащую якуточку. Такая молодая, экзотически красивая девочка, а он - бич из бичей, трижды женатый, недавно переболел гонореей – ну, что за пара? Погубит он ее - считали ИТР. Как-то, выпив бражки, Олег высказал Рогову свое мнение на этот счет. Завхоз поклялся, что намерения у него самые серьезные, жен менять ему надоело, Саргылану он любит и не оставит никогда.

Рогов и Саргылана в поселок не спешили, у них был свой маленький рай в шалаше, в котором они переживали медовый месяц. А вот Денис и Олег соскучились по женам и цивилизации, время тянулось для них томительно долго. Утром в крепкий мороз Денис, содрогаясь, выбирался из кукуля, быстро-быстро напяливал на себя холодную одежду и растапливал печь. Почуввав тепло, начинал шевелиться Олег. Она высовывал из кукуля руку, нащупывал на столе огрызок галеты, откусывал малюсенький кусочек и жевал. Затем он доставал сигарету и закуривал. Так он соблюдал свой железный принцип - натошак не курить.

Днем геологи камералили, обрабатывали и упаковывали в ящики литохимические пробы. Частенько, сидя за столом, покрытым бумагой, Олег в глубокой задумчивости, машинально рисовал голых женщин. Когда вся его половина стола была полностью изрисована, Денис объявил:

- Ну, Олег, все, ты созрел. Даю в центр экспедиции радиogramму: «Карбышев рисует на столе эротические картинки, срочно требуется вертолет для вывоза его к жене».

- Не вздумай, я еще потерплю, - буркнул Олег, дорисовывая очередную пышногрудую красавицу-блондинку с темным кучерявым лобком.

- Мы только мечтаем, а Рогов, гад, реально наслаждается, - заметил Денис.

- Да-а-а, Саргылану бы с удовольствием бы, - согласился Олег, - прозевали!

В конце октября наступил долгожданный момент - последняя проба была просеяна и упакована. Денис со спокойной совестью дал радиogramму начальнику ЦГГП Пухову: «Вылету готовы ждем вертолет».

5. Поселок. Итоги соцсоревнования

Открытие Чануанским отрядом оловянного рудопроявления «Мечта» оказалось единственным достижением ЦГГП за полевой сезон. На великолепные образцы касситерита приходили смотреть все геологи. Зашел и Пухов. Он внимательно осмотрел

кварц-касситеритовые прожилки и друзы (оруденение штокверкового типа), пошевелил лохматыми бровями, почмокал губами, жамкнул челюстью и разочарованно произнес:

- Нет, это не мечта. Керкергин лучше,

Даже если и так, все равно, это - крупный козырь. Полевые материалы Чануанского поискового отряда были приняты техсоветом экспедиции с оценкой «хорошо». Экономические результаты тоже оказались хорошими. В соцсоревновании чануанцы заняли первое место, их фотографии с хвалебной статьей были помещены в газете "Заполярный горняк". А самое главное - они получили большие премии. Начальник отряда Доценко дополнительно получил приличную сумму за руководство практикой студентов (было их восемь человек).

Сразу по возвращении в поселок Рогов и Саргылана устроили в общежитии некое подобие свадьбы. Гулянка была по бичиному проста - пили водку, закусывали хлебом и томатным соком. Единственным представителем ИТР был на этой свадьбе Толик Виденко. Он же был приглашен и на свадьбу во Владивосток, где вступили в брак студенты пятого курса Комкин и Рая. Одно перспективное рудопроявление и две крепких семьи - вот с таким отличным результатом Чануанский отряд под руководством Дениса Доценко закончил полевой сезон в 1980 году. На вечере полеви́ков чануанцы пели:

Успевали еле-еле за студентками бежать.

И не знали, в самом деле, что и как нам окружать.

Эти беглые маршруты дали что-то или нет,

Знают только горы круты, Чануан, Мымлереннет.

По ночам студенты выли под гитарный перезвон.

На лабазах были в мыле, а на базе - мыло вон!

Распрекрасная погода сделать планы помогла,

Рудоносная порода пред комиссией легла!

Это одна сторона деятельности отряда. А вот и другая сторона, отраженная в радиограмме Толика Виденко, которую он отправил в конце августа Свистоплясову: «Связи отсутствием питания нужны галеты молоко сгущенное пряники конфеты и сигареты с фильтром». Денис перевел этот запрос в стихотворную форму:

Кончилось питание, не поднять нам молот,

Шлите нам скорее, прогоняя голод,

Пряники, конфеты, кофе, шоколад,

С фильтром сигареты, мед и мармелад.

А еще нам надо, чтоб ходить легко,

девичья услада - птичье молоко.

Такой же срочный заказ, но прямо противоположного свойства, поступил в центр экспедиции и из Межгорного отряда: «Супину Васильеву. В районе много бешеных волков все патроны кончились прошу прислать патроны для карабина и нагана качестве ТБ количестве ТБ тчк Синицин». Пародист Доценко на эту паническую радиограмму отреагировал так:

Ой, под каждую горою волки бешеные воют!

Волос дыбом, прямо жуть! Помогите как-нибудь.

Жду гранат я и снарядов и патронов миллиард.

Присылайте, очень надо. Выручайте! Эдуард.

Но ТБ не нарушайте! Зная правильный объем,

Мы оружием отрядным волков бешеных побьем!

Несмотря на столь сложные, прямо-таки экстремальные, условия, Межгорный отряд трехлетние полевые работы завершил. Результат получился странный, двойной. Имея разные представления о слагающих территорию горных породах, Синицин и Благоволин нарисовали две разные карты, разделенные рекой. А переплывать реку на резиновой лодке, для увязки, циркулярной радиограммой начальника экспедиции было запрещено (где-то кто-то утонул). Как быть? Денис Доценко пошутил:

Благоволин и Синицин не сбиваются никак,
 Разногласия основа - разделяет их река.
 Переплыть ее не можно, ведь на это есть запрет.
 Чья ж таки рисовка ложна? Кто на это даст ответ?
 Выход ясен всем предельно - чтоб друг друга не кусать,
 Надо, действуя раздельно, два отчета написать...

Второй групповой отряд - Амгуэмский (начальник Крюканов) - закончил второй полевой забег. Претензии к ним выразил начальник ЦГГП Пухов (Сухов Константин Сергеевич): "С материалами у них все в порядке, но вот после завершения полевых работ они не хотели выезжать в поселок, упорно сидели на базе». Групповики это свое странное поведение объясняли так:

Ваш поселок нам не нужен, нам на базе лучше жить.
 Здесь с работой каждый дружен и свободным может быть.
 Нету политинформаций и не дергает никто,
 В окружении формаций мы счастливы, нам легко.
 А в поселке, как ни пашешь, Пухов может сокрушить
 И парная хуже нашей - так куда же нам спешить?

Продолжались поисково-разведочные работы кустарным способом и малыми силами на месторождении керамзитового сырья. Нерудный отряд, состоящий из одного начальника (Занозы) и одного рабочего (Ивана), выдал за сезон фантастическое количество кубометров канав (на бумаге).

Десять тысяч фактом стало, а проходчик лишь один.
 Наш Заноза с капиталом, сам себе он господин!

Северо-Иультинский геофизический отряд бесславно, без единого заверенного буровой скважиной гранитного "кумполо", завершая работы в Иультинском рудном районе, частично перебросился на Чаанталь. Соскучившийся по простору и вольной полевой жизни начальник отряда Воронов построил вторую базу, которая спасла от замерзания соседний Чануанский отряд («Спасибо, Леха!» - орал в октябре Денис Доценко, сбрасывая рюкзак с углем у своей палатки). Летом Леша, плавая по Телекаю и Чаанталю, весело напевал:

Удалился я на Чаанталь, закалился я в труде, как сталь.

Базу сам, один построил! Впрочем, вру, нас было трое - Я, студент и с нами рыжий кот.

При отъезде огненно-рыжий красавец-котище сбежал, выпрыгнул из вездехода и скрылся в Чануанской роще. Больше его никто не видел, а Леха получил колоссальный нагоняй от своей супруги Лены.

Продолжал успешно темнить Экутваамский геоморфолого-геофизический отряд, про который геологи язвительно пели:

У Колечко (Величко? В.П.) все в порядке, по науке, по уму.

Хвалят парня без оглядки, все потворствуют ему.

Геофизиморфологика - математика и логика.

Ах, штучки вы дрючки мои, грави-грави-закорючки мои!

Для Серова (Седов Марк Павлович) стал Колечко новым типом, образцом.

Геофизика! Словечко стало истины творцом.

Геофизиморфологика - математика и логика,

Ах, штучки вы дрючки мои, грави-грави-закорючки мои!

Развернувшись во всю свою необузданную глубину и ширь, универсальный организатор всяческих работ Виталий Клевый в Олимпийском восьмидесятом году руководил геолпоходами. Вот его озорная с намеками песня, которую он лихо, по-цыгански, исполнял под гитару:

Я ходил в геолпоходы, самоцветы собирал,
 За красивую породой ездил даже на Урал.

Расчудесные агаты, словно рыбу, я удил,
По горам, горам горбатым комсомолочек водил.
Побывал я летом всюду, все разведаль, все проню...
Детективом вечно буду, тайну свято сохранию.
За себя не беспокоюсь, я, друзья, не роготей.
А когда с Чукотки смоюсь, покажу я вам музей!

Никак не мог разделаться со своим Туманным месторождением золота и его туманными перспективами несчастный Веник, один, без помощников, пургующий в тундре. Под новый год вместе с пургой он взвыл и сам.

На Туманном, знаменитом летом, осенью, зимой.
Не хочу я аммонита, Тома, я хочу домой!
Бьюсь с пургой, как с ведьмой злою и канавы - ни в дугу.
От тоски я волком вою! Тома, больше не могу.
И кацо пропал куда-то, нету Ваха, Боже мой!
Новый год - такая дата! Тома, я хочу домой.

Кацо - это геолог-грузин Вах Декадзе, не вернувшийся из поселка и оставивший Венику полевые записи на грузинском языке. Большинство геологов-полевиков в ноябре, покинув неуютные палаточно-толевые хутора, возвращались в зимние квартиры и теплые сортиры. У Дениса Доценко двойное торжество - возвратившись в семейный уют, он поздравил с днем рождения свою жену-бабу-хозяйку, ставшую начальницей картосоставительской группы (оформительской). На эту должность Оля (Зоя) согласилась нехотя, поддавшись уговорам гланого геолога Виноградова. Она часто сожалела об этом - разнуданно-капризный женский коллектив ежедневно выводил ее из равновесия. Тем не менее, стихи для нее получились бодрыми, оптимистичными.

На крайнем Северо-Востоке живет, работает, поет.
В краю седом, краю далеком нашла призвание свое.
Работа, дом, семья и дети - все Оля здесь приобрела.
Хоть вместо солнца лампа светит, в оформбюро идут дела.
Тут языки и перья остры, тут жизнь всегда бурлит ключом,
Тут быть начальницей непросто, но это Оле нипочем.
Она мила, трудолюбива, ей в экспедиции почет.
Она на Севере счастлива - так пусть же Волга не влечет.

Год заканчивался производственным юбилеем начальника тематического отряда Цукина, прослужившего на Чукотке двадцать лет. Денис Доценко воспел Юбиляра.

Геннадий Цукин знаменит двадцатилетним стажем.
Как зрелый муж и эрудит заметен, прямо скажем.
Чукотку всю он, от и до, прошел, пронзая взором,
Оставил множество следов по тундре и по горам.
Геолог мощный и спортсмен, еще лет двадцать с гаком
Трудись, не зная перемен, всегда дружи с рюкзаком!

В конце ноября, сразу после защиты полевых материалов, Дениса вызвал начальник партии Пухов и сообщил - надо браться за составление проекта нового пятилетнего отряда групповой геологической съемки.

Первый проект на групповую съемку писали пять человек в течение шести месяцев. Доценко написал аналогичный проект один за два месяца. Секрет прост - у него было с чего списывать, за образец он взял последний, прошедший экспертизу проект Анатолия Николаева.

Накануне нового 1981 года начальник ЦГТП заявил:
- Придется, Денис Иванович, этот отряд возглавить тебе.
А как же Чануанский отряд? Ведь там работы еще не закончены.

Ничего, справятся и без тебя. Там будут Веник (Величко?), Глухарев, Виденко. А Мараваемский групповой никто, кроме тебя, не потянет. Так что берись, большому кораблю - большое плавание.

Денис подумал и согласился. Мотивы - на Чануане второй Мечты не будет, работать не интересно (мавр сделал свое дело, мавр может уходить). Новые места притягивают и манят, там возможны открытия. Завершив проект, Денис занялся подготовкой к полевому сезону, составил в первую очередь макет сводной геологической карты масштаба 1:100 000 со всеми известными полезными ископаемыми и их поисковыми признаками. Это была неспешная, приятная работа за счет Чануанского отряда. Обобщив материалы предшественников и досконально разобравшись в геологической ситуации, Денис наметил опорные участки и схему отработки территории.

Одновременно с предполевой подготовкой Доценко готовился к двадцатилетию ВЧГЭ. Приказом по экспедиции он был назначен ответственным за художественно-литературную часть праздничной программы. Сценарий потребовал много времени и волнений. Роль цензора взял на себя идеологический отдел райкома КПСС, Доценко и Виноградов ходили туда вместе (по вызову) и корректировали текст. В конце концов, программа была утрясена. Оригинальность ее заключалась в том, что так называемой официальной, казенно-традиционной торжественной части с президиумом за красным столом и трибуной для ораторов не было, воспоминания геологов были вмонтированы в одно цельное представление с концертными номерами.

Глава 2. Юбилей

1. Опрос общественного мнения

Накануне дня геолога и двадцатилетнего юбилея ВЧГЭ отдел историко-иронических исследований (ОИИИ) редколлегии газеты "За недра Чукотки" предложил читателям анкету под названием "XX лет с успехом и без". На первый вопрос: "Как вы относитесь к нашей славе и как на Вас влияет ее бремя?" были получены такие ответы:

- Слава - высокая гора. Постоянно жить на горе неуютно - сквозит. Беспокоит мысль о спуске (плавно или кувырком?) В общем, "умный в гору не полезет, умный гору обойдет."

- Нормально. От славы еще никто не умирал.

- Плохо. Стыдно. Вызывает досаду. Внешний успех - щит для тунеядцев.

- Славу нашу считаю вполне заслуженной, ибо с нас, геологов, все здесь на Чукотке и начиналось.

- Никакого давления "бремени славы" не ощущаю, потому что считаю, что человек создан для удач, а неудачи - временны.

- Человек ко всему привыкает. А когда чего-то слишком много, когда что-то перестает быть дефицитом, оно, это самое, считается обычным и не замечается.

- Наша слава хорошо вписалась в интерьер и украшает его.

- Радует глаз, но мало греет.

- Положительно. Слава не только морально, но и материально повышает наш уровень и прожиточный минимум.

- Не слава, а определенный успех и, возможно, временный, обеспеченный закономерным накоплением геологической информации и улучшения качества работ. В подобной ситуации работать сложно. Увеличилась квартальная и годовая отчетность, объем машинописных, картооформительских работ в связи с неплановой передачей запасов ИГОКу через ТКЗ и по актам. Волокиты прибавилось. Любопытно, что любое наше серьезное открытие вызывает сначала восторг, а потом недоверие. На россыпях золота сразу возникает многократный контроль, оживает наука. Ученые столбят открытия один за другим, проводится серия экспериментов, подключается геофизика, а в итоге все решает шахтное сечение. Бестолковщины много.

- К нашей славе отношусь индифферентно, потому и влияния никакого не испытываю.

- Слава приходит и уходит, а мы остаемся. Во всяком случае, такому бремени нас не согнуть.

ОИИИ тоже считает, что «от славы еще никто не умирал» и «такому бремени нас не согнуть», а также, что «слава... повышает прожиточный минимум».

Второй вопрос. Какое самое потрясающее событие произошло в геологической жизни за последние двадцать лет на Северо-Востоке Азиатского материка?

Ответы.

- Сокращение поголовья оленей.

- Потрясающих нет. Значительное - открытие Майского золоторудного месторождения черносланцевой формации.

- В прямом смысле - извержение Толбачика, в переносном - отъезд с Чукотки тов. Тафика (Тафинцева Геннадия Васильевича).

- Ванкаремский провал!

- Пятилетнее «землетрясение» (1973-1978) на Ванкаремской низменности. Жертвы были. Особенно пострадал "эфиоп" Рубанович (Григорий Гурбанович), который ежедневно находился в эпицентре.

- В 1977 году из непромышленной россыпи золота по ручью Озерному Смеян смог выжать промышленную.

- ВЧГЭ заимело свое собственное золотое месторождение - прииск Восточный.

- Открытие практической значимости Охотско-Чукотского вулканогенного пояса. Как бы мы двигались дальше вперед без Пояса, просто не знаю.

ОИИИ согласен со всеми высказываниями, но все же считает, что самым потрясающим событием за последние двадцать лет было создание Восточно-Чукотской экспедиции.

Третий вопрос. Какой год был самым «находчивым» и какой - неудачным?

- Наиболее удачный - 1962 (открыты Экуг, Керкергин, Телекай, появились первые пробы с весовым золотом на Милюте и Метегынканье, найдена раннетриасовая фауна, приехал Мудренко). Неудачных годов не было.

- Для руды удачны 73-74 годы (первая групповая на Чаантале), для россыпей 79-80 (Ленотап). Неудачный год - 1965, когда не растаял снег.

- Год находки керамзитового сырья. При дальнейшем расширении фронта работ на этом поприще (выход в район развития сугубо осадочных пород) можно смело ставить тридцать или пятьдесят керамзитовых отрядов! И тогда экспедицию назовут ВЧКЭ (Восточно-Чукотская керамзитовая экспедиция).

- 1962 год. Экспедиции один годик. Она получила три замечательных подарка сразу - золотой (Пеньельхин), оловянный (Экуг) и вольфрамовый (Керкергин).

- Наиболее находчивыми являются годы 1964 (найден Пеньельхин) и 1972, когда геологи Черных, Маевский и Майоров нашли в верховьях Эргувеема еще живых работников Смешторга, пропадавших в тундре двадцать пять суток.

- Находчивый - 1979 год (открытие Ленотапа), неудачный - 1960 (рождение Чаантальской поисково-разведочной партии).

- Самым находчивым годом является 1975. Тогда Дубов (Евгений Дюба) вселил в душу экспедиции надежду на возможность открытия месторождений рудного золота. Самый неудачный - 1960 (1980?) год, когда Веник с корнем вырвал эту надежду.

ОИИИ, признав все высказывания справедливыми, все же считает самым находчивым 1967 год, когда команда ВЧГЭ выиграла районный КВН (клуб веселых и находчивых), неудачным - 1972 год, когда КВН проиграла.

Вопрос четвертый. Кто из руководителей экспедиции принес наибольшую пользу и максимальный вред? Какая самая яркая личность была или есть в нашем коллективе?

Ответы.

- Наиболее деятельным и великолепным И.О. был Блямберг. Он же и самая яркая личность.

- Без начальников и главных жили по много месяцев и - ничего...

- Блямберг - Северный Полюс, один из незаконнорожденных сыновей лейтенанта Шмидта или Остапа Бендера!

- Пользу принес Кандырин (сам работал и остальные работали), вред - Ратников (сам тунеядничал, остальные постепенно разлагались). Яркая личность - Осадчий. Ухитрился честно и грамотно работать среди воинствующих невежд.

- Все были хороши, все принесли только пользу. А ярких личностей было, как звезд на небе и все же среди них выделяются Блямберг и Руденко.

- Наибольшую пользу принесли начальник экспедиции Кандырин, лишивший всех геологов премии, и главбух Жупел, при котором геологи стали премии получать. Наиболее яркими личностями за последние двадцать лет считаю Блямберга - как юмориста, Доценко - как поэта, организатора всяческой, в том числе и художественной самодеятельности, Сидорова - как величайшего авантюриста (нанесшего и самый большой вред экспедиции).

- Наибольшую пользу принес Кандырин - он сплотил коллектив, научил коллегиально принимать решения, был инициатором многих хороших дел.

Наибольший вред был от Тафика, который сумел развалить коллектив, отучить мыслить коллегиально и был инициатором многих плохих дел. Самая яркая личность была и будет Женщина - геолог - полевичка. Почему? Да потому, что она всем нравится!

- Польза - Кандырин. За чужой счет (НГЭ) исследовал восток Восточной Чукотки - очень хитрый начальник! А Супин (Борщёв) зачем-то воссоединил Восточно-Чукотскую и Науханскую (Провиденскую?-В.П.) экспедиции, чем принес им обоим вред. Самая яркая личность - безусловно, Блямберг, чьи афоризмы, софизмы, жизнелюбие, бодрость всегда могут служить живым примером.

ОИИИ, присоединяясь к высказанным мнениям, считает необходимым подчеркнуть, что главный инженер Сидоров был не только авантюристом, но и великим аферистом, причем о его проделках знали и молчали все.

Вопрос пятый. Какой эпитет выражает всю глубину Ваших чувств к Восточно-Чукотской экспедиции? Как бы Вы ее ласково обозвали?

Ответы.

- Перепрославленная. Кисанька.

- Фальшивая. Свинюшник.

- ВЧГУшечка - чекушечка.

- Спящая любимая. Неомать.

- Многострадальная. «Ляпонька» (по Блямбергу).

- Приют «Тихэ життя».

- Старое пепелище. ВЧГЭшница - грешница.

ОИИИ отмечает правдивость определения «ВЧГУшечка - чекушечка» и предлагает читателям газеты «За недра Чукотки» угадать, кто это придумал. Отгадавшего ожидает приз - фотография автора с автографом. ОИИИ благодарит сотрудников экспедиции, ответивших на вопросы.

В преддверии праздника экспедиция поздравила с двадцатилетним чукотским стажем главного геолога Евгения Виноградова. Профсоюз вручил ему подарок и памятный адрес со стихами Доценко. Уж для лучшего-то друга Денис расстарался, выдал жемчужину! Вот что он написал:

Двадцать на Чукотке -

Зрелость наступила.

В этом самородке

Есть взрывная сила.

Чин большой и славу
Честно заработал.
Что-то в нем от лавы,
От вулкана что-то.

Из металлов сделан
Редких, благородных,
Он душой и телом
Весь в делах народных.

С верною гитарой
постоянно дружен,
С Машею на пару
Всем как воздух нужен!

Сразу после чествования Виноградова в экспедицию для защиты отчета прилетел из Наукана единственный в мире чукча – инженер - геолог Миша Тумкыргав (Тынанкергав? Не единственный – еще один чукча - инженер-геолог в то время работал в Анадырской ГРЭ – Олег Анатольевич Вутелькут, выпускник ДВПИ 1975 г. – В.П.) (Науканская экспедиция как самостоятельное подразделение была ликвидирована и снова присоединена к ВЧГЭ). Защитив отчет на «хорошо», Миша запил. Нашли его только через неделю в «Доме колхозника», среди сородичей-пастухов. Самостоятельно возвратиться в Наукан Тумкыргав не мог. Руководство экспедиции приняло решение вызвать для сопровождения его жену Ирину Истецкую. Это был испытанный прием, повторяемый ежегодно. Тщедушный интеллигентный очкарик трепетал перед этим великолепным женским существом с пышкой грудью, тонкой талией и, необыкновенной величины, роскошными бедрами. Прекрасное, выразительное, скульптурное тело украшала круглая русоволосая головка с красивым, но злым лицом Медузы Горгоны. Улыбаясь, Ирина показывала ряд крупных редких зубов с острыми, как у росомахи, клыками.

В Наукане Ирину Истецкую Мишины друзья-собутыльники страшно боялись. Если Миша домой долго не появлялся, она шла в общежитие или по знакомым квартирам, находила мужа, разгоняла алкашей, нещадно их матеря и пиная (как-то в порыве гнева она даже одного мужика саданула по башке кирпичом), волокла безропотно-пьяного Мишу в свое логово и там дубасила его. Все, геологи – науканцы, рыбаки и охотники на морзверя знали - пить с Тумкыргавом опасно, в любое время может нагряться «эта злобная тварь».

В Нырвакиноте, вдали от супруги, Миша чувствовал себя спокойно, раздольно - никто не охотился на него, а местные геологи много и охотно пили с ним. Собеседник он был замечательный - веселый, остроумный, заразительно смеялся, обнажая влажную розовую десну и говоря при этом: «Шут его знает!» Чаще всех, пожалуй, с Тумкыргавом за бутылкой вина встречался Денис Доценко - в деле потребления алкоголя эти два геолога были «одного поля ягоды». Но если Доценко за пьянку администрация систематически наказывала, то Тумкыргава, как раритетного представителя вымирающего национального меньшинства, прощала, да и общественные организации боролись за него. Спасательную команду возглавляла крутая, но любящая супруга Ирина Истецкая. Она летала за загулявшим «соколиком» не только в Нырвакинот, но и в Провидения, и в Анадырь - у Миши везде, по всей Чукотке было много пьющих друзей самых разных национальностей.

В промежутках между пьянками Тумкыргав усердно и результативно трудился - свое геологическое дело он знал хорошо. Если же его спрашивали о стратиграфических или магматических проблемах, которые ему были не ясны, он разводил руками и отвечал: «Шут его знает!»

Знаменитый чукча-самородок и его прославленная жена стали почетными гостями празднично настроенной экспедиции.

« НАМ – ДВАДЦАТЬ!»

Под таким лозунгом, висящим над сценой нырвакинотского дома культуры, начался праздник геологов, его официальная часть. Фанфары. Занавес открывается. На сцене - задник, горный пейзаж с палаткой у реки. На переднем плане - столики с цветами, микрофоны и двое ведущих - Денис Доценко и Инга Сосновская (Карамба). Ведущие по очереди читают.

1946 год. Организовано Чукотское строительное управление Дальстроя, в его составе - геологоразведочный отдел (ГРО Чукотстроя), которому передано для дальнейшего освоения оловянно-вольфрамовое месторождение Иультин и производство поисково-съёмочных и разведочных работ в восточной части Чукотского национального округа. На берегу бухты Нырвакинот возник одноименный поселок (Эгвекинот –В.П.).

1957 год. Организована Чукотская геологическая экспедиция с центром в поселке Анадырь, ГРО Чукотстроя введен в состав этой экспедиции и переименован в Нырвакинотскую группу партий (НГП). Прошло несколько лет. Значительные перспективы территории потребовали расширения работ, что вызвало необходимость новой реорганизации геологической службы на Чукотке.

1961 год. Весна. На базе НГП создана Восточно-Чукотская геологическая экспедиция (начальник Сидельцев, зам-нач-по-ахч Блямберг, главбух Литвинов, главный механик Рахлин, главный геолог Катков (Легков Анатолий Николаевич – В.П.), техник-радиотехник Луговая и другие, всего пятнадцать человек АУП). Сегодня, 1 апреля 1981 года, у нас двойной праздник: профессиональный - День геолога и производственный - двадцатилетие предприятия, О наших достижениях в период самостоятельного существования расскажет главный геолог экспедиции Евгений Макарович Виноградов.

Речь Виноградова.

«Товарищи геологи, уважаемые гости! Мы собрались торжественно отметить День геолога и подвести итог деятельности экспедиции. ВЧГЭ успешно справилась с решением основных задач за всю десятую пятилетку. Выполнен план по приросту россыпного и рудного олова, значительно перевыполнен - по россыпному золоту. Этот праздник примечателен еще и тем, что он совпадает с двадцатилетием образования Восточно-Чукотской геологической экспедиции и началом нового трудового цикла всего советского народа - одиннадцатой пятилетки.

Экспедиция прошла большой и сложный путь в освоении недр Чукотки, значительно окрепла и выросла. В условиях сурового Заполярья и бездорожья пройдены колоссальные объемы подземных горных выработок, шурфов, канав, колонковых скважин и скважин УКБ, завершена геологическая съемка масштаба 1:200 000, а перспективные рудные районы и узлы засняты и опробованы в масштабе 1:50 000 и крупнее.

Все виды геологических исследований были направлены на решение важнейших задач народно-хозяйственного значения, а именно, на расширение материально-сырьевых ресурсов для действующих и будущих горнодобывающих предприятий. Эта программа продиктована историческими съездами и постановлениями ЦК КПСС и по мере возможности постоянно реализовывалась коллективом экспедиции. Важнейшие открытия следующие.

1962 год. Керкергинское оловянно-вольфрамовое (Пухов), Экугское оловянное (Молкин, Шилов) месторождения.

1964 год. Первая промышленная россыпь золота (Руденко, Доценко), на базе которой основан прииск Восточный.

1966-1968 годы. Звонкое (Тутушкин, Чобра), Амгеньское (Воронов, Ступак) и Эльмаунское (Кадыков, Козин (Г.П. Козлов)) оловянные месторождения.

1971-1972 годы. Верхне-Чаантальский оловоносный район (Виноградов, Крюканов (А.В. Куканов)), первая промышленная россыпь олова (Свистоплясов), Ленотапская

группа золоторудных проявлений и прогноз на обнаружение здесь промышленных россыпей золота (Черных, Виденко, Котов и др.)

1974 год. Промышленная россыпь олова в бассейне ручья Седого (Майна-ГРП).

1975-1976 годы. Рудные месторождения золота Свободное (Дубов (Е.Ф. Дюба)) и Туманное (Веник).

1977-1980 годы. Группа промышленных россыпей золота и олова в районе прииска Восточный и поселка Иультин (Буровая ГШ, Аркавенко (Г. Картавенко?), Куликов).

1980 год. Перспективное рудопроявление олова Мечта (Доценко (Е.Е. Петренко)).

В разные годы для Иультинского ГОКа разведаны Светлое, Керкергинское, Таризельское, Солнечное оловянно-вольфрамовые и Экугское оловянное месторождения. По заявкам населения разведаны также месторождения подземных пресных вод и строительных материалов.

В настоящее время Восточно-Чукотская геологическая экспедиция почти по всем показателям находится в апогее своего развития. Существуют предпосылки к тому, что она еще длительное время будет находиться на достигнутой высоте. Мы еще себя покажем!

Бурные аплодисменты

Ведущие продолжают.

- Пятнадцать лет назад в стенах этого здания мы отмечали первый Всесоюзный День геолога. Ветераны экспедиции хорошо помнят наши невинные игры и забавы, в результате которых директриса Люда Луста сперва горестно всплеснула ручками, а потом радостно воскликнула: «Слава тебе, Господи! Теперь-то, наконец, когда при перетягивании каната сорвана батарея, вырван, так сказать, гнилой зуб, в клубе сменяют отопительную систему! Сколько лет добиться не могла, а теперь коммунальное предприятие никуда не денется, отремонтирует. Спасибо геологам, помогли».

- Тем не менее, за такую медвежью услугу нас долгое время в ДК, мягко выражаясь, не приглашали. И вот мы снова здесь. Спасибо новой директрисе Нине Захаровне за предоставленную возможность тряхнуть стариной, еще раз попробовать наши силы в этом доме! Спасибо за гостеприимство и благородный риск!

- Отдав должное историческому зданию и его симпатичным хозяйкам, вернемся к исходной точке, к двадцатилетию экспедиции. И даже раньше, ибо экспедиция возникла не на голом месте, ее основу составили люди, поселившиеся на берегах залива Креста задолго до реорганизации. Исходя из этого, всех ныне здравствующих геологов ВЧГЭ можно разделить на три племени.

1. Племя первопроходцев - реликтов эпохи палеолита.
2. Племя ровесников экспедиции эпохи мезолита.
3. Племя современное, младое, эпохи неолита.

- Из племени первопроходцев до Юбилея дотянули Григорий Соколов (начало работы - 1952 год), Виктор Галин и Федор Свистоплясов (1955) Алексей Воронов (1957), Кирилл Пухов, Ирина Свистоплясова, Генрих Козин (Герман Павлович Козлов) (1959), Геннадий Цукин (Цуканов) (1960). Названных товарищей просим подтвердить свое существование, подняться на сцену и присесть за стол Почета.

- А где Соколов? Ему предоставляется возможность впервые за двадцать девять чукотских лет сказать первое публичное слово. Григорий Петрович, где вы? Ау!

Из зала передают записку. Ведущий читает про себя и объявляет:

- Товарищи, Григорий Петрович просит его извинить, он к выступлению еще не готов. Пишет, что своими воспоминаниями и размышлениями он поделится через двадцать один год, в свой пятидесятилетний производственный Юбилей. Ничего не поделаешь, придется подождать.

- Перейдем к следующему оратору - Федору Владимировичу Свистоплясову. Вы знаете, что Федор Владимирович великолепно катается на горных лыжах, на «Буране»,

велосипеде, моторной лодке, мотоцикле, вездеходе, автомобиле и прочих видах транспорта, он участвовал во всех гонках и всегда брал призы, обгоняя даже Клевого, но здесь ему этого делать не придется. Он поделится своими знаниями и впечатлениями о былом, расскажет о тех людях, которых он уважает. Пожалуйста, Федор Владимирович, слушаем Вас.

Выступление Свистоплясова

По сложившейся традиции при ведении геологических работ мы всегда обращаемся к предшествующим исследованиям, отмечая основные вехи развития геологической мысли и реализации ее в конкретных практических результатах. Нечто подобное будет предложено вам.

Систематические геологические работы на Чукотском полуострове начаты в связи с открытием Северного морского пути в тридцатых годах, когда Арктическим институтом и Горным управлением (ГУСМП) был организован ряд экспедиций. Этими экспедициями были намечены основные черты геологического строения Чукотки, открыты многочисленные проявления полиметаллов. Осенью 1937 года геологом второй Чукотской экспедиции Миляевым открыто крупнейшее в Союзе Иультинское, а годом позже - Северное оловянно-вольфрамовые месторождения. В военные годы Любовь Михайловна Шульц (впоследствии - начальник ГРО Чукотстроя) вблизи Иультина открыла месторождения Светлое и Солнечное.

В 1946 году ГРО Чукотстроя начал разведку Иультинского месторождения и планомерные региональные геологосъемочные и поисковые работы, в которых и мне пришлось участвовать. Вместе с Любомировым (Тихомировым?) и Пуховым (Суховым?) я проводил увязочные работы по составлению Государственной геологической карты масштаба 1:1 000 000, затем картировал Телекайский и Экитыкинский рудные районы, искал знаменитые «точки Серпухова» в пятидесятых годах, когда были заявлены Капитанское и Водораздельное месторождения олова. Вместе с Генрихом Козиным и Степаном Небабой я производил оценку Мымлереннетского рудного узла. Результат - промышленная россыпь касситерита. Пришлось мне заниматься поисками россыпей и в Амгуэмском районе (еще дедовским методом - шурфовкой).

В семидесятых годах большие объемы картирования и поисков были направлены на изучение вулканогенного пояса. Усилиями геологов ВЧГЭ были расшифрованы структуры, определены границы рудных районов и узлов, открыты и оценены месторождения и проявления олова, золота, серебра.

Ведущий: Итак, обратим свой взор к Восточно-Чукотской вулканической зоне и геологам, раскрывшим ее кладовые. У истоков пепенского золота и амгеньского олова стоял Алексей Федорович Воронов. Сейчас он проинформирует нас о своих похождениях по земле чукотской.

Выступление Воронова.

Год 1959. Геолого-поисковая партия под руководством Хазбиева (геолог Козин (Козлов Г.П. – В.П.) заканчивает полевой сезон с блестящими результатами - в двухстах километрах на восток от Нырвакинота, в бассейне реки Пепенвеем шлиховым опробованием современного аллювия установлены высокие содержания золота. Первый же шурф подтвердил наличие промышленной россыпи. Руководством Экспедиции (начальник Сидельцев, главный геолог Катков (Легков А.Н. – В.П.) по согласованию с Северо-Восточным геологическим управлением было принято решение полевые работы на Пепенвееме не прекращать, приступить к разведке выявленной россыпи.

Я - молодой специалист, только что вернувшийся из армии, изъявил желание поехать на зимние шурфовочные работы вместо прораба поисковых работ Мити Федина. Самолет АН-2 доставил меня вместе с грузом (продуктами) в район работ - устье реки Пепенвеем. На участок работ, находящийся в шести километрах выше по течению, я пришел ночью, меня сопровождал Федин. На участке было две жилые палатки, погребенные под трехметровым слоем снега. Проходческая бригада состояла из двух

рабочих и взрывника. Был еще промывальщик. Рабочим инструментом шурфовщика были забурник, кувалда и лопата. Работа часто прерывалась пургами, подноской продуктов с посадочной площадки, сбором и заготовкой топлива - автомобильных покрышек, которые кидали с АН-2.

Постепенно работа налаживалась. Поисковая партия была реорганизована в Пепенвеемскую геолого-разведочную партию, ее начальником стал Спартак Собакин. В феврале из Анадырской экспедиции прибыла группа опытных шурфовщиков, проходивших шурфы с помощью лома и взрывчатых веществ (ВВ) методом «на выброс». В марте был доставлен первый передвижной домик, начались работы по оборудованию ВПП (взлетно-посадочной полосы) для самолета ЛИ-2 и завоз грузов. Через год (весной шестьдесят первого) на базе партии был введен в строй первый производственно-жилой дом, строился второй. Геологическая служба укрепилась опытными специалистами Тишкиным и Майоровым. Промывкой и обработкой проб занимались техники-геологи Аня Собакина и Лена Воронова. Летом шестьдесят первого в партии появился трактор. Разведка набирала темпы. Параллельно велись поисковые шурфовочные работы и на других водотоках (Леурваам, Сеутакан).

В 1964 году разведка россыпи была закончена. Вопреки первоначальным оптимистическим прогнозам, россыпь оказалась мелкой и ее передали для старательской отработки. В 1965 году на месторождении началась добыча золота старательской артелью под руководством Асеева.

С этим же периодом связано выявление россыпного золота и вблизи Иультина (ручьи Шумный, Врезанный) старым колымским поисковиком Гордиенко. Была организована Амгуэмская ГРП с базой на 159 километре трассы Нырвакинот-Иультин. В бассейне реки Майныпонтаваам, вблизи поселка Мыс Шмидта создана третья - Майныпонтаваамская геологоразведочная партия (Майна-ГРП). Там, под руководством Блямберга я работал горным мастером на проходке шурфов и ударно-канатном бурении. Документацией скважин занимались техники-геологи Тамара Заболоцкая и Лена Воронова.

Бухта Оловянная, коса Оловянная, мощные кварц-турмалиновые (аксинитовые? – В.П.) жилы, месторождение мышьяка, изобилие радиоактивных аномалий, шлиховые ореолы рассеяния олова - все это вблизи поселка Нырвакинот, на небольшом участке суши между заливом Свободным и бухтой Нырвакинот, на полуострове Амгень. Такие факты не могли не волновать геологов.

Год 1962. Организована Амгеньская геологосъемочная партия масштаба 1:50 000. Ее состав: начальник партии Воронов, старший геолог Дреус, геолог по массовым поискам Кутенков (Каплёнков Г.Н. – В.П.), старший техник-геолог Ступак, техник-геолог Лена Воронова.

Первым же маршрутом Дреуса в истоках реки Эрутты было подтверждено наличие на водоразделе кварц-турмалиновых жил с касситеритом. В конце полевого сезона в верховьях правого притока Эрутты Юра Ступак намыл шлик с небольшим весовым содержанием касситерита, а на склоне из зоны рыжих пород взял копушную пробу и намыл целую горсть тонкозернистого касситерита и его сростков с породой. При детальном обследовании мной места взятия пробы были выявлены обломки кварц-хлоритовых метасоматитов с касситеритом, а затем прослежены оловоносные зоны на водоразделе. Так было открыто Амгеньское оловянное месторождение и положено начало изучению Крестовского оловоносного района с его «невидимым» касситеритом.

В последующие годы Клыковым и Козиным (Козловым) выявлено Эльмаунское оловянное месторождение, а Сидоровым и Чоброй - ряд точек с оловянной минерализацией.

Амгеньский полуостров ждет геологов. Работы там будут продолжаться после завершения поисков вблизи действующего рудника Иультин. Об этом свидетельствуют положительные результаты разведочных работ, проведенных Денисом Доценко (Евгением

- А куда потечет? Правильно, в ИГОК. Сейчас должен был выступить полномочный представитель горняков Александр Божко, поблагодарить первооткрывателей за минерально-сырьевую поддержку, но к несчастью, он затерялся где-то по дороге между Иультином и Нырвакинтом. Услышать Сашину горячую прочувствованную речь нам не суждено. Идем дальше.

- За продолжительный и плодотворный труд ветераны-первопроходцы награждаются благодарственными письмами, юбилейными значками, а также памятные сувенирами, изготовленными из горных пород и кристаллов горного хрусталя, мориона, касситерита, вольфрамита, шеелита, топаза и берилла мастером камнерезных дел Виталием Клевым. И, наконец, последняя награда - Почетные грамоты и значки "Победитель соцсоревнования 1980 года".

- Честь вручения наград ветеранам экспедиции выпала нашему комсомолу, точнее, его самому яркому представителю и вожаку, гидрогеологу и просто красивой молодой женщине Зое Щукиной!

Зоя с поцелуями, под аплодисменты, шутки и смех зала раздает награды лысым и седым геологам.

Ведущая:

- Для вас, наши славные ветераны-первопроходцы, исполняется песня "Палаточный город". Поют "Все-те-же".

Прослушав песню, удовлетворенное племя реликтов палеолита спустилось в зал. Перерыв, буфет, выпивка-закуска.

Часть вторая. Ведущая:

- Теперь перейдем к эпохе мезолита, к ровесникам экспедиции, геологам, начавшим свою трудовую эпопею в 1961 году. Это Евгений и Мария Виноградовы, Елена Воронова, Станислав Майоров, Зинаида Белова, Денис Доценко (Евгений Петренко), Эдуард Синицин и Адам Рубанович (Григорий Гурбанович).

- От представителей группы ровесников экспедиции выступит известный выдумщик, (стихотворец, прозотворец, и геолог к тому ж, участник открытия Пеньельхинского россыпного золота, закрытия Матачингайской ртути и Амгеньского олова, первооткрыватель оловянной "Мечты" Денис Доценко.

Выступление Доценко

В отношении Пеньельхинского золотоносного узла я могу сказать "Мы пахали". Особенно в первый полевой сезон 1962 года, при съемке масштаба 1:200 000, когда начальник партии, злой до работы и неумный Леонид Руденко таскал нас по кочкоте при полной походной выкладке и, как лошадей, загонял в мыло. Настоящие лошади (их было две) отбросили копыта в первый же месяц - работа в нашей партии под руководством Руденко им оказалась не по силам. Все движимое и недвижимое имущество, в том числе образцы и пробы, мы таскали на себе от стоянки к стоянке и так вплоть до самой базы. Никакого складирования на лабазах мы не делали, да и лабазов как таковых не было. В результате такой методики осенью нам нечего было терять - все находилось на базе.

Чудеса выносливости показывала наша единственная женщина Ира, теперь она Ирина Григорьевна Свистоплясова. Ира была примером для всех парней, а над нами с Лешкой посмеивалась. Собрались, говорит, два молодых хохла, один - первый год начальником, второй - первый год геологом, вот и выпендриваются друг перед другом, кто кого обгонит.

Великолепным поисковиком и тундропроходцем проявил себя в этом сезоне старший техник геолог Михаил Боров, проводивший шлиховое опробование долин.

Перед выездом в поле нам с Руденко товарищи-геологи выражали соболезнование по поводу того, что мы едем работать на низменность, полузакрытый, не интересный, малоперспективный район. «Цыплят по осени считают», - отвечал Руденко. А осенью что? Несколько шлиховых проб с весовым содержанием золота в верховьях речки Милютчекайвеем и уверенность Леонида в перспективность долины - вот и все. Успехи

небольшие, да и их затмевали лошадиные трупы. О результатах работ была такая частушка:

Леонид работал в поле от зари до темноты,
Так что от коней остались только гривы да хвосты,
Эх, топну ногой, да притопну другой,
Коли нету лошадей, вьюки грузим на людей.

По соседству с нами Витя Молкин и Митрофан Шилов (поисково-геоморфологическая партия масштаба 1:50 000) открыли Экугское месторождение олова, но это ребят радовало мало - из-за нехватки рабочих они вынуждены были сами проходить горные выработки. Этот факт засвидетельствован в частушке. Послушайте ее.

Витя Молкин рыл канавы, пот струился в очи.
ИТР не до забавы, если нет рабочих.
Эх, топну ногой да притопну другой,
Если олова хочу - сам копаю и молчу.

В 1963 году в составе геологосъемочной партии масштаба 1:200 000, начальником которой был Генрих Козин (Герман Козлов), я работал в бассейне верхнего течения реки Вельмай. Шлиховое опробование проводил Виктор Галин. В результате этих работ Пеньельхинский золотоносный узел был оконтурен с юга.

Поисковые работы на левобережье среднего течения реки Ванкарем были продолжены в 1964 году. Поисково-геоморфологической партией масштаба 1:50 000 снова руководил Руденко, а я опять был у него геологом. Ранней весной я намечал и документировал первые шурфы, пройденные в долине реки Милютчаявеем, а буровзрывные работы проводил горный мастер Николай Жарков. Поисковая разведка, как видите, была начата не в долине Пеньельхина, где тихо лежала промышленная россыпь, а по Милюту. Но и здесь, под пустыми озерно-ледниковыми суглинками, нами был вскрыт золотоносный аллювий, что имело огромное, принципиально важное значение для дальнейшего прогнозирования и поисков погребенных россыпей.

По самой речке Пеньельхин золото встречалось в единичных знаках. Однако в верхней части долины по мелкому притоку Николай Жарков установил весовые содержания золота, что дало основания и всю долину Пеньельхина отнести к перспективной. В конце сезона Руденко заявил: «Я знаю, прииск будет, я знаю - саду цвель, когда такие пробы у нас в лоточках есть!» Пробирку с золотом Леонид таскал во внутреннем кармане пиджака, он гордо показывал ее всем геологам, говоря при этом: "Заяц трепаться не любит, сказано - сделано!" Нередко, потрясая пробиркой перед носом очередного пессимиста, он произносил и другую фразу: "Будем плясать от печки" (заяц по чукотски милют, а пеньельхин - печка - вот такие были символические названия водотоков, которые Лешка применял в своих поговорках).

Леониду Руденко поверили, 1964 год считается официально временем открытия Пеньельхинского россыпного месторождения золота, хотя понадобилось еще три года, чтобы окончательно доказать буровыми работами, что россыпь есть и она промышленная, пригодная для подземной отработки. Главную пробивную роль в этом, без всякого сомнения, сыграл Руденко с его упорством, настойчивостью, энергией и прямо-таки бульдожьей хваткой. Леонид любил повторять: "Я верю в свою звезду!" Эта его судьбоносная звезда геолога-героя взошла и поныне сверкает на Чукотском полуострове золотом прииска Восточного.

В 1965 году наши дороги с Руденко разошлись. Он стал главным геологом Амгуэмской ГРП (кстати, это был первый случай в истории экспедиции, когда геолог-съемщик, Белая Кость, добровольно переходил в разведку - тоже героический поступок), а я уже в должности старшего геолога пошел в поле с Владимиром Ратниковым на геологическую съемку масштаба 1:50 000 района Метегынского массива.

К Пеньельхинскому золоту мне пришлось вернуться через тринадцать лет. На сей раз, это было аэрофотогеологическое картирование Ванкаремской низменности масштаба

1:200 000. В отчете, который сдан в прошлом году, сделано обобщение всех работ, проведенных в этом регионе, даны прогнозы и рекомендации по направлению дальнейших поисков погребенных россыпей золота. Будем надеяться, что в недалеком будущем у нас в разведке появится новый Руденко, который с такой же энергией и настойчивостью возьмется за дело и докажет, в конце концов, что промышленное золото на Ванкаремской низменности все-таки есть!

Ведущая:

- Слово для приветствия геологов предоставляется начальнику аэропорта товарищу Майскому.

Друг - авиатор выражает признательность ВЧГЭ за то, что обеспечивает работу вертолетов.

- Наши деловые связи с горняками Иультина и летчиками Нырвакинота давние, традиционные. В последние годы установились также теплые, дружественные отношения и со строителями. Поэтому нам будет приятно послушать начальника ССК-3 товарища Зубицкого.

Строитель произносит речь.

Зоя Шукина награждает ветеранов второго поколения.

- Для юбиляров - ровесников экспедиции звучит песня «Залив Креста»

Ведущий:

- Племя молодое, современное имеет широкий возрастной диапазон. По нашей классификации оно начинается с тех, кто имеет пятнадцать лет чукотского стажа. Это уже ветераны третьего поколения. К ним относятся Алексей Мишин (Гришин), Инга Сосновская, Оля Доценко (Зоя Петренко), Борис Кутенков (Геннадий Каплёнков), Петр Уралов, Александр и Римма Крюкановы (Кукановы), Геннадий Аркавенко (Картавенко) и другие. Просим названных товарищей подняться на сцену.

- Обзорную историческую эстафету принимает один из лучших представителей племени неолита, разносторонний спортсмен, супермастер - рыболов и образцово-показательный геолог Александр Крюканов. Ему повезло - он участвовал в открытии месторождений олова Чаантальского рудного района. Ему еще больше повезло - он в числе первых познал прелести групповой геологической съемки. Итак, слово предоставляется Александру Крюканову.

Выступление Крюканова

То, что называется Чаантальским оловорудным районом, для геологов экспедиции более привычно как Телекай. Здесь уже сейчас известно несколько оловорудных месторождений, десятки проявлений олова, золота и других металлов. Геологов-телекайцев очень много, досадно только, что из-за ограниченности во времени я не могу упомянуть всех, кто вложил в Телекай свой труд и душу, а могу лишь остановиться на основных этапах развития Телекайской истории.

Первые сведения об оловоносности района получены еще в тридцать шестом году Серпуховым и Бойко. Ими где-то в бассейне Телекай (точной привязки нет) были обнаружены гидротермальные образования с касситеритом. Легендарные «точки Серпухова» давно вошли в историю, и геологи всегда помнят тех, кто первый сказал «да», но, тем не менее, эти пресловутые точки периодически появляются на кончике пера пишущей братии различных рангов как укол в адрес геологов - забыли, не нашли. Нашли! Я в этом твердо уверен!

Уже в 1948 году Л.М. Шульц при полумиллионной съемке обнаружила первые рудопроявления олова. В 1956 - 1959 годах геологи будущей ВЧГЭ с лошадьми прошли весь район и определили его положительные перспективы. Анатолий Ишимов отобрал образцы с касситеритом из грейзенов и турмалинитов (хотя содержания олова были невелики, зацепка уже была), а Степан Соломин выявил оловоносность бассейна реки Чануан и обнаружил олово в металлометрических пробах из верховьев Чаантала. Были

даны рекомендации на постановку более детальных работ. Но либо удаленность района, либо что-то другое не позволили, тогда же, и проверить эти рекомендации.

Лишь в 1962 году при спецработах Слямзиным в верховья Чаантала обнаружены богатые оловянные руды, и колесо Телекайской истории начало раскручиваться. Развернутые здесь в 1963-64 годах поисковые работы привели к открытию Телекайской группы месторождений и появлению кандидата геолого-минералогических наук Ратникова. Прогнозы были большие, даже, может быть, слишком большие, и район попал в опалу.

В 1971 году отрядом Свистоплясова (Плясунова – В.П.) здесь доказано наличие промышленной россыпи, которая уже сейчас благополучно обрабатывается старателями.

В 1973 году, разрывая тишину ревом вездехода, в район ворвался групповой отряд Черныха, убедительно доказавший значимость месторождений Водораздельного, Обзорного и перспективность ряда рудопроявлений. Был дан последний мощный толчок к основательному, детальному изучению района. Однако последующие годы характеризовались каким-то унынием. Поиски на Водораздельном прошли как-то незаметно, не сказав в отношении перспективности ни «за», ни «против», ни «да», ни «нет». А Иультинской ГРП, проводившей бурение в бассейне Чануана, было вообще поставлено под сомнение наличие там касситерита. Теперь результаты буровых работ взяты под серьезное сомнение и, кажется, все придется делать сызнова.

В 1978 году, несмотря на противоречивые данные, экспедиция все-таки решилась и вошла на Телекай с разведкой. Чаантальский отряд, а ныне партия под руководством Алексея Мишина (Гришина) медленно, пожалуй, даже слишком медленно, но верно раскручивает месторождения Водораздельное и Обзорное. В 1980 году как раз посередине между ними неожиданно возникла доценковская (петренковская) «Мечта» - и ее тоже надо будет пощупать. Рванули на Телекай с «опережающими» видами работ наши ретивые помощники - геофизики и геохимики. Кажется, дело пошло, за Телекай взялись серьезно. Мне хочется верить в успех тех, кто сейчас там работает, от души пожелать им в этот праздничный день большой удачи. Хочется, чтобы оправдались труд, пот и надежды телекайцев всех времен.

Ведущий:

-Александр Васильевич остановился только на одном своем страстном увлечении - касситерите. О втором не менее страстном увлечении - групповой геологической съемке - он умышленно умолчал, не стал о ней распространяться. И правильно сделал, потому что бранные слова в праздничный день были бы некстати. Однако все же, чтобы образ нашего современника (героя нашего времени) сделать полноценнее, ярче, мы скажем за него. Два года назад Крюканов завершил работы на второй площади ГГС и, хотите - верьте, хотите - нет, пустился в пляс, припевая:

Я закончил групповую, групповая нравится,
С десятью теперь смогу я без усилий справиться!
Эх, топну ногой, да притопну другой,
В съемке нашей групповой думать надо головой!

- Время, когда месторождения открывали по принципу «пришел, увидел - подобрал» давно прошло. Теперь открытия делаются долго и трудно. Особенно это относится к золоту, как к рудному, так и россыпному, особенно россыпному погребенному. Сейчас у нас сверкает Ленотап. О том, когда, как и с чего он начинался, вы услышите из правдивых уст очевидца событий Бориса Кутенкова.

Выступление Кутенкова

1971 год. Нашей экспедиции десять лет - возраст, когда дети ходят в третий класс. С таким объемом знаний по золоту делались тогда первые шаги. Господствовала гипотеза С.В. Обручева: «Золото и олово – антагонисты».

Мы выехали на тракторах зимой в оловорудный район, где творилось что-то непонятное - Мухин и Споров выявили проявление золота, а Зильберминц жаловался, что

ему кто-то испортил шлихи, подсыпав в них золото. Совсем недавно всех привел в шоковое состояние Николай Ноздрин, нашедший рудное золото прямо в горном отводе Иультинского месторождения. Этой неожиданной находке он дал перспективное название «Почин».

Золото нам далось не сразу. Но начальник отряда Черных тонус держал повышенным. Его любимая поговорка «здесь может быть два варианта» вселяла в нас уверенность и тогда, когда отказали шурфы, и тогда, когда мы долго не выходили на аналог «Почина».

Первым рудное золото увидел старший техник-геолог Альберт Белов. Полмесяца он, возвращаясь с шурфов на базу, дробил и внимательно рассматривал под лупой кварц, о котором предшественники, традиционно, автоматически писали: «Кварц молочно-белый, безрудный». Вот в этом - то кварце Альберт и нашел гнездо с очень мелким, но густо вкрапленным золотом.

Потом были найдены и золотоносные долины с устойчивым знаковым содержанием мелкого золота. «Ура-а!», - завопил как-то промывальщик, потрясая лотком. Все сбежались. «Вот, первый лоток, где нет ни одной золотинки!» - радовался он.

Энтузиазм поиска не ослабевал весь сезон. Тамару Русову (будущую Котову) невозможно было вытащить из расчисток. А Володя Котов как-то произнес: «Цум байшпиль» и персональным шурфом доказал наличие весового золота и шеелита на участке Габбровом. Канавы били в две смены: в одну забуривались, в другую таскали на себе взрывчатку через перевал. Мы думали, что несем в тундру цивилизацию. Но вот как-то подъехал к нам вездеход оленеводов, и пастухи ... пригласили нас в кино!

Лучший золотоносный участок мы назвали «Леонид» в память о погибшем нашем товарище Руденко.

В смелый прогноз Вадима Черных на Ленотапскую россыпь поверили не сразу и далеко не все. Не очень верил в это золото и бывший главный геолог экспедиции Тафик (Тафинцев Геннадий Васильевич – В.П.), так как первоначальные результаты бурения были отрицательными. Теперь же там разворачивается прииск Юбилейный. Верим мы и в то, что в этом районе будет добываться и рудное золото.

Ведущая:

- Для наших молодых ветеранов – поисковиков и съемщиков,- исполняется песня «Скрипка».

- И, наконец, последнее слово предоставляется тем, которые смеются (или плачут) последними - разведчикам золотых россыпей. От их имени выступит Геннадий Аркавенко.

Выступление Аркавенко (Картавенко)

Амгуэмская ГРП, специализацией которой было определено вершить поиски и разведку россыпных месторождений золота, была организована в мае 1961 года и просуществовала до ноября 1965 года. За это время сменилось семь начальников и шесть старших геологов. В результате поисков выявлены мелкая промышленная россыпь в долине реки Метегинканы, забалансовые россыпи ручья Шумного и реки Милютчекайвеем.

В 1963 году на базе одного из участков Амгуэмской партии была организована новая самостоятельная геолого-разведочная партия - Майныпонтаваамская. В деятельности Майны - ГРП, сменившей за пятнадцать лет восемь начальников и столько же главных геологов, отчетливо прослеживается чередование взлетов и застоев. Звездным годом Майны-ГРП был 1967 год, когда было окончательно доказано существование крупной промышленной россыпи золота в долине реки Пеньельхин. Основная заслуга в этом принадлежит Леониду Руденко, чья фантастическая целеустремленность - вера в свою правоту могут служить примером всем геологам. Годом позже на карте горнодобывающих предприятий Союза загорелась звездочка самого восточного прииска.

В последующие годы доразведывалась россыпь Пеньельхина, велись поисковые работы на смежной территории. В начале семидесятых годов география поисков расширилась чрезмерно - буровые работы велись одновременно в бассейнах Вешкапа и Уквульхвергина, Чаантальвергина и Экитыки. Под впечатлением открытия уникальных россыпей на Валькарайской низменности (прииск Ленинградский и другие) большая часть объемов бурения была брошена на вроде бы аналогичную Ванкаремскую низменность. Ошиблись.

К концу семьдесят шестого «лихая кавалерийская атака» на Ванкаремскую низменность захлебнулась. К весне семьдесят седьмого фронт поисковых работ сместился в горное обрамление. Следствием этого явилось открытие целой серии мелких россыпей и средней по запасам россыпи ручья Озерного, что на несколько лет продлило существование прииска Восточного.

В 1979 году под боком у Иультинского ГОКа выявлена золотая россыпь Ленотап - открытие, стоящее по своей значимости в одном ряду с открытием Пеньельхина. Всего же Майныпонтаваамской ГРП открыто и разведано девять различных по запасам россыпей, представляющих промышленный интерес, и установлена принципиальная золотоносность Ванкаремской низменности.

Несколько слов об Иультинской ГРП. Организованная в 1970 году, она на своем недолгом веку пережила восемь начальников и пять старших геологов. Она занималась исключительно поисками и разведкой рудных и россыпных оловянно-вольфрамовых месторождений.

В 1980 году Майныпонтаваамская и Иультинская партии были насильственно объединены в одну - Буровую партию, успешно (тьфу-тьфу-тьфу) продолжающую разведку комплексных золото-касситеритовых россыпей Ленотапа. Очень хочется верить, что у Буровой партии все еще впереди.

Ведущая:

- Труд разведчиков золотых россыпей оценен по заслугам. Лучшие из лучших награждены орденами и медалями. Это промывальщики Лыков и Кудрявцев, дизелист Платонов, геолог Баханьков.

- Для наших славных кочующих по заполярной тундре разведчиков золотых россыпей исполняется их любимая песня «Ехали цыгане».

Ветераны экспедиции сделали очень много и продолжают трудиться, передавая свой опыт молодому поколению. От имени старейших и мудрейших геологов символическую трудовую эстафету - старейшие и почтеннейшие орудия производства в годовщину двадцатилетия Восточно-Чукотской геологической экспедиции племени молодому - двадцатилетнему передает Кирилл Сергеевич Пухов.

Речь Пухова

- Молодые наши коллеги! Геологи сейчас вооружены десятками и сотнями новейших, совершеннейших приборов, новыми эффективными методами исследований. Однако как современному хирургу не обойтись без древнего простейшего скальпеля, так и геологу не обойтись без молотка и лотка, известных еще первому русскому геологу Михаиле Ломоносову. От имени ветеранов экспедиции вручаю вам эти старые, но надежные инструменты, как залог будущих открытий, которые суждено совершить вашему поколению.

Ответ молодого специалиста

- Принимая эти старые и надежные инструменты, мы обязуемся не забывать и те сотни новейших, совершеннейших приборов, о которых вы, уважаемый Кирилл Сергеевич, упомянули. Мы приложим все силы для того, чтобы переданные вами археологические находки как можно скорее превратились в музейные экспонаты.

Ведущая - Инга Сосновская (Карамба):

- Для молодых специалистов, для тех, за кем будущее экспедиции, а, следовательно, и будущее всей восточной Чукотки исполняется песня «На острове Буяне».

Ведущий - Денис Доценко:

-Дорогие товарищи! Наш форум подходит к концу. Давайте завершим его общей песней, которую мы знаем и любим со студенческих времен. Эта песня – «Глобус», гимн всех бродяг, наш гимн.

Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой,
Глобус крутится-вертится словно шар голубой.
И мелькают города - и страны, параллели и меридианы,
Но таких еще пунктиров нету, по которым нам бродить по свету

Зал пел стоя, на глазах у людей блестели слезы. Пели все - и стар, и млад. Это был апофеоз грандиозного праздника всех работников Восточно-Чукотской геологической экспедиции - от уборщицы тети Маши до начальника Каталенко. На сцене оставались только «Все-те-же», они вели:

Знаю, есть неизвестная широта из широт,
Где нас дружба чудесная непременно сведет.
И тогда узнаем мы, что смело каждый брался за любое дело.
Те места, в которых мы бывали, люди в картах мира отмечали.

Оживленный улыбающийся народ в предвкушении еще большего удовольствия покинул районный дом культуры и направился вниз по склону в ресторан. Стоял чудесный весенний субботний вечерок, были все основания хорошенько погулять, не думая о понедельник.

А в понедельник рано утром, за час до начала рабочего дня в приемной начальника экспедиции раздался телефонный звонок. Оказавшаяся поблизости уборщица тетя Маша (Марья Ивановна) подняла трубку.

- Але! Слушаю.

Телефонистка: Вас вызывает Краснодар.

- Каво, мне?

Телефонистка: Переключаю.

Из Краснодара - Таисия Захаровна, жена Черныха.

- Алло? Это Восточно-Чукотская экспедиция?

- Да-да, экспедиция. А ето хто звонить?

- Таисия Захаровна. Кто у телефона?

- А ета я, уборщица, больша никого нету, рано ишшо.

- Здравствуйте, Марья Ивановна.

- Здравствуй, Тая. Тебе чаво?

-Мы с Вадимом поздравляем весь коллектив и вас лично с днем геолога и двадцатилетием.

- Спасибо, дорогая, тольки ты ошибаисси, забыла ты усе - мне какие ж двадцать? Даже мой Миша мне меньше тридцати не даеть, хучь и знаить, что мне пятьдесят.

- Да не вам, а экспедиции двадцать.

- А-а, ну ета другое дело, ета может быть. Потому что цельный месяц все бегают тут, бегают, как оглашенные, топчуть, топчуть. И сами бестолку бегают и мне работать не дають. А больше всех етот, буровик, маленький такой, шустрый... Мансурч! Прямо аж чуть ни вспрыгнул на mine верхом с разбегу. Тряпкой отмахнулась.

- Мария Ивановна, а с какими результатами, встречает экспедиция свой Юбилей?

- У-у, милая, результаты такие, что прямо не верится. По всем показателям на первом месте в Союзе стоим. Усе знамена забрали, ставить некуды. Я уж новому-то начальнику говорю - и геологам тесно, и вот таперича знамены ставить некуды, дик ты пристройки ба сделал, што ля, чтоб буква Ж получилась. Тады и mine какая комнатуха досталась ба, а то все хозяйство навиду, в коридори. Ну, куды ета годится?

- Значит, Мария Ивановна, у вас новый начальник?

- Да новый, новый, его ишо в январе Горбань из Анадыря привез.

- Ну и как он?

- Ды ничаво, крупный мушшина, молодой, представительной, с бородкой. И кличка у яво интересная, из Анадыря сабчили - Махнарылай.

- А какие у него деловые качества?

- Ежели будет мне лигулярно премии назначать, вот тады и скажу - хороший начальник, качественной. Ну а вы как поживаете? Аклимизировались?

- Живем прекрасно, все у нас есть - и чача, и дача, и машина, и малина. Вадим с тобой хочет поговорить.

Вадим:

- Мариванна! Я исполню для вас нашу кубанскую песню с газырями.

Распрягайтэ, хлоп-ци, конэй, тай лягайтэ спа-а-чивать! А я пиду...

Таисия:

- Хватит тебе людей смешить.

Вадим:

- Погоди, Захаровна, у меня еще один вопрос. Мариванна, а как там мой родимый Телекай?

- С Телекаем, Афанасич, пока завал. Никак не можем сорганизоваться. Там комплекс «Геолог» поставили, дык таперь хотим сделать с яво гостиницу «Интурист». Клевый директором быть согласен. Будем валюту иметь. Еще Клевый предлагает там построить комплексный коровник-свинарник-курытник, чтоб, значить и зарубежных гостей кормить и вапче сельское хозяйство зачинать развивать.

Вадим:

- А как с запасами олова? Подсчитали?

- А чаво там считать? Усе запасы в недрах сидять. А чем ты сам-то занимаисси?

Правда, что рисоводством?

- Рис - это хобби, а основное занятие - облицовочные камни.

- А хату свою ты заблицовал?

- Пока только туалет. Мрамор в розовую жилку. Красота не описанная, ха-ха-ха!

- Значица, жизнью ты довольный?

Таисия:

- Мария Ивановна, ему здесь очень хорошо, он всем довольный, как сыр в масле катается, вот так! Нечего о нем говорить. Вы мне скажите лучше, есть ли в экспедиции золото к юбилею?

- С золотом пока ничаво, план по приросту выполняем. Но я, Таисия, так думаю - надолго ли хватит того запаса? Разведчики наши, конечно, маракууть, куды дальше иттить. Вот недавно захожу я в кабинет главного геолога Виноградова, полы мыть, он давно уже немыйтый, все отказывается - потом да потом. Дык вот, захожу я к Виноградову, а они с начальником россыпного отдела Полярусом над картой, как енералы, наклонились, лбами уперлися и пальцами по карте водють, водють, планы, значить, намечают, где бурить. Я им и говорю - чаво тут думать? На Нильпуней надо иттить, там зачинать разведку, во как.

- Пажики у вас продаются?

- Ета и у нас дихвицит. Выбросили их как-то в рабочее время в универмаге. Я туды побежала, стала в очередь, оглянулася - а за мной уже все экспедиционные бабы стоять. А я думаю - вот вам! Все равно я первая! А потом в экспедиции приказ был. Всем, кто за пажиками стоял, выговор объявили с лишением тринадцатой зарплаты. Вот тебе и пажики, мать иху ети.

- А как у вас с жильем?

- У нас с Мишей что ж, никаких претензий нету. А вот те, кто в «Арктике» живет, дуже недовольные - холодно, говорят, иней по швам между панелями намерзайть. В экспедицию прибегают синие, дрожащие и сразу к горячим батареям кидаются, коленками жмутся, греются весь день.

- В квартирах же печки есть, пусть топят.

- Э-э, милая, многие пробовали, да в дыму задыхались - тяги нету! Один Бауло сообразил. Он на пятом этаже живеть, буровую трубу сверху, прямо с крыши, через дымоход вставил, к печке подвел и топил. Но все равно только в кухне и тепло было.

- А с бурением как у вас дела?

- С бурением усё в порядке, хучь и покинул нас Бауло, в Магадан на повышение пошел. Его кадры провожали, читали стихи, я даже запомнила, вот, послухай: «Коль предназначено судьбой, прощай, Бауло Вася. Держи в столице хвост трубой, ее собой украся».

- Кого украся?

- Ды кого ж, Натаху свою, наверно,

- Значит, разъезжаются ветераны из экспедиции? Не одни мы с Вадимом?

- Я ба, Захаровна, не сказала, что дюжа разъезжаются. Стариков ишшо много, их с Чукотки шваброй не выгонишь. Надьсь, на торжественном собрании, всех честили, грамоты давали. А ветераны сполнили концерт.

- Да ты что! Вот молодцы. И кто же выступал?

- А все, кому двадцать и боле. Гриша Соколов в кулуаре, то ись, в коридоре, стихи читал.

- Чьи стихи? Дениса Доценко?

- Нет, говорит, свои, собственные, сам придумал. Мине он слова переписал. Хочешь, прочитаю?

- О, конечно, давай, поэзию я люблю.

- Ну, слухай.

Ах, Чукотка, Чукотка родная,
Ты не только тем сердцу мила,
Что кормила меня, одевала,
Что поила меня иногда.

Я люблю твою тундру сухую,
Я люблю твои горы в снегу,
Я люблю твои дикие склоны
И глухую вокруг тишину.

Я люблю твои длинные ночи,
Я люблю твою злую пургу,
Я люблю твое лето короткое
И забыть никогда, никогда не смогу.

Ой, Таисия, кха-кха, комок в горле... и слезы наворачиваются, извини, счас...

- Это все?

- Ишо нет, погоди, дай успокоиться. Гриша ить уезжать на материк собрался, но боится. Слухай, что он дальше написал:

Все грызут, все грызут мою душу сомнения,
Все понять, все понять я никак не могу -
Как смогу, как смогу я прожить на сто двадцать,
Прокормить и себя и семью?

- Да, душевные стихи. Я и не предполагала, что Гриша на такое способен. А Пухов, что на празднике делал? Пел, небось?

- А как жа! Он вместе со Свистоплясовым сполнял арии из опер. На три голоса. А Маруся Виноградова старинные романсы пела.

- Да-да, это я помню, она чудесно поет, с удовольствием бы послушала. А что еще было?

- Ишо Зина Белова выступала. С художественным словом. Юморная проза называется. Ахваризмы оформительниц, собранные за двадцать лет. Вот хохоту-то было!

- А канат перетягивали?

- Не, канат не тянули, силы таперича не те. Посуди сама - ни Кандырина нету, ни Рубановича. Но шум был. Кум-Соб гопака врезал. Вместе с кумом Майоровым. Пол проломили в ДК.

- Ну, пол - не беда, пол – не отопительные батареи. А на гитаре все ещё Виноградов играет?

- А хто ж ишо? Он у нас бессменный маэстра. Хучь и злится, а играть, некому его заменить. Прямо беда с етой молодежью. Тольки заседать и научилися, а больше ничаво.

- А у Леши Воронова какое амплуа?

- Почему Плуа? Он с Леною живеть.

- Да я не об этом. Я спрашиваю, что он на концерте ветеранов делал, с каким номером выступал?

- Воронов выдал художественный свист, У геофизиков научился, у Марка Серова (Марк Павлович Седов, главный геофизик – В.П.).

- Вот это здорово! А групповики выступали?

- Да, они сполнили групповой танец, вроде летки-еньки. Впереди трюхал Синицин, за ним Галин, Козин (Козлов), Благоволин (Благодатский), Клинов. Здорово у них получилось. Тольки под конец они в разные стороны разбежались - Галин на Мараваам, в новую групповую, Благоволин - в Ленинград, за сыном, Синицин - в Херсон, в свой кооператив, а Козин и Климов скрылись в неизвестном направлении.

- А другие групповики?

- Крюканцы, што ля? Эти тоже плясали, от них Кутенков (Каплёнков?-В.П.) ускакал.

- Да, Мария Ивановна, я давно хочу спросить - как ваши бухгалтерисы без главбуха Жупела справляются?

- Ну, чо? Зарплату и премии вовремя платють. У Галины хвататить тям, она справляется с работой не хуже Жупела, даже баланс в Магадане успешно сдала. Наши бухгалтерисы поють так: «Женской силы не жалеем, «хорошо» теперь имеем, наш баланс хорош впервой, то ли будет – о-ё-ёй!» Наша сестра, она ить тожа не пальцем деланая, правильно я говорю?

- Ой, правильно, Мария Ивановна, правильно. Взять хотя бы меня. Да если б ни я, мой Афанасич так бы и прозябал до сих пор на своем дурацком Телекае, и сыпались бы на него приказы, указы и выговора, и век бы не видать ему чачи, век бы не видать ему дачи, машины и малины! А он этого понять не может, не видит, в каком раю живет, все рвется назад, на Чукотку, да я не пускаю. И что он там забыл, что потерял, никак не пойму. Ну, до свиданья, Мария Ивановна, кончаем разговор, а то Вадим совсем от чачи раскис, опять у меня трубку рвет, что-то сказать хочет. Ну вот, уже и слезу пустил. Передавайте всем чукчам приветы! Еще раз поздравляю ветеранов с днем геолога и двадцатилетием ВЧГЭ. Чао!

- Чаво? - спросила Мария Ивановна и в недоумении положила трубку.

- Звонють тут и звонють, от работы отвлекають. А мне ишо вон у начальника мыть. Ходють и ходють, топчуть и топнуть, а чего ходють? Чего топчуть? Ни мне, ни начальнику работать не дають...

С К А Н Д А Л Ь Н А Я ВЕСНА.

Начало апреля 1981 года. Многодневные торжества с обильными возлияниями по поводу двадцатилетия Восточно-Чукотской экспедиции геолог Денис Доценко (Евгений Петренко) завершал на квартире своего старшего товарища (разница в возрасте одиннадцать лет) Кирилла Пухова. Было уже поздно, бутылка допита, вдрызг пьяная Кириллова жена Валентина спала, а друзья все сидели за пустым столом, курили и

беседовали. Неожиданно даже для самого себя (черт дернул, не иначе) Денис взял да и ляпнул:

- А знаешь, Сергеич, что говорят оформители о твоём первом ордене? Ты получил его по благу, Кузюкин выбил тебе его потому, что очень хотел жениться на Валиной сестре и стать твоим зятем.

- Как ты меня ужалил! - воскликнул оскорбленный Кирилл.

- Я передал то, что слышал. Бабы сплетни.

- Неужели и ты думаешь, что Нинка, эта блядь, как-то повлияла на мою награду? Уму непостижимо. Эх, Денис, как ты мог...

- Сергеич, да я...

И болтун долго оправдывался и доказывал, что Пухов - это эпоха, что Орден Трудового Красного знамени он заслужил, открыв Керкергин, никто в этом не сомневается, что для всех геологов он пример и т.д.

- Ладно, Денис, я тебя прощаю. Пора спать, завтра на работу. Денис с унылым видом, раскаиваясь о содеянном, убрался восвояси.

В экспедиции в это время происходила организация Мараваемского отряда групповой геологической съемки (МаОГГС), формировались его штаты. Начальник отряда Денис Доценко имел характер мягкий, покладистый, мог уживаться с любыми людьми. Учитывая эту его редкую особенность, экспедиционное начальство направило в Мараваемский отряд самых зловредных и незадачливых геологов, создало своего рода штрафной батальон. Из завершающего камеральные работы Тнэквеевского группового отряда Крюканова переведен в МаОГГС старший геолог Борис Кутенков (Геннадий Николаевич Каплёнков – В.П.) - геохимик, специалист по массовым поискам (поискам радиоактивного сырья), фантазер и лентяй, вечно не успевающий по работе, поносимый и критикуемый, живущий с непосредственным начальством на ножах, но активнейший партийный и профсоюзно-общественный деятель. От Крюканова он ушел с выговором за срыв графика камеральных работ.

Вторым был изгнанник из Межгорного отряда техник-геолог Петр Польский, нервный и самолюбивый молодой человек, не поладивший с коллективом. Из того же отряда поступил Витя Галин (фамилия - казацкая! – В.П.), неисправимый пьяница и прогульщик в камеральный период, но отличный полевик. Из Туманного поисково-разведочного отряда отпустили-выгнали за прогулы, неуспеваемость и полевые книжки, написанные на грузинском языке, геолога Ваха Декадзе. Начальник отряда Веник был рад избавиться от разгильдяя.

Из Буровой ГМ поступили старший техник-геолог Маслаков (Александр Мосолов? – В.П.) - анархист, гитарист, ярый приверженец Высоцкого, и бледная поганка, молодая специалистка - техник-геолог Галина Типанова. Из Науканской экспедиции перевелась решительная дама – геолог Наталья Кирьянова (Филина Наталья Фёдоровна – В.П.), по кличке «Атос - Едрёна Вошь». На должность техника-геолога по совмещению с кладовщиком, имеющим право подотчета, Денис пригласил Клавдию Маштакову, выпускницу кулинарного техникума, обладательницу самого большого в экспедиции бюста, женщину вздорную, глуповатую, мать-одиночку с маленькой дочкой.

Первыми рабочими отряда стали старые первосортные, отборные, классические чукотские бичи Устя и Литвяк. От них не отставал по объему выпиваемого и количеству прогулов вездеходчик Первалов. Крепко зашибал Айгитваль - единственный в экспедиции чукча, бывший зоотехник оленеводческого колхоза. Попала в Мараваемский отряд и Люсита - сожительница Вити Галина, женщина молодая, но изрядно потасканая; пьющая и курящая, королева бичиных попок.

Никто из этой развеселой компании в здание экспедиции вовремя не являлся. Начальнику отряда ежедневно приходилось искать рабочих по шхунам и общежитиям, и если они еще не успели перепохмелиться, держались на ногах и более-менее членораздельно выражались, он выводил их на работу. Чего греха таить, случалось и

Денису похмеляться вместе с бичами. В такие моменты работяги считали начальника в друзу своим, уважали его, слушались-повиновались и клятвенно уверяли, что они сделают все в лучшем виде. «Иваныч! Все будет о'кей! Мы тебя не подведем!» - говорили они.

Беспробудное пьянство рабочих происходило в период организации, предшествующей вылету в поле. Общага гудела. Начальство раздражалось. Все с нетерпением ждали, когда же беспокойное бичиное племя разлетится по полям. Но стояла длительная нелетная погода, сроки вылета все отодвигались, разгулявшиеся работяги попадали в милицию, плохой показатель (прогулы, приводы) рос, общественность волновалась и негодовала.

Денис совсем закрутился. Бурное это было время! Днем - беготня по складам и кабинетам, погрузка, разгрузка, поиски бичей. Вечером - репетиции в народном театре, «Жестокие игры». Совсем некстати пришел приказ из Магадана - выехать для доработки проекта. Срывались репетиции, срывался спектакль. Денис решил послать вместо себя Петра Польского. Петя согласился (он брался смело за любое дело), теперь надо было уговорить начальника экспедиции. Как это лучше сделать? Денис организовал представительную делегацию – пригласил директрису дома культуры Аткаркину и режиссера Субботина. Новый начальник экспедиции, сменивший поднявшегося до секретаря райкома КПСС Супина (Борщев), с доводами деятелей культуры согласился - срывать премьеру спектакли никак нельзя, вместо артиста Дениса Доценко можно послать в Управление его сотрудника Петра Польского.

Подготовка к полевому сезону продолжалась. Решался важнейший вопрос - где быть базе? Важность вопроса усугублялась тем, что база в групповом отряде строилась на три года, попадешь на плохое место долго - будешь каяться. Место для базы должно отвечать трем основным требованиям: находиться на ровной сухой, не затопляемой в паводок площадке, удобной для посадки вертолета; вблизи базы желательны кусты и рыбные угодья.

Ознакомившись с картой и аэрофотоснимками, Денис выбрал место для базы на берегу озера Рыбного в семи километрах от реки Амгуэмы. Немалую роль в этом выборе сыграло название озера, данное предшественниками. На базу надо было забросить первый груз - лес и уголь. Близость к трассе Нырвакинот - Иультин определил вид транспорта - наземный. В разведку, для прокладки колеи, съездил на вездеходе Боря Кутенков. Вернувшись, Боря доложил - очень много снега, на участке, запланированном под базу - ровное снежное поле, берег озера не отличим, уголь выгружен на небольшой островок с малой мощностью снежного покрова, сквозь который пробивается сухая травка. Денис задумался - ситуация очень неприятная, как бы на озерную воду не сесть, вот будет дело. Но отступать было поздно, дорога проложена, надо действовать - авось обойдется.

Только собрались геологи везти уголь на машинах, как грянула мощная майская пурга. Колею, проложенную Кутей, замело. Машины сунулись в пойму Амгуэмы, увязли в рыхлом снегу, с трудом выбрались назад на автотрассу и отвезли уголь в ГРП. Измученный Петя Польский, сопровождавший грузовики, вернулся, не выполнив задания - Мараваамский отряд остался без угля. Дешевая наземная заброска грузов сорвалась, оказалась утопией, пришлось переключаться на дорогой авиатранспорт, которому реки и снега - по фигу.

Первым рейсом начальник отряда слетал на озеро Рыбное сам. Пилот попался неопытный, молодой, посадить вертолет на невидимом берегу не смог из-за большой мощности снега (бортмеханик выскакивал, втыкал щуп, твердого основания не обнаруживал). Пришлось садиться на высокой террасе, вдали от намеченного места. Вторым рейсом полетел кэмэска Женя Калашников. Он все-таки нашел «пяточок», на котором мощность снега не превышала полуметра, посадил машину. Денис расставил по углам площадки красные флажки - теперь дело пойдет! Подход для вертолетов отличный, площадка ровная, снегу сравнительно немного - что еще надо? Грузи-вози, была б погода.

Очередная чрезвычайно важная задача - отправить в поле вездеход, пока не вскрылась Амгуэма. Сначала его не могли долго отремонтировать-наладить, потом никак не могли найти рабочего-бича Устю. Наконец, в конце мая, выезд состоялся. На вездеходе Первалова отправилась стройбригада - Витя Галин, Устя и Литвяк. Перед выездом в подвале произошла мощная отвальная пьянка. Проводив вездеход, в подвале остались трое друзей-собутельников - начальник отряда Денис Доценко и два топографа - ЮДэ, что означает Юрий Дмитриевич, и Сан-Саньч. Гудеж продолжался до конца рабочего дня - еще бы, такое событие отмечали! Сидели трое на ящиках с продуктами в тихом подвале, наслаждались беседой и вином, смеялись, никому не мешали и вдруг - бац! Дверь подвала распаивается настезь, врывается, как ураган, разъяренная мегера - Денисова (Женина) жена, а за ней всплывает ухмыляющаяся наводчица - завхоз Клавка Маштакова. Поднимается дикий крик, разбиваются бутылки, изгоняются ЮДэ и Сан-Саньч, свет тушится, подвал закрывается. «Все, хватит, погуляли! Марш домой, скотина!» - кричит Ольга (Зоя). Денис трусцой припустил домой, опережая супругу.

Интенсивные грузоперевозки продолжались. В семь утра Денис выезжал в аэропорт, весь день грузил - отправлял вертолеты на базу и похмелялся. Вечером, возвратившись в поселок, он спешил на репетицию, пел под гитару песни из пьесы, мелодии к которым придумал сам. Получалось неплохо, труппа восхищалась. Где-то к полуночи Денис приходил домой, сбрасывал грязные трудовые доспехи и заваливался спать. Так продолжалось неделю-другую, Денис не просыхал. Однажды он шел в клуб в своей рабочей одежде - куртке-пурговке и резиновых болотных сапогах, а навстречу - люди из кино, среди них - Ольга (Зоя Николаевна). Неожиданно наткнувшись на мужа, она в ужасе шарахнулась в сторону - так безобразно выглядел он. На следующий день Ольга сообщила о критическом состоянии Дениса в наркологический кабинет, сделала, так сказать, заявку. Вызов к врачу-наркологу последовал незамедлительно, начальник Мараваемского отряда, артист народного театра был помещен в больницу на стационарное лечение. Нарколог Штирлиц назначил срок - сорок дней.

Денис был ошарашен случившимся. Он был резко остановлен, как конь на бегу, он встал на дыбы и... рухнул на больничную койку. Ахнула экспедиция - Дениса редко видели в конторе, он пропадал то на складе, то в аэропорту - дело кипело. Мало кто знал, что свой трудовой накал геолог поддерживал вином. И вот - всему конец! Больница. Комната с решетками на окнах, на койках - алкаши, веселые ребята. Среди них Денис провел первую кошмарную ночь.

Утром начальника отряда посетили изумленные сотрудники - рабочие Люсита и Литвяк, оба, разумеется, навеселе. Они пускали слезу и лезли целоваться, Денис отпихивался от них. Люсита пообещала принести любимому начальнику передачку - блинчиков собственного изготовления. А Литвяк выехал с поля по болезни, которая по научному называлась хитро - "болезнь Альберта". Проще говоря, у него «закапало с конца» и теперь он лечился в венерологическом отделении.

После Люситы и Литвяка появился Сан-Саньч и дал Денису дельный совет - чтобы не было прогулов, написать заявление на двухнедельный отпуск «по семейным обстоятельствам». Денис такое заявление с трудом (рука дрожала) написал и Сан-Саньч пустил его в дело. Отпуск Доценко получил, но производство пострадало. Теперь геологическое задание на сезон вынужден был писать старший геолог Кутенков, мало что смыслящий и в геологическом строении района и в методике предстоящих полевых работ. Тем не менее, он что-то насочинял и принес свое творение в больницу. Сидя на стульях в общем коридоре, Доценко и Кутенков утрясли плановые объемы, подправили текст. Проходивший мимо Штирлиц, услышав оживленный производственный разговор, остановился, удивленно уставился на своего клиента и ехидно спросил: «Вы способны что-то соображать? Прекратите немедленно, вам это вредно, вам думать нельзя!»

Иначе рассуждали знакомые медички из туберкулезного отделения. Они не приняли всерьез «болезнь» Дениса и попросили сочинить для них юмористические стихи - скоро

КВН, им надо выступить и победить! Стихи-куплеты были сделаны на все заданные темы, медички радовались и говорили: «Ой, Денис, как хорошо, что ты здесь, у нас! Теперь мы выиграем».

Геологическое задание на сезон, тексты для КВН - все это было просто, решалось на месте. А вот с народным театром получалась ерунда - надо было уходить из больницы на репетиции, а Штирлиц, гад, не пускал. «Какие репетиции? Какие выступления? Да вы просто не понимаете серьезности вашего положения! Вы больны и вам надо лечиться! Минимум сорок дней!» - возмутился нарколог.

-Нельзя подводить коллектив, срывать премьеру. Этого никак нельзя допустить, спектакль должен состояться, - настаивал актер.

- Какой коллектив? Забудьте про коллектив, вам надо думать только о себе, о своей болезни, вам себя спасти надо, а не народный театр, - гундел врач-зануда.

Приходили в больницу, уговаривали нарколога режиссер и актеры - Штирлиц стоял на своем: «Отпустить не могу ни в коем случае, он напьется, а ему нельзя, как вы не понимаете!» «Ну и хрен с тобой», - решил Денис, договорился с дежурной медсестрой и махнул в самоволку - не в тюрьме же он находится, в конце концов. Ночью после репетиции артист вернулся в свою камеру. Гнусное, отвратительное тетурамово-блевательное лечение продолжалось, Штирлиц ничего не узнал. Затем состоялась еще одна репетиция, генеральная и, наконец, премьеры. После нее актеры устроили прямо на сцене обмывку удачного спектакля, а Денис втихаря смылся в больницу. Выступлений было несколько и он каждый раз уходил со сцены «по-английски», через задний, служебный ход. Играть ему было тяжело, он потел, дрожал, забывал слова, а один музыкальный момент даже запорол, запел не своим голосом и не в той тональности, гитарные аккорды ему не давались. Нелепое пение не понравилось ни партнерам, ни зрителям. Денис был удручен. Успокаивал он себя тем, что другие песни более-менее удались, особенно та, которая была записана на магнитофон заранее и звучала с усилителя.

В первую половину заточения мужа Ольга ненавидела его, презирала и в больнице не навещала. Денис увидел ее первого июня издали, узнал по оранжевой нейлоновой куртке. Она была в компании на предгорной террасе, напротив больницы через ручей. Там отмечался день рождения Пухова, жарились шашлыки, распивались спиртные напитки. Пикникисты громко разговаривали, смеялись, звякали стаканами. Денис с больничного двора наблюдал за пирующими друзьями и завидовал им. Ему было очень обидно. «Мы на разных полюсах», - сокрушался он.

Дней через десять Ольга оттаяла, начала муженька жалеть: пришла вечером в больницу и пригласила его погулять. Денис охотно согласился. Идут супруги к распадку, воркует, глядь - а навстречу Штирлиц! Увидел пациента и давай его стыдить: «Что же вы это, мил человек, режим нарушаете? Вы не уважаете меня, да? Вы меня хотите подвести?»

- Сейчас возвращаюсь, - успокоил доктора Денис, взял Олю под руку и повел ее дальше, к речке.

Жена выглядела растерянной и смущенной - ведь это она устроила прогулку.

А почему тебе нельзя гулять? - спросила она.

- Не знаю. Видимо, он боится, что клиент, вырвавшись на волю, немедленно напьется и все лечение насмарку пойдет. Но мне это не грозит, пусть не беспокоится.

Одним из элементов лечения была так называемая «трудотерапия» - уборка больничного двора и его окрестностей. Алкаши работали с удовольствием (все же лучше, чем в палате сидеть), Денис был у них бугром, руководил расстановкой сил. Однажды он увидел своих ребят - Кутю и Петю, позвал их и предложил вытащить из старых разрушенных шхун печные трубы - полевой дефицит. Толстые ржавые трубы общими усилиями были извлечены, геологи понесли их к гаражу, прятать. «С худой овцы хоть шерсти клок», - радовался заключенный Доценко.

Наступил день, когда Денис решительно заявил Штирлицу: «Все, больше сидеть я у вас не намерен, мне надо выходить на работу, готовиться к выезду в поле». Штирлиц с глубочайшим сожалением и даже обидой выписал недолечившемуся клиенту справку, которая Денису и нахрен была не нужна, потому что он «отдыхал» в больнице во время неоплаченного отпуска.

Первыми слогами Пухова, когда он увидел Дениса, были: «Ты уже можешь руководить? Давай, принимайся, тут без тебя в Мараваамском отряде образовался застой». А что такое руководить отрядом в данный момент? Это значит, самому таскать, грузить, возить, летать - такова роль начальника отряда в организационный период. Руководство собственным горбом, собственным потом. Это Доценко мог, это - пожалуйста. И Денис врубился в трудовые будни.

В конце июня весь отряд вылетел в поле, остался один Литвяк.

- А что у него? - поинтересовался Пухов.

- Болезнь Альберта, - ответил Денис.

- Он тоже, как и Альберт Белов, чокнулся от пьянки?

- Нет, что-то венерическое.

- Ну, это ерунда, вылечат, - успокоился начальник ЦГГП.

Предпоследний рейс. Аэропорт «Залив Креста». Денис Доценко, отправляющий в поле остатки снаряжения и продуктов, ждет вертолет, возвращающийся из Наукана. Вертолет сел, из него спустился снабженец Гришка Мудренко, бортмеханик подал ему его вещи.

- Денис, смотри, что у меня есть, - похвастался Гришка и развязал баульный мешок. Денис заглянул.

- О, да тут целое состояние! Какие прекрасные клыки!

- Парочку Пухову дам, остальные в дело пойдут.

- А-а, ну что ж, это правильно, - равнодушно проговорил Денис и пошел к вертолету, навстречу пилотам.

- На Мараваам летим?

- Летим, загружайся.

Денис, потрясенный увиденным (ему для резьбы хоть бы один такой моржовый клычок, да нету блату) с помощью двух рабочих забил шмутками салон вертолета, из диспетчерской возвратились пилоты и заняли свои места. Денис покинул аэропорт.

На другой день в кабинет Доценке вошел мрачный Мудренко.

- Отдай по-хорошему, а то я на тебя в суд подам за воровство.

- Что такое? Ты о чем?

- Клыки ты взял?

- Ты чего мелешь? Не брал я твоих клыков!

- Кроме тебя, украсть было некому. Я только тебе их показывал. А потом я отошел, а ты весь мешок спиздил. Отдай!

- Говорю тебе, я не брал! Я на такое не способен, понял? Пошел отсюда!

- Ну, погоди, я тебе покажу! - пригрозил напоследок Мудренко и вылетел из кабинета, хлопнув дверью.

- Скотина! - бросил вслед ему оскорбленный, разгневанный геолог. Его аж в дрожь бросило от такой несправедливости. С этого момента он еще больше возненавидел Гришку - эту материально-техническую блатную сволочь.

Вслед за снабженцем Мудренко в Нырвакино переехало и большинство нормальных людей - геологов бывшей Науканской экспедиции. Жилье для них было готово - они один за другим справляли новоселье в новой «Арктике». Центральная геолого-геофизическая партия поглотила множество умных науканских голов и сильных ног, изрыгнув при этом одного нырвакинского старожилу, в свое время недопущенного в Наукан по причине близости Америки - Филателиста Германа Птенцова. В связи с частичным сокращением штатов и по совокупности отрицательных проявлений

(махинации с продуктами, приписки, низкое качество полевых и камеральных работ) Птенцов был из экспедиции уволен. Комиссия по трудовым спорам, куда он обратился, собрала общее собрание ЦГПП. Птенцов явился на него как на суд, в сопровождении адвоката и медалью блокадника на груди. Ничего не помогло. Коллектив преобладающим числом голосов (против был один - Петр Уралов) проголосовал за увольнение Птенцова. Так закончилась чукотская геологическая карьера человека, обладающего коллекцией марок на миллионы рублей. Герман уехал в Ленинград и устроился во ВСЕГЕИ. Скандальная весна завершилась.

СЕЗОН - 81

Перед выездом в поле Денис составил обзорную геологическую карту (по отчетам предшественников и результатам дешифрирования аэрофотоснимков), написал геологическое задание, наметил план полевых работ. Главной задачей первого года работ, согласно методике групповой геологической съемки, являлось создание каркаса геологической карты масштаба 1:50 000 на всю площадь.

План операции предусматривал обработку территории тремя самостоятельными группами.

Группа «Север» во главе с геологом Виктором Галиным, обеспеченная вездеходом /механизированной/, отрабатывает северную часть площади, где широко распространены четвертичные ледниковые отложения и осадочные породы верхнего триаса. Зная Галина как хорошего, вездливого поисковика фауны, Денис надеялся, что он найдет новые точки.

Группа "Центр" исхаживает центральную, наиболее сложную и обнаженную часть района, зону контакта вулканитов и осадочных пород, с многочисленными проявлениями молибдена, золота, полиметаллических руд. Эту площадь Денис взял на себя. Внутреннего транспорта его группа не имела, она должна была передвигаться на «своих двоих» и сплавляться на резиновых лодках по Маравоаму.

Полностью пешеходная группа «Юг» охватывала южную часть территории, расположенную в вулканической зоне. Сюда был брошен старший геолог Борис Кутенков.

Все это Денис изложил сразу после прибытия отряда на базу перед своими сотрудниками. Затем состоялся первый торжественный ужин в полевом ресторане «Три поросенка». Подвыпивший народ критиковал начальника отряда и Кутю за неудачный выбор базы. «Ну что это такое! Кругом болото, на болоте сидим! И озеро тоже, рыбное называется, а какое оно к черту рыбное, когда в нем одни налимы! Разве это рыба? Тьфу, мерзость! Ну и сели, ну и влипли - хуже некуда!»

Денис успокаивал полевикув как мог - и тем, что такие случаи, даже еще хуже, бывали и раньше в других отрядах, Межгорном например, и тем, что скоро подсохнет, лучше будет, а осенью подмерзнет и станет совсем хорошо. Да и вообще волноваться и расстраиваться нечего - жить на базе придется мало, большую часть сезона отряд проведет в маршрутах, на стоянках, далеко от деревни Налимовки.

Неприглядность болотистой тундры компенсировалась в какой-то мере комфортабельным жильем. В трех хорошо оборудованных палатках жили семейные пары - Витя Галин с Люситой, Маслак (Александр Мосолов? – В.П.) с женой и Клава Маштакова с дочкой. Стать третьим жильцом клавкиной палатки страстно возжелал водитель вездехода ГАЗ-47 Перевалов. Он энергично обустроивал, доводил палатку, производил внутреннюю и внешнюю отделку, надеясь на щедрое вознаграждение грядущей хозяйки, на плату натурой. Клавдия, потряхивая могучим, притягивающим мужские взоры бюстом, загадочно, многообещающе улыбалась, но облагодетельствовать ретивого ухажера не спешила - послужи, дескать, еще, дружок, а там видно будет. Хитрая, бестия! Но Перевалов надежды на лакомый кусочек не терял и гарцевал перед полногрудой красавицей, как джигит. Лихим наездником он впрыгивал прямо с земли в кабину вездехода и гонял его, как коня, по тундре вокруг базы, делая крутые виражи, так, что ошметки грязи и торфа взлетали из-под гусениц к небесам. Перевалов исполнял на

вездеходе любовный танец-вальс! А в заключение он вдруг на полной скорости устремлялся на Клавдию, стоящую у своего теремка, и в метре от нее резко тормозил, останавливая грязную машину. «Что за дурацкие шутки? - вскрикивала испуганная Клавка и, колыхнув роскошными грудями, презрительно поворачивалась к кавалеру не менее роскошным задом, уходила прочь.

Весь отряд с интересом наблюдал, как вездеходчик «бил клинья» под Клавку. Все ждали - чем же это кончится? Устоит Клавдия или нет? Пустит к себе или не пустит? А пока Перевалов ночевал в «бичхолле» - рабочем общежитии. Здесь стояли две палатки, обращенные друг к другу входами и соединенные общим тамбуром. «Бичхолл» отделялся от кухни и палаток ИТР залитой водой старицей. Удачно получилось! Строили-то по снегу, расчищая для каркасов прямоугольные площадки-ямы до полутора метров глубиной - могли и в болото сесть.

Палатка старших ИТР стояла хорошо. Вид из окна был чудесный: на переднем плане - голубая озерная гладь, дальше - зеленеющая волнистая тундра, на горизонте - синий хребет с белыми вершинами (Искатень). Широта и простор. В одной палатке с папой-начальником поселился младший Доценко - Вася.

Крайняя с запада палатка принадлежала свободным женщинам - Гале Типановой (Типе) и Наталье Кирьяновой (Атосу-Едрёна Вошь). К ним Денис и Кутя завалились после массовой мужской гулянки в кухне.

- Почему нам не сказали, что после ужина будете выпивать? – обижено спросила Наталья. - Мы что, не люди?

- Девочки, да кто ж знал, что вам тоже хочется?

- А вот и желаем! - поддержала подругу Типа.

- Прекрасно. Готовьте закусь, сейчас будем со спиртным.

Объединившись, разнополые геологи сидели и пели до утра, исправляли допущенную начальником бестактность.

- Это, Денис Иванович, была твоя первая ошибка, едрёна вошь, - сказала Наталья. - Мы их будем считать.

Наступили трудовые будни, началась интенсивная подготовка к вылетам на лабазы, лабазные бочки упаковывал и разбрасывал на вертолете Петя Польский. Это была быстрая, лихорадочная работа на вертолетном ветру под гремящими лопастями. Погрузка тяжелых железных бочек с продуктами; взлет, разворот, полет, посадка, сбрасывание лабаза, прыжок в тундру, бочку на попу, сверху дном, чтоб не залило дождями; ящики со стеклом (щи-борщи) отдельно, рядом с бочкой; тут же примусы и посуда, пара огнетушителей с керосином, бруски для палаток (два коротких-стояка и один длинный - для перекладки). Рывок в вертолет, пот градом, тяжелее дыхание, мощное сердцебиение, дребезжание и грохот машины, крики бортмеханика, захлопывание дверцы, стремительный взлет, посадка на базу, погрузка нового лабаза и новый полет - такова динамика процесса.

Несколько дней над весенней тундрой носился, как бешеный, вертолет, присаживался на минутку, будто по нужде, и, облегчившись, снова взмывал в небо, оставляя на земле помет - бурые столбики ржавых бочек. Так была создана пищевая опорная сеть, система жизнеобеспечения из тридцати бочек-лабазов, гарантирующих выполнение плана поисково-съёмочных работ независимо от дальнейшего транспорта.

Итак, лабазы разбросаны, люди на лабазах, можно начинать маршруты. На базе, в деревне Налимовке, остались две женщины - завхоз Клавдия Маштакова с дочкой - и один четырнадцатилетний мужик - Вася Доценко. Седьмого июля геологи группы «Центр» во главе с Денисом поставили палатки на первом лабазе, поужинали, забрались в кукули. Завтра - первый маршрут. Проснулись они утром - ого! Белым-бело! Горы покрыты свеженьким снежком толщиной десять-двадцать сантиметров. Всеобщий восторг, лишь начальнику грустно. Ребята слепили снежную бабу, сфотографировались возле нее и снова нырнули в кукули.

Маршруты начались только десятого июля, когда стыдливо растаял никчемушный летний снег. В этот день состоялись кратковременные встречи и знакомства бурого медведя и студента (медведь испугался и убежал), снежного барана и охотника Пети Польского. Баран был далековато (не менее километра), пять пуль, выпущенных Петей из карабина, просвистели мимо цели.

Первый маршрут Денис прошел без приключений. Разве что на вершине его и студентку Галю накрыл дождь со снегом - но это дело обычное. У Дениса была полиэтиленовая пленка, которой хватило на двоих. Начальник отряда и студентка-радиометристка стояли рядышком, вплотную, разделенные лишь спецодеждой. Денис, ощущая приятное волнение, любовался юным розовым личиком в капельках дождя, у него возникло желание поцеловать девушку в алые губки, но он во время вспомнил фразу великого Блямса «на работе развратом не занимаюсь» и сдержался. Мгновение пролетело, дождик кончился, маршрутная пара пошла дальше, на следующую вершину с геодезической треногой (триангуляционным пунктом). На обратном пути, у подножья крутого склона, в скалистом каньоне небольшого ручья геологи нашли кровать-раскладушку. Откуда взялась эта мебель в столь диком месте? Вероятно, сдуло с горы, на которой геодезисты ставили вышку, решил Денис. Вот уж, кто, действительно, первопроходцы, так это они - военные топографы. Безымянный ручей, по которому Денис и Галя спустились в долину ручья Мускат, получил название «Раскладушка».

Первый маршрутный день закончился на кухне (обычная шестиместная палатка с ящиками вместо стола и стульями-камнями) тем, что перевозбужденный Петя Польский, рассказывая о своих охотничьих приключениях, резко дернул рукой и острым локтем опрокинул кружку с горячим чаем на нежные Галины коленочки. Ошпаренная студентка взвизгнула и вылетела из палатки. За ней бросился и ее официальный жених Андрей – студент Пермского университета. Он оказал ей первую помощь, опередив расстроенного Петра, которому Галочка тоже очень нравилась и который тоже был не против полечить ее покрасневшие коленки.

На стоянку номер два, в устье ручья Алабашлы геологи переходили при чудесной погоде и по хорошей дороге, вниз по ручью. Денис, как всегда на пустых переходах, шел на максимальной скорости, «заломив рога», обманывая тундру, точно так, как ходят на двухсотке. Петя Польский и Андрей вышли днем раньше, так что группу Доценко уже ждали готовые палатка и горячий чай. К ним и стремились полевики. Следом за Денисом, стараясь не отставать, перли геолог Вах Декадзе и его рабочий-радиометрист Костя Бауло. Слабенькая Галочка плелась далеко позади. Ей, бедняжке, идти под вьюком тяжело. Но шла она недолго - ее встретил верный друг Андрей, забрал груз и повел другим путем - через перевал, где на отдыхе-привале имел возможность тесно с нею пообщаться. А Денис продолжал вести группу по долине, делая десятиминутные перекуры через каждый час быстрой ходьбы. Выбрав приятное местечко, он резко останавливался, садился, сбрасывал лямки рюкзака и, расслабившись, отдыхал. Подходил Костя, падал рядом. Чуть ли ни на четвереньках подползал Вах.

- Как ты ходышь? - то ли восхищаясь, то ли возмущаясь, спрашивал кацо.

- Разве так можно?

- Вах, ты на двухсотке не работал?

- Нэт.

- Так вот, у меня - стиль двухсотчика. Немаршрутные, бесполезные пространства надо преодолевать на максимальной скорости. Сокращая время перехода, мы увеличиваем отдых на стоянке.

- Тяжело, задыхаюсь.

- Ничего, скоро второе дыхание наступит, вытянешь.

В долине Мароваама геологи сделали последний привал. Денис хотел дотянуть до стоянки, да Вах уговорил отдохнуть последний раз. Парни сели на берегу речной

меандры. Тихий плес. Плещется рыба, пуская круги по зеркалу воды. Звенят комарики. Один всплеск, другой, третий. Костя не выдерживает - надо поймать! Вах тоже загорается:

- Бэзобразие. Ишь, распрыгались! Сычас мы вас на кручок! Толко вот какую приманку сдэлат?

- Лучше всего ловится на мудянку, - сказал Денис.

- А это как?

Денис объяснил. Вах расстегивает ширинку, дергает черный кучерявый волосок, ойкает. Надрвав нужное количество шерсти, он делает мушку и забрасывает ее в реку. Ожидание. Нетерпение. Донимают комары. Вах с удочкой переходит на другое место. Снова ничего, ни одной поклевки! Через полчаса Денис говорит:

- Ладно, братцы, хватит, пошли. Видно, чукотский хариус брезгует грузинской мудянкой.

- А я, дурак, столко надергаль, мучился - и все зря! - сокрушался Вах, надевая рюкзак.

Братцы дружно встали, рванули с места в карьер, разогнались, набрали темп, глядь - а палатки-то вот они, рядом! «Тьфу ты, черт! - ругнулся Денис. - Пятьсот метров оставалось пройти, а мы устроили привал с анекдотичной рыбной ловлей! Досадно было геологам, но и приятно - переход закончен, они располагаются, пьют вождеденный чай, утоляют колоссальную жажду. Место стоянки всем нравится - конус выноса, поросший крупными кустами ивы и ольхи.

Со второй стоянки изучалось оловянно-полиметаллическое месторождение Алабашлы, открытое Кадыковым при геологической съемке масштаба 1:200 000. На месторождение, расположенное в долине ручья Алабашлы, Денис послал Ваха, а сам решил осмотреть фланги рудного поля, определить его структуру и масштабы. Вначале он шел вдоль русла ручья, описывал коренные обнажения вулканитов. В полдень он наступил на окурочек сигареты с фильтром - ага, значит, здесь протопал Вах. Затем нашел второй окурочек (оранжевые фильтры хорошо выделялись на сером фоне и обращали на себя внимание своей неестественностью), затем третий, четвертый...

- Ты пачиму тут ходыш, а? Это мой маршрут! - услышал Денис знакомый голос, поднял голову и увидел спускающегося сверху Ваха.

- Сейчас сворачиваю, - успокоил он товарища, - мне направо надо. Вот дойду до того обрыва и полезу на склон.

- Там гнэздо. Арол! - сообщил Вах, удаляясь.

Скорее всего, это был не орел, а какой-то сокол (кречет), с пронзительными воплями паривший над долиной (а может, и канюк – В.П.).

Пройдя по водоразделам вокруг Алабашлы, Денис заметил лишь слабые гидротермальные изменения пород без малейших признаков рудной минерализации. Вах, посетив Алабашлы, тоже был разочарован. Денис сделал вывод - тех мощных и протяженных зон сульфидной минерализации, которые выделены предшественниками, здесь нет.

Месторождения нет, зато есть бараны. Петро выполнил, наконец, свою охотничью задачу - приволок из маршрута одного барана! Второй зверь с разорванным пулей брюхом, цепляясь кишками за камни, смог уйти, уползти, спрятаться от преследователей. «Потрясающая жизнеспособность!» - восхищался Польский.

После сытно-обжористого ужина остатки мяса бросили в плотный баульный мешок, затянули веревкой и опустили в воду, привязав конец к толстому основанию куста. Так надежно - ни один зверь не утащит. А голову барана вместе со шкурой прятать не стали - зачем? Она лежала рядом с палаткой. Причем голова студента Марушевича лежала в одном метре от головы барана, отделяясь от нее полотном палатки. Студент сладко спал. Вдруг что-то дернуло за угловую растяжку, послышалась какая-то возня. В палатке раздалось непонятное, таинственное змеиное шипение - псссс! Денис проснулся от этого странного звука, приподнял голову и увидел Петьку. Тот сидел в кукуле с расширенными

от ужаса глазами, направленными на вход в палатку и угол, в котором лежала лохматая башка студента Марушевича, высунутая из кукуля. Время от времени, с краткими промежутками, Петька засовывал в рот пальцы и выпускал вот этот самый звук, который разбудил Дениса - пссс! Он пытался свистеть, но у него ничего не получалось. Тогда он сдавленно крикнул - эй! эй!, выбрался из кукуля, нашарил карабин и пополз к выходу.

- Ты чего? - спросил Денис, зевая и почесываясь.

- Медведь! Не слышишь, что ли? - просипел Петро.

- Да ну? - удивился Денис и тоже выбрался из кукуля. Петро приблизился к выходу, отодвинул голову спящего студента и осторожно выглянул наружу.

- Вон он! Побежал! Медведь!

Теперь его голос звучал в полную силу и разбудил всех, кроме Марушевича. В считанные секунды обитатели палатки высыпали на площадку. Медведь крупным махом удалялся вверх по ручью Алабашлы. Взлетев на террасу, он остановился. Петр выстрелил из карабина. Ночной гость снова рванул и вскоре скрылся за поворотом долины. От выстрела проснулся Марушевич, выглянул из палатки - что такое? Кто стрелял?

- Медведя отпугиваем.

Медведь? А где он? - И студент вылез из палатки с фотоаппаратом.

Опоздал. Удрал медведь. Во-он туда.

Жаль. Я давно мечтаю сфотографировать медведя, - огорченно проговорил Марушевич и снова забрался в кукуль.

По следам, оставленным медведем, геологи восстановили его действия. Значит, так. Голова барана, прикрепленная к шкуре, лежала в одном метре от головы студента Марушевича, высунутой из кукуля. Дождавшись, когда люди уснут, медведь осторожно пошел к голове барана, взял ее в зубы и поволок по земле вместе со шкурой, зацепил растяжку, палатка дернулась, задрожала. Но еще до этого момента по характерному хорканью Петя Польский догадался, что в лагере медведь. Обладая острым охотничьим чутьем и мгновенной реакцией, Петя вскочил и инстинктивно, пытаясь отогнать зверя, засунул пальцы в рот и дунул. Свиста не получалось, потому что Петя сроду не умея свистеть. Тогда он издал звуковой сигнал голосом и хлопнул в ладоши. Это сработало - медведь побежал. Метрах в десяти от палатки он голову барана со шкурой бросил и, мимоходом свалив радиомачту, удрал. Вот и все. Петро спрятал медвежью приманку в воду, Денис поздравил Марушевича с тем, что из двух лежащих рядом голов медведь на завтрак выбрал голову барана и залез в кукуль - было всего четыре часа утра. Ребята долго не могли уснуть, обсуждая событие и его возможные варианты.

Отработав участок Алабашлы, геологи решили помыться. Петя Польский заявил: «Я вам сделаю настоящую русскую баню с паром. Ломайте веники из ольхи. В детстве я работал в тайге и там научился делать полевую палаточную баню. Бочка есть, галечник есть, брезент и палатка имеются, воды и дров навалом - все будет о'кей!» Ну, кто ж против? Собрал Петя добровольцев-помощников и повел их на галечный пляж. Денис остался камеральить в своей палатке.

Вечером Петя объявил: «Баня готова, желающие - за мной!» Любители первого, самого крепкого, пара устремились за Петей. Возле бочки с кипящей водой, обсыпанной снизу раскаленной галькой, парни быстро постелили брезент, сверху накинули и растянули палатку на двух кольях. В палатке стало тепло, даже жарко. Петя набрал в кастрюлю горячей воды из бочки и смело плеснул на камни. Раздалось резкое шипение и палатка мгновенно, взрывообразно заполнилась мокрым горячим пеплом. Эффект был потрясающий, будто произошло извержение вулкана. Купальщики, покрывшись горячими грязевыми потоками, кашляя, чихая и плача, как черти из преисподней выскочили из палатки на свежий воздух и заплясали на берегу студеной реки, съедаемые комарами.

- Вай-вай-вай! - кричал грязнющий грузин Декадзе, протирая щиплющие глаза.

- Пся крев! - ругался Марушевич, отплеываясь и шлепая себя по ляжкам, убивая комаров.

- У-у-у! - по волчьей выли Костя Бауло, размазывая по телу грязь и комариное мясе.

Когда пепел осел и в палаточной бане посвежело, испытатели вернулись и кое-как обмылись, уже больше не претендуя на «настоящий русский пар». После них помылись и остальные - горячей и холодной воды и мыла было вдоволь. Польский оправдывался:

- Все дело в том, что для такой бани нужны валуны и много хороших дров. Если до установки палатки раскаленные камни обмыть, то потом идет нормальный чистый пар.

- Да-да, конечно, в этом все дело, - соглашался с ним Марушевич.

В одном из маршрутов, пересекая овраг, Денис наткнулся на три оленьих трупа, вытаявшие из-под снега и совершенно не затронутые гниением. «Почему хищные звери - медведи, волки, росомахи не трогают павших оленей? - удивлялся Денис. – Столько мяса лежит и портится в природном холодильнике - а они не чувствуют».

О близости стойбища чукчей-оленеволов Денис узнал когда пошел в маршрут на ручей Спотыкач. Здесь на высокой террасе стояло пять яранг, в которых обитали грязные старики с гноющимися глазами, коренастые кривоногие женщины и сопливые, но симпатичные ребята. Дети прятались по своим жилищам и оттуда зыркали, как звереныши из нор. Возле одной яранги громко лаяла привязанная к колу крупная лохматая собака. Денис и Галя вошли в крайнюю ярангу, осмотрели закоптелые внутренности. Студентка была поражена - ведь это самый настоящий первобытный мир! Полумрак, необычный, пещерный запах кожи, пота, дыма и мочи, чумахая хозяйка яранги в оленьих шкурах. На стене яранги висело несколько вяленых рыб. Это заинтересовало Дениса.

- Что, вы и рыбу ловите? - спросил он.

- Та-а, - ответила чукчанка.

- И много здесь рыбы?

- Рыбы многа.

- А где ловите?

- Там, - махнула она рукой на долину Мараваяма.

- А почему у вас так мало рыбы? Плохо ловится?

- Та-а, плохо.

Разговаривать больше было не о чем, Денис и Галя пошли домой. Марушевич, узнав, что на Спотыкаче стоят яранги, аж задрожал: «Мне надо туда обязательно сходить, я давно мечтаю сфотографировать живых чукчей и их жилища. Такой случай упускать никак нельзя». Денис наметил студенту маршрут через яранги и он его выполнил. Возвратился он в полнейшем восторге – какая экзотика! Какая дикость! Как мне повезло! Снимки будут - во!

На стоянку номер три, к устью ручья Кривого, группа сплавалась по Мараваяму на резиновых лодках. Руководил сплавом старший техник-геолог Петя Польский, геологи шли маршрутом по склонам долины. Денис прошел по левобережью реки, вдоль южной границы вулканической кальдеры, пересек ее контакт с осадочными породами, заметил незначительное ороговикование (глыбы темно-серых плотных песчаников при ударе молотком звенели, как чугун). Денис сделал вывод - на глубине залегает интрузия.

Маршруты с третьей стоянки давались тяжело. Они проходили по интенсивно расчлененному рельефу со сложным геологическим строением, при низкой облачности, ветрах и дождях. На крутых подъемах молодая легкая радиометристка Галочка всегда уходила вперед, обгоняла геолога. Денису это было на руку. Он смотрел, когда она скроется и спокойно справлял нужду (предоставляя девушке такую же возможность). Зато спуски Денис делал быстро, бегом или гигантскими скачками, время от времени резко останавливаясь и отбивая образцы горных пород для определения их состава. Галя спускалась медленно, осторожно, боясь повредить прибор.

В маршруте по альпинотипному правобережью Мараваяма Дениса охватило какое-то жутко-восторженное состояние. Он находился на хребте, перед ним открывалась панорама черно-синих со светлыми полосками гор. Над ними - низкие свинцово-серые

тучи и ветер - картина холодная, безжизненная. Денис ощутил необъятную суровость этого крайне неудобного пространства, дыхание штормового океана, демоническое величие природы и свое ничтожество перед ней и в то же время свое единство с этой неограниченно свободной стихией. В душе геолога-романтика возникла грозная мелодия, от которой мурашки пробежали по коже и слезы навернулись на глазах.

Другой маршрут по правобережью ручья «Блеск» Денису запомнился по другой причине. Здесь геолог подтвердил свой неизменный принцип: настало время обеда - садись и ешь, невзирая ни на что, в какой бы обстановке ни оказался. На сей раз шел дождь, спрятаться было негде. Денис спокойно присел на вершине горы, на мокрую глыбу эпидотизированных дацитов и стал заправляться. Студентка Галя, отказавшаяся от трапезы, стояла рядом, как мокрая курица и грустно, недоуменно взирала на жующего геолога. Она не могла понять, что своевременная еда - совершенно необходимая, неотъемлемая часть производственного процесса.

Как вы можете, есть в таких условиях? - спросила она.

- Условия вполне терпимые, - ответил Денис, проглотив очередную порцию «завтрака туриста».

Вах Декадзе в этот ненастный день покорял островерхую гору на левобережье Мараваяма, условно названную «Казбек». Взобравшись наверх более-менее благополучно. Горный Арал был внезапно накрыт темной тучей и сдут с вершины порывом ураганного ветра.

- На меня напали дождь, ветер и туман и я быстро спустился, - рассказывал мокрый Вах, возвратившись из маршрута досрочно.

- Позорно бежал, - уточнил Петя.

- Да, позорно бежал, - охотно согласился Вах, выжимая воду из своей шерстяной шапочки.

Старший техник-геолог Петр Польский занимался шлиховым опробованием долин. Одной из главных его задач было подтверждение весовой оловоносности ручья Блеск, выявленной предшественниками. Петру намыть вес не удалось, его шлихи показывали только знаки. Пройдя по долине геологическим маршрутом, Денис обнаружил слабо измененные осадочные породы с нитевидными прожилками кварц-хлоритового состава и редкими линзовидными кварц-сульфидными жилами. Касситеритом вроде бы и не пахнет - откуда же он взялся в аллювии ручья? Поисково-съёмочные маршруты ответа на этот вопрос не давали.

Зато снова, как и на предшествующей стоянке, группа Доценко имела утешение - руды нет, но есть бараны! Петя Польский шлепнул еще одного рогача. Мясо варили на костре, благо долина зеленая, кустов и сушняка много. Маршрутные пары, возвращаясь в лагерь, собирали дрова, бросали в общую кучу возле кострища. Дежурный приходил пораньше, если позволял маршрут, и в большом баке варил баранину. По настоятельной просьбе «кавказского чалвэка» в бульон ничего, кроме специй, не добавляли. Получалась вкуснейшая «шурпа», которой запивали мясо. Ели много, потому что баранов надо было съесть обязательно на этой стоянке, чтобы их остатки не тащить дальше на себе. На третий день усиленного мясного питания в группе «Центр» начался массовый понос. Первым рванул в кусты промывальщик Устя, за ним последовали Вах, Костя и сам Зверобой. Денис долго держался, но и он не устоял - спек блин. Желудочно-кишечная эпидемия продолжалась несколько суток. Порции съедаемой баранины были сокращены, после чего групповой стул нормализовался.

Совершив по три маршрута, геологи решили покамеральить - так положено. День выдался теплый, солнечный. Полевики вывернули, вытрясли кукули, положили их на зеленые полянки - пусть сушатся и впитывают в себя растительно-цветочные ароматы.

Галочка решила помыться в Мараваяме. Сбросив с себя бесформенную полевую спецодежду, она превратилась в красивую девушку с изумительной фигурой. «Вай-вах!» - воскликнул обалдевший, возбужденный Вах, схватил фотоаппарат и стал подкрадываться

к наяде. Но за горячим грузинским парнем следил уральский Галочкин жених Андрей. Он бросился наперез абреку и грудью закрыл амбразуру его бесстыдного фотоаппарата, нацеленного на обнаженную Галю.

- Не надо! - сказал он грозно.

- А тебе что, жалко? Отойди, нэ мешай!

- Она моя невеста и я ее в обиду не дам!

- Какая абыда, слюшай, ти! Фото на память - вот и все. Э-з-э!

Вах с досадой махнул рукой и скрылся в своей палатке.

Спасенная от фотосексуальных домогательств, Галочка натянула кофточку и брючки, и, как козочка, поскакала меж палаток и кустов. Пробегая мимо Дениса, возлежащего на кукуле и рисующего карту, шалунья мокрой ладошкой коснулась его плеча и кокетливо спросила: «А вы, почему не купаетесь? Так хорошо! Вода чистая, холодная!» Денис хмыкнул, улыбнулся, покачал головой - эх, молодость, молодость...

В эту ночь Устя покинул палатку, в которой обитал вместе с Галей и Андреем. Свой уход старый бич объяснил так: «Пусть он ее успокоит, давно пора», использовал ли Андрей предоставленную ему возможность, неизвестно, только на следующий день радиометристка вела себя в маршруте весьма странно. Она постоянно отставала (раньше всегда забегала вперед), приближаясь к начальнику, стеснительно закрывала рукой губы, которые казались то ли обветренными после купания, то ли искусанными. А однажды, оторвавшись от записей в полевой книжке, Денис увидел, что она тихонько всхлипывает, плачет. В обед от еды она отказалась и близко к геологу не подошла, держала дистанцию. Денис делал вид, что ничего не замечает и никаких вопросов не задавал. Так, молча с дистанцией в десять метров, маршрутная пара и проходила весь день.

Этот маршрут ничем особенным Дениса не порадовал - сплошные эпидотизированные дациты, такие же, как и на правом берегу ручья Блеск. Закончился он переходом вброд через глубокие протоки Мараваяма, преодолением наледи (мощность льда до двух метров), сбором плавника на галечных пляжах и поверхности поймы.

И снова сплав. На сей раз, Денис шел маршрутом по правобережью Мараваяма. С последней перед четвертой стоянкой вершины он увидел лодки - они еще не прошли и половину пути. Денис дождался сплавщиков в устье ручья Прямого, где среди кустов нашел чудесное местечко и предался кайфу. К берегу причалил Польский.

Что так долго?

- В гробу видал я такой сплав! Протоки, меандры, мели! Лодку больше на себе тащил, чем плыл.

- А где Марушевич?

- Он вообще не туда поплыл. Выбрал боковую протоку, заехал в тупик. Пришлось лодку разгружать и все перетаскивать в основное русло. Вот, упрямый хохол! Я ему кричу - сюда гребь, там не пройдешь, а он не слушает, прет по-своему. Сколько из-за него времени потеряли!

Подплыл Марушевич.

- Где будем делать стоянку?

- Сплавляйтесь ниже метров пятьсот, там должна быть хорошая площадка. На намеченном участке геологи обнаружили остатки базы предшественников, искавших золото. Начальник партии Булочкин пришел к выводу, что перспективы района на благородный металл отрицательные. Денису надо было это утверждение или подтвердить, или опровергнуть.

На четвертой стоянке у Дениса впервые появилась радиосвязь - отряд вышел из гор на холмистую равнину к приблизился к базе. Связь была слабая, прерывистая, но все же удалось разобрать, что на базе сидит молодой специалист Володя Крайтер, который просил разрешения выйти на стоянку пешком вместе с Васей. Денис разрешение дал, указал ориентиры. На другой день, поздно вечером, преодолев сорок километров по холмисто-западинному рельефу, по болотам и кочкоте, измученные ребята появились на

стоянке. Денис обнял четырнадцатилетнего сына и сказал ему: «Молодец, Вася, трудное испытание выдержал. Пройти такое расстояние не всякий взрослый мужик сможет. А ты сделал это! Поздравляю!»

Дальше группа «Центр» разделилась на две подгруппы - Вах, Володя и Костя ушли на другой лабаз с тем, чтобы его отработать и вернуться обратно. А Денис с Галей и Васей отправился в маршрут по левобережью нижнего течения реки Мароваам, сложенному главным образом рыхлыми ледниковыми отложениями с редкими выходами коренных пород в береговых уступах.

По рыхлым четвертичным отложениям радиометрические наблюдения не ведутся, поэтому, когда в начале маршрута Галя заявила, что прибор сломался, Денис ничуть не огорчился и продолжал движение. Выйдя на обширную кочковатую поверхность, он врубил четвертую скорость. Вася помчался за ним, не отставая, а медленно плетущаяся студентка исчезла за горизонтом. Обнаружив объект для наблюдения - уступ террасы с выходом песчано-галечных отложений, Денис резко остановился и сел. Вася, натолкнувшись на него, свалился рядом. И тут они увидели занимательную картинку. Прямо перед ними, чуть ниже уступа, откалывал коленца журавль. Он приседал, наклонялся, волочил крыло, удалялся, прихрамывая. Отойдя метров на двадцать, он останавливался, смотрел на сидящих людей, возвращался к ним и снова повторял свое выступление.

- Во дает! - удивился Вася. - А зачем он так делает? Нас развлекает?

- От гнезда отводит. Где-то тут поблизости его гнездо, он изображает раненого, хочет, чтобы мы за ним побежали, попытались поймать. Так поступают многие птицы, когда видят опасность для своих птенцов.

Сделав необходимые записи, Денис и Вася пошли дальше. По дороге они набрали грибов - молодых крепких красноголовиков (подосиновиков). В устье речки Зрелой Доценки решили перекусить. Место чудесное - чистая вода, ровная сухая полянка, кусты, дрова. На костре они жарили грибы, как шашлыки, и ели их в раскаленно-шипящем виде. Потом умяли обычный маршрутный паек, и попили чаю с дымком. Вася был в восторге.

На обратном пути геологи встретились с зайцем. Он внезапно выскочил из-под куста и рванул вверх по склону.

- Что это? - спросил Вася. - Опять журавль?

- Да ты что? - удивился Денис. - Зайца не распознал? Разве журавли скачут среди кустов?

- Не знаю. Мне показалось - журавль.

Денис понял, в чем дело, и огорчился - зрение у сына оставляло желать лучшего.

На Маровааме Денис наблюдал интереснейшее обнажение - высокий живописный каньон, сложенный цветными перлитами. Зарисовывая обнажение, он услышал - сверху посыпались камушки. Поднял голову и увидел - на краю обрыва стоит Галя. Ага, нашлась, слава Богу, сама появилась, искать не надо. Доценки пошли вместе с ней, параллельным курсом в сторону стоянки. По пути они нарвали большую охапку лука.

Следующий маршрут с этой стоянки был также наполовину тундровой и Денис, оставив радиометристку в лагере, пошел один. В обеденный перерыв он поставил себе задание - одолеть целиком большую банку ланченмита - венгерского консервированного мяса с поташем, перемолотого, очень плотного и совершенно безвкусного, ну просто как глина. Приступив к делу, Денис убедился - туго лезет! Два часа потратил он на еду, но все-таки справился. Тяжелым камнем лежал ланченмит в желудке до позднего вечера, вызывая отвращение к любой пище.

Возвратилась подгруппа Декадзе. Вах плясал - он нашел ракушку! (Впоследствии оказалось - хвош).

Да где: в известковистых песчаниках амгуэмской свиты, в которых никто никогда ничего подобного не находил! Это - сенсация! Денис принял решение - на один день всем составом группы идти на Вахову точку, провести дополнительные сборы.

- Ты это место отметил? Гурий поставил?
- Какой гури?
- Каменную кучку сложил?
- Нэт. Я так запомнил.
- Хм! Ну, хорошо, пойдем, покажешь.

Пошли. Молотков всем не хватило, Костя Бауло взял топор. Подход километров девять, три часа. И вот, кажется, на месте. Вах сосредоточенно, наморщив лоб, вертел башкой туда-сюда, принюхивался, ориентировался. Потом начал кружить, петлять, ползать на четвереньках, переворачивать глыбы. Петом вскочил, произнес: «Нэт, не здесь» и побежал дальше. И так несколько раз. Вся группа бегала за ним, повторяя все его петли и зигзаги. Наконец он окончательно остановился и в полном недоумении спросил своего маршрутного рабочего?

- Костя, ми били здесь иди не здесь?
- Не знаю, - честно сознался Костя, - я не запомнил.
- Все-таки где-то здесь! - решительно заявил Вах, и геологи принялись колотить камни.

Через несколько часов, раздробив в щебенку сотни песчаниковых плит, охотники за древней ископаемой фауной возвратились в лагерь ни с чем. «Ракушка», случайно найденная Вахом в маршруте, осталась в единственном числе. С таким результатом и завершились работы на последней, перед базой, стоянке.

Во время перехода на базу Вах твердо решил овладеть Галкой, ибо другого, более удобного случая, могло и не подвернуться (Андрей находился на другом лабазе). Группа растянулась на целый километр. Впереди шел Денис, справа и сзади, прилагая все усилия, чтобы не отстать, пер Петр Польский, замыкали колонну Галочка и Вах. Удалось ли стоялому жеребцу осуществить свои намерения, осталось неизвестным.

У лабазной бочки, предназначенной для второго круга, геологи сделали привал. Дул холодный северный (попутный) ветер, идти было хорошо, сидеть - плохо. Соорудив примитивное укрытие, путники разожгли примус, сделали чай. Пацаны - Костя и Вася - насобирали кассиопеи и мелкого хворосту, разожгли костерок. Геологи отдохнули, перекусили. На месте прогоревшего костра образовалось небольшое углубление, заполненное горячей золой. Дрожащий от холода Вах, с каплей соплей на лиловом носу, сел в эту ямку, на секунду блаженно замер и вдруг с диким ревом взлетел над пепелищем, сиганул в сторону и заплясал по террасе, хлопая себя по дымящейся заднице - вай-вай-вай!

- Ага, проняло, поджарил яйца, - сказал Денис.
- Асса! - кричал Петро и хлопал в ладоши. - Асса!

Нахохотавшись до слез, геологи рванули на базу - оставалось всего-ничего, километров пятнадцать.

Главное на базе - баня! Настоящая, с жарким паром и купанием в холодной озерной воде. После мужиков мылись женщины. Некоторые из них тоже парились, хлестались вениками и выбегали охладиться в озеро. Ваху повезло - он подсмотрел в окошко, как из воды выходила Галя, но не студентка, а другая, Типанова, работавшая в группе «Юг».

- Ну и как? - спросил Денис.
- Красивая женщина. Вэнэра, - коротко ответил Вах.

Через некоторое время привалило счастье и Денису - он узрел другую обнаженную натуру, с еще более колоритной фигурой - Клаву Маштакову. Баня находилась примерно в двадцати метрах от командирской палатки. Заслышав визг, смех и плеск воды, Денис приподнялся из-за стола, глянул в окошко и увидел голую женщину, не торопливо выходящую из озера и осторожно ступающую на галечный пляж. Она шла, наклоняясь вперед, сверкая влажными округлыми формами, придерживая ладонями снизу свои колоссальные белые груди с розовыми кругами сосков. Закрывать темный мохнатый треугольник ниже пупка рук не хватало, поэтому она двигалась открыто, с улыбкой,

ничуть не смущаясь. Секунда, другая, третья - и потрясающее видение скрылось за углом бани. Обалделый геолог сел. Сердце его бешено колотилось, геология вылетела из головы. «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» Как понимал Денис Пушкина и Ваха в этот момент!

Стыдливая студентка Галочка прыгать голой в озеро не стала, но попарилась хорошо. Свежая и румяная, она сидела вечером в столовой, ковыряла алюминиевой ложкой подгоревшую гречневую кашу и тяжело вздыхала:

- Эх, сейчас бы красных помидоров с белой сметаной!

- Ну-ну, помечтай, - буркнул Денис.

Ему эти разговоры о вкусной и красивой материковской пище давно надоели. Каждый год кто-нибудь из рабочих или студентов обязательно хнычет, вспоминает, живописует свежие овощи-фрукты и прочие пищевые прелести, недоступные жителям Заполярья.

С базы Денис сделал одиночный тундровый маршрут по ручью Гранитному, вышел на берег реки Амгуэмы, полюбовался мощным водным потоком - вот где отличный сплав! Был бы, если бы... В береговых обрывах ручья он описал коренные выходы-останцы вулканических пород, возвышающихся над волнистой равниной. В одной месте он увидел железную браконьерскую сеть, полностью перегородившую водоток, наглухо перекрывшую путь рыбе из Амгуэмы в озеро Рыбное, на котором стояла база Мараваемского отряда. Ему стало ясно, почему в озере одни налимы и он мысленно проклял тех нелюдей, которые сделали это.

Группа «Юг» возвратилась на базу раньше «Центра». Основным результатом ее работ стала психологическая несовместимость Гали Типановой и Бори Кутенкова. Причем Типа сообщила об этом явлении начальнику ЦГГП Пухову, чем очень озадачила его. Она попросила направить ее в другую группу, подальше от Кути. К непосредственному своему начальнику Доценко Типа «дозвониться» не могла, маломощные радиостанции «Караты» не работали. Поэтому эта дура - баба лупанула радиограмму прямо в центр, открытым текстом, так что вся Чукотка о несовместимости Типы и Кути узнала раньше, чем Денис. В поселке женщины-оформители задавали Рите Кутенковой двусмысленные вопросы и хихикали. Задал такой вопрос разобиженной Типе и начальник отряда.

- Он что, к тебе приставал? - спросил Денис.

- Нет, не приставал, просто органически его не перевариваю. Направьте меня в другую группу.

Просьбу Типы Денис удовлетворил, поменяв ее на Марушевича. Из бесед с обеими несовместившимися сторонами начальник отряда выяснил, что «семейный» разлад начался с кухни. Боря как руководитель группы, бугор, так сказать, ссылаясь на большую занятость геологией, пытался от дежурств на кухне увильнуть. Галя нахально настаивала, чтобы он дежурил наравне со всеми, по очереди, как это заведено. Высказываясь о сотруднице, Боря называл ее своенравной и недисциплинированной особой. В качестве примера он привел случай, когда она в отличный солнечный день отказалась идти в маршрут, сама себе объявила камералку и разлеглась возле палатки загорать.

- Разделась, лежит! - возмущался Боря. - Да хоть бы было на что посмотреть, а то ни сиси, ни писи - нигде ничего нет, а строит из себя черт знает что!

«Явное расхождение с мнением Ваха, - подумал Денис. - Интересно, кто же из них прав? Надо бы самому проверить». Да, где же истина? Она в известном афоризме, относящемся к геологическим телам: «Сколько геологов, столько и мнений». В данном случае мнений о строении Типановой было два. Третье, самое обоснованное мнение, не высказываемое вслух, имел Типанов, Галкин муж, также почему-то оказавшийся на базе Мараваемского отряда. «Откуда он взялся? - недоумевал Денис. - Ведь он разведчик, работает на одном из буровых участков Майны-ГРП». Выяснилось следующее.

Типанов заскучал и решил навестить свою жену на каком-нибудь лабазе. Схему расположения лабазов он примерно знал (Галка, вероятно, сообщила). Покинув буровой

участок, он переправился через Амгуэму, то ли на бревне, то ли на каком-то хилом плотике (отчаянный мужик!) и, не имея карты, пошел по тундре искать жену (по запаху, что ли?). Преодолевая водные преграды, болота, кочкарники, продираясь сквозь кусты, он пер, как осенний изюбр, влекомый необузданным первобытным инстинктом. Типанов без сна и отдыха бродил двое суток и все-таки палатки геологов группы «Юг» нашел!

Появление на стоянке незнакомой личности насторожило Кутю (Галка была в маршруте). Он подумал, что этот изможденный подозрительный тип - американский шпион и о нем надо немедленно сообщить куда следует. Позывные соответствующей организации и шифр-код Кутя знал. Дать секретную РД он не успел – пришла Галка и объявила, что пришелец - ее законный муж и что завтра она в маршрут не пойдет, останется с милым на стоянке.

Кутенков взбесился: «Все пашут без передыху, а ей, видите ли, то позагорать надо, то мужа ублажить! Нашла для ебли место и время! Тьфу!» Так было раньше, на стоянке. Теперь Типанов пришел второй раз, прямо на базу, у него после вахты был двухнедельный отгул. Это время он запланировал провести с женой в качестве ее промывальщика. Денис этому был даже рад - пусть мужик поработает на отряд, расплатится за использование старшего техника-геолога в сугубо личных, сексуальных целях.

Незадолго до его прихода разразился завершающий акт психологической несовместимости Типы и Кути. Произошел он на кухне, в обед, при многочисленных свидетелях. Боря кушал. Вошла Галя и ехидно-вежливо произнесла:

- Борис Николаевич, не забудьте, пожалуйста, завтра ваше дежурство.
- Галина Николаевна, пошла ты на х—!

При этом Кутенков вскочил из-за стола и отпихнул от себя ненавистную особу. Особа, изловчившись, шлепнула Кутю ладошкой по щеке, нанесла ему, как говорили в старину, оскорбительную пощечину или, как говорят теперь, врезала по морде. На этом все и кончилось. Больше эти двое ни на тему кухни, ни на какую-либо другую тему не говорили до конца сезона.

Группа «Север» работала с вездеходом, она была механизированным подразделением, что и определило ее психологический настрой. Народ разболтался, разбаловался, разленился, ни о каких пеших переходах и слышать не хотел, тем более что-то там еще и на себе нести - да ни в коем случае! Вездеход постоянно перегружали, торсионы при переездах трескались, как спички.

Верховодить в группе пыталась маршрутная рабочая Люсита, подружка Вити Галина. Против нее выступала геолог Наталья Кирьянова, Атос - Едрена Вошь, подружка Вити Перевалова, прочно занявшая штурманское место в кабине вездехода. Невзлюбила Люситу - командирскую жену - и техник-геолог Валя Маслакова (Валентина Мосолова – В.П.). Женщины постоянно ссорились.

Особняком жил Пашка Литвяков, тайно ловивший рыбу и прятавший ее ото всех. Руководителю группы, слабохарактерному геологу Галину, приходилось очень трудно, временами он даже всплакивал тайком, проклиная свою судьбу и боясь ответственности.

Тем не менее, геологические задачи группой «Север» решались более-менее успешно, надежду Дениса на поиски ископаемой фауны Витя оправдал - ракушки были найдены. А вот то, что вездеходчик Перевалов покорит геолога Кирьянову, Денис никак не ожидал. Впрочем, удивляться не стоит, такие уж у Натальи вкусы, она всегда сходилась только с крупными мужиками-механизаторами (первый ее муж был бульдозеристом).

Итак, Витя Перевалов Клаву Маштакову бросил, отступил, не добившись успеха. Огорчилась ли Дульцинея Маравамская? Отнюдь! Она тут же захомотала другого, образованного, культурного мужичка. Все свои колоссальные телесные возможности, нерастраченные женские чары она обрушила на молодого специалиста Володю Крайтера. Вот, оказывается, кого она ждала! Вот для кого, берегла свои явные и тайные прелести! Запрягла она этого добродушнейшего очкарика капитально. Все, что не успел сделать в ее

домике Перевалов, терпеливо и тщательно доделывал трудолюбивый Вова. По базе он ходил только с Леночкой на шее (предполагалась, что это его будущая приемная дочь) и при этом улыбался и ласково мычал. А Клавдия-Дульцинея, подперев руки в боки, выставив на полметра вперед свое богатство, крупнозубо улыбаясь, с удовлетворением взирала на эту идиллическую картину.

Молодой геолог Вова Клаву уважал, она была для него источником наслаждения, а вот с точки зрения начальника отряда, Маштакова оказалась изрядной стервой. Напрашиваясь в поле, она многое обещала - и быть завхозом, и готовить пищу на всех, и обязанности техника-геолога выполнять. На деле хозяйкой она была нерадивой, ленивой. Возвратясь с первого круга, Денис сделал Клавдии замечание о беспорядке на базе и складе.

- Это не моя забота! - громко, крикливо, как базарная баба ответила Маштакова. - У меня в подотчете только продукты, вот за них я отвечаю и считаю, а все остальное меня не касается. И я вам тут не уборщица, и поваром не нанималась. Буду я готовить на такую ораву, как же.

- Обманка ты чертова! - возмутился Денис. - Что ты в поселке говорила, помнишь? Хрен бы я сделал тебя техником-геологом, если б знал, как ты себя здесь поведешь! Разленилась и обнаглела, сидя на базе! Зарплату получаешь зря!

И Денис махнул на нее рукой - живи, как знаешь, обойдемся и без тебя.

Настало время выходить на второй круг, а заказанного вертолета нет, и когда будет - неизвестно. Связь по рации плохая, невразумительная - чего ждать? Денис решил выводить группу пешком на ближайший лабаз. Рабочие во главе с Устей выразили протест, их поддержал Вах.

- Вот увидишь, - говорили они, - только выйдем - и вертолет прилетит, обидно будет. Ну чего мы будем пехом переть с вьюками целый день, когда на вертолете за несколько минут будем на лабазе. Надо ждать до конца.

- Время, ребята, время! - убеждал их начальник отряда. - Каждый день дорог, лето близится к концу, а у нас кое-где и конь не валялся. Надо идти, собирайтесь. Все, это приказ!

Люди собирались нехотя, с ворчанием, к назначенному времени приготовиться не успели. Денис, настроенный решительно и зло, ждать никого не стал, пошел один, не оборачиваясь. Через час интенсивной ходьбы он остановился и присел на бугорок.

База еще была видна, от нее ползли темные точки сотрудников. Через несколько минут подошли Петро, Володя, Вах, Костя и Галочка.

- Я уже в миле, - признался Вах, вытирая пот.

Отдохнув, Денис поднялся и увидел совсем рядом на ровной поверхности террасы одинокого оленя. Очень некстати появился рогатый - до лабаза еще далеко, подогнать бы его поближе.

- Олень, - сказал Денис.

- Где? - встрепенулся Вах и схватился за ружье.

- Не надо бы стрелять. Времени много потеряем. И тащить далеко.

- Донесем! - сказал Вах и пополз к оленю.

Денис одел рюкзак и пошел вперед, задержка его раздосадовала. Так они и к вечеру до лабаза не доплетутся.

На лабаз Денис пришел вдвоем с Петром. Геологи поставили палатки, приготовили чай. Остальные ребята, загруженные мясом, пришли на стоянку около полуночи. На следующий день, после длинного и тяжело загруженного перехода, рабочие (опять же во главе со старым бичем Устей) запросили отдыху, и опять их поддержал Вах. Денис расслабляться не позволил: «Не для того мы совершили этот переход, чтобы здесь лежать и время терять. Надо идти в маршруты».

Отработав лабаз, группа разделилась. Вах и Володя пошли северным путем, по гранитоидам, роговикам и слабо золотоносным участкам. Денис и Петро переместились к

югу, в зону сочленения вулканитов и осадочных пород с проявлениями полиметаллической минерализации. Стоянка располагалась на берегу озера Лебединого. Здесь геологов ждал весьма неприятный сюрприз - пустые, лишенные керосина огнетушители - примусное топливо вытекло, испарилось. Стало ясно - варить придется на дровах, тонких сухих прутиках и веточках, которые попадают среди низкорослых кустов ивы. А для этого нужно, чтобы не было дождей. «Боже, дай нам хорошую погоду!» - молился Денис.

Первые маршруты на этом участке были проложены в верховьях ручья Гранитного. Темные, непонятные породы, контакты субвулканических интрузий и ороговикованных осадочных пород. Образцов приходилось брать очень много, к ним добавлялись штучные пробы из различных жил и гидротермалитов. И все себе, себе, в свой рюкзак пихал Денис. Его маршрутная рабочая Галочке была существом нежным, слабым, она стонала под малейшей нагрузкой. Вот когда мужика-геолога разбирает злость на обилие женщин в геологии! «Ну, ладно бы еще хоть в чем-нибудь по своим природным женским наклонностям нас превосходили и подменяли - на кухне, например. А то ведь черта с два, дежурят на равных, по очереди. Порхают весь сезон налегке нежные создания, как бабочки и стрекозы, а ни в погрузке, ни в разгрузке, ни в таскании камней не участвуют!? Именно это считал Денис главной неприятностью в совместной с женщинами работе. А не то, что многие считают неудобством - трудность, усложненность отправления естественных надобностей или свободу поведения и матерного слова, это все ерунда, это преодолимо. Практика выполнения малой нужды в маршруте вырабатывается легко и просто, на стоянках - тем более. Ну а если внезапно приспичит и дама рядом, делается так: «Галя, ты пройди вперед, вон до той вершинки, а я на этом обнажении подзадержусь, надо получше рассмотреть породы». И действительно, камни изучаются присевшим на корточки геологом самым тщательным образом. Бывает, что в такие сосредоточенные моменты и фауна находится, и рудная минерализация замечается, и решаются важные геологические проблемы. Тогда геолог с криком «эврика!» вскакивает, затягивает ремень, хватая полевую книжку и начинает строчить, записывать мысли из головы.

- Денис Иванович, почему вы и Петя меня не любите? Все меня любят, а вы нет. Целый день молчите, не разговариваете со мной. Почему?

- Галя, у нас с тобой чисто производственные отношения. Я - геолог, начальник отряда, ты - рабочая-радиометристка, я с головой занят своим делом и должен держать тебя на определенной дистанции, чтобы ты не соблазнила меня, чтоб я тобой не увлекся. Ты хорошая, красивая девочка, поэтому иначе я с тобой не могу. Понятно? Отойди...

Вот такой однажды состоялся разговор, дополняющий тему «женщины в геологии».

Сентябрь. Резко похолодало. Из маршрута Денис возвращался невероятно усталым, сбрасывал тяжеленный рюкзак, грохочущий камнями, в темной холодной палатке, садился на кукуль и с удовольствием закуривал. Еще один трудный день позади, можно, наконец, расслабиться. Потом на дровишках геолог готовил чай, утолял жажду и голод.

В береговых уступах ручья Гранитного Денис описал разрез амгуэмской свиты. На пронизывающем ветру он делал беглые зарисовки обнажений, прятался в расщелинах, писал. Руки коченели, записи получались неровными, корявыми. Затем он искал в алевролитах фауну и флору, нашел много растительных остатков плохой сохранности (детрит), но «эстерию» Булочкина повторить не смог, он даже не знал, как она выглядит.

Зато другой маршрут Дениса порадовал. На западном берегу озера Лебединого, в ледниковых отложениях он нашел валунчик агата, принесенный откуда-то издалека, кинул его в рюкзак - есть добыча! Через пару километров от этого места у подножья горы геолог наткнулся на чудесные олени рожки, маленькие, ветвистые, удобные для транспортировки, приторочил их к рюкзаку. Вот и есть полевые подарки для жены и детей.

Трофеи Петра Польского в этот день были более существенные. Он снова убил барана и приволок его на стоянку. Мяса - завались, успеть бы съесть до ухода. Притащив

барана, Петр перетрудился, надорвался, заболел. Его, разгоряченно-потного, просквозило холодным ветром, у него поднялась температура и разыгралась астма. Аптечка с необходимыми препаратами у Петра всегда была с собой. Трое суток он пролежал в кукуле, тяжело и сипло дыша, кашляя и потя. Питался он только мясным бульоном. Густая черная борода, худое серое лицо и огромные, поблескивающие в темноте глаза, вызывали жалость и сострадание. Галочка пыталась ухаживать за больным, но гордый, как Демон, геолог отмахивался от нее: «Да ничего мне не надо! Скоро отлежусь, мне уже лучше». Обошлось без выхода на базу и вызова вертолета. Петр оклемался.

В день выздоровления Польского погода стояла чудесная. Вечером, пред закатом солнца, геологи наблюдали удивительную картину - Лебединое озеро превратилось в Озеро Танцующих Хариусов! Стало понятно, откуда появилось такое название на Колыме. Вот, значит, как оно происходит! Гладкая, блестящая поверхность озера и над ней - сотни сверкающих серебром рыб, одновременно выпрыгивающих в воздух и на краткий миг стоящих вертикально, хвостом на воде, танцующих! Затем отрыв, взлет, крутой разворот по короткой дуге головой вниз, всплеск, блеск, золотистые брызги, круги по воде - и это непрерывно в течение длительного времени. Вода кипела, бурлила, сверкала, играла и переливалась серебром вместе с хариусами. Зрелище завораживающее, неповторимое.

Налюбовавшись вдоволь этим потрясающим явлением, чудом природы, геологи схватили спиннинги и начали метать блесны в играющий - танцующий косяк, быстро натаскали веселой рыбы на уху и жареху - больше пока не надо. Основную рыбную ловлю, - сеткой, - они отложили на завтра. Утром они перегородили сетью ручей, вытекающий из озера. Возвратившись из маршрута в предвкушении большого улова, геологи были горько разочарованы - ни одной рыбки не попало в сеть! В чем дело? Подумали и решили - вечером рыба скопилась перед выходом из летне-кормового озера, устроила прощальный праздничный концерт, а ночью, когда люди уснули, она сплошным потоком по мелководному ручью схлынула, скатилась вниз, в реку Амгуэму, где будет зимовать. «Эх, надо было на ночь сеть поставить - засолили бы целую бочку!» - воскликнул Петр.

Пришла пора и геологам уходить с озера Лебединого - уж больно неуютно стало в палатке, некомфортабельно.

- Что за жизнь! Скорее б сдохнуть, - ворчал Петро, приводя в ужас впечатлительную Галочку.

- Ой, Петя, ну что ты говоришь! это нехорошо, нельзя так выражаться, - возмущалась она.

Готовить на костерке погода пока что позволяла. В последний на стоянке камеральный день зашла речь о том, что баранина уже порядком поднадоела.

- Да, - заметил Денис, - мы ели ее в изобилии, в самом различном виде - и вареную в котле, и жареную на сковороде, не было только шашлыков.

- Будут вам шашлыки! - произнес Петр и выскочил из палатки.

Через некоторое время потянуло дымком и запахом горелого мяса.

- Полевой шашлык готов, извольте кушать! - объявил джигит, распахивая полы палатки и входя в нее с дымящимися шампурами в руках. Нанизанные на ивовые прутья куски поджаренного мяса еще шкворчали, источая сок и аппетитный аромат. Мясо было сыроватым, но это не имело значения, горяче-горелые шашлыки были проглочены почти без разжевывания, целиком. Лишь привередливая студентка от них отказалась - зубки побоялась сломать.

На последнем лабазе Петр вернулся из маршрута необыкновенно возбужденный.

- Наконец-то! - произнес он, плюхнувшись на кукулю.

- Что?! - воскликнул Денис, чуя важные вести.

- Касситерит! Хороший вес.

- Где?

- По ручью Озорник и его притокам.

Вот те раз! Но, ведь, там у геохимиков никаких потоков нет!

- Геохимических потоков нет, а шлиховой касситерит прет! Они его не поймали.

Денис провел поисковый маршрут по оловоносным ручьям и водоразделам, которые они дренируют. Он выявил в делювии и коренных выходах осадочных пород серию прожилков, метасоматических линз и жил кварц-хлоритового состава со спорадической вкрапленностью сульфидов, отобрал с десятков штуфных проб, видимого касситерита геолог не обнаружил, но был уверен, что спектральным анализом олово в пробах будет установлено. Задачу по выявлению коренных источников россыпного касситерита в верховьях ручья Озорник Денис считал решенной. Был открыт перспективный участок, на котором в следующем году будут проведены детальные поисковые работы. Это уже кое-что, это хороший конкретный результат. Жаль, конечно, что открытие сделано в последних маршрутах, что сопки уже припорошены снегом, вода замерзает и работать стало совсем невозможно. Холодно. Но зацепка есть, и это главное. Можно уходить на базу.

На базе – баня, краткий отдых – и полевая камералка. Одна за другой возвращались маршрутные группы к базовому комфорту. Вах, глянув в зеркало, произнес: «Савсэм адычал!» Последний, уже по глубокому снегу прибыла на вездеходе группа «Север» во главе с Витей Галиным. По рассказам товарищей у начальника отряда сложилось такое общее представление о работе механизированной группы на втором круге.

ГРУППА «СЕВЕР». ВТОРОЙ КРУГ.

Основное достижение северян – открытие камнецветного сырья – агатов в районе озера Светлое Дно. Первооткрывателем стал старший техник-геолог Маслаков (Александр Мосолов – В.П.), страстный коллекционер, большой любитель поделочных камней-самоцветов и кристаллов. В данном случае можно было сказать – на ловца и зверь бежит. Агаты имели необычайно редкую окраску – голубую, сиреневую, часто с ярко-коричневой каймой по периферии секрети. Качество камней сильно портила мелкая трещиноватость. И все-таки прекрасные образцы демонстрировали Саня Маслаков и Петя Айгитваль, его промывальщик.

Сразу после этого открытия и радости от приобретения красивых камней, чукотский Келе – чёрт наказал Маслакова геморроем. Перевалов на вездеходе отвез больного и его жену на базу. Затем последовала другая беда – при переезде с одного лабаза на другой геолога Наталью Кирьянову, Атоса-Едрена Вошь, так растрясло на кочкоте, что у нее случился ... выкидыш. Автор эмбриона Перевалов сбросил грузы и людей на речке Перевальной и повез истекающую кровью полевую походную жену в ближайший на трассе поселок, удачно форсировал Амгуэму, сдал Наталью в медпункт, где ей оказали необходимую помощь. Группа «Север» сократилась наполовину, план горел, Витя Галин плакал.

Недели через две несчастная группа все-таки собралась в полном составе и продолжила работу. Увы! Время было упущено, выпал снег, два лабаза остались неотработанными. Галин был удручен, он считал, что не оправдал доверия Дениса, с геологическим заданием не справился. Денис успокаивал товарища: «Не, переживай так, Витя. Групповая съемка тем и хороша, что недоделки первого года можно запросто ликвидировать на второй год. Не повесят же нас за эти два лабаза! А что касается оценки, то четверки нам, все-равно, не видать. Не до жиру, быть бы живу, как говорится».

Итак, группа «Север» план не выполнила. Еще более значительный вклад в дело снижения количества и качества полевых работ внес Боря Кутенков (Геннадий Каплёнков – В.П.), руководитель южной группы.

ГРУППА «ЮГ». ВТОРОЙ КРУГ.

Первым из группы Кутенкова на базе появился студент Марушевич.

- С этим дураком работать невозможно, - заявил он. Заставляет промывать пробы только до серого шлиха. Получается один песок, никаких рудных минералов не видно,

объем очень большей. Ну что это за шлик, кому он нужен? И вообще я с ним разругался, ушел без его разрешения, делайте со мной, что хотите.

Делать с Марушевичем Денис ничего не стал – ушел, так ушел, ладно уж, все равно, конец сезона, а непромытые ручьи и на других площадях имеются. К тому же ручьи замерзли, как их мыть? На просьбу Кутенкова (по рации) направить к нему вместо дезертира Марушевича старшего техника-геолога Маслакова Денис ответил, что Маслаков, ссылаясь на геморрой, категорически отказывается покинуть базу и посоветовал возмущенному Куте плюнуть на оставшиеся ручьи. Конец сентября, мороз, ну, какая промывка? Да будь они неладны, эти ручьи, все равно, по данным предшественников, в их аллювии ничего полезного нет. Хватит маршрутить, надо камеральить, обрабатывать имеющиеся материалы.

Кутенков со своим рабочим-радиометристом Николаем Ивановичем закончил сезон последним со следующими результатами. Николай Иванович, свояк Кутенкова, уральский пенсионер, бывший шахтер, весь сезон пытался заниматься рыбной ловлей - за этим, собсря, он и приехал на Чукотку. Сети у него были, причем большие, хорошие, он их с собою привез. Как-то в долине Амгуэмы в субботний день Николай встретил местного рыбака-охотника из колхоза «Полярник» (91 километр трассы Нырвакинот – Иультин). Коллеги быстро сошлись («рыбак рыбака видит издалека») и организовали совместный промысел. Они поставили сети в озере и, сидя на берегу, мирно беседовали, к ним подъехал вездеход.

- Здравствуйте. Рыбку ловим? - спросил подошедший гражданин.

-Здравствуйте, здравствуйте,- радушно улыбаясь, ответил добродушный уральский шахтер.

- Рыбнадзор. Предъявите документы.

Рыбаки обмерли. Сети были конфискованы, ружья тоже, составлен соответствующий акт. Николай назвался колхозником, честь Мароваамского отряда не посрамил. Рассказывая об этом, горе-рыбак радовался: «Хорошо еще, что рыбы у нас не было, не успели поймать, а то бы еще и штрафанули за рыбу». Таким образом, остался уралец без сетей и без рыбы, которую он собирался засолить в нескольких бочках и контейнером отправить домой. Кутенков, вызывая его, именно этим и соблазнил - обилием красной рыбы и икры, возможностью великолепной рыбалки и наживы. Николай горестно мотал головой - ничего не вышло, обманул свояк, да еще и ружье, и сети потеряны, эхх! Но это было их семейное несчастье.

Хуже была другая неприятность, связанная с поисково-съёмочными работами. Боря спокойно, не ощущая за собой вины, признался - он маршрутил без радиометра, (который якобы сломался), что категорически запрещено инструкцией. Николай Иванович, стало быть, в маршруты не ходил, он был озабочен приготовлением пищи для себя и Кути и поисками рыбных мест. Из этого однозначно следовало, что все маршруты Кутенкова на втором круге являются некондиционными, браковыми и комиссией приняты не будут, начальник отряда, отвечающий за все, понесет наказание.

- Что будем делать? - спросил Кутя, глядя на Дениса невинными голубенькими глазками.

Вопрос, интонация и выражение его благообразного, интеллигентного лица были таковы, как-будто это Доценко, а не он, Боря Кутенков, так жидко обосрался.

- Ты сам знаешь, как поступают в таких случаях, не первый год увлекаешься радиометрией, ты в этом деле спец, - ответил Денис - Гамма-активность пород тебе известна по прошлым замерам, вот и заполняй журнал, пиши, лепи туфту...

- Ну, хорошо, - подумав, ответил Кутя, как бы делая одолжение.

- Давай. А на следующий год твою площадь заново придется перекрывать, с радиометром и более густой сетью маршрутов.

«Ладно, с радиометрическими журналами в этом году как-нибудь авось выкрутимся, - думал Денис, - а вот то, как Кутя ходил, как строил маршруты, ставил точки наблюдения

и описывал их - это от комиссии не скроешь. Двойку, может быть, и не поставят, но тройки не миновать». Убедившись в этом окончательно, Денис произнес волшебное слово «хусим» и вышел из палатки по надобности.

В окно другой палатки студентка Галя увидела, как начальник отряда, пугливо озираясь, справляет малую нужду.

- Ой, что он делает? - ужаснулась молодуха.

Устя заинтересовался, что такое она там увидела, глянул, ухмыльнулся:

- Как что? Писает.

- Как тебе не стыдно! - возмутилась Галочка.

- Ха! Да я-то при чем? - в свою очередь возмутился Устя.

- Болтаешь, чего не следует, - укоризненно пояснила Галочка и обиженно надула губки.

За ужином, поковыряв макароны с тушенкой, Галочка тонким, плаксивым голосом произнесла:

- Как мне хочется красных помидоров с белой сметаной, кто бы знал!

- Послушай, Галя, ты уже это говорила! Хватит, потерпи. Вернешься домой, к мамочке и вволю наешься красненьких помидорчиков с беленькой сметаночкой, - отозвался Денис.

- Когда вернусь, их уже не будет, - грустно ответила Галя.

Через неделю, глядя с тоской на слипшуюся вермишелевую массу, студентка мечтательно завела:

- Сейчас бы красных помидоров...

- С белой сметаной! - рявкнул Денис. - Ну, сколько можно, черт побери! Надоело! Весь сезон одно и то же!

Галочка заплакана и убежала из кухни-палатки. Больше на эту тему она не заикалась.

Полевые камеральные работы шли полным ходом. Однажды, как раз в обед, когда большая часть людей сидела на кухне и хлебала щи, раздался истошный вопль: «Пожар! Горим!» Попуганный народ выскочил во двор и видит - горит Маслаков. В крыше палатки, возле трубы, образовалась большая черная дыра. Из дыры время от времени возникает измазанная сажей орущая рожа с выпученными глазами.

- Горим! - старательно вопил Маслаков, борясь с внутренним огнем.

Геологи кинулись к дымящейся палатке, затушили ее, спасли товарища. У переволновавшегося Маслакова снова открылся геморрой и он, кое-как наведя порядок в закоптелом жилище, очередной раз сел в таз с горячей водой и марганцовкой.

Был банный день. Денис собрался, пошел, а ему говорят - баня занята. «А кто там? Женщины? чего они так рано, ведь еще не все мужики помылись», - удивился Денис.

- Там Первалов с Натальей. Вместе моются, - ответил Устя, ухмыляясь.

- Ничего себе! Значит, у них уже так далеко зашло...

После бани - праздник окончания сезона. Брага - рекой. Вдруг встает Кутенков и говорит:

- Я предлагаю тост за счастье Виталия и Наташи.

«Что он мелет? - с ужасом подумал Денис. - Зачем же рекламировать эту случайную связь? Ведь они совсем не пара!»

- Пусть наш сегодняшний ужин будет символической полевой свадьбой! Горько! - завершил тост Боря.

И каково же было изумление начальника отряда, когда он увидел собственными глазами, как его геологиня Наталья, Атос-Едрена Вошь, чистая и румяная после бани, молодая, красивая, крепкогрудая женщина с лебединой шеей и носиком «уточкой», густыми, длинными - до ягодичек - волосами, спокойно, не моргнув глазом, встает и целуется с заросшим, мохнорылым, красномордым бичем! Это была отвратительная, постыдная картина. Наталья низко пала в Денисовых глазах. От одного пьяницы -

работяги - механизатора избавилась - под другого легла, да еще и радуется, посмотрите на нее! Горько-о- о-! Внезапно на базу прилетел инженер Виталий Клевый, геолог по геолпоходам, и от имени начальника экспедиции Каталенко потребовал сдать агаты. В экспедиции о них узнали от пьяного болтуна Пети Айгитваля, показавшего свои образцы.

- Виталий, лично у меня ничего нет, ни единого камня, все агаты у Маслакова, он никому не дает, считает своей собственностью. Говори с ним, - сказал Денис.

- Да пошел ты! - ответил нахалу Клевому хам Маслаков. - Лети туда сам и бери сколько хочешь. А эти агаты мои, никому не отдам.

Клевый улетел в Нырвакино, не солоно хлебавши. А Саня Маслаков, подлечив геморрой и совершенно забыв про камералку, занялся, с разрешения Дениса, рыбной ловлей. Ездил он на вездеходе вдвоем с Переваловым по окрестным озерам, ставил и проверял сети, разбивая пока еще тонкий лед. Рыба ловилась плохо, озера оказались малопродуктивными. Поздними вечерами, в темноте, продираясь сквозь заросли кустов, вездеход поднимал с земли десятки ослепленных светом фар куропаток и Маслаков ловил их руками, хватал, как обезьяна. Рыба и птицы регулярно поступали на кухню, разнообразя и обогащая полевое меню. Был в отряде и свежий хлеб - его выпекал рабочий Устя, ставший заместителем начальника отряда по хозяйственной части.

Прощание со студенткой Галей было трогательным. Чрезвычайно довольная тем, что Денис Иванович, хоть и с большой неохотой, выдал ей в забор казенный рюкзак из своего подотчета, Галочка чмокнула любимого начальника в волосатую щеку, козочкой вспрыгнула в вертолет и оттуда махнула ручкой.

- Прощайте, Денис Ивановичи-и-и-ч! Всего вам хорошего-о-о! - долго еще слышалось Денису сквозь гул улетающей вертушки. Денис вздохнул. О полевом сезоне Мараваемского отряда он написал такие частушки.

Перевал за перевалом, Перевальная река,
И водитель Перевалов, и увалов на века!
Женщин много, все лихие, воглавлять желали все.
Результаты неплохие и маршрутчицы в красе.
Все по парам, все по парам, только Ваху пары нет,
Проходил все поле даром темпераментный брюнет.
А на базе Маштакова оставалась одна, -
Ну и что? И что ж такого? С дальних гор была видна,
Нервы крепкие из стали группе «Юг» не помогли -
Совместиться Боря с Галей в этом поле не смогли.
Психология такая противоположная,
Что совместная работа стала невозможной!
Все налимь да налимь, ни гольца и ни чира,
Галенит кругом голимый, нет ни пуха, ни пера!

Возвращение домой, к семье, в цивилизованный мир, было, как всегда, желанным и приятным. Радость бытия переполняла сердце Дениса. До тех пор, пока его ни вызвал к себе начальник экспедиции Каталенко - Мохнорылый - молодой, крупный, энергичный мужчина со светло-русой неопрятной бородой.

- Ты начальник или не начальник?! - заорал он на вошедшего к нему Доценко. Денис замер, ошарашенный, в чем дело - не поймет.

- Ну-у... я начальник Мараваемского отряда... - неуверенно выдавил он, уже сомневаясь в этом.

- Какой же ты начальник, если не можешь справиться со своими подчиненными?

- ??

- Почему Маслаков не отдал Клевому агаты? Это был мой приказ! Ты что, не мог его заставить?

- Мне было стыдно заниматься этой склокой.

- Да? - удивился Каталенко и секунду помолчал, обдумывая услышанное.

Затем последовала дополнительная серия унижительных нравоучений, после чего неполноценный тьюфак Доценко был отпущен и ушел под испепеляюще - презрительным взглядом Мохнорылого. «Черт бы вас побрал, деловые хамы! - негодовал обруганный, направляясь в свой рабочий кабинет. - Все вы одного поля ягоды - и Каталю, и Клевый, и Маслак, все один другого стоите, разбирайтесь сами...»

- И надо ж было, Саня, напороться тебе на эти чертовы агаты - вон какая свара началась. Теперь покоя не дадут. Ну, принеси ты им хоть что-нибудь второстепенное, покажи Мохнорылому, - попросил Денис.

- Да пошли ты их подальше! - огрызнулся Маслаков.

- Принеси, принеси, надо. Сам знаешь - с начальством ссориться - все равно, что против ветра ссать.

- Ха-ха-ха! Ладно, посмотрю.

Принес, показал, подарил, начальство успокоилось.

В числе тех, кого очень заинтересовали Светлодонные агаты, был и новый главный геолог Плюсик, сменивший провинившегося Виноградова.

Евгений, как истинный геолог и мужик, погорел на выпивке. Его не раз засекали похмелившимся и в СВГУ (приезжая туда, он, как правило, несколько дней гудел с Жарковым), и в экспедиции, на рабочем месте. Мохнорылый постоянно к нему принюхивался и воротил нос. И вот, наконец, после очередной производственной неудачи (невыполнение плана - прироста запасов золота за квартал) у начальства появилась весомая причина для удаления «больного зуба» - главного геолога Виноградова из верхнего административного эшелона. Ему, как и положено в таких случаях, вежливо предложили поехать в загранкомандировку. Однако Евгений мочу не сдал, вернее, моча оказалась некачественной, со значительной примесью портвейна и повышенным содержанием сахара, и на экспорт не годилась. Так объяснял свою неудачу сам Виноградов. Только ли в моче было дело, точно никто не знал, в утверждении Евгения, что перед сдачей мочи он специально выпил бутылку вина, потому что за границу ехать не хотел, чувствовалась изрядная доля хитрости и лукавства. «Не исключено, что не только моча, но и характеристика не годилась для заграницы», - думал Денис.

Как бы то ни было, а в освободившееся номенклатурное кресло снова сел варяг, вполне заурядный специалист - россыпник Коля Плюсик. В историческом развитии экспедиции это уже был явный шаг назад.

Получив Орден Дружбы Народов (Почему? За что? За какие такие заслуги? - удивлялись все) покинул свой руководящий пост и просидевший двадцать лет за канцелярским столом, толстый и мудрый как Черчилль, веселый добряк Кирилл Пухов. Начальником ЦГПП стал худой, дерганый, угрюмый и злой «байстрик» (определение Виноградова) Федор Свистоплясов, а старшим геологом - спокойный, деловой, высококвалифицированный специалист Александр Крюканов. Плюсик, ПБ и Крюкан стали теперь верховными жрецами геологии и судьями полевику Восточно-Чукотской экспедиции.

Защита полевых материалов Маравамского отряда состоялась через месяц после возвращения в Нырвакино. Техсовет свирепствовал. В его работе с приходом к власти Свистоплясова установился грубый, резкий, обвинительный стиль. Хорошее не замечалось, оно считалось должным, обязательным, само собой разумеющимся, а недостатки подчеркивались, выпячивались, возводились в кубическую степень. Это был несправедливый суд. Геологи-полевики чувствовали себя преступниками. В роли беспощадного прокурора, неизменно требовавшего «вышки», выступал желчный Свистоплясов. В более мягкой, но, все же, ядовито-едкой, утонченной форме высказывался интеллигентный Крюканов. А председатель техсовета Коля Плюсик, любивший носить красную рубашку и прозванный за это оформителями «Николай Кровавый», тихонько похихикивал и потирал ручки - вот мы вам, дескать, сейчас врежем, покажем вам, понимаешь, кузькину мать!»

«Особая тройка», подобная ревтрибуналу, мрачно восседала за столом напротив трудовой геологической массы. Обстановка напряженная. Администраторы и исполнители. Два враждебных противоборствующих лагеря, разные стороны баррикад. Добра не жди. Денис сделал доклад.

«Основной задачей первого года работы Мараваамского отряда, групповой геологической съемки являлось создание каркаса геологической карты масштаба 1:50000 на всю площадь работ (2400 кв. км), а также оконтуривание известных и выявление новых перспективных участков. В выполнении задания участвовало пять-шесть молотков и столько же лотков, разделенных на три автономные группы. Механизированную группу «Север» (9-12 человек) с вездеходом возглавлял Виктор Галин, лодочно-пешеходную группу «Центр» (8-11 человек) – Я, пешеходную группу «Юг» (4 человека) – Борис Кутенков. Много досадных приключений пришлось испытать группе «Север» – и медведи грабили лабазы, и вездеход прочно и надолго ломался, и к тому же три-четыре женщины... Да плюс ко всему выявили проявление камнецветного сырья... На базу группа «Север» возвратилась, когда не осталось ни малейших сомнений в том, что снег хотя и преждевременно, но окончательно накрыл амгуэмскую тундру и что никакой надежды на «бабье лето» более нет. Четко, точно в назначенные сроки прошла свою полосу группа «Центр» «Юг» подзадержался, последние маршруты Кутенков проводил по снежку из колхозной гостиницы поселка Амгуэма.

Запланированные объемы полевых работ отряд выполнил, за исключением литохимического опробования. Тут получилась крупная осечка и вот почему. Уже после отработки первых лабазов стало ясно, что отобрать 6700 литогеохимических проб (сетки 500x100 и 100x20) мы не в состоянии. Не имея достоверной геологической основы, не разобравшись с рудоконтролирующими структурами – как можно ставить металлометрическую съёмку? Где? По каким признакам? На какой металл? Разумеется, данные предшественников мы имели, но их оказалось явно недостаточно для выбора поисковых участков. Весьма невзрачным оказалось полиметаллическое рудопроявление Алабашлы, на которое возлагались кое-какие надежды. Проведя шлиховое опробование ручья Алабашлы (в пределах геохимической аномалии «Арго» Евгения Букреева), пессимистические выводы геологов подтвердил пустым лотком опытный поисковик Польский.

Двигаясь вперед, от лабаза к лабазу, мы все ждали, когда же появится достойный объект, на котором можно развернуться с литохимическим опробованием, да так на первом круге и не дождались. Подтвердились отрицательные данные Букреева по зоне Мараваамского разлома, так что и в этой структуре делать объемы ради объемов в ущерб другим видам работ мы не стали. И только на втором круге, на последних лабазах, в сентябре, Польский в лотке промывальщика студента Пермского университета Андрея Шуклина увидал, наконец, касситерит и возрадовался. Поисковыми маршрутами на этом участке среди песчаников амгуэмской свиты выявлены зоны окварцевания, хлоритизации, пиритизации с прожилками и маломощными жилами кварц-сульфидного состава. Появился объект под литогеохимическое опробование, но наступили холода, земля замерзла, выпал снег. Время ушло, но утешает тот факт, что участок остался на месте. Его перспективы будут оценены на следующий год, никуда он от нас не денется.

Задачи полевого сезона-81 можно считать выполненными. Каркас геологической карты сделан, перспективные (опорные) участки в общих чертах определены, лаборатория их разберет по содержаниям металлов и уточнит границы, даст качественную характеристику полиметаллических руд, главенствующих в бассейне Мараваама. Впереди – камеральный период, переосмысливание большого и разнообразного фактического материала, уточнение карты, подготовка к новому полевому сезону. Ясно, что на следующий год абсолютно необходимо создание самостоятельной поисковой группы. Теперь, когда есть геологическая основа и выявлены металлоносные структуры, отряд

будет работать более рационально, вкладывать поисковые объемы именно там, где нужно и, мы надеемся, по полезным ископаемым получит хорошие результаты».

Затем выступили рецензент и члены техсовета. Больше всех, разумеется, досталось Боре Кутенкову. Южная, приамгуэмская часть территории, покрытая им, была признана некондиционной. «Брак!» - гаркнул Свистоплясов и все с ним согласились, в том числе и Денис. Ничего не поделаешь, все на виду, шито, как говорится, белыми нитками. Было решено - на следующий год все сделать заново, исходить бракованную площадь другому, более опытному и грамотному геологу.

Начальника отряда Доценко поносили за плохой контроль над деятельностью старшего геолога Кутенкова и за невыполнение плана отбора литогеохимических проб. Денис снова объяснял и доказывал, что гнать металку на той площади, которая была намечена предварительно, в подготовительный период по данным предшественников, не имело ни малейшего смысла. «По результатам наших поисково-съёмочных маршрутов и шлихового опробования долин установлено, что эта площадь бесперспективна. Только теперь, после завершения сезона, мы можем обоснованно наметить поисковые участки и рационально распределить по территории объёмы литохимических проб. Нам стадо ясно, что перспективной является не полоса выходов гранитоидных интрузий, как считалось ранее, а зона тектонического контакта меловых вулканитов и триасовых осадочных пород (перивулканическая зона), где имеются прямые поисковые признаки оловянного оруденения. А что касается агатов, то ажиотаж вокруг них напрасный. Несмотря на необычную голубовато-сиреневую окраску они едва ли будут иметь практическое значение из-за мелкой трещиноватости. Хороших срезов и пришлифовок они - увы! - не дают», - говорил Денис.

Заключение начальника отряда было выслушано техсоветом с недоверием и ухмылками. Отряд подучил вполне заслуженный трояк, что, впрочем, ничуть не повлияло ни на праздничное настроение геологов, ни на процесс обмывки защиты. Гуляли у Дениса на квартире. Пришли старые добрые друзья, лояльно-либеральные члены техсовета Пухов и Виноградов. Собрался весь отряд, не было одного Маслакова. Тот заявил, что у него сегодня вечером будет запись песен Высоцкого, поэтому участвовать в отрядном мероприятии он не будет. «Тебе кто дороже - твой родной трудовой коллектив, или Высоцкий?» «Высоцкий!» - не задумываясь, ответил Маслак.

Не решился привести в «приличную квартиру» свою подругу Люситу Витя Галин. «Я ее запер дома, здесь ей не место», - заявил он. Произносились тосты, звучала виноградная гитара, пелись песни, Оля и Вах прекрасно, со слезой, спели «Тбилисо», все шло, как обычно. В самый разгар веселья кто-то позвонил. Оля вышла, вернулась и говорит: «Витя, тебя вызывают». «Кто?» - испугался Галин и вышел на лестничную площадку. Там стояла Люсита.

- Ты зачем сюда пришла? - зашипел Витя, - Как ты из квартиры выбралась?

- Через форточку.

- Со второго этажа прыгнула?

- Нет, я по веревке спустилась. Я без тебя не могу, мне скучно.

- Подожди, я Иваныча спрошу.

Витя на цыпочках подкрался к начальнику отряда и прошептал ему на ухо:

- Там Люська. Можно ее позвать?

- Конечно, зови, что она - не человек?

Люсита вплыла, скромно потупя глазки, села рядом с Витей, и весь вечер вела себя аккуратно, культурно, как великосветская дама. Витя беспокоился зря. А вот на следующем пиру, в ресторане, ее поведение Вите не понравилось. С его ревнивой точки зрения, она очень уж тесно прижималась к другим мужикам во время танцев, кое-кому прямо-таки вешалась на шею, громко, вульгарно хохотала и даже, как последняя проститутка, пыталась затащить за ширму, в темный уголок и там дать. Так казалось Вите. Он увел подругу из ресторана досрочно и по дороге к дому врзал ей по скуле, набил

хороший, добротный такой сине-фиолетовый фингал. Денис наблюдал его, когда забежал к Галину вечером следующего дня. Коллеги сидели на кухне и пили вино, Люсита, украшенная синяком, в одной короткой сорочке лежала на диване в зале и горько плакала. Потом несчастная вскочила и побежала в спальню, скрылась там.

- Во, смотри, еще и бегаешь! Между прочим, она без трусов, ты заметил? Если хочешь, Денис, можешь ее попробовать, я не возражаю. Она только и знает, что подставлять, больше ни на что не способна.

- Спасибо, Витя, не надо, - ответил Денис и подумал: «Такие родственники мне ни к чему».

В последующие похмельные дни, проведя крупное (под тройку) списание материалов и снаряжения (экономить на этом не было смысла, все равно, премии не видать), Денис сел за камералку.

О ДРУГИХ ОТРЯДАХ

Чаантальский поисковый отряд (Володя Веник, Иван Глухарев, Толик Виденко), работал на оловянном рудопроявлении «Мечта» и его окрестностях, оконтуривал рудное поле.

Аномалии прислала им машина в сентябре,
И без них спина устала на подоблачной горе.
Копуши Попков копытил, упирался Ваня Фукс,
Дело там в касситерите, потому и поле - люкс!
Мы поздравить очень рады этот славный коллектив,
Аномалий сорок кряду им на площадь запустив.
Ждем от них месторождений, хоть задача не проста.
У Ивана нет сомнений - будет сделана «Мечта»!

Керкергинский поисково-разведочный отряд (Петр Уралов).

Жил Уралов, как в Париже, даже сауну имел,
Не нажил он даже грыжи, лишь маленько попотел.
От Игнатова остались первоклассные дома,
А руду искать пытались, как Кавказ искал Дюма.
Был доволен и Мазохин, бытом чудным окрылен,
Лишь по связи ахи-охи от жены услышал он.
Изучать месторожденье - значит, надо дать прирост.
Дочки Петинной рожденье - вот прирост! И очень прост!

Геолпоходы (Виталий Клевый)

Клевый весь в секретном деле, вездесущ, как Пинкертон,
Может он в любом отделе темп задать и нужный тон.
Только жаль - Виталий Клевый заморозил наш музей,
Марширует правой-левой по заданию друзей.
Клевый весь для спецзаданий, где бывает - не пойму.
Где сидит? Куда летает? Где теперь? Ответь, ау!

Амгуэмский ОГГС (Александр Крюканов)

Завершив сезон удачно, вместо ликвидации
Принялись со словом смачным за... организацию.
Нам канавушки всучили, чтоб объемы, значит, дать,
Только с рудными телами нам удачи не видать.
Мы сидели-пурговали, мерзли без зазрения,
Чтобы не было отряду хулы и презрения.

Безрезультатно завершив сезон, Крюканов подался в чиновники, стал старшим геологом ЦГПП, правой рукой Свистопясова.

Межгорный групповой отряд находился в отпуске, а его бывший начальник Синицын с великой радостью рванул на работу в дружественный Афганистан, оставив чукотские геологические проблемы и главы отчета преемнику - Юрию Благоволину (Тихомирову? _ В.П.). Так Чвычка стал начальником отряда. Было у него и еще одно достижение - жена Галя родила сына. У другого межгорнинца - Володи Климова - родилась дочь.

У Межгорного отряда нынче сочинский сезон,
Сына с дочкой, по наряду, поднапрягшись, выдал он.
Эдуард уже далеко, он надолго упорхнул,
Треть отчета ненароком на товарищей спихнул.

Особое место в полевых событиях восемьдесят первого года - занимают поиски алмазов. Через тринадцать лет после заявки Льва Перепелицина вопрос о чукотских алмазах был снова поднят, как флаг на пиратском корабле. Вот как это было (астрономическая сказка).

«В стольном граде-Магадане жил-поживал умный ученый молодец Гельман-геолог. Каким-то чудом попались ему в шлифах под микроскопом три породы, показавшиеся ему странными - они напоминали пришельцев из Космоса, а точнее - их следы, алмазоносные импактиты, образовавшиеся при ударе метеорита о земную твердь. Отослал умный ученый молодец Гельман-геолог эти сказочные шлифы в стольный град Москву совсем умному, очень ученому молодцу профессору Фельдману. И создал Фельдман по шлифам Гельмана на Восточной Чукотке проблему - астроблему! И убедили ученые молодцы Фельдман и Гельман удельного князя Цопанова выделить пятьдесят тысяч рублей на поиски восточно-чукотских алмазов.

Нашлись и люди, охочие проект написать да дело сделать - боярин Юрий Гнутов и пани Здзярская. Написали они проект, в проекте заложили туалет на два очка, поелико они разнополюе еси. Проект в стольном граде Магадане утвердили, но туалет на два очка вычеркнули, дабы полевые работы дешевле сотворить. Трудно во поле пришлось боярину Гнутову и пани Здзярской без означенного сооружения, потому что они разнополюе еси, но ничего, держали. Но еще трудней пришлось совсем умному и очень ученому молодцу профессору Фельдману со студенточкой младою. Прилетели они на землицу чукотскую, в городок Нырвакинот, дабы самолично астроблему и алмазы, сверкающие в ней, узреть и возрадоваться. Десять тысяч километров пролетели, а еще двести пролететь не смогли. Гости московские челом били боярину Пухову, чтоб дракона летающего, Вертолетом именуемого, дал. А боярин-то, Пухов, посмеивается, доктора ГМН успокаивает, дракона не может дать.

Очень-ученый молодец Фельдман ходил в форме полевой, с молотом булатным. Брит он был, но вот уж и борода закурчавилась, уж и студенточка младая никаких алмазов не хочет, домой в Москву просится, слезы горючие льет. Уже рассказал Фельдман сказку про алмазы даже оформителям, убедил их в больших перспективах территории, на которой трудятся по его наущению боярин Гнутов и пани Здзярская, а дракона летающего, Вертолетом именуемого, все нет и нет. А боярин-то, Пухов, посмеивается, доктора ГМН успокаивает, транспорта не может дать.

Так прошел месяц и один день. Разгневался очень ученый молодец Фельдман, плюнул смачно на землицу чукотскую, дважды плюнул в залив Креста и трижды на лысину боярина Пухова, погрозил дланью чукотскому небу нелетному, ругнулся матом, по-мужицки, неблагозвучно, зло, молот булатный да сапоги болотные в рюкзак бросил, студенточку младую заплаканную под ручку взял да и отбыл, несолоно хлебавши, в стольный град Москву. Так и не повидал он открытой им теоретически астроблемы алмазоносной.

Возвратились с поля боярин Гнутов и пани Здзярская, утешили Гельмана, утешили Фельдмана, отослали им подарки драгоценные - камни алмазоносные, точь-в-точь похожие на кислое субвулканическое стекло, обсидианом именуемое. Замолчали ученые

молодцы-геологи Гельман и Фельдман, вестей не шлют, исполнителей работ не хвалят и не ругают, наверное, микроскопическими алмазами любят – налюбоваться не могут. На том все и кончилось.

Начальник ЦГПП Кирилл Пухов, подвергнув себя жестокой самокритике (совесть замучила – не смог Фельдману вертолета дать), подал в отставку. Он сам пожелал в поле на восток Чукотского полуострова сходить и под видом оценки золотоносности территории, тайно алмазы поискать. А геолог-науканец Юрий Гнутов, и ранее специализировавшийся на экзотических видах полезных ископаемых (железе, графите, песчано-гравийно-галечных смесях, жемчуге и янтаре), наконец-то прозрел и с горечью заявил:

Про янтари не говори и про алмазы тоже,

Пусть синим пламенем горит все, что на них похоже!

Другие представители исчезнувшей Науканской экспедиции – (супруги Козловские, Тумкыргавы, Краги) – занимались более серьезным делом – групповой геологической съемкой в верховьях реки Курупки. Держались они сплоченно, по землячески, надеясь на помощь в бытовых вопросах на своих людей – видных партийно-профсоюзных деятелей Юрия Гнутова и Ингу Сосновскую.

Гнутов нас всему научит и Карамба даст совет

Как иметь удачи кучу. Проживем! Проблемы нет!

В конце года геологи чествовали своих товарищей-юбиларов, вручали им подарки и памятные адреса с текстом Дениса Доценко. Слава Майоров получил такие вирши.

За двадцать лет познал Чукотку, знакома каждая гора

Заснял палатки, скалы, лодки, воздушный транспорт, трактора.

Познал он зверя, рыбу, птицу, породы, россыпи, руду.

Петрович! Силы не жалея, шустри и после юбилея.

Будь среди нас всегда умельцем, артистом, лыжником, творцом,

Будь шутником-первоапрельцем, двадцатилетним удалцом!

Такой же стих имел и Денис Доценко. Стихи для него написал Геннадий Цукин.

Поэт, художник, косторез, затейник всяческих чудес,

Певец, актер и музыкант, куда ни глянь – кругом талант!

Товарищ добрый в поле, веселый друг в застолье,

А что не оговорено, известно Оле Зориной.

В двадцатилетье предстоящем тебе желаем много счастья,

Открытий новых групповых и мыслей ясных, молодых!

Денис расчувствовался и выступил с ответной речью.

«Спасибо, товарищи, большое, двадцатилетнее спасибо за приветствие и поздравление. Я рад, что эта традиция – чествование ветеранов – коснулась и меня. За годы, проведенные на Чукотке, я много чего натворил. И поскольку вы все-таки решились меня с этим поздравить, я надеюсь, что положительных проявлений с моей стороны было больше, чем отрицательных, что пользы я причинил больше, чем вреда.

Я ничуть не жалею, что двадцать лет назад прилетел на Чукотку, в Нырвакинот, в только что организованную Восточно-Чукотскую геологическую экспедицию. Попал я сюда по жребью, по длинной или короткой спичке, точно не помню, разыгрывались Чаун и Нырвакинот. Чаун достался моему студенческому другу Рафату Банаеву, он и до сих пор там, в Чауне, а я, стало быть, здесь и оба довольны. В ВЧГЭ мне посчастливилось встретиться с такими замечательными людьми, как Зураб Кахия, Василь Чобра, Леонид Руденко, Виктор Молкин, Евгений и Мария Виноградавы, Кирилл Пухов, Слава Майоров, Алексей и Елена Вороновы, Генрих Козин и, конечно же, Михаил Иванович Блямберг! С большинством из этих товарищей мы живем и работаем, бок о бок, вот уже двадцать лет. За это время мы досконально узнали друг друга и, несмотря на это, сохранили дружеские отношения. Вот поэтому я хочу разделить юбилейные поздравления коллектива ВЧГЭ со своими древними товарищами и друзьями, верными, стойкими, стальными солдатами Чукотки. Еще раз спасибо».

Хвалебной оды удостоился и Сеня Крюканов, отработавший на Чукотке пятнадцать лет.

Предан съемке групповой он душой и телом,
Молотком и головой, многолетним делом.
Где Крюканов - там руда! Если нету - не беда.
Свиты и структуры крутят с ним амуры.
Супермастер-рыболов и спортсмен к тому же.
А мужчина - нету слов! Лучше нету мужа.
Будь всегда таким же, Саня! Геологию тараня,
Ты еще пятнадцать лет оставляй такой же след.

Всех геологов зима сгэпала до кучи (собрала воедино). Но не для всех отрядов камеральный период был приятен. Те полевики, которые могли в течение рабочего дня обходиться без геофонда, были переведены в гараж, в сборно-щитовой барак, именуемый «комплекс Геолог», и сидели там. Утром и вечером их, с секретными чемоданами, обычно возил автобус или вахтовка. Но когда машины были сломаны или дорога заметена, в сильную пургу, геологи вынуждены были пробиваться в свои насквозь промороженные кабинеты на своих-двоих. А там!

Через щели ветер дует и обои шевелит.
Даже Веник негодует, торбаза обувь велит.
Ноги к полу примерзают, пар порой со рта валит,
ОРЗ народ терзает, каждый третий - инвалид.
До секматов путь далекий, жгучий ветер, скользкий лед,
Но, шепча слова-упреки, ходит комплексный народ.

Накануне восьмого марта восемьдесят второго года Денис Доценко сидел в теплом кабинете старого здания экспедиции и, как всегда в это время года, сочинял стишки женщинам. Вот что у него получилось на сей раз.

Инга Сосновская - Карамба.

Эмансипации пример: похотать «отнюдь не любит»,
«Секет» во всем и смело «рубит», порой ни в чем не зная мер.
Политика, искусство, дети, кроссворды, юмор, тихий муж,
И как фонарь в тумане светит ей геофизика к тому ж...

Вера Николаева (действующий геолог-полевик).

Работница отличная, примерная и скромная
И дама симпатичная, и знания огромные.
Хвалить нам Веру не впервой, причина есть – петрограф ловкий
Такие умные головки нужны как воздух в групповой.

Маруся Виноградова /камеральный геолог/

Поля минули-пролетели, настала мудрости пора.
В стереоскопе лишь гора и за окном шумят метели,
Но геологиии верна и на Чукотке буду вечно.
В общественном труде, конечно, всегда отчетливо видна.
Да, кстати, вспомнить будет к месту,
Я - спец по дрожжевому тесту и мировой кактусовод. Вот!

Рита Кутенкова (заведующая геофондом)

Отчеты в руки выдает и трепетно и нежно,
Досуг свой лыжам отдает, везде, во всем прилежна.
А летом склонна побродить, с геологами схожа,
Грибочки любит находить и голубичку тоже....

Зинаида Белова /картограф/

Средь оформительских соцветий Белова блещет много лет
И сотней карт Зинулькин след на площади Чукотки светит.
Две дочки - тоже не пустяк, не меньше, чем с листом мороки.
А юмор Зина, будто стяг, несет сквозь жизненные кроки.
Но любит Зина (надо ведь!) в индийских фильмах пореветь...

Тамара Котова /заведующая лабораторией ВЧГЭ/

Забыты споры и пыльца, давно начальницею стала,
Я с женщинами так устала, борьбе не вижу я конца.
Я - тоже женщина, конечно, и симпатичная весьма,
Но производство - бесконечно, забот, хлопот, несбоек – тьма!
А потому, в потребность чину, для пользы дела, наконец!
Я превращаюсь вдруг в мужчину, чтобы услышать - молодец!
Но дома я совсем другая - готовлю, свитера вяжу,
И мужа с сыном не ругаю, на них я ласково гляжу.

Люба Тынская (геолог камеральной группы Майны-ГРП)

Я старательна, обаятельна, энергична и привлекательна.
Никому я покоя не дам, буду самой активной из дам!
Мой культмассовый сектор, друзья,
Призывает народ не лениться!
Жить активно, красиво, как я! И почаще, гурьбой, веселиться,
Римма Крюканова (инженер-спектрографист)
На спектроскопе Римма - асс! По стойке «смирно!» элементы.
В такие чудные моменты руду вскрывала много раз.
А стоит стать на лыжи ей - помчится, Саня не догонит!
А запоем - как соловей, усталость песнями прогонит.

Оля Доценко (начальник оформительской группы)

Не всякой женщине дано троих детей на ноги ставить,
Не трудно вроде бы представить, все вроде просто-просто, но...
Не всякой женщине дано!
Не всякой женщине дано справляться с женскою командой,
И в волейбол играть, и петь, и сверхэнергию иметь.

В День геолога-82 Денис предложил на рассмотрение техсовета Проект Первой Классификации геологов-полевиков. Он сказал:

- В песне поется: «Говорят, геологи - романтики, только это, право, ерунда...» И далее: «Не просто себе бродяги, таежные чудачки, геологи - работяги, искатели, ходоки». Хорошие слова, не правда ли? Но мы-то с вами знаем, что этих определений мало. Можно выделить, по крайней мере, десять видов этого сезонно-бродячего племени. На ваше обсуждение выносятся следующая классификация.

1. Полевик-реалист.

Приметы: ничем не увлекается, ни на что не отвлекается, занимается только выполнением геологического задания. Бороду не признает, бреется и умывается каждый день, Примеры: Воронов, Веник, Глухарев

2. Полевик-идеалист.

Всем интересуется, всем восторгается, любое научно-литературное сообщение принимает на веру, верит в геохимию и геофизику, в черную и белую магию, в волшебный пруттик и Серебряную гору. Вид интеллигентный, кого-то из великих напоминающий, благородная седина, взгляд ясный, невинный. Примеры: Кутенков и др.

3. Полевик-охотник (синоним – гайдук).

Спит с ружьем, по нужде за ближайший бугор ходит с ружьем, в маршрутах - с ружьем. Борода густая, дремучая, чуб лихой, взгляд свирепый. Вид уважаемый, для сотрудников полезный. Примеры: Небаба, Польский.

4. Полевик-рыбак.

Вместо ружья постоянно носит удочку, спиннинг и прочие рыболовные снасти. От гайдука отличается короткой стрижкой и неуважением к бороде. Взгляд рыскающий, временами насмешливый, с хитрецей. Вид уважаемый, для сотрудников полезный. Примеры: Крюкаков, Мишин, Шаров, Маслаков.

5. Полевик задумчиво-спокойный.

Мало говорит, мало рисует, мало пишет, много носит, никогда не раздражается. Бороду уважает, ценит, нежно в ней копается, гладит и облизывает усы. Темечко просвечивает. Примеры: Козин, Галин.

6. Полевик въедливый.

Много ходит, много делает, рисует и пишет, много думает, не терпит природных тайн и неясностей, часто раздражается, глядя на коллег. Взгляд укоризненный, все понимающий. Борода жидковата, кустится или ее вообще нет (бреется), ус уважает и часто его в задумчивости сосет. Макушка слегка просвечивает. Примеры: Крюканов, Благоволин, Доценко.

7. Полевик пунктуальный (синоним - резонер).

Делает только то, что требует проект и инструкция, ничего лишнего себе не позволяет. Бреется каждый день, спит с вкладышем, делает физзарядку, следит за пульсом. Много читает и подсчитывает, говорит много, но только о геологии, пьет мало или вообще не пьет. Примеры: Николаев и др.

8. Полевик-философ (синоним – верхогляд)

Солидный, начитанный, мгновенно находит в районе работ все, но все, что появляется в научной литературе. Бородка клинышком, пенсне, высокий лоб, маленький скошенный подбородок, объемный живот. Примеры: Синицин и др.

9. Полевик - художник

Много рисует, фотографирует, любит природу, животный и растительный мир. Спит с фотоаппаратом, за ближайший бугор ходит с фотоаппаратом, в маршрутах - с фотоаппаратом. Бороды не носит, поджар, резв, склонен к юмору, в глазах лукавинка. Примеры: Уралов, Николаева.

10. Полевик-геофизик

Геофизический график на лбу, немногословен, изображает суровость и глубинность мышления. Примеры: Есипов, Маевский, Квасин.

Классификацию предлагаю принять за основу. Думаю, что за каждый вид в отдельности мы голосовать не будем, примем списком. Кто за - поднимем бокалы! Наш тост - за всех полевикув вместе, за единое дело, за положительный результат!

В конце камерального периода Мараваамский отряд и экономист Светка Лепешкина потеряли самого темпераментного члена - Ваха Декадзе. Вах заскучал по родине. Под его рабочим столом постоянно пел Буба, записанный на магнитофон. Возвратившись из последнего отпуска, Вах рассказал, что ему «стыдно», потому что все его друзья там, в Грузии, стали большими шишками (директорами ресторанов, заведующими складами и т.п.), имеют дачи, машины, и только он один, чукотский дурак-геолог, ничего еще в жизни не достиг. И вот только теперь, отработав на крайнем Северо-Востоке десять лет, он решил уехать в Чиатури, оставив на карте Мараваамского отряда память о себе - ручьи Арол, Адычал и Вахухал.

СЕЗОН – 82

«Бэш Шаворо!»

Работать дважды на одной и той же площади Денису уже приходилось (Пеньельхин-Милютчекайвеем), но там базы были в разных местах. Возвращаться же на старую замусоренную базу геологу казалось невероятно скучно, неинтересно, такое было впервые. Однако, приземлившись на берегу озера Рыбного, Денис почувствовал - ему приятно. Он, с удовольствием созерцая знакомые картины, понял, что за зиму соскучился по ним; он с душевным трепетом вошел в свою благополучно перезимовавшую палатку, сел на нары, поглядел в окно, на озеро и баньку. Чувство умиления еще более возросло после обеда с хорошей выпивкой по поводу теперь уже «староселья» и в связи с началом нового полевого сезона на знакомой территории.

Организация отряда и разброска лабазов были выполнены успешно. У каждой группы имелось свое конкретное задание. Отряд действовал согласно геологической программе, утвержденной техсоветом экспедиции. Первым пунктом задания группы Доценко было изучение и опробование Светлодонного проявления камнецветного сырья. Далее следовало детально разобраться с характером контактов вулканических, осадочных и интрузивных пород, провести поиски рудных проявлений олова и золота. Все это надо было сделать в течение одного месяца, не больше, потому что у Дениса предстоял отпуск с выездом, естественно, на материк (он просил с первого августа, Свистоплясов дал с пятнадцатого). Складывалась полусезонная ситуация, аналогичная шестьдесят четвертому году. Тогда выход из тундры получился и отпуск тоже, но кончилось все это удовольствие строгим выговором. Как-то будет теперь?

Итак, сезон-82 Денису надо завершить стремительным марш-броском на вездеходе к концу июля. Надо вовремя рвануть в отпуск, захватить кусок жаркого лета, погреться на солнышке – это главная задача. В группе Дениса были (еще один отпускник с первого августа) - геолог Петр Польский, водитель вездехода ГАЗ-47 Виталий Перевалов и два пятнадцатилетних школьника - Вася Доценко и его дружок Игорь Каров - оба высокие, здоровые, настоящие северные парни-акселераты. Желая придать сыну такие истинно мужские качества, как смелость, решительность, выносливость, охотничий азарт и рыбацкие навыки, Денис отдал его на полевое воспитание Петру. Это мужик что надо, у него есть чему поучиться, есть что перенять. А работа у Васи простая - замерять радиоактивность пород (их название диктует геолог) и записывать показания прибора в специальный журнал. Этим же будет заниматься и Игорь, которого Денис взял себе.

В первых числах июля Денис дал своей группе команду: «Дранг нах нордэн!» и вездеход Перевалова устремился на север, вдоль подножья гор, пересекая холмы и увалы. Денис сидел в кабине, ребята - на крыше. Блицсезон начался. Боевая машина сходу форсировала Мараваам. У противоположного (левого) берега реки вездеход провалился в яму, вода хлынула в кузов через заднюю дверь. Перевалов с трудом, пробуксовывая, выбрался на сушу, остановился, выпустил воду из кузова. Геологи подсушили мокрые вещи, приготовили чай, подзакусили, и - дальше.

На Цветных озерах они остановились порыбачить, разошлись со спиннингами в разные стороны. Денис успел захватить лучшее место - устье впадающего в озеро ручья. Рыба клюнула неожиданно, сразу. Денис потащил ее, вращая катушку. Удилище гнется, катушка не крутится - рыба попалась большая, тяжелая. Бросив спиннинг, Денис схватил леску, начал тащить ее вручную, отступая от берега. Рыба зигзагами приближалась. И вот оно чудесное мгновение рывок - и рыба на берегу! Сверкающая, серебристо-пятнистая, извивается и подпрыгивает, разевая зубастую пасть с загнутой вниз, как клюв, верхней челюстью. Мальма! Денис подбежал к ней, схватил за жабры. Гибкая, сильная, она выскальзывала из его пальцев и резкими бросками, стремилась достигнуть спасительной воды. Наконец, Денису удалось оттащить рыбку подальше от берега, но освободить ее челюсть от глубоко засевшего крючка ему долго не удавалось. Дениса била крупная нервная дрожь. Подоспевший Петька, стоя рядом, успокаивал взволнованного рыбака: «Не спеши, не спеши, спокойно. Надо ее по башке камнем трахнуть. Дай я. Вот так! Вот

так! Ага! Видишь, успокоилась. Ну и пасть! Какая рыба! Метр будет! Повезло тебе, Денис!» Прибежали Вася и Игорь.

- Как вы ее поймали дядя Денис? - спросил восхищенный Игорь.

- А хрен его знает, - честно ответил рыболов. - Нечаянно получилось, сам удивляюсь.

Порыбачив около часа (больше никто ничего не поймал, хотя поклевки были) геологи продолжили путь.

- Сюда, на Цветные озера, мы еще вернемся, - пообещал ребятам Денис. - И не с удочками, а с сетями. Разведка сделана, рыба есть, будем ее ловить - всему свое время.

Озеро Светлое Дно. Берега для стоянки не пригодны. Геологи с трудом подобрали более-менее ровную площадку, на которой едва уместилась палатка. После установки жилища, полевники надули лодку и поставили на озере сеть.

Первый маршрут Дениса - на агаты, открытые Маслаковым в прошлом году. Цель - изучить, оконтурить, опробовать агатовое поле. Работа приятная, интересная, даже захватывающая, чем-то близкая к поискам клада. Денис все время ждал чего-то необыкновенного, каждый камень-самоцвет может преподнести сказочный сюрприз и нечаянную радость. Денис начал снизу, с конуса выноса, в котором, наряду с обычными пустыми вулканическими породами, нет-нет, да и попадались неокатанные обломки и бледнозеленые овальные желваки сферолоидных риолитов с гнездами халцедонов и агатов. Разноцветные полосчатые агаты особенно красиво смотрелись в воде и на свежем сколе. Высыхая, они бледнели. Чаще всего встречались небольшие открытые и частично разрушенные секрции (гнезда, зародыши), но были и крупные, до полуметра в диаметре, шорообразные образования - сферолоиды с шишковато-бородавчатой поверхностью, так называемые «бомбы», заключающие в себе жгучую тайну - что там внутри? Простой камень - риолит или изумительное творение природы, красота неопишуемая? Как это узнать? Нашел такую «бомбу» и вездеходчик Перевалов, трахнул ее кувалдой и - о, чудо! О, горе! Чудеснейшая сиренево-голубая тонкополосчатая секрция с мелкими друзьями светлофиолетового аметиста в центре рассыпалась на несколько кусков. Если бы ее распилить, получился бы изумительный, необыкновенный срез. Перевалов стонал, стоя на коленях перед разрушенной сказкой, перед погубленной красотой. Осколки секрции поисковики разобрали на образцы, из которых уже ничего нельзя было сделать.

Два больших ящика подобных «бомб» были приготовлены для отправки в центр экспедиции. Это официальные пробы. Пусть начальство и работники лаборатории пият и любят срезам сколько душе угодно.

Утром следующего дня геологи проверили сеть - всего несколько мелких сельдяток. Это не дело. Решили попробовать на рыбоносность второе озерко, пониже. Часов в десять над стоянкой пронесся вертолет. Развернувшись, он пошел на снижение. Денис с удивлением наблюдал за чужаками - кто такие? Почему здесь? Что надо?

Сели, выгружаются. Вертолет взмыл и скрылся за ближайшей сопкой. Двое неизвестных в полевой спецодежде остались. Идут к палатке. Один несет кастрюлю, у другого в руках - бутылки. Подходят. Ба! Да ведь это Леша Воронов! А с ним геофизик Саша Квасин. Оба пьяные, веселые улыбаются.

- Здорово были, мужики! - кричит Лешка, узнав Дениса. - А вы что тут делаете? Как вы тут оказались?

- Вот те на! - ответил Денис, смеясь. - Это мы вас должны спросить, что вы делаете на нашей территории. У нас тут лабаз, стоянка номер один, поисково-съёмочные маршруты. А у вас что?

- А у нас, понимаешь, экскурсия, мы за агатами прилетели. Много их тут? Хорошие?

Много, но нехорошие, сильно трещиноватые, они тебе не понравятся.

- Ладно, поглядим. Но это потом. А сейчас давай выпьем. У нас и водка есть и борщ с мясом. Мы с девяносто первого. Трое суток сидим там, пьем-гуляем, вылететь на свою базу не можем - погоды нет. Ну, давай, неси кружки, будем пить!

- Извини, Леша, но я пить не буду.

- Да ты что! Почему? Я тебя не узнаю. За встречу, за агаты обязательно надо выпить!

- Не могу, нельзя. Я стал на полевую маршрутную тропу, я, как тот индейский вождь, который объявил военное положение. Горы зовут! Голова должна быть ясной и свежей, и настроение соответствующее - бодрое, не нарушенное синдромом похмелья. Ну, чего смеешься? Я серьезно.

- Денис, все это хреновина, что ты говоришь. Давай выпьем последний раз. Ты меня, может, больше не увидишь - осенью еду за границу.

- Да хватит меня уговаривать! Не буду. Я уже в маршрут собрался. Будь здоров. Отдыхай, ищи агаты.

- Ну как знаешь, - наконец-то обиделся Лёха, повернулся к Денису задом и заковылял, пошатываясь и спотыкаясь, к своей куче барахла.

Денис отправился в маршрут, а соседи-гости с трудом напаяли палатку, допили водку и улеглись спать - день у них был все равно пропащий. На промысел они вышли ночью. Денис сквозь сон слышал, как охотники за агатами тюкали молотками, разбивая «бомбы». Больной-похмельный Леха потратил на поиски самоцветов не более часа. Отобрав несколько неказистых образцов, он разочаровался и снова нырнул в кукуль. Квасин оказался более дееспособным и настырным, он крушил сферолоидные риолиты до тех пор, пока ни сломал молоток. Взял Лешкин - сломал и его. Через сутки налетчики убрались восвояси.

В нижнем озере рыба ловилась отменно. Это был мелкий, но жирный и нежный хариус. Хватало и на уху, и на жареху, и на засолку. Петя Польский заделал «квашню», полевой маринад - порезанный на куски сырой (свежий) хариус с уксусом, луком, перцем и лаврушкой.

- Еда будет - за уши не оторвешь, - нахваливал Петя свое изысканно-кулинарное творение. - Готова будет через трое суток.

И действительно, это было нечто необыкновенное, истинно полевое, в гражданской жизни неведомое. Но, к сожалению, квашня требовала хлеба, с сухарями и галетами она не сочеталась, не гармонировала. Впрочем, когда полевик голоден, на такие тонкости он внимания не обращает.

Каждый сезон Денис набирал в поле много книг, в основном библиотечных, и читал их вечерами, после маршрутов, насытив брюхо и блаженно нежась в кукуле. На сей раз его личным бестселлером стал «Цыган» Анатолия Калинина. Оттуда Денис взял на вооружение цыганский клич «бэш чаворо!», что значит «пора смываться». По этой тревожной команде, которую дает атаман, табор немедленно, в спешном порядке запрягает лошадей, загружается и быстро покидает насиженное место, скрывается в неизвестном направлении.

Выполнив запланированные на первой стоянке три маршрута, Денис произнес: «Бэш чаворо!» и вездеход рванул дальше, на юг, по долине реки Кайэнгыргын. Покинув озеро Светлое Дно, отряд попал в козлиную страну, в которой протекали ручьи Козлик и Козий Рог и где трудился старший геолог Генрих Козин (Герман Козлов). Здесь появились первые признаки рудной минерализации - обохренные породы и сульфидно-кварцевые прожилки, которые пришлось опробовать.

Маршрутный рабочий Дениса Игорь имел рост около двух метров, но был тощий, тонкий, неуклюжий, коленки у него, как шарниры, часто подгибались, ноги заплетались, он постоянно спотыкался и падал, кувыркаясь среди кочек и кустов, шлепался в лужи и ручьи. Голова акселерата не справлялась с управлением столь длинными ходулями. В долине это еще полбеды, а вот на склонах гор такие кульбиты очень опасны для прибора. Здесь надо помнить главную заповедь радиометриста - сам разбивайся, а радиометр спасай, падая, поднимай трубку кверху! Игорь тренировался каждый день, все его тело было покрыто синяками. Паренька приходилось обучать всему - и как портянки наматывать, и как обращаться с примусом, и как костры разжигать, и как элементарную

пищу готовить, и как посуду мыть, и многому-многому другому. На первых порах ему никак не давалось костровое дело. Собрал он однажды в обеденный перерыв толстых дров, сложил их в кучу и стал поджигать. Денис сидел, описывал пройденный отрезок маршрута. Проходит минут двадцать, а дыма все нет. Денис заинтересовался, что там Игорь делает. Подошел, смотрит и глазам своим не верит - лежит его рабочий на животе. зажигает спички и подносит к дровам. Целую коробку сжег, а дрова не горят, потому что толстые и сырые.

- Кто же так делает, Игорь? Надо найти сухого мху или тонких сухих прутиков. Вот таких, смотри. Подкладываем вот сюда, с наветренной стороны, поджигаем - оп-па! Видишь, с одной спички загорелось. Клади сверху еще и еще сухой мелочи, от нее и все дрова, подсохнув, разгорятся. Понял? Ну, давай, действуй.

В маршрутах обеденный чай готовился непременно. Правда, не всегда это получалось, как положено. Иной раз вода до кипения нагреться ну никак не хотела, приходилось заваривать, какая есть, или наоборот - на жарком огне быстро выкипала (котелок сверху закрыт, что там творится, не видно) и геологи довольствовались половинной порцией чая.

Участок «Козлик» отработан и снова - бэш чаворо! Близ перевала в долину Мараваама на ровном месте с резким, мерзким звуком - хрясь! - сломался первый торсион. Стали. Сняли гусеницу и каток, поменяли торсион, поехали дальше. На перевале остановились, перекусили. Вид на юг замечательный, зовущий. Денис показывает ребятам:

- Смотрите, вон та синяя гора, под которой у нас стоянка.

И возникла у него радостное, отпускное состояние, вспомнились мелодия и слова романтической, чарующей песни: «У той горы, где синяя прохлада, у той горы, где моря перезвон»...

- Да, ребятки, скоро мы увидим море за горами, теплое южное море. Бэш чаворо!

По левому притоку Мараваама единственный в районе выход условно раннемеловых (валанжинских) пород. Денис со своими помощниками попытался найти в них фауну - не получилось. «Может быть, с рудным золотом повезет? Хотя основная геохимическая аномалия находится за пределами нашей территории, но ее периферийная часть заходит к нам. Чем черт ни шутит, может быть, что-нибудь и зацепим», - говорил начальник отряда, будущий отпускник. В маршруте по этой аномалии Денис обнаружил множество окварцованных и пиритизированных пород, набрал полный рюкзак штуфных проб и с великим трудом, издрав спину и плечи, притащил этот груз на стоянку. Вот и все. Бэш чаворо!

Вездеход едет по долине Мараваама, ломится сквозь заросли кустов, преодолевает каменистые моренные бугры и гряды и еще раз - хрясь! Ломается второй торсион, а запасного больше нет. На перевал пришлось подниматься по ручью Блеск. Русло - сплошные глыбы и валуны. Вездеход скрежещет, трясется, грохочет, ревет, бьется днищем о камни, переваливается с одной стороны на другую, ныряет носом в ямы и вздымается кверху по нагромождениям глыб, чудом ползет, но сидеть в нем невозможно. Денис идет впереди. Близ перевала обнаруживается - нет одного катка, вывалился, даже не заметили. Вместо него в левой гусенице зияет дыра, траки хлябают, болтаются. «Как мы еще едем? Ну, Перевалов, ну, дает!» - с ужасом думает Денис. А геройский водитель спокоен - и не в таких пределах бывал.

За перевалом - крутой спуск в долину ручья Теснинного. Склон мягкий, щебнистый, местами задернованный. Петя Польский идет в стороне, ребята - сзади. Денис сидит в кабине. Спустились.

- Смелый ты мужик, - говорит Петро.

- Почему? Откуда ты взял? - удивился Денис.

- Спуск был очень опасным. Гусеницы натянуты до предела, легко разуться. А разувшись, вездеход немедленно перевернется и загремит вниз. Такое не раз бывало.

-Ишь ты! А я этого и не знал. Ну ладно, все позади, - ответил Денис, запоздало пугаясь.

На берегу ручья геологи выбрали площадку, разгрузились, поставили две палатки (жилую и кухню), обустроились. Время - конец июля, стоянка - последняя. Выполняя заранее намеченные маршруты, геологи изучили зону контакта крупной монцодиоритовой интрузии, и - бэш чаворо! Вездеход благополучно прибыл на базу, завершив сезон.

Баня. Полевики крепко парятся, окунаются в озеро, опять парятся, снова бегут в холодную воду, плескаются, охлаждаются, наслаждаются - ох, хорошо! Смыв месячный слой грязи и пота, очистившись от кукулиной волосни, облачившись в чистое белье, они почувствовали такое облегчение - хоть песни пой. И запели. Но не сразу, а после бражки.

Встретившись на базе с Генрихом Козиным, Денис узнал об открытии им рудопроявления олова на левобережье верхнего течения реки Кайэнгыргын. Там у него была плановая стоянка номер один, намеченная в подготовительный период Денисом. Цель маршрутов - стратиграфическая, составление разреза вулканогенной толщи. Пошел Генрих вверх по склону, изучая вулканиты, отбирая образцы, но подняться до вершины горы не смог - помешали тучи. Геолог изменил направление маршрута, свернул налево и, касаясь лысиной нижней кромки облаков, пошел по горизонтали. Шел он, шел, вглядываясь в породы, да и набрел на развалы кварца с густой вкрапленностью серого тонкозернистого минерала. Генрих отобрал штучные пробы, но в том, что это касситерит, он уверен не был. Окончательный ответ даст только спектральный анализ, а это будет нескоро, поэтому радости открытия Козин вроде бы (как бы, что ли) и не испытывал. Беспокоило его другое - начальник отряда уходит в отпуск и передает ему все свои права и обязанности, среди которых самое главное и самое противное - подотчет. Генрих, ворча, подписал в трех экземплярах все акты и фактуры, заготовленные Денисом, и, поставив последнюю подпись на последней бумаге, стал полновластным хозяином базы и командиром полеви́ков. Денис поздравил преемника с повышением по службе, чем вызвал у него раздражение («нужно оно мне, это вот повышение...»), быстро провел камеральную обработку материалов и стал готовиться к вылету в поселок. Бэш чаворо! Но не тут-то было, магическая фраза не подействовала. Пока выполнение операции «Блицсезон» зависело только от Дениса и вездехода, все шло как по маслу. Теперь судьба полеви́ков-отпускников находилась в руках Свистоплясова, зависела от погоды и авиации. Зависела она и от рации, от проходимости эфира. Денис составил радиограмму: «Мошка-5, Свистоплясову. Прошу дать разрешение на выезд поселок связи выполнением программы полевых работ и предстоящим отпуском. Вылетает четверо: начальник отряда Доценко геолог Польский два школьника Подотчет передан Козину срочно требуется вертолет подпись Доценко»

Связи по рации не получилось, в эфире - полная непроходимость. Сидеть и ждать, когда наладится связь, а потом сидеть ждать, когда прилетит вертолет - это неприемлемо, невыносимо! Можно запросто и месяц просидеть. Время, драгоценное летнее время уходит, надо как можно быстрее лететь на материк, к Черному морю! Бэш чаворо! Денис принимает решение - ехать в Нырвакинот на вездеходе. Есть и техническое обоснование - лодка (днище кузова) течет, при переправе через реки вездеход-амфибия заполняется водой и тонет. Это не дело. Пробоины надо ликвидировать, требуются сварочные работы, которые можно выполнить только в гараже экспедиции. Надо ехать, хотя риск большой (разгневанное начальство закатит строгача и лишит премии за сезон), но Денис был на все готов, лишь бы вовремя вылететь в отпуск.

Накачав резиновую лодку, отпускники привязали ее на крыше вездехода (на тот случай, если при переправе через Амгуэму он начнет тонуть) и поехали - потряслись - погромыхали. Два часа пути - и машина на левом берегу Амгуэмы, напротив поселка дорожников (87 километр Чукотской трассы).

Драматическая переправа.

Некоторое время геологи стояли в раздумье - широкая-глубокая и быстрая река их пугала. Брод где-то здесь, осенью, в малую воду, переправиться можно, а как сейчас? Хрен его знает, пробовать надо, назад пути нет. «Ну, с Богом!» - произнес Перевалов и грубил первую скорость. Вездеход медленно вошел в воду, поехал по галечному прибрежному мелководью и вдруг резко оторвался от дна и поплыл! Вода понесла его вниз по течению, гуски, провиснув, крутились вхолостую. Денис, похолодев от ужаса, видит: с правой стороны гусеница срывается со звездочки и катков и падает на дно! Он кричит водителю: «Гуска упала!» Перевалов молчит (ну и нервы!), судорожно дергает рычаги, вглядывается в воду со своей стороны. Вдруг удар, рывок и вездеход остановился, сел на дно - его вынесло на сравнительно мелкое место, метра полтора, не больше. Вода в кабине достигла сиденья, но водитель и командир в болотных сапогах, так что задницы пока сухие.

Перевалов высунулся из кабины, глянул вниз и заматерился.

-левой гуски тоже нет! Стоим на голых катках! Все, приехали!

Трагедия свершилась. Польский, Вася и Игорь из затопленного кузова выбрались на крышу, отвязали резиновую лодку, опустили ее на воду. Петр перевез на берег ребят, возвратился за Переваловым и Денисом, и вот все пятеро на берегу, стоят, отупело, еще не веря в случившееся, удивленно взирают на торчащую из воды кабину вездехода. Пацаны-дураки чему-то радуются, хохочут, им очень смешно, им нравится это приключение, они сфотографировали действия Польского по спасению начальника и водителя и весело рассказывают об этом. Но Денису плохо, очень плохо.

- Что дальше? - спрашивает он. - Я с ребятами переправлюсь на тот берег, выйду на трассу и доберусь в Нырвакино попутным транспортом, - заявил Польский, отводя взгляд.

«Так, ясно», глядя на старшего техника-геолога, думал Денис. Вместе с дезертирами на резиновой лодке переправился и Перевалов - просить помощи у местного населения, у знакомых трактористов и рыбаков.

На левом берегу Амгуэмы горемычный начальник отряда остался один. Ему грустно, очень грустно, прямо-таки тоскливо, хоть вой! Ну и ситуация! Ну и подзалетел, уважаемый Денис Иванович (Евгений Егорович)! Все планы рухнули в одночасье! Геолог ходил по галечному пляжу туда-сюда, туда-сюда, как приговоренный к расстрелу, автоматически собирал чем-либо понравившиеся камушки и складывал их в карман - на память о чрезвычайном происшествии.

Примерно через час на правом берегу Амгуэмы появился трактор, затарахтела моторная лодка. Спасатели с длинным тросом пересекли реку, подплыли к вездеходу. Перевалов спустился в воду, погрузился по шею, зацепил трос за крюк и мокрый, дрожащий, забрался в лодку. Затем моторка причалила к левому берегу, взяла Доценко и вернулась на правый берег. Трактор потащил трос. Вездеход покатился, скрылся под водой, пошел по дну. Только бы трос не оборвался на глубине! - молились Перевалов и Доценко. Тогда попробуй, достань эту многотонную железяку... или плати за нее... Затаив дыхание, они наблюдали за операцией. Вот из воды появилась крыша вездехода, затем его нос... Пока все шло нормально, вездеход шел покорно, как миленький, как спокойный бычок на веревочке.

- Ну давай, давай, еще немного, - шепчет Денис.

Есть! Берег! Мокрый разутый вездеход стоит на галечном пляже. Но что с него толку? Гусениц-то нет. Их тоже надо доставать. А как? Спасатели знают. В лодке лежит большой тройной крюк на канате. Лодка мчится к тому месту, где лежат гусеницы. Главный спасатель - рулевой, молчаливый, спокойный, крепкий парень, уверенно, привычно ведет свое быстроходное судно. Вода прозрачная, дно хорошо видно. Лодка ходит кругами, делает один заход, второй, третий. Стоп! Здесь! Вот она, нашли! Денис и Перевалов по очереди (кому повезет) бросают крюк. Лодку быстро сносит течением, крюк срывается. Парень-рулевой заводит мотор и снова начинает кружить. На третий или

четвертый раз крюк прочно зацепился за траки, лодка дернулась, остановилась, как на якоре. Затем канат был выведен на правый берег, прикреплен к трактору и гусеница вытащена! Спасатели помчались за второй гуской, долго не могли ее найти, а обнаружив, никак не могли зацепить ее крюком. Близилась полночь. Операция на воде продолжалась уже пять часов. Люди устали и еле двигались. Терпение и силы лодочника иссякли, он причалил к своему берегу и решительно заявил: «Все, больше не могу». Его охотно поддержал тракторист. «Давно домой пора, сколько можно»

- А нам что делать? - спросил растерянно Перевалов.

- Не знаем. Выкручивайтесь теперь сами, как хотите.

- Братцы, крюк срывается с гуски потому, что разогнулся, видите? Я его сейчас загну покруче и мы зацепим эту ёбаную гуску!

И Перевалов застучал кувалдой.

- Вот теперь лучше. Еще один заход, а?

Парень-рулевой, хозяин лодки, матюкнулся, но шнур дернул, мотор затарахтел и трое в лодке снова понеслись к «этой ёбаной гуске», которая всех достала. Последний шанс! Дай Бог удачи! Перевалов стоял на носу лодки с крюком и канатом, пристально всматриваясь в воду, как гарпунщик-китобой. Бросок! Зацеп! Ура! Удача!

Вот и вторая гусеница на берегу. Измученные спасатели-аборигены, замечательные мужики, великолепные северные парни, уехали на тракторе в поселок, глубоко сожалея о том, что связались с этими дураками - геолухами, которых черт занес в Амгуэму. Перевалов открыл заднюю дверь вездехода, из кузова хлынула вода, вынося всевозможный мусор и пятна мазута. Машина стала чистенькая, новенькая, сверкающая, но поедет ли она - еще вопрос.

Перевалов плюхается на мокрое сиденье, жмет акселератор. Глухо. Он выскакивает, открывает капот, копается в моторе или еще в чем-то, снова садится и пытается машину завести. И снова совершается чудо - вездеход чихнул, как простуженный мужик, из выхлопной трубы вырвалось облачко черного вонючего дыма, мотор сперва с перебоями, а потом ровно, с подвыванием и перегазовками загудел-заработал! Значит, можно ехать! Осталось только гуски натянуть, но это дело знакомое, выполнимое, хотя и чрезвычайно тяжелое для двоих. Покряхтели «геолухи», попотели, понукали, натянули-таки гусеницы и - поехали! «Бэш чаворо!» - ликующе крикнул Денис, блаженно развалившись на все еще мокром сиденье.

Было примерно четыре часа утра, когда спасенный вездеход - утопленник, ведомый геройским парнем Переваловым, вышел на трассу и, жизнерадостно лязгая промытыми гусеницами, помчался по дороге в Нырвакинот, где спокойно спал и видел приятные полевые сны Доценко - младший.

ПОЛЕВОЙ СЕЗОН – 82. Дневник 15 -летнего Васи.

22 июня. Начинаем лететь в поле. Рюкзаки уже уложены, погода стоит распрекрасная, хотя небо в слабой дымке. Остается желать, чтобы весь сезон стояла такая погода.

5 июля. Сегодня, за все время пребывания на базе, в первый раз пошел дождь. Но к ночи распогодилось, хотя дует небольшой северный ветер. Завтра утром после завтрака выезжаем на вездеходе на лабаз. На базе остается завхоз. Жалко дядьку. Цельный месяц одному жить в этом болоте. Нашу базу буквально оккупировали мышеловы. С пронзительными криками они прогоняют всех птиц. Сегодня я полдня тренькал на гитаре и уже кой чему научился. В окрестностях базы полным-полно куропачей. Вчера вечером Игорь высыпал на палатку крошки от сухарей, а ночью мы проснулись от хохотанья куропачей у нас над головой.

Премудрости своей профессии в целом я усвоил хорошо, но в все-таки немного волнуясь - как пройдет мой первый рабочий маршрут.

7 июля. Наконец-то я влез в кукуль! Вчера приехали сюда, к Цветным озерам. Ехали пять с половиной часов по пересеченной местности. Приехав на место, поставили палатку, попили чаю и завалились спать под шум реки, вой ветра и хлопанье палатки, грозившей вырвать колья и накрыть нас.

Проснулись поздно и, как только выбрались из кукулей, один зуб перестал попадать на другой. Проверили поставленную вечером сеть и выудили из нее хорошеньких гольчиков. Всех сразу и порешили на кухне. Кстати, кухня у нас довольно неудобная, в смысле стола. На бочку положена папка от карт и это называется столом. Сидеть за ним крайне неудобно, поэтому постановлено: если кто перевернет стол коленями или чем иным, тому назначается внеочередное дежурство.

Сегодняшний день оказался рыбным. Мы только и занимались тем, что связывали, да развязывали, да ставили, да проверяли проклятые сети! Ловили также на спиннинг. Папа выловил огромную мальму, сломавшую его спиннинг и чуть ни затянувшую его в озеро. Но больше всех повезло дяде Пете.

Сегодня мы страшно мерзли. У меня весь день не отходили пальцы на руках и ногах. И я подумал, что если так померзнуть с месяц, то на всю жизнь останешься хладнокровным. Но, к счастью есть такой незаменимый друг, как кукуль.

Да, еще утром метрах в двухстах от палаток прошел здешний бурый хозяин - медведь. В бинокль мы разглядели его отлично. Таких крупных медведей я еще не видал.

8 июля. Как только мы проснулись, сразу стало ясно - по палатке тарабанил дождь. Папа повздыхал, подумал и решил, что надо отсюда уматывать, да поскорей. Позавтракав, собрав палатки и продукты, мы погрузились на вездеход и тронулись в путь. Приехали довольно быстро и без поломок. Место очень хорошее. Лабаз был нетронутым и даже наоборот - кое-что добавилось. Еще давно здесь работали топографы и оставили маленькую печурку, которую мы сейчас и пытаемся растопить.

Палатки мы поставили у подножья небольшой террасы, на берегу длинного неглубокого озера со светлым песчаным дном. А на другом берегу круто вздымается каменистая гряда, вершина которой прикрыта шапкой тумана. Какими же маленькими кажутся люди и палатки по сравнению с этой природной стеной!

Опять поставили сетенку в надежде поймать сельдяточку или каталку. Вот печка разгорелась, и жизнь показалась не такой уж плохой, особенно с подобиями музыки, издаваемой спидолой. Папа ушел по террасе и вот уже часа три раздается стук молотка.

9 июля. Вышли в первый маршрут. С раннего утра стоял туман, и мы немного заплутали. Из всего маршрута мне более всего запомнилось одно место - небольшая сопочка с крутыми склонами наверху и пологими, переходящими в тундру, внизу. Верхушка ее напоминает гребешок, нависающий над склонами. Забравшись туда, мы удивились сходству этого места с южноамериканскими прериями. Так и казалось, что вот-вот раздастся топот и по равнине промчится стадо могучих бизонов, подгоняемых индейскими охотниками (В Южной Америке бизонов нет – В.П.). Но после спуска с горы иллюзии испарились и дальнейший маршрут продолжался под чавканье мокрой тундры, в которой увязнет по уши любой бизон.

11 июля. Все пошли собирать пробы агатов. Мы с Игорем полезли вверх по руслу мелкого ручейка, туда, где они с папой сложили пробы в кучу. Загрузились под завязку, да еще в пути добавили, так, что вниз еле доползли. Под тяжестью рюкзака плечи ушли назад и сомкнулись за спиной. И когда мы сбросили рюкзаки около вездехода, то упали и лежали минут пятнадцать не шевелясь.

Пообедав, загрузились в вездеход и поехали на следующий, третий по счету лабаз. Приехав, мы обнаружили бочку с продуктами, лежащей на боку, а вокруг ее - клочья медвежьей шерсти. Наверно, медведь хотел открыть бочку, но у него ничего не получилось. Поставили палатку и стали отдыхать.

12 июля. Маршрут по водоразделам и склонам сопки. Не встретили ни одной зверюшки. И вообще это место напоминает марсианский пейзаж - пологие плато на

водоразделах, состоящие из крупных глыб и мелкого щебня. В такие моменты я представляю себя космическим разведчиком. Эти представления усиливает радиометр, висящий на груди, а его «пушка» похожа на лазерный пистолет.

От последней точки наблюдения до лабаза бежали на четвертой скорости. Это дядя Петя показывал мне, как Небаба в маршрутах ходит. Не завидую я тем радиометристам, которые с ним работают.

Весь день стоит страшная жара. Я пью воду с каждой лужицы и даже жую снег. В такие моменты становится неясно, что же лучше – жара или холод? К вечеру натянуло туч и подул холодный ветер.

13 июля. Сегодня я дежурный и поэтому очень боялся проспать. Проснулся в четыре утра, взял у папы часы и решил еще вздремнуть. Разбудил меня папа в восемь часов. Я вскочил и помчался на кухню. Быстро начистил картошки и сварил пакетный суп. Вроде всем понравился. Во всяком случае, никого не стошнило.

В маршрут опять поехали на вездеходе. Подъехав на место, дядя Витя сказал: «В прошлом году я здесь козлов видел». Мы вылезли и вдруг увидели метров за восемьсот пять козлов. Дядя Петя за карабин и вперед! А я загорать остался. Чайку попили. Козла не убили, но зато дядя Петя нашел редкую флору. Опять весь маршрут покоряли сопки. Назад ехали на вездеходе, сидели на крыше. Это мое любимое место.

15 июля. Вчера с утра стояла хорошая погода и папа решил выгодно использовать ее. А именно: съездить на вездеходе на первую стоянку и, сделать там маршрут, вернуться вечером на третий лабаз. Это был, пожалуй, самый длинный наш маршрут по тундре, во время которого ничего не произошло. Правда, один раз мы увидели лисичку-огневку, которая оказалась ржавым железным ящиком из-под галет. А в конце маршрута мы решили попить, стали набирать кружкой воды из ручья, как вдруг метрах в трех от нас в глубокой яме плеснулся голец. Мы увлеклись рыбалкой и прорыбачили весь вечер. Я поймал на спиннинг своего первого небольшого гольца. И тут же пришла в голову поговорка: какой ловец, таков и голец.

Рыбы в озерах тьма-тьмушая. Начиная от огромной страшной нельмы и кончая небольшими гольчиками, стадами стоящими в месте впадения ручья в озеро и не клюющими на блесну. Мы долго любовались их спинами, но, ни одного так и не поймали.

Работу в маршруте сильно осложняют яркое пекущее солнце, висящее над макушкой, и миллиарды комаров, голодных и упорно терпеливых, готовых следовать за жертвой хоть на край света.

17 июля. На полпути высадили папу с Игорем и понеслись дальше. Полдня провели с группой Генриха Павловича. Удивляли ее своей цивилизованностью: спидола, печка с углем. Дядя Петя играл у них на нервах, шутил: «Как вы живете? Даже печки у вас нет, а об угле и говорить нечего». Мой бедный шеф мается с зубом. Чего он только туда ни толкал, все равно не помогает. Он сидит и покачивается от боли, а нам его жалко. В маршруте у него сломался радиометр. Мы его и разбирали, и ковыряли, и колотили – ничего не помогло, а вездеходчик дядя Витя пощупал шнур и нашел порванный проводок. Соединить его – минутное дело, и вот радиометр уже целый и невредимый.

18 июля. По-прежнему стоит жара. Еле-еле поддувает ветерок. Но, больше жары, нам мешают комары. После того, как Петр Брониславович Польский (ПБП) рассказал мне поэму своего сочинения, меня тоже потянуло на стихи о комарах. Я сочинил такое четверостишие:

Комары - это зверье,
А геолог - пища.
Поэтому комарьё
Геологов ищет.

20 июля. Вчера был ужасный маршрут. Хуже у меня еще не было. Опять стояла сильнейшая жара вкуче с мириадами жужжащих комаров. И, как назло, ни единого дуновения ветерка, словно природа насмехается над нами, испытывая наши силы. Обычно

яркое, голубое небо от жары стало белесым. Идешь вверх по склону, а в висках пульсирует одно: ветра! ветра! В такие моменты казалось, что сердце вот-вот остановится, но организм выдерживает и становится приятно от сознания, что выдержал, не сдал.

Сегодня переезд. По пути заехали к группе Яковлева. С какой завистью они смотрели на вездеход! И как будто сглазили - через пятьсот метров лопнул торсион. «Прозагорали» полтора часа и снова в путь. Подул сильный ветер, приятно лаская наши разгоряченные тела.

Лабаз поставили в прекрасном месте. И все бы хорошо, да Игорь плохо поставил банку с помидорами в воду и ее унесло. И еще, в самом начале пути, проехав метров сто, мы услышали треск и грохот. Остановив вездеход, дядя Витя начал ругаться, потирая шишку на голове. Оказалось, что Игорь полез в салон с крыши, ухватился за незакрепленные доски и грохнулся вместе с ними с вездехода, да еще и заехал дяде Вите доской по башке. Нас согнали с крыши, но потом опять разрешили залезть, с условием, что мы не будем там шебуршиться. Между прочим, езда на крыше вездехода, даже сидя на надутой резиновой лодке, не доставляет никакого удовольствия, потому как рискуешь каждую секунду слететь оттуда.

Осталось пять маршрутных дней. Завтра предстоит длинный и долгий маршрут. Еще рано, но уже охота спать, потому что очень рано будят комары. Просыпаясь, мы охотимся на них с полчаса, отводим душу, а потом встаем. Ну, пока все. Послушаю эстрадную программу и улюлюю...

21 июля. Маршрут действительно был очень большой и разнообразный. Сперва лезли по сопке, не лезли - ползли. Ползли, обливаясь потом и задыхаясь от жары. Наверху подул ветерок и зловещие фиолетовые тучи стали мрачно наползать на нас. Грянул гром и пошел дождик. После дождя стало прохладно и светло, но с удвоенной яростью на нас набросилась крылатая рать. Казалось, что все живое вокруг нас вымерло, остались одни комары. Ужасный давящий звон стоял повсюду, заглушая все шорохи и даже шум реки. Комариные смерчи вновь и вновь прочесывали тундру, пока ни натыкались на что-нибудь живое. Это – кошмар! Это проклятие, напущенное природой на все живое.

Назад мы шли по руслу горной речки, питаемой снежником. Одна точка была около огромной скалы. Пока ПБП писал, я излазил ее вдоль и поперек. Какая красотища! В который раз жалею, что не взял с собой фотоаппарат. Внизу, под скалой, среди огромных камней и изумрудной травы журчит ручеек. А берега его покрыты ковром из цветов. Каких только цветов здесь нет! Нежно-голубые и ярко-синие незабудки, огромные желтые ромашки с выгнутыми наружу лепестками, какие-то лимонного цвета цветочки, розовые метелочки. Да разве опишешь их все! На душе легко и радостно (особенно когда на желудке тяжело). Хочется спать.

22 июля. День рождения Игоря. Досыта наелись компота «Ассорти» и - в путь. Стоит холодная погода, моросит дождик и сгущаются тучи. Поставили палатки у небольшого ручья, берега которого покрыты кустами. Как хорошо, когда есть печка и нет комаров! Рай!

23 июля. Тундра и сопки покрыты белым покрывалом – за ночь выпал снег. В маршрут никому не хотелось, но надо было, надо было идти и мы пошли. По руслу узенького ручейка вездеход провез нас полдороги. Дальше двинулись пешком. Зловеще завывал ветер, кидая хлопья снега. Движение - это тепло, и мы мчимся, не поднимая головы, о чем потом и пожалели. Дойдя до истока ручья, дядя Петя достал карту и через минуту его глаза медленно полезли на лоб. «Все ясно», - подумал я, - мы заблудились».

Но я ошибся. Оказалось, что лабаз сбросили не на тот ручей и все маршруты сдвинулись. Как только ПБП это понял, мы надвинули шапки на лбы и рванули назад, против ветра и снега. Чтобы день не пропал, мы сделали небольшой тундровый маршрут.

24 июля. Снег почти стаял, но по-прежнему стоит ужасный холод. Изредка накрапывает дождь. Нам предстоял длинный и трудный маршрут. Сначала шли по руслу промерзшего ручья. С трудом вскипятили чай - кассиопея была еще сырая. Дальнейшая

часть маршрута проходила по водоразделам. Мне понравилось одно место. На верхушке горы мы спустились в небольшой цирк, напоминающий озеро, вода которого стекла через своеобразные ворота из огромных скал. А скалы буквально усыпаны клочьями свалывшейся бараньей шерсти.

Возвращаясь назад, встретили зайца. ПБП выстрелил и, конечно, промахнулся. От последней точки до лабаза оставалось шесть километров. Шли долго и сильно устали, а в мозгу одна мысль - скорей бы лабаз. Ничего, дошли. Прошли за день более двадцати километров.

25 июля. Переезд. Дождь, снег и ветер. Приехали на лабаз к Генриху Павловичу, но в палатке никого не оказалось - ушли в маршрут. В такую-то погоду! Все сопки в тумане, дождь хлещет, а у нас в палатке тепло и сухо. Скоро и они пришли.

Да, еще во время переезда мы форсировали Мараваам. Вода доставала почти до мотора вездехода. Мы с Игорем сидели в салоне и немного перетрухнули. Но все обошлось нормально.

26 июля. Маршрут по сопкам. Стоял морозец, дул ветер, руки коченели, я не мог писать. С водораздела открывается красивая картина: на фоне темно-синего, грозового неба резкие четкие контуры белых заснеженных вершин, пересеченных пунктирами камней, не покрытых снегом. Часто ходим по бараньим тропкам.

Папа с Игорем сидят, камералят. Игорь себе глаз набил и всем хвастает, показывает набрякшее веко. Дядя Витя, от нечего делать, печь топит, примусами заправляет. Козин ушел в свою палатку, ПБП с папой спорят о всяких лавах да игнимбритах. Игорь в грязной, замусоленной тельняшке сидит, книгу читает. У дяди ПБП зуб болит. Он садится у печки и греет его.

Ну, пока все! Излил душу, можно и кончать. На улице распогодилось - светит солнце и небо вроде голубое. Погодка, на переезд, самое то!..

26 июля. Вчера был переезд и, пожалуй, самый неудачный. Началось с того, что мы часа два прождали группу Козина. Сфотографировавшись на память, мы проехали метров триста и были остановлены громким щелчком. Лопнул балансир и один каток укатился в кусты. Едем дальше - едем хуже. Наш путь пролегал по руслу горного ручья, усеянному огромными валунами. Короче, все слезли с машины и поперли пешком. Мы с Игорем оторвались от группы, решив сократить путь, но прогадали почти на четыре километра. Как вездеход выдержал этот переезд, уму непостижимо. Перевалову можно сразу медаль давать.

На лабазе мы поставили палатку, печку и завалились отдыхать, а вездеход повез группу Козина к Галину и потом на базу. Вот и весь сезон.

НЫРВАКИНОТСКИЕ СТРАДАНИЯ

Рабочий день Дениса Доценко начался с написания объяснительной записки (обязательной бумаги для последующего наказания) и заявления на отпуск. Ему надо было срочно сдать анализы для оформления санаторно-курортной карты, потому что Денису и его жене профсоюз предложил две путевки в сочинский санаторий. В поликлинике Денису сделали кардиограмму. Во время записи его бедное утомленное сердце забарахлило. Да и было отчего! Брага на базе, драматическая переправа через Амгуэму, тяжелая работа, страхи, волнения, бессонная ночь - все сказалось. Сердце вдруг резко застучало, потом остановилось, заработало с перебоями. Аритмия с мощными высокими пиками отразилась на графике, медсестра ахнула - что с вами? Такая кардиограмма никуда не годится! Врач-терапевт заявила: «Сердце плохое, ванны принимать нельзя, лечиться нельзя, на курорт ехать нельзя, санаторно-курортную карту подписать не могу». Путевка в Сочи накрылась.

А начальник ЦГГП Свистоплясов не подписал заявление на отпуск. Он потребовал, чтобы Денис перегнал вездеход обратно на базу, то есть, вернулся к исходной позиции. Выполнить безжалостный приказ фюрера Денис не мог, ни при каких обстоятельствах,

потому что знал - это невозможно, Амгуэма не пропустит, да и психологический барьер после всего, что случилось, непреодолим.

Перевалов ремонтировал вездеход в гараже. По крайней мер делал вид, что ремонтирует. На самом деле он пил, похмелялся, надолго исчезал из гаража. Денису приходилось его искать, вместе с ним похмеляться и торчать у вездехода, контролировать водителя. Развеселый образ жизни двух мараваамцев-самовольщиков начальство усекло, но решительных мер пока не принимало. Свистоплясов каждый день требовал немедленного выезда на базу, а Перевалов все тянул, находил то одну неисправность, то другую. Денис в механике ничего не смыслил, поди разберись, хитрит водитель, или нет.

Наконец, Доценко и Перевалов, закупив вина, поехали с начальственных глаз долой. В планы Дениса вовсе не входило ехать аж на базу, второй раз переправляться через страшную реку, тонуть, а потом, неизвестно как, снова возвращаться в Нырвакинот. С Переваловым Денис договорился так. В поселок дорожников (а это ведь уже территория деятельности Мараваамского отряда) он поедет один, там угостит ребят, которые вытащили их из Амгуэмы, подварит лодку (в своем гараже этого сделать так и не удалось), форсирует реку и приедет на базу до знакомой дороге. Сам же Денис решил вернуться с полпути и, заботясь о своем будущем, на пятом километре спрятал в автомобильной покрывке, валяющейся у дороги, две бутылки вина.

Вездеход шел хорошо, Денис сидел в кабине и твердил: «Спасай меня, Витя, спасай! Вези от начальства подальше».

- Иваныч, все будет в порядке! - отвечал Перевалов.

Ехали они, ехали, сколько проехали, Денис не знал, водителю показалось достаточно, он остановил машину и сказал:

- Ну, Иваныч, вылезай. Здесь я посажу тебя на машину, возвращайся домой. Выпьем на прощанье.

Затем Перевалов остановил грузовик, идущий в поселок, Денис пожал его крепкую верную руку, сел в кабину «Урала», захлопнул дверь и поехал в отпуск. На пятом километре (аэропорт «Залив Креста») Денис покинул автомобиль, вытащил из колеса бутылки и пошел домой пешком, напевая: «У той горы, где синяя прохлада, у той горы, где моря перезвон»...

Экспедиционный АУП провожал в Магадан заместителя начальника, соседа Дениса по лестничной площадке Льва Полукружкина. Денис присутствовал на собрании, даже выступил с прочувственной речью, подчеркнул важность своего присутствия здесь как единственного геолога-полевика, поблагодарил Льва за доброе отношение к подотчетникам при списании снаряжения, отметил его выдающуюся роль при внедрении в полевой быт геологов керосиновой печки «Апсна».

АУП удивленно-осуждающе покачивал трезвыми головками - надо же, какой нахал! С поля без разрешения выехал, пьяный ходит да еще и речи толкает! Все это вслух выразил самый грубо-наглый из АУПа - главный инженер с устрашающей кликухой «Циклоп». Видя такое неуважительное отношение к своей персоне, домой к соседу Полукружкину на проводины Денис не пошел, хотя приглашение имел. Не та компания, не те люди!..

Свистопляев, так и не подписав заявление Доценко на отпуск, вылетел на Эргувеем, в страну ПБляндию, якобы для проверки хода полевых работ в сезонных отрядах, а в самом деле, порыбачить, рыбки половить, это все понимали. Ну а что делать самоотпускнику? Ему жаль уходящего лета. Пошел он со своим заявлением к главному геологу Плюсику (Журавлёв Николай Васильевич? – В.П.) и сказал ему:

- Подотчет я сдал, вездеход отогнал, пора мне и в отпуск ехать. Подпишите заявление.

- Что-то ты слишком быстро вернулся. Где вездеход, а? - ухмыльнулся Плюсик, но заявление подписал. Это была крупная удача. Бухгалтерия быстро, без проволочек, как это она умеет делать при увольнениях, произвела расчет.

- Ау, Федя! Как там с ходом рыболовных работ на Эргувееме? Давай-давай, лови! - ерничал Денис.

Его огорчало одно - отпуск он выбил не с первого августа, как хотел, а все-таки с пятнадцатого, в соответствии с графиком. А сколько приложено усилий, каких волнений и потрясении это стоило - врагу не пожелаешь!

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТПУСК-82

На материк Денис Доценко вылетел с сыновьями, а Оля с Катей (Зоя с Настей) осталась в Нырвакино до осени. В Москве Денис провел ребят по кольцевому маршруту вокруг Кремля. Проходя мимо Василия Блаженного по Васильевскому спуску, десятилетний Коля - дикий чукчонок - залез на высокий забор и засел на нем, вопя и гримасничая. Группа иностранных туристов заинтересовалась мальчиком. Проходя мимо, люди смеялись и приветствовали заборное существо взмахами рук. Кто-то сфотографировал Колю.

Достигнув Северного Кавказа, мужики-Доценки обнажились и залегли на травянистом цветущем склоне юцкой (? – В.П.) долины - загорать. Цель была достигнута, южное солнце ласкало их тела. Погостив с недельку у родичей, Денис с ребятами перемахнул на самолете через Главный Кавказский хребет, пролетел над Эльбрусом и приземлился в Адлере, на берегу Черного моря.

Растерянных чукчей, не дав ни минуты на размышления, заволок в свою машину нахально предприимчивый кавказский чалвэк и повез черт знает куда - аж в Абхазию. Денис нервничал и думал: «Куда он нас так долго везет? Зачем мы едем? Разве в Адлере моря нету? Вот же, гад, как он нас охомутил...» Мучило Дениса и похмелье. В Леселидзе он остановил машину, выпил две кружки пива, малость успокоился.

В Гантиади шофер-абрек сдал трех клиентов заказчику - симпатичной гречанке - и умотал. Чукчи, заняв свои койки в тесной каморке, пошли гулять, отведали инжира и немедленно схлопотали желудочно-кишечное расстройство. У всех троих начался понос. Хозяйка дома не на шутку встревожилась: во-первых, серуны постоянно занимали уборную, создавали очередь, мешали другим жильцам-отдыхающим оперативно облегчаться, раздражали их. Во-вторых, если об этом поносе (эпидемии) узнает санэпидемстанция, она объявит карантин и все комнаты зальет хлоркой. Квартиранты разбегутся, хозяйка понесет большой урон. «В поликлинику, пожалуйста, не ходите», - попросила она Дениса. «Ладно», - ответил Денис, купил в аптечном ларьке противопоносные пилюли и, по совету продавщицы, посадил себя и пацанов на рисовую диету. Трое суток несчастные чукчи голодали и пили рисовый отвар, по стакану в день, Жестокое испытание! Да где - на курорте! Доценки отощали, загрустили, бедного маленького Колю рвало - это была изматывающая, выворачивающая наизнанку голодная рвота.

Для поддержания бодрости духа Денис предложил сыновьям, дополнительное лечение - смехотерапию. С их помощью он сочинил песню о поносе, исполняемую на чукотский мотив. Голодные дети с ввалившимися животами пели эту песню, били в импровизированный бубен, пританцовывали и хотали. После каждой строчки повторялся классический чукотский припев - ийя-ийя-а.

На нашу мечту, ийя-ийя-а,

Прилетели мы на «ТУ», ийя-ийя-а.

Абхаз подобрал... на тридцатку ободрал...

В Гантиади нас привез,... начался у нас понос,...

Песня нарастала по мере развития событий. Небо, сочувствуя поносникам, затянулось траурной пеленой темных туч.

Пошли тут дожди, ийя-ийя-а,

И солнца не жди,

Ко всему прочему что-то случилось с Васиной головой -

А шею Васек повернуть не мог

И глаз закосил, сильно занемог.

Вот такая грустная картина на веселом берегу Черного моря:

Коля каждые полчаса в туалет бежит,

А Васек на матрасах как тюлень лежит.

В конце концов, все наладилось и бывшие засранцы спокойно валялись на пляже у белых доломитовых скал, отполированных прибоем, купались в удивительно теплой и прозрачной воде сине-зеленого (аквамаринового) цвета.

Потом все прошло, ийя-ийя-а,

И солнце взошло, ... море, воздух, чудный пляж, ...

Был прекрасен отдых наш, ийя-ийя -а!

Черноморская неделя пролетела быстро, дольше оставаться было нельзя - ребята ждала школа. Великолепно, с цыплятами табака, шашлыками и сухим вином, покушав в ресторане адлерского аэропорта, Денис и его сыновья вернулись в Минводы, а оттуда - в Тольятти, на свою кооперативную квартиру.

Да! этот великий, исторический для семьи Доценко момент наступил - кирпичный четырнадцатизэтажный дом - свеча на опушке леса - был построен, квартира в нем по жребью (тянула Валя, Олина сестра) получена на тринадцатом этаже! Квартира прекрасная, четырехкомнатная, с большой лоджией, видом на Жигулевские горы и Куйбышевское водохранилище («Жигулевское море»). Денис был преисполнен чувства гордости - он сделал-таки жилье на материке, он выполнил свою главную задачу!

Приобретая самые необходимые вещи, Доценки начали жить в своей волжской квартире, осваивать новое место, привыкать к нему. А место отличное, чего уж там говорить - с одной стороны лес, с другой – широченная (пять километров) река, а воздух!..

Итак, сентябрь, золотая осень, дивный град Тольятти, Комсомольский район. Мальчики ходили в школу, расположенную рядом с домом, их мамка отдыхала-лечилась в сочинском санатории, а Денис вел домашнее хозяйство, готовил примитивные завтраки, ужины и, в неограниченном количестве поглощая "медвежью кровь", красное болгарское сухое вино, на нем и держался.

Оля Доценко, возвратясь с черноморского курорта посвежевшей, помолодевшей, быстро ликвидировала это безобразие. Она остановила разгулявшегося мужа, помыла, почистила и причесала детей, наладила нормальный семейный быт. В конце декабря Денис со старшим сыном Василем вылетел на Чукотку - его отпуск кончился. Уезжать из Тольятти без жены Денису не хотелось до жути, до слез, прощание с ней было ужасным, сердце Дениса разрывалось от тоски. Ему стало легче только в буфете аэропорта «Курумоч», где наряду со всевозможными закусками продавались и стограммовые дорожные шкалики превосходного портвейна. «Все-таки, вино, иной раз - очень необходимая и полезная штука», - пропустив несколько шкаликов, произнес успокоенный Денис.

Провожая мужа на Чукотку, Оля сказала: «Ничего хорошего там тебя не ждет». Денис и сам это прекрасно понимал, но что поделаешь - возвращаться надо, независимо от того, нашкодил ты или нет, ждет тебя наказание или награда. Прилетел он в Нырвакинот, узнал - ничего особенного, обыкновенный строгий выговор. Гораздо страшнее было другое - в Маравамском отряде произошла трагедия. Было так. Проводив Дениса в Нырвакинот на попутной машине, Перевалов доехал до поселка дорожников и там пропал (загудел). И.о. начальника отряда Козину Свистоплясов дал приказ: найти вездеход и перегнать его на базу. Через Амгуэму Козина перебросили на вертолете. Найти в поселке загулявшего водителя труда не составило. Кружным путем, через верховья, найдя брод, машину удалось провести на левый берег Амгуэмы, и полевые работы были возобновлены. Было сделано несколько поездок между лабазами, ничего вроде бы не предвещало беды. И вдруг, совершенно неожиданно для всех, прямо за рычагами вездехода Перевалов умер. Наталья овдовела, а ее сын, маленький, похожий на папу Перевальчик (по имени Денис – В.П.), осиротел. На водительское место сел геолог Валера

Яковлев, осиротевший вездеход нехотя подчинился ему. Полевики, кое-как, дотянули до конца сезона, геологическое задание, хоть и с большим трудом, но было выполнено.

ВСТРЕЧА В АНАДЫРСКОМ АЭРОПОРТУ

В сентябре Кирилл Пухов возвращался из отпуска. В анадырском аэропорту его увидел, возвращавшийся из командировки, магаданский куратор Андрей Шавкин.

- О, Кирилл Сергеевич, здравствуйте! У вас есть на чем сидеть?

- Здравствуйте, Андрей Николаевич. Пару стульчиков мне удалось захватить.

- Вот хорошо, идемте, присядем, а то я зверски устал, вторые сутки хожу-хожу, сесть негде. Вы из отпуска?

- Ага. А вы откуда и куда?

- В Магадан, из Нырвакинота. По вашим отрядам удалось пролететь. Был у Веника, Воронова, Мишина (Гришина) и Козина (Козлова).

- Ну и как?

- Ужас! Ни в одном отряде нет сводных карт! Представляете, они, как дикари, рисовали мне на песке геологическую ситуацию и перспективы. Кошмар!

- Странно. Такого раньше никогда не бывало. Я сам часто по отрядам летал, всегда у всех карты рисовались оперативно. Вы, Андрей Николаевич, просто неудачно попали, ей Богу.

- Черт его знает, может быть. Что с вами? Почему вы так покраснели, Кирилл Сергеевич?

- Я? Покраснел? А, так это наверно потому, что на нас с вами смотрит симпатичная дама. Вон, у стенки стоит. Вот я и засмутился под ее взглядом. Я очень стеснительный, ей Богу.

- Черт его знает, может быть. Так вы думаете, что мы ей понравились?

- Скорее всего, ей нравятся наши стульчики. И она думает: «Есть ли в этом зале джентльмены?»

- Ха-ха-ха! Джентльмены есть, местов нету.

- Это верно, пусть постоит, еще молодая. Значит, Андрей Николаевич, ничего положительного вы у нас в экспедиции не нашли?

- Ну что вы, Кирилл Сергеевич! Во всех отрядах, в которых я побывал, поисковые результаты отличные! Какие у Виноградова аммониты, грандиозные аммониты! Чудо, прелесть! А посидонии! Какие посидонии! Пальчики оближешь! А флагрины! Нет, это просто замечательно, сборы небывалые, потрясающие!

- Да, я вижу, дорвался Виноградов до живности. Как же это ему удалось? Постой, постой, а Малыш с ним ходил?

- Какой Малыш? А, собачка! Да-да, постоянно ходил.

- Теперь мне все ясно. Это Малыш и разнюхал залежи ракушек, Женька тут ни при чем.

- Черт его знает, может быть. Если так, то этого песика надо зачислить в штат экспедиции, старшим геологом. Пусть ходит в поле, ищет ископаемую фауну.

- Я думаю, Андрей Николаевич, Малыша можно и на руду натаскать.

- Да? это будет прекрасно. Направим его на «Мечту», пусть помогает Виденко канавы задавать. Глядишь, и попрут рудные тела!

- Вы правы, Андрей Николаевич. Я чувствую, что без помощи Малыша нам нашу «Мечту» не раскрутить. Возмемся с ней, возмемся, а толком ничего не можем сказать. Точно! Для выяснения перспектив этого объекта надо направить Малыша.

- Ну что ж, попробуйте, чем черт ни шутит. Да, вы знаете, Кирилл Сергеевич, мне понравился ваш Озорник.

- Озорник? А это еще что за собака?

- В отпуске вы все забыли. Никакая эхо не собака, это перспективный оловоносный участок на площади Марваамского отряда, открытый Доценко в прошлом году.

- А, припоминаю, это участок, на котором Польский весовой касситерит намыл?

- Да-да, по притоку ручья Озорник. А сейчас там работает Галин, металку делает и копуши. У него живой касситерит пошел. Отличный, я вам скажу, поисковик! Надо будет отметить его по Объединению.

- Ну что ж, Галин заслуживает поощрения. А как там Свистоплясов без меня обходится?

- Свистоплясов молодец, крутится. Но я заметил за ним одну странность. Понимаете, сидит за столом, смурной такой, насупленный, обложился учебниками по гидрогеологии и читает их запоем.

- Странно, что это его на воду потянуло.

- Я как-то его спросил, он что-то пробурчал, я плохо понял, но мне послышалось, что он хочет шуку драть.

- Может быть, Щукину?

- Черт его знает, может быть. А за что? Я у нее не был.

- Приеду-разберусь. Тихо! Что-то объявляют! Ага, Залив Креста! Бегу! Пока не прощаюсь, держите место, а то, может быть, еще и не улечу.

Пухову повезло - он попал на борт и, наполненный информацией о полевом сезоне-82, прилетел в Нырвакинот. Тут он оформил пенсионное удостоверение, получил пенсию за четыре месяца и крепко ее обмыл. Один из гостей спросил его: «Ну что, Сергеич, теперь можно и на материк?» «Э, нет! На Чукотке я - Пухов, а кем я там буду?» - ответил ветеран-пенсионер.

БЕДА

Денис Доценко вышел на работу в начале января восемьдесят третьего года, после новогодних праздников, которые его измотали вконец. Оказалось, что тугодум Козин так и не смог написать информационный отчет за прошедший полевой сезон. Пришлось Денису срочно заняться этим, Свистоплясов каждый день заходил, требовал, угрожал - ну что Денис мог быстро сделать, не зная результатов полевых работ? И все же информация была написана и сдана. Нервотрепка кончилась, началась спокойная камеральная жизнь.

Однажды после работы Денис зашел к Вите Галину и Люсите. Сотрудники выпили, поужинали. Хмель свалил голубков, они про гостя забыли, разделись догола и улеглись в постель. Превратившись в невинных первородных супругов Адама и Еву, они сотворили грех и блаженно уснули. Полуболававшись этой трогательной библейской картинкой, Денис удалился в свою скучно-холостяцкую квартиру.

В феврале Доценко и Галин погорели. В понедельник, похмелившись с утра, они явились на работу в нетрезвом состоянии и попались на глаза начальству. Этот день им засчитали как прогул, обсудили на общем собрании коллектива, вынесли общественное порицание. Начальник экспедиции немедленно издал приказ, согласно которому Доценко из начальника отряда превратился в простого геолога (кинули через один ранг), а геолог Галин стал техником-геологом. Получив по заслугам, друзья-собутыльники покинули здание экспедиции и отправились на квартиру Галина, где хорошенько отметили новое назначение.

Ночью, уходя домой, Денис по ошибке вместо своего пальто надел Витин полушубок. На улице ураганный северный ветер снес пьяного дурака далеко в сторону от его дома, загнал в морпорт. Денис попал на пирс, свалился с него в торосы, крепко ушибся и начал быстро замерзать (шапки и рукавиц у него не было). Выбраться на крутой берег он не мог и, понимая, что погибает, закричал: «Спасите! Замерзаю!» К его великому счастью, слабые далекие крики услышала дежурная на КПП морпорта, сидящая у ворот в своей теплой будке с телефоном. Она вызвала скорую помощь, медики Дениса нашли, втащили наверх и, в сильно переохлажденном, бессознательном состоянии доставили в больницу в хирургическое отделение. Дежурные врачи раздели бесчувственного клиента,

обложили горячими грелками, накрыли теплым одеялом. Через некоторое время крупная дрожь-колотун начала сотрясать холодное тело, замороженный стал отходить-оживать.

Утром Денису захотелось в туалет, и он попросил одежду. Спасавшая его медсестра с ворчаньем нашла ему старые больничные кальсоны, Денис их напялил, стал на ноги, сделал шаг, другой... Ощупав себя, он убедился, что руки-ноги целы, а вот морда побита, да кисти рук и уши сильно обморожены. На лицевых рассечках - хирургические швы, когда их успели сделать, он не помнил.

Оклемавшись, Денис решил - надо действовать. Он позвонил Пухову, сообщил, что находится в больнице и попросил передать сыну Васе, чтобы зашел. Пришел Вася, увидел бито-мороженого отца, удивился. Денис попросил сына отнести полушубок Вите Галину и взять у него пальто. Заказал он ему и белье, полный комплект, потому что старое в употребление больше не годилось.

Через день Денис попросил лечащего врача выписать его из больницы. Хирург и медсестра были поражены. «Невероятно! Никаких последствий! Даже не чихнул!» - воскликнули они и отпустили с Богом. С забинтованными руками, синяком под левым глазом, швами на лбу и подбородке Денис появился в экспедиции. Маруся Виноградова всплеснула руками:

- Ты откуда?

- С того света, - ответил Денис. И он был недалек от истины.

В стенгазете «За недра Чукотки» появилась карикатура на Доценко, а под ней сатирические стихи:

На пирс беднягу занесло. Но, где же лодка и весло?

Мороз, торосы, ветер злой, что выжил - просто повезло.

Судьба Денисия (Евгения) хранила - ему лишь кисти прихватило

И только раз, толкнув в живот, хирург промолвил: «Идиот!»

Держись, геолог, будь здоров, вином отнюдь не увлекайся

И, забыв про докторов, трудись, твори и улыбайся!

По просьбе Ларисы Ухановой, нарисовавшей карикатуру, стихи написал сам Денис. «Все, с пьянкой покончено окончательно и бесповоротно!» - дал клятву Денис. У администрации ВЧГЭ свои намерения - упечь Доценко на стационарное лечение в наркологию или даже в ЛТП. Денис ходил, просил, умолял - не надо стационара, это же минимум сорок неоплаченных дней, семью кормить будет нечем, дети с голоду помрут! «Я пройду амбулаторное лечение и буду работать», - обещал он. Уговорил, поверили, согласились.

И начал Денис лечиться тетурамом. Ходил в поликлинику ежедневно, систематически, точно по расписанию, лечился честно, без булды. А неофициальным начальником отряда снова стал бедолага Козин - козел отпущения. По всем камеральным вопросам ПБ (Свистоплясов) обращался к нему, его ругал, с него требовал. Глядя на несчастного Козю, которому он подложил свинью, Денис хохотал. Ему нравился трезвый образ жизни. Он много резал по кости, активно следил за учебой сына, вел домашнее хозяйство, по выходным дням бегал на лыжах, отпустил усы, ухаживал за ними и чувствовал себя великолепно. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Денис Доценко был геолог до мозга костей - веселый, оптимистичный, неунывающий и даже лишение вина его не изменило.

Экспедиционные женщины, особенно оформители, не могли нарадоваться, глядя на трезвого, жизнерадостного геолога и хвалили его. Денис их тоже хвалил, в долгу не оставался. Восьмого марта он написал:

Позвольте поздравить вас, милые дамы,

Приятные женщины, нежные мамы.

Мы вам выражаем почтенье свое

И только для вас серенады поем.

При виде вас, мы цепенеем,

Мы произносим только - ах!
 Цветами забросать не смеем,
 Они, увы, растут в горшках.
 Пока в снегу залив Креста,
 Букет цветов вообразите
 И нас улыбками сразите,
 Открывши алые уста.

Конкретно картографам Лорику и Ирке-Кузе (Люда Кузьменкова? – В.П.), их слова:

Мужчины, входите к нам чаще,
 Мы вам настроенье поднимем.
 Ведь с нами беседа - нет слаще,
 А коль не поможет - обнимем.
 Прекрасно, чудесно мы чертим –
 И все недовольны вы, черти!

Для машбюро (Ивановой Лиде)
 Стучит машинка - тра-та-та!
 На строчки глянешь - красота!
 Прочешь захочешь - все понятно,
 И ей почет, и нам приятно.

Для лаборатории (Римме Крюкановой, Ирине Свистоплясоной, Тамаре Котовой):

Мы - творцы месторождений,
 Ждем похвал и награждений,
 Миллионы алых роз. Кто подарит - вот вопрос...

Геофизику Тане:

Геофизика - наука! С ней, геолог, не шути.
 Без нее в маршруте - мука!
 С нею - сможешь все найти.

Заведующей геофондом Рите Кутенковой:

Сидячий образ жизни плох,
 Я мчусь на лыжах, с ветром споря.
 Не зная бед, не зная горя, не зная «ах», не зная «ох».

А вот статья Дениса Доценко в стенной газете, посвященной дню геолога.

«В этот праздничный день я хочу отметить рост популярности геологии. За что уважают нашу экспедицию вышестоящее начальство и руководители других предприятий? Конечно же, за минерально-сырьевые ресурсы, а точнее, за камнецветное сырье. Сегодня геологом себя считает не только тот специалист, который в поле ходил и держал в руках большой геологический молоток с длинной рукояткой, но и любой из обитателей нашего поселка, державший любой молоток. И даже не обязательно молоток - и гаечный ключ, к топор, и баранка, и штурвал, и шариковая ручка, и телефонная трубка в руках рабочих и служащих различных предприятий района являются признаком причастности к геологии. Свидетельством тому являются домашние коллекции - у кого их только нет! Страстная любовь к красивому камню, а, стало быть, и к геологии, и к геологам, стала характерной чертой нашего времени. Агаты и кристаллы в руках деловых людей стали разменной монетой, волшебным ключиком, открывающим любые двери. Они

превратились в громадную пробивную силу, они стали той живительной, чудодейственной смазкой, без которой невозможно сдвинуть с места ни один производственный воз. Вот почему именно сегодня, в наш профессиональный праздник, я предлагаю тост за нашу популярность, за то уважение, за тот глубокий интерес, который проявляют к нам представители других организаций. Короче говоря, за наших смежников!»

На экспедиционном камнерезном станке в это время работал мастер на все руки Слава Майоров. Делал он срезы и светлодонных агатов Мараваемского отряда. Некоторые из них, несмотря на тонкую трещиноватость, были отменно хороши. Однажды Слава принес Денису полностью обработанный (полированный), изумительный по красоте сиренево-голубой агат,

- Одну половину я взял себе, вторую, вот эту, дарю тебе, - сказал он.

- Только сперва надо показать главному геологу, он просил показывать ему новые интересные срезы, для информации, чтобы быть в курсе дела.

- Слава, это опасно. В этом камне такая тонкая, волнующая красота. А вдруг отнимет?

- Да ну! Я ему окажу, что это твой образец.

- Ну, смотри...

И пошел Слава к Плюсику, понес ему камень казать. Глазки у Коли заблестели, он потер ручки и облизнулся.

- Это срез Доценко, - предупредил Слава.

- Ага! Позови его сюда.

Слава привел Дениса в кабинет главного геолога.

- Беру за фук! - сказал Плюсик, давая знать, что в игре с ним Доценко зеванул, и положил агат в свой стол.

Ограбленный Денис возвратился на рабочее место, весьма сожалея о потерянной красоте и досадуя на наивного Славу,

- Подарил, называется, змей! - сказал он другу.

Слава только ручками развел и пообещал сделать новый срез.

В день геолога начальники отрядов поминали недобрым словом снабженца, начальника ОМТС Гришку Мудренко, крохобора и стяжателя.

Не списание, а мука! Хлам негодный - покажи!

Говорит Мудренко - ну-ка, разорватость докажи!

Миски мягые, жестянки, без головок примуса,

Гвозди гнутые, портянки в наши шлите адреса.

Всю дырявую посуду, шерсть и клочья кукулей

Вывози! Я щупать буду! Вертолетов не жалей!

Денис Доценко язвил-ехидничал и по другому поводу: «Большинство сотрудников экспедиции с восторгом приняло строгие меры администрации по наведению дисциплины и с огромным удовольствием и воодушевлением по много раз в день записывается в журнале прихода – ухода – прихода – перехода - захода. Однако в нашем здоровом трудовом дисциплинированном коллективе все еще находятся отдельные личности, которым новые порядки не по душе. Вот что эти несознательные личности говорят в кулуарах:

Нас начальство запугало, стиль анадырский ввело.

Жизнь унылая настала, стало нам невесело.

Посудите сами, люди, есть тут логика или нет –

Мы под запись скоро будем отлучаться в туалет!

Критиковался увлекшийся шлихогеохимией (шлихокутей) старший геолог Боря Кутенков, отбиравший недомытые шлиховые пробы большого объема и тайно, в замаскированном виде, сдававший их на спектральный анализ. Этими пробами он чуть ни

вывел из строя спектроскоп. Ох, и ругались же Тамара и Римма, когда выявили диверсанта! Он их достал! Он их заколебал! Они ему, паразиту, пообещали...

Ах, у нас беда случилась, странная история;

Шлихокутей возмутилась вся лаборатория.

«Спектроскоп сломался, что ли?» - плакала Крюканова.

- Что они набрали в поле? Надо делать заную.

Не ходи к нам, милый Боря, не подсовывай шлиха,

Дрын возьмем - хлебнешь ты горя! Доведешь нас до греха!

В конце декабря 1982 года совершил свой последний геологический подвиг старший геолог ЦГПП Федор Свистоплясов. Дело было так. НРС ВСЕГЕИ категорически отказался принять как автора листа и его защитника науканца Гнутова, потому что с одним листом он у них уже побывал и сдал очень плохо. А лист горел, его надо было срочно защищать. Вместо Гнутова в Ленинград полетел Свистоплясов. Накануне нового года ПБ защитил во ВСЕГЕИ гнутовский лист, предварительно исправив все замечания НРС, быстро довел его до ума, сдал на хрен и с победой возвратился домой. Затраты по составлению листа были списаны вовремя. «Ай да Федя! Ай да молодец!» - восклицала геологическая братва, восхищаясь необыкновенными способностями этого сурового человека. Отражая переход Свистоплясова на кабинетно-канцелярскую работу, Денис написал эпиграмму, основанную на его кличке – ПБ.

Природы брат ты был всегда,

Прошли Бродячие года,

Пора Бойцу теперь сидеть,

Пером - Бумагою владеть.

Вспоминая прошлое, геологи готовились к новому полевому сезону. Передав ЦГПП Свистоплясову, после двадцатилетнего сидения за канцелярским руководящим столом, расправил свои могучие крылья кавалер ордена Трудового Красного Знамени и Ордена Дружбы Народов, Заслуженный старпер Кирилл Пухов.

Начну, пожалуй, все сначала –

Вторая молодость настала.

О, поле - поле, снова ты!

Лишь о тебе мои мечты.

Подолгу глядя на сводную геологическую карту Чукотского полуострова, Пухов страстно возжелал поехать на восток, в район Колючинского прогиба, где выходила странная, ни на что не похожая толща осадочных пород. Надо было с ней разобраться. К тому же, на побережье Колючинской губы с давних пор были известны россыпные проявления золота, надо было изучить геоморфологию впадины и оценить ее перспективы на поиски погребенных россыпей. Кирилл сам себе выбрал и оконтурил площадь, написал проект и геологическое задание, убедил магаданское начальство в целесообразности и необходимости ревизионных работ в Колючинском прогибе. Лето 1983 года он провел в поле, отпустил прекрасную, окладистую, богатырскую бороду и собрал хороший материал.

Разделавшись с Межгорным отрядом ГТС, стал листовиком-двухсотником Юра Благоволин. Территория листа включала побережье Берингова моря, сложенное рыхлыми четвертичными отложениями (индекс - Q). Юрка из-за этого сильно переживал, потому что четвертичку недолюбливал и плохо знал.

Раньше я не ведал горя, мог на Q не отвлекаться.

А теперь, увы, у моря чвычкой должен заниматься.

Был возрожден - в который раз! - Пепенвеемский поисково-разведочный отряд.

И снова Пепен, и опять. Опять! И снова Пепен!

И три, и пять, и двадцать пять -

Объект великолепен.

Возвращение на вулканогенное чукотское Эльдorado означало не только желание найти, в конце концов, большое рудное золото, но и запастись канэнмываамскими агатами и эргувеемскими гольцами.

Эльдorado-Эльдorado, кукулиная кровать.

Мы на Пепен ехать рады, чтоб моталкой покрывать.

Мы на Пепен ехать рады, золотые там гольцы.

Будут нам они наградой, потому что – молодцы!

И еще на одно историческое место - на Телекай, на легендарные точки Серпухова, которые Крюканов считал уже давно открытыми, снова отправляются геологи, геофизики, геохимики и топографы. Высокогорные хребты ждут молодых, здоровых, задорных ребят, способных не только подняться на заоблачную вершину, но и спуститься с нее, не теряя при этом чувство юмора под увесистым рюкзаком, до отказа набитым штучными пробами.

На заоблачных высотах будем мы руду искать,

Но грызет одна забота - как бы Карлсонами стать.

Если б лопасти на кобчик да моторчик на живот,

Мы б тогда в маршрут летали, не съедал бы спину пот.

Ах, куда ты подевалась, оловянная руда?

Мы разыщем, мы докажем! Круты горы - не беда!

Выдающимся событием прошедшего года было завершение ленотапской россыпной эпопеи, защита отчета и передача запасов в ГКЗ. Геологи злословили - дело выгорело благодаря энергии и связям коренной москвички Ирины Кузиной, которая отвезла материалы в Москву и протолкнула их куда надо. «Кто его знает, - рассуждали оформители, - такое могло быть, от Ирки-Кузи что угодно можно ожидать». Как бы то ни было, со второй попытки материалы были сданы. Это была трудная победа камеральной группы разведчиков во главе с Трахманом. Но, впереди - новые заботы и тревоги.

Слава Богу, сдали Ленотап, это уже пройденный этап.

А запасы быстро тают, а Колечки улетают,

Кто же нас на россыпь наведет?

Про разведку редко мы поем, тайны мы ее не выдаем.

Все в разведке шито-крыто, хоть и россыпь не открыта,

Но зато объемы велики!

Телекай наш теплится едва, где же вы запасы по С-2?

Рудных тел больших не видно и разведчикам обидно –

Новая не лучше голова.

Без прироста Трахман-гут сердит и АУП без премии сидит:

" Экономика прекрасна, но трудились мы напрасно -

Стимул материальный позабыт».

АНОМАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Равномерно-однообразная камеральная жизнь геологов время от времени нарушалась эмоциональными всплесками, подобными тем, которые производит крупная рыба на глади тихого озера. Одним из возмутителей спокойствия стал Слава Майоров, давно страдающий мочекаменной болезнью, хронический «каменщик». Почечные камни разной формы и величины, болезненно выходящие через член, Слава собирал, складывал в спичечный коробок, приносил на работу и с гордостью, как драгоценные жемчужины, демонстрировал перед товарищами, вызывая у них искреннее удивление. Такими достижениями в экспедиции никто более похвастаться не мог. Когда «созревший» камень начинал движение по мочеточнику и возникала острая режущая боль, Слава вынужден был принимать обезболивающие наркотические средства, которыми его, в неограниченном количестве, снабжала жена Варушка - медсестра. Однажды получилась передозировка и Слава чокнулся. С безумными глазами он метался по экспедиции и орал:

«Хрен пройдет! Не на того напали! Вам меня не взять! Вы думаете, Майоров слабак, с ним все что угодно можно делать? Не выйдет! Я вам покажу, ёкарный мамай! Вы думаете, мои родители померли? Нет! Для меня они в живых! Котову я не боюсь! А этому падле Свистоплясову яйца оторву! Не подходите ко мне! Не трогайте меня! Пошли вы все на х—!»

Испуганная секретарша позвонила в медлабораторию, вызвала Варушку. Та прибежала и увела разбушевавшегося мужа домой, успокоила.

Нечто подобное происходило и с Альбертом Беловым, но по причине иной – алкогольной. Этот большой, мускулистый парень с маленькой головкой и узким морщинистым лобиком, бывший боксер-перворазрядник, спокойный, тихий и трудолюбивый в трезвом виде, напившись, превращался в сексуального бандита и дикого ревнивца по отношению к жене своей Зинке. После Ленотапа, где он первым обнаружил видимое рудное золото, и Право-Чаантальского группового отряда, где в пьяном виде сел на раскаленную печку-буржуйку и поджарил муде, в сезонки больше не ходил. Его перевели в Буровую партию, дизелистом (после шестимесячных курсов).

Поисково-разведочные работы на россыпное золото велись вахтовым методом – месяц в поле, месяц – дома. Возвратившись из тундры, Альберт действовал стандартно – шел в баню, затем напивался и, как бугай, набрасывался на свою маленькую, некрасивую, в молодости чрезвычайно любвеобильную и податливую жену, и загонял ее до умопомрачения. Зинке такой неистово-ненасытный любовник мог бы и понравиться, если бы во время акта он ее не душил и не выпытывал: «С кем ни этот раз е—сь? Кому дала, говори, блядища!»

Если Зинки дома не было, Альберт проводил дознание у малолетней приемной дочери. Он хватал ее своими ручищами-клевнями, тряс и спрашивал: «Кто к мамке приходил, когда я в тундре ишачил? Ты мне скажешь, зараза, кто маму е—л?»

Случалось, что Альберт Зинку нещадно колотил (а кулачищи-то у него – по чайнику!), выкручивал ей голову, пытался размазать по батарее, таскал за волосья. Зинка с воплями вырывалась, оставляя клочья своей шерсти в лапах разъяренного супруга («Ателы», как она его называла), убегала к соседям – Свистоплясовым. Здесь ее принимала до крайности возмущенная Ирина, а Федор, перевоплотившись в спецмедбрата, шел к Альберту и умирал его. Это было не трудно – при виде еще более свирепой, чем у него самого, физиономии бузотер успокаивался и дрожащей рукой наливал вина – себе и соседу. Если же Альбертино сразу уговорам и устрашениям не поддавался, на помощь Свистоплясову прибегал Саня Крюканов. Так восстанавливался мир в семье Беловых.

Бывали и другие варианты в поведении перепившего Альберта. Однажды он уличил жену в шпионаже – на кухне замигала лампочка и бдительный Альберт догадался, что это Зинка передает шифровку.

- Ага, попалась! Шпионка! Я давно тебя подозревал! – заорал он, набросился на жену, заломил ей руки за спину и начал пытать.

- Говори, зараза, на кого работаешь? – задал он первый вопрос, огреб волосья на макушке и стукнул иностранного агента лбом об стол. Зинка заверещала, прибежали Свистоплясовы.

Когда Альбертино Зинку не трогал, у него начиналась белая горячка. Он убегал из дому раздетый на замерзшую бухту, там по-волчьи завывал и орал «спасите!» Федор и Саня вылавливали безумца, обмороженного приводили домой, сдавали Зинке. Альбертино каялся, плакал, просил прощения у жены. Зинка тоже плакала и прощение давала. Отдохнув, таким образом, месяц, Белов на вахтовке отправлялся в трезво-здоровое поле и там очищался, приходил в себя. Зарабатывал он хорошо, за что Зинка его и терпела.

У всех на устах бывал нередко и главный геофизик, кандидат технических наук Марк Серов (Марк Павлович Седов), убежденный, профессиональней пьяница. Выходных и праздничных дней ему для питья не хватало. И тогда, чтобы правильно, по-научному

сбалансировать трезвые и пьяные дни, он ввел промежуточный «приемный» день - среду. По коридорам экспедиции разносились громкие выступления Марка, сопровождающиеся заразительным смехом. Трезвые геологи снисходительно ухмылялись, все знали - у Марка «приемный день». Употребляя в рабочем порядке, для повышения тонуса и производительности труда, Марк держался молодцом. Но когда он бывал к компаниям, то напивался до упаду и возвращался домой на бровях. Встречая его, пронзительно-горластая жена Рая на всю улицу вопила: «Опять нажрался, свинья засратая!»

- Раечка, Раечка, тихо, тихо, - мычал Марк, протискиваясь в дверь.

- У-у-у, падла! - визжала Раечка и с размаху давала «свинье» мощную затрещину.

Марк покорно валился на пол.

- Вставай, вставай, свинья засратая! - снова вопила расходившаяся супруга и тащила тело на диван.

Весь подъезд знал - Марк пришел домой, Марк лег спать. Все нормально.

Серов терпеливо сносил издевательства своей ненаглядной хохлушки. «Она у меня четвертая жена, - говорил он, - ее я не брошу, я не могу больше менять жен, надоело».

Со времени возвращения Дениса из отпуска прошло пять месяцев. Наступил новый полевой период. У экспедиционного начальства возник сложный вопрос - кого ставить начальником Мараваамского отряда на сезон? Свистоплясов, контролируя «опального поэта», пришел даже как-то к нему домой, вроде бы по делу - надо было встретиться с корреспондентом газеты «Магаданская правда», проживающим в гостинице «Рамкыльыран» («Большая Яранга» - В.П.). Денис в это время сидел на кухне и вырезал на моржовом клыке пышнотелую, бедрастую «чукотскую Венеру», очень похожую на Олю, возлежащую на вывернутом кукуле. Ножку красавицы щекотал белый медведь. Таков был сюжет. ПБ хмыкнул, хотел было взять клык и внимательно его рассмотреть, но Денис не дал, перевернул изображение обратной стороной кверху.

- Так что там хочет твой журналист?

- Узнать о досуге геологов. По работе я ему все рассказал, а про досуг ты лучше знаешь.

- Ладно, пошли.

Поддатый корреспондент пил вино, был возбужден и много говорил, излагая свою точку зрения. Денис, слушая его разглагольствования, пару раз подловил его на слове, пошутил. Журналист оказался обидчивым, легко ранимым существом. «А вы не ерничайте! - вскрикнул он, покрываясь красными, как портвейн, пятнами - Не ерничайте! Наши статьи имеют для нас жизненно важное значение, они нами выстраданы, да!»

Извинившись, Денис и ПБ покинули психованного журналиста. Денис так и не понял, чего он от него хотел. А ПБ хихикал: «Хорошо ты его поддел. Теперь он от нас отвяжется».

Вскоре после этого случая вопрос о начальнике Мараваамского отряда был решен. Свистоплясов, зная нерасторопность и слабоволие Козина, настоял на том, чтобы начальником снова стал Доценко, потому что он после лечения превратился в совсем другого человека - абсолютного трезвенника и ему можно доверить руководство коллективом.

Свою временную непьючность Денис доказал на пятидесятилетие Друга Виноградова, Его он поздравил так:

Оно б, конечно, выпить надо,

В День Юбилея надо пить,

Гитарный звон и серенады

На трое б суток залупить!

Но что поделаешь, дружище –

Теперь иные времена,

Теперь, увы! Не пьем вина,

Чтоб стать порядочней и чище.

Всухую вынужден тебя
 Поздравить, искренне любя.
 В июне восемьдесят третьего был юбилей и у другого знаменитого человека Северо-Востока - Блямберга. Ему в Магадан были отправлены такие вирши.
 Чукотка ветерана помнит!
 Его слова, его дела,
 В разведку недр вклад огромный
 Еще пурга не замела.
 Вам шестьдесят? Не может быть!
 По виду - юноша задорный.
 Коль Люда есть и дух упорный,
 То можно про года забыть.
 Нырвакилот, залив Креста
 Шлют с Юбилеем поздравленья
 И пожеланье лет до ста
 Прожить, врачам на удивленья!

ЦИКЛ – IX (1983 – 1986)

В состав Мараваемского отряда влилось три татарина сразу - молодые специалисты из Казанского университета Валера и Анас и вездеходчик Гриша. Причем Валера и Гриша - из крещеных татар, с русскими фамилиями (Яковлев, Кудряшев) - ребята черноволосые, добродушные, а мусульманин Анас Сейфулин - рыжий, заводной, отменный пьяница и матершинник. По деловым же качествам все волжане были хороши - трудолюбивые, добросовестные (среди геологов-полевилов иных и не бывает). Возглавлял казанскую группировку флегматичный мариец Генрих Козин (Герман Козлов – В.П.).

Здесь следует заметить, что зимой в конторе и летом в поле, один и тот же геолог - не одно и то же. Геолог на камералке - все-равно, что зверь в клетке, его поведенческие инстинкты угнетены. Но стоит выпустить его на волю, как он превращается в естественное первобытное существо. Одна из песен Дениса содержит такие строки: «В тундре превращаюсь в человека, в поле становлюсь я сам собой. Там плевать мне на проблемы века, мать-природа там владеет мной».

Главной поисковой задачей Мараваемского отряда в сезоне-83 было изучение оловянного месторождения, открытого Козиным в прошлом году. Анализы проб из кварц-касситеритовых жил показали высокие содержания металла, участок стал первоочередным для проходки канав. Денис долго соображал, как назвать объект, как его окрестить. Ближайший крупный ручей - Отросток, ручей помельче, пересекающий редкое поле - Дева. Коллектив отряда решил, что оба названия неприличные, имеют сексуальный привкус, но Дева все-таки предпочтительнее. Да и первооткрыватель – старый холостяк, ему это имя должно быть приятным и даже желанным.

Генрих, ты на Деву согласен? - спросил Денис.

- Вот, что это? Какая разница, как назвать. Мне все равно, - отмахнулся Козин.

- Ты заварил кашку, тебе и большая ложка - хлебай. Будешь изучать Деву. Сам не справишься - Валера поможет.

- С удовольствием! - бодро ответил комсомольский активист.

В задачу Дениса входило детальное изучение складчатого основания меловых вулканитов - триасовых осадочных пород. За камеральный период выяснилось, что они - самое слабое место на карте. Для них нет опорных разрезов, во многих стратиграфических подразделениях нет фауны и флоры, возраст их неизвестен и взаимоотношения не ясны. Никто, кроме Доценко, справиться с этими проблемами не мог, другие геологи имели свою узкую специализацию (по вулканитам, по магматизму, по полезным ископаемым, по четвертичным отложениям).

При защите геологического задания (программы полевых работ) руководство экспедиции определило главной задачей Доценко как начальника отряда контроль за поисковыми работами, особенно на месторождении Дева. Денис заявил, что этот пункт программы для него невыполним, поэтому что все его время расписано на весь сезон по дням и лабазам. Если не будут расчленены осадочные породы (флишоидная толща), карта будет некондиционной и отчет не пройдет.

- Кто-нибудь другой может этим заняться? - спросил начальник экспедиции Каталенко.

- Нет, не может.

- Хм... Тем не менее, вы все равно обязаны посещать и контролировать другие участки, Деву - особенно.

И эта запись в геологическом задании осталась. «По своему они правы, - думал Денис. - Взлся за гуж - не говори, что не дюж. Просто у меня из-за пространственной разобщенности участков и отсутствия транспорта не будет ни времени, ни физической возможности проводить контроль. Быть одновременно и главным руководителем и главным исполнителем полевых работ - это нонсенс. А, ладно, чего тут сейчас рассуждать, на месте будет видно».

Полевой сезон начался.

Сменив толстого, тяжелого, добродушного, орденосно-лысого Кирилла Пухова, новый начальник ЦГГП, тоже лысый, но длинный, худой и подвижный Федор Свистоплясов энергично взялся за организацию и заброску в поле сезонных отрядов. Его усилия увенчались видимым успехом - полевые работы начались на две недели раньше чем в предыдущие, пуховские годы.

В Маравамском отряде, как и в прошлом году, маршрутными рабочими Дениса Доценко и Петра Польского были старшекласники Игорь Каров и Вася Доценко. В первый маршрут Денис вышел со стоянки на ручье Утиный Нос тридцатого июня с целью поисков фауны в осадочных отложениях поздне триасового возраста. Ракушек найти не удалось. В этот невезучий день шквальный ветер сорвал палатку. Ветер яростно обдувал геологов и в следующем маршруте, на Цветные озера. Игорь брал спиннинг, но из-за сильного ветра ничего не поймал - рыба не любит такую погоду, ложится на дно.

На вторую стоянку группу перебросил на вертолете МИ-4 известный на Чукотке пилот - асс Алексей Мазур. Рейс был оформлен, как аэровизуальные наблюдения. Перед вылетом из работающего мотора старой машины повалил густой черный дым. Денис испугался: «Как можно лететь на таком аппарате?»

- Почему твоя керосинка так дымит? - спросил геолог у Мазура.

- Керосинка? Да ты знаешь, сколько она налетала? - обиделся лихой пилот. - Отличная машина! Она еще поработает! Садись, поехали! - И он, морщась, замахал руками, разгоняя дым.

Вторая стоянка была на берегу одного из Цветных озер, среди ледникового холмисто-западного рельефа, с редкими выходами в урезах ручьев и на вершинах холмов темно-серых алевролитов и песчаников предположительно карнийского яруса. Денис подтвердил поздне триасовый возраст пород, собрав трубчатые раковины флагрин.

В сетку, поставленную прямо у берега озера, на мелководье (лодки не было) занесло двух крупных налимов, из которых получилась жирнющая уха. Печень налимов была поджарена и с отвращением съедена, от нее Дениса даже подташнивало - настолько она была жирна. «Поганая все-таки рыба», - решили полевики.

На третью стоянку - речку Зрелую - Денис и Игорь шли пешком. Во второй половине дня их накрыл косой секущий дождь. Денис набросил на себя целофановую пленку, а у рабочего и того не было, он изрядно промок. Но при ходьбе под вьюком это не беда - все равно изнутри жарко.

От третьей стоянки было ближайшее (около двадцати километров) расстояние до Девы. Поставив палатку, Денис налегке отправился туда. Валера Яковлев, детально

исхаживающий и опробующий месторождение, успел сломать на рудных глыбах уже четыре молотка. Денис присоединился к нему, помог, сделал несколько поисковых маршрутов по склону водораздела, проследил наиболее богатые рудные свалы, длинным веером спускающиеся к подножью горы, наметил серию коротких канав под конкретные кварц-касситеритовые жилы.

Возвратившись на свою стоянку с сознанием выполненного долга, Денис продолжил стратиграфические исследования. Речка Зрелая, долина которой была перегорожена конечноморенным валом, огибая препятствие, образовала петлевидный врез-каньон, цокольную террасу с выходами коренных осадочных пород в основании. Здесь Денис составил частный разрез терригенных отложений.

Вечером после маршрута Денис обнаружил в палатке нечто удивительное – на примусе стояла кастрюля с горячей гольцовой ухой! И записка на ней: «Кушайте на здоровье. Петр, Вася». Произошло это маленькое чудо девятнадцатого июля.

На четвертую стоянку Денис и Игорь должны были лететь на вертолете. Но вот настал намеченный день, палатка снята, рюкзаки упакованы, погода есть, а вертолета нет. Сидеть и ждать – дело утомительное, а может, и безрезультатное. «Уж лучше двигаться к цели пешком, хоть медленно, но верно. А если вертушка все-таки появится, дадим ракету, пилот увидит, сядет, подберет – так рассуждал Денис, шагая к Маравааму. Длинноногий Игорь, как прирученная цапля, следовал за ним. Пройдя примерно треть пути, завьюченные пешеходы сначала услышали, а потом увидели вертолет, который шел к ним со стороны отработанной стоянки. Это летел на своей воздушной керосинке друг геологов Мазур. Он увидел их сгорбленные фигурки, подсел и за десять минут доставил на новое место. Игорь получил от матери посылку, главной составной частью которой были красные помидоры. Вкусные и красивые овощи значительно украсили серый быт полевиков.

Стоянка номер четыре, ручей Кривой. Детальное изучение разрезов амгуэмской свиты. Послойное описание. Осадочные породы - песчаники, алевролиты и глинистые сланцы - смяты в складки, что значительно осложняет выполнение стратиграфических задач. В песчаниках наблюдалось большое количество известковистых конкреций, в алевролитах встречался растительный детрит.

Денис и его напарник Игорь жили мирно. Старый геолог не требовал от парня невозможного. Просыпаясь первым, он готовил завтрак, поднимал молодого засоню, кормил его, помогая собрать маршрутный паек. Обед - за радиометристом. Пока Денис зарисовывал обнажения или, разложив цепочкой образцы, описывал их в полевой книжке, Игорь на костре кипятил воду, заваривал чай. Теперь он был уже опытным «костронавтом», не то, что в прошлом году. Повзрослев, он стал и более устойчив на своих длинных ходулях, спотыкался, заплетался и падал редко. Одним словом, окреп.

Стоянка номер пять, ручей Теснинный, оловоносный участок "Озорник". Покинув Деву, поисковые работы здесь вели Боря Кутенков и Валера Яковлев. Вместе с ними Денис провел рекогносцировочный маршрут по водоразделам, прошел вдоль зоны минерализации с высыпками желто-оранжевой глины, отобрал из нее пробы для промывки и изучения шлиха. В нижней части склона водораздела, вдоль уступа, фиксирующего разрывное нарушение северо-восточного направления, была установлена цепочка развалов кварцевых жил с вкрапленностью касситерита. В этом месте были намечены канавы.

Изучив коренные выходы амгуэмской свиты по ручью Теснинному, Денис завершил первый круг и возвратился на базу.

На базе - два сюрприза. Первый - сгорел бичхолл, двойная палатка-шхуна с общим тамбуром посредине. Автор пожара - пьяный завхоз Трусско - успел выскочить, сумел спасти слегка подгоревший паспорт, а все остальные вещи сгорели начисто. Подотчетному лицу - начальнику отряда Доценко - был бы нанесен невосполнимый материальный ущерб, если бы палатки и брезенты, использованные на строительстве

бичхолла, числились на нем. К счастью, они были старые, списанные и Денис не пострадал. Худо пришлось рабочим и самому Трусьюко, потерявшим цивильную (поселковую) одежду.

Сюрприз второй – нагрязнул вертолет для перевозки аммонита с трассы на базу. Надо ж было такому случиться, что именно в этот день с утра Денис отправил на вездеходе почти весь наличный состав отряда на Озорник, для массового отбора литогеохимических проб. И пришлось ему самому весь день в роли грузчика летать на правый берег Амгуэмы, где стоял ППД со взрывчаткой, таскать на брюхе, подкидывать-толкать вверх и сбрасывать тяжеленные деревянные ящики с порошком, кряхтеть – потеть – тужиться – пыжиться – упираться. Этим же занимался и Саня Крюкаков, сопровождавший ППД, ответственный за доставку взрывчатых материалов.

Денису непривычные физические упражнения, характерные для тяжелой атлетики, впрямь не пошли. Он надорвался. Он до того уработался - натрутился, что впервые в жизни с ним приключился самый элементарный, самый вульгарный радикулит, о котором до сих пор он знал только понаслышке да по визуальным наблюдениям над Толиком Виденко, когда он однажды согнулся, уперся лбом в землю и разогнуться-подняться не мог. Тогда Денису было смешно, а теперь было не до смеха - острая боль в районе кобчика сопровождала каждое его движение, она не давала ему даже намотать портянки и обуть сапоги. «Как же я дальше-то буду работать? Накрылся сезон», - горевал геолог, мало веря в пользу горячей грелки, наложенной на поясницу.

Собравшись на базу после завершения первого круга, работники отряда, естественно, устроили баню, а после нее - мощную пьянку. Разозлившийся татарин Анас с длинным кухонным ножом гонял вокруг палатки презренного завхоза Трусьюко, он хотел его зарезать, сделать ему «секир-башкам!»! Выполнить это намерение Анасу помешал его друг Валера. Завхоз Трусьюко остался жить.

Трудовой радикулит у Дениса Доценко мало-помалу проходил. На втором круге начальник отряда присоединил к своей группе еще одну маршрутную пару - геолога Галину Типанову и ее радиометриста Сережку Гапонина - второго Васиного дружка-одноклассника. После нескольких маршрутов Типа заявила, что она с Гапончиком психологически не совмещается, что он ее раздражает, поэтому его надо заменить. Денис отдал капризной Типе спокойно - добродушного Игоря, а Гапончика взял себе, о чем сразу же и пожалел. В маршруте этот обалдуй потерял журнал радиометрических наблюдений - весь свой труд за полевой сезон. Это была беда. «Ищи, Серега, ищи, - приказал Денис, - иди по своему следу, как собака». На третий день Гапончик возвратился с поисков с широченной, от уха до уха, улыбкой - он нашел журнал!

- Удивительно, как это ему удалось, - пожалала плечиками Типа.

-Дядя Денис, дай ножик, банку открыть, - попросил Гапончик. Денис дал. Серега надавил на банку консервным лезвием, раздался короткий хруст-щелчок и свист летящего металла.

- Ой! - испугался Гапончик. - дядя Денис, я ножик сломал.

Ну что тут скажешь! Десять лет, не меньше, проходил этот верный полевой товарищ вместе с хозяином и надежно ему служил. И вот попал к Гапончику. «Ах ты ж гад! - мысленно огорчился Денис. - Как теперь консервы открывать? Придется основным лезвием, а это очень неудобно».

- Вот видите! - воскликнула Типа и весело захихикала.

Изучая обнажения осадочных пород в береговых уступах реки Мараваам и ее притоков, Денис убедился - предшественники ошибались, принимая черную песчано-алевролитно-сланцевую толщу за иультинскую свиту пермского возраста. Листовик Ишимов был не прав! Никакая тут не пермская система, а самый настоящий карнийский ярус: Денис насобачился на нем хорошо, умеет отличать. Свежесть пород (отсутствие филлитизации), обилие ходов червей в алевролитах и пиритовых конкреций в песчаниках явно свидетельствовало в пользу карния. Снова, как и на Экугвааме в 1978 году, Денис

перевернул стратиграфию с головы на ноги, поменял складчатые структуры и прогнозную оценку территории - высокоперспективную антиклиналь он - увы! - сделал малоперспективной синклиналью.

Интересным получился выход на реку Амгуэму напротив одноименного чукотского поселка. Здесь произошла встреча с местным жителем, рыбаком, проверявшим сети на моторной лодке. Несколько крупных тяжелых хариусов - подарок рыбака - легло геологам в рюкзаки и превратилось на стоянке в замечательный ужин.

Описывать разрозненные выходы коренных пород среди сплошь задернованной тундры можно было и без радиометров, поэтому Игорь и Гапончик были переброшены на оловоносный участок для помощи в отборе металлометрических проб. Денис и Типа остались вдвоем. «Интересно, сможет ли эта темпераментная женщина совместиться со мной? Как она себя поведет?» - думал заинтригованный начальник отряда. Она, конечно, возбуждала Дениса (на лоне природы, без конкуренции, любая женщина хороша!). Внешне Галя была миловидна и привлекательна, но, как говорил Ксен Зыбин, «ё-на-пароходе». Никакого интима с ней у Дениса быть не могло. Ощущая молодую женщину-самку в двух метрах от себя, раздевающуюся к тому же (слышно было по шороху снимаемой одежды), Денис с сильно бьющимся сердцем, сглатывая слюну, лежал в своем углу, стараясь не шевелиться, и не мог заснуть, терзаемый сексуальными фантазиями. «Так близко и так нельзя, ведь я - начальник отряда, как я буду выглядеть в роли просителя? А о чем, интересно, думает она? Эй, Галя, тебе тоже хочется, нет?» - мысленно вопрошал Денис свою соблазнительную соседку.

Закончены маршруты, минули беспокойные ночи, ничего эротичного не произошло. Все это время Типа была покорна и мила, производственно-полевое сожительство с Денисом ей понравилось, ругаться с начальником отряда в ее планы не входило.

При переходе на базу с тяжеленными рюкзаками Типа, разумеется, от Дениса отстала, приплелась усталая и обиженная - ведь мужчины с базы видели ее издали, почему же никто не бросился навстречу, не взял у нее рюкзак? Почему не помогли слабой, одинокой, измученной женщине? Эх, вы...

Полсезона для Дениса Доценко прошло сравнительно спокойно, без чрезвычайных происшествий и ярких впечатлений (пожар на базе не в счет, он его не видел и не пережил). Несколько иначе и сложилась судьба у его сына Васи, о чем ярке свидетельствуют дневниковые записи.

ПОЛЕВОЙ ДНЕВНИК

шестнадцатилетнего **Васи (Максима?)** Доценко (Петренко).

23 июня. Летим на какой-то громахющей и дребезжащей железке, именуемой МИ-4. Эта бочка, оплетенная изнутри проводами, не идет ни какое сравнение с МИ-8. Да и туфли бортмеханика с потресканными подошвами, висящие над головой, не такой уж интересный для тщательного изучения предмет.

На базе превосходная партия в покер завершила нашу жизнедеятельность и, трижды перекрестившись, мы погрузились в мохнатые недра кукуля. Проснулся я ночью (или рано утром) от ужасного грохота и ослепительных вспышек молнии. По палатке тарабанил дождь с градом, а набухший, как вата, подполатник свисал над нашими головами и извергал сотни маленьких ниагар. Я закопался вглубь кукуля и уснул.

Утром мои ноги стали шкворчать, как на сковородке. Я пулей вылетел из кукуля и в жуткой, раскаленной атмосфере увидел лоснящийся силуэт Игоря в одних трусах. Оказывается, Гапон засыпал в печку пол ящика угля и ушел на кухню дежурить.

Почти весь день чинили примуса. Палатку заполнили испарения масла, керосина и прочие неприятные запахи. Кисти рук превратились в черные вонючие перчатки из кожзаменителя.

Вторую ночь, накрыв палатку рубероидом, продрыхли без задних ног и гордо проспали дежурство. Потом приготовили густейший молочный суп, пшеничную кашу с

тушенкой, картошку с горелками и сырыми хрустящими ломтиками. Нас попросили отдежурить на «бис», но мы скромно отказались.

На базе живет почти ручной куропадч. Ночью он сел на рубероидную крышу палатки и стал орать, как пьяный. Мы на него - он на нас. Но когда он по крыше кататься начал, Игорь не выдержал и влупил в брезентовый бок палатки прокеросиненным кулачищем. Петух взвыл и упорхнул.

До обеда топил печку, а после драили кастрюли и чайники, отскабливали вековой культурный слой. Мы с Игорем вблизи наблюдали брачные игры уток. Маленькие селезни, воинственно взревев, на бреющем полете гонялись друг за другом под одобрительное побрякивание самочки.

День закончился трагикомедией. Главную роль в нем сыграл Валера Яковлев, потерявший листочек с полной раскладкой продуктов по лабазам. Бедняга уже строил планы, как лучше провести время в заточении и кто ему будет носить сухари. От волнения у него разболелась голова, а когда он разувался, эта злополучная бумага выпала из правого сапога.

29 июня. Проведя несколько дней на базе, ожирев и обленившись вконец, я, вместе со своим шефом Петром Брониславовичем Польским (ПБП), очутился посреди кочек на берегу большого озера. Скинули нас в лужу и улетели. Сразу началась жизнь, полная приключений и фантастики. Бочка с продуктами, благодаря дурной силе буро-медведя, оказалась в воде, метрах в пяти от берега. Я чуть ни визжал от восторга, а настроение ПБП было почему-то совершенно противоположное. Бочка заманчиво зеленела разорванной в клочья палаткой и мы, помолвившись Богу, полезли в воду. Балансируя руками, как балерина на сцене. ПБП медленно приближался к бочке. Меня распирало от смеха, но я скромно сдерживался.

Наконец бочка, после немалых усилий с нашей стороны, оказалась на берегу, и мы с трепетом стали доставать продукты. Галеты разбухли и стали толще раза в три, а в мешке с надписью «конфеты» остались одни бумажки. Чай сушится уже целые сутки. Еще этот медведь вынул пробку из бутылки с подсолнечным маслом и наполовину уничтожил его.

Вскоре прилетел, вертолет и привез все заказанные по радиации продукты, кроме соли, так необходимой нам! Утречком ПБП, похлебав пресной ушцы и залив чаем термос, побежал на базу Энгергынского отряда за солью, а я остался на лабазе один, наедине со стихией и медведями. Наша палатка стоит на берегу одного из двух озер, именуемых Светлое Дно. Оба озера соединяются ручейком, ужасно заболоченным. К югу от лабаза - агатовая гора, к северу - небольшое углубление, которое кольцом опоясывает озеро, изобилующее хариусом. Вчера был штиль, и водная гладь была покрыта слоем мошки. Рыба табунами выпрыгивает из воды. Сегодня, даже трудно было умываться, приходилось разгребать руками мошку и быстро черпать воду. Мы нашли на берегу сетенку и теперь сидим с рыбой. Ну, вот вроде и все. Сейчас надо варить ужин и ждать ПБП.

Вечером и ночью Польский не пришел.

30 июня. Проснулся очень рано и стал слушать музыку. Сеть битком набита хариусом, но соли нет (и ПБП тоже) и я боюсь, что рыба пропадет, а точнее, попадет в бакланью утробу. Уже полдень, а ПБП нет. Я начинаю волноваться. По уговору, если сегодня он не придет, завтра уйду в Энгергынский отряд, бросив все вещи на произвол судьбы. В полдень я немного задремал, а проснувшись, обнаружил, что наши недельные запасы чая бесследно исчезли в водных пучинах вместе с крафт-мешком, на котором они сушились - ветер сдул. И лишь несколько чайнок, с трудом отысканные мною на берегу озера, свидетельствовали о том, что чай вообще существовал.

Холодный ветер резко усилился, зашумели кусты и мне стало жутковато. Человек я не суеверный, но в тот момент был готов поверить хоть в самого Бога. Тем более, номер нашей бочки роковой - тринадцать! И вот, растряхивая по ветру кукулятину, я услышал выстрел, гулким эхом прокатившийся по долине. Уточки со всего озера бросились к нашему бережку, под защиту палатки, а я бросился ставить чай. Появилась

раскачивающаяся фигура ПБП, опирающаяся на какую-то дубину. Подковыляв к палатке, он рухнул на кусты и просипел: «Сними сапоги». Затем, высосав полбанки сгущенки, запив чаем пшеничную кашу, завалился в кукуль, со вздохами то ли облегчения, то ли страдания. Оказалось, что вместо предполагаемых пятидесяти километров он отмахал восемьдесят и начал потихоньку рассыпаться на запчасти. По его рассказу, база наших соседей гораздо лучше нашей. Есть электричество, просторная столовая. Не палатки, а дворцы стоят. Не менее он был поражен идиотством Миши Виноградова. ПБП любознательно поинтересовался у меня - всегда ли он такой или временами находит?

Перед сном наелся каши, засолил рыбу и сам здорово просолился.

1 июля. ПБП, побряхтывая и постанывая, нашел в себе несколько лошадиных сил и решил идти в маршрут. Вытащили из сетки десять хариусов, позавтракали кашей и рванули с места. ПБП, еле ковыляя, шел впереди, а я, изнемогая от жары, плелся сзади. Хорошо еще, что не было комаров. Но стоило нам забраться на сопку, как холодный ветер остудил нашу кровь. Шли мы по склону агатовой горы. ПБП часто останавливался на обнажениях, а я сидел и зевал или ломал выветрившиеся скалы. Один раз, спускаясь, я зацепился рукой за скалу, она обломилась и я долго бежал вниз по склону. В палатке, наевшись прекрасной ухи, мы завалились на отдых.

2 июля. Сегодня было трудновато. Утром, как обычно, выгребли из сетки хариусов, закусили ушей и рванули в маршрут. Для начала надо было покорить высокую крутую сопку, состоящую из обломков песчаников. Два часа, истекая потом, мы карабкались по осыпи. Уже на половине подъема мы начали оплавляться под солнцем, как шоколадные, пришлось раздеться и идти дальше по пояс голыми. Маршрут был очень длинным и совершенно неинтересным - целая гора из песчаников, а дальше рыхлые отложения тундры. Скучотища!

Проходили мимо Энгергынской наледи, ослепительно белой, изрезанной многочисленными рукавами. Наледь протянулась километра на три, лед толщиной около метра. Очень красиво.

Продолжаем заготавливать рыбу. Уже насолили половину ящика (три десятка превосходных харитончиков), будет что отвезти в поселок. А вообще мы питаемся одной рыбой, компенсируем утопленный лабаз. Как сказал ПБП, его спишут на медведя Васю и медведя Петю. Вот наше меню: на первое - уха, на второе - квашня, на третье - «чайный напиток». Мы уже третий раз кипятим эфеля, и выручает только лимончик. Сейчас уже поспел вяленый малосоленный хариус, не рыба - объеденье!

3 июля. Опять полная сеть. Я уже провонялся рыбой и снаружи, и изнутри. Рыба, рыба, рыба, даже на обед - котлеты из частика.

В маршрут ходим опять по пояс голые, у ПБП даже спина сгорела. Было три интересных места: гигантская плантация лука на полянках среди кустов, холм с круглой вершиной и круглым пятном осветленного мха посередине; место охоты медведя на пищу. Я лишний раз убедился в наличии у него дурной и огромной силы - во все стороны были раскиданы громадные, в мой обхват, камешки.

Жрать рыбу надоело, сварил рассольник.

4 июля. По-прежнему стоит невыносимая жара и духота. Дышать тяжело, при ходьбе обливаемся потом, губы сохнут и трескаются. Скорее бы уж холод, что ли!

В маршруте среди сланцев искали фауну и флору, ничего не нашли. ПБП начал обучать меня обращению с картой. Ученик я оказался способный и сразу нашел наше местоположение.

В одном месте речка Кайэнгергын делает петлю, с плесом и коренными скальными выходами песчаников на берегу. Глубина омута пять-шесть метров, вода в нем движется плавно, с небольшими завихрениями. Когда я, в полном снаряжении (радиометр, рюкзак), лез вверх, в голове у меня вертелась песня, в которой есть такие слова: «Улыбнитесь, каскадеры, ведь опасность - это все-таки пустяк.» И я натужно улыбался, скользя сапогами и болтаясь над омутом.

Вдруг набежали тучи, и ПБП отправил меня на лабаз убрать кукули, а сам полез на скалу и сорвался. Обдирая в кровь руки, но, не выпуская молотка, он покатился в пучину омута. Чудом зацепился и отполз. А я тем временем несся по тундре на четвертой скорости к лабазу, гигантскими прыжками перелетая через кусты и кочки. Прибежал, обливаясь потом, убрал в палатку кукули, а дождя так и не было. Зато в озере искупался. Ящик полностью забили рыбой, заколотили крышкой и засунули в лабазную бочку.

6 июля. Вчера был переход. Не буду описывать трудностей этого перехода, скажу только, что шли пять часов с наитяжелейшими рюкзаками (особенно у ПБП), делали семь привалов, преодолели один затяжкой подъем и прошли двенадцать километров. Погода стояла подходящая - ясное небо, сильный ветер и, конечно, полное отсутствие комаров.

На втором лабазе опять похозяйничал мишка - разломал ящик с продуктами, раскидал рейки для палатки и выпил половину керосина. Но это, конечно, ерунда по сравнению с предыдущим лабазом. Ручей, на берегу которого мы стоим, называется Муха. Прямо возле палатки имеется небольшая наледь, на нее сели два больших гуся, я их нечаянно спугнул. Они отлетели метров на пятьдесят, ПБП стрельнул и промахнулся...

Проспали двенадцать часов! В этой долине постоянно дует сильный западный ветер, растяжки палатки пришлось укреплять. Мы повывапывали все камни в округе и теперь палатку не опрокинет, не сорвет (если только трактором).

Я начал делать по утрам зарядку, ПБП берет с меня пример.

Маршрут сегодня был короткий, но сложный. Лазили по головокружительным скалам и крутым склонам с коварными осыпями. А я еще и карабин на себе таскал. Наверху ПБП нашел какие-то неожиданные выходы андезитов и, возликовав, просидел на них полдня. Ему-то интересно, а мне какой интерес сидеть, сопли морозить?

Пообедать решили мясом в белом соусе. Предвкушая удовольствие, я вскрыл банку и был поражен мерзким, гадостным видом консервы. Это мясо еще из запасов Екатерины Второй, им на «Потемкине» матросов кормили, отчего и бунт произошел. Еще полдня искали флору, но ничего путевого, кроме одной веточки и нескольких листиков коарексии, не нашли.

7 июля. С утра небо было затянуто плотным слоем серых облаков, но к вечеру ветер поменял направление и хмарь улетучилась. Ночью земля замерзла и стала твердой. Я не удивлюсь, если утром будет иней.

Был заказанный нами вертолет (я ужасно удивился) и мы два часа покатались над землей. Навестили батин лабаз, но их на месте не оказалось, были в маршруте. А я очень хотел повидать Игоря. Слетали на базу, там ЧП - сгорели две палатки по недосмотру завхоза. Он натопил печку в жару, они и вспыхнули.

Нас скинули перед высокой каменной грядой; подкрепившись частичком с чесноком, мы, в приподнятом настроении, поперли в гору. Склон был очень крутой и опасный. Каменные плиты выскакивали из-под ног и со звонким стуком катились вниз. Иногда весь слой обломков сползал вниз метров на пять. Осыпи заканчивались высокими крутыми скалами серого и коричневого цвета. На первый взгляд кажется, что в этой каменной пустыне живут лишь черные противные пауки, выскакивающие из-под ног и спешащие укрыться среди камней. Но, если хорошо прислушаться и присмотреться, то можно заметить и мелких пичужек, и пищух. Достигнув вершины, мы сфотографировались на краю бездны, прошли по гребню водораздела и спустились в долину на съедение озверевшим комарам. В сегодняшнем маршруте были высокие показатели радиометра - до девяноста микро рентген в час.

8 июля. «Плыла жара, жара плыла, в июль катилась лето». Сегодня поистине черноморская погода, мечта курортников и дикарей. Но, есть небольшой нюанс - нет Черного моря. Весь день ходим по пояс голые, уже заметно загорели. Такая погода стоит уже неделю - это удивительно. И главное - нет туч комаров, а отдельные членистоногие не доставляют особенных неприятностей.

В маршруте опять крутые склоны, осыпи и коренные выходы риолитов, которые и скалами не назовешь. Лезть по ним очень трудно - ноги постоянно соскальзывают, а нос так и норовит шмякнуться о скалу, причинив мне некоторые неудобства. Сегодня я грохнул о камень "пушку" радиометра, но эта надежная штука не подвела и продолжала работать, как, ни в чем, ни бывало. По пути прошли по склону, сплошь перепаханному медведем, искавшим корешки. Земля была еще сырая, зверь недавно прошел. Последнюю точку поставили прямо на осином гнезде.

9 июля. Погода чуть пасмурная, но не холодно, Солнышко изредка высовывается из-за мощных кучевых облаков и, тут же, засовывается обратно. Маршрут очень длинный, тундровой. А утром (дернул же меня черт) я, занимаясь зарядкой, сбегал с глыбой весом около двадцати килограмм на верх террасы и обратно. Днем спину прихватило - еле ноги волочил. Спина болит до сих пор. ПБП говорит, что это травматический радикулит.

Я немного заблудился - остался на точке дописывать журнал, а потом взял левее, чем надо, и обошел сопочку с другой стороны. ПБП аж осип - так кричал, бедный.

Тундра цветет. Все склоны сопки покрыты белыми и желтыми цветочными коврами. Благоуханно кружит голову. Особенно мне нравится запах синеньких незабудок и душистого горошка. Я собрал букет.

10 июля. Прилетел вертолет, мы собрали шмутки в узел и улетели на третий лабаз. Палатку поставили высоко в горах, на развилке сухого ручья. Я выкопал ямку, чтобы можно было набирать воды. Ходили на рыбалку на Кайэнгыргын, преодолевали густые заросли кустов высотой до двух метров. Замудохались порядочно и общими усилиями поймали всего одну рыбку. Возвратились поздно, не выспались.

11 июля. Встал, как жареный, забыл на лабазе радиометрический журнал, и ПБП отправил меня из маршрута обратно, чтобы занести кукули (наползали зловещие тучи) и заодно приготовить обед и ужин. Так я и просидел весь день в палатке. Было очень скучно.

12 июля. Маршрут был длинный, на редкость трудный и скучный - стабильные до ужаса показания (28-30) наводили зевоту. Покорили самую высокую точку нашего района - гору Тутумын (около 1000 м). Сфотографировались на вершине у топонима и - вниз. У ПБП опять зуб побаливает. Небо заволкло и вроде дождик будет. Ну, все. Больше писать не могу, закукулюсь.

13 июля. Несчастливое число. Началось с того, что ПБП обнаружил свою фирменную вельветовую кепочку под кукулем, удивительно помятую. Затем наверху довольно приличной сопочки он вдруг вспомнил, что термос остался на лабазе. Вася, конечно, сбегал, а потом, дыша, как загнанный мамонт, карабкался вверх, догоняя шефа. Закончились несчастья тем, что ПБП проткнул в фотоснимке дырку и ужасно огорчился. Маршрут был коротким, но нас сильно задержали проявления касситерита в кварцевых глыбах на вершине небольшой сопочки. Опять, как лось, носился к Яковлеву на лабаз. Думали, что он останется на металку, но Валера, на свой страх и риск, решил уходить.

Вечер для меня сегодня неплохой - выспался, обожрался, начитался и слушаю новинки рок-музыки (Япония).

15 июля. Дни летят, как секунды. Так и не замечу, как очутюсь на базе, а потом и дома. Маму, Катю и Колю увижу. В последнее время все чаще вспоминаю их. Ну, ничего, осталось каких-то полтора месяца. Доживу. Все чаще вспоминаю (особенно в маршрутах) фрукты, овощи, мамины вкуснятинки и, сглотнув горькую слюну, жру, с ужасным аппетитом, содержимое банок.

Вчера вечером над нашим районом разразилась неслыханная гроза. Страшные порывы ветра метались туда-сюда, сотрясая палатку. Вспыхивали молнии, рокотал гром. А под конец влупил, прямо-таки материковский, ливень, шедший всю ночь. К утру все наши вещи отсырели и мы, дождавшись, когда сойдет густой молочный туман, быстренько влезли на небольшую сопочку, где и закончился наш маршрут. Как только мы вернулись, опять пошел дождь. А я, несмотря ни на что, пошел и искупался в мелком и

сравнительно теплом озерке. И снова засели мы в палатке, наслаждаясь шумом примуса, дождя и спидолы. Ляпота-а-а!

17 июля. С утра стоял плотный туман, видимость метров десять - какой уж тут вертолет! Провалившись до обеда, мы собрались и рысью побежали на четвертый лабаз. По пути встретили стадо оленей (к сожалению, с пастухами).

Привет искателям! - приветствовал нас оленевод Иван.

Привет пастухам! - ответили мы.

Так и разговорились. Мы сообщили им, что, если найдут «жмурика», то его зовут Сашей. Они, в свою очередь, рассказали нам о новостях тундры. Я сильно удивился, узнав, что чукчи сейчас ездят на лошадях верхом. Видали батю с Игорем. ПБП стрельнул им, но они не услышали, а папа сказал, что лучше бы Петя пукнул - эффект был бы тот же.

Палатку поставили на конце цепочки из четырех озер, на правобережье Кайэнгыргына. Рыбы мало. Сегодня утром достали первого хариуса. В маршруте удивился своему обонянию - почти за два километра учуял запах дыма и котлет из частика, оказалось, это обедали Игорь с папой и ели именно частик. Встретились мы с ними в заросшей диким луком и благоухающей цветами долине. Издалека, они (Игорь и батя) смотрелись как дон Кихот и Санчо Панса. Игорь вообще - загорелый дылда с взлохмаченными грязными волосами, набитыми кукулятиной.

Вечером я тренировался кидать спиннинг. Проклятые «бороды» доводят чуть ли ни до слез и, лишь благодаря злости, распутываешь их. Палатка у нас светлая, писать очень удобно, не надо окон открывать. Стоит пасмурная, ветреная и сырая погода. Кукули отсырели и воняют, кукулиная шерсть липнет к ногам. ПБП говорит, что у меня, как у Сивки-Бурки, из носа волосы летят.

18 июля. С утра все валится из рук. Я уронил чайник на макароны (они потом слиплись брикетами), а ПБП опрокинул миску с борщом мне на кукуль. Рыбы в сетке нет и, похоже, не будет. Маршрут легкий и интересный. Ходим очень медленно - у ПБП геморрой, у меня - мозоль. Перед сном послушали радио Австралии.

19 июля. Сегодня ПБП решил дать небольшой отдых своему геморрою, и мы с утра забурились на рыбалку. Поймали по рыбине. Мой голец был гораздо лучше, чем у ПБП, больше, тяжелее и красивее.

Похлебав на обед ушицы, мы пошли маршрутом к бате на лабаз. Прийдя туда, мы их не обнаружили, сварили фирменную уху и, не дождавсь донна Кихота с Санчей, ушли домой. По пути нас одолело беспокойство, как бы Игорь не опрокинул уху или не залез в нее ногой.

Сегодня наконец просушили кукули и сейчас, закрыв глаза и рот, лежа в мохнатой перине, я усну под шум ветра и хлопанье полога.

20 июля. Утром я с удивлением обнаружил, что мыло, лежащее на берегу озера, обгрызено евражкой. Ну и пронесло беднягу, наверное. Маршрут был с большим подходом и отходом. В начала пути встретили большую поляну ярко-синих цветов, из корней которых добывают яд кураре (борец, он же – цукута. В.П.).

Влезли на три сопки. Сверху хорошо наблюдается скалистый каньон ручья Крылатого. Видны и, ставшие уже рыбной легендой, Цветные озера. Во время обеда ПБП показал, как они, копируя детективного герля из какого-то древнего кинофильма, брали стаканы в зубы, и пили вино. В результате он выплеснул себе на лицо пол кружки чая. Я ржал до икоты, а он, стряхивая с усов капли и протирая глаза, сердито ворчал, что я всегда ржу, когда людям плохо. А под конец он нашел свои долгожданные андезиты и дико возликовал. Никогда я еще не видел, чтобы так резко менялось у человека настроение. Он пританцовывал и, размахивая молотком, напевал на мотив «Во саду ли в огороде»: «Андезитики мои, эх, амгень-амгеньчик (вообще-то, должен быть «экитыкичек», а не «амгеньчик» – В.П.). А потом, потом, потом идет леурваамчик!»! Его радости не было предела, и даже я возрадовался (не зная, почему).

На лабазе нас ждал Игорь. Для ПБП он принес чертежное перо, а мне - книгу и гущенку. Он сообщил нам радостную весть - на базу прилетел вездеходчик и завтра, вместо пешего перехода в двадцать пять километров, мы прокатимся верхом на машине.

Сегодня попал в сеть четвертый голец, размером с шариковую ручку. Запутал он сеть хуже налима. ПБП со злости выкинул его на берег, да так и не нашел. Тем наша рыбалка и кончилась. У меня ЧП - треснул на сгибе сапог. Если у Козина не найдется запасного, я пропал.

Радио Австралии передало отличную музыку. Я аж прыгал вместе с кукулем под четкие ритмы ударника.

21 июля. Спали ужасно долго. Когда уже невозможно было лежать в кукулях, мы выползли на солнышко и снова развалились, впитывая пучки ультрафиолетовых лучей. Так, поворачиваясь с боку на бок и с пуза на спину, мы провалялись до обеда, ожидая вездеход. И тут показался Игорь. Мы строили всякие догадки относительно цели его визита.

- Вездеход ГАЗ-4/2 на подходе! - приветствовал он нас (Газующая Маршрутная группа из четверых ног и двух рюкзаков).

Радостная новость была такова: вездеход сломался в десяти километрах от базы. И тут же, невдалеке, у Яковлева, словно дразня нас, сел вертолет - вся надежда теперь на него. У Игоря сломался радиометр, так что, теперь он без работы. Поговорили мы с ним, поржали всласть и распрощались до конца второго круга. Да, еще. ПБП дал нам стрельнуть по разу из карабина. Разумеется, мы промазали. Ну, вот и все. Настроение паршивое, тоска. Завтра, если не прилетит вертушка, пошуруем пешадралом (на ГАЗ 4/2).

23 июля. Пишу, сидя под огромной скалой, покрытой оранжевыми пятнами лишайника, редкими островками травы и желтых, похожих на одуванчики, цветов. Вокруг чирикают птички. Испуганные евражки выскакивают в нескольких метрах от меня и, вытаращив глупые глаза, перекрикиваются друг с другом.

Вчера у нас с ПБП был грандиозный переход - двадцать пять километров! Шли мы около шести часов. Все, что можно было, мы оставили на четвертом лабазе. Первый перекур с обедом сделали только через пятнадцать километров. Никогда не думал, что смогу столько без остановки пробежать. Пообедали паштетом, и снова пошли. И тут, вдруг, из-за горы вынырнул вертолет. Мы прыгали и махали руками, как робинзоны, но он прошел мимо. Решив, что обратно он пойдет тем же путем, мы надрали гору кассиопеи и разложили здоровенный дымокур. Вертолет полетел в другую сторону. Он, вероятно, забрал Игоря с батареей и улетел. Отчаявшись (попив чая), мы рванули вниз по долине какой-то речки. Дорога была превосходная - шли мимо скал, живописных террасок и кустов, болтали вовсю и любовались пейзажами. Наконец, перевалив небольшое плато, мы свалились в долину ручья «Седло». Это удивительной красоты долина, наполненная ароматами и благоуханиями трав и цветов. На каждой излучине неширокой, но быстрой речки возвышались скалистые гряды, покрытые мхами и лишайниками всех цветов и оттенков. Буйная и сочная зелень покрывает склоны и днище долины. А через заросли высоких ветвистых кустов мы пробирались только по бараньим тропам. Один раз у нас из-под ног выскочил здоровый серый заяц и с невероятной скоростью умчался в кусты. Но чем выше по долине поднимались мы, тем скуднее становилась растительность. Появились грязные снежники, от которых веяло приятной прохладой.

Весь день стоит жара. На небе - ни облачка, мы буквально обгораем. Хорошо, что встречный ветерок охлаждает наши разгоряченные тела. Потеем ужасно, аж пар идет столбом.

Палатка оказалась шестиместной, поэтому валяемся теперь в разных углах и кричим друг другу, сложив руки рупором. На этом лабазе опять похозяйничал медведь, он полностью вылил керосин. Так что едим и пьем чай мы теперь у костерка, с дымком и романтикой.

Маршрут наш проходит как раз по всей долинке и я любуюсь окружающей красотой, вдыхая одуряющие запахи цветов и зелени и стряхивая с себя всяких членистоногих тварей, не просто шекочущих, но иногда и грызущих мою кожу. ПБП рисует в книжке что-то грандиозное, ползает с компасом и молотком по скалам, а я сижу внизу на травке и пишу дневник. Идем мы очень медленно, и я даже успел, забежав вперед, вскипятить чай. Наконец, долинка-оазис пройдена. В устье ручья Седло, на берегу речки Снежинка мы устроили шикарный обед.

О дальнейшей части маршрута даже не хочется вспоминать. Полезли мы по скалам и осыпям, через каждые десять-пятнадцать метров я грохался, а один раз даже спустил небольшой камнепад. Только тут я понял, какую ошибку совершил, взяв карабин. Этот бесполезный для меня груз очень мешал лазать по скалам и самым откровенным моим желанием было разбить эту пукалку и сбросить обломки вниз. Уже на спуске я рухнул и, будто бы нечаянно, хряпнул карабин о камни, поцарапав дуло и чуть не сбив мушку.

Назад шли опять по долине и сделали несколько открытий. Мы заметили, что зайчики здесь в большинстве молодые и очень пугливые, что вдоль ручья располагаются огромные плантации душистого, пахнущего розами и медом золотого корня и цветущей большими розовыми цветами княженики.

Сегодня сильно натер ремнями плечи - ведь уже вторые сутки ходим в маршруты по пояс голыми.

24 июля. Сегодня у нас выдался длинный свободный вечер. Объевшись макарон по-флотски, мы поиграли в карты, а потом ПБП, подражая Вознесенскому, прочитал мне свои стихи.

Где-то маяком ржавым лабазная стоит бочка.
В твоих мечтах радужных последняя в сезоне точка.
А в тундре еще много тебя ожидает кочек,
Горы стоят стеною, и лезть на них ты не хочешь.
Мир шкалою приемника тебе протянул руки,
Душа, в кукуле закованная, внемлет его звукам.

Маршрут в этот день был длинный и ничем не примечательный. Вечером стали собираться огромные кучевые облака, и мы поспешили домой - набрать хвороста до дождя. Недалеко от лабаза живет пара соколов. Когда мы проходили мимо их гнезда, они взлетали и, расправив красивые широкие крылья, парили над долиной и пронзительно кричали.

Рукой Петра Польского написано:
Рыбак...
Жизнь в твоих руках на волоске,
Нервом на барабан намотанным держится,
Надеждой последней теплица! И вот!
Выкатывается на песок розовым полумесяцем –
Голец килограмм на пять весом.
Васе от дяди Пети. Моя эпитафия.
Где-нибудь в мироздании,
С багажом за спиной лет,
Остановись! Вспомни! Был такой человек...
Искрой мысль пробуравит сознание:
«Был...Уже нет!»

3 августа. Как быстро и как медленно летит время. Будто вчера выехал на первый лабаз, а до возвращения домой еще двадцать пять дней! Целая вечность!

Начинаю описывать события, с 25 июля. В этот день разверзлись хляби небесные, оросив землю обильным теплым дождичком. Пробежав маршрут и выдержав резкий порыв ветра, мы вернулись в палатку. Оставшуюся часть дня провели в кукулях. Я понял, что ничего не делать тоже надо уметь и это трудно.

4 августа. Продолжаю описывать нашу жизнь-жестянку-портянку. 26 июля - день перехода на базу, Я познал расстояние, узнал цену километра, понял, что тушонка - самая вкусная вещь на свете, а лучше чая нет ни одного напитка.

С утра погода была не ахти, но к обеду небо над нами расчистилось, запылало солнце и мы пошли к Маравааму. Небо над долиной реки было темно-синее, фиолетовые тучи зацепились за верхушки пепельно-серых гор и грозили разразиться дождем. Первая попытка перейти реку окончилась неудачно. Набрал в сапоги воды, мы с трудом развернулись и пошли вниз по течению. Брод был найден. На правом берегу Мараваама нас прихватил дождик, вода струйками стекала с жирных волос и кукулей.

Мы поднимались выше и выше, ноги скользили по мокрым камням. ПБП упал, подвернул ногу. И тут мы увидели на снежнике пять красавцев-баранов с огромными витыми рогами. Перевалив хребет, мы спустились в верховья ручья Теснинного. ПБП кричал, пел, радовался до безумия, что мы попали точно в русло ручья. Мне нестерпимо захотелось жрать. Отмахав двадцать пять километров, мы с большим трудом развели костер и вскипятили чай.

Дальше шли прямо по ручью, переходя его многочисленные излучины и протоки. Оставалось километров десять. Последние десять! Ох, как тяжело они дались. Особенно обидно было, когда мимо нас, гремя траками, в сторону яранг прокатил вездеход с пьяными чукчами. На подходе к базе ноги начали сдавать, да еще набросились злые комариные эскадрильи, с лету впивающиеся в кожу. Наконец, палатки выросли перед нами в мареве дождя и мы, попив чаю, провалились в сон. В этот день было пройдено пятьдесят километров.

5 августа. С той стороны, откуда должен прилететь вертолет, медленно и верно ползут тяжелые дождевые облака. Налетело жуткое количество комаров, мерный гул которых вызывает страшную злость.

Жизнь-жестянка, друг-портянка,
Запах дурманящий кукуля.
А под тобою, такая надежная,
Матушка наша Земля.
Где-то ракеты к звездам уносятся,
Мчатся, как молнии, поезда.
А здесь, словно вечность, журча, струится
Между камней вода.
И мне ничего, ничего не надо –
Ни шумной толпы людской,
Ни тех мелочей, за которые держатся
Люди в наш век суетной.

Над нами кружит баклан. В яме-аквариуме плавают пять живых гольцов и он все пытается позавтракать на халяву. На базе мы провели два с половиной дня, отъелись, выспались вволю. Комарье все прибывает, и я лежу и дергаюсь, как будто у меня нервный тик. Я познакомился с вездеходчиком Гришей и завхозом Арсентьевичем, которые вдвоем живут на базе, ловят потихоньку рыбку и ни о чем не тужат.

Очень нас огорчила новость, что светлодонских харитонов сожрал Кутенков с компанией. Говорят, рыба была пересолена до ужаса. Начитался я на базе. Никогда бы не поверил, что можно так соскучиться по книгам.

29 июля мы вылетели на Цветные озера, окрыленные надеждой, оснащенные сетями, спиннингами и прочей ерундой. На следящий день утром мы вытащили невероятное количество рыбы. Помимо стандартных сортовых гольцов здесь есть почти вся рыба: хариус, сельдьятка, огромная страшная мальма в брачном наряде. А в нашу Тольяттинскую сеть влез налим с огромной уродливой головой и мутными, глубоко посаженными глазами.

Да-а-а... Теперь я познал, что настоящая рыбалка вовсе не отдых, а тяжелый, утомительный труд. В любую погоду приходится таскать на голове лодку с одного озера на другое, грести против ветра, против волн, захлестывающих лодку, сгибаться и разгибаться, как пружина. Три дня без перерыва шел мелкий дождик, все вещи отсырели, сапоги и носки не просыхали, а кукуль стал линять, пуще прежнего, затем хлынул ливень, который лупил по палатке со страшной силой, обдавая нас мелкой моросью.

Как-то ночью мимо нас ухитрился пробежать откол оленей - триста пятьдесят голов. Затем появились чукчи, Я притворился спящим, а ПБП напоил их чаем и проводил только под утро. Стадо нашли на другой день и погнали мимо нас, причинив нам большую пакость. Олени утопили наш насос, и теперь нам приходится надувать лодку ртом.

Помимо заготовки рыбы, мы попытались засушить грибов, но во время дождя они отсырели, и когда я разломил для пробы гриб, то с ужасом откинул его подальше - там кишели, извиваясь, белые жирные черви.

Насолили мы здесь рыбы чуть больше бочки и набегали в маршрутах около двадцати километров.

6 августа. Переход на базу с Цветных озер. Случайно встретили наш вездеход, который нас искал, и доехали на нем оставшуюся часть пути. Вездеход направлял Генрих Козин. Под конец, на спуске он набил себе здоровую шишку.

7 августа. Выпал первый снег. Сижу на базе в обществе Игоря и Гапона. Весь отряд в сборе. По вечерам до одури играем в «тысячу».

Десятого весь день втроем строили коптильню. Хоть и намерзлись здорово, но домик отгрохали, что надо. Батя дал задание срочно собирать грибов, но, увы, заморозок побил грибницу и грибов больше не предвидится.

Двенадцатого весь отряд выехал на Озорник, брать металлку, а мы с ПБП вылетели на шестой лабаз, который стоит в километре от яранг второй бригады.

12 августа. Ручей перемерз, за водой приходится бегать метров за двести.

15 августа провел весь день в ярангах - как-никак, праздник Молодого Оленя. Мы стали свидетелями древнего чукотского обычая. Первого оленя занесли в ярангу самого знатного рода. Впереди шел хозяин с тушей на плечах, а сзади старуха и сын с ивовыми ветками. Затем занесли оленя в ярангу бригадира. Все были в красных праздничных кухлянках.

Весь вечер смотрели кино. В шестиместную палатку битком набилось народу, а нам, как гостям, уступили место перед экраном. Посмотрели пять фильмов.

16 августа. Сегодня, как обычно, пошли по руслу какого-то ручейка, вылезли на плоскотину и, побегав кругами, вернулись на лабаз. Нашел старый волчий череп и, восхищаясь красотой этого сильного зверя, выбил ему булыжником все зубы.

В обед ПБП говорит: «Ну, сейчас чайку попьем со сгущенкой». Я похолодел и осмелился доложить, что сгущенки нет. Ругаясь, он достал термос, открыл его и громко заорал - термос был пустой. Меня распирало от ржачки, но я благоразумно сдержался.

Уже сильно хочется домой, и я тайком от ПБП подсчитываю оставшиеся дни.

17 августа. Зашли маршрутом на яранги. Разинув рты, наблюдали и фотографировали, как отлавливают чаатом оленей. Видел, как у пойманной важенки отсасывают молоко.

Маршрут был длинный и неприятный - всю дорогу кочки да болота. И лишь в конце залезли на сопочку и поели уже спелой вкусной голубики. Вечером мимо нашей палатки опять прогнали стадо. От стада отстала важенка с теленком. У оленихи была сломана одна нога, и она еле ковыляла. Малыш подталкивал ее, призывно хоркал, но она стояла, опустив голову. Тут ее и забили. А теленок всю ночь бегал вокруг палатки, искал маму.

19 августа. Вчера был короткий, даже не заслуживающий описания переход. Скажу только, что загрузились мы хорошо, у меня рюкзаки висели и впереди, и сзади, а у ПБП вообще был неподъемный груз. У седьмого лабаза одна примечательность - стоит он в

болоте, среди кочек. Повсюду сырость. Только мы поставили палатку, как зарядил дождь и мы, попивая чаек, провалялись весь вечер в кукулях.

Сегодня был маршрут, бегали от "пупка" к "пупку" через кочки. Встретили пастуха Гришу (представителя древнего рода), высматривающего оленей. К ночи задул холодный ветер, на горизонте, словно гигантские ядерные «грибы», стали раскручиваться пепельно-серые тучи. Над нами нависло страшное космическое (по выражению ПБП) небо и мы поспешили укрепить палатку и спрятаться в кукули. В этот момент раздался хриплый надсадный кашель, и в палатку просунулась бритая башка пастуха Володи.

- С реки Амгуэмы иду. Устал сильно. Переночую у вас, - прокашлял он и, попив чаю, завалился спать. Всю ночь он кашлял, сморкался и плевал, но под утро, к великой нашей радости, ушел.

20 августа. Маршрут был не очень интересный. Дул ужасающей силы ветер. Ключья облаков пролетали с реактивной скоростью и вскоре небо очистилось. Ветер стих и запекло какое-то, по-странному, большое солнце. И это в конце августа! Редкостное лето.

Окончили маршрут рано, и пошли в гости на яранги. Дядя Петя пил водку, а я валялся и слушал их разговоры. В соседней яранге был шум. Пьяные чукчи подрались из-за женщины, а когда та кинулась их разнимать, муж воткнул ей нож в ягодицу.

Встретил своего старого знакомого - пастуха Васю из пятой бригады. Ну и веселый же чукча, а главное - эрудированный. Особенно мне понравилась одна его фраза: "Как жизнь? Как живот? Так в Австралии говорят. Ха-ха-ха!" Привел он меня в ярангу, накормил селедкой, а сам пил одеколон, подмигивал и говорил: "Всеякие чукчи бывают!"

21 августа. Ночь была ужасной пыткой, тяжелая влажная духота, тучи комаров. Жуть. Невыспавшиеся, мы побрели в длинный и трудный маршрут. Опять лазили по тундре и не высоким, но очень крутым сопочкам из плиток и острого щебня. Возвращаясь, встретили вездеход с яранг, опять попрощались (который раз) и разошлись-разъехались. Где-то неподалеку бродит медведь и ПБП хочет его застрелить.

23 августа. С каждым днем пишу все с большей неохотой - надоело. Да и все уже опостылело. Очень хочется домой, но не в школу. Вчера был переход. Последний (ура-ура-ура!) лабаз стоит возле озера на берегу ручья. Место хорошее - вокруг кусты. Опять встретили бригадный вездеход. Чукчи ловили на нашем озере рыбу и оставили сети. Мы решили пожить рыбой, но наши планы неожиданно были нарушены. Поздно вечером ПБП увидел метрах в восьмистах от палатки медведя. Схватив карабин, он умчался в кусты, а я остался в палатке в ожидании исхода битвы. После второго выстрела "медведь" вскочил и побежал, высоко вскидывая ноги и качая обломанным рогом. Так у нас появилось двадцать килограмм мяса на двоих. Это был годовалый теленок с обломанным рогом и ободранной задницей. Голову, внутренности и шкуру мы утопили, а мясо спрятали в ручье.

Сегодня был самый длинный в сезоне маршрут. Вымотались основательно. Встретили двух зайцев. В болоте, на кочках, обнаружили очень много голубики и поели маленько. Не могу больше писать. Все надоело. Хочу домой!!!

Вот такое юношески-непосредственное, живое восприятие полевой геологической (поисково-съёмочной) работы и окружающей среды было у Васи Доценко. В конце августа вместе с всеми остальными школьниками он вылетел домой, где его с нетерпением ждали мама Оля, братец Коля, сестренка Катя и - увы! - учителя.

А геологи Мараваамского отряда, лишившись рабочих-радиометристов, стали ходить в маршруты по одному, что правилами ТБ строго настрого запрещалось.

Маршруты с базы были линейные, начинающиеся с самой удаленной точки, на которую геолога забрасывал вездеход. Изучались коренные выходы ("корешки"), во врезках тундровых ручьев, или береговые уступы, сложенные рыхлыми четвертичными отложениями.

Ближайшим к базе полезным ископаемым был молибден - давно изученные пегматитовые жилы с крупночешуйчатым молибденитом в гранитах. Его посетил Валера Яковлев, привез прекрасные образцы.

Попросился в свободный поиск ("для себя, для души") Боря Кутенков, ему захотелось найти рудное месторождение золота, всего лишь.

- Чудак, да где ж ты его здесь найдешь? - изумился Денис, прекрасно знающий геологическое строение района. - Вокруг базы никаких поисковых признаков золота нет. По всем ручьям геологи многократно прошли, все зарисовано, описано, опробовано - нет ничего! Только тебя там и не хватало.

Ну, Иваныч, я сам, своим методом, хочу золото поискать. Ну, пусть, хоть на денек, дай мне такую возможность.

И куда ж конкретно ты хочешь идти?

Ну, хоть бы по ручью Предгорному.

- Ладно, завтра я еду на обнажение в истоки ручья Куркового и тебя подброшу по пути.

Отлично! Во сколько едем?

Сразу после завтрака.

С Кутей договорились - в восемь вечера он выйдет на то место, где его высадили. Тут его подберет возвращающийся на базу вездеход. Денис, отработав на обнажении весь день, к назначенному времени приехал в условленное место, но, Кути здесь не нашел. Постояв полчаса, вездеход отправился на базу. Водитель Гриша и Денис внимательно смотрели по сторонам, но золотоискателя в сгущающихся сумерках так и не увидели. Кутя исчез.

Может быть, он уже на базе? - предположил водитель.

Да, хорошо бы. Поглядим.

На базе Кути не было. Стало совсем темно. Денис встревожился не на шутку - куда этого идиота занесло? Надо подавать ему световые сигналы. И Денис всю ночь, сначала через каждые полчаса, потом через час выпускал в небо ракеты. На рассвете начальника отряда сморил сон. Кутя появился в полдень. Все случившееся с ним он объяснил так. К вездеходу не вышел потому, что был целиком и полностью, до самозабвения, поглощен поисками золота в песчаниках и алевролитах, обнажающихся вдоль ручья. Он был счастлив, а счастливые, как известно, часов не наблюдают. Кутя вдруг с удивлением заметил, что стало темно. Он вылез на бугор и увидел дальние огоньки. Он решил, что это база и попер туда.

- У нас ведь нет электричества, откуда же возьмутся горящие лампочки? Когда ты их тут видел? - опешил Денис. - Я ракеты пускал.

- Ну-у... Я не подумал. А ракеты я не видел, в ту сторону я не смотрел. Я решил, что иду на базу и в этом не сомневался. А когда рассвело, увидел Амгуэму и понял, что огоньки - это поселок на том берегу. Тогда я сориентировался, развернулся и пошел на базу.

Другой раз из маршрута долго не возвращался Козя. Кутя, переживая за товарища, вспомнил «Пиковую даму» и продекларировал: «Уж полночь близится, а Генриха (Германа) все нет». Но Денис был спокоен - Козя всегда задерживался в маршрутах допоздна и всегда находил дорогу к дому. Так было и на сей раз.

Завершив маршруты и отведав прелестей «свободного поиска», Кутя жировал. Он плавал на лодке по озеру и распевал песни. Ему было необыкновенно хорошо, потому, что он был абсолютно здоров, годился в космонавты, он был свободен от всякой ответственности за результаты полевых работ, ничто не омрачало его душу. Он пасся на лугу, как вольный жеребец и ржал ретиво. Но однажды после бани и выпивки его беззаботное существование было омрачено - пьяный Козя, осмелев, подверг его резкой критике. Он припомнил ему всю его трехгодичную туфту, которую пришлось исправлять другим, тыкал его носом в конкретные факты геологической неграмотности и лени.

- Ты такой же старший геолог, как и я, а посмотри, что ты натворил! Ты ни хрена не соображаешь в геологии! - шумел Козя.

Денис задал горе-геологу всего один вопрос:

- Боря, как ты сам считаешь, может быть, ты просто глупый? Ну глупый и все, родился таким и в том не виноват, а? Признайся честно, самокритично.

Кутя, ничуть не обидевшись, подумал и ответил:

- Ну, какой глупый... Вот, например, я спросил на почте - вы ввели на конвертах цифровые индексы, значит, теперь адрес можно не писать?

Денис и Козя тупо уставились на Кутю.

- Ага! - торжествовал Кутя. - А говорите, что я глупый! Кто из нас глупее, это еще надо посмотреть!

Посмотрим, посмотрим, - пообещал Денис.

Из центра экспедиции поступила паническая радиограмма: «Комиссия по технике безопасности при БВР посетит Мараваамский ОГГС необходимо по всем правилам оборудовать склад ВМ». И начал Денис срочно, аврально-аварийно строить «потемкинскую деревню» - склад ВМ по проектной схеме. Он поставил бутафорские палатки на легких каркасах и кольях, территорию склада, как тюремный двор, окружил забором из колючей проволоки. Дурная работа с колючей проволокой была не только самой изматывающей, но и болезненной - стальные иглы-колючки запросто протыкали рукавицы-верхонки и впивались в кожу. Денис раскатывал тяжелые колючие рулоны по кочковато-бугристой поверхности тундры с замерзающими лужами в ямах по всему периметру забора, обозначенного столбами, натягивал и прибывал гвоздями проволоку, получая множественные уколы. Ему энергично помогал рабочий-промывальщик и проходчик копушей Костя Кукин по кличке «Рыбий глаз». Трое суток на свирепом, морозном ветру длилось строительство никому не нужного, планового объекта (вся взрывчатка находилась на горных участках, а это был, якобы, центральный склад). И что обиднее всего - комиссия не прилетела, невероятные, героические усилия начальника отряда Доценко и рабочего Кукина пропали зря. Впрочем, поразмыслив, Денис пришел к выводу, что если бы склад не был построен, комиссия обязательно бы прилетела, потому что в природе действует закон подлости (возьмешь плащ в маршрут - дождя не будет, пойдешь без плаща - попадешь под дождь и промокнешь).

А вообще-то с этими грозными магаданскими комиссиями инженер по ТБ Чиров, здоровенный и нахальный чертяка, друг Мохнорылого, знал, как обращаться. Этих командированных «драконов» он на участки буро-взрывных работ не допускал. Он их задерживал в гостинице, поил несколько суток, после чего они дрожащими руками, чуть живые, подписывали все акты, подготовленные Чировым, и, похмелившись на дорожку, улетали. Видимо, так было и на сей раз.

На базе Мараваамского отряда ГГС праздник - все виды и объемы полевых работ, кроме канав, выполнены, наступил приятный период камеральных работ. По случаю предварительного завершения сезона на кухне пилась брага и пелись песни. Петя Польский увидел в окошко пришедшего в гости оленя. «Я его шлепну», - сказал Петя и пошел за карабином. Олень, догадавшись о подлых намерениях геолога, скрылся за увалом. Петя последовал за ним и тоже скрылся с поля зрения. Через полчаса охотник вернулся. «Идите, берите», - сказал небрежно он.

Оленя привезли на вездеходе, нажарили свежего мяса, наелись досыта, запивая ароматно-сочное жаркое пенистой брагой. В такие моменты коллектив полевиков становится наиболее сплоченным, всем нравится вольная жизнь на берегу замерзающего озера, в теплой палатке, у печки с угольным жаром. Геологи любят своего мудрого русобородого начальника Дениса Доценко. Они орут:

Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить.

С нашим атаманом не приходится тужить!

Канавы проходились на двух участках - Дева и Озорник. На Деве сидели Генрих Козин и Валера Яковлев, на Озорнике - Кутенков. Начальник отряда находился на базе и руководил работами дистанционно, по рации. В день рождения Валеры Денис написал:

С чукотской Девойю судьбу свою связал,
Чтоб обладать богатым рудным телом.
Поможет Бог тебе иль, может быть, спортзал
Из Девы Женщину порядочную сделать.

Первая канава, пройденная на Деве, провалилась в рыхлятину (смешанные ледниково-склоновые отложения), не достигнув коренных пород. Вторую выработку постигла та же участь, и только третья канава, на глубине около пяти метров, вскрыла кварц-касситеритовую жилу. Есть руда! Есть достоверная бороздовая проба! Затем последовало еще два хороших пересечения. Наличие промышленных рудных тел на Деве было доказано, объемы работ выполнены, освободившиеся проходчики переброшены на Озорник, под Кутино начало. Козя возвратился на базу и спокойно, не спеша занялся выполнением своих камеральных задач.

Все внимание Дениса теперь было сосредоточено на Озорнике. Сюда после завершения работ на Корриде была переброшена еще одна, самая мощная и знаменитая бригада проходчиков во главе с Сычевым (Филиным). Рабочие привезли с собой капканы и кучу тухлой рыбы для приманки песцов. Однако, песцы что-то не ловились, а на аппетитный запах пожаловал медведь, которого с яростным лаем атаковали собаки, Чомба и Самоса-бой. Проходчики медведя застрелили, тухлую эргувеемскую рыбу обменяли у чукчей на свежее оленьё мясо. Обосновались канавщики - профессионалы на Озорнике прочно и надолго. Они никуда не спешили, в поселке их никто не ждал, они были готовы хоть всю зиму сидеть в тундре, в занесенных снегом палатках, есть мясо, пить брагу и бить канавы.

Кутя ежедневно, утром и вечером, выходил на связь с начальником отряда, ему это занятие - посидеть у рации, поболтать-помурлыкать - очень нравилось. Он докладывал мало меняющуюся обстановку и ничем Дениса не радовал - хорошего рудного пересечения, ну хоть одного! - получить не удавалось. Он говорил на всякие разные темы, балагурил, веселился, развлекался. И так изо дня в день. Денис сперва отказался от утренней связи (ему были неинтересны Кутины сны), а потом как-то не вышел и на вечернюю связь. На другой день разобиженный Кутя сделал начальнику отряда выговор, прочел нотацию за невнимательное, более того, наплевательское отношение к его персоне. Ведь он на отшибе, на удаленном участке, ему требуется чуткое, заботливое отношение.

- Знаешь что, Боря! - разозлился Денис. - Радиосвязь - не телефонная беседа двух кумушек, развалившихся на диванах, это конкретный производственный разговор. Если у тебя нет ничего нового, то и на связь нечего выходить, аккумуляторы сажать зря! Все! Будь здоров, работай!

Кутя окончательно обиделся, на связь стал выходить редко, говорить кратко и сухо, что от него и требовалось.

В ноябре большая часть ИТР Мараваемского отряда вылетела в Нырвакино вертолетом, а Денис поехал на вездеходе. Весь полевой период Гриша Кудряшов ездил исправно, существенных поломок не имел, торсионов ломал мало, чем Дениса очень удивлял. И вот, в конце сезона неуязвимый вездеход вдруг сразу и капитально грохнулся, сломался так, что дальнейшее его использование в качестве внутреннего транспорта стало абсолютно невозможным. Конь сдох. Днище машины в передней части развалилось, какая-то железяка оттуда безобразно вывалилась и концом упиралась в землю. Мотор работал, гуски крутились, но двигаться инвалид - мог только в сторону гаража, по ровной местности и дороге, крайне осторожно, с черепашьей скоростью. Вот так и ехали они двое, ответственные за машину лица - водитель Кудряшов и начальник отряда Доценко, непрерывно цепляясь за неровности рельефа, тыкаясь в землю, подпрыгивая и скрежеща.

Мучительное передвижение! Денис водителю сочувствовал, сопереживал, физически ощущая, как больно и тяжело раненому вездеходу. И все-таки за двое суток доползли! На базе остался завхоз-радист Трусьюко, на Озорнике - Кути и его команда.

Декабрь. Начальство жмет на Дениса, требует защиты полевых материалов, а Кутенков своих книжек, журналов и карт не отдает, вертолетом, его посетившим, требуемый пакет документов, не отправил, ссылаясь на то, что работы еще не завершены.

- Это всем понятно, что проходка канав еще продолжается, ну и на здоровье, но ведь все остальные виды полевых работ давно закончены, пора и отчитаться! - говорило начальство, а Денис передавал по радиации Кутенкову. Бесполезно! Пришлось Денису под нажимом Свистоплясова ехать в поле на вездеходе Мыткина, чтобы забрать у Кути его полевые материалы, в каком бы виде они ни были.

На базу Мараваемского отряда Денис ехал по трассе при хорошей погоде, попивая водочку. Амгуэму переехали по льду. Выбравшись на левый берег и продвинувшись еще немного, Мыткин остановил машину и с довольной улыбкой произнес: «Ну вот, теперь и мне можно». Выпил, закурил, сел за рычаги и погнал дальше, пересекая белую холмисто-увалистую равнину.

Доехали хорошо. На базе начальника отряда, с умильно-восторженным, как у голодного пса, выражением морды встретил заросший по уши завхоз Трусьюко. Он знал, он чувствовал, что выпивка будет! В командирской палатке, где стояла рация и жил Трусьюко, керосиновая лампа горела далеко за полночь, топилась печка, раздавались оживленные голоса, чередующиеся с громким смехом. Белое безмолвие внимало этим странным звукам.

Утром, похмелившись (у Дениса в портфеле каким-то чудом сохранилась одна единственная бутылка водки), Доценко и Мыткин по снежной целине поехали на Озорник.

Утепленные палатки зимовщиков были полностью занесены снегом, ко входам в них вели крутонаклонные ступенчатые траншеи. В жилище у проходчиков тепло, даже жарко, печка топится постоянно (уголь еще есть). Возле нее стоит-играет-доходит брага во фляге. Бородачи красноморды, неторопливы, высказывают свое недовольство экспедиционным начальством вообще и начальником отряда в частности (почему водку до них не довез, сам с завхозом выпил?). Рабочий класс всегда прав. Денис с ними соглашается, обещает, огорчает. «К новому году все должно быть закончено, таков приказ СВПГО, добивайте, что есть, новых канав не будет». Мыткин привез из Нырвакинота посылку Сычеву. Бригадир извлек из нее поллитра водки, разлил на всех. Денис чокнулся с работягами за успешное завершение сезона, поправил здоровье. С Кутенковым разговор был короткий. Все его материалы, кроме последнего журнала документации канав, Денис извлек и отправился в обратный путь, приказав всем остающимся готовиться к ликвидации.

Бригаду вывезли двумя рейсами вертолета. На первый рейс собаки Чомба и Самоса-бой сесть не пожелали, остались в тундре одни, без людей. Второй рейс состоялся только через месяц. У кучи снаряжения сидел только один живой пес - Самоса-бой. На сей раз, он позволил затащить себя в вертушку. В аэропорту люди, перегрузив полевое снаряжение в кузов автомобиля, уехали, а большой, грустный, изголодавшийся пес-полевик так и остался сидеть на взлетной полосе, тоскливо глядя вслед уходящей машине.

- Жалко Самосу-боя, - сказал Денис.

- Ничего! - бодро ответил Кути. - Это такая собака! В тундре выдюжил месяц без еды и в поселке как-нибудь перебьется!

Так завершился третий (и последний) полевой сезон Мараваемского отряда. Полевые материалы большинства исполнителей были оценены на «хорошо», а Боря Кутенков, как всегда, получил тройку, и тоже был доволен - на большее он не рассчитывал. Ну и ладушки.

В декабре 1983 года Восточно-Чукотскую экспедицию посетил Магаданский писатель-публицист, собирающий материал для книги о чукотских геологах (издана в 1988 году). Главу о нырвакинотских разведчиках недр писатель начал с головы и закончил Тумкыргавом.

«Кабинет начальника экспедиции - самое обширное помещение в этом старом доме. Не из чиновничества - у начальника проходят все большие "говорения".

На стенах - пестрые карты, у стен - ряды стульев. Из-за двухтумбового письменного стола легко встал навстречу массивный белокурый и улыбающийся Александр Иванович Каталенко. Я уже знал, что он один из самых молодых руководителей экспедиции на Чукотке, диссертант, обладатель уникальной коллекции минералов...

Пришел главный инженер экспедиции Умелин, извинился, кряжисто присел к столу начальника. Конфиденциальный разговор. Ничего, в одиночку делаю экскурсию по кабинету. Геологические карты. Абстрактная живопись, композиции сталкивающихся цветов. Понимаешь, что цветовые пятна не случайны, не плод вольности художника, а научная выкладка возрастных проявлений недр, и за каждым таким "пятном" труд многих поколений геологов, изучавших эту территорию, - но как красиво, колористически смело складывается мозаичное панно!

Походя кивнув, ушел Умелин.

- Заметили, каков главный инженер? Основательный человек. Мы давно вместе. Я начинал в Западно-Чукотской экспедиции - он был рядом. Ветеран, скромница и знаток своего, дела, каких мало. Он сделал передвижные установки колонкового бурения на вездеходе ГТТ. Наши "машинки" позволили - при минимальных затратах - заверить результаты поиска тем, кто передает рекомендации разведчикам. Были бы колонковые самоходки в прошлые годы, сколько времени и нервов сохранилось бы! Прочитайте в наших анналах о судьбе геолога Леонида Руденко, поспрашивайте ветеранов - его помнят, а прошло со времени его "эпопеи" больше пятнадцати лет.

О Леониде Руденко рассказали его друзья, коллеги, теперь уже ветераны экспедиции.

Геолог Кирилл Сергеевич Пухов.

- Приехал к нам молоденький парнишечка, рыжий и веселый. Был из себя не красавец - ни лицом, ни статью. В первом поле завел себе хилую бороденку, верхние передние зубы скошенные, лицом худощав, фигурой неказист. Но, вот, как-то быстро вошел в наш круг, приняли его. Понравился открытостью и настырностью. В младших походил недолго, определили геологом в поисково-геоморфологическую партию... Потом назначили начальником партии. Он проявил себя, метод у него свой был, дотошный. Пробы дали содержание... Глубоко погребенный аллювий...

В шестьдесят пятом стали там бурить - результаты пошли нулевые. Вот тут-то Руденко и проявил характер. Добился места штатного геолога у буровиков, женился, «медовый месяц» сложил на алтарь дела. Упорный, шел на скандалы, заработал выговор, шел на риск - по-своему маневрировал бурением. Начальство таких не любит. Его обвиняли в том, что он ударился в излишнюю детализацию, забросил поиски. Он был несговорчивым, стычек с начальством не боялся. Случались и с рабочими стычки: он требовал у буровиков качества, висел над головой, «дышал в ухо!» и приучил к своему порядку, но уж очень все на нервах... И получилось месторождение!

Кирилл Сергеевич Пухов, седой и осанистый, пожалуй, самый «взрослый» человек в экспедиции. Пенсионер по северным меркам, но, как в молодости - геолог-полевик.

- Победителем уехал Рудёк - так мы его, рыжего, звали - в отпуск. В предотъездные дни дурачился, песни пел! Повторяю, он был не красивым, по «мировым стандартам», но сильный. Диву давались: мы-то все тоже не слабаки, но Рудёк как-то особенно сильным был. Понимаете, он умел мгновенно включаться, без «разбега»! Ловок по кошачьи и при тигриной силе. На юге случилось, друг наш и товарищ погиб... Что добавить? Надо

ставить в пример молодым его упорство. «Бить до коренных!» Активный был, полон молодечества! Почти десять лет у нас провоевал, не разбрасывался, вцепился в одно и бил до конца! Есть прииск, но Руденко быстро забыли. Те, кто оформлял дело о первооткрывательстве, первыми его и забыли, а себя, сбоку припека, вписали! Знак первооткрывателя месторождения - самый почетный для геолога! - получил не Руденко, а случайный в геологии человек, чиновник. Мы, друзья, вскинулись, скандалили, но поздно. Денежную премию отвоевали для его вдовы...

По-суровому красив ландшафт, в который вписался по воле настойчивых, дерзновенных людей поселок Нырвакинот. К кромке залива Креста прижали его скалистые горы. Как в аэродинамической трубе, гуляют и воют над поселкам зимние пуржливые ветры.

Из вечера в вечер я был назойливым гостем в домах местных геологов, ветеранов Восточно-Чукотской экспедиции, и чаще всех - у Станислава Петровича Майорова (Воеводина? – В.П.). Он очень интересный человек, мастер художественной фотографии, застенчивый, немногословный, размышляющий. Узкоплечий, белоголовый - то ли от роду блондин «с серебром», то ли седой, но молодой, не спортсмен, а геолог-ходок.

Станиславу Петровичу доводилось работать с Асеевым, приятельствовали они в те годы, когда Дмитрий Павлович возглавлял старателей артели «Тундра». Майоров развернул суровую холстину, показал фотоаппарат «Москва».

- Это подарок Дмитрия Павловича. Показал он мне его как-то. Вероятно, я не удержался, похвалил аппарат. Но вот тронулась артельная колонна к месту разработок, на Пепен, а меня направили к Асееву проводником - месторождение-то мое было... Двигались с техникой, не спеша, зима в права еще не вступила, лед не окреп. Двигались, а вечерами Асеев со мной прокладывал по карте маршрут на завтра, советовался... Прибыли на место, устроили вечер «отдыха» - ну и при всем честном народе Асеев протянул мне фотоаппарат. На, говорит, владей!

Студент Свердловского горного института Тумкыргав занимался самбо, хорошо учился. Высокий, гибкий, Михаил сохранял всегда спокойную улыбку в задумчивых прищуренных глазах знающего жизнь тундровика. После второго курса женился - разгадала его натуру волжаночка Ирина Истецкая. Вместе окончили институт, вместе выехали на Чукотку. Работал Михаил горным мастерам, стал старшим геологом отряда, потом начальником. Его работы неизменно получали высокую оценку.

Начальник отряда Тумкыргав понимал, что от него зависит глубина, достоверность геологических знаний самой восточной окраины евро-азиатского материка.

И вновь воображаемый диалог:

- Вы отличный специалист, Михаил Петрович.

- У меня были отличные учителя.

Кирилл Сергеевич Пухов, художник по складу характера и увлечениям - он скульптор-миниатюрист, гравер по кости и камню, подлинный живописец - признал у Михаила Петровича тонкий вкус и художническое чутье. С.П. Майоров - сложившийся мастер художественной фотографии, участник и призер многих выставок и вернисажей известного фотоклуба «Берингия» - считается с замечаниями коллеги Тумкыргава.

В ряды КПСС Тумкыргав вступил в тридцать восемь лет. И в этом сказалась зрелая творческая натура, дотошная самокритичность.

В 1976 году подразделения науканских геологов были включены в состав ВЧГЭ. Продолжу воображаемый диалог:

- Коллеги считают Вас, Михаил Петрович, состоявшимся человеком науки, эрудитом в темах геологии Восточной Чукотки. Заслужить уважение коллег - дело нелегкое!

- Просто они очень снисходительны. У меня хорошие коллеги.

Ветераны ВЧГЭ геологи Кирилл Пухов, Станислав Майоров, Юрий Гнутов, бывший начальник экспедиции, а ныне первый секретарь РК КПСС Супин (Борщев – В.П.),

начальник экспедиции Каталенко (Наталенко? В.П.) - все они отзываются о геологе-коммунисте Тумкыргаве с уважением и признательностью.

Жилой дом геологов. Уютная, без налета обывательского накопительства квартира... Здесь живут супруги Тумкыргавы.

- А родственников в Омолоне я все же нашел. И в Илирнее. Все они карам-кын - "оленьи люди".

Завершается воображаемый диалог:

- Вы, Михаил Петрович, личность. Доброжелательность и вдумчивость, по-моему, высшее достижение эволюции рода человеческого. Ваша скромность...

- это такая у меня жена, Ирина Петровна...»

В ночь с 13 на 14 января 1984 года вместо Магаданского писателя-публициста по квартирам геологов ходила, нарядившись пугалом-кикиморой, чертежница Ирка-Кузя. Она калядовала - сыпала зерно и приговаривала: «Сею-вею-посеваю, с новым годом поздравляю». Ее встречали восторженно, со смехуечками, давали конфету, колбасу или соленый огурец, предлагали выпить - все шло, как издревле положено на Руси. Но вот занесло сисястую-рыжую-конопатую на квартиру Тумкыргавы. Когда дверь на звонок открылась и Ирка-Кузя сыпанула в коридор пригоршню гороха, взбешенная хозяйка - Ирина Петровна Истецкая - вначале захлопнула дверь перед носом у ряженой, потом снова резко ее распахнула и с криком - ах ты, блядь! - швырнула в убегающую кикимору сапожной щеткой. Вот она, реальная жизнь!

На следующий день вся оформительская возбужденно жужжала - надо же, какая стерва эта Издецкая! Шуток не понимает, народных обычаев не признает. Бедный Миша, как он с ней живет?

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Новый, 1984, год стал для экспедиции революционным - геологи переселились в новое пятиэтажное здание. Новый начальник Восточно-Чукотской экспедиции Александр Иванович Каталенко до назначения его на эту должность был главным геологом Западно-Чукотской экспедиции, базирующейся в поселке Марково. Оттуда вслед за ним прилетели его кличка "Мохнорылый" и "Ода к уходу", в которой давалась краткая характеристика героя. Вот она.

Пришел наш Саша Македонский,
Увидел кучу мрачных дел,
Но победить застой сумел,
Как жизнь в период постдевонский.
Признание заслужил спортсменов,
Практичен был, как альтруист.
Порой был гибок, как софист
И вел корабль без лишних кренов.
Нельзя сказать, что ты - Христос,
Ведь тот являлся в одиночку.
Твою ж родню не втиснешь в строчку,
Коль состоит из двух полос.
И было видно, что на годы
Ты по-крестьянски оседал.
Уход таинственный застал
Нас всех в начале перехода.
«Прощай» не будем говорить,
С намеком скажем - до свиданья.
Для нас печален час прощанья -
Тебя успели полюбить

И вот - Нырвакинот, ВЧГЭ. Каталенко быстро привел в соответствие с занимаемой должностью весь АУП, а производственно-камеральные условия труда геологов - с их жилищно-бытовыми условиями и хорошим экономическим положением предприятия. Под его энергично-интрузивным воздействием на вышестоящие органы было завершено строительство пятиэтажного (вместо четырех - по проекту) здания конторы и все, кто мечтал о просторных светлых теплых кабинетах, получил их! Более того, на дополнительном пятом этаже был оборудован большой актовый зал со сценой и большим белым бюстом Ленина и его пророческим лозунгом: «Мы придем к победе коммунистического труда».

В актовом зале происходили все собрания и отмечались праздники, здесь репетировал хор под руководством профессионального музыканта-баяниста, так что необходимость в аренде районного дома культуры окончательно отпала. Гармонично воссиявшая экспедиция и по производственным показателям, и по уровню интеллектуального развития убедительно затмила все предприятия района.

Запуганно-облагодетельствованный АУП перед Каталенко трепетал, а зам-нач-по-хч Штейн (бывший геофизик), маленький, серенький, угодливо улыбающийся человек, буквально задницу ему лизал. Он регулярно ходил с шефом в баню, в парилке обхаживал веничком, а в мойке старательно драил-натирал его широкую загорелую спину и роскошные белые ягодицы.

В друзьях у Каталенко числился и Серега Крага, шустрый науканский геолог, спортсмен-лыжник, учившийся вместе с «Сашей» в институте. Каталенки, Штейны и Краги дружили семьями и вместе проводили праздничные дни. К чести Краги следует оказать, что своей близостью с великим человеком он не пользовался. Как и все геологи, он добросовестно вкалывал в поле, имея, однако, своеобразный взгляд на стратиграфию осадочных пород и вулканитов. Его науканские представления о горных породах Восточно-Чукотской вулканической зоны не вязались с легендой нырвакинотских геологов, в поле Крага частенько заблуждался и даже иногда подтасовывал факты. Вскрывая это, Крюканов бесился, выходил из себя, тыкал носом Серегу в его нелепицы, но тот упорствовал, не сдавался. Вот тут, видимо, и сказывались его особые отношения с Мохнорылым, его уверенность в том, что всемогущий друг Саша, когда это потребуется, его поддержит, не даст пропасть.

Какими бы ни были камеральные мужики-геологи охломонами, козлами и пьяницами, утром восьмого марта они превращались в рыцарей и прощали женам и прочим женщинам все их прегрешения, нехорошие слова и дела. А гусар Денис Доценко славил их нещадно, лил им на душу бальзам.

Милые женщины! - воскликнул он в 1984 году.

Для вас не жаль стихотворенья,

Ведь вы - живительный сосуд,

В котором все наши творенья

Как розы дивные цветут!

Вы, наши нежные созданья,

В работе часто лучше нас.

Основа жизни, созиданья –

Вот что такое вы - сейчас.

Вас поздравляем в день чудесный,

Собравшись возле ваших хат,

Поем признательные песни,

Орем: «даешь матриархат!»

Больше всего теплых слов досталось Свистоплясовой Ирине, заимевшей кооперативную квартиру в Чите.

В экспедиции давно, уж 25 маячит,

Но не считаю, все равно, что это много значит.
 Приятен мне чукотский вид, дома Нырвакинота.
 Здесь все родное, все манит и нравится работа.
 Но говорю я иногда, что жить в Чите не хуже.
 Когда поеду я туда? Спросите-ка у мужа.
 Ирину просит коллектив - пусть подождет дорога,
 Не убежит кооператив, а здесь работы много.
 И еще одна, двадцатилетняя юбилярка принимала поздравления.
 Кутенкова Рита лыжней знаменита!
 Хозяйка отчетов, журналов и карт.
 Кутенкова Рита с Чукоткою слита,
 Свежа и приятна, как солнечный март.
 Спортивной закалкой, любовью к природе
 С Кутенковым пара, две капли воды.
 Поможет ему разобраться в породе
 И в рудных телах, и в текстуре руды.

Ко дню геолога созрело несколько юбиляров. Первый среди них - самый крупный и самый спелый - Кирилл Пухов (Константин Сухов).

На Чукотке - четверть века, стал родным полярный край.
 Горы, доли, тундра, реки - ну не жизнь, а просто рай!
 Недра Пухову подвластны, достижений - пруд пруди,
 И сияет не напрасно Орден Красный на груди!
 Косторез непревзойденный, лыжник, книжник и певец,
 От природы одаренный пятывнучный удалец!
 Поздравляем с Юбилеем и желаем лет до ста
 Сил могучих не жалея, развивать Залив Креста!

Остальные - двадцатилетки. В Маравамском отряде чествовали Борю Кутенкова (Геннадия Каплёнкова). С тайным сарказмом и ехидством Денис восславил этого «заслуженного геолога».

Его достоинств всех не перечесть -
 Геолог, геохимик и мечтатель,
 Пропагандист, хвала ему и честь,
 И молодежи страстный воспитатель.
 Спортсмен заядлый, коллекционер,
 Здоровый мыслью, делом, телом, духом.
 Моральным обликом - для всех пример,
 А как поет! Каким владеет слухом!
 Как пожеланье, скажем - дай-то Бог
 Ко всем достоинствам (пусть люди не смеются)
 Серебряную гору чтобы смог
 Найти и скептикам преподнести на блюде.

Все хвалебные слова Кутя принял за чистую монету, за золотой песок. Единственное, что его смутило и насторожило, это финальное пожелание. «Как можно гору преподнести на блюде? Что же это за гора? - недоумевал он. - Что-то тут не то, Иваныч. Я в Серебряную гору, по-чукотски «Пилахуэрто-Нейке», верю».

«Несуществующая гора поместится и на кончике пера», - подумал, усмехнувшись, Денис, но, не желая огорчать товарища Юбиляра, произнес:

- Верь, Боря, верь, надо же во что-то верить. А фраза «преподнести на блюде» - не подъебка, как ты заподозрил, а метафора. Так к этому и относись.

- Ну, тогда ладно, - успокоился фантазер.

Успешно трудился, фотографировал и каллиграфически писал заголовки в стенгазетах начальник отряда Петр Уралов.

Уралов Петр - геолог знатный, фотохудожник и эстет,
 Поздравить нам его приятно - он на Чукотке 20 лет!
 Хвалить Петра мы можем смело, он никогда не подведет-
 И юмор есть, и знает дело, сюжет повсюду он найдет.
 Петру желаем много лет в чукотских недрах ковыряться,
 Растить детей, и улыбаться, и излучать веселый свет.

Завершил свою геологическую деятельность Станислав Заноза. Его скрупулезно-математические качества привели его в проектно-сметную группу. За канцелярским столом Заноза с его крупным черепом и длинными загребуще-паучьими лапами смотрелся как типичный, классический бюрократ из сатирического журнала «Крокодил». Статуя с острова Пасхи за дубовым столом! Вот теперь он был на месте, это поняли все. Денис написал Стасу:

Заноза, деловой мужчина! Ты в экономике силен.
 Как муж хорош, владеешь чином, в минералогии влюблен.
 И в этом нет противоречий, а есть единый твердый сплав.
 Ты лучший, нет об этом речи, средь всяких разных прочих Слав.
 Без обиняков скажем прямо: для ВЧГЭ на радость дан
 Заноза - трезвый и упрямый экономический кардан!

Под началом Занозы, забросив геофизику, трудилась Инга Сосновская-Карамба. Ее муж - геофизик Витька Сосновский (поженились в Наукане) - умный, тихий, спокойный, подкаблучный пьяница, ее маленько побаивался. Он, когда требовало дело, пил в меру и достиг должности начальника отряда. Чукотский стаж Карамбы составил двадцать лет.

Подумаешь - двадцать! И что же? Зато всю Чукотку познала,
 Двоих сыновей воспитала и мужа повысила тоже.
 Сама я, пожалуй, все та же - задорная и боевая.
 В Занозинем я экипаже, без гравики не унываю.
 Везде хороша, это верно. Имея счастливую долю,
 Я лет через двадцать примерно вернусь к геофизике, к полю.
 Столько же времени прожил на Чукотке и кум-Соб.
 Мне родной Чукотка стала, я достоин пьедестала,
 Я до пенсии служу, браво, весело гляжу!

Всё о всех прекрасно знаю, никогда не унываю –
 Жизнь, а не пародия! Всем доволен вроде я.
 Но одну мечту имею - развести фруктовый сад.
 Это сделать я сумею там, где зреет виноград.

Поздравленья принимая, Соб-улыбку всем дарю,
 В сад цветущий приглашаю, Соб-спасибо говорю!

Достигла заветных пятнадцати лет, дающих право на получение пенсии в пятидесятилетнем возрасте, Тамара Котова, заведующая лабораторией.

Тамара Котова созрела! 15 лет! Во всей красе.
 Ее сравнить мы можем смело со спелой ягодкой в росе.
 Теперь Ивановна на месте, руководитель – высший класс!
 Нет, в самом деле, тут - без лести, она - кормилица у нас.
 В лаборатории примерной, как реактивная горит.
 Тамару Котову безмерно наш коллектив благодарит.

Накануне первого воскресенья апреля Восточно-Чукотская экспедиция впервые отмечала день геолога в новом актовом зале. Ведущей концертной программы, как всегда, была артистка народного театра Инга Сосновская -Карамба. Сценарист Доценко пел в хоре. Вот что говорилось и пелось на этом представлении;

- Художественная самодеятельность экспедиции вступила на новую, более высокую ступень своего развития, это закономерно и знаменательно - вместе с улучшением наших бытовых и производственных условий должен расширяться и наш духовный мир, не так ли? И вот в новом здании ВЧГЭ впервые прозвучат песни нового, можно сказать, первого экспедиционного народного хора. Художественный руководитель и баянист Игорь Ткаченко. О профессии геологов сложено немало песен. Наиболее популярной была в свое время песня «Держись, геолог, крепись, геолог». В переложении на местные условия она поется так:

Ты на низменность в тундру попала,
Предо мною стоит Искатень.

Ты в болоте однажды под вьюком упала,
На хребтах превратился я в тень.

А путь и далек и долог...

Ну и так далее. Было спето много самодеятельных песен, отражающих весь полевой сезон от начала до конца. Затем Карамба сказала:

- А теперь переходим на зимне-камеральные темы. Главная из них -

Новоселье! Больше всех радуются новой жизни в новом здании обитатели дискомфортно-продувного гаражного «комплекса», где им приходилось мерзнуть всю зиму.

Наконец-то мы дождались, мы из «комплекса» ушли.

С дубориловкой расстались и уют себе нашли.

Ну-ка, комплексные люди, скиньте ватные штаны!

Жить в тепле теперь мы будем, красотой окружены.

Сбросьте валенки и шубы и пляшите гопака.

Здесь просторы - даже Дубов (Дюба) не достанет потолка!

При одном воспоминании начинает холодать.

То ли дело, в новом здании можно в тапочках ходить.

Две наши объемно-бедрастые Тамары, которые, как два океанских лайнера в узком канале, не могли разойтись в коридоре старого здания, здесь это делают играючи, плавно и легко.

В коридоре тары-бары уголки себе найдут,

В коридоре две Тамары вместе запросто пройдут.

Но самое главное достижение – отдельные, пространственно разобщенные туалеты для женщин и мужчин. Вероятность того, что Кирилл Пухов или какой другой алчущий мужик с переполненным мочевым пузырем сдернет с унитаза Зинаиду Белову или какую другую даму, свелась к нулю.

О раздельном туалете мы мечтали много лет.

Ах, спасибо, благодетель, за раздельный туалет!

Сегодня радуются все, кроме завлаба.

Молвит Котова Тамара: «Вся лаборатория

Без защиты, без забора! Пребываю в горе я!»

Блестящее решение внешних проблем не исключает проблем внутренних, связанных с качеством полевых материалов и взаимоотношением геологов-исполнителей и чиновников, стоящих над ними. Наш хитрый шеф Каталенко вывел из состава ЦГП ее начальника Свистоплясова и старшего геолога Крюканова, он систематически выплачивает им премии из АУПовской кормушки, которая никогда не скудеет. Эти деятели, бывшие полевики, теперь даже заинтересованы в том, чтобы троек было больше, потому что освободившиеся премиальные деньги, идущие в общеэкспедиционный фонд, частично попадают и в их карман.

Вот такие выкрутасы - премий нет полевику,

Ведь Крюкан и Свистоплясов иа АУПовском суку!

Но есть у нас устойчивые хорошисты, которые всегда премии получают и любят своих начальников.

Покидают тундру-поле, недоделки обругав,
Мудрый Юра Благоволин и толковый Тумкыргав.

Перезвонов и Колечко тоже парни хороши,
Как узоры на крылечке, хоть картины с них пиши.

По-прежнему нелегким делом остается разведка с ее вахтовым методом.

Ах ты, вахта, ух ты, вахта, пересменка трудная.

Тяжела же ты, разведка, россыпная, рудная!

Тем не менее, в этом году основной показатель деятельности экспедиции - план прироста запасов россыпного золота и рудного олова выполнен, начальник геологоразведочного отдела Трахман ходит в героях.

А запасы идеальны, от АУПа не бегут.

Все кварталы премиальны, все прекрасно! Трахман - гут!

И Лепешкин пукнул браво - в ГКЗ уже гора.

На медаль имеет право, заслужил! Экуг – ура!

Больше всех из АУПа начальники отрядов (материально ответственные лица) не любят необыкновенно вредного начальника отдела снабжения, председателя комиссии по списанию снаряжения Гришку Мудренко. Сегодня, в день геолога, они призывают его к перемирию.

Ах, Мудренко ты Мудремко, до чего же ты скупой.

Брось снабженческие сделки, с нами вместе песни пой!

И в заключение - хвала нашему геологолюбивому техсовету.

Техсовет, ну хоть ты тресни,

Будит творчество у нас.

На крюкан нанижем песни

Плюс веселый свистопляс!

Экспедиционный хор пел русские народные песни ("Зима", "Блины" и прочие) на семь голосов, полифоническое звучание приближало его к академическому хору. Лучшим певцом-хористом (а иногда и солистом) был, без всякого сомнения, геофизик Саша Квасин, мощный оперный бас. Среди женщин-сопрано (первые голоса) выделялись завлаб Тамара Котова и геолог камеральной группы Буровой ГРП Люба Тынская, а среди альтов (вторые голоса) никто не мог сравниться с Олей Доценко. Она являлась душой хора, его вдохновителем и организатором, тащить хор ей было нелегко, но интересно, потому что сама очень любила петь.

Праздник прошел, новоселье отмечено, наступили трудовые камеральные будни. Мараваемский отряд, завершив трехгодичные полевые работы, писал окончательный отчет. Но летом геологов от писанины оторвали, их молотки нужны были в поле, в других отрядах. Свистоплясов уже пристроил Козю, Кутю и Валеру, и добирался до Дениса, но тот сделал ход конем. Идти в какой-то чужой отряд, на чужую территорию и делать маршруты «для дяди» Денису не хотелось. Ему было гораздо интереснее и полезнее поползать по Деве и ее окрестностям. Денис, минуя ПБ, пошел к главному геологу Плюсику и сказал:

- Структура рудного поля Девы изучена слабо. Я предлагаю послать туда меня одного, там я займусь трещинной тектоникой, обследую все коренники.

Плюсик согласился, доложил Каталенко.

- Перемерить трещины - дело хорошее, но этого мало. Дадим Доценко бульдозер, пусть проходит магистральные каналы, - решил Кат.

- Вот это довесочек! - ахнул Денис, но отступать было поздно. Бульдозер на Деву перегнали без его участия до половодья, по мерзлой тундре, и он ждал там исполнителей работ - геолога и тракториста. Машина была передана в отчет Доценко.

Второго августа начальник Мараваемского отряда Денис Доценко на вертолете МИ-4 прилетел на базу Энгергынского отряда, к Володе Клинову, завершившему первый круг геолого-съёмочных работ. Получив у него продукты и снаряжение на двоих, Денис дал РД Свистоплясову о готовности к вылету на Деву.

С берегового уступа Энгергына Денис увидел пасущихся у берега хариусов, и ему захотелось ущицы.

- Володя, под берегом хариусы гуляют, поймай несколько штук. Я буду сверху тебя направлять, корректировать.

- Давай попробуем, - согласился Клинов.

Спустившись к воде с удочкой, опытный рыболов забросил крючок - мормышку. Непосредственно у воды рыба не была видна.

- Володя, чуть подальше и левее... так, так, стоп! Сейчас клюнет. Внимание, есть!

Клинов вытащил пять хариусов и Денис приступил к стряпне. Проходя мимо кухни, он нашел выброшенный прелый лук с желто-зелеными ростками. Денис порылся в куче, набрал пучок перьев. Все остальные специи на кухне были, уха получилась превосходная.

- Денис, да ты прекрасно готовишь! - восхитился Клинов. - Какая вкусная уха! Да еще и с зеленым лучком! Где ты его взял? Из поселка привез?

- Зачем? У вас на помойке взял, ваш лучок пророс. Такую прелесть выбрасываете.

- Ха-ха-ха! Молодец.

Энгергынская уха была у Дениса первая и последняя за сезон. На Деву, где рыбой и не пахло, он взял только несколько вяленых хариусов, предложенных Володей.

Пятого августа Денис приземлился у подножья Девы, разгрузил вертолет и, проводив его взглядом, окунулся в кромешную тишину. Один. На сто километров вокруг - ни одного человека. Началось испытание геолога полным одиночеством, длившимся три недели. Рацию Денис наладить не смог, с внешним миром его связывала только спидола.

Первым маршрутом, с подходом восемь километров, Денис посетил проявление олова, выявленное Петром Польским в прошлом году и преподнесенное им как коренное месторождение с несколькими кварц-касситеритовыми жилами. На самом деле все оказалось совсем не так - обломки рудных жил были эрратическими, они лежали на поверхности морены, то есть, принесены ледником со склонов горы, вмещающей Деву.

- Так что, Петя, извини, никаких рудных тел здесь нет, это всего лишь ледниковые отложения, - сказал Денис, завершив изучение «рудоносной» морены (студент-заочник Польский находился в это время в учебном отпуске, защищал дипломный проект по Мараваемскому рудному району).

У Дениса пошла ежедневная рутинная работа - массовый замер трещин для составления диаграмм и определения преобладающего направления гидротермальных образований. Ветры, туманы, дожди и снегопады не прерывали этого кропотливого занятия. Двадцать второго августа состоялся последний (четырнадцатый) маршрут по рудному полю и досконально изученная Дева укрылась снежным одеялом. Дальнейшие маршруты Денис проводил по ее периферии.

Двадцать шестого августа, возвратившись из маршрута, Денно нашел в своей палатке рабочего-бульдозериста по фамилии Голодун. Одиночество геолога кончилось, чему он был несказанно рад. К тому же, прилетавший на вертолете Валера Яковлев наладил рацию, и Денис стал слышать все сезонки. Жизнь круто изменилась в лучшую сторону. Геолог провел на гору бульдозер, показал Голодуну направление, тот пропахал вверху до низу «первую борозду», наметил магистральную канаву.

Двадцать восьмого августа на Деве побывали командиры ВЧГЭ Каталенко и Плюсик (Коля Журавлев – В.П.), полазили по склонам водораздела, быстро во всем разобрались и отдали Денису приказ: немедленно осмотреть и переопробовать верхнюю зону по канаве

номер пять, дать оценку, о выполнении доложить по рации тридцатого августа в девять ноль-ноль.

Денис выполнил приказ, притащил с горы пятьдесят килограммов штучных проб, но РД давать не стал - зачем? Если в пробах что-то есть, анализы покажут, а это будет нескоро. А видимого касситерита в канаве не было (документировал Яковлев) и нет, просто Мохнорылому нехрен было делать, свой начальственный гонор проявил.

С бульдозером беда - он с первого же заезда начал разваливаться. Причем оказалось, что он не может двигаться назад, что существенно меняло методику проходки, усложняло ее. С каждым днем длинная яма с боковыми отвалами становилась все более безобразной и безнадежной. На пятый день работы бульдозер, находившийся в нижней части склона, свалился с крутого отвала, перекосясь, стал боком и чуть-чуть ни опрокинулся. Голодун успел выскочить из кабины и убежать от опасно наклонившейся железяки. Денис впал в крайнее уныние, он не понимал - то ли бульдозер действительно неисправный, плохой, то ли тракторист - совершеннейший, безмозглый дурак. Ясно было одно - машину надо спасать, она у него на подотчете. И хрен с ними, с этими канавами, лишь бы бульдозер остался цел и смог отсюда убраться по добру - по здорову. Но кто сможет организовать спасательную операцию? Никто, кроме соседа Володи Клинова, у него есть вездеход, трос и люди. Денис связался с Клиновым, рассказал про свою беду. Володя пообещал выслать вездеход и свое обещание, хоть и не сразу, выполнил.

Пятого сентября клиновский вездеход во главе с Валерой Яковлевым начал спасательные работы. Бульдозер удалось вывести из критического состояния, сдернуть вниз, к подножью склона, поставить на ровную, твердую площадку. Даже небо возрадовалось содеянному - заиграло первым полярным сиянием в эту благословенную ночь.

Через два дня подремонтированный бульдозер снова взобрался на гору и попытался погрести, подвигать с борта на борт сыпучий грунт, но тут же снова сломался, кое-как спустился вниз, к палатке, где и остался на зиму. Теперь Денис за него не беспокоился - пусть себе стоит, им займутся другие. А Денис двадцать второго сентября вылетел в поселок, завершив этот странный, одиночно-бульдозерный сезон. Пока Денис сидел на Деве, его старший сын Василий, закончив Нырвакинотскую среднюю школу, вместе с другом Игорем Каровым поступил в Ленинградский горный институт. Это и стало главным событием 1984 года в семье Доценко.

Всю зиму 84-85 года мараваамцы писали отчет. Весной возник вопрос о переименовании оловянного месторождения. Почему? Да потому, что со стороны и простых геологов, и членов техсовета было много насмешек. «Залез на Деву, слез с Девы, опробовал Деву», - зубоскалили они. Стало очевидным, что предварительное название для окончательного отчета и передачи потомкам не годится. Денис, посмотрев карту, остановился на вершине «Тутумын» (на которой побывал Вася) и решил - хоть и далековато от месторождения, зато звучит таинственно и гордо, название годится, быть по сему. Легкомысленная Дева изо всех текстов, карт и разговоров исчезла, вместо нее появился солидный, весомый, серьезный Тутумын. Денис спросил у Тумкыргава, что означает это слово. «Поганое место», - перевел Миша и засмеялся, обнажив влажные розовые десны. Денис смутился и махнул рукой: «Ладно, сойдет, тем более, что соответствует действительности. Да и перевода никто не знает, пусть думают, что хотят».

Поначалу это новое непонятное имя на слух воспринималось неправильно, неточно, многие коверкали его. Даже главный геолог Плюсик, пока ехал в Магадан, забыл это название и представил месторождение начальнику СВПГО как Тынатын (впоследствии Денис выяснил, что это - имя красавицы из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» - вон куда Плюсика занесло!

В это время в Иультинском районе разворачивались изыскательские работы для обоснования проекта строительства Амгуэмской ГЭС. Экспедиция получила от проектной организации, базирующейся в Ленинграде, заказ на бурение скважин, в первую очередь по

створу плотины. Была определена высота плотины, уровень и площадь Амгуэмского водохранилища. Проект был настолько грандиозным, что аж захватывало дух. «Половина территории Маравамского отряда будет затоплено, уйдет под воду, но зато какие открываются перспективы для развития горнодобывающей промышленности! Многие разведанные экспедицией месторождения олова, в том числе Тутумын и Озорник, окажутся на берегу рукотворного озера, руду можно будет доставлять по воде, на баржах, к новому горно-обогательному комбинату, построенному на трассе Нырвакинот - Иультин, недалеко от Экуга. Восточная Чукотка, бассейн Амгуэмы, превратятся в экономически освоенный район со своей инфраструктурой!» - фантазировал Плюсик. Отсюда и его желание сделать Тутумын хорошим месторождением. Главный геолог ВЧГЭ выбил в Объединении деньги на поисково-разведочные работы. В связи с тем, что мнения относительно перспектив Тутумына на НТО разделялись, были сомнения и споры, новый отряд был назван Спорным. Его начальником назначили выходца из Науканской экспедиции Ивана Козловского.

В начале нового, 1985, года Каталенко экспедицию бросил и, по примеру своего предшественника Супина, ушел в райком КПСС на должность второго секретаря - только так можно было делать дальнейшую карьеру. У геолога Доценко и начальника экспедиции отношения были напряженными, потому что Денис попивал и получал от него втыки. Как-то в порыве самоуничижения, признавая подавляющую энергию и деловую мощь Мохнорылого, Денис написал.

Мы похожи, как курганы, что стоят недалеко.

Вы Иваныч, мы Иваныч (Егорыч). Вы на "ко", и мы на "ко".

Остальное все иначе, двойника я не обрел.

Вы сильнее и богаче, мы - евражка, Вы - орел!

Север нас объединяет, ВЧГЭ - одно ярмо.

От обоих нас воняет, мы – с похмелья, Вы ... тюльпан (говно).

Короче, могучий был мужик! В экспедиции он сделал все, что мог, и ему в ней стало тесно, скучно, его богатырская натура требовала более широкого поля деятельности, и он стал руководящим партработником. А то, что вторым - так это временно, не пройдет и полугодя, как он станет первым, а потом уйдет в обком и так далее - в этом никто не сомневался. По поручению партийной и профсоюзной организации Денис написал для Каталенко «Оду к новому уходу» (как продолжение сочинения соседней, Западно-Чукотской экспедиции).

Был у соседей Македонским, у нас Каталенкою стал –

Самим собою, то есть. Этим воздвиг для славы пьедестал.

Что говорить о достижениях? Их очень много, знают все.

От интенсивного движенья сверкнула седина в усе.

Иваныч правил честно, строго! Досталось многим. Но, зато,

И многие имели много - кто на «Москвич», кто на манто.

Что наблюдаем мы сегодня? Нет лучшей доли и судьбы -

Как Петр Первый на дыбы, враз ВЧГЭ Иваныч поднял!

Благоустройство и прирост, довольны женщины и дети,

Повсюду виден бурный рост - и хор поет, и солнце светит!

Теперь пред Вами весь район, и тут желаем Вам успеха.

Кому-то станет не до смеха, но будет Север покорен!

Каталенко передал экспедицию давно мечтающему о кресле начальника главному инженеру Умелину (кличка - Циклоп). Это было такое же хамло, как его предшественник, но отличалось оно от Мохнорылого тем, что было еще более крутого нрава, и наказывало жестче, беспощаднее. Циклоп (Леонид Николаевич Попков? – В.П.), к тому же, много пил, был бытовым алкоголиком, но на работе сам терпел и другим похмеляться не давал, отчего всегда был зол и раздражителен. Складчато-мясистерая бульдожья морда Циклопа, с одним стеклянным глазом, постоянно была красная, боевая.

Первый от Циклопа пострадала, как ни странно, спокойная, трудолюбивая, дисциплинированная женщина - Маруся Виноградова. У нее из кабинета пропала секретная карта. В конце дня она, как и положено, сообщила об этом в спецчасть, оттуда информация поступила к Циклопу. Наследующий день злополучная карта была найдена среди бумажных отбросов в мусорном мешке уборщицы тети Маши (слава Богу, не успела сжечь), но делу был дан ход. Циклоп настоял на открытом, показательном процессе. В конце рабочего дня всех геологов собрали в актовом зале. За столом президиума сидели начальник экспедиции Умелин, главный геолог Колечко, заведующая спецчастью Заболоцкая и неизвестный мужчина без особых примет - агент КГБ. Карты у геологов пропадали и раньше, но такого судилища экспедиция еще не знала. Бедную Марусю обсудили со всех сторон. Все говорили о ней только хорошее, все начинали выступление со слов: «Уважаемую Марию Васильевну я знаю вот уже ...» Геологи Маню хвалили, предлагали ограничиться общественным порицанием или «поставить на вид», но Циклоп был неумолим. «Уважаемая Мария Васильевна допустила грубое нарушение... проявила халатность... разгильдяйство... недопустимо... жесткая дисциплина... близость Америки... бдительность... будет строго наказана». Последовал строгий выговор и лишение премии. Гордая Маруся, подвергшаяся публичной порке, ставшая «уважаемой», смертельно обиделась на гнусного Циклопа, на весь АУП и вообще на весь коллектив экспедиции в целом. Она замкнулась в себе, уныло сидела в своем кабинете, перестала шутить-улыбаться и ходить с большой расписной кружкой чая и кружком лимона в оформительскую для веселой беседы с подружками-хохотушками. У Маруси произошла психологическая камака (? – В.П.).

ОТПУСК- 85

Дождавшись, когда Коля (Максим Петренко) и Катя (Настя Петренко) закончат учебный год, Денис (Евгений) и Оля (Зоя) Доценко (Петренко) отправились в отпуск. У Оли была путевка в подмосковный санаторий «Родина», где лечили сердечников. Была у Доценко и туристическая семейная путевка на троих - теплоходом по Днепру из Киева до Одессы и обратно.

В числе туристов, постоянно находясь рядом с Доценками, плыла на корабле Чвычкина жена Галя - энергичная, деловая, веселая и хорошо сложенная женщина с чистой белой кожей. Раздевшись, она из бесформенной чукчи (на Севере все женщины укутаны-упакованы во множество одежд, скрывающих их природную форму) превратилась вдруг в белораморную Афродиту с красивым бюстом и тонкой талией. «А у Чвычки губа не дура», - подумал Денис. Хорошая Галя женщина, но беспокойства окружающим доставляла много - уж больно шепутная и нервная была. Везде, где она появлялась, создавалась конфликтная ситуация. Денис сказал ей об этом, она засмеялась и ответила: «Да, я это знаю, но сделать с собой ничего на могу, меня раздражает бардак, который я вижу, я начинаю кричать и ругаться». Впрочем, на корабле не одна она такая была - находились бабы и похлеще.

Что делали водные туристы, помимо еды (кормили как «на убой»), сна (с приятным покачиванием на волнах Славутича), чтения книг, загорания, танцев и кино? Об их досуге заботились старосты групп и неумные активисты-общественники, от которых Денис бегал и прятался по всем палубам, как от чертей. Они заставляли его петь в хоре. Они уже уговорили Олю и Галю и науськали их на Дениса - хору позарез нужен был бас. Ну, а басу, отдыхающему на теплоходе, этот хор и на хер был не нужен. Но, вынудили-таки, заставили репетировать. Наибольшее агитационное воздействие оказала жена: «Не будешь петь – не дам», - сказала она. Денис запел.

И еще в одно мероприятие попал, он. Корабельно-теплоходная дама - культмассовичка каким-то образом (да от кого же, как ни от его болтливых спутниц) узнала, что Денис - чукотский геолог, «человек интересной профессии». А она, эта восторженная дама, как раз и готовила встречу простых, не интересных туристов с

туристами необыкновенными. Пришлось Денису рассказывать об опасной близости Америки, то есть США, об американских шпионских воздушных шарах и подводных лодках, об исчезающих жителях прибрежных поселков и моряках гражданского флота, о пропавших женщинах, ушедших за грибами и найденных голыми в волноприбойной полосе... Ужас! Поведал Денис неискушенным, наивным обитателям европейской России и о своей романтической профессии, о встрече с медведями, о несравненной рыбалке, о мифическом Золотом Великане, ноги которого лежат на Аляске, туловище - на Колыме, а член - на Чукотке. «Вот им-то мы и занимаемся», - под смех и аплодисменты собравшихся закончил Денис свой доклад.

Больше всех смеялись и хлопали знакомые Денису женщины, чукотские геологини Оля и Галя. Они признались, что о многом из того, о чем говорил Денис, они услышали впервые. Они узнали о своих краях много нового и интересного - откуда все это оратор взял? Действительно ли все так было, или он лапшу на уши вешал? «А как хотите, так я понимайте, - ответил лектор, - главное, чтоб было занимательно, так? Ну вот, я своей цели достиг, публика хотела экзотики и получила ее!

- Получила, получила, - зачирикали знакомые дамы, и повели Дениса на винопой.

Сыр-бор с самодеятельностью на корабле был затеян с целью дать концерт на последнем, отвальном-прощальном вечере перед возвращением в Киев. Палубное выступление состоялось. Славутич услышал песни чукотских геологов. В теплом южном воздухе с безоблачного ярко-звездного неба посыпались невидимые холодные снежинки. «Снег, снег, снег, снег, снег над палаткой кружится...» - пели Оля и Галя, а хор вторил им. И что удивительно, Галя перед публикой выступала впервые, да вообще, казалось, поет первый раз в жизни, по крайней мере, на Чукотке Денис ни разу ее пения не слышал. И, слава Богу, потому что в вокальном отношении Галя была одинакова с Чвычкой, была ему отличным вторым сапогом - парой. А тут на тебе, запела! Да еще как - громко, аж уши режет! И мелодию не блюдет, не туды тянет! Оля с ужасом поглядывала на самозабвенно завывающую подругу и пыталась заглушить ее - да куда там! У Дениса возникло желание сграбастать певицу и выбросить ее за борт корабля, по примеру Стеньки Разина. «О, Славутич, батько ридный, на красавицу, прими!» Но, тут же возникла другая мысль: «А как же Чвычка? Он будет плакать, он не простит» - и Денис не тронул Галину. Ну, а публике нахальство поддатой самодеятельной певицы даже понравилось, потому что так петь могут все.

В заключение ночной программы были вино и танцы до упаду. Денис плясал, как очумелый, он бил в палубу каблуками, как бешеный конь, он вскидывал ноги, подпрыгивал, крутился и вертелся среди хохочущих, краснолицых, потных дам. Это был финал, достойный гулянки лихой Запорожской Сечи.

Осенью, туристом прокатившись по Литве, Денис приехал в Ленинград, к сыну Васе.

Жил он в Чвычкиной кооперативной квартире, которую ему сделал его папа, директор завода и член бюро КПСС. Тут же проживала и Галя Благоволина, у которой отпуск тоже еще не кончился. Вместе в ней Денис побывал в гостях у Юркиных родителей, в их старинном номенклатурном доме с широкими мраморными лестницами и высокими потолками. Родители собирались выезжать на дачу под Сестрорецком и пригласили туда чукчей. Закупив кое-какие продуктишки («да не берите вы много, у них там все есть», - шумела Галина), Доценки на электричке достигли нужной им остановки и без особого труда нашли «чвычкину дачу». Дом большой, с мансардой и внутренней лестницей. Родители с собакой обитали внизу, рядом с кухней, а Юрка, когда приезжал, владел мансардой. Чердачная комната с изогнуто-наклонными стенами, обшитая желтыми лакированными досками, Денису очень понравилась.

Гости гуляли по сосновым окрестностям дачного поселка, по песчаным холмам-моренам с огромными гранитными валунами, пилили, рубили и кололи дрова, сгребали в кучи опавшие листья в саду, таскали и бросали их в компостную яму, утаптывали-утрамбовывали их, заполнив листохранилище доверху. За все за это Юркина мама

кормила работников три раза в день. Она не могла нарадоваться, глядя на чукотских гостей. «Такие трезвые, работающие, такие молодцы, - говорила она. – А то придет этот, как его, забыла, ну который любит пить, они с Юрой ничего по хозяйству не делают, только и знают, что квасить, а пользы от них никакой». Денис догадался, кого она имела в виду - это был Куликов (Журавлев? – В.П.) Коля (Куколя), геологоразведчик. Приезжая в отпуск, он, как правило, безвылазно сидел в Москве, в родительском доме, и крепко пил. А когда становилось скучно, он ехал в Ленинград и составлял компанию Юрке, не всегда предупреждая его о приезде. Однажды Чвычка застал его прямо на даче. Заходит во двор, смотрит - на ступеньках крыльца сидит, склонив голову, какой-то горемыка. Подходит, смотрит - ба! Да ведь это Куколя! А рядом с ним - сумка с бутылками водки.

- Стаканы есть? - заорал Куколя.

- Ага, - ответил Чвычка и отомкнул дверь.

Друзья молча принялись за дело, изредка перебрасываясь малозначительными фразами. Им и без слов было хорошо на даче под Сеетрорецком. Когда все было выпито, Куколя вздремнул и уехал в Москву - похмеляться. На то и отпуск чукче дан.

Подъез все имеющиеся на даче продукты, прожорливые Доценки вернулись в Ленинград. Вслед за ними покинули дачу и Благоволины - подготовка к зиме была завершена. Попрощавшись с сыном, Денис в середине сентября возвратился в Нырвакино. Пять месяцев пролетели. После такого отпуска Денис мог спокойно сидеть на своей Чукотке хоть три года подряд, не испытывая тяги к материковским удовольствиям.

Начало конца «цветущего расцвета»

В Нырвакино Денис узнал, что бывший начальник экспедиции, затем секретарь райкома и обкома КПСС Каталенко сделал – таки свою карьеру - стал генеральным директором СВПГО – «Генералом». Главным геологом ВЧГЭ вместо молодого перспективного Плюсика стал еще более молодой и значительно более перспективный Колечко. Сначала, правда, эту должность предложили куда более достойному специалисту Крюканову (Куканову), но Саня решительно отказался, даже думать не стал – он не мог быть ГЛАВНЫМ геологом потому, что был геологом НАСТОЯЩИМ.

1985 год был юбилейным (тридцать лет геологической службы на Чукотке) для Федора Свистоплясова (В.В. Плясунов? – В.П.). Инга Сосновская - Карамба и Зоя Щукина, влюбленные в ПБ, обратились к Денису с просьбой написать ему стихотворное поздравление, хвалебную оду. Денис возмутился:

- Да как вы можете мне такое предлагать?! Ведь, Свистоплясов и стихи несовместимы!

Но, это был первый порыв, первая и естественная реакция. Через некоторое время, уступая настойчивой мольбе общественных активисток, Денис сдался.

Наш Федор похвалы достоин, он натворил немало дел.

В своей судьбе чукотский воин всего добился, что хотел.

От миллионки до десятки - за тридцать лет он все познал.

И брал он от природы взятки, от недр подарки принимал.

Прекрасно с техникой справлялся, в ней для него секретов нет.

Для нас примером он являлся в теченьи долгих-долгих лет.

Теперь он правит честно, грозно - или тепло, или морозно,

Но иногда бывает прав, хоть и крутой имеет нрав.

Точить он зря не любит лясы, драть подчиненных не устал.

О, если б Федор Свистоплясов веселым, добрым, чутким стал!

Саня Крюканов, прочитав оду, ухмыльнулся и, тыкая пальцем в последние строчки, произнес: «Не дождетесь».

Беспартийный, умеренно пьющий Свистоплясов сделал максимально возможную для него карьеру, поднялся на вершину трудовой славы, его портрет постоянно висел на Доске Почета. Иная судьба постигла его сверстника, ветерана труда с таким же стажем -

Витю Галина. После мараваамских полей геолог окончательно спился и был из экспедиции уволен по нехорошей статье. Поработав с годик в строительной организации, Витя угодил на принудительное лечение в ЛТП сроком на два года.

Назначение Колечко на должность главного геолога для геологов-полевиков было неожиданным, однако начальству виднее, рассуждали они. Да и в чем, собственно, дело? Парень энергичный, деловой, с головой, хоть и в съемке ничего не смыслит и горных пород не знает – подойдет, экспедиция всяких главных видала. Как сказал Чвычка, «хуж не бу».

Хуже было то, что экспедиционный хор покинул идейный бас-коммунист Квасин. Он ушел в райком КПСС. По этому поводу Денис выдал такую «эпитафию со слезой».

Был геофизиком чудесным,
Бродягой был полевиком.
Опора хора, пел ты песни
И вот - увы! - ушел в райком.
Коль предназначено судьбой,
Прощай, товарищ Квасин.
Держи в райкоме хвост трубой,
Его собой украся.

Ущербный хор, тем не менее, продолжал петь. Без баса Квасина звонкоголосые женщины явно заглушали мужиков, гармония-полифония была нарушена. В это время двум замечательным певицам - Оле и Римме - исполнилось двадцать чукотских лет. Для Оли Доценко, дражайшей своей супруги и высокопрофессионального картографа, Денис написал:

Все по работе хорошо, а этот пунктик - главный,
Какой-бы ей заказ ни шел - все изготавит славно.
Играет Оля в волейбол, бьет по мячу, как пушка!
Дружинить ходит слабый пол, застенчивое ушко.
Достойна Оля алых роз, за то, что хора тяжкий воз
С бурлацким стоном тянет и нас зовет и манит.
Сильна как женщина и мать троих детей чудесных,
Поет для всех, но и сама она достойна песни.
Позиций, Оля, не сдавай - трудись и пой! Давай-давай!
Вторая знатная юбилярка - инженер-спектрографист Римма Крюканова.
Уж двадцать лет на спектрограммах,
А изменилась ли? Ни грамма!
Все так же Римма молода
Как и в далекие года.
Ударных темпов не теряя, анализ четко выдает.
На лыжах мужа обгоняет, не хуже Котовой поет.
Давать советы ей не надо - она сама желанью рада:
В Нырвакиноте вечно жить и геологии служить.

Хор хирел, зато в экспедиции появился метролог Логинов, профессиональный гитарист, - играющий по нотам лучше Виноградова! И он создал ансамбль из девяти гитар, и загудела-зазвенела Экспедиция! По вечерам, в промежутках между хоровыми пениями, с пятого этажа геологической конторы на центральную улицу имени Ленина лилась гитарная музыка, сыпался струнный звон. Удивительное дело! Даже такие неотесанные, туповатые геологи, с толстыми корявыми пальцами, как Степан Небаба, Иван Глухарев (Иван Глухов) и Вася Маркин (Василий Марков), сроду не игравшие на гитаре, вдруг взялись за нее и samozабвенно, с серьезнейшим видом, потея, исполняли свои незатейливые партии (пум-пум, пум-пум, пум-пум, - брэнчали они на басах). «Поисковые ребята», - так назвал маэстро Логинов свой неподражаемый гитарный коллектив.

Действовал в экспедиции и УГЗ - университет геологических знаний, ректором которого был Эдуард Сеницын. Активным его участником был и Денис Доценко, взявший тему для майского выступления. Называлась она так: «Металлогения перивулканической зоны». Территория Мараваемского отряда, по которой писался отчет, располагалась как раз в пределах этой зоны. Написание отчета шло с большим трудом. Старшие геологи-тугодумы Козин и Кутенков в график камеральных работ не укладывались, отставали - тут уж явно сказывались их умственные, геологические и писательские способности.

Борьба с пьянством и алкоголизмом, объявленная сверху Горбачевым и восторженно поддержанная снизу женщинами и партийной номенклатурой (которая от этой борьбы ничего не теряла, по-прежнему получая спиртное в неограниченном количестве через задний проход магазина), существенно сказалась на жизнедеятельности геологов. Заветные бутылочки теперь выдавались в ограниченном количестве и только по талонам (на многие продукты тоже были талоны). Отдел кадров приобрел новую, чрезвычайно важную роль - Мурена, жена Циклопа, выдавала талоны. В талонный день в экспедиции делалось шумно, работники бегали из кабинета в кабинет, меняли талоны. Некоторые крепко пьющие бедолаги - мужики ловили непьющих женщин, предлагали им за водку, коньяк или вино все что угодно, любой продуктовый дефицит. Такие обмены часто случались, геологи, добывшие дополнительные спирто-талоны, радовались как дети, получившее любимое лакомство.

Вот в такой полусухой обстановке состоялся день рождения Маруси Виноградовой, совпадающий с главным советским праздником – годовщиной Октябрьской революции. Денис написал:

Ликует нынче весь народ - ведь день рождения у Маши!
С утра гудит Нырвакилот и красным флагом Маше машет.
Надув пузатые шары, сегодня чествуем Марию,
Несем незримые дары и кажем шиш зелену змию.
Долой презренное вино! Отметим день рожденья чаем!
Все, что на радость нам дано, мы символически вручаем.

Новый и молодой, как месяц, показывающий на «ведро», главный геолог Колечко, обаятельно улыбаясь (это он при нужде изображать умел), играл в демократию, демонстрировал образец руководителя новой, перестроечной формации. Старых геологов он, однако, уважал, даже заискивал перед ними, юлил, жал руки перед тем, как они усаживались за столом. Он предлагал приглашенным сигареты - курите товарищи, не стесняйтесь. Некурящий Денис морщился. «Лучше бы коньячку предлагал», - думал он.

В середине ноября перед поездкой в Магадан Колечко провел совещание по Тутумыну. Денис рассказал о геологическом строении рудного поля и прогнозных ресурсах оловянного месторождения. К этому времени он окончательно убедился, что оруденение приурочено к кольцевой палеовулканической постройке и имеет значительные перспективы на глубину. Колечко с его мнением согласился, Крюканов тоже, Свистоплясов промолчал.

Оформители в этот день отмечали рождение Нины Кононовой, поздравляли ее Денисовыми стихами.

Ах, Нино-Нино-Нино, ты - как терпкое вино,
Ты - как зрелый виноград, съесть тебя любой бы рад.
Но один лишь Мясоед, и на ужин, и в обед
Как чирову строганину крепко любит строго Нину.
И сынуля спозаранку настоящую гуранку
В щечку нежно чмок да чмок! Богатырь растет сынок.
Поздравляем нашу Нину с днем рожденья от души,
В нашем чудном коллективе лет до ста черти - пиши...

В конце ноября состоялась защита полевых материалов Спорного отряда, проводившего поисково-разведочные работы (проходку канав и траншей) на

месторождении Тутумын. Иван Козловский сравнил его по типу руд с крупным дальневосточным месторождением Хинган, но, выполнив большой объем поверхностных горных выработок, оптимистичные прогнозы Доценко сократил вдвое. Ну что ж, так бывает всегда, Денис и сам «зарезал» два месторождения потому, что чем больше канав, тем точнее подсчет запасов металла. Однако, все месторождения, на которых Денис побывал, на глубину бурением не изучались и их оценка, основанная только на поверхностных наблюдениях, была условной.

В декабре экспедиция чествовала Геннадия Цукина, прочно осевшего в камеральном кабинете и превратившегося в «чугунную задницу». Он составлял региональные металлогенические и прогнозные карты с использованием ставших модными космических снимков. Цукин, достигнув двадцатипятилетнего чукотского стажа, приобрел кооперативную квартиру в Херсоне.

Познавши тундру, волны, пену, кукуль, палатку, молоток,
За обобщенья взялся Гена - чукотских недр большой знаток.
Теперь держись, мезозоиды! Богатства ваши – не секрет.
Теперь космические виды дадут на все прямой ответ.
Что? Где? Когда? Ответит скоро Геннадий Цукин – эрудит.
Не покидая стен конторы, он перспективы породит.
Держись, геолог, будь здоров! Послав подальше докторов,
Не уставая от успехов, с улыбкой мудрой на устах,
Еще лет двадцать пять, без смеха, не покидай залив Креста.
Пусть будет долго твой Херсон как дальний сад, как дивный сон...
Другой, более молодой товарищ Дениса Иван Глухарев перевалил за пятнадцать.
Пятнадцать лет! Он - молоток! Свой стаж отбарабанил,
Как геохимии знаток созрел геолог Ваня.
Покрыв металкой Чаныван, ресурсы выдал наш Иван,
На руды Телекая теперь он намекает.
Поет суровую зимой, играет на гитаре.
Спортивный, бодрый, деловой Иван всегда в ударе.
Большой Нежданчик впереди! Найди его, Ванюша.
С улыбкой солнечной иди и Свистопляса слушай.
В числе юбиляров оказался и Великолепный Чвычка - Юра Благоволин.
Пятнадцать лет грызешь ты скалы и свиты тянешь без труда.
Нарисовал ты карт немало и лист составил - хоть куда!
Познал предельно вулканиты, в ВЧВЗ собаку съел.
Влюбленный страстно в игнимбриты, ты все же «чвычку» одолел!
Теперь пора в аспирантуру. Садись, пиши: «Прошу принять».
Давно готов геолог Юра в науке полочку занять.
А если нет, тогда породы смени, товарищ, на руду,
Чтоб все последующие годы в металлоносном жить саду!

В середине декабря ПБ спросил у Дениса: «Что будем делать с этими мальчиками? Подумай, доложи. «Федор имел в виду плохих ребят, хреновых камеральных работников Козю и Кутю. Денис намек понял и накатал такой рапорт: «Срок сдачи отчета Мараваемского отряда находится под угрозой срыва. Одной из причин этого является то, что старшие геологи Козин и Кутенков не смогли качественно и в срок написать свои главы «Интрузивные образования» и «Полезные ископаемые». Хроническая неуспеваемость, неспособность к самостоятельной работе, неумение четко и ясно излагать требуемые инструкцией положения, а для Кутенкова и проявление геологической неграмотности - вот что характерно для их производственной деятельности. Объявлять им выговор не имеет смысла - возраст не тот, не исправятся. Вопрос надо ставить об их соответствии с занимаемой должностью».

Сразу после нового года началась кампания против Кутенкова (Козина пожалели - у него много заслуг). Обосновать его профессиональную непригодность поручили Пухову. Кирилл Сергеевич, прекрасно зная этого фантазера и сачка, копнул все его прошлое, составил досье, собрал компромат и передал его Свистоплясову. Вышел приказ о понижении Кутенкова до геолога сроком на три месяца. Кутенков подал протест в конфликтную комиссию. В середине января состоялось заключительное заседание, на котором члены комиссии с приказом начальника экспедиции согласились. Куля сник, Доценко негодовал - почему только на три месяца? Навсегда, на всю жизнь надо лишить его звания старшего геолога! Не тянет он на него! Ему ответили - КЗОТ не позволяет.

А наказанную Циклоном уважаемую Марию Васильевну геологи поздравляли с двадцатипятилетним чукотским стажем. Денис Марусе написал:

«За 25 перевалило - ну что же, это очень мило.
Ничто не стоит мне опять начать сначала 25.
На картах я набила ручку, их выпускаю чередой.
Хотя за них имела взбучку, грозили мне они бедой.
Я карты лихо составляю, без них разведчикам - никак!
Буренье где-то направляю и в этом деле я - мастак!
Но вспоминаю с умилением моменты жизни полевой,
И эти чудные мгновенья всегда стоят передо мной».
Марии нашей мы желаем в Нырвакиноте долго жить,
Романсы нежно напевая, разведке с пользой служить.

Столько же лет проработал на Чукотке и Машин муж Евгений Виноградов - старший геолог Энгэргынского отряда ГГС.

Итак, минуло 25. Был путь далек и долог,
Но скажем дружно мы опять: «Держись, крепись, геолог!»
Умелец съемки групповой, знаток любого дела,
Спортивный, быстрый, деловой - иди на горы смело!
В маршрут ходи, как на парад, до пенсии и дале.
О, солнца друг! О, ветра брат! Достоин ты медали.
С гитарой верной лет до ста и с молотком железным
Не покидай залив Креста, будь ВЧГЭ полезным!

До секретно-карточного инцидента с женой, Виноградов ладил с Циклопом, особенно когда был главным геологом, и частенько выпивал с ним. Производство и бутылка объединяли этих столь разных людей. Но теперь, когда Маруся по административно-подлой инициативе Циклопа стала «уважаемой Марией Васильевной», Евгений к бывшему коллеге – другу - собутыльнику стал испытывать неприязнь. Еще большую неприязнь он испытывал к другому дуrolому - Федору Свистоплясову. Он презирал его за угрюмость, за отсутствие юмора (ПБ часто говорил: «Не понял юмора!»), за грубость и ту необоснованную психологическую напряженность, которую он создавал в ЦГГП. Он постоянно высмеивал его и разыгрывал. Был такой случай. Одна из студенток, направленная в какой-то отряд, пожелала работать в Энгэргынском отряде, вместе с подругой. Женя ей посоветовал: «А ты пойдй к ПБ и попроси его, чтоб тебя в наш отряд.

А кто такой – ПБ?

Начальник ЦГГП Свистоплясов, он сидит в кабинете напротив лестничной площадки. Хороший, добрый дядя.

А почему его так называют?

Женя не мог сказать студентке, что это означает любимое ругательство Федора Владимировича – «Падла - Блядь», поэтому объяснил так:

- Это его имя – отчество – Павел Борисович, сокращенно ПБ.

Пошла студентка к Свистоплясову и говорит ему: «Павел Борисович, я хочу работать вместе с подругой в отряде Виноградова». Крюканов, сидящий за соседним

столом, хрюкнул и склонился над картой. Пораженный Федор тупо уставился на девушку и долго рассматривал ее, как будто она только что грохнулась с потолка.

Пойдешь туда, куда пошлем, - буркнул он, наконец, и огорченная студентка вышла.

Ну что он тебе сказал? – осведомился Виноградов.

Пойдешь туда, куда пошлем. А почему он такой злой, ваш Павел Борисович?

Женя захохотал. Отсмеявшись, ответил:

Потому что у него постоянно болит зуб, а на подошве правой ноги шпора.

Второго начальника – Крюканова - Женя уважал. С тех пор, как Саня стал старшим геологом ЦГП, качество отчетов заметно возросло потому, что они подвергались процессу «крюканизации». «Крюканизированные» отчеты сезонных отрядов с тщательно отредактированным текстом, проверенными картами и разрезами принимались, за редким исключением, с оценкой «хорошо» как в Магадане, так и в Хабаровске. Поздравляя Крюканова с двадцатилетним стажем, Денис написал:

Наш юбиляр во всем силен – в науке, в деле, на рыбалке,

В маршрутах и на камералке – везде рекорды ставит он.

Дерет нещадно нерадивых, отчеты учит их писать,

Чтоб было ясно и правдиво, а не из пальца чтоб сосать!

Чтоб от инструкции – ни шагу, ни в коем случае, ни-ни!

Чтобы не портили бумагу, и чтобы не было мазни.

Должны геологи добиться, чтоб по крюкановски трудиться –

На хорошо или на пять. Чтоб к Юбилею – двадцать пять -

Крюканов весело сказал: «Достиг всего, чего желал!»

Стал полноценным чукчей-северянином и Степан Небаба.

Достиг пятнадцать казачина, суровый, правильный мужчина.

И в этот юбилейный год отличный написал отчет.

Прекрасный Степа полевик – без промаха стреляет,

В маршрут с хвостом* ходить привык – Здоровье охраняет.

Степан дремучей бородой уж сорок лет владеет,

Но даже с пьяной головой далек он от злодея.

Цветы выращивает он, на лыжах в горах рыщет,

И любит он гитарный звон, и счастье в жизни ищет.

Степан! Ты в главном не ленись - уже пора! Давай, женись!

***Полевой маршрутный хвост** - это большой лоскут кукуля, оленьего меха, привязанный сзади для прикрытия поясницы, ягодиц и кобчика от сырости, ветра и мороза. Прекрасная вещь! В любом месте можно сесть на землю, густой пышный мех ласкает, греет, радуется задницу геолога, предохраняя ее от геморроя, радикулита и прыщей. Один «недостаток» у такой подстилки - с нее вставать не хочется. Хвост носили не только широко известные записные радикулитчики, но и те, кто не хотел его иметь. В последние годы пристрастился к хвосту и Денис. Отчет Мараваямского отряда ГГС Доценко заканчивал в одиночестве и защитил его с оценкой «удовлетворительно». После этого он написал новый проект на геологическую съемку масштаба 1:50000 на площади Вешкапского рудного узла. В этом месте сложилась парадоксальная ситуация - на большую часть территории была составлена некондиционная геологическая карта масштаба 1:10 000 (сделал это Перезвонов). Иультинской ГРП здесь был пройден большой объем поверхностных и подземных горных выработок, а вот про кондиционную среднемасштабную геологическую карту в погоне за рудой забыли. Теперь Денису предстояло наверстать упущенное.

В это весенне-предполевое время все чукотские предприятия под нажимом райкома готовились к 27 съезду КПСС. Экспедиционный хор пел правильные партийно-патриотические песни. Первое конкурсное выступление хора в ДК состоялось первого

марта. В середине марта состоялось грандиозное выступление сводного хора, объединяющего все хоровые коллективы Нырвакинота и близлежащих поселков. Это был апофеоз народного творчества, высший хоровой пилотаж, свидетельствующий о единстве партии и народа, о большой работе, проведенной отделом культуры райкома КПСС.

Геологи научились хорошо петь, но открывать месторождения перестали. За последние пять лет ничего нового не появилось. Как открыл Козин Деву-Тутумын, так на этом все и кончилось. В экспедиции возник вопрос об эффективности поисковых работ. В районной газете «Заполярный горняк» разгорелась дискуссия, искусственно раздуваемая любителем всяческих скандалов Эдуардом Синициным. Денис Доценко тоже изложил свое мнение по этой волнующей теме. Он писал:

«Говоря об эффективности ЦГП, вопрос надо ставить ребром - пропускаем ли мы месторождения? Думаю, нет. Там, где они имеются, они открываются, а если площадь стерильна в отношении полезных ископаемых, то где ж их взять? Ярким примером работы на неравноценных площадях могут служить два соседних отряда групповой геологической съемки - Мараваемский и Энгергынский. Первый попал на рудный узел и выдал перспективный объект. Второй же, находясь между двумя рудными узлами - Иультинским и Мараваемским - из полезных ископаемых ничего практически интересного не нашел. И в этом виноват не отряд, а геологическая ситуация, причина стерильности здесь природная, объективная – «на нет и спроса нет».

Однако возникает другой вопрос - почему поисково-съемочные работы сплошь и рядом ставятся на малоперспективных территориях? Этого я не знаю, это делается свыше, непосредственные исполнители работ в выборе площадей не участвуют. И вот одним повезло, а другим нет, одни сделали открытие, у других его нет. Далее следует парадокс. К полевым материалам отряда, сделавшего открытие, техсовет экспедиции и НТО СВПГО предъявляют повышенные требования, за работу ставится низкая оценка; победители-первооткрыватели «награждаются» лишением премий. Отряды, проработавшие на пустых территориях, нередко оцениваются высоко и получают соответствующее вознаграждение. Таким образом, материальной заинтересованности в открытии месторождений поисковики не имеют. Влияет ли это на эффективность работ? Может быть, и нет, геологи работают честно, независимо от оплаты, но все равно такое явление нормальным считать никак нельзя.

А теперь третий вопрос - доводим ли мы до ума открытые объекты? Нет, не доводим. Вот этот факт и является первопричиной возникновения сомнений в эффективности ЦГП. А если выражаться точнее, то следует говорить не только о недостатках в работе одной ЦГП, а в работе Экспедиции в целом. Как экспедиция обеспечит сезонные отряды кадрами и техникой, таков будет и результат. В этом отношении мы находимся в полной зависимости от руководства ВЧГЭ, от его возможностей. Как же все-таки повысить эффективность наших работ? Одним из способов достижения этого является, на мой взгляд, более широкое применение бурения. Надо смело проводить глубинные поиски, пора относиться к колонковому бурению как к обычному виду поисковых работ. Нельзя ставить крест на месторождениях, оцененных только поверхностными горными выработками, особенно тех, которые располагаются в окрестностях поселка или недалеко от трассы Нырвакинот – Иультин. Еще в 1970 году профессор Лугов говорил: «Вы Амгень-то не гробите, бурить его надо!» Не разбурили, не смогли. А таких объектов у нас немало, они лежат, ждут серьезных многообъемных поисково-разведочных работ. И пока известные и вновь открываемые рудные объекты не будут разведаны, вопрос о полунаучной деятельности ЦГП и слабой эффективности работ не будет снят с повестки дня».

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ ЮБИЛЕЙ

В апреле восемьдесят шестого на день геолога экспедиция отмечала свое двадцатипятилетие. Не все ветераны дотянули до этого юбилея, некоторые из них

получили пенсию и уехали на материк. Особенно ощущалась потеря таких ценных специалистов, как уборщица тетя Маша и гипертоник кум-Соб.

«НАМ-25» - под таким плакатом, повешенным над сценой актового зала, проходило праздничное собрание коллектива ВЧГЭ. Перед сценой стоял столик с микрофонами, за ним сидели двое ведущих: ветеран с двадцатипятилетним стажем Денис Доценко и двадцатипятилетняя молодая специалистка Наташа. Они читали по очереди.

- Товарищи! Уважаемые работники экспедиции и наши дорогие гости! Торжественное собрание, посвященное 25-летию ВЧГЭ, открыто.

- Произошло очередное открытие. А что такое открытие? Это всегда, что-то неожиданное, интересное, заманчивое, влекущее...

И неизвестно, чем оно кончится.

Но это в отношении полезных ископаемых. А что касается нашего сегодняшнего вечера, то мы знаем все – и с чего он начнется, и чем кончится. Программа вечера состоит из двух частей – производственно-исторической и художественно-развлекательной. Первую часть нашей программы начинает хор ВЧГЭ. Песня «На Чукотке мы живем не зря».

На Чукотка мы живем не зря,
Недра досконально изучаем,
Перспективы роста намечаем,
Будущее округа творя.
По земле чукотской мы идем,
Съемкой полуостров покрывая,
Новые объекты открывая,
Фронт работ разведочных даем.
Всех важней разведчики сейчас,
Лом стальной и вышка буровая,
Тишину и мерзлоту взрывая,
Выдаем объемы и запас.
Что сулит нам юбилейный год,
Новые маршруты намечая?
Солнце над Чукоткою встречая,
Ждет удачи полевой народ.

- На Чукотке мы живем не зря: живем и трудимся в нормальных, человеческих условиях. И все это благодаря строителям, которым мы выносим большую золото-оловянно-вольфрамово-керамзитовую благодарность.

- Наши трудовые свершения были бы невозможны без авиации. Славных парней-вертолетчиков тоже благодарим.

- Пять лет назад мы праздновали двадцатилетие экспедиции и в программе нашего вечера было много выступлений участников и очевидцев наиболее интересных и знаменательных событий.

- Тогда об истории геологических исследований Чукотки коротко и ясно доложил Федор Свистоплясов. О своей трудной деятельности, которая началась с разведки Пепенвеевской золотой россыпи, поведал Алексей Воронов. Кирилл Пухов просто и доверчиво рассказал об открытии Конергинского месторождения вольфрама, Денис Доценко вспомнил об открытии Пеньельхинского золотоносного узла и главным героем этого события Леониде Руденко.

- Помните вы, наверное, и яркие, образные повествования Александра Крюканова о Чаантальском оловорудном районе, Бориса Кутенкова о Ленотапском золотоносном узле и заключительное выступление Геннадия Аркавенко (Картавенко – В.П.) о разведке россыпей.

- Двадцать лет нашей производственной деятельности были, таким образом, охарактеризованы всесторонне, хорошо. Повторяться не будем.

- О наших достижениях и недостатках за последние пять лет вы все прекрасно знаете, а разговоры на злободневные темы у нас впереди.

-Итак, экспедиция родилась 25 лет назад, в 1961 году.

-И если бы она могла, как в сказке, превратиться в девицу-красавицу, она выглядела бы сегодня примерно так, как ее ровесница Наташа.

- Для меня это лестно, но я думаю, что 25-летняя мисс Экспедиция была бы покрупнее и посолиднее меня. Кстати, сколько весила новорожденная ВЧГЭшечка?

- Она тянула на два миллиона рублей. Таковы были ее ассигнования. При этом общая численность составляла примерно триста человек, в том числе АУП - пятнадцать человек.

- А сейчас?

- Сейчас ее ассигнования увеличились в пять раз, общая численность в два раза, АУП – в три раза! Вот такое гармоническое развитие получила ВЧГЭ.

- А что было до нее?

- Была Нырвакинотская группа партий Чукотской геологической экспедиции с центром в поселке Анадырь.

- Группа партий - это групповая партия?

- О, нет, группового метода, тогда еще не существовало. Работали отдельными отрядами, которые назывались партиями, по одному сезону, на площадях самых причудливых очертаний. Никаких тебе трапещий и листов, полная свобода!

- А доисторические геологи-первопроходцы в экспедиции еще сохранились?

- А как же, есть. Их восемь человек. Это, можно сказать, крестные отцы нашей экспедиции и одна крестная мать. Все они занесены в Красную Книгу Почета. Вот их имена (раскрывает Книгу): Федор Свистоплясов, Виктор Галин - чукотский стаж 31 год, Алексей Воронов - 29 лет, Геннадий Лыков - 28 лет, Кирилл Пухов, Генрих Козин, Ирина Свистоплясова – 27 лет, Геннадий Цукин - 26 лет. И все они, как ни странно, дееспособны и вносят большущий вклад в изучение недр Чукотки.

- Нашим славным ветеранам-первопроходцам посвящается песня их боевой молодости «Закури, дорогой, закури».

Закури, дорогой, закури. Завтра утром, с восходом зари,

Ты пойдешь по горам опять золотую руду искать...

- Как мы ни уважаем наших почтенных, заслуженных чукотских старожил, но не они являются главными героями этого юбилейного года и сегодняшнего торжества, а ровесники экспедиции по стажу, те наши сотрудники, которым в этом году исполняется 25 производственных лет. Их семеро.

- Кто же они?

- Уважаемая Мария Васильевна Виноградова, Галина Луговая, Елена Воронова, Зинаида Белова.

- Для женщин-ветеранов исполняется шуточно-юбилейно-лирическая песня «Помню, я еще молодухой была».

Наш поселок, наши горы

Молодыми мы когда-то потрясли.

Те тропинки, по которым

Мы ходили, диким мохом заросли.

На Чукотке жить не сложно –

Пролетели незаметно двадцать пять.

Если было бы возможно,

Повторили мы бы этот срок опять.

Только время у природы

Никогда не возвращается назад.

Вспоминаем наши годы,

За которые теперь благодарят.

- Юбиляры-мужчины, наверно, уже беспокоятся - не забыты ли они? Нет, не забыты. Это товарищи Виноградов, Майоров, Доценко. Евгений Макарович, как Вы себя чувствуете после 25 чукотских лет? Женщины считают, что теперь Вам полагается петь: «Были когда-то и мы рысаками». Как Вы к этому относитесь?

Виноградов:

«Почему были? Мы и сейчас еще те рысаки!»

Где бы мы ни были, всюду на месте,
В сутки проходим километров двести,
Съемкой довольны весьма групповую,
Ноги на съемке нужны с головою!

- А что скажете Вы, Станислав Петрович?

Майоров (Воеводин? – В.П.):

Быстро проходят чукотские годы,
Были маршруты и геолпоходы,
Ну, а теперь - навсегда камералка,
Буду сидеть без полей, как ни жалко.

- Денис Иванович, ваше слово.

Доценко (Петренко):

Остались по-прежнему мы рысаками,
Скачем по горам легко с рюкзаками,
Пробы таскаем, полезные ищем
И выдаем мы прогнозные тыщи!

- Для тех, кому 25 и более лет чукотского стажа, женская вокальная группа ВЧГЭ исполнит песню «Колымская березонька».

- А теперь послушайте телефонный разговор двух подруг, подслушанный и записанный нами накануне дня геолога. В экспедицию звонила тетя Маша из подмосковного села. Читают Инга Сосновская и Люба Тынская.

- Эта 6-01? Экспедиция?

- Да, приемная! Слушаю!

- Здравствуй, Валюша.

- Я не Валюша, я – Зина. А Валя побежала по делам. С кем толкую? Голос знакомый вроде.

- Да это ж я, Марья Ивановна, уборщица ваша.

- Здравствуй, Марья Ивановна, как жизнь молодая?

- Да что про нас-то говорить, живем помаленьку, на пенсию не разгонисси. Я чаво звонила?

- А я почем знаю? Может, не туда попала?

- Туды, туды... Ага, вспомнила! Мы с Мишей праздравляем каликтив экспедиции с юбилеем, во!

- Ну, хорошо, я передам. А кому передать?

- Вале передай. И каликтиву. Слухай, Зина, как у вас дела-то?

- У кого, в оформительской?

- Да нет, вапче.

- Вапче не знаю, а вот чертежник Трахман заездил. Столько у него запасов, отчетов, графики - тихий ужас! И Колечко попугивает.

- А Колечко чаво?

- Как чаво, он же главный геолог.

- Кто, Сережка?

- Не Сережка, а Сергей Васильевич, понимаешь!

- Ды ну? Ежели так, я очень радая за него. И Миша тожа. Передай ему наше праздравление.

- Непременно передам.

- А какой он по счету етот главнай геолух?
- В истории экспедиции - седьмой.
- Ой, Зина, ета ж счастливое число, больше трех лет продержится, вот увидишь. Теперь у вас, должно, и дификтивность повысилась?
- Эффективность, наверное?
- Да-да, дификтивность. Мне кум-Соб сапчил, что вы там затеяли споры на ету тему. Ета завсегда так - кады открытий нету, споры и крики начинаются. Скажешь, вру?
- Истинную правду глаголишь. А кум-Соб откуда знает?
- Ему Синицин сапчил. А Юрий Иванович в местной газете «Липецкие зори» статью напечатал под заголовком «На Севере диком».
- А, ну теперь ясно. По вопросу эффективности одно знаю, что из оформителей никто в газету на эту тему не писал и в дискуссиях не участвовал. Нам весь этот шум до настольной лампочки. Своих забот хватает. А геологи перегрызлись. Да я тебе, Марья Ивановна, лучше Свистоплясова позову, или сама ему позвони, он лучше знает.
- Да ты что, шутишь, Зинаида? Как я с ним говорить буду? Не, боюсь. Ну, ее, эту дификтивность. Ты лучше скажи, в новом здании чисто?
- Даже стерильно. Как в диспансере. Операторы машинной уборки на каждом этаже собственные кабинеты имеют.
- Боже ш ты мой! Всю жизнь об етом мечтала, да не довелось. Ну, пусть хучь мои калеги порадуются. А новое общежитие построили?
- Воздвигли. Фасадом к северу, навстречу ветру, чтоб хмель у выходящих бичей выдувало. Обстановка модерная. Обои французские, Мудренко в Риге достал. А отопление возьми и лопни. На пятом этаже. И залило все. Сразу после приемки здания с оценкой «хорошо».
- Ой-ой-ой, чтож таперича?
- Все наладилось. Зам-нач-по-хч Штеин следит за порядком лично.
- А в экспедиции обмывки бывают?
- Какие обмывки?
- Ну ети... защиты, пьянки... у геологов. От них много пустых бутылок оставалось.
- Защиты бывают, а, вот, второе понятие искоренили.
- А буфет у вас есть?
- Действует. И такие ароматы в обеденный перерыв - все галопом домой несутся и слюнки глотают.
- Значить, кушаете хорошо?
- Хорошо, Марья Ивановна, врать не буду. Только вот без яиц сидим, да без капусты. Ну и еще кой чего не хватает, особенно мужчинам по выходным дням. Ходят злые, трезвые.
- У вас по талонам все дают?
- Да, по талонам. Результаты потрясающие. Сразу повысилась производительность и качество возросло. В экспедиции два отличника появилось.
- Это кто ж такие?
- Рубанович, которого рецензировал Пухов, и Пухов, у которого Рубанович рецензетом был.
- А иде работал Пухов-то?
- На Колючинской губе. И доказал, что губа - не дура, что там тоже есть погребенные россыпи. Теперь все буровики туда кинулись.
- Передай им, Зинаида, наше, с Мишей, праздавление. Это ж надо, какие молодцы! Дык, наверно и все остальные геологи повысились, лучше работать стали, раз ето самое, тово... пить перестали.
- У остальных или еще сознание низкое, или тямю нехватает. Некоторые даже тройки получают, представляешь?

- Ну ничаво, подтянутся помаленьку. Свистоплясов их подтянет. Особенно теперь, после того, как сам повысился. Не зря же он в Москву ездил на повышающие курсы.

- Ой, Марья Ивановна, а ты откуда знаешь?

- Мне кум-Соб сапчил. Говорит, заезжал к нему Федор, ох, и гульнули. Зинаида, а Крюканов и Свистоплясов все еще свирепствуют на приемах?

- Да. Геологи это называют «осенний забой».

- А новая групповая будить?

- Раз Небаба спроектировал, значит будет. Площадь 2400, сплошное горье – ни проехать, ни пройти, ни пролететь.

- Господи, да кто ж там работать будет? Какие горные козлы?

- Свистоплясов собирается сколотить спортивно-молодежный отряд, в который войдут Виноградов, Майоров, Кутенков, Клинов, Небаба и другие.

- А вьюноша Пухов Кирилл в групповую не собирается?

- Думает, куда лучше пойти - то ли в отпуск за три года, то ли в поле, в групповую, молодежную. Там тоже можно хорошо отдохнуть, килограмм двадцать сбросить. Ну, все, Марья Ивановна, мне пора бежать, я в приемную на минутку заскочила, за пропуском.

- Да погоди ты, успеешь, никуда твой стол с чертежной доской не убегить. Ты мне скажи, это правда, что Доржиев в хоре поеть?

- Распелся - не остановить. За три года на двух репетициях побывал, да и то его Штеин за руку приводил.

- А зачем вы его в хор-то? Он любить сольное, огуречно-маринованное пение, за бутылкой за столом. Дайте ему, что требуется, и он запоет! Запоет и засвищит! Это ж второй Тото Кутунья, а вы яво в хор.

- Спасибо за совет. Скажу Оле Доценко, пусть его по назначению использует. Ну, все, я побежала. Да вот и Валентина, передаю трубку ей, Это Мария Ивановна, интересуется чистотой полов.

- Здравствуй, Марья Ивановна.

- Здравствуй, Валюша. Мы с Мишей празднуем тебя с праздником.

- С каким праздником? Я так закружилась, что ничего не знаю.

- С юбилеем экспедиции.

- А, ну да, что-то слыхала, спасибо.

- Валюша, я давно хотела тебя спросить...

- Извини, Марья Ивановна, мне бежать надо.

- Ало, ало, есть там кто-нибудь? Мне еще пять минут говорить надо, уплочено. Ало! Кто это? Иванов? Какой Иванов? Ты мне скажи, счетную машину давно протирали? Ну да, пыль. В подвале, ЭВМ называется. Нет? Уже не видно? Ископаемая? Ало! Опять никого нету. Бегают и бегают. И чего бегают? Только полы топчуть. Ало!

- Это кто там шумит? В чем дело?

- Валя, это ты? Все бегаешь, документы подписываешь?

- Я не Валя, я Зоя Щукина, бегаю - обсадные трубы выколачиваю. А вы кто?

- Марья Ивановна, уборщица. Ты мне скажи, забор построили?

- Какой забор?

- Вокруг лаборатории. Тамара Котова все добивалась.

- А, нет, не видать. Вероятно, перенесли на следующую пятилетку. Забор - объект второй очереди. Его будут сооружать после Амгуэмской ГЭС.

- Геологи к полевому сезону готовятся?

- Вышел приказ на сдачу норм ГПС, что значит «Готов к полевому сезону». Скоро забегают.

- А какая виды спорту?

- Упражнение первое - поднятие и перемещение негабаритных тяжестей; второе - катание бочки с бензином по рыхлому снегу на 50 и 100 метров; третье - метание лома и

кукуля; четвертое - бег трусцой за вертолетом с ящиком угля весом 50 и 100 кг; пятое - толкание бревна.

- А зачем инженерам такие упражнения? Это дело рабочих, грузчиков.

- Перевелись они у нас, Марья Ивановна, геологам все самим приходится делать - и грузить, и возить, и пробы отбирать, и геологией заниматься. А начальникам отрядов достается больше всех.

- А чаво ж так, нехай плотють за совмещение, ишь какие хитрюшки. От етих посторонних работ качество полевых материалов понижается, геологи получают тройки и премии не видють. Куды ОТИЗ - Рахуиловна смотреть?

- Рафаиловна стоит на страже закона. Она говорит - начальника отряда и старшего геолога совмещать с рабочим нельзя, никаких доплат за погрузку - разгрузку им не положено.

- Во-во, ну пушай гнутся задаром ети инженеры, администрации ето выгодно. А я никогда ба не стала за один оклад и полы мыть и экспедицией руководить.

- Вы, Марья Ивановна, как всегда правы. Пока, мне бежать надо.

- Погоди, ишо вопрос есть. В нашей газете «Подмосковные вечера» писали о плохом укампликтавании сезонных отрядов на Чукотке. Была статья под заголовком: «На Севере диком».

- А кто написал?

- А хто яво знать. Псивданум какой-то. Ю.Соб. называется.

- Прав псивданум, прав. Валентина Ивановна подошла, передаю трубку ей.

- Господи, Марья Ивановна, это все еще ты?

- Я, Валюша, я. У мене еще две минуты. Китайская роза у тебя не засохла?

- Да нет, ей здесь хорошо, поливаем, удобряем. Ее и Каталенко любил, и Умелин любит.

- А УГЗ работаить?

- Еще бы не работал! В рабочее время, в обязательном порядке, Там недавно Сергей Крага, ну тот, который из Науканской экспедиции, сообщил об уникальных месторождениях в районе Колючинского прогиба. Получается, что мы тут какой-то мелочевкой занимаемся.

- Так что ж таперича, разведку надо переносить туды?

- Не знаю, сприси у Трахмана.

- Ну ладно, мене все равно с ним надо говорить. У мене нехватаить некоторых данных по истории разведочных работ на Чукотке. Я мимуяры пишу, что еще на пенсии делать?

- Марья Ивановна, тебе ж вызов давали, чего ж ты не приехала на наш юбилей?

- Э-э-э, милая, я-то знаю, по сколько суток люди в Анадыре сидять. Пропади она пропадом такая дорога, икрой не заманите. С мене и того достаточно, что с тобой поговорила. До свиданья, Валюша, будь здорова. Передай привет и праздравление Александру Ивановичу.

- Кому, Каталенко? Ну, ты даешь, Марья Ивановна, как же я ему передам? Ведь он теперь в Магадане, генеральный директор!

- Батюшки!

Карамба: «Ошарашенная тетя Маша бросила трубку. Давайте и мы прервемся на полчаса, подождем, пока накроют столы. Затем начнется вторая, художественно-развлекательная часть нашей программы с реализацией дополнительных – праздничных - талонов.

Выпивки на вторую часть геологической программы хватило всем - и это было хорошо.

ЦИКЛ – X (1986 – 1990)

Отгремели юбилейные торжества и геологи снова прочно, но ненадолго уселись за рабочие столы. Разделавшись с Мараваамским отчетом и Вешкапским проектом, Денис работал над предварительной геологической картой, переносил на пятидесятку с крупномасштабной карты Перезвонова многочисленные дайки, жилы, разрывные нарушения, разряжая и отсеивая их. По периферии рудного поля, вокруг горы Выскып изученность района была значительно хуже, рисовать геологическую ситуацию приходилось, в основном, по аэрофотоснимкам. Там же намечались и будущие маршруты для составления геологической карты масштаба 1:50000.

Вешкапский поисково-съёмочный отряд состоял из начальника Дениса Доценко, геолога Васи Маркина (Маркова) и техника-геолога (студента-практиканта) Сергея Мотина. Маршрутных рабочих отдел кадров не дал, потому что их не было, вместо них Денис взял двоих школьников - четырнадцатилеток - своего сына Колю (Максима – В.П.) и его дружка Леху. Официально на работу в экспедицию принимались только ребята, имеющие паспорт, то есть с шестнадцати лет, однако Каталенко разрешал в исключительных случаях брать школьников и помоложе, при условии оформления их после полевого сезона, когда было ясно, что все закончилось благополучно, никаких ЧП с детьми не произошло. Денис полагал, что и Циклоп поступит так же - куда он денется? Работы-то будут выполнены и оплачивать их придется.

Второго июля, загрузив полевое снаряжение и продукты на автомобиль «Урал», отряд выехал на север, в сторону Иультина. Предполагалось, что машиной можно доехать прямо до места базирования отряда. Однако на 91 километре Чукотской трассы (поселок Амгуэма) машина скоростно сломалась. Денис по телефону сообщил об этом прискорбном происшествии в центр экспедиции и для дальнейшего продвижения попросил вертолет. Ночевать геологам пришлось в колхозной гостинице.

Просьбу Дениса Свистоплясов удовлетворил. Прилетел вертолет, полевники перегрузили в него свои вещи и через час прибыли на место - в верховья ручья Прямого. Голая, безрадостная, продуваемая ветрами полярная пустыня, с многочисленными снежникам у подножья гор и нагорных террас встретила их. За два дня построив базу, полевники отправились в маршруты. Денис ходил с рабочим-радиометристом Колей. Поисковик Вася Маркин - здоровый, сильный, выносливый и трудолюбивый, настоящий бугай, русский уроженец эскимосского поселка Наукан, таскал за собой бедного Леху, загружая тяжелыми пробами его рюкзак, не делая снисхождения на возраст. Эта пара проходила и копуши. Шлиховым опробованием долин занимался студент Мотин. Рабочего-промывальщика не было, его обещали прислать позже.

Выполнив несколько однообразно-скучных поисковых маршрутов и поработав на проходке и промывке копушей, Вася Маркин заявил:

- Все считают меня тупым геологом, во всех отрядах мне доверяют только поиски, грубую физическую работу, а я хочу в съёмочный маршрут сходить, настоящей геологией заняться. Иваныч, дай мне парочку нормальных поисково-съёмочных маршрутов, а?

- Вася, я не считаю тебя тупым, просто у тебя морда такая - простецкая. А поиски тебе дают потому, что ты необыкновенно сильный мужик, конь натуральный, по сто килограмм таскаешь! Но твою просьбу я выполнить могу. Сходи вот на этот водораздел, попробуй разделить осадочные породы по литологическим признакам на пачки и толщи. Ну а дайки, жилы и прожилки - это само собой, это ты хорошо знаешь. Вот аэрофотоснимок - давай, шуруй.

Вася пошел, повел за собой Леху с радиометром (обращаться с этим прибором его научил Коля). Возвратился съёмщик заполом и несколько смущенный - намеченный маршрут он до конца пройти не смог, он слишком долго определял породы и описывал их. На следующий день Вася маршрут успешно завершил, но так намучился, напрягая голову, что больше на съёмку не просился. Поиски легче, думать не надо - нашел жилу, определил ее параметры, опробовал - и дело с концом, топай себе дальше. С копушами еще проще - выкопал яму до проектной глубины, набрал в лоток грунта, промыл в ручье, слил шлик в

тряпочку, завязал - и отмеряй расстояние по горизонтали до следующего копуша. И так целый день - по сетке – спокойно – бездумно - красота! Здоровый аппетит, здоровый сон и никаких выводов делать не надо, в журнале отмечается примерное содержание касситерита (единичные знаки - ез, знаки -зн, вес), ореолы рассеивания отрисовываются сами собой, а точные концентрации минерала определит лаборатория.

Седьмого июля, в день рождения Коли (ему исполнилось 14) Денис, решив сделать сыну полевой подарок, повел его на проявление горного хрусталя, обнаруженное и разрекламированное Перезвоновым. Эта точка находилась за пределами района работ, но была отмечена на Денисовой карте. Ее удалось найти. Кварцевые друзы были покрыты налетом желто-коричневого карбоната и были по-своему хороши, а сростки кристаллов чистого кварца образовывали лишь короткостолбчатые друзы-головки. После длительной работы двух молотков памятные образцы-подарки были отколоты и унесены на базу. Коле надолго запомнился этот полевой-оригинальный кварцево-кристаллический день рождения на окраине Вешкапского рудного поля.

Специфика района работ заключалась в том, что здесь повсеместно встречались старые поисково-разведочные выработки - шурфы, канавы, скважины, разрушенные эковские поселки пятидесятых годов, остались ржавые бочки, воротки, ломы, кайла, тачки, реликты жилых землянок и хозяйственных сооружений. Это все - история. А современные старатели (артель «Горизонт») трудились по ручью Гранитному. Они добывали из россыпи великолепный, крупнокристаллический касситерит.

Школьники работали безотказно. Единственная возрастная проблема, которая мучила их - крепкий утренний сон, тяжесть подъема, колоссальное нежелание вылезать из кукуля. Иногда их детская неопытность и легкомыслие сказывались в бытовых делах, за ними нужен был глаз да глаз, как бы чего ни натворили! Денис знал, что если с малолетками произойдет несчастный случай, тюрьмы ему не миновать. Однажды начальника отряда крепко напугал Лёха. Разжигая печку, он плеснул в нее керосину. Там лежали тлеющие угли. Керосин зашипел, из дверцы повалили густые клубы серого дыма. Лёха удивился - что такое? Почему не горит? Наклонился, заглянул - и тут в печке взорвалось, полыхнуло! Лёшке пламенем опалило лицо, сожгло под корень ресницы и брови, подсмолило чуб. Хорошо, что глаза успели автоматически захлопнуться. Но кожа обгорела сильно, Лёхино лицо превратилось в страшную красно-черную маску, в триллерное пугало.

Грянувшая в середине июля пурга была страдальцу приятна. Он стоял, подставив горелое лицо северному ветру и снегу и удовлетворенно мычал. А Коля, глядя на дружка, потешался. За это Келе, злой дух Чукотки, Колю покарал - наслал на него понос. Коля бегал раз за разом за палатку, дрисстал, а чумазый Лёха, у которого стул был нормальный, скалил белые зубы - будешь знать, как над чужой бедой смеяться.

Отряду по рации пообещали дать вездеход. Предварительно на грузовой машине по болотисто-каменистым тундровым дорогам на базу Вешкапского отряда был доставлен бензин. Приехавший на этой машине рабочий Мустафа, разгружая бочки, поднатужился и схлопотал острый радикулит. Автомобиль ушел, Мустафа остался, в поселок возвращаться для лечения не захотел.

- Ну а здесь что ты будешь делать? - спросил радикулитчика Денис.

Черный, бородатый, похожий на раненого басмача мужик лежал на кукуле, как колода и стонал.

- Работничек приехал, - ворчал крайне недовольный начальник отряда. - Ходить не может, тяжести более пяти килограмм поднимать не может - что с ним делать? Куда приспособить?

- Еду готовить умеешь? - задал вопрос Денис.

- Нет, не умею, - ответил «басмач».

- Вот и прекрасно, учись. Поваром будешь, домохозяйкой.

Мустафа безвылазно сидел в палатке. Он постоянно мерз, никогда не снимал телогрейки и шапки. Согнувшись, кряхтя и потихоньку двигаясь, он топил печку, шуровал примус, готовил примитивную пищу, мыл посуду - выполнял чисто женскую, домашнюю работу и тем был обществу полезен.

Неожиданно, с артельным попутным транспортом на стоянку Вешкапского отряда прибыл метролог-гитарист Логинов, член географического общества, увлекающийся поисками упавших самолетов, в том числе и места гибели Леваневского, древних стоянок и прочей археологической экзотики. Логинов заявил, что он согласен поработать на отряд, но при условии, если ему будет предоставлена возможность поискать ледяную пещеру с останками замороженных мамонтов и первобытных людей.

- Ух, ты! - воскликнули пацаны, - А где это?

- В окрестностях горы Выскып, так чукчи говорят.

Вася Маркин покрутил пальцем у виска и шепотом спросил - он что, чокнулся? Но начальнику отряда было не до шуток, ему надо было выполнять план, а не сказочные пещеры искать.

- У нас мало времени и очень много работы. Надо проходить копуши. Сделаешь дело - иди гуляй, - заявил Денис.

Метролог покорно вздохнул. Вася Маркин запряг фантазера в копушной воз и так его использовал, что он возвращался в лагерь чуть живой. Казалось, что Логинов и про ледяную пещеру начисто забыл. Однажды он с копушного участка на стоянку не вернулся. Прошла ночь, пролетел день - нет музыканта. Денис испереживался - маячило ЧП со всеми вытекающими последствиями. Логинов появился поздно вечером, он еле ноги волочил.

- Где был?

- Не знаю. Я заблудился, - ответил несчастный, рухнул на кукуль и испустил дух. Его разули, раздели, покормили и оставили в покое - пусть спит, путешественник хренов.

Вася Маркин негодовал - надо же, заблудился! Да где ж тут блудить? Весь район как на ладони, одна гора торчит. Денис тоже был немало удивлен - и этот человек считает себя географом, следопытом! Он не ориентируется в пространстве и ничего не смыслит в карте, которая у него была! Позже, оправдываясь, Логинов выдвинул такую версию: «Я, Денис Иванович, тогда не заблудился, я специально далеко ходил, ледяную пещеру искал. Однако не нашел. Видимо, она в другом месте, южнее». Денис усмехнулся, сделал вид, что поверил.

Прибыл вездеход. Водитель - Саня Михайлов, баламут, родной брат Гали Благоволиной, Чвычкиной жены, бывший шофер - мент, шустрый, веселый, энергичный парень, весь в сестру. А вот машина у него, если сравнить ее с лошадьё - настоящая старая кляча. Заводилась она только вручную, с огромным трудом. А вечерами, после поездок, ее приходилось ставить под уклон, чтобы утром, спустив тормоза, на ходу завести мотор. Бывали и другие неполадки, ремонт производился каждый божий день. И все же переехать на следующую стоянку - ручей Угрюмый - удалось, дотянули, хотя и с небольшими жертвами. Пострадал кудлатый студент Мотин. Ему вообще не везло. В первых же маршрутах он натер на пятках кровавые мозоли и ходил хромя, кривясь от боли и ойкая на каждом шагу. При переезде в вездеходе он нанюхался газов, у него разболелась голова, ему стало дурно и он сблевал. Остальные члены отряда, даже радикулитчик Мустафа и интеллигент Логинов, никаких признаков отравления не ощущали. А бледный студент трое суток, изображая тяжелобольного, провалился в кукуле. Отдохнув, он отправился промывать дальний ручей, за перевалом. После обеда он неожиданно появился на стоянке. Запыхавшийся, потный, с вылупленными глазами, он выглядел ужасно. В чем дело, товарищ?

- У меня душа в пятки ушла! Там медведь! Он гнался за мной! - пролепетал дрожащий студиозус. - Все! Хватит с меня вашей дурацкой Чукотки, я домой хочу. Я по жене соскучился, мы с ней всего месяц прожили...

- Значит, от работы отказываешься?
- Отказываюсь, моя практика закончена.
- Я тоже хочу домой, - буркнул «басмач» Мустафа.

- Ладно, я даю вам расчет, топайте в поселок старателей. Оттуда каждый день ходят машины на Иультин.

- Спасибо! - обрадовались сачки, быстро собрали рюкзаки и убежали к старателям. Мустафа и про радик забыл.

Просматривая журналы шлихового опробования, оставленные, студентом Мотиным, Денис на последнем листе увидел оригинальный рисунок - возбужденный мужской член с крылышками. «Ага, вот о чем он все время думал, вот что мучило его и тянуло, домой, к жене! Лети-лети, голубок, к своей далекой подружке, причина бегства уважительная», - смеясь, произнес Денис, вырвал похабный листок и пустил его по ветру. Для техсовета такая зарисовка явно не годилась, но карандашный оттиск-отпечаток символа любви на чистой странице остался и его, при желании, можно было рассмотреть.

Весь август геологи не видели солнца и ходили в теплых куртках - пурговках с капюшонами, защищающими голову от ветра, снега и дождя. Коля Доценко выполнял обязанности радиометриста с интересом, добросовестно, ходить в маршрут с отцом и делать на костре обеденный чай ему нравилось. Иная судьба постигла Лёху - ему было тяжелее, он попал в лапы неукротимого трудяги - тяжелоатлета Васьки Маркина, он копал копуши и таскал тяжелые пробы, как полноценный взрослый работник.

Со второй стоянки Денис посетил старательский полигон, увидел изуродованную долину, горы перемытых галечников и валунов, плотины-пруды-отстойники с донными глинами, отводные каналы. Старатели работали круглосуточно, в две смены по двенадцать часов, без праздников и выходных дней. Бульдозеры непрерывно подгребали грунт на транспортерную ленту, к грохочущему промприбору. На отдельных участках днище отработанной долины было задрано бульдозером до коренных пород, продуктивный оловоносный аллювий и подстилающий его элювиальный глинисто-щебнистый слой были сняты и промыты. Зачищенные площадки являлись для геолога лакомыми кусочками, искусственными обнажениями, в которых он детально зарисовывал и описывал пласты горных пород и тела гидротермальных образований.

В береговых уступах одного из ручьев, дренирующих подножье восточного склона горы Выскып, Денис обнаружил коренные выходы темно-серых алевролитов и углисто-глинистых сланцев с пиритовыми конкрециями. Так же, как и на Мараваеме, эти отложения он отнес к карнийскому ярусу. Для полной уверенности надо было найти трубчатые раковины флагрин, и геолог закопался в обнажении. Тишину внезапно нарушил какой-то технический шум. Денис поднял голову и видит - прямо на него от истоков ручья движется-грохочет грузовик. В кабине трое. Подъехали, остановились.

- Здесь грибы есть? - крикнул один.

- Не знаю. Я флагрины, бывший денталиум, ищу - ответил Денис. - А вообще-то в этой долине грибов нет, надо ехать дальше в тундру. А вы откуда?

- Со Светлого. Сегодня выходной. Ладно, мы поехали.

- Счастливо!

«Вот чудики, - подумал Денис, глядя вслед удаляющейся машине. - За грибами - на грузовике! По горам, камням, валунам и кочкоте! А сломаются - что будут делать?» Полевая геологическая уединенность Дениса была грубо нарушена и испорчена. Но что поделаешь - экономически освоенный район, надо терпеть людей и технику. И он снова склонился над обнажением, внимательно просматривая с обеих сторон алевролитовые плитки. Поиски увенчались успехом - флагрины были найдены; поздне триасовый возраст отложений доказан. Рабочий-радиметрист Коля тоже находил фауну. Обнаружив кремнистое ядро или отпечаток саблевидной формы, он издавал торжествующий вопль и бежал к батьке - показать.

- Молодец, Коля! Ищи еще, - подбадривал Денис юного геолога.

Один из маршрутов был дальний, с подъездом на вездеходе. Высадив маршрутчиков, Саня возвратился на стоянку. Вечером он рассказал об удивительном происшествии. Ехал напрямик, коротким путем, разогнался вниз по склону и вдруг - обрыв (уступ нагорной террасы). Вездеход прыгнул, перевернулся в воздухе, сделал сальто-мортале, с грохотом приземлился на гусеницы и покатился дальше по ровному склону, как будто ничего не случилось.

- Ну, фантазер! - восхитился Денис. - Разве такое возможно?

- Иваныч, ей Богу не вру! Я и сам удивляюсь!

- Ну ладно, ладно, поверим на слово. Бывают же на свете чудеса. А тут, вероятно какой-то закон физики сработал... если это было.

- Да было, было, ну! Зачем мне врать?

Настало время покидать Угрюм-ручей, а вездеход-акробат не заводится. Пацаны крутили заводную ручку до изнеможения, силенок у них явно не хватало. Попробовал крутануть разок-другой и Денис - искры из глаз, а толку никакого. Подошел богатырь Васька Маркин.

- Да что вы тут мудочаетесь! - в сердцах воскликнул он, отпихнул Лёху, резко, с придыханием наклонился, крутнул ручку, да как врезал себе по носу своим же кулаком! Схватившись за разбитую сопатку, Васька взвыл, убежал в палатку, лег на спину, унимая кровь.

Тяжелое бесперспективное занятие на этом было прекращено. Даже еврагану, застывшему на бугорке, стало ясно, что если уж Маркин сдался, не смог разбудить спящий мотор, то дело - швах. Надо идти к старателям, просить у них помощи. Санька пошел, привел тягач - мощный трактор «Кировец» и тот на буксире потащил вездеход на перевал. Мотор вездехода наконец-то разогрелся, завелся, «Кировец» вернулся на полигон. Оставшуюся часть пути с перевала под горку и затем по ровному месту, вдоль долины ручья Снежного вездеход прошел самостоятельно. Санька загнал его задом на крутой склон горы, врубил ручной тормоз и оставил в таком положении до утра.

Третья (и последняя) стоянка Вешкапского отряда располагалась на захлавленной территории старой базы поисково-разведочного отряда Петра Уралова. Два итээровского домика находились в довольно приличном виде, новые бродяги поселились в них, установили свои печки и стали жить-поживать да евражек развлекать. Обустроившись, они помылись в отлично сохранившейся бане, переоделись в чистое, приобрели бодрость и энергию, необходимые для дальнейших работ.

Знакомство с оловянно-вольфрамовым месторождением Снежным Денис начал с экскурсии в верхнюю штольню. Васька бывал здесь и раньше, он знал куда идти. Набрав свечей и соорудив переносные подсвечники, полевики поднялись на гору Выскып, подобрались к заброшенной штольне и с опаской вошли в нее.

История разведки месторождения Снежного сложна и драматична. Оно было детально изучено на поверхности и оценено как среднее по запасам олова. Буровые скважины подтвердили наличие рудных жил на глубине. Первая штольня, пройденная на горизонте восемьдесят метров от поверхности, тоже показала неплохие результаты. И вот, для того, чтобы подсчитать запасы по самой высокой категории «А», была пройдена еще одна штольня, выше первой на горизонте сорок метров. Тут-то разведку и постигло жестокое разочарование - выработка оказалась пустой. Точнее, она вскрыла только один кварц-касситеритовый прожилок мощностью один сантиметр («тоньше пьськи», как говорили горняки). Рудные тела, вскрытые на поверхности канавами, на горизонте сорок исчезли, выклинились, запасы металлов резко сократились, месторождение из среднего превратилось в мелкое.

Компенсируя отсутствие рудных тел и принося свои глубокие извинения, штольня преподнесла людям другой сюрприз - огромный (до трех метров) раздув пустой кварцевой жилы с гнездами-занорышами гигантских кристаллов горного хрусталя и черного прозрачного кварца-мориона. Все, кто имел доступ к выработке, проникали в жилу,

кувалдами и ломami выбивали коллекционные кристаллы, растаскивали их. «Осталось ли там что-нибудь?» - думал Денис. Пройдя устье штольни, снаружи занесенное снегом, а внутри покрытое великолепным, сказочным убранством из снежно-ледяных звездчатых кристаллов, рудознатцы, ведомые Маркиным, отыскивали на стенке выработки тот самый убийственный касситеритовый прожилок, отобрали образцы и прошли дальше к забою. Не доходя до него, они увидели глубокую яму с остатками вдребезги разбитого морионового гнезда. В отвалах этой выработки экскурсанты нашли лишь несколько мелких призматических кристаллов и удовольствовались этим. Правда, задрав свечи над головой, они увидели в потолке крупный кристалл, но дотянуться до него и отбить молотком было невозможно. Васька от досады взвыл: «Вот гады, все вычистили, ничего не оставили!» Так, наполнено красотой снежно-кварцевого подземелья, но с пустыми рюкзаками, поисковики вернулись домой. Ограбленная проходчиками и покинутая хозяйкой Оловянной Горы штольня осталась далеко вверху, за облаками. «Наверно, мы последние, кто был там», - сказал Денис.

Все рудные поля, сколько их видел геолог, представляют собой отравленную металлами пустыню, лишенную растительности. По периферии ореолов рассеяния распространены лишь мхи и лишайники, а на сплошь задернованных увлажненных участках произрастает лишь самая неприхотливая и жизнестойкая трава - пушица влагалищная, образующая кочки. Так было и на Выскыпе. Но кое-какая живность, встречалась и здесь. Один раз среди гранитных глыбовых развалов Денис узрел двух рыжеватых горностайчиков. Зверьки стрекотали, прятались в глубокие зияющие трещины и снова высовывали невероятно симпатичные мордашки. Они были встревожены, видимо, под камнями у них было гнездо с малышами. Денис, замерев, долго стоял и фотографировал зверюшек. А в долине, среди развалин базы Иультинской ГРП и поисково-разведочных отрядов обитали евражки, большие любители обсадных труб, и лемминги, бегающие по старым помойкам.

Однажды Денис, Василь и вездеходчик Саня увидели в окно палатки самую настоящую раскрасавицу-лису, которая рыскала – вынюхивала - танцевала между каркасами палаток, охотилась на леммингов.

- Ух, ты, какая красивая! Вот бы добыть на воротник! - воскликнул Саня.

Из оружия в отряде был только Васькин пистолет. Абсолютно уверенный в том, что попасть в движущуюся лису из него невозможно, Денис ради хохмы предложил:

- Дай ему, Вася, свое табельное оружие, пусть попробует.

Маркин нехотя вытащил из выючного ящика пистолет, зарядил его, протянул взволнованному, дергающемуся Саньке. Через минуту раздался выстрел. Затем второй, третий... Тишина. Заходит Санька с улыбкой до ушей, бросает на пол мертвую лису.

- Вот, получайте.

От стука о доски упавшей тушки Денис содрогнулся. Он был в шоке.

- Ты смотри, все-таки попал! - восхитился Васька.

- А я двумя руками, с колена, как учили! Я же мент, вы не забывайте, я тренированный! - веселым голосом пояснил свою удачу стрелок и засмеялся. - А дальше что?

- Снимай шкуру, раз убил.

- А как?

- Ты кроликов в детстве обдирал?

- Ну... да... припоминаю..., - неуверенно произнес охотник, взял лису за задние ноги и поволок ее в баню.

Через полчаса он появился, шмякнул на стол несколько лоскутов мокрой рыжей шерсти и хвост - отдельно.

- Ты... ты... что ты натворил? - вытаращился на него Денис.

- Шкуру снял.

- Где? Как?

- На берегу ручья. В воде.

- Надо ж было лису подвесить за задние лапы на стенке бани, идиот!

- А зачем? Я и с лежачей содрал. В Воде. Вот только шкура порвалась и хвост отвалился...

- Убери отсюда эту гадость!

- А мне лисья шкура не нужна, мне некому дарить, - оскалился Саня. - Вася, возьми, высушишь и жене подаришь.

- Ты чего? На хрен она мне сдалась, такая рвань, из нее ничего не сделаешь. Четыре куска и пятый хвост. Хых! Вот это разделал!

Денис глубоко раскаивался в своей инициативе, он понял, что принял грех на душу. Он долго переживал это варварское происшествие. Такое изящное грациозное яркое, изумительно красивое творение природы было погублено зря.

Вскоре после этого поганого случая, осквернившего Вешкапский отряд, Саня погнал свой вездеход на Иультин, прихватив школьников Колю и Лешу. Из Иультина попутным транспортом мальчики добрались в Нырвакино. С ними Денис отправил рапорт начальнику экспедиции с просьбой оформить задним числом проработавших сезон ребят и приложил к нему табель учета рабочего времени - для ОТИЗа. Эти документы Оля Доценко передала Крюканову.

В поле, на ручье Снежном, остались двое - начальник отряда и геолог. В тишине и уюте они проводили камеральную обработку полевых материалов. Каждый вечер в палатку набивались лемминги, они собирались в теплом уголке, за печкой. Денис кидал им остатки сухарей и галет и зверьки их с жадностью грызли. Шустрые, серые комочки бегали, сустились, дрались за пищу и пищали. Все это было терпимо и даже забавно, но только в то время, когда Денис сидел на нарах за столом и работал. А ночью, когда он залезал в кукуль, маленькие бесхвостые мыши в поисках еды носились по всей палатке, забирались на стол и нары, мелко-бисерно топотали коготками по кукулю, ползали по лицу геолога, копошились в бороде и норовили проникнуть внутрь теплого мехового мешка. Денису такая интимность была отвратительна, он прогонял грызунов. В конце концов, он перестал их подкармливать и объявил войну - пулял в них «собаками» - ненужными образцами горных пород и другими предметами. Постепенно лемминги исчезли, ушли. Денис стал спать спокойно.

Для проведения аэровизуальных наблюдений и вывоза проб Денис вызвал вертолет. Заказ был выполнен. Улетели пилоты, оставили полевикам посылки от жен - лук, куриные яйца и большую бутылку венгерского рома «Матра». Геологи приготовили необыкновенный, богатый ужин. В большой чугунной сковородке они зажарили десяток яиц с луком, вывалили туда же две банки тушенки и перемешали. Палатка наполнилась ароматно-аппетитным паром. Ром был выпит, говяжье-мясная яичница съедена, геологи захорошели. Они блаженно возлежали на кукулях, слушали спидольную музыку и философствовали.

- Раз в году бывает праздник и в аду, - сказал Денис.

- Да, Райка у меня хоть и хохлушка, но баба хорошая, сообразительная, - отозвался румяный, пышущий жаром геолог. - Догадалась «Матру» прислать. Крепкая, зараза, а, Иваныч? Ха-ха-ха!

- Все замечательно, Вася, хорошо живем! План выполнили, образцы и пробы отправили, имеем право отдохнуть. Завтра начнем собираться до дому.

Укладывая вещи, Денис залез под нары за сапогами и увидел, возле стенки палатки слабо мерцающие грани каких-то камней. «Что такое? - удивился он, взял один образец, вытащил на свет. - Ба, да ведь это морионы, отличные кристаллы из верхней штольни! Вот так сюрприз! Это, наверно, Петя Уралов их забыл или бросил за ненадобностью. Спасибо, Петя, мне они очень нравятся». Взволнованный Денис извлек из-под нар все морионы, разложил на столе - красотища! Налюбовавшись вдоволь неожиданной находкой, геолог

завернул черные прозрачные кристаллы в бумагу и сложил их в рюкзак, среди мягких вещей.

Окончательная ликвидация отряда приближалась. На утреннюю связь вышел Крюканов, заменявший отпускника Свистоплясова, сообщил пренеприятнейшее известие - Циклоп оформлять ребят рабочими Вешкапского отряда не разрешил, платить за работу отказался. Более того, он пытался возбудить против начальника отряда уголовное дело за эксплуатацию детей, звонил прокурору, советовался, как это преступление лучше оформить. Каков подлец!

Взрослыми рабочими не обеспечил, о том, что в Вешкапском отряде работают несовершеннолетние школьники, знал с самого начала сезона, даже видел их на погрузке машины и похвалил - молодцы, дескать, ребята, интересные у вас будут каникулы! Неужели он думал, что парнишки будут вкалывать бесплатно? В душе у Дениса поселилась тревога, ведь он пообещал пацанам по триста рублей за сезон. Придется, видимо, из своего кармана расплачиваться, ведь они так старались! «Ладно, приеду – разберемся», - сказал Денис Крюканову. – «Связи конец, ждем вертолет».

Возвратясь в Нырвакинот, Денис первым делом поговорил с Крюкановым. Тот предложил выход из этого щекотливого положения, согласованный с ОТИЗом - Денис оформит на себя все копуши, составит наряды на их проходку и промывку. Если Циклоп наряды утвердит, Рахуиловна их без возражения примет и начислит деньги. Вот так. План хороший, реальный, но надо идти к Умелину с поклоном. Денис пошел, выдержал его злобный циклопический взгляд, объяснил ситуацию. Видя удрученность и смирение Доценко, Циклоп смилостивился - в предложенном варианте ничего криминального вроде бы не было. Производственный конфликт был благополучно разрешен, напряжение спало, мальчики получили свои денежки, заработанные честным полевым трудом.

При проверке полевых материалов пожалел Дениса и въедливый дракон Крюканов, отыскавший множество мелочей, за которые при желании можно было и тройку ставить. Но он не стал эти мелочи выпячивать и, учитывая хорошие поисковые результаты (была открыта новая элювиальная россыпь касситерита), согласился с оценкой «хорошо». Из-за того, что ИТР и рабочих было в полтора раза меньше, чем было заложено Рахуиловной в плановом задании на сезон, получилась неплохая экономия - по фонду заработной платы. Все показатели Вешкапского отряда - и геологические, и экономические - были таковы, что Доценко и Маркин отхватили приличные премии.

- Иваныч! - сказал растроганный геолог. - Я с тобой куда угодно пойду!

Однако ни ягод, ни грибов Денис из Выскыпской тундры не привез. Этот недостаток полевого сезона восполнился дома, в Нырвакиноте. Доценки в выходные дни всей семьей выезжали в поселок Озерный, к южному подножью Искатеньского хребта, собирали там бруснику и голубику, запасались на зиму витаминами.

Удачное завершение полевого сезона-86 стало весомым производственным подарком юбиляру Доценко - ему исполнилось двадцать пять чукотских лет. Стихами по этому поводу разродилась Инга Сосновская-Карамба.

Не перечесать чукотских речек, где наш Доценко побывал.

Сколь километров отшагал, сколь описал в маршрутах точек

За двадцать пять прошедших лет!

К тому же он еще поэт!

С улыбкой юмор сочетая, его перо, как бы играя,

Впишет скоро ваш портрет.

Когда Бог «тямы» раздавал, Денис наш, видно, не дремал.

И Тот, недрогнувшей рукой, отсыпал ноши дорогой.

Многосторонний эрудит - наш Нестор, Данте и Тацит,

Твори, Иваныч, без устатку, не оставляй Чукотку-матку.

Пока сапог пар сто ни сносишь, ты экспедицию не бросишь.

Сейчас и в будущей судьбе ты нужен нам, а мы - тебе!

Одновременно с Денисом в далеком шестьдесят первом начале свою трудовую деятельность в ВЧГЭ Слава Майоров и Зина Белова. Золотарь-россыпник Майоров как геолог-мыслитель не состоялся, съемкой не занимался и постепенно деградировал. К тому же хроническая мочекаменная болезнь и гипертония не давали ему возможности ходить в поле. Слава осел в лаборатории и под неусыпным контролем Тамары Котовой - Кошки работал то на спектроскопе, то на шлифовальном или камнерезном станках, то слесарем-сантехником, то плотником. Он по-прежнему был мастером на все руки. Достоинства ветерана были отражены Денисом в поздравительных стихах.

С чеканной датой двадцать пять поздравить юбиляра рады.

Букет стихов от нас в награду пришла пора ему принять.

Геолог, мастер, фотовед, большой артист, певец и книжник,

Уже давно примерный дед и самый древний горнолыжник.

Его девиз - да будет свет! Во вспышках плазменной просыпки

Твердит герой не без улыбки: «Страшнее Кошки зверя нет».

А если так, желаем жить до сотни лет в Нырвакиноте,

На той же на мажорной ноте в лаборатории служить.

Ну а Зина Белова, укротительница домашнего зверя-мужа-вахтовика Альбертино, по-прежнему трудилась в оформительской.

Четверть века - это славно, сотни карт - чудесный след.

Жизнь текла не плесом плавным, перекатом мелких бед.

Но всегда сверкала Зина ярким юмором своим,

Им полна ее корзина - вот за что благодарим.

В институте дочка Вера, и Любаша хороша,

Мама служит им примером, мама - добрая душа.

Счастье близится к причалу. Помни, Зина - в сорок пять

Можно все начать сначала, «баба - ягодка опять».

Осенью восемьдесят шестого в число юбиляров попал и старший геолог Иультинской ГРП Куликов Коля – Куколя (Журавлев Николай Васильевич? – В.П.), тот самый флегматично-унылый пьяница, которого на даче под Сестрорецком вспоминала Чвычкина мама. Куколя сидел на колонковом бурении (КБ) и тщетно ждал вызова в Алжир. Денис воспел Куколю:

Трудолюбивый, тихий, скромный

Разведчик наш немногословный,

Тебя любя, без лишних слов

Мы поздравляем. Будь здоров!

Еще желаем мы тебе махнуть в заграникомандировку

Потом, не растеряв сноровку, вернуться снова на КБ,

Все, что возможно, разбурить и ГОКУ клады подарить!

Под мощным воздействием внешних обстоятельств (полусухой закон, недостаточность талонов на спиртное, неудачи геофизических работ при поисках скрытого оловянного оруденения вокруг Иультина, конфликты с начальством, уговоры жены) уволился из экспедиции главный геофизик, кандидат технических наук Марк Серов (Марк Павлович Седов – В.П.). В Нырвакинотском фьорде раздался жалобный, заунывный хор-плач сотрудников ученого - производственника.

Ужель сказать «прощай» пора? Неужто Марк Чукотку бросил?

Геофизических вопросов осталась ведь еще гора.

Ну, на кого ты покидаешь тобой любимый каротаж?

Кому заботу оставляешь - экономический мираж?

Кто в «кумпол» скважину направит? Ответа нет. А Ленинград

Тебе, конечно, будет рад и без талонов предоставит

Преображенный виноград.

И теща тянет, понимаем. Но помни: коль наскучит - ждем

Так где-нибудь в апреле-мае. Мы вертолет грузить пойдём.
 Желаем жизни не унылой и витаминов через край,
 Чтобы мужской могучей силы хватило на десяток Раз!
 Юбилейный для экспедиции год закончился пятидесятилетием Геннадия Цукина.
 Года гирляндами висят. Почтенный возраст - пятьдесят
 Звучит торжественно и чудно, золотоносно, горнорудно!
 И седина, и много чести, и говорим тебе без лести:
 Ты не куришь и не пьешь, жонке деньги отдаешь,
 Тёщу мамой называешь, в баскетбол легко играешь,
 Словно вечный Аполлон, и красив ты и умен.
 Как геолог ты прекрасен и в дискуссиях опасен,
 Ты имеешь божий Дар – вот, какой ты юбиляр!

У кого не закружится голова от таких слов? Лесть всегда приятна. Расплывшись в самодовольной улыбке, жирный Цук лоснился и сиял.

В связи с острым дефицитом спиртного Новый год геологов не волновал и музу у Дениса не будоражил. Но подружки-оформители все-таки возбудились и нахально потребовали от штатного рифмоплета стихов, заказали ему поздравления женщинам ОЭИ (отдела экономических исследований), в котором сидели гранд-дамы Дарья Орлова и Инга Сосновская - Карамба, и камеральной группе разведотдела, руководимого Трахманом, в котором сверкала, как золотой самородок, красавица Люба Тынская. Денис отмахнулся такими экспромтами:

1. С новым годом ОЭИ! Милые подружки,
 Поднимаем мы за вас с чаем полны кружки!
 Будьте счастливы всегда, забывая про года,
 Про года-годочки, про лихие ночки.
2. С новым годом, трахманы! Счастья полные штаны
 Вам желаем в новый год. Вот.

Кирилл Пухов, сидевший за соседним столом, прочитал «стихи», ухмыльнулся и добавил:

- Если что-нибудь не то, то поэт - инкогнито.

Денис рассмеялся и, дописав пуховские строчки, отнес озорные стишки оформителям, положил Лорику на стол и быстро смылся. Позади его раздалось энергичное ржанье.

Юбиляр-геолог Цукин завершил старый год, а новый, 1987, год открыла экономист Дарья Орлова, сотрудница Занозы, мать-одиночка, драматическая актриса районного масштаба, древняя подруга Инги Сосновской, достигшая северного пенсионного возраста - пятьдесят лет. Любимыми её ролями в детских новогодних представлениях были Баба Яга и Кикимора. Со знанием всех ее особенностей Денис написал:

Нам к этой дате вспомнить впору и ОЭИ, и Кикимору,
 ДК, театр и Занозу, его убийственную прозу,
 Его оригинальный смех. Карамбу вспомнить нам не грех.
 А впрочем, хватит вспоминать - пора заздравный тост поднять.
 Настал желанный юбилей, прошли чукотские годочки.
 Об этом, Даша, не жалей, в тебе прошло - вернулось в дочке.
 Хотя, конечно, не совсем - ведь ты у нас неповторима.
 В проектных танцах СУСНо-Прима и в драме Прима,- ясно всем.
 Так будь всегда крепка, как «Матра»,
 Сияй повсюду и всегда, звезда народного театра,
 Проектно-сметная звезда!

Забросившего народный театр Дениса Доценко Дарья уговаривала вернуться к артистической деятельности для того, что сыграть с ней вместе, последний раз, одну - единственную вещь - пьесу «Качели для двоих». «Я так этого хочу! У нас с тобой здорово

получится, а, Денис!? Давай сыграем!», - говорила она, восторженно глядя на улыбающегося геолога огромными коричневыми глазами. Денис был неумолим - если он откуда-то уходил, то уходил навсегда.

Камеральные работы продолжались. Геолог Вешкапского отряда Вася Маркин к длительному сидению в кабинете и написанию каких бы то ни было глав был совершенно не способен. Составляя предложения, он неимоверно мучился, кряхтел и, потев, морщил лоб и ерошил волосы. Все, что им было накарябано, Денису пришлось переписывать заново. «В камералке Вася круглый нуль, а в поле - незаменимый трудяга», - говорил он Крюканову, проверяющему главы.

Зимний быт семьи Доценко был разнообразным и интересным. Много времени у них отнимали школьные дела. Дениса, против его воли, вовлекли в родительский комитет, он был членом жюри на конкурсе участников школьной художественной самодеятельности. Прилетел на каникулы сын, студент Ленинградского горного института Вася. Удивляя старшего брата, Коля совершил ряд «подвигов». Начал он с того, что устроил в подвале пожар - уходя, не потушил свечку. Выгорело несколько соседних каморок с деревянными перегородками. Пожарники, пробившись сквозь густые клубы дыма, без труда установили очаг возгорания, причину пожара (короткое замыкание в недействующей электросети) и виновника пожара - хозяина каморки Дениса Доценко.

В конце января, в пятницу вечером, к Доценкам зашла пьяная Валя Пухова и, остановившись у входа в кухню, курила «Беломор». Денис стоял напротив ее, в узком коридоре, спиной к туалету. Вдруг появился Коля и, протискиваясь в кухню, толкнул отца. Денис, отступая назад, споткнулся пяткой о порожек, туалетная дверь распахнулась и он внезапно, лишившись опоры, грохнулся правой стороной спины на унитаз. Женщины - Валя и Оля - рассмеялись. Валя от смеху аж зашлась-закашлялась, а упавший почувствовал под лопаткой тупую боль и решил, что сломал ребро. Он с трудом поднялся, отдышался, пощупал ушибленное место - да нет, ребра вроде бы целы - и успокоился. Однако внутренняя боль, особенно при вдохе, не проходила. Денис обратился к терапевту, сделал флюорографию и с удивлением узнал, что у него - посттравматическая пневмония. Денис получил больничный лист и начал принимать уколы пенициллина. Две недели он сидел дома, на работу не ходил, а только в поликлинику, в процедурный кабинет. Вот такие зимние каникулы устроил Коля отцу.

Третий Колин подвиг - подледный лов мелких крабов-пауков (вместе с Михой Виноградовым). Притащил он их с бухты в большом количестве, вся семья сидела на кухне вокруг тазика с вареными крабами и поедала их, хрумкая и высасывая вкусный сочок из лапок и клешней. Карликовыми крабами Коля как бы компенсировал предшествующие грехи.

В марте отличилась и Денисова дочка Катя (Настя - В.П.) - она притащила с улицы маленького пушистого (длинношерстного) щенка, оказавшегося девочкой. Ласковую симпатичную собачку назвали Веснушкой. Она стала приятной игрушкой, любимицей семьи, украшением домашнего быта.

В МЖД-87 стенгазета «За недра Чукотки» поздравила с двадцатипятилетним стажем секретчицу Тамару Заболоцкую.

Отделу первому служу, но стаж в секрете не держу.

А сколь имею полных дет - вот это, мальчики, секрет.

К этому времени прославленный хор ВЧГЭ превратился в сугубо женскую организацию.

Разбежались мужички кто куда,

Все по норам, как жучки - не беда.

Сами будем басом петь - ну и что ж,

Все равно будем иметь хор-хорош!

Достиг чукотского двадцатипятилетнего стажа и любимец женщин, тяжелоатлет, крупный общественный деятель, геоморфолог-россыпник Адам Рубанович (Григорий Гурбанович – В.П.).

Не отходя от важных дел, ликует весь разведотдел.

О, Рубанович! Ты в почете! Не зря в президиуме бдишь.

Отличник в деле и в отчете, ты на Доске орлом глядишь!

Идешь по жизни только прямо (хоть осторожен и хитер),

На лыжах бегаешь упрямо и на язык всегда остер.

Ты Соломоном предстаешь, решая трудовые споры,

И по частям золотые горы ты в ГКЗ передаешь.

С буровиками крепко дружишь. Трудись, покуда не устал,

Будь благороден, как металл, которому примерно служишь.

Чего только ни выдумывал Денис ко дню геолога в стенной газете! И вот настал момент, когда он понял - все, иссяк, ничего нового не получается, нет фантазии. И он решил обратиться за помощью к классикам. Он просмотрел сочинения Пушкина и обнаружил в них множество геологических мотивов, которые по-своему трактовал. Свои выборки он напечатал под заголовком: «Пушкин и ВЧГЭ».

«Мой дядя самых честных правил» - это правила ТБ.

«Я к вам пишу - чего же боле? Что я еще могу сказать?»

Теперь, я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать».

- Рапорт начальницы оформительской (картосоставительской) группы Ларисы Ухановой главному геологу с просьбой о замене. «Презреньем наказать» - лишить тринадцатой зарплаты.

«Я помню чудное мгновенье» - получение премия за полевой сезон. «Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хозарам» - Олег Карбышев собирается в ГРП с намерением заказать горных мастеров за перерасход аммонита.

«Цыгане шумною толпою по Бессарабии кочуют» - смена буровой вахты у винного магазина.

«Бойцы вспоминают минувшие дни» - разговоры в туалете-курилке, единственном месте, где встречаются геологи.

«Приветствую тебя, пустынный уголок» - библиотека ВЧГЭ.

«Воротился старик ко старухе, рассказал ей великое чудо» - все в маршруты парами ходили, вездеходы бегали исправно, ни одного торсиона не сломали (рассказ ветерана-полевика).

«Все кончено: меж нами связи нет» - в эфире полная непроходимость (радистка Галя Луговая - сезонным отрядам).

«Певец Давид был ростом мал, но повалил же Голиафа» - маленький лысенький Гольденблат спихнул с кресла главного геолога СВГУ лохматого гиганта Городецкого.

«Что слава? - Яркая заплатка на ветхом рубище певца.

Нам нужно золота, золота, золота. Копите золото до конца!» - награждение экспедиции знаменем МинГео - призыв к поискам погребенных россыпей.

«Ищи в чужом краю здоровья и свободы, но Север забывать грешно», - напутствие отпускнику.

Твердили: «Истина нагая в колодезь убралась тайком» -И, дружно воду выпивая, кричали: «Здесь ее найдем!» - «Истина в воде» - лозунг Зои Щукиной.

«Что день грядущий мне готовит?» - ария Умелина о перестройке.

«Весна, весна, пора любви, как тяжко мне твое явленье» - монолог Свистоплясова. Пора отряды в поле отпралять, а вездеходы не отремонтированы, рабочих нет.

«Дар напрасный, дар случайный» - знамя МинГео.

«В поле чистом серебрится снег волнистый и рябой» - зимняя песня вахтовика.

«Воды глубокие плавно текут, люди премудрые тихо живут» - большинство работников ВЧГЭ, умненькие - благоразумненькие обыватели.

«Дела давно минувших дней, преданье старины глубокой» - открытие месторождений.

«И было, в самом деле, так. Немой, недвижимый перед нею,

Я совершенный был дурак со всей премудростью своею», - экзамен по ТБ. Геолог перед экзаменационной машинкой «КИСИ».

«Соперники в искусстве брани, не знайте мира меж собой!» - призыв к соцсоревнованию между буровыми бригадами.

«Еще одно последнее сказанье - и летопись окончена моя» - мысль геолога, написавшего заголовок последней главы отчета – «Заключение».

«Пора, пора! Рога трубят!» - вылет в поле.

«И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет» - перестройка.

«Привычка свыше нам дана: замена счастию она» - жизненное кредо ветеранов экспедиции.

«Им овладело беспокойство, охота к перемене мест» - весеннее чувство геолога, рвущегося в поле.

«Любви все возрасты покорны» - любовь к полю. В поле – юноша-школьник и ветеран-пенсионер Пухов (Колючинский отряд).

«Через леса, через моря колдун несет богатыря» - вертолет МИ-4 везет в поле Дубова (Дюба Евгений Фёдорович).

«Не ходи подслушивать песенки заветные, не ходи подсматривать игры наши девичьи» - оформители главному геологу.

В день геолога Денис написал для гитарного ансамбля «Поисковые ребята» частушки на злободневные темы (годовой обзор деятельности ВЧГЭ). Геологи, видя плачевное состояние дел в экспедиции, страшно удивились, когда была кем-то там наверху определена как лучшая на Северо-Востоке (или даже в России) и получила, в очередной раз, переходящее Красное Знамя МинГео СССР.

Нам вручили знамя смело за победы прошлых лет.

Удивительное дело – лучше нас в Союзе нет!

В сезон-86 отличился Сергей Крага – возглавляемый им Ирвынейвеемский отряд ГГС открыл рудопоявление олова Грибное, расположенное в высокогорье. Тем не менее техсовет под председательством Колечко поставил ему тройку. Обиженно-возмущенный Крага обратился с жалобой к начальнику экспедиции Умелину – другу генерального директора Каталенко. Циклоп собрал новый техсовет и настоял на оценке «хорошо», спас Серегу. Вот тут-то, наконец, и сработал крагинский блат.

Больше всех досталось Краге – чуть трояк он ни схватил

За дела и за бумаги, но Умелин защитил.

Поднебесных руд запасы недоступны нам пока.

Чтоб канавы там наметить – где найдете чудака?

Хорошие результаты выдал Юра Благоволин (Юрий Борисович Тихомиров), проводивший поисково-съёмочные работы в пределах вулканической зоны, включающей обширные и высокоперспективные комплексные ореолы рассеяния серебра, свинца, цинка, меди, мышьяка (данные хасынских геохимиков). В пределах одной аномалии Чвычка обнаружил проявления массивных полиметаллических руд с невысоким содержанием серебра.

Благоволинские руды прояснили наконец,

Что искать теперь мы будем цинк, железо и свинец.

Не найдя в Восточно-Чукотской вулканической зоне ничего лучше, чем Пепен, экспедиция в десятый раз вернулась туда. Старательская артель Асеева-Махно россыпушку отработала и ушла, оставив кучи все еще золотоносных отвалов, подвергшихся переопробованию.

Лишь на Пепене в отвалах Клинов золото нашел –

От старателей осталось, это очень хорошо!

Там бурить-бурить мы будем на курганах и буграх.

Или что-нибудь добудем, иль – увы! – потерпим крах.

Заканчивали площадное литогеохимическое опробование Чаанталь-Телекайской площади Владимир Веник и Иван Глухарев.

Про руду-руду-руду-да Веник с Ванькою поют.

Геохимики покуда нам такой ответ дают:

«Мы не видим в том плохого, что с ответом не спешим.

Где же точки Серпухова, мы когда-нибудь решим».

Но найдя в перивулканической зоне ничего лучшего, чем Экуг, экспедиция в десятый раз вернулась на него. Для этого были веские основания. Новую кашу заварил Петр Польский. Изучив все отчеты по месторождению, он убедился, что разведанные и переданные в ГКЗ Лепешкиным рудные тела (грейзенизированные дайки гранит-порфиоров) - это далеко не все, что может дать Экуг. Мощные и протяженные полиметаллические зоны во вмещающих дайки осадочных породах тоже оловоносны и могут иметь промышленное значение (об этом Денис знал и писал, когда еще был старшим геологом рудной разведки). Причем эти зоны распространены не только на самой горе, но и к западу от нее, в сторону золоторудного месторождения Туманное.

Поисковые ребята возвратились на Экуг

Там теперь такая буча - возросли запасы вдруг!

Польский давал такие смелые прогнозы, что магаданское начальств ахало и хваталось за голову – как же раньше до этого не дошли - не дотумкали! Ах, какой молодец этот Польский, месторождение возродил! Запасы утроил!

Петр Польский обещает сделать новый Иультин.

Он о руднике мечтает, все мы этого хотим.

Как на море Амгуэмском будет город Петроград.

ЛЭП протянут на каналы, Кукуленко будет рад.

Вот такие грандиозные, эпохальные события грезились оптимистам на правобережье нижнего течения славной реки Амгуэмы. Польский вертел в пиджаке дырку для ордена. Ну а обыкновенные, серые геологи сезонных полевых отрядов спокойно, методично сидели за своими стенами, писали, рисовали, камералили.

Камералка-камералка, трудовая тишина.

Тонны нам бумаг не жалко - в них продукция видна.

Свистоплясов ввел порядок - лишь один приемный час.

А не во время зайдете - матюком прогонит вас!

Начальником буровой партии был в это время Жора Тынский, пришелец из Чаунской экспедиции, где прославился убийством трихинилезного медведя и отравлением целого отряда. Жора - высокий красивый brunet с черными гусарскими усами, муж обаятельной Любы, с которой Денису посчастливилось поработать на камералке в 1976 году. Попав в Буровую ГРП, Жора быстро проявил свои деловые качества и вырос до начальника, успешно выполняющего плановые объемы буровых работ.

Если петь не могут сами, за разведчиков споем.

Жору Тынского с усами мы хвалить не устаем.

Буровая партия гремела, она постоянно была на слуху, причем вовсе не потому, что имела высокие производственные показатели, а из-за «подвигов» шумной оравы рабочих-вахтовиков, периодически прибывающих в поселок и убывающих из него. Они были хорошо заметны, эти зимние полевики, потому что составляли самую активную, крикливо-матершинную часть гигантской очереди в винный магазин, расположенный прямо напротив райкома КПСС. Талоны на спиртное были отменены, но бутылки выдавались по норме, в ограниченном количестве и брались с бою, в беспорядке живой очереди, в дикой давке, с воплями и бранью. Смертельно жаждущие выпивки полевики-буровики проникали в заветную дверь даже сверху, с крыши ныряя вниз головой с переворотом на спину, а также подброшенные товарищами с улицы, по головам и плечам

орущих конкурентов, блокирующих вход. Вырвавшись из магазина и выпив добытую порцию, буровики возвращались в очередь и с еще большим энтузиазмом прорывались в магазин. И так изо дня в день, пока шла торговля. Если же культурной бутылочной выпивки не хватало (а ее не хватало всегда), работяги не гнушались и баночным синтетическим моющим средством, которое называлось «лана».

Ах ты, лана, ух ты лана, до чего ж ты хороша!
Любим лану без обмана, от нее поет душа.
А коньяк душа захочет, тут уж братец, не зевай –
В магазин иди с полночи, очередность забивай.
Стало две законных вахты – полевая и к вину.
Целый день у магазина на морозе - ну и ну!
Едут в поле - ух ты, ах ты - все с тяжелой головой,
От тяжелой винной вахты отдохнуть на буровой.
Ах ты, вахта, ух ты, вахта, пересменка трудная.
Тяжела же ты, разведка, россыпная-рудная!

Машина-вахтовка («хозяйка») возила-развозила не только вахтовые смены, но и конторских - камеральных работников экспедиции, проживающих на тринадцатом километре Чукотской трассы. Из-за поломок и нехватки запчастей машина часто простаивала и люди добирались на работу с опозданием в несколько часов. «Поисковые ребята» по этому поводу, критикуя автотранспортное хозяйство, пели:

Трынди-брынди балалайка, в АТХ у нас хаос.
В гараже стоит «хозяйка» без руля и без колес.
МТС наш расширяют, расцветает штат-букет.
Грандиозных планов много, торсионных нет, как нет.

С тех пор, как генеральным директором Северо-Восточного производственного объединения стал супермен Каталенко, а главным геологом Лазарь Гольденблат, оно (СВПГО) озверело. Проекты ВЧГЭ на производство полевых работ браковались и один за другим возвращались, не утвержденными, на переделку. А время шло!

Что с проектами творится? Возвращают все подряд.
Вот завал, как говорится, сроки заживо горят!
Без финансов жизнь плохая, не годится никуда.
Снова пишем мы, вздыхая - сколько лишнего труда!
Появилась мода на так называемую показательную графику.

Высокое начальство, не желая вникать в тонкости геологических карт и планов, требовало упрощенных, схематических изображений, на которых яркими красками выделялись преувеличенные рудные тела. На этом показушном поприще однажды отличился, достигнув абсурда, Петя Уралов. Он нарисовал предполагаемые золоторудные жилы на сдвоенных листах ватмана ярко-красной фосфоресцирующей краской, да еще в руку толщиной! Ближе пяти метров к картине подойти было невозможно – ослепляла... Зрители хмыкали и поскорее проходили дальше, а Петя стоял в сторонке и похихикивал.

Главный геолог Сергей Колечко частенько заставлял матюкающихся оформителей бросать текущую планово-отчетную графику и выполнять бесплатную работу - рисовать показательную графику для столичных вельмож.

Много графики красивой возит Главный в Магадан,
Распрекрасные картины распирают чемодан.
Оформители рисуют, позабросив все дела.
Был бы толк от показухи, а не только «ла-ла-ла»!

Перестройка геологических подразделений началась сверху два года назад, когда СВГУ было переименовано в СВПГО, а начальник Управления в генерального директора Объединения. Модное слово «перестройка» прочно вошло в обиход сотрудников ВЧГЭ, геологи часто слышали его от штатных ораторов-болтунов, руководивших этой самой перестройкой. В их числе был и Штеин, зам-нач-по-хч, выдвигенец-прихвостень

Мохнорылого. К пятидесятилетию его трудовой деятельности Денис Доценко написал заказные стихи, в которых умные люди видели изрядную долю сарказма.

Был геофизик полевой и вдруг рывок - вперед и выше!

ЗАМНАЧ! С такую булавою стал виден всем и всюду слышен.

Тебя мы славим, добрый ЗАМ, о нас забота не забыта –

Как чудодейственный бальзам она для облика соцбыта.

Ты успеваешь там и тут, все говорят: «Он много может!»

Недавно кончил институт - и с этим поздравляем тоже.

Желаем темпа не терять, в труде усилия утроить,

Пропагандировать, внедрять, себя и кадры перестроить!

Окончательно созрел, проработав на Чукотке 25 лет, возмутитель общественного спокойствия Эдуард Синицын. Разругавшись с начальством, он попал в опалу, от серьезной геологии отстранен (вот вам и ректор УГЗ!) и брошен на стройматериалы (керамзитовое сырье). «Хер с ним, - сказал Эдуард, и на керамзите до пенсии дотяну». Дотянул и получил заслуженное поздравление.

Начало вроде бы видать, но вот уж пенсия настала,

Не стоит, Эдичка, рыдать - твоя планида не упала.

Еще ты дерзок и могуч - перевернуть Чукотку можешь!

Ты не боишься скал и круч, гранит науки жадно гложешь.

Еще красив ты, как агат, офиолитами сверкаешь,

Олисторострами богат, меланжем кой-кого пугаешь.

Держись, позиций не сдавай, Херсон пока что перебьется,

Замена там тебе найдется, ты тут идеи выдавай!

Жиганом можешь быть и хватом, но не ругайся ты стройматом!

Сто лет греми и хохочи, как гром, с утра и до ночи.

Перестройка затронула и штаб Свистоплясова - его штаты увеличились, там появился новый сотрудник - геолог по массовым поискам, политический обозреватель и политинформатор по призванию, бывший науканец, вернувшийся из заграникомандировки Никита Козлов. От нырвакинотских геологов-пьяниц и хулиганов - он отличался изысканностью, трезвостью, серьезностью, интеллигентностью, подтянутостью, политической грамотностью и шикарными, как у Брежнева, бровями. Поздравляя Никиту с пятидесятилетним стажем, Денис Доценко написал:

Пролив Дежнева и Лаос, залив Креста, Вешкап и Снежный

Пройти маршрутом удалось, документируя прилежно.

И вот - оседлый кабинет, бумажно-важная работа.

К тебе у нас претензий нет - и это должен делать кто-то.

Ты въедлив, но без слова злого (не знаешь нехороших слов),

Из всех известных нам Козловых ты - самый правильный Козлов!

Великолепно ты глядишься, когда, бровями шевеля,

События объяснить стремишься, их одобряя иль хуля.

Как информатор ты хорош, профорг - что надо, без подлога

На Фесуненко* ты похож и на Шалаева** немного.

Желаем с тем же интересом еще пятнадцать лет служить,

С ЦГГП, профкомом, прессой и с радиометром дружить.

*Фесуненко - известный политический обозреватель и телерепортер.

** Шалаев - председатель ЦК профсоюза Российской Федерации.

Перестройка сильно отразилась и на работе лаборатории - там окончательно исчезли угольные электроды и многие реактивы, без которых невозможно делать спектральный и химический анализы. Особенно негодовали по этому поводу геохимики.

Без анализов придется аномалии искать,

Ну, а Котова смеется: «Что ж, придется привыкать.

Пятой точкой при желанье можно в поле угадать

Всех металлов содержание и канавушки задать.

Признак есть: где выше кларка - там тепло или даже жарко,
Где богатая руда - там искрится борода!»

Интенсивно, с ускорением перестраивался АУП. Не выдержав, многочисленных проектно-сметных неудач и перестроечных темпов, из экспедиции в ДООЦ (деревообрабатывающий цех) ушел Станислав Заноза. Из начальника отдела экономических исследований (ОЭИ) - какое громкое, претенциозное название! - он превратился вдруг в простого рабочего-распиловщика бревен СМУ. Его еще теплое место тут же занял Владимир Веник. В кресло главного бухгалтера сел молодой перспективный геофизик Зофия, инженером по ТБ вместо Чирова стал начальник бурового участка Манилов. Все надеялись и ждали, когда же произойдет перестройка в отделе материально-технического снабжения.

В МТС начальник новый - добрый, ласковый, толковый –
Скоро будет, говорят. Кто же этому не рад?

Почему этого хотели? Потому что склады экспедиции по вине старого начальника - снабженца Мудренко так затоварились, так погрязли в ненужном хламе, что дальше было некуда.

Как «друг человека» на сене, на складе Мудренко лежал.

Над каждой железкой и тряпкой наш Плюшкин ретивый дрожал.

Но вот наступило прозренье, приходится локти кусать –

И смелость нужна, и уменье, чтоб все неликвиды списать.

В субботу, накануне дня геолога, работники экспедиции с утра пораньше стали в очередь за спиртным. Все пьющее население поселка, солидарное с геологами, тоже пожелало забутылиться. Давка была колоссальной, буровая вахта совсем озверела, устроила мощный прорыв с дракой, появилась милиция, установила относительный порядок. Народ сильно нервничал. Мысль о том, что водки или коньяка может не достаться, повергала в ужас. Участвовал в этой светопреставлении и Денис Доценко - ему повезло, купил-таки бутылку!

Вскоре после драки у винного магазина вдоль стены было сооружено металлическое ограждение, и народ двигался по узкому каналу к магазинной двери монолитной, туго сжатой струей, медленно-медленно перемещался, как скот на бойню. Выйти с бутылкой тоже было непросто, нужно было протиснуться, прорваться сквозь пробку из плотно сбитых, сплюснутых тел жаждущих потребителей алкоголя. Зато, вынырнув из раздува, изрядно помятый и потрепанный, но безмерно счастливый обладатель двух (больше не давали) бутылок вдыхал полной грудью и спешил домой - реализовать продукцию.

Однажды Денис сказал коммунисту Пухову:

- Видишь, что делает твоя партия с народом? Издевательство натуральное!

Пухов пошевелил губами, жамкнул челюстью и ответил:

- С варварскими привычками и бороться надо варварскими методами!

Ох, ты! Он разделял политику партии в алкогольном вопросе! Потому что сам в многочасовых нервных очередях у винного магазина никогда не давился и от ограничения на спиртное не страдал. Его жена - работник Смешторга - таскала домой бутылки, минуя прилавки магазина, так что, Киря и в перестройку, в период антинародной, антиалкогольной кампании своих гастрономических привычек не менял. Две категории поселкового населения от новой алкогольной политики не пострадали - торгаши и райкомовские работники, так называемые «белые люди», по-прежнему (по-Брежневу) получающие дефицитные продукты через задние проходы магазинов. Это была особая, блатная каста, к которой, благодаря жене, относился и стеснительный Киря Пухов, розовый воришка, баловень судьбы.

Своей производственной деятельностью ветеран Пухов был доволен. Он написал отличный (по мнению геоморфолога-россыпника Рубановича) отчет и получил за него огромную, небывалую для сезонных отрядов премию. По убедительным прогнозам и

настоятельным рекомендациям Пухова, изложенным в отчете, развернулись во всю ширь и мощь буровые поисково-разведочные работы по долинам рек, впадающих в Колючинскую губу. За смелые прогнозы погребенного россыпного золота и прошлые заслуги при руководстве ЦГГП Кирилл Пухов получил третий орден - Знак Почета. Правда, результаты буровых работ на Колючинской низменности были отрицательные и в конечном счете там так ничего и не нашли, зато туда, как и в пустую Ванкаремскую низменность, вложили большой метраж буража, на котором буровики хорошо заработали, а это - главное в геологоразведочном деле.

Совершив по достоинству оцененный колючинский трудовой подвиг, неутомимый старикан взялся за составление листа Государственной геологической карты масштаба 1:1 000 000 (новая серия), охватывающего Чукотское море, остров Врангеля и часть материка с мысом Шмидта во главе. Пухов слетал в поселок Мыс Шмидта, где, базирясь в гостинице, посетил хорошо изученные ранее в береговых обрывах коренные выходы пермских пород, набрал множество образцов с позднепермской флорой. Хотел он побывать и на острове Врангеля, но туда, показав автору листа шиш, с группой американских геологов проник редактор этого листа Городецкий (Городецкий Марий Евгеньевич – В.П.). Пухов на него сильно обиделся и обозвал гадом, потому что ему самому очень хотелось побывать на острове и посмотреть палеозойские породы, прикоснуться к Гиперборе.

И вот поля позади, осталась камералка, рисовка карты, написание объяснительной записки к листу - долгая рутинная сидячая работа. В начале июня 1987 года гиганту геологической мысли исполнилось шестьдесят лет. Юбиляра чествовали в актовом зале экспедиции, Карамба декламировала стихи Дениса Доценко.

Могуч и славен ветеран! Грудь в орденах, чело сверкает,
Дееспособности фонтан в нём никогда не иссякает.

Но вот геолог-аксакал в оазис тихий прискакал.

Куда ж теперь его влечет? Неужто нет желаний боле?

Как бы ни так! Покой, почет - все променял бы он на поле.

С природой он всегда на «Ты», так пусть же сбудутся мечты!

Цветущей тундры запах нежный желаем вечно обонять,

Хребет скалистый, белоснежный на синем фоне рисовать.

Обмывали юбиляра у него дома да часу ночи, поднимали тосты за его трудовые успехи, за его ордена. Пухов заявил, что лучше бы вместо последнего ордена ему дали персональную пенсию. Неожиданно как-то выпивка кончилась и еле державшаяся на ножках хозяйка объявила чай. Женщины поддержали ее - правильно, пьем чай, а то завтра на работу. Гена Цукин возмутился, потому что пить по ночам чай он не привык, он предпочитает до утра пить вино или заменяющий его напиток. Денис Доценко и Евгений Виноградов тоже еще не были удовлетворены. Цук предложил: «Ребята, идемте ко мне домой, у меня есть бутылка коньяка».

Недопитая троица, покинув пуховскую чайную компанию, пришла в Цукину и уселась у него на кухне (Генкина жена, поворчав, затихла в спальне). Приняв дополнительную порцию алкоголя, Денис и Евгений почувствовали себя очень хорошо и, распрощавшись с уснувшим за столом хозяином, вышли на улицу. Денис сказал другу: «Женя, постой здесь, подожди меня, мне отлить надо». Он спрятался за контейнером, справил малую нужду, а когда вышел оттуда, Виноградова нигде не обнаружил, того и след простыл. Денис в одиночку, самостоятельно отправился домой. Стоял полярный день, на юге, за морпортом, всходило солнце...

Проснувшись, Денис с удивлением осмотрелся: «Где я? Почему лежу на полу? И что это за глухая пустая комната без мебели и без окон? Куда, черт возьми, я попал?» Дверь есть, но железная и с зарешеченным окошком. Под головой вместо подушки - старая вонючая телогрейка. Денис застонал: «О, Боже, как хочется пить! И пузырь лопается, в туалет надо...». Он встал, постучал в дверь. Появился улыбающийся милиционер.

- Ага, оклемался. Чего тебе?
- Пить хочу.
- Что, трубы горят? Иди, попей. Вон туалет.

Денис отлил, попил холодной воды из-под крана и ему стало немного легче. Он догадался, что арестован и находится в КПЗ - камере предварительного заключения. У него сильно болела левая рука. Закатав рукав рубашки, арестант увидел, что она такая синяя, что аж черная.

- Что же вы мне руку-то выломали? - спросил он мента, внимательно наблюдающего за ним (чтоб не дал деру).

- А ото капитан Митичкин постарался, - охотно ответил молодой служака, сержант. - Он тебя сюда привел.

- За что?
- А ты проходил мимо милиции, вот он тебя и доставил по назначению.
- Когда меня отсюда выпустят?
- В конце рабочего дня. Ложись, отсыпайся.

Но сон к Денису уже не шел. Впервые в жизни он попал в такое заведение. Лежать на голом жестком поду и смотреть на голые казенные стены с ядовито-зелеными панелями и серым потолком с лампочкой на коротком шнуре, никакого удовольствия не составляло. То, что он видел и ощущал, было похоже на фильм ужасов. Заключение в одиночной камере, лишение свободы и возможности поправить здоровье, похмелиться - вот чем обернулся для Дениса пуховский юбилей. День длился как год. Денису казалось, что его мукам не будет конца. И все же вечером освобождение пришло. Дениса вывели на улицу, посадили в милицейский газик, отвезли в экспедицию, под конвоем доставили на пятый этаж (конвоировал опять же капитан Митичкин). Там сидел Коллектив. Дениса посадили на стул лицом к Коллективу, к умненьким-благаразумненьким коллегам, я судилище началось.

Первым выступил Пухов. Прокашлявшись и жамкнув челюстью, он грустно произнес: «Я являюсь косвенным виновником этого происшествия - Доценко был в числе моих гостей на праздновании Юбилея. Однако он один попал в милицию, потому что...

Дальше Денис не слушал, он отключился. Он сидел, глядя в пол, обливаясь потом в своей зеленой куртке на рыбьем меху, ерзал, вздыхая, утирался и думал только об одном - скорее бы кончилась эта говорильня, да уйти бы на волю, да найти похмелиться, да избавиться от этого бесконечного кошмара.

Из экспедиции великомученик вышел вместе с Виноградовым.

- Я знаю, у кого может быть коньяк, - сказал Жея. - Единственный человек, у кого он может быть - это Серега Крага. Пойдем к нему.

И действительно, корешам повезло, дал им Крага полбутылки коньяка, выручил, спас. «Он хоть и друг Мохнорылого, но хороший человек», - сказал Виноградов.

Начальник экспедиции Умелин-Циклоп объявил Доценке за пьянство и прогул строгий выговор с лишением премии и права владения ведомственным огнестрельным оружием.

На Пухове юбилеи не кончились. Следующим после него, пять дней спустя, принимал поздравления Эдуард Синицин, которому исполнилось пятьдесят пять.

- Итак, на пенсию пора. Как быстро время пролетело!
- Еще ты крепок, как гора, и молод ты душой и телом.
- И к геологии любовь еще нисколько не увяла,
- Эх, как бы встрепенуться вновь, начать бродяжничать сначала!
- Но что поделаешь - года, заслужен отдых, нет печали.
- Ты жизнерадостен всегда, коллеги это отмечали.
- Живи до ста. Не забывай наш коллектив и все, что было.
- Живи красиво, с жаром, с пылом, да мемуары выдавай.

Геологи-ветераны провожали Синицина два дня. На гитаре играл лабух Клевый. Денис Доценко на сей раз столкновения с милицией избежал, ему было вполне достаточно одного раза. А Синицин, уволившись из экспедиции, устроился по блату в ЦК – центральную котельную, кочегаром, где накачивая мускулы и худея, проработал до самого отъезда в Херсон.

В середине июня золотоносно-оловянно засверкал «иностранец» Алексей Воронов, недавно вернувшийся из Лаоса и достигший пятидесятилетия.

Нет биографии богаче, нет интереснее судьбы.

Ты, Алексей, джентльмен удачи, другие – если б да кабы.

Где побывал и что там видел с прекрасной Леной, знаешь сам.

Себя ты в жизни не обидел, текло не только по усам.

Прошли маршруты и поля, настало время обобщенья,

Со всей Чукоткою общенье, но... без сапог и кукуля.

Еще пол лета с вином и смехом в Нырвакиноте проживай,

Материалы без огрехов трудом сидячим выдавай.

На пиру, продолжавшемся два дня, Вороновы демонстрировали тропические сувениры, богатая коллекция ярко-пестрых бабочек привела чукотских геологов в восторг. Алексей каким-то образом (сунул в лапу, что ли?) после Монголии закрепился в «Зарубежгеологии». Побывав в Лаосе, который еще больше повысил его заграничный престиж и материальное положение, Воронов ждал вызов в Африку. В этом отношении Денис откровенно завидовал товарищу и как-то по пьянке высказал свое мнение вслух. Цукин возразил: «Стари-и-к! Ты думаешь, они с Ленкой счастливы? Конечно, они много ездили, много видели и заработали инвалюты, но после первой ранней дочери у них больше нет детей, Ленка рожать не может! А у тебя трое! У тебя прекрасная семья! Так что, старик, брось ты эту бодягу, пусть они тебе завидуют».

В начале июля к плеяде славных чукотских ветеранов-юбиляров присоединился Федор Свистоплясов (В.В. Плясунов? – В.П.). Он сказал:

«Все путем. Все по уму, пятьдесят - и точка.

Мне приятно самому - в институте дочка.

Все отряды укомпле, вкалывают в поле,

На чукотской на земле, при счастливой доле.

От ребят и гор крутых, вместо награждений,

Оловянных, золотых жду месторождений.

Браво, весело гляжу, не теряю смелость.

Я делами докажу, что такое зрелость».

Будь всегда таким же хватом, ВЧГЭ стальным солдатом,

Всем геологам отцом, разудалым молодцом!

Весна и в поселке хороша. При солнечной погоде в выходные дни Доценки выходили в распадок на пикник, веселая, озорная «барбалонка» (барбос + болонка) Веснушка с великой радостью следовала за ними или трусила впереди, постоянно оглядываясь - туда ли бежит? Набрав полный рюкзак древ-дощечек, Денис шел по тропе на склоне долины, вел семью «на наше место» - небольшой ручеек, вытекающий из снежника с кустами ивы по берегам. Место было отличное - тихий южный склон, хороший обзор, звонкий ручей с прозрачной водой. Костер, обед, чай, загар - все было прекрасно. Денис строгал-обрабатывал длинную березовую палку-ручку для геологического молотка, готовил свое основное орудие к бою.

За июнь Денис вволю насочинялся, напился, напелся, нагулялся, ему пора уже было исчезнуть из поселка, уйти в тундру, к горным породам и минералам. Он давно уже сдал Вешкапский отчет и провел предполевую подготовку по новому проекту, Лео-Вульвыемского отряда групповой геологической съемки масштаба 1:50000, написанному Козловским и Николаевым. База отряда, оставшаяся от хасынских геохимиков,

располагалась на берегу живописного озера Эрвынайгытгын. Район работ был Денису знаком - здесь они с Благоволиным в 1973-75 годах (двенадцать лет назад) проводили геологическую съёмку масштаба 1:200 000 и составляли лист Геолкарты-200.

Лево-Вульвыеемский отряд имел следующий состав: начальник Денис Доценко, старшие геологи Анатолий (Николай? – В.П.) и Вера Николаевы (Романовы? – В.П.) (полевой тандем), геологи Галина Типанова, Кира Борзецкая, Василий Маркин, технико-геологи Рая Маркина, Володя Терешкин, вездеходчики Перетятыко, рабочие Коля Доценко с собачкой Веснушкой, Миха Виноградов с песиком Тимохой, прочие рабочие и студенты-практиканты, всего двадцать два человека. В связи с острой нехваткой взрослых рабочих, начальник экспедиции согласился официально принять на работу в сезонные отряды даже пятнадцатилетних пацанов.

С Е З О Н – 87.

Вылет в поле работников Лево-Вульвыеемского отряда был начат первого июля, завершился шестого июля, в понедельник – тяжёлый день. На базе начальник отряда сразу же обнаружил, что в подвале забыты радиометры, радиостанции «карат», батарейки, аккумуляторы – всё то, без чего немислимы полевые работы. Техник-геолог Терешкин этим же вертолётom был отправлен назад, в Нырвакинот. Поскольку у него была молодая жена, Володя с радостью согласился, а через два дня доставил на базу забытое снаряжение. Состоялась первая полевая баня, началась разброска лабазов.

Вместе с геологами прилетел в поле ленинградский учёный-ботаник Юрий Кожевников, автор книги «За растениями по Чукотке». Он бродил вокруг озера, собирал гербарий.

Девятого июля появились первые грибы и базу навесил начальник ЦГП Фёдор Свистоплясов. Кожевников попросил его взять с собой на вертолёт и, сделав небольшой крюк по пути в Нырвакинот, сбросить на правобережье Вульвыеема. ПБ скривился и спросил:

А почему ты не хочешь сплавиться до Амгуэмы на лодке?

О, это было бы здорово, но у меня нет лодки, - загорелся, сожалея, Кожевников.

Доценко даст тебе резиновую лодку, ты доплывёшь до трассы и привезёшь её в посёлок на попутной машине. А я её сюда переброшу. Денис, дашь лодку?

Дам, только чтоб побыстрее вернули, она мне будет нужна.

Верну, не бойсь, - пообещал ПБ.

Так я прямо сейчас и начну собираться! – воскликнул ликующий ботаник и побежал в свою палатку, стоящую особняком от домиков геологов, внизу на берегу озера.

На следующий день Кожевников пустился в плавание. Провожая отважного ленинградца, Денис сказал:

По технике безопасности одному в тундре бродить нельзя. Как тебя институт отпустил одного?

Да я в этом году в отпуске, на Чукотку приехал неофициально, по собственному желанию. К тому же я не первый раз работаю один, привык. Никакой опасности в этом я не вижу, - ответил ботаник.

Мало ли что может случиться. Медведь, например.

В отношении бурых чукотских медведей я абсолютно уверен - на человека они не нападают.

Ну что ж, счастливого плавания.

Махнув рукой, Кожевников взялся за вёсла.

Десятого июля группа Дениса Доценко (четыре человека и две собаки) высадились на первый лабаз. Всё! Организационная суэта – маята с грузками – перелётами – разгрузками - переносками закончена. Начальник отряда, оторвавшись от подчинённого ему, ждущего руководящих указаний коллектива, стал на индивидуальную маршрутную тропу. Началось Время Чистой Геологии.

Первый маршрут был самый дальний, с подходом десять километров, на коренные выходы берриас – валанжинских отложений. Рабочий–радиометрист Коля и собачка Веснушка загорали на лугу, жгли костёр и готовили чай. Денис ползал по обрывам, зарисовывал слои, собирал фауну. Обратный путь показался вдвое длиннее, голодные маршрутчики едва плелись, поддерживая силы зелёным горошком. Затем начались обычные петлевидные поисково–съёмочные маршруты со сбором грибов при подходе к стоянке. Глядя на сына, Денис сочинил стихок:

Грибы червяк не трогал, евражка не кусал,
Лишь Коля по дороге на супчик запасал.

Техники–геологи с рабочими–промывальщиками проводили в это время шлиховое опробование долин.

Денис по радиии заказал вертолёт на 16 июля и получил его (это было удивительно – молодец, ПБ). На второй стоянке грибов оказалось ещё больше. Доценки собирали их, резали на дольки, нанизывали на толстые нитки и вешали сушить. В одном из маршрутов Коля потерялся. Случилось это так. Геологи шли по ледниковой долине с «бараньими лбами», кое – где поросшими карликовой берёзкой. На бараньих лбах (отшлифованных ледником дочетвертичных скальных породах) произрастало невероятное количество чудеснейших грибов – красноголовиков. Увидав такое несметное богатство, Доценки, конечно же, возрадовались и начали эти первоклассные грибочки – подосиновики собирать. Денис и Веснушка шли маршрутом в сторону стоянки, Коля следовал сзади. Набрав грибов достаточное количество, Денис оглянулся, ища глазами Колю. Пустынное волнисто – бугристое днище долины предстало его взору. Коля исчез, бараньи лбы угрюмо молчали. «О-го-го-го-о-о !» – проорал Денис. В ответ – тишина. Да что такое! Возвратившись назад, встревоженный отец продолжал орать, пока не охрип. Он исходил долину вдоль и поперёк, всё больше наполняясь тревогой и, наконец, нашёл засранца, вынырнувшего из-под земли. Веснушка с радостным визгом подбежала к Коле и, подпрыгнув, лизнула в лицо.

Чтоб больше такого не было! – рявкнул Денис, едва сдержавшись, чтобы не врезать сыну по уху, и злым крупным шагом направился на стоянку.

Вечерней связью с базы сообщили: приполз окровавленный ботаник Кожевников – его подрал медведь. Срочно требуется санрейс. Денис, пережив минутное смятение, посоветовал немедленно вызвать «Свет-33» – специальную районную радиостанцию, которая теоретически должна круглосуточно дежурить и принимать сигналы «СОС». Водитель развалившегося вездехода Перетятько, сидящий на базе, связаться с этой гипотетической радиостанцией не смог, раненый Кожевников, прошедший не менее тридцати километров, был очень слаб и боялся заражения крови.

Он может подойти на связь? – спросил Денис.

Сейчас узнаю, - ответил Перетятько.

Через некоторое время Денис услышал тихий голос ботаника.

Видите, Денис Иванович, как получилось ...

Как самочувствие, Юра?

Да ничего, терпимо.

Что случилось?

Медведь напал на палатку, она трепетала под ветром, была плохо натянута. На меня он навалился сверху, придавил. Я задёргался, заорал. Он испугался, тяпнул меня зубами за плечо и убежал. Вот такая история.

Держись, Юра, завтра будет вертолёт.

Утром семнадцатого июля с базы звонили по «Карату» – рация не работает! Санрейс вызвать не можем! Денис посла туда пешком народного умельца – Терёшкина. Вечерней связью санрейс был вызван и укушенного медведем учёного увезли в Нырвакинет. Денисова резиновая лодка осталась на берегу Ирвинея.

Маршрутные дни с редкими вынужденно-камеральными (из-за дождей) перерывами шли быстрой чередой. Дела в отряде шли успешно, спокойно. Даже Типанова терпела Миху Виноградова и не особенно возникала. Так, ворчала по мелочам. Двадцатого августа, завершив первый круг, Денис, Коля и Веснушка выполняли маршрут-переход на базу. Шли они не спеша, под вьюками, с остановками и чаепитиями. День был чудесный, небо ясное, маршрут затянулся. Наступила чудесная лунная ночь. На последнем перед базой перевале среди ледниковых холмов возникло круглое термокарстовое озерко, из которого вытекал ручей. Лунная дорожка сияла золотом на зеркальной поверхности воды. Это было чарующее зрелище, но не оно поразило путников. Фантастический вид пейзажу придавали сотни крупных, как тарелка, белых грибов, усыпавших берега озера и поляны среди кустов карликовой берёзки. Лунный свет преобразил грибной пейзаж в таинственно-сказочные тона. Набив великолепными, «лунными» грибами рюкзаки, Доценки начали спуск к безымянному ручью. Узкое днище долины с крутыми склонами сплошь заросло высокими кустами, через которые пришлось продираться с великим трудом. Только маленькая юркая собачка Веснушка, несмотря на пышность шубы, бежала легко, находя проходы между ветвями. И вот, наконец, выход из ущелья в широкую долину Ирвинья, на ровное пространство без кустов. Впереди база, электрические огоньки.

Ну и ну! – выдохнул Денис, вытирая пот. Исцарапанные руки и лицо саднили.

Настоящие джунгли, - отозвался Коля.

Да дебри, - согласился Денис. Веснушка подтявкнула ему.

Ну что ж, принято единогласно. Так мы этот ручей и назовём.

Подлунно-фантастический маршрут был завершён в два часа ночи. Вывалив на стол огромные свежие упругие грибы и надувшись чаю, геологи уснули. И снилось им мерцающее озеро, лунное сияние и грибы – грибы – грибы до самого горизонта. На базе была заделана вторая полевая баня. Денис подсчитал – он не мылся и не менял одежды сорок четыре дня! Это был его абсолютный антигигиенический противосанитарный банно-прачечный рекорд, достойный любого чукчи, монгола или бомжа – такие сложились условия в этом сезоне.

Вслед за группой Доценко возвратились на базу поисковики Марковы, открывшие рудопроявление молибдена на горе Оранжевой (прямо напротив базы через озеро).

На площадке возле склада стояло чудо техники, механическая хохма - самодельный трёхколёсный вездеход-каракатица с огромными толстыми воздушно-резиновыми колёсами, сделанными из мазовских камер, и мотоциклетным мотором. Соорудил этот драндулет народный умелец, нырвакинотский изобретатель-самодел Терешкин. Он ездил на нём по территории базы и её окрестностям, катал пацанов и собак. Доставить в поле этот громоздкий механизм стоило невероятных физических и нервных потрясений инженеру Клевому и бортмеханику вертолёта. Ох, и досталось же Терешкину (заочно) при погрузке и разгрузке чудо-техники! В поле большого значения «луноход» не имел, лишь один раз Терешкин использовал его на проходке копушей (подвозил пробы к воде, для промывки).

Зато другая техника-механика, которую обслуживал Терешкин – небольшая бензиновая электростанция – «АБэшка» действовала с большой пользой и пришлась полевикам по душе. Во всех палатках по ночам горели электрические лампочки, и это было здорово.

На последнем лабазе оставалась группа Николаева (Романова Николая Ивановича – В.П.). Поехал за ней вездеход и на полпути сломался. Водитель Перетятко в плачевном состоянии приплёлся на базу пешком. Попытка вызвать вертолёт успехом не увенчалась. Аэропорт залива Креста был закрыт по метеоусловиям. Вертушка прилетела только двадцать шестого августа, вывезла злых Николаевых и их маршрутных рабочих, забросила к аварийному вездеходу спасателей - нового водителя Серёгу Первых, народного умельца Терёшкина и студента. На этом вертолёте пятнадцатилетний мальчик

Коля Доценко с собачкой Веснушкой и грибами вылетел в Нырвакино. Свои полевые наблюдения и ощущения он зафиксировал в дневнике.

КОЛИНО ПОЛЕ - 87

6 июля. Разбудили меня в девять часов и преподнесли досрочно подарок ко дню рождения (микрокалькулятор). Батя сказал, чтобы я ждал машину, а сам он смылся на работу. Понезжившись в своем логовище, встал и врубил "Ара-Бе-Ску". Сели жрать мы с Катей в полдесятого и жрали довольно - таки долго, потому что в десять часов прибежал батя и выкрикнул: "Хватай, машина ждет!" Я, не успевши допить чай, быстро оделся и начал помогать батю сносить в автобус рюкзаки, мешки и прочую дрянь и мелкотень. Когда все было погружено, мы прыгнули в автобус и поехали к экспедиции, где нас ждали остальные чеки Вульвывемского отряда. Вроде бы все было сделано, и автобус поехал в аэропорт. Но вдруг кто-то крикнул: "Виноградова забыли!" и точно, по улице Ленина галопом несяся Миха. Наконец, все сели...

Вылетели на место около двенадцати часов, т.к. долго ждали вертолет. Все это вранье! Вот тут, как раз на этом моменте мне расхотелось писать дневник!

Что это вдруг со мной произошло? Мне захотелось писать дневник! Я залез в сумку "Мотоспорт" и достал эту тетрадку и начал писать. Вы не подумайте, что сейчас вечер. Напротив, сейчас послеобеденное время. В животе бурчит гороховый суп вперемешку со сладкой колбаской, которую соизволил приготовить Вовка Терешкин.

На улице густейший туман (видимость 50 метров), так что до кухонной палатки можно добраться только интуитивно (до нее - 120 метров), но все это делают превосходно. По палатке шуршит мелкий противный дождик, который вот уже второй день не пускает нас в маршрут. В связи с этим мы и забрались в Его Величество Кукуль, дабы поспать немножко после сытного обеда. По палатке бродит Веснуха в поисках пищи, хотя только что была на кухне и объелась макарон с мясом. Вот в палатку зашло какое-то привидение с горящим примусом в руках. Оно сняло с себя противоождевой балахон (плащ) и оказалось ни кем иным, как Вовкой Терешкиным. Он поставил примус в пустую бочку и вскоре от этого сооружения начало веять теплом.

Скоро должны прийти наши посланцы на базу - Миха и Илья. Они принесут свежее испеченный хлеб, изготовленный нашим завхозом Евсеичем. Я им не завидую: идти по дождю 20 км да еще в гору - это не просто.

Наш третий лабаз находится на высоте 800 м, на перевале, в истоках ручья Бараньего. Это ровная площадка длиной и шириной метров двести, покрытая мхом да пучками Кассиопеи. Воды почти нет, кроме одной болотной лужи, которой нам пока хватает. Справа от стоянки возвышается отдельная пологая вершина, а слева уходят вверх скалистые массивы хребта Динозавр и рудной горы Отвал. Вот в таком месте мы и поселились почти на две недели. Так, теперь надо посмотреть на часы - 29 июля! Я, дурак, не вел дневник и теперь придется все события припоминать, это было, по-моему, 23 июля. Как раз в этот день Миха оказался дежурным.

23 июля. Сегодня день вылета на третий лабаз. У нас с папой все маршруты сделаны, чего не скажешь о Галке с Михой и других. Миха, оказавшись дежурным, в маршрут не пошел. На его дежурство выпало десять куропаток и две утки. Естественно, один бы он ничего не сделал: дичь надо ощипывать, опаливать, потрошить, да еще потом варить около часа.

Васька ругал Мihu за плохое дежурство и грозился, что Миха будет передерживать. Петрухе нехватило пожрать. Резали грибы. Варили куропаток. У вездехода что-то сломалось. Пообедали в пять часов. Перетягко сделал вездеход. Собрались и поехали в восемь часов вечера. По дороге Веснушка два раза наблевала. Все утряслось и мы поспали хорошо. Миха открыл дверь. Едем по долине в двухметровых кустах. Опять заснули. Несколько раз останавливались и Женька вбивал пальцы. Проснулись от того, что стало тихо. Батя открыл дверь и сказал: "Приехали".

24 июля. Ждали вертик, его нет. Погода отличная. Около шести вечера над стоянкой стал кружить вертолет. Мы забегали, запрыгали, стали лихорадочно собирать все летающие вещи под брезент. Но тревоги наши были напрасны. Он покружил, покружил и исчез. Ну, мы решили, что все, больше не прилетит и зашли в палатку. Но вдруг опять раздался тархтящий звук и вертолет вновь вынырнул из-за горы. На сей раз, он летел ниже и явно собрался опуститься. Он летел прямо на палатку. Мы даже перепугались - куда он прет? Такая махина. Но вот в двадцати метрах от палатки он замедлил ход, завис и начал снижаться, крутя что есть мочи винтами, тем самым стараясь сдуть палатку. Я вцепился в стойку, еле удерживая ее от яростных порывов воздуха. Наконец он сел и оттуда выбежали Маркины. Мы помогли разгрузить вертик, запрыгнули с Михой в него, прихватив банные вещи, а я - еще вот и грибы. Летели вдвоем в вертикале, видели гигантскую радугу. Подлетели ко второй стоянке, зависли над Ирвынеем, над галечной косой и бортмеханик открыл дверь. В вертик вбежали наши парни и мы двинули на базу в баню. Прилетели. Мы с Михой побалдели, помылись, нашли Вовкин маг, вставили баты и начали тащиться. Задрыхли во втором часу ночи.

25 июля. Всей толпой дружно зашагали на третью стоянку, до которой было 15 км или больше. В час дня устроили обед на берегу небольшого теплого озера. Была сильная жара. Озеро соблазнило нас. Вовка первый полез в воду, потом искупался я. Вода была действительно теплая. Миха купаться не захотел, но он меня, гад, сфотал в трусах. Попили чаю, подзакусили и пошли дальше. Пришли на стоянку часов в шесть вечера, пожрали, послушали спидолу.

5 августа. Я хорошо поспал и начал понемногу вылазить из кукуля. Папа уже встал и был, видимо, на кухне. Вовки тоже не было. Раздался подозрительный бздешь. «Миха проснулся», - подумал я и продлил симфонию резким взрывом. Пришел Вовка и врубил маг. Мы начали спорить, кто поет. Наши споры прервал Васька - он внезапно завалился в палатку и обрушился с ругательствами на Миху, что тот, мол, бездельник и вообще. Вбежала Веснуха, бздик и прыгнула мне на морду. Тогда я решил окончательно вставать, тем более нужда приспичила. Миха тоже встал, мы умылись и дернули в нашу харчевню. На первое была адская смесь всякоразных каш и супов, а на второе - молочный суп с макаронами - «мыло хозяйственное». Мы не стали это есть - не хотели травиться перед маршрутом. После трапезы разошлись в поисках харчей, которые остались недоеденными после голодной оравы полевиков, чтобы собрать посошок в маршрут. Я обнаружил банку фасоли и сильно обрадовался, тут же обнаружив банку какавы! Все было готово. Кстати, вчера Миха окончательно разругался с Галкой и отказался ходить с ней в маршруты. Теперь он примкнул к группе промывальщиков и пойдет сегодня с ними отбирать копуши. И мы ринулись в предпоследний маршрут на этой стоянке, оставив на авось сушиться грибы и кукули.

Сегодняшний день был для того, чтобы проследить границу ракушняков и их простираение. Пересекли ручьи Энмываам и Чайный /здесь мы делали два раза чай и поэтому так его называли/ и вышли на коренной выход ракушняков. Погода отличная, самая что ни на есть летняя и маршрутная. Поднялись на водораздельчик и оттуда стали видны наши палатки, которые я потом рассмотрел получше в бинокль, пока папа описывал точку в пикетажке. Потом я сфотографировал это дело, и мы двинулись дальше. Было обеденное время, и мы стали искать воду, которой, как назло, поблизости не было. Тогда нам пришлось спускаться вниз к ручью Чайному и там обедать. Насобирав кучу кассиопей, за двадцать минут вскипятили чай и сели трапезничать. "Однако дождь будет", - вдруг изрек батя и показал рукой на север. Оттуда надвигалась гигантская черная туча. "Грибочки жалко", - ответил я. Тогда мы задумались, что же делать - продолжать маршрут или бежать спасать грибочки. Выбрали первое и полезли на водораздел. Взобравшись наверх, мы увидели радугу над Энмываамом, Там уже вовсю шел дождь и сыпал град, как позже сказали промывальщики. "Ну, все,- подумали мы, - хана грибам" и в темпе зашагали по гребню, стараясь как можно скорее закончить маршрут. На последней

точке я напялил куртку и поднял голенища сапог, дабы с мужеством встретить дождь. У папы куртки не оказалось и он сказал: "Раз я куртку не взял, значит, дождя не будет". Я сомневался. Начал накрапывать дождик, но очень мелкий и мы резво зашагали по бараньей тропке прямо на стоянку. Накрапывающий дождик так и не перешел в настоящий дождь, мне стало жарко, и я вынужден был все свои причиндалы снять. Папа оказался прав. Истекая потом, мы вышли к палаткам и обнаружили, что наши грибы и кукули - в палатке и абсолютно сухие /это пришли промывальщики и умудрились затащить их в палатку до дождя/. Поели макарон. Вечером мы опять пошли жрать и на кухне так наржались от веселых рассказов Алика, что чуть ни выbleвали содержимое желудков на землю.

6 августа. Сейчас десять часов. По ВЭФу - новости агропромышленного комплекса. Я только что поел, и сейчас мы пойдем в последний маршрут на этом лабазе. Я очень обрадовался, когда папа сказал, что не надо брать радиометр, потому что мы идем в поисковый маршрут, то есть на поиски руды. Будем подниматься на гору Отвал, откуда должен открываться вид на хребет Динозавр. Сидя на вершине, мы только что пообедали банкой фасоли и попили чаю из термоса. Подъем был самый что ни на есть хреновый, так как поднимались в лоб по двух- трехметровым глыбам вулканитов. Веснушка уже на полпути стала попискивать, видно, не по душе пришлась ей эта дорога. Сейчас она добывает остатки наших харчей - печеньевую труху и вылизывает недоеденную банку какавы. Короче, пообедали на славу.

Теперь опишу обстановку. Впереди открывается панорама ребристого хребта Динозавр, справа уходит вниз обрывистый склон к ручью Бараньему, в долине видны наши палатки. А, кстати, час назад на стоянку приехал Перетятко на своем драндулете /вездеходе/, это я рассмотрел в бинокль. Видимо, он привез Николаевых и приехал к нам. Теперь хоть мы узнаем новости о них /связи не было 24 дня/.

Сейчас папа отбирает штупняк на рудном поле и грозит не грузить меня. Ну, это ерунда. Скоро двинем дальше и сфотографируемся на фоне Динозавра. Поднялись на вершину горы с отметкой 1076 м и увидели во всей своей мощи хребет Динозаурус. Я взвел фотик, щелкнул папку на фоне хребта, начал взводить еще раз и ... пленка кончилась. Черт! Не везет мне на этом деле. Ну, ничего, зато я сфотографировался на громадной скале, когда мы поднимались на гору.

Потом мы пошли дальше по пикетам и, в конце концов, вышли на конечный пикет, это было примечательное место. Сразу же за флажком, через метр начиналась пропасть и цирк ручья Галечникового, вдали виднелось озеро, около которого находилась наша база, а над Ирвынейвеемом явно лил грозовой дождь. Прямо перед нами, где-то в километре, стоял неприступной стеной Динозавр. Как я жалел, что у меня не было пленки! Но вообще-то ничего бы и не вышло - было серо и сыро для съёмки. К тому же пошел дождь, и мы начали спускаться. По дороге кололи камни. Папе попался хороший образец кварца с арсенопиритом и халькопиритом.

Через час мы были у кухонной палатки и ели борщ с сухарями. Маршруты на этом лабазе закончены, можно спокойно ожидать вертолет, который по идее должен быть завтра, но навряд ли, потому что сопки покрыты туманом и идет противный мелкий дождик. А это не предвещает ничего хорошего.

Перетятко сообщил новости о группе Николаевых. Оказывается, все ихние лабазы разорил медведь, а точнее, съел сухари и галеты, и теперь они остались вообще без хлеба. У нас же медведь сожрал сухари только на четвертом лабазе. А еще, когда Перетятко перевозил их с третьего лабаза на четвертый, то они чуть ни утонули в Вульвывееме. Вездеход заглох в глубокой воде, и людям пришлось целый день выкарабкиваться из реки. Да, не повезло им. А сегодня, когда Перетятко ехал к нам, в долине Куйвывеема встретил медведицу с двумя медвежатами. Медведи не захотели сворачивать и убегать с дороги вездехода и шли прямо на него. Уже метрах в двадцати вездеходчик пальнул из ружья

вверх и только тогда медведи дали деру. Вот такие делишки. Развелось этих тварей до черта!

Час назад уехал Перетятыко на базу вместе с Вовкой, увез туда всякие пробы, штуфы да металку. Мы с Михой тоже хотели поехать, да папа не разрешил, сказал, мол, мы тут нужны, а не на базе. Да ладно, вообще-то я туда не так уж и рвусь. Надобно лезть в кукуль. Как сказал папка, завтра можно будет спать до обсерения /чего не скажешь о дежурном/. А дождик все моросит. Ой, ну ладно, пора спать. А может книгу почитать, а? Фигу тебе. Всё!

7 августа. За пределами кукуля дубак, поэтому я даже и не пытаюсь из него вылезти, хотя нужда приспичила ой-е-ей! Ну, вот уже одиннадцать часов. Надо бы пойти пожрать. Я постепенно вылез из кукуля и сверхмолниеносно оделся, дабы не замерзнуть раньше времени. Накинув фуфу, я вышел на улицу. Туман, дождь. Вслед за мной выполз Миха, и мы двинули в сторону кухни. Там было полно народу. Я решил почистить зубы, но чуть не обморозил челюсти и вбежал в кухню. В кастрюле была борщовая каша с рисом. У меня аж слюнки потекли. Я быстро схрюмал миску борща, посмаковал чаем и, взяв примус, пошел в палатку. Там я развел «шмель» и еле заметное тепло начало распространяться по нашему жилищу. Но этого было недостаточно, и я решил заткнуть все дырки и дырочки в нашей палатке, а их было предостаточно. Покончив с этим, я заметил явный эффект - в палатке стало теплее. В двенадцать часов папа связался с базой, Перетятыко сказал, что приедет завтра, потому, что сегодня бессмысленно. В два часа опять жрали, вот. Вечером опять пожрали. Миха хотел пойти на охоту, ха-ха! А сейчас дрыхнет. Издыхает "шмель", надо еще залить бензинчику. Опять пошел дождь. Веснуха говна объелась..

Ложусь в кукуль. Из спидолы орет "Блём-блём", то есть австралийское радио на аборигенском языке. Завтра обещают вертолет в девять часов. Ха-ха-ха. Черт... додохотался - примус потух. Но мне это безразлично – все равно я в кукуле.

Кстати, Рая спекла ландориков /хотя, это - просто, жареные куски теста/ и мы хорошо поели - это приятная новость. Ну да ладно, чем писать всякий бред, лучше поспать, как это делает Веснухабздик. Хр-гр-р-фить!

8 августа. По-моему, сегодня суббота, но это все равно. Спали до одиннадцати. Послышался отдаленный рокот вездехода, приехали Перетятыко и Вовка. Оказывается, они по уши залезли в болото и пока оттуда вылазили, сломался вездеход. Короче, еле доползли. А мы, немножко пристыженные, что так долго спали, начали собирать вещи, а точнее, пошли на кухню и так нажрались, что вообще.

Потом помогли Вовке поставить антенну для "Алмаза", и он в 13-00 попытался выйти на связь. В обед Петька соизволил сделать лепешки по-китайски. На кухне оказались в это время я, Миха и Илья. Петька не успевал выкладывать их со сковородки, как они исчезали в наших ртах. В конце концов, ничего не осталось, а мы возмутились - и куда это делись все лепешки?

После обеда Илье пришла в голову мысль - пока вездеход ремонтируется, сходить опробовать недоделанные участки ручья Бараньего. Мы решили пойти с ним. Начальник сказал, чтоб в пять часов были здесь, так как может сделаться вездеход. Ну, а если мы услышим гул вертолета, то надо бежать.

Первый шлих взяли в трехстах метрах от стоянки - одни алевролиты. Потом опробовали, тоже - ничего. Двинулись в аномальную зону, взяли там пробу - Илья намыл кристаллики касситерита. И я решил полазить в этой зоне, наколошматил кучу арсенопирита с халькопиритом. Начал опять напалз туман и покрапал дождь. Веснуха почуяла неладное и убежала на стоянку. В пять часов вернулись и мы. Миху прохватила идея жарить сахар, делать так называемые леденцы. Он налил в большую кружку воды, насыпал сахару и поставил на примус. Когда месиво стало булькать и пригорать, Миха схватил кружку и, заорав, опрокинул ее на землю. Видимо, он нешуточно обжегся. Я пошел ржать, а он ругаться, а потом опять залил водой кружку, накидал сахару и поставил

ее на примус. Сейчас он был поосторожнее и приготовил для снятия кружки тряпку. Я сказал, что надо кинуть в месиво соду. Миха согласился, я засыпал соду и начал помешивать. Через секунду месиво забулькало, запузырилось, вздулось кверху, грозя залить весь «шмель». Тут еще пришла Рая /совсем некстати/ и начала нас упрекать, что мы свиньи, а когда Миха снял кружку и залил коричневым месивом весь стол, она спросила, что за говно мы делаем. Я как пошел ржать, а Миха сквозь смех залил этой блевней две кружки и зубную пасту. Рая погрозилась, что она проверит, помоем ли мы все это и ушла. В конце концов, Миха все-таки сделал вполне нормальное месиво, я отхватил ложку его и пошел в палатку, причмокивая на ходу. Вечером опять жрали и ржали.

9 августа. После отличного сна я взбудился и, решив не умыться, сразу пошел на кухню. Дождя не было, облачность поднялась, а, следовательно, грузимся и едем на четвертый лабаз. Вернее, было задумано так - вездеход едет с вещами, мы шествуем пешком. Похлебав горохового супа, я пошел собирать вещи, снимать палатки и помогать загружать машину. Началась грызня, возня, суетня, как это обычно бывает при переезде. К одиннадцати часам вездеход был до такой степени забит вещами, что чуть не трещал от натуги.

В вездеходе пожелали ехать Санька и Алик, а остальные люди пошли пешком. Женщины ушли минут на двадцать раньше и теперь, возможно, были уже на спуске к Энмывааму. Проводником вездехода служил Вовка. Он то забегал вперед, узнавая дорогу, то шел сзади, смотря, чтобы вездеход ненароком не развалился. Миха взял с собой пушку, надеясь настрелять куропаток. Он с Ильей отделился от группы и шел впереди.

Я сначала шел с папой и Васькой, но они часто останавливались, смотрели породы, искали фауну и я решил присоединиться к Илье с Михой. В долине Куйвивеема мы с Михой слышали голос Ильи: «Идите сюда!» Мы быстрым шагом пошли к реке, обнаружили там Илью, сидевшего у лабазных бочек и уже рубавшего компот "Булгар". Мы присоединились к нему, и скоро банка была опустошена.

Да, медведь здесь поработал на славу. Там, где лежали бочки, была вырыта яма в метр глубиной и бочка в ней торчала кверху ногами. Рядом валялись изорванные крафтовые мешки и картонные ящики с клочками брезента, побитые банки из под охотничьего салата и бутылки из-под подсолнечного масла. А на самих точках остались когтистые отпечатки лап хозяина тундры. Слава Богу, он не добрался до продуктов в бочке.

Подъехал вездеход, опять началась суетня, разгрузка, установка палаток. К четырем управились, и Алик пошел на кухню кашеварить или борщеварить. Ему помогли Галка и Илья. Я заморил червячка, схавал банку камбалы и банку тушенки, не забыв поделиться с Веснухой, которая ехала на вездеходе. Около шести часов вдаль затарахтел вертолет. Через десять минут эта грузная машина приземлилась рядом с палатками. "Опоздал, голубчик, - подумал я. - Уже своим ходом перебрались на лабаз". Из вертика выскочил пилот - молоденький паренек. Батя ему объяснил, что к чему и нашел применение вертолету - сначала он слетает на третий лабаз, потом на базу, затем к Николаевым, затем к нам, а уж потом может лететь на Залив Креста.

Как только вертолет улетел, я так объелся, что чуть ли не ползком добрался до палатки и бухнулся на кукуль, еле дыша. Через несколько минут я услышал громкий рыжок и в палатку заполз Миха. Я хотел было заржать, но не мог и поэтому только глупо улыбался и говорил ха-ха. Потом пришел папа. Видимо, он тоже хорошо поел, потому что шел очень тяжело и грузно бухнулся на кукуль, чуть ни придавив Веснуху. Когда прошел первый отходняк, в палатку завалился Перетятык и сказал папе, что ему надо в поселок. Тогда я начал строчить письмо домой. Прилетел вертолет. Мы с папой по-быстрому запаковали письмо в крафтовый пакетик и отдали Перетятыке. Тот запрыгнул в вертолет.

Место здесь довольно-таки гнусноватое. В двадцатисантиметровых кустах никакая куропатка не захочет жить. В охотничьем смысле Миха был разочарован. Так ему хотелось привести домой свежей дичи!

10 августа. Проснулся я рано и поэтому ни черта не выспался. Пожрали риса с грибами. Собрали рюкзаки и двинули вверх по ручью Распадок прямо к подножью горы Страшная. Погода окончательно разгулялась. Небо было почти чистое, грело яркое солнце. Долина ручья метров пятьдесят шириной, без кустов, с небольшими островками травки и отдельно растущими груздями и поганками. С нами бежали Веснуха и Тимка. Подъем был долгий, да останавливались через каждые 5-10 метров, брали образцы, потому что породы постоянно менялись. Сам хребтик шириной метр-два, а по обе стороны обрывались сыпучие склоны. Погода стала постепенно портиться, натянуло туч, горы и долины покрыл небольшой туманчик и вскоре пошел мелкий дождик. Это было первое, чем нас огорчила гора Страшная. Голод приспичил наши животы примерно в четырехстах метрах от вершины /треноги/. Трапеза длилась недолго, так как накрапывал дождик и дул ветер. Набив пузы солянкой с грибами да камбалой, мы ринулись добывать последний отрезок. Часов в пять мы были уже возле тригопункта, на отметке 1175. Здесь мы сфотографировались и пообозревали окрестности. Я разглядел в бинокль Амгуэму и ее долину.

Полубоовавшись видом и записав наблюдения, мы пошли дальше по хребту, на соседнюю вершину. С третьей вершины мы поехали вниз домой. Случилась и еще одна неприятность - сломался радиометр, начал зашкаливать. Ну, не аномалия же это. Пришли домой, проверили - точно сломался. Придется брать другой прибор, а в нем батарейки сели. А-а-а.

Все о'кей. Щас засну. Час ночи. Идет дождь. Страшная все-таки оправдала свое название. Сначала она напугала нас своим дождем, а на обратном пути - поломкой радиометра.

11 августа. С утра идет дождь. В маршрут не пошли. После жрачки сидели в вездеходе, слушали маг. Потом пошли на кухню пить чай. Галка начала меня ругать, что я вчера не помыл кастрюли. Я от нее отвязался и пошел в палатку.

12 августа. В маршрут сегодня все едут на вездеходе, так как подход большой, километров десять. Вездеходчика заменяет Вовка Терешкин. Часам к десяти вся группа собралась, покидали рюкзаки в салон, а сами взобрались на крышу и вездеход ринулся вниз по долине реки. Сначала дорога была вполне нормальной - ехали по ровной тундре, потом выехали на булыганы и поехали, прямо по реке. Несколько раз вездеход грозил нас скинуть в воду. Мы угагатывались с Тимохи и Веснухи. Когда мы их не держали, они как пьяные заплетались в собственных лапах и падали то в одну сторону, то в другую. Через пятьдесят пять минут мы были на месте, которое сразу впечатлило своей обнаженностью /никаких кустов, ни травы, ровное голое каменистое пространство, короче, пустыня/, это была долина реки Чинатэнмываам. Тарантас подъехал к воде, и все десантники спрыгнули с него, приготовившись рваться в бой. У нас с папой был такой маршрут, что мы выходили прямо к стоянке. Мы пошли к склону горы, чтобы потом подняться вверх по ручью. Через двадцать минут мы уже ставили первую точку на конгломератах. По пути вверх насобирали кучу камней для разреза /начиная обыкновенными песчаниками и кончая радиоактивными кремнями/. Тучи совсем разошлись и солнце палило немилосердно. Было затишье и поэтому жара ощущалась очень прекрасно. Собаки еле бегали, высунув языки до самой земли.

Обедали мы в три часа. Минут за двадцать я приготовил чай на кассиопее и мы сели хрямать котлеты рыбные в томатном соусе да завтрак туриста свиной. Затем смаковали чай с блинами, состряпанными Галей, которые я прихватил еще вчера с кухни. После трапезы ринулись дальше и не успели разогнаться, как забурились в странных рудных породах. Там я откопывал глыбу с галенитом /сульфидом свинца/ и пришлось брать шуфляк.

Между тем с севера нагнало туману, и нас накрыл беспросветный мрак. Как-то внезапно хлынул дождь, да не слабенький - вполне проливной. Мы решили не сдаваться, надели непромокаемые куртки, натянули голенища сапог и пошли дальше маршрутом. По

дороге вышли на простирание пласта ракушняков. Столько ракушек сразу я еще никогда не видел. Куда ни глянь, везде ракушки, начиная с пятимиллиметровых и кончая пятисантиметровыми. Понабрали ентых ракушек, и пошли дальше. Постепенно моя непромокаемая куртка стала промокаемой, да и в голенища начала натекать вода. Волосы под капюшоном стали мокрые. С носа стекала вода и капала прямо в рот. В общем, вся моя противодождевая защита ни к черту не годилась. Да и что могло противостоять такому дождю, который постоянно усиливался и, наконец, превратился в ливень! Я спрятал радиометр в рюкзак и мы, плюнув на все, почти бегом ринулись домой.

Пришли абсолютно мокрые. Вездехода еще не было. Мы переоделись в сухое, накинули фуфы и пошли на кухню. Доели остатки борща и каши и, в гуманных целях, папа решил сварить борщ /хотя дежурный был Миха/. Пока он варил, я сушил на примусе задницу и рубаху. Но это была бесполезная затея. Лучшая сушилка - солнце да ветер.

13 августа. С утра, как обычно, туманище и дождище. После гречневой каши начали камералить. Папа доделывал некоторые хвосты, а я делал бирки для штuffняков. К обеду погода наладилась, даже солнышко проглянуло. Мы вывесили всю вчерашнюю мокрень, а после обеда нам с папой борща нехватило, - пришлось открывать банку фасоли и тушенки, и ринулись в маршрут. Дорога была прекрасная - ровная сухая тундра. По пути встречали огромные поляны грибов-тундровиков (подберезовики – В.П.), но на них мы уже смотрели с презрением и брали только белые. А еще было множество груздей. Но для сушки они не годятся, а солить их в полевых условиях - трудная задача, поэтому мы их не брали тоже. Встретили останки оленя - кучу костей и обглоданную ногу с еще сохранившимся волосатым копытом.

Пришли на ручей Светлый и там встретили Илью. Он шлиховал долину и намыл кучу шеелита, который мы потом нашли в коренном залегании. На водоразделе нас накрыл густой туман, но у нас были карта и компас и мы без всякой боязни зашагали домой. Напоролись на ракушняки и застряли там, прослеживая их границу.

Пришли к палаткам в половину десятого. Было уже сравнительно темно, но я сразу усек что-то, лежащее на папином кукуле. Оно сказало: «Хозяева пришли» и я узнал дядю Толю Николаева (Николай Романов). А в углу сидел Саня Заец и болтал с Михой. Раздались приветствия, начался разговор. Толя и Саня пришли к нам около четырех часов. По дороге они набрали грибов, и Толя сварил прекраснейший супчик, освободив тем самым Ваську от обязанностей дежурного. Часов в одиннадцать Саня с Толей потопали к своим, а нам ничего не оставалось делать, как ложиться спать.

14 августа. Сегодня напряженный день - будет вертолет или нет? Я собрал личные вещи. Потом меня поймал папа и заставил упаковывать фауну, делать бирки для штuffов и засовывать камни в мешки. Я затратил на это около часа, а потом заглянул на кухню. Дежурная Раиса тут же выпроводила меня, сказав, что еще не готово.

Погода стояла отличная, но дул сильный южный ветер. Я вытащил сохнуть свой кукуль, последовав папиному примеру, и опять решился заглянуть на кухню. Там уже раздавалось хлюпанье и чавканье. Я позвал батю и начал жрать борщ с чесноком. Потом чай с печеньем, которого у нас было, как говорится, хоть жопой ешь. После обеда мы с Михой начали балдеть, а точнее, писать дневники. Но, как я ни старался, у меня ничего не выходило. То Миха заржет, то Тимоха камень притащит или вообще Веснуха начнет ухо сосать. Короче, наржалась вдоволь и потом привязали Тимоху за лапы к кукулевым ляжкам. Тимоха ничего не мог поделать, а только стоял и грустно смотрел на нас. Я предложил растянуть кукуль, получилась казнь четвертование. Тимка попытался вырваться, но только запутался. Пришла Раиса узнать насчет вертолета, увидела, что мы делаем с Тимохой и начала заунывно: «Что вы собачку мучаете? Отвяжите веревки от лап. Бедная собачка...» Ну и так далее. Я не выдержал и отвязал со своей стороны, а Миха - с другой. Потом я вдруг сильно захотел жрать, пришел на кухню и набросился на гречневую кашу. Затем пришел Миха - главный обжора. За ним - Раиса с кастрюлей в руках.

- Вы уже первые! Тут как тут! Я ж еще никого не звала, а уже пришли. Ой, обжоры! - проговорила она.

Вечером всей шарагой играли в вездеходе в карты. В десять часов пошли на кухню, пили чай с клецками, похожими на канцелярский клей и клейстер (заварганил Петруха). Илья все удивлялся - чего только ни ест человек! Потом они с Галкой углубились в дебри минералогии, а мы с Михой пошли слушать маг: Грэнд флайтз энд полис. ДИО.

Сегодня впервые появилась луна. Новолуние - к заморозкам. Кончается тетрадь, а мне надо еще описать 15 августа. Ну ладно, чего-нибудь придумаю. А сейчас плюти-плюти-плюти...

15 августа. Сегодня день перелета на пятый лабаз. На вертолет надежды почти нет - сопки закрыты облаками и вот-вот может ливануть дождик. Поэтому было решено переезжать вездеходом. После завтрака батя сказал, что мы пойдем на лабаз маршрутом (пятнадцать километров). Миха, как только прилетит вертолет, полетит на Первый, то есть в поселок (у него переэкзаменовка по русскому языку и математике).

В десять часов мы с папой отправились в далекий маршрут, но без радиометра, чему я был откровенно рад. Миха вынужден был держать Тимоху, чтобы тот не смотался с нами. А Веснушка рада по уши, что мы опять идем в маршрут. Начала прыгать, скакать, кувыряться и выделывать всякие выкрутасы. Отойдя километр от стоянки, мы вдруг услышали вертолетный рокот. Первая реакция на это - остановка. Потом лихорадочно начали думать, что делать - бежать назад или продолжать маршрут. Но тут папа спокойно ответил: «Наши планы не меняются. Будем продолжать маршрут». И мы пошли дальше.

Вертолет, дав круг, приземлился. Там, вероятно, началась суетня и загрузка, а мы шли себе преспокойненько и вскоре были у ручья Светлого. Здесь мы начали маршрут. Минут через сорок вертолет затарахтел и, просвистев у нас над головой, улетел в сторону пятого лабаза. Сзади остался вездеход, но, видно, с него перегрузили все на вертолет и теперь он едет налегке. Папа вручил мне рюкзак, так как я шел без ничего, и по пути складывал мне образцы. Шли по подножью горы Светлой, вдоль ручья Прохладного. Вскоре, в районе пятого лабаза, вылетела из-за горы наша стрекоза. «Ну вот, все отлично - наших перевез, теперь к Николаевым полетит», - сказал папа. И точно, вертик направился вниз по долине Куйвы к стоянке Николаевых. Позже мы узнали, что следующий лабаз у Николаевых съел медведь и поэтому Толя летал на базу за продуктами.

Каково было наше изумление, когда вертолет, сделав круг, начал садиться прямо в долину реки - и не к нам, и не к Николаевым. Зачем он это делал, мы так и не поняли. Но потом узнали, что он искал вездеход и когда обнаружил, сид рядом с ним. Закончив маневры, вертолет полетел в поселок.

Погода разгулялась - небо очистилось. Где-то в час дня мы услышали лязг гусениц - это ехала наша каракатица. Меня невольно потянуло к вездеходу, но папа нашел какие-то новые туфы и, вместо того, чтобы идти, застрял на месте, описывая их. А машина прогремела примерно в метрах шестистах от нас и поперла дальше на перевал. Обед был в три часа на перевале Чинатэн-Кырыткин. Мы нашли на этой голой равнине небольшое озерко, по берегам поросшее кассиопеей и мхами. Мы вдвоем быстро нарвали кассиопеи и я развел костер. Пока доедали рыбные котлеты, вода в котелке бурно закипела и я сыпанул туда горсточку заварки. Через пять минут мы уже с удовольствием втягивали в себя чай и заедали печеньем. Веснуха сначала сидела в стороне, но потом подошла ко мне и начала постукивать лапой по моей ноге, мол, дай чего-нибудь поесть. Я засмеялся и дал ей печеньюшку. Веснуха схватила ее зубами и хрум-хрум - съела. Короче, поели мы все и двинули далее. Под конец маршрута папа наткнулся на залежи ракушняков, откуда я отколол неплохой образчик с четырехсантиметровой бухией.

Увидев палатки на конусе выноса, папа удивился: «Что такое? Как они там оказались? Ведь лабаз должны были выбросить на берегу реки!» Позже я узнал, что настоящее место лабаза - еще ниже по долине на два километра! Когда раскидывали лабазы, был туман и Васька перепутал место, ошибся. Теперь, благодаря ему, мы

находимся в противеньком местечке, на правом берегу ручья Банан. Одна только кухня стоит в низеньких кустиках, но и это глаз радует.

В общем, пришли домой в десять часов вечера. Нашу палатку поставили, но раскинули не все веревки. Я занялся этим делом, быстро натаскал камней, растянул висевшие веревки, придавил стенки палатки изнутри. Нас встретил Перетятко и передал письмецо от Кати. Мы прочитали его, посмеялись над адресом (пос. Вувильвеем). Затем мы пошли есть. Давно такой пищи я не едал! На первое - борщ со свежей свининой и хлебом настоящим! На второе - макароны с колбасой двух сортов! (Ах, да, к борщу еще был чеснок!) Потом - жареная рыба (харитон, голец, налим) с хлебом! После всего - чай с настоящим лимоном! И настоящим яблоком! Да еще с самодельным вкуснейшим печеньем двух сортов, которое прислала Терешкину его жена. Да еще с пряниками. И, наконец, с клубничным вареньем. Ну, это ваще!

16 августа. Погода неопределенная - то ли хорошая, то ли плохая. Во всяком случае - высокая облачность и немного проглядывает небо. Тишина. Папа окрестил эту погоду - нуль. Я с ним согласен. Утром ели уху! О! Сытно поели и начали собираться в маршрут. Взяли с собой четыре кусочка жареной рыбы, хлеба. Ах, да, за завтраком Перетятко обнаружил посылку, адресованную нам, и еще одно Катино письмо. В посылке было два громадных круглых то ли пирога, то ли кекса.

Короче, взяли еще ко всему кусок кекса и вперед! Сегодня идем вверх по Банану. По пути наткнулись на останки барана - обглоданные белые кости и хребет. Нашли жилу арсенопирита - я выколот несколько образчиков сиреневого цвета и прихватил с собой. Потом обнаружил глыбу с галенитом, откуда-то принесенную речкой. Папа сказал, что где-то вверху должны выходить коренники с галенитом. Но мы так ничего и не встретили. В обед мы встретили клочок почвы, с растущей во мху кассиопеей. Быстренько вскипятили чай, попили, быстренько собрались и побежали по хребтику на водораздел. Перевалили в ручей Давний, нашли конгломераты, поставили точку и побежали обратно. Поднялись по ручью на водораздел, перевалили в наш Банан и начали спуск по алевролитам. С 600 метров мы спустились за пять минут. Скорость спуска была около 10 км/час. Довольно-таки быстро!

Домой пришли ровно в десять часов. Думали, что никого еще нет, ан нет - на кухне уже сидели Вовка и Санька - наши передовики. Они тоже только что пришли и успели согреть чай. Мы похлебали холодной ухи, закусили жареной рыбкой, попили чайку с печеньем и пошли, спать. Металлисты приехали в полночь.

Сейчас сижу на кукуле и слушаю ритмичную дисковую музыку. Уже все переслушал. Только вот куда-то делась кассета с Полисом и Дио. Подозреваю, что Миха ее притырил и увез в поселок. Но я раздобыл еще пару кассет с Роллингом и Флойдом. Сейчас папа пытается выйти на связь с завхозом или с кем там получится. «Алмаз», падла, не фурычит. Нас слышат, а мы не слышим. Ну, это ничего, хольосё. А сейчас папа сидит на «карате» и выбрасывает в эфир короткие речи: «Второй, я первый, я первый, прием!» Вроде бы завхоз что-то хрипит, но тихо и непонятно - одно присутствие.

17 августа. В маршрут не пошли, хотя с утра собирались. Но пока собирались, напалз туман и пошел дождь. И вот целый день валяемся на кукулях. Папа работает - камералит, я пишу дневник. Веснуха спит, иногда встает, походит, походит, понюхает и обратно спать. Ну, вот вроде бы и все...

Возвратившиеся на базу Николаевы сообщили, что их седьмой лабаз был разграблен медведем, а рабочие взбунтовались, потребовали семичасового рабочего дня и выходной в воскресенье. Встретившись с бичами на базе, Денис объяснил им, что они, находясь в маршрутах по двенадцать часов, в целом за сезон переработки не имеют - ненастные кукулиные дни все компенсируют.

- Нами управляет природа, а не календарь, - убеждал работяг начальник отряда.
- Вы эксплуатируете нас! - орали бичи.

Все у Дениса внутри клокотало от злости - таких «сук вербованных» он видел впервые. Что за народ пошел? Каждый час, каждую копейку считают. Куда романтики подевались?

Скандал на этом не кончился. Бичи отказались дежурить и питаться на кухне, из общего котла (потому что там, видите ли, дорого!). Они получили под забор продукты на складе и стали готовить для себя сами в своей палатке - случай в поле небывалый. Денису в этот день пришлось самому таскать воду из озера и варить борщ на всех.

В конце августа группы Доценко (на вездеходе) и Николаева (на вертолете) выбросились на очередные лабазы. Начался второй круг поисково-съёмочных работ. Лишившись радиометриста Коли, Денис в маршруты стал ходить один.

4 сентября осень деликатно напомнила о себе первым легким морозцем и снежком. Денис дал Крюканову две РД.

«Седьмого сентября требуется вертолет для переброски двух групп на следующие стоянки. В вездеходе сломано четыре торсиона один левый три правых первым рейсом ждем».

«Прошу вашего разрешения на вылет поселок 12-15 сентября связи необходимостью поездки на материк за ребенком обратный билет из Москвы имею на первое октября =Типанова = Не возражаю = Доценко=

В назначенный день вертолет прилетел (Денис второй раз за сезон удивился), доставил почту, выполнил отрядную работу. Обустроившись на новой стоянке, Денис прочитал письма от жены и старшего сына-студента,

11 сентября случилась пурга и горы залепило снегом. По вечерней связи (22-00) Николаев запросился на базу в связи с резким обострением астмы. И вторая беда у Толи – пропала геолог Борзецкая, застигнутая пургой на горе Острокаменной, ее надо искать. Утренней связью (8-30) Николаев сообщил: «Борзецкая приползла на четвереньках». Начальник отряда вздохнул - слава Богу, ЧП не состоялось.

Прилетел вертолет с дефицитом времени для переброски группы Доценко на реку Пытвытковаам. Экипаж был нервный, дерганный, погрузка получилась рекордно быстрая, тяжелая, потогонная. С новой стоянки Типа улетела, а ее напарник Миха, возвратившийся из поселка после сдачи экзаменов, с ружьем и псом Тимохой стал ходить в маршруты с Денисом. Охотником Миха оказался неплохим - убил лису, несколько куропаток и нашел огромный витой рог снежного барана.

16 сентября Денис сделал переход-маршрут на базу. Погодка в этот день стояла прекрасная, обледенелые горы были припорошены снегом и очень неудобны для исхаживания, но по долинам еще можно было маршрутить. Вася Маркин продолжал штурмовать гору Оранжевую и таскать штуфные пробы из кварц-молибденитовых жил и гидротермально измененных пород. От подножья этой горы до базы Денис добрался напрямую, через озеро Эрвынайгытгын - переплыл на дюралевой лодке, которую гонял туда-сюда, от базы да рудопроявления и обратно Васька Маркин.

Учитывая тесную физическую и духовную связь этого геолога с женой Раей, по аналогии со знаменитым путешественником Васко да Гамой, Денис назвал его «Васко да Райя». Еще более долгим и прочным был полевой тандем Толи и Веры Николаевых, которых гораздый на выдумки начальник отряда объединил в одно имя – «Толо да Вэрра». Жили семейные пары в отдельных благоустроенных (но без ванны и туалета) домиках и чувствовали себя как дома.

17 сентября Васко да Райя по заданию начальника отряда последний раз повел на штурм горы Оранжевой - подъем в лоб, по обвальнo-осыпному скалистому склону. Ему надо было отобрать непрерывную серию образцов по всему разрезу гидротермально измененных осадочных пород для петрографических исследований и составления метасоматическoй колонки (глядишь, какие-нибудь намеки на вертикальную зональность и появятся). Вася потащил с собой удрученного студента Курбанова, которому эта гора

надоела хуже горькой редьки - он вынужден взбираться на нее в пятый раз. Денис подбодрил его, пообещав переименовать вершину в Курбан-тау. Студент засмеялся и весело побежал за Василем.

А другой Василь - Доценко, студент ЛГИ, отмечал в Питере свое двадцатилетие. Его бородатый батька-геолог, вспомнив об этом, загрустил - отметить юбилейный день рождения старшего сына он возможности не имел. Окончательно испортили настроение начальнику отряда вздорные горлопаны - николаевские маршрутные рабочие. Они заявили, что с забором за август не согласны - слишком большой. Пристыженный Денис признался, что да, летние маршрутно-лабазные заборы он увеличивает и округляет, потому что продукты в бочках разбросаны по всей территории и с ними может случиться все, что угодно, как, например, с седьмым лабазом, где братья меньшие (медведи и евражки) маленько покушали. Он, Денис Доценко, материально ответственное лицо, не желает один платить за пропавшие продукты, поэтому страхует, делает заборы больше. Но осенью, когда все лабазы собраны, производится ревизия склада, определяются фактические остатки продуктов, и заборы за последний месяц получаются совсем маленькие. Таким образом, те, кто остается в поле до конца сезона, на заборах ни единого рубля не теряют.

- Но мы улетаем раньше! - орали неугомонные бичи.

- Я выдам вам компенсацию продуктами.

- Согласны! - обрадовались взбудораженные бузотеры и, получив мясные и рыбные консервы, успокоились. Питались они по-прежнему отдельно, готовили скудную пищу в своей палатке, экономя на каждой макаронине. Приехав на Чукотку не за туманом, а за деньгами и угодив в сезонный геолого-съёмочный отряд, они явно не туда попали. Им бы на сдельщину, на канавы...

Вертолет для отправки рабочих в поселок Денис заказал на 21 сентября. И он прилетел! Но совсем не с той стороны и не той целью! Это был шмидтовский рыбнадзор! Утренней связью об этом грозном визите Дениса предупредил северный сосед Сергей Крага, базирующийся на озере Экитыки, поэтому застать врасплох Лево-Вульвывеемский отряд госинспекция не смогла. Сеть с озера была снята и спрятана в бане, бочка с рыбой засунута в кузов вездехода, закрыта брезентом и загорожена другой бочкой - с питьевой водой, которую везли на кухню. Увидав пикирующий вертолет, водитель Первых погнал машину от берега озера вверх по склону. Вертолет сел впереди его. Из распахнувшейся дверцы выскочил милиционер с автоматом.

- Ты чего убегаешь? - заорал он, подскочив к Сереге, - А ну давай сети! Показывай рыбу!

- Какие сети? Какая рыба? Ничего у меня нет. Я воду на кухню везу. Вооруженный мент заглянул в салон - действительно, стоит бочка с водой. Но возле нее - ага! Попались, голубчики! - лежит... лисий хвост (Миха Виноградов забыл).

- Откуда хвост? Лису убили?

- Никого мы не убивали, хвост в тундре нашли.

Серега держался стойко, как партизан на допросе. Разочарованный инспектор охотнадзора нехотя удалился. По палаткам, в тамбурах которых висела вяленая рыба, ловцы браконьеров рыскать не стали, видимо, время поджимало, спешили в другие, более клёвые места, где можно пожить. Вертолет взлетел и помчался вдоль долины Ирвынея на восток. Гроза миновала. Денис перекрестился. Ох, и поиграло же у него очко! Оно и понятно - за все отвечает начальник отряда, штраф за одного хариуса пять рублей, а их целая бочка, да по палаткам сколько можно насчитать (Крага погорел - на него налетели внезапно, забрали сети, подсчитали рыбу, влупили штраф).

На следующий день - ура! ура! ура! - весь рабочий класс был отправлен в центр экспедиции для полного и немедленного расчета. Документы повезла Вера Николаева. Наступил спокойный период полевой камералки. Проснувшись утром 24 сентября, Денис почувствовал - болит правая почка. Походил, походил - вроде бы прошло. После обеда

наступило и еще одно облегчение - на Чукотскую трассу в сопровождении Терешкина без стартера и двух торсионных выехал калека-вездеход.

На базе, теперь уже легко управляемой, осталось восемь человек (в том числе три женщины, один студент и один завхоз).

Отъезд умельца-технократа Терешкина сразу же сказался - студент Курбанов угробил электростанцию, и геологи-камеральщики остались при свечах. Денису такое романтическое освещение нравилось гораздо больше, чем неестественный для палаток яркий электрический свет, струящийся сверху. К тому же прекратилось раздражающее тархтенье движка, благостная заполярная тишина воцарилась над базой. Старый геолог Доценко чувствовал себя комфортно, уютно, а вот девочки-секильдяхочки, как он называл своих сотрудниц, заскучали и запросились до дому, палаточная жизнь им обрыдла. Они потребовали у начальника немедленного вызова вертолета.

Первого октября пани Борзеецкая в знак протеста объявила голодовку, у Дениса снова разболелась почка и рация перестала принимать радиосигналы (видимо, сели аккумуляторы). Третьего октября вечером прилетел вертолет, вместе с грузом в Нырвакино отправлено трое - студент Курбанов и две секильдяхочки. На базе осталось пять человек - начальник отряда Доценко, старший геолог Николаев (Романов), геолог Маркин (Марков) с женой и завхоз. Оставшиеся полевики, усердно трудясь, каждый день ели гольцовую икру и строганину. Свежую рыбу к столу поставлял могучий и полезный мужик Васко да Райя, по утрам проверяющий сетку. Улов составлял обычно десять-пятнадцать хвостов (преимущественно голец и сиг-каталка, реже хариус и налим).

Седьмого октября, в день Брежневской конституции, Денис был к выезду полностью готов. Погода стояла на диво теплая, весенняя. После завтрака начальник отряда обошел свои владения, пересчитал бочки: пустых - пятьдесят, с бензином - тридцать пять, с керосином - две, лабазных (рубленых) - двадцать, с соляжкой и авиабензином - двадцать, всего - сто двадцать семь. Все они остаются на следующий год. Возвратившись в палатку, Денис использовал свое конституционное право на труд - весь день просидел над картой. Безвылазно корпел над своими материалами и рак-отшельник Николаев, страдающий от астмы.

Десятого октября, в полдень, ликвидационный вертолет прилетел. Геологи загрузились, полетели и... сели на 91 километре Чукотской трассы, потому что аэропорт Залив Креста внезапно закрылся. Следом плюхнулся еще один вертолет, из которого выпрыгнул Крага - он тоже завершил сезон. Посидев пару часов, вертолеты получили метеодобро и весело рванули в поселок.

В Нырвакино, проанализировав результаты полевых работ сезонных отрядов, Денис сочинил частушки для вечера полевиков.

1. Лево-Вульвиевский ОГГС (Доценко)

Женщин много в итээрах: Галя, Галя, Кира, Вера,
Люба, Рая, Василиса - все в отряде собрались.
И для них, как по заказу, был у нас грибной сезон
И цветочные поляны, и от зелени озон.
Толя-Вера, Вася-Рая потрудились хорошо –
Пробы в темпе отбирая, стельки стерли в порошок!

2. Ирвынейвеевский ОГГС (Крага)

Потрудились мы на славу, место первое манит.
Мы прошли бы все канавы, если был бы аммонит.
Все бы было хорошо бы среди наших милых гор,
Но случился рейс особый - к нам нагрянул рыбнадзор.
Сковородкою по бочке дочка била много раз.
Испугались медведи, убежали на Кавказ!

3. Заверочный ПРО (Перезвонов)

Все медведи в тундре ели - от консервов до галет.
Перезвонова хотели - спас сигнальный пистолет.
Косолапые воришки все гребли, как из корзин.
Перезвоновские мишки грабанули магазин!
Принесли ему колбаски, дали выпить-закусить.
От такой медвежьей ласки Перезвонов стал косить...

4. Иультин-Ленотапский геохимический отряд (Глухарев) (Глухов – В.П.)

В Иультино-Ленотапском полевой сезон таков:
На квадратном километре до десятка мужиков.
Нет маршрутов поисковых, силы некуда девать,
План какой-то бестолковый - только пробы отбирать.
И руды нигде не видно, без нее душа болит.
Хохотал Иван солидно, обнаружив шеелит.

5. Тыноокенекский поисково-геоморфологический отряд (Мишин) (Гришин – В.П.)

Нам сказал Майко с улыбкой (в поле был полгода он):
- Ни одной паршивой рыбки не поймали за сезон!
И еще признался Витя: «Как-то ездили в поход
И с Демьяновым, простите, утопили вездеход».
Все у Мишина в ажуре, он примерный, как всегда.
Скоро россыпи разбурит! А промажет - не беда...

6. Ново-Пепенвеемский геохимический отряд (Царик)

Юра Царик с Комаровой в золотой попали край.
Говорил он: «Ты здорова, проб побольше отбирай!»
Весь сезон трудились рядом, вездеходчик их катал.
Царик справился с отрядом, а Наташу прозевал...

7. Гидрогеологический отряд (Щукина)

За райкомом ты бурила - далеко не ехать чтоб.
Ничего не говорила, молча делала подкоп.
Объясни нам ради Бога, чтоб не грянула беда –
Под райкомом «злата» много, иль скопилась там вода?

8. Отряд стройматериалов (Попов)

О строймате вспоминаем, без него беда грозит.
Где Попов? А мы не знаем. Закопался в керамзит.
Весь сезон в алевролитах он, как рыба в чешуе.
У Попова керамзита навалом - хоть попой ешь.
К концу года созрела очередная гроздь юбиляров, самым знаменитым из которых
был Владимир Веник, бывший начальник отряда, а теперь начальник отдела
экономических исследований (ОЭИ), чиновник-канцелярист.
Двадцать лет до цели шел! Наконец, добился.
В ОЭИ с лихвой нашел все, к чему стремился.
В женской группе я бугор! За столом приятней,
Чем на диких склонах гор находить занятые.
Я о прошлом не тужу, поле позабыто.
Экономике служу, чтобы «шито-крыто».
Я - и Веник, и метла! Из проектов мусор
Выметаю я дотла с очень тонким вкусом.

Среди женщин и цветов я до пенсии готов
Головой трудиться, с цифрами возиться.
Не мог не воспеть Денис и водителя гусеничного тяжелого тягача (ГТТ) Евгения Мясоедова, вывозившего его с полевых работ в 1987 году.

Пятнадцать лет на вездеходе! Ты ГТТ как Бог водил!
Умело, при любой погоде железом тундру бороздил.
Ревел мотор, звенели траки, трещала злая мерзлота!
Ты знаешь, где зимуют раки, а где любовь и красота.
Принес разведке пользы много тобой водимый вездеход.
И не страшна тебе дорога, ты каждый день готов в поход.
В дороге трудной, но обычной ты смел, и весел без вина,
А дома ждут тебя привычно твой сын и верная жена.
Вот так и далее трудись, собой заслуженно гордись!

И, наконец, Денис поздравил стихотворением свою любимую женушку Олю (делал он это ежегодно, независимо от цифры - а как же иначе? Попробуй, не поздравь!..).

Поздравляем маму Олю - нашу фею, нашу долю,
Потому что к нам добра и для нас горит, как бра!
Светом мягким освещает, греет нежно, как камин,
Кормит кашею и щами и сияет, как кармин.
Словно яблочко сверкает и приятна, как изюм.
В дочку музыку толкает, в мужа - силу, в сына - ум.
Навещает Катю в классе, мыть полы не устает,
Деньги шлет студенту Васе и Веснушке кость дает.
Поздравляем с днем рожденья и желаем наслажденья!

Как раз накануне защиты полевых материалов Лево-Вульвыеемского отряда, в середине декабря, на Дениса Доценко обрушилось несчастье - главный геолог ПГО Гольденблат, страшный карлик, вызвал его в Магадан для защиты Вешкапского отчета. При этом он потребовал дополнительные материалы – альбом отдешифрированных и аннотированных аэрофотоснимков, который проектом не предусматривался и кое-что еще. Три дня (один рабочий и два выходных) Денис просидел в кабинете и, к удивлению Крюканова, сделал требуемый альбом! «Кому либо другому на это потребовалось бы не менее двух недель», - восхищенно произнес Саня.

22 декабря утром Денис Доценко с больной носоглоткой приехал в аэропорт Залив Креста. На теплый рейсовый самолет он не попал, улетел после обеда в ледяной железной коробке грузового биплана АН-2. В Анадырском аэропорту билет на Магадан ему зарегистрировали аж на 30 декабря, как раз к новому году! Что там делать в этот день? Денис в панике, мечется по аэропорту, часто курит. «Ну, Гольденблат! Ну, заделал мульку, гад!» - шипел несчастный геолог. Положение у него было безвыходное - надо набраться терпения и ждать. Он приобрел койку в коридоре (рубль в сутки) и постепенно успокоился - будь что будет, от судьбы не уйдешь.

23 декабря из Нырвакинота прилетел Колечко, его тоже вызвали в ПГО, но по другому, более важному делу. Главный мелькнул и исчез, уехал в Анадырь, билет в Магадан через начальство добывать. Дежурная по гостинице уговорила Дениса перебраться из теплого рублевого коридора с телевизором на стене в холодный пятиместный номер за два рубля, с кисло-вонючим воздухом и двумя храпунами. Денис еще больше озлился. На ужин в буфете он съел блинчики, фаршированные гнилым жидким мясом, а в четыре утра проснулся от резкой боли в животе, побежал в туалет и зверски пропознозил. Бегать на унитаз ему пришлось всю оставшуюся ночь и весь день. От еды Денис сперва решил отказаться совсем, но голодовки долго не выдержал, съел манную кашу и выпил два стакана чая. К вечеру брюхо вроде бы успокоилось, но заболела почка.

Появился Колечко - молодой, здоровый, но тоже невеселый, рассказал о своих мытарствах. Анадырские шишки помочь не смогли, тогда он позвонил Циклопу, Циклоп позвонил генералу Каталенко, тот пообещал достать билет через обком, но пока ничего не ясно. Серега пошел к начальнику смены аэропорта, со слезой объяснил ему ситуацию - из Москвы в ПГО едет министр геологии, ему, Колечке, надо обязательно там быть и делать сообщение о ВЧГЭ. Кряхтя и стеная, начальник смены внес государственно-важного чиновника в список для подсадки. Серега торжествовал. Он знал о телефонном разговоре Каталенко и Умелина. «Если Колечко не прилетит, я ему голову оторву», - пригрозил Мохнорылый. Вот почему главный геолог ВЧГЭ так неудержимо, как рыба на нерест, стремился в Магадан. Будучи в полной уверенности, что командировка не затянется, и он непременно вернется домой к новому году, он купил обратный билет на 30 декабря в Залив Креста. А Денис в этот день только в Магадан полетит - какая нелепица! И тут у него мелькнула счастливая мысль - а что, если...

- Сергей, бери мои материалы и лети. Сам защитишь Вешкапский отчет, у тебя получится, - сказал он.

Колечко, насупившись, долго молчал, размышлял, сможет ли он это сделать.

- Ну а я вернусь в Нырвакинот, чего я тут сидеть буду до 30 декабря. Ты имеешь право принять такое решение. В сложившейся ситуации...

- Ладно, давай.

Денис поспешно извлек из чемодана альбом АФС и дополнительную графику, передал Сергею. Воспряв духом, он сдал проклятый магаданский билет и взял другой - на Залив Креста, на 27 декабря.

Провожая Колечко на самолет, Денис весело болтал: «Помнишь, как реагировал Кандырин, поимев какую-либо неприятность? Примем на грудь! - говорил он. Вот и тебе придется принять на грудь и защиту моего отчета, и мое возвращение, и возможный гнев Циклопа. Желаю тебе удачи!» Серега улыбался - он был смелый, нахальный парень, молодец, потому и стал атаманом.

После скромного обеда (много есть брюхо не позволяло). Денис провел сиесту, дочитал книжку «Страшен путь на Ошхамахо», из которой узнал, что Кав-каз переводится как «гуси-лебеди» и сочинил четверостишие, отражающее его состояние:

Гольденблат как Дракон, грозным рыком

В Магадан на расправу позвал.

И назвал я себя горемыкой,

Невезучим, несчастным назвал.

Записал Денис стишок в полевую-походную книжку, прочитал их и так ему стало жалко самого себя, что аж слезы на глазах выступили.

25 декабря. Пятница. 8-00. Началась регистрация пассажиров на Залив Креста и Денис попал на самолет! Это было неожиданно и приятно. В десять утра он уже был в Нырвакиноте и, облачившись в теплые меховые штаны, торбаза, свитер, шубу, рукавицы, стал в гигантскую, как в мавзолей Ленина, предпраздничную очередь за спиртным. Было очень холодно, к тому же после обеда разразилась пурга, заиндевевшие, припорошенные снегом люди в скудном освещении уличного фонаря напоминали ленинградских блокадников, стоящих за порцией хлеба. Очередь продвигалась со скоростью не более пяти метров в час, у входа в магазин постоянно возникали плотные пробки, разгоняемые милицией. Простояв весь день, и сильно продрогнув, Денис успел-таки до закрытия винной лавки получить бутылку коньяка и бутылку шампанского. Новогодний минимум был обеспечен. Возвратясь домой с добычей, разделся и нырнул в горячую ванну. Он лежал, наполняясь теплом и радостью бытия, он улыбался, чрезвычайно довольный - теперь можно жить спокойно, будущее обеспечено.

В понедельник 28 декабря Денис узнал, что во время его отсутствия состоялась защита полевых материалов Лево-Вульвыеемского отряда (делал доклад и отвечал на вопросы старший геолог Анатолий Николаев (Николай Романов – В.П.)) и что техсовет

оценил их на «хорошо». Все ИТР искренне ликовали - премия будет! Только начальник отряда был мрачен, он знал - ему едва ли что обломится. Он сел за стол и написал рапорт Умелину о своей нелепой поездке в Анадырь.

«С 22 по 27 декабря 1987 года я находился в командировке в СВПГО. Из аэропорта Анадырь вылететь в Магадан я не смог из-за отсутствия билетов (штамп подтверждения на командировочном удостоверении). В связи с истечением пятидневного срока командировки и по согласованию с главным геологом ВЧГЭ я возвратился в Нырвакинот и с 28 декабря приступил к работе. Материалы к Вешкапскому отчету, которые я вез, переданы в ПГО через тов. Колечко. Отчет принят, цель командировки достигнута. Прошу оплатить командировочные. Авансовый отчет прилагается».

Колечко возвратился из Магадана после Нового года. Встретив его в коридоре, преисполненный благодарности Денис воскликнул:

- Дай твою мужественную лапу!

Сергей, улыбаясь, ответил крепким рукопожатием.

- Тройку поставили, собаки, - сказал он.

- Да ладно, какая разница, здесь же все равно четверка.

- Протокол НТС и замечания прочитать хочешь?

- Нет, не хочу. Спасибо, что выручил.

Начальник ЦГГП Свистоплясов потребовал от Дениса рапорт на премии работникам Лево-Вульвыеемского отряда с указанием прегрешений и процентов удержания. Денис, не задумываясь, лишил премии всех николаевских бичей, а с Типановой предложил удержать двадцать процентов за неуспеваемость при камеральной обработке полевых материалов.

- А рабочих за что? - поинтересовался ПБ.

- Бузили. Бастовали.

- Почему?

- Эксплуатация. Требовали семичасовой рабочий день.

- Понял.

Вскоре был вывешен приказ на премии за полевой сезон-87. Удержания состоялись. Типанова за двадцать процентов на начальника отряда обиделась, а начальник отряда за сто процентов обиделся на весь АУП. В конце января Колечко провел заседание по подготовке к Дню геолога. Денису, как всегда, поручили художественную самодеятельность, но на сей раз штатный развлекало от этого задания решительно отказался. Он разразился гневной тирадой:

- Полное лишение премии полностью лишило вдохновения и желаний заниматься общественно-развлекательной работой. Я считаю себя свободным от всех общественных нагрузок. На репрессию отвечаю бойкотом, иначе не могу. Делайте свои увеселительные мероприятия без меня. Все, конец, концерта не будет, отпели соловьи!

Главный геолог Сергей Колечко от огорчения чуть не заплакал и затаил обиду на Доценко.

Отказав карателям-администраторам во главе с Циклопом, женщинам экспедиции в день восьмого марта Денис отказать не мог - они-то всегда к нему хорошо относились. Своим отрядным дамам он вручил поздравительные открытки с геологическим заданием на дальнейшую работу.

Вере Николаевой.

Раздраконь-ка вулканиты, чтоб подтолщи и подсветы

Скрыть свой возраст не могли, обоснованно легли.

Гале Типановой, Кире Борзецкой:

В маршруты бегай тут и там.

Во всех породах ставши докой,

Козою горной по хребтам скачи до старости глубокой.

Рае Маркиной:

Стань геологом скорей, брось на Ваську дочерей,
Каждый год в поля ходи, руды, руды находи.

Уважал Денис и оформителей, среди которых сидела и его жена.
Улыбка, карта и бедро - вот оформительской эмблема.
Осталось мощное ядро - и этим решена проблема.

Остальных дам Денис поздравил так:

Женщин в экспедиции много, поздравляем всех до единой.
Женщины, пусть ваша дорога стелется ковром, а не льдиной.
Лучшие из сапиенс гомо, вы пример мужчинам подавайте,
На работе, в отдыхе и дома жить им по старинке не давайте.
Перестройка - женского рода, у нее такая же природа,
Как у женщин - опытных хозяек, работающих, бережных, всезнаек.
В перестройке женщина - основа, в ней залог успехов жизни новой.

В середине марта главный геолог Колечко обратился к Денису с просьбой сочинить поздравления ветеранам. Денис ответил: «Извините, не могу, нет вдохновения.» А надо было ответить так - после учиненной пакости администрация не имеет права предъявлять мне какие-либо неслужебные претензии, - подумал Денис, уходя от Сергея, и тут же выдал экспромт:

Беспощадно, прямо в лоб
Бьет рассерженный Циклоп!

После Колечко к бастующему стихотворцу подходили Карамба, Тумкыргав, Царик, Типанова, комендант общежития, художник Миша Петров (член редколлегии газеты «За недра Чукотки») и многие другие - Денис всех по-руденковски посылал «кы-вы и на». Он был обижен на весь мир. Трое других обиженных ветеранов, достигнув пенсионного возраста, покидали экспедицию навсегда. В мае восемьдесят восьмого написала заявление на увольнение в связи с достижением пенсионного возраста уважаемая Мария Васильевна Виноградова, нестареющая Маруся.

Отдых я заслужила честно - 20 лет на Чукотке только.
И, товарищи, что интересно - не устала, пожалуй, нисколько
Я могла бы еще потрудится, да не хочется что-то, ей Богу.
Тем, что сделано можно гордиться, уважая свою дорогу.
Было все - поля, камералка, составление карт полезных,
Чувства, знания и смекалка, и характер слегка железный.
Эти качества мне пригодятся, буду их применять в Сибири.
Пусть десятками внуки родятся - с ними жить буду в дружбе и мире.
Вот мне пенсия, вот и программа - не терять оптимизма ни грамма!

Вслед за Марусей удалилась на заслуженный отдых и ее подруга Дарья Орлова.

Да, я из тех, с кем начали бороться - АУП раздутый, это сознаю!..

Чтобы на скандал не напоротья сама себя на отдых отдаю.

Трудилась я, как лошадь, безусловно, -

Чего там скромничать - ударницей была.

Была артисткой (лучшею, конечно)

И самую веселую слыла.

Теперь в Москву! В столицу! К Горбачеву!

В театр Малый, где Ефремов ждет.

В Москву, где встречусь я с подругой Пугачевой

И где бобыль какой-нибудь меня найдет.

Прощайте, ВЧГЭ шальные сметы,

Сотрудники, товарищи, друзья.
 Любили вы меня. И вас за это
 В Москве далекой буду помнить я!

Достиг пенсии и Евгений Макарович Виноградов, неунывающий Женька. Денис с грустью написал ему последние-прощальные стихи.

Начал со Светлого. Придется закончить Светлым. Круг замкнут.
 Судьба Евгения смеется: ты ведал пряник, знаешь кнут.
 Пусть те, кто нас кнутом щекочет, утробой жирною икнут.
 Судьба для них того ж захочет, стегнет и скажет - круг замкнут!
 Прошел геолог все ступени, до кресла Главного дошел,
 В науку «вдарился» без лени, критерий поисков нашел.
 С гитарой было все в порядке, по кости резал, рисовал,
 На производственной зарядке легко лезгинку танцевал.
 Пенсионером быть обидно когда способностей расцвет.
 Особой радости не видно, но и грустить причины нет.
 Теперь придется жить иначе - пора на отдых, в огород.
 Туда, где ждут машина, дача, деревьев множество пород.
 В благоухающих картинах пусть у тебя поет душа.
 И там чудесную картину напишешь маслом неспеша...

В начале июня, в очередной день рождения Пухова, когда уже все гости разошлись, Денис, куря вместе с Кириллом и Валентиной (она еще пока держалась на ногах), взял да и ляпнул: «Хорошо вам живется, друзья. Ты, Валя, как и все торгоши, женщина блатная, имеешь все дефициты и выпивку в неограниченном количестве, пользуешься положением. Вы и едите, и пьете так же, как и до перестройки. Молодцы! Белые люди! Чудесно устроились, не правда ли?» Пухов замер, обомлел, пораженный чудовищным обвинением, услышанным от человека, которого он до сих пор считал своим другом. Валентина, тоже поверженная в шок, несколько секунд молчала, хватая ртом воздух, потом побагровела и взвизгнула: «Во-он! Вон из моей квартиры! И чтоб ноги твоей здесь больше не было, подлец!» Обескураженный Денис ушел, провожаемый злобными взглядами супругов Пуховых. Так, в один миг, рухнула многолетняя дружба, произошло событие, подтверждающее два изречения: «что у трезвого на уме, у пьяного на языке» и «язык мой – враг мой».

СЕЗОН-88

Денис Доценко без сожаления уступил место начальника отряда отгулявшему отпуск Благоволину. Так друзья договорились еще в прошлом году: первым сезон делает Денис, остальные - Чвычка. Вылетев на базу Лево-Вульвывеемского отряда, Чвычка оставил своего старшего геолога в поселке для завершения предполевых дел. В последней июньской радиосвязи си попросил у Дениса купить расческу.

- Зачем она тебе? - удивился Денис.
- У меня еще есть волосы на голове, - пробубнил Чвычка.
- Ты ж до сих пор пятерней обходился.
- Ну, самое....
- Лана, привезу.

В середине июля, Денис вылетел в поле, разбросал лабазы первого круга и поставил палатку на реке Энмываам. В первом же высокогорном маршруте, на обрывисто-скальном склоне, рабочий-радиометрист Коля Доценко сорвался и разбил термос с горячим чаем, находившийся в заднем кармане рюкзака. Затем последовал нервный дождливо-комариный маршрут, после которого Денис принял решение просто так не сдаваться, обратиться в комиссию по трудовым спорам, ее председателю Рубеновичу (Г. Гурбановичу), со следующим заявлением:

«Прошу проверить правильность действий администрации по наказанию за привод в милицию второго июня прошлого года. Администрация приняла, следующие депрессивные меры, которые мне представляются чрезмерными:

1. Январь 1988 года - лишение премии на 100% за полевой сезон 1987 года (полевые работы проводились с июля по октябрь).
2. Июнь 1988 года - лишение тринадцатой зарплаты за 1987 год.
3. Июль 1988 года – не начисление премии за камеральный период (ноябрь 1987 - май 1988).»

В третьем маршруте Коля потерял ножик. В четвертый высокогорный маршрут Коля впервые взял примус и сделал шикарный обед на хребте. Вода для чая была добыта из многолетнего снежника.

Возвратясь в лагерь, Денис продолжил жалобное письмо Рубановичу. «Адам Степанович, дорогой, если ты все тот же, каким я тебя представляю, то есть председатель комиссии по трудовым спорам и порядочный человек (в последнем я не сомневаюсь), займись, пожалуйста, этим хреновым делом, успокой ты мою душу грешную.

Итак, они содрали с меня порядка двух тысяч рублей. Причем в три приема. Для меня это трагедия. Это уже не наказание, а планомерное, злобное добивание, ты не находишь? Я засомневался в правильности действий моих карателей вот по каким причинам:

1. Задержание произошло 2 июня, в поле я вылетел 5 июля. Премия начислялась главным образом за полевые работы, которые начались только через месяц после события. Тем не менее, они распространили наказание и на ни в чем не повинный полевой сезон, в котором я вкалывал, как Карла.

2. Премии за полевой сезон лишили через семь месяцев после привода. Соответствует ли это сроку, в течение которого должно быть исполнено наказание?

3. Тринадцатой зарплаты меня лишили автоматически, забыв, вероятно, что одну большую премию с меня уже содрали.

4. Премия за камеральный период Свистоплясов просто-напросто не стал оформлять. Почему?

5. Не превысили ли они допустимую сумму удержания?

Вот такие, Степаныч, дела. Заклевали меня начисто и мне это очень не нравится. Наши руководящие каратели считают, видимо, что схваченный милицией пьяный человек объявляется вне закона и над ним дозволительно в течение года и более измываться, совершать все, что заблагорассудится, ссылаясь на известный «Указ». Так ли это? Жду от тебя ответа на этот вопрос. Услышать ответ: «Сиди в дерьме и не чирикай, а то хуже будет» я бы не хотел, хотя возможность такого ответа, увы, не исключена, я это сознаю. Если же есть возможность вернуть через суд или другим путем хоть какую-то часть удержанного, сообщи об этом Оле, а она напишет мне. Официальное заявление прилагаю.

Будь здоров. Желаю успеха. С уважением Доценко.»

Затем Денис написал письмо жене,

«Оля и Катя (Зоя и Настя), здравствуйте. Живем мы с Колей (Максимом) хорошо, чего и вам желаем. Одна неприятность - комары спать не дают. Лично я сплю не более шести часов, да и то с перерывами, просыпаюсь и отмахиваюсь от злодеев. Но, как ни странно, встаю бодрым, свежим, вполне отдохнувшим. Видимо, в какие-то моменты сон настолько глубокий, что его достаточно для восстановления сил. Коля спит, замотав голову вкладывшем. Как он там дышит, непонятно. И все равно он здорово искусан. У него теперь, как он сам сказал, большой шишковато-бугристый лоб и пухлый глаз с монгольским прищуром - комар тяпнул за верхнее веко. Другая маленькая неприятность - в первом же маршруте Коля разбил термос, в маршруты по безводным хребтам вынуждены ходить с бутылкой холодной воды. А один раз Коля брал примус, нашли крошечный снежник, натопили воды и сделали на вершине чай. Есть у Коли и кулинарный подвиг - в рисовую кашу он засадил две большие банки свинины! Вот ото

было богатырское блюдо! Жиру с рисом: хилый студент, работающий в нашей группе, не смог одолеть и двух ложек, а мы, богатыри Доценки, слопали все, преодолевая тошноту. А потом перли в гору, как танки, с выхлопами и жидкой свинячьей отрыжкой. 21 июля меня посетил Благоволин со своей Венерой (так зовут его радиометристку). Он шел маршрутом, а следом, по долине, ехал сопровождающий его вездеход. Основное, что Чвычка хотел мне сказать – вертолет для переброски на следующий лабаз будет двадцать третьего (сообщить об этом по радиации он не мог, потому что ее у меня нет). Собирался Чвычка ночевать, по вдруг, уже в двенадцать ночи, загоношился, забормотал «самое, самое» и уехал, сидя верхом на кабине вездехода, грузный мужик в ватной куртке и облаке комаров. Свое законное место в кабине он любезно уступил Венере (я бы загнал ее в кузов, там тоже ехать хорошо). Она упросила начальника, ей, видите ли, хочется ехать с Витей, смотреть на него, беседовать с ним, чтобы не скучно было в дороге. А Чвычка, как сыч на трубе, один наверху сидел, свесив длинные толстые ноги на лобовое стекло вездехода, прямо перед лицом студентки. Тоже мне, жентильмен называется, место даме уступил, а потом перед ейной мордой сапожищи свесил.

У меня в группе четыре человека - мы с Колей и студент с рабочим-промывальщиком. Компания отличная, удобная в житейском отношении. Единственным минус - народу мало, приходится часто дежурить по кухне. А теперь главное - прочитай то, что я написал Рубановичу и, если со мной согласна, передай ему официальное заявление и письмо. Чем черт ни шутит - может удастся что-нибудь вернуть, хотя бы и через суд? Отправив эти бумаги, я буду работать спокойно, а то совсем извелся, только это и на уме, геология в голову не лезет. Не люблю, когда меня обижают, ох, не люблю! Как только что-нибудь прояснится, сообщи мне. Я, конечно, мало надеюсь на положительное решение вопроса, ну а вдруг?»

Пятый маршрут был приятный, долинный, весь в зелени и цветах. Геологи дважды делали чай с дымком на дровах и кассиопее, утоляли жажду (сырую воду старались не пить). 22 июля был нанесен завершающий удар по бухиям (раннемеловым ракушкам) и составлены разрезы по берриас-валанжинским отложениям.

В погрузке и разгрузке вертолета, перебросившего группу Доцеко на вторую стоянку, участвовало пять помощников - Свистоплясов, Крюканов, Мишин, Благоволин и безымянный студент. Письмо для Оли Доценко взял ПБ. «Знал бы он, какую бомбу везет! - усмехнулся Денис и тут же спохватился. - Впрочем, эта бомба может оказаться шутихой, петардой, учебным взрыв-пакетом или вообще безвредным порошком...» Разбирая лабаз, Денис увидел, что его посетил медведь. Хозяин тундры скушал острый томатный соус и сливочное масло. Бочку вскрыть ему не удалось.

Седьмой маршрут, выполненный 24 июля, был одним из самых тяжелых. После дождя было очень душно, пот выедал глаза, донимало комарье.

Денис чувствовал перегрев, головокружение, ноги как ватные, продвигались с трудом, мотор не тянул. Несколько раз старый геолог падал. Последний длительный отдых был в километре от палатки. Вечерней связью по «карату» Денис попросил завхоза принести масла.

На следующий день шел мелкий дождичек, освеживший атмосферу, идти было приятно и легко. После маршрута Денис и Коля собирали грибы. Их было в тысячу раз меньше, чем в прошлом году, но все же котелок на жареху удалось набрать. В сотне метров от палатки геологи напоролась на медведя. Зверь испугался больше, чем люди, и в панике бежал вверх по долине. Промывальщики в это время спокойно посапывали в кукулях. Денис сообщил им, что возле них околачивался огромный голодный медведь-людоед. Ребята не испугались - дело привычнее, в маршруте они тоже видели кое-что, причем более опасное для здоровья полевика - медведицу с двумя медвежатами необычного, палевого цвета.

В конце июля установилась приятная маршрутная погода. Обеденные перерывы Денис и Коля устраивали на берегу Энмываама, в живописных местах - на галечных

носах, под кустами ивы. На третью стоянку они сплавились по реке Ирвынейвеем. В лодке сидел и подгрребал веслами Коля, ему это было интересно, а Денис шел бережком. К лабазной бочке, заброшенной вертолетом на берег озера Эрвынайгытгын, Денис пришел первым. Берег низменный, травянисто-болотистый, сложен торфяниками. Площадку, более-менее подходящую для установки палатки, удалось найти среди кустов. Вместо обычных каменных глыб для растяжек пришлось использовать колья. С этой стоянки Денис делал разрез карнийского яруса, подплывая к обнажениям на лодке. Маршруты проходили под плотным слоем облаков, упорно державшихся на высоте пятисот метров.

На базу Доценки переехали на попутном вездеходе, шедшем от Благоволина. Проведя на базе один банно-камеральный день, они собрались ехать на четвертую стоянку. Происходило это пятого августа после обеда. Витя Костровой сел за рычаги, отъезжающие заняли свои места и, вдруг, - вертолет! Прилетел ПБ с письмами и посылкой. Денис вынужден был поздороваться с ним за руку, думая при этом: «Ну и скотина же ты, братец».

Перед отъездом рабочий Шурик Вялов быстро и решительно напился, лег на вездеход сверху, позади кабины и заснул. При переезде через Ирвывейвеем Шурика окатило холодной волной и он, матюкаясь, забрался в салон. Однако тут ему не понравилось и он залез на крышу (все это на ходу), лег в надутую резиновую лодку. Вдрызг пьяный каскадер вызывал у Дениса опасение - как бы ни свалился. И точно! При одной из мощных встрясок вездехода свалился-таки человек, но, как ни странно, пострадавшим оказался не пьяно-спящий Вялов, а трезвый бодрствующий студент Голдобин, зачитавшийся письмом. Упал он очень удачно, мягко, на кусты, рядом с гусеницей, держа в руке послание от любимой девушки.

И вот все позади - вертолет, посылка, удивившийся, обезумевший рабочий, грохнувшийся с крыши движущегося вездехода студент, сложный переезд. Вездеход прибыл на место. Обалделый, качающийся Вялов немедленно забрался в кукулю, накрылся красным ватным одеялом и окончательно вырубился. Денис, Коля и водитель Витя Костровой, сидя в освободившемся от вещей салоне вездехода, отведали содержимое Олиной посылки - помидоры, яйца, хлеб, колбасу и масло, запивая эту невозможную вкуснятину свежесваренным чаем.

Проводив вездеход, геологи поставили две палатки - жилую, на террасе и кухню - внизу, у воды. Денис, комфортабельно устроившись на кукуле, принялся читать письма от жены и старшего сына-студента.

6 августа. Стоянка № 4, речка Щебенка. Маршрут с заходом на границу с территорией Краги. Сам он тоже здесь, изучает разрез терригенной толщи. Денис сверху видел его палатку, но спускаться к ней не стал - Серега наверняка в маршруте. На обратном пути Денис и Коля мокли под дождем, скользили по наледи, попали в природную ловушку (обрывистые берега, глубокая вода), кое-как выбрались из каньона наверх, причем оказались на разных берегах реки. Коля, заметив вдалеке палатку, без оглядки рванул к ней. Денис, перейдя речку вброд, устремился за Колей, стремительным броском преодолел трехкилометровое пространство. Сбросив мокрую одежду, полевники переоделись в сухое, похлебали ухи с зеленым горошком и, забравшись в теплые сухие кукули, ощутив полное блаженство, предались забвению.

Последние маршруты проходили в условиях низкой переменной облачности с кратковременными морозящими дождями и радугами. Денис и Коля имели великолепные обеды с вяленой рыбой и помидорами. Все шло хорошо.

15 августа ситуация изменилась - резко похолодало, выпал снег. Перейти вброд речку Щебенку Денис и Коля не смогли - от ночных осадков она вздулась, превратилась в мутный стремительный поток. Маршрутчики сунулись в нее, замочили задницы, набрали в сапоги воды и, удовлетворившись достигнутым, вернулись в лагерь. Они сели верхом на горячую бочку, в которой горели примуса, пустили из штанов пар и, слегка подсушившись, с дымящимися задницами, потопали в другой маршрут.

Ну и денек! Возвратясь вечером, Денис ахнул - кухни нет! Рваная палатка лежит на земле, масло из ведра, стоявшего в воде, исчезло (три килограмма!), крупа и макароны рассыпаны. Дело ясное - на стоянке пировал медведь, гость незванный. «А ведь обсерется, гад, столько масла за один присест сожрать!» - подумал Денис.

Кухонная палатка была подшита, восстановлена, но продуктов не вернуть, они ушли в забор группы Доценко.

Вечерней связью но «карату» Денис узнал еще об одном отрядном происшествии: опрокинулся вездеход (лег набок и вставать не хочет). Ночь прошла спокойно. А утром Денис вышел из палатки и обомлел - кухонная палатка снова повреждена, лежит на галечнике, причем изорвана так, что и ремонту не подлежит. Медведь позавтракал. Его ранний визит спящие геологи не слышали, шум, производимый медведем, заглушала река. Приготовив из остатков продуктов (медведь работал нечисто) завтрак на свежем воздухе, Денис поднял ребят, накормил их и отправился в маршрут по левобережью Щебенки. В длинном и приятном, с живописными видами маршруте «домашние неприятности» забылись. Но, возвратясь на стоянку, Денис и Коля снова слаженным дуэтом взвыли от досады - медведь распотрошил жилую палатку, сделал дыры по бокам, вытащил все, что лежало вдоль стенок, в том числе и цинковый секретный чемодан. Он его вскрыл, разорвал аптечку (его, видимо, привлек сильный запах мази Вишневского), разбросал по террасе аэрофотоснимки и карты.

Отремонтировав палатку и восстановив порядок внутри ее, геологи увидели, наконец, и самого разбойника - он сидел неподалеку, на противоположном берегу и наблюдал за их действиями. Сначала он прятался в кустах, потом совсем обнаглел - преодолев водную преграду, поднялся на уступ террасы и подошел к палатке - здравствуйте, товарищи, вот он я! Ни оружия, ни ракетницы у Дениса не было, отсалютовать в честь прихода такого знатного гостя было нечем, пришлось использовать для этого сподручные домашние вещи и голосовые связки. Геологи заорали, застучали, зазвякали. Мохнатый хам потрусил от палатки подальше, разозленный Денис припустил за ним, ударяя молотком по сковородке. Медведь вдруг остановился, повернулся и стал ждать приближающегося преследователя. «Стой!» - скомандовал себе Денис и подумал: «А не слишком ли далеко убежал я от палатки?» Развернувшись, геолог побежал обратно, медведь - за ним! Тревожно оглядываясь, Денис думал: «Что за чудак? Играется он, что ли?»

Вечерней связью Денис сообщил Чвычке о медвежьей осаде. Тот посоветовал не дрейфить и держаться до прилета вертолета. Всю ночь геологи жгли костер, кричали, били в кастрюли, отпугивали медведя. Под утро, когда всех сморил сон, решили дежурить по очереди. Денис, положив ухо на изголовье, отчетливо услышал гулкой медвежий галоп - бум-бум! Бум- бум! Бум-бум!

17 августа. Речка Щебенка. Напуганная, не выспавшаяся группа геологов ждет вертолет. Почти все продукты с помощью медведя съедены, остался только борщ в стеклянных банках и галеты - и то слава Богу. Медведь явился в восемь вечера, как раз к ужину, сел недалеко от палатки и стал ждать, когда поднесут. Опять была тревожная полусонная ночь с костром и звуковыми сигналами. В восемь утра мишка, так и не дождавшись угощения, ушел.

18 августа мощный снегопад покрыл тундру белым пушистым одеялом. Приехали на вездеходе спасатели - Галин с Костровым, с двумя карабинами, убили глупого медведя, сняли с него пышную желтовато-блондинистую шкуру. В голом виде медведь оказался небольшим и совсем не страшным. Разрубив тушу на несколько частей, полевики с радостью покинули драматическую стоянку и поехали на новое, безопасное, как им хотелось, место - правобережье ручья Куропаточного. Их иллюзии быстро рассеялись. В заросшей кустами долине грохочущий вездеход поднял огромного медведя и тот ускакал вверх по течению ручья. Прибыв на место назначения, геологи увидели метрах в ста медведицу с двумя медвежатами. Семья спокойно паслась на голубичном склоне.

- Ух, хорошо! - воскликнул улыбающийся Витя Галин. - Да тут вам будет еще веселее, чем на Щебенке!

- Ничего, теперь у нас есть хоть ракетница, спасибо, что привезли, теперь отобьемся, - бодро ответил Денис.

Вездеход ушел. Поставив палатку, Денис впервые за свою полевую практику принял охраняющие антимедвежьи меры - огородил палатку веревкой с красными флажками и всякими гремящими предметами, чтобы медведь не имел свободного доступа к жилью и телам спящих геологов.

Начальник отряда Благоволин передал Денису записку, в которой сообщал об изменении планов дальнейших работ. Старший геолог-астматик Анатолий Николаев совсем разболелся, его надо отправлять на лечение в Нырвакино, поэтому Денису придется перебраться на его участок и работать на пару с Верой. Тандем «Толе да Вэрра» распался. А Денису какая разница - поработает и там. Сейчас у него гастрономический праздник - вкуснейшая молодая медвежатина, от которой Коля просто обалдел - он впервые пробовал такое нежно-ароматное парное мясо дикого зверя.

Горы в снегу. Первый маршрут Денис сделал по долине ручья, изучая коренные выходы в береговых уступах. Помимо геологии он думал-беспокоился и о том, что наступила ягодная пора, надо собирать урожай, а времени нету.

Двадцатого августа жажнул первый утренний мороз и Денис, махнув на маршруты (никуда не денутся, подождут), решил идти, за красной смородиной. Коля, естественно, с ним. Перевалив в долину Ирвынея, Доценки вышли на красносмородинные плантации. Кусты этой яркой чарующей ягоды произрастали на крупноглыбовых развалах песчаников в нижней части склона, а у подножья водораздела, вдоль кочковато-болотистой закраины озерно-речной террасы желтели-золотились морошковые поля. Заполнив всю имеющуюся у них тару (шесть стеклянных банок по два с половиной литра), Денис и Коля поздним вечером возвратились на стоянку. Палатка была цела, медведи не приходили.

В один из последних поисково-съёмочных маршрутов Денис пересек гору Оранжевую, познакомился с кварц-молибденитовыми жилами в коренном залегании, набрал образцов. Обед застал маршрутчиков на вершине горы с видом на синее озеро, красно-желто-зеленую осеннюю долину и голубые дальние хребты. Любуясь красивым горным пейзажем, геологи со вкусом поедали необыкновенно вкусные медвежьи почки, пахнущие сливочным маслом, которое зверь сожрал.

Затем был второй маршрут-подход к красносмородинным угольям, где предприимчивые геологи-заготовители набрали пятилитровую кастрюлю ярко-красных кисло-сладких ягод. В последний на стоянке день ненасытные сборщики даров тундры заполнили голубикой и морошкой еще одну кастрюлю. Ягоды были плотно упакованы в большой рюкзак и две сумки - все это бесценное витаминное добро Коля отвезет домой, порадует маму Олю и сестренку Катю.

27 августа отец и сын Доценко переехали на базу и помылись-попарились в бане. Весь Лево-Вульвыеемский отряд, насчитывающий тридцать два человека, был в сборе. Геологи засели за камеральную обработку материалов.

У школьника Коли Доценко полевой сезон завершился. О том, как он его провел, Коля подробно написал в своем дневнике - самой настоящей полевой книжке, которую подарил ему отец. На обложке книжки была такая надпись:

Эта книжка в день рожденья, сувенир в шестнадцать лет,

Чтоб нашел месторожденье, съев 16 штук галет.

Я желаю Коле лично, чтоб сезон прошел отлично!

Так оно и вышло. Вот что Коля написал.

КОЛИНО ПОЛЕ-88

11 июля. Свистоплясов любимыми путями хотел нас выпихнуть из поселка и засунул вместе с мужиками, которые ехали на вахту. Началась суматоха. Быстро загрузили

машину, она уехала и мы стали ждать вахтовку. Мы с бате́й наскоро пожрали борща и попрощались с мамкой, которая успела еще сходить в магазин, и купите мне две бутылки «тархуна» и конфет. Где-то около двух появилась вахтовка. На ней доехали до «пятого» и тут застопорились. Возникло два варианта попадания на базу: 1 - машиной на 91 км, затем лётом на базу, 2 - машиной с буровиками на 46 км, там их выгружаем и ждем вертолет. Дубели мы дубели в аэропорту, разгрузили машину, и в пять часов нам дали отбой. Успокоившись, мы быстро загрузились и умчались в поселок. Я как только прибе́г домой, сразу чаю долбанул. Чай - это человек! Завтра в 8-00 собираемся у ВЧГЭ, а там уж видно будет.

15 июля. Рано утром нас с бате́й проводили Катя, мама и Веснушка. Возле экспедиции нас встретил Мишин и сказал, чтобы мы шли в гараж, где стоит вахтовка. Залезли и отчалили. Погода чинячная. Мы должны были улететь еще вчера, но про нас забыли, т.к. все вертушки уже были заняты. Мы проторчали в порту до семи вечера, надеясь на что-то, и в конце концов мы с бате́й не выдержали и купили в магазине колбасы и схрямали ее быстро за углом, т.е. заморили червячка, по-научному. Залезли опять в вахтовку и безразлично наблюдали за бегавшими и суесящимися людьми. Прилетела куча самолетов (аж три) и одна за одной объявлялись регистрации. Ясно дело, целую неделю не было погоды. И мы ни с чем уехали домой.

Сегодня, 15 июля, в 9¹⁵ мы дунули на Эрвынай. С высоты я узнаю знакомые места: озеро, рыжая гора и база, все, как было год назад. В 11 часов утра мы уже были на базе, а к обеду все собрались в новой столовой, сооруженной в десяти метрах от озера, и отведали ушицы из гольца и хариуса. Это было воще! После обеда улетели на лабазы все, кроме меня, бати, Сани Вялова и Игоря Голдобина (студента).

16 июля мы разбрасывали лабазы, а после обеда (жареной рыбы) улетели сами, попрощавшись с завхозом Витей и щенком с неопределенной кличкой. После того, как мы закинули наши второй и третий лабазы, мы полетели к месту выброски - в долину Энмываама. Пролетали мимо хребта «Динозавр» и я опять поражаюсь красоте этого чуда природы. Приземлились на небольшой возвышенности. Выкинув нас и наши вещи, вертолет взгудел и испарился. Мы остались около реки, буйно поросшей всякой разной растительностью. Поделались первыми впечатлениями о месте, перекурили и батя направился выбирать площадку для стоянки. За десять минут опытным глазом он определил место, и мы с парнями потащили туда каркасы и палатки. Место прямо-таки шикарное: кусты, речка, птички и т.д. Но, как и в других районах Чукотки, здесь водятся комары. А комары - это нелюди, гады и вообще скотские создания. От них нет спасенья, разве что повеситься. Но я что-то не о том пишу. Короче, все забацили мы, в натуре, отлично и пошли пить чай. На следующий день нам с бате́й предстоит маршрут на скалистый гребень горы с отметкой 1100 м. Первая ночь, как всегда, прошла хреново - мучили комары и жара.

23 июля. Сегодня с утра должен прилететь вертолет и закинуть нас на второй лабаз. Часов в десять мы пожрали и начали собирать личные вещи. Потом производилась церемония поднятия кухонного стола. Под столом оказался недельный срач. Мы поржали по этому поводу и стали перетаскивать посуду и продукты к «аэродрому». Когда все было сделано, мы врубили спидолу на полную мощь и улеглись загорать на кукули. И вдруг послышалось жужжание-стрекотание. Мы мигом вскочили, забегали. Через две минуты появился вертолет. Он сделал два захода и приземлился, не заглушая двигатель. Оттуда выскочили Благоволин, Винту, Мишин, Крюканов и Свистоплясов. Минут за пять мы все погрузили и взлетели.

Вскоре вертушка стала кружить и снижаться над нашим новым местом. Наконец шасси коснулись земли и мы быстро разгрузились. Вертолет уже начал взлетать, как вдруг его дверца снова открылась, вылез Крюканов и заорал сквозь рев двигателей, что сгрузили его вещи - рюкзак и кукуль. Батя зашвырнул в вертуху его барахло и мы вцепились в

брезент, накрывающий наши вещи. Вскоре вертуха закачалась, поднялась и улетела в сторону Нырвакинота.

Мы огляделись вокруг. Стоянка находится в шести километрах выше озера Эрвынайгытгын на берегу Ирвынея. Открытое всем ветрам место. Зато живности тут огромное количество! Мы сразу поставили палатки. С камнями дело обстоит туго, пришлось собирать небольшие валуны. Когда все было обустроено, мы, естественно, пожрали вяловской гречневой каши. Кстати, здесь Саня сделал стол на камнях и наша столовая стала гораздо привлекательней.

После обеда мы занялись лодкой и сеткой. Лодку пришлось накачивать втроем - двое держали шланг, а один давил на насос. После долгих мучений мы надули «резинку» и спихнули ее в воду. Потом мы занялись распутыванием сетки. Это было ужасно. На эту сетку обрушилось гигантское количество матов. Распутывали мы ее в общей сложности часа четыре. Нам еще помешал дождь-ливень. Пришлось все бросить и бежать в палатку. После дождя, отмахиваясь и харкая комарами, мы кое-как заделали дыры на путанке, а опосля ужина спустились вниз по течению метров на двести и с интервалом пятьдесят метров поставили две сети, одна из них - волейбольная (ха-ха).

Потом я решил забросить антенку для радиоприемника и натянул провод между двумя палатками. Батя сказал, что надо ставить антенну для «карата». Короче, натянули мы веревки, проводов: словом - урбанизация, цивилизация. Как в телецентре, идешь и боишься задеть то за веревку, то за провод. Зато есть куда портянки вешать (ха!). Старания мои не прошли даром, спидола ловит что угодно: Австралию, Японию, США, СССР и т.д. Даже Кубу поймал.

29 июля. Перебрались на третий лабаз. Я сплавлялся на лодке вместе с грузом, а Саня, Игорь и батя шли пешком. Погода выдалась отличная - попутный ветерок и солнышко. Я, как заправский индеец, сел на передок нашей загруженной «пироги» и поплыл вниз по течению, подправляя веслом лодку, чтобы ее не крутило. Когда я миновал все речные пороги и перекаты, течение вынесло меня на широкую гладь Ирвынея (здесь река текла единым руслом и глубина ее была большая). Вскоре началась «большая петля» - место, где Ирвыней делает километровую дугу. Когда я миновал петлю, то решил передохнуть и пришвартовался к правому песочному берегу. Здесь вообще курортные пляжи: чистый песочек, прозрачная водичка. Я еле сдержался, чтобы не нырнуть. Единственное, что меня сдерживало - холодная вода.

Вырвавшись на оперативный простор - прямую до озера, я почувствовал, что ветерок начал крепчать. Меня вместе с «пирогой» стало крутить то вправо, то влево. Вскоре ветер прибил меня к левому берегу. Я вышел осмотреть местность. До лабаза оставалось уже совсем немного. Но ветер, гад, не давал мне вырваться на середину речки. Тут я услышал с того берега крик: «Коля, давай сюда!» Я посмотрел и увидел батю. До него было метров сто. Ветер вроде немного стих. Я прыгнул в лодку и погреб на тот берег. Благополучно добравшись до бати, я узнал, что он тут торчит уже полтора часа, попытался переходить реку, но только промок.

Мы поплыли на мысок и вскоре сели на мель. Впереди была песчаная коса метров пятьдесят. Я взял в «зубы» веревку к попер, как бурлак, огибать косу. А батя пошел искать бочку. Минут за двадцать я обогнул косу и причалил к торфянистому («навозному», как выразился батя) берегу. Мы разгрузили пирогу и стали искать место для палаток. Вот именно - искать, а не выбирать. Выбирать тут не из чего было - кругом болото и вязкий торфяник. Но батя опытным глазом определил место, мы вдвоем развернули палатку и огляделись в поисках камней. Шиш! Камней тут и в помине не бывало! Пришлось делать колышки из столовых ножек и сушняка. Короче, нашли мы выход из положения и забабахали обе палатки. Опосля всего этого наши желудки затребовали перекуса. Тогда мы захрямкали гречневую кашу, сделанную Саней еще на втором лабазе и ехавшую со мной на лодке. Попили чайку и, выйдя из «кухни», увидели две фигуры на фоне зеленого болота. Эти фигуры рьяно матерились. Ну, естественно, эта

были Игорь и Саня. Они доделали расчистку и притопали сюда, проклиная долбанное болото. Батя стал варганить борщ и вскоре он был готов, но все обожрались гречкой и никто борща не ел.

1 августа. Началась пора «моквы», как сказал однажды Васька Маркин. С утра хлещет противеньский дождь. Мы сделали попытку пойти, точнее, поплыть в маршрут, но батя вовремя остановился, сказал, что отход задерживается по метеоусловиям. Льет дождь, бушует Ирвынейское море, сквозь шумы эфира поет какая-то женщина. Мы погружены в ожидание...

В маршрут вышли поздно. Все сопки закрыты туманом, но перевальчик, через который мы идем, чист. Единственное, что можно описать в этом маршруте, так это эпопея с чаем. Мы имели нахальство разжигать мокрую кассиопею. Промаявшись полчаса, ни хрена не сделали. Только бумаги нажгли. Вода чуть-чуть нагрелась и мы попили молока с галетами и маслом. Продолали маршрут и в полдевятого притопали назад. Промывал еще не было и мы, разогрев суп и чай, нажрались до опупения. Сейчас я лежу в кукуле, а папа пытается выйти на связь, но эфир засран. А я хочу спать...

3 августа. В полдевятого как обычно батя вышел на связь и, узнав от Благоволина, что на базу едет вездеход, сказал ему, чтобы он заехал к нам и забрал на базу. Установили срок - 20-00. Мы быстро пожрали супа и двинули по берегу озера к началу маршрута. Промывалы остались на стоянке ждать вездеход.

Маршрут обычный, подход четыре километра. Поднялись по тягунку (длинному склону), влезли на водораздел и сделали точку. Тут вдруг батя заметил вдалеке множество бочек. Сначала мы решили продолжить маршрут, не заходя к бочкам, но любопытство взяло верх и мы по пошли посмотреть, что за свалка такая. Бочки заполнены какой-то жидкостью. Их оказалось восемнадцать штук. На них краской написано - Б-95. Позже, на базе, мы узнали, что это списанный, никому не нужный бензин для вертолета МИ-4. Батя высказал мысль, что теперь с этим бензином ничего не остается делать, как облить бензином и поджечь. Большой костер будет!

Дальше мы спустились в долину ручья Куропаточного, где быстро пообедали (дрова оказались сухие) и чесанули в гору. На вершине услышали в стороне нашей стоянки грохот вездехода, но видно его не было, т.к. все было в тумане. В половине седьмого мы закончили маршрут и потопали назад. На стоянке узнали, что вездеход стоит на другой стороне речки. Саня с Игорем уже скрутили кухонную палатку и всю жратву сложили в ящики. Мы, голодные, естественно, обозлились на них. Но ничего не поделаешь - нашли мы банку гороху и схрямкали его за обе щеки, закусывая сухарной трухой и галетами. Попили чайку и на этом - закончили. Собрав личные вещи, загрузились на лодку, а уже с лодки на вездеход. Пурга-3 (наши позывные) в полном сборе двинула на базу.

Нас встретил завхоз Саня и радушно пригласил в столовую, дабы отведать вкуснейшей ухи и жареных гольцов и харитонов. Потом мы перетащили личные вещи в палатку, обустроились и в двенадцать ночи завалились спать. На завтра намечена баня.

4 августа. В базовских комфортабельных условиях мы проспали до половины одиннадцатого. Батя даже изумился, как он мог так долго спать. Мы умылись, поели рыбы и икры и сели камералить. Я нанизывал грибы, батя что-то писал на карте. Как-то незаметно прошло время, подошел обед. Обедали ухой и жареной рыбой.

Вечером мы с батей дернули в баню. Дым из трубы почему-то не шел, нам это показалось подозрительным и мы ускорили шаг. Пришли, вроде натоплено. Батя сказал - по науке надо перед парной обмыться. Мы так и сделали. Батя нашел венички и с довольным видом открыл дверь в парилку, но вскоре вышел оттуда, ругаясь - мол, холодней, чем в мойке. Вот это облом! Пришлось одеваться, собирать дрова и топить баню. Потом, через час, хорошенько попарились и я нырнул в озеро. После мойки я простирнул грязное белье. В 20-00 я закончил мытье и пошел в столовую, нажрался там грибного супчика, жареного гольчика, свеженькой икорки и вяленького харитончика. Все это запил сливовым компотом и поймал кайф... На пути к палатке я встретил Саню Вялова

- он только что проснулся (спал восемнадцать часов!) В палатке я вдубасил Австралию и, наслаждаясь роком, долбанул свежесваренного чайку. Пришли завхоз и Витя-вездеходчик делать проводку к аккумуляторам. Мудохались они минут двадцать, Витю дважды долбануло током, аж искры летели. Наконец рация заработала и в 11-00 вышли на связь. Прокричали Благоволину, что ничего не имеем и на том дело с концом.

5 августа. Сегодня день переезда на четвертый лабаз. Погода с утра нормальная. После вчерашней баньки я хорошо выспался и пока то се, часам к одиннадцати пришел в столовую. Меня там ждала жареная рыба и грибной суп. Чаю здесь не оказалось, поэтому я набрал воды и пошел в нашу с батей каморку делать чай. Тем временем батя перебирал карты и снимки и обнаружил, что Игорь до сих пор не поднял свои маршруты. Незаметно подошел обед, меню которого составляли следующие блюда: 1 - малосольный харитон, 2 - грибной суп, 3 - жареные грибы с гречкой, 4 - жареная рыба со свеженькой икрой, 5 - чаек-с! Вот так надо питаться!

После обеда начались сборы. Выяснилось, что у вездехода лопнул торсион и «вылет задерживается до 17-00». Мы с батей чиркнули домой по письмецу и вскоре вездеход был в исправности. Оставалось только загрузиться, но тут ни с того ни с сего в небе застрекотала вертушка, которая нам была абсолютно не нужна. Покружив, вертолет сел и из него выскочил Свистопляс и новый студент из Ташкента. Свистопляс передал письма и посылку, где были свежие помидоры, яйца, хлеб и конфеты. Привет из Нырвакинота.

Пока завхоз Саня водил вертолетчиков и Свистопляса в столовую, мы стали загружать вездеход. Тут выяснилась, что Саня Вялов мод мухой, успел надраться. Короче, загрузили мы вездеход и, как только вертушка взлетела, поднимая столбы пыли, и улетучилась, мы позвали Витю и двинули вперед. Вездеход, давя все на своем пути, ринулся вниз по берегу Гытгына. Витек выскочил из тарантаса и поплыл на приготовленной лодке вытаскивать сеть. В сети ни хрена не было и, кинув мешок в вездеход, Витя запрыгнул в кабину и дернул рычаги. Вездеход стал забираться на небольшом холм и Саня чуть ни грохнулся вниз. Он заматерился и стал стучать кулаками по крыше кабины. Вылез Витя и, обложив Саню, залез обратно. Подъехали к речке. Первую протоку миновали благополучно. Проехали небольшой остров, поросший высокими кустами, и с разгону поехали через вторую протоку, более широкую. Уже у самого берега вездеход внезапно грохнулся носом в яму и нас обдало мощной волной холодной воды. Кабина полностью скрылась в воде, но Витя дал газу и машина вылетела на галечный пляж. Сколько тут было матов! Саня (он промок полностью) со свирепой мордой полез на Витю, но потом все же успокоился и залез в кузов, завалился прямо на вещи. А я стал сохнуть под мощной струей горячего воздуха, идущего от вентилятора.

Вскоре вездеход выехал в русло Щебенки. Началась хреновая дорога - глыбняк, поросший высокими кустами. Игорь сидел и читал письмо и не заметил, как зацепился ногой за куст. Вездеход дернулся и Игоря мигом скинуло вниз, в кусты. Я шарахнул кулаком по кабине. Выскочил Витя. Я ему сказал, что слетел Игорь. Он разозлился на меня, мол, чего так лупить по кабине. Еще так стукнешь, по башке тебе настучу. Пока он кричал, Игорь залез на крышу и, смеясь, сказал: «Хорошо, что кусты были, а не камни».

По руслу больше невозможно стало ехать и вездеход полез на водораздельчик. Мы покрепче вцепились в лодку, привьюченную на крыше, и смотрели, как махина становится почти вертикально. Неприятное зрелище. Но вот вездеход взобрался на водораздел рек Щебенки и Малой Щебенки и спокойно попер по ровной дороге. Минут через десять он остановился у пустой бочки и разбросанных камней (здесь в прошлом году стояли батя с Михой и Маркиными). Мы повыскакивали и открыли дверцу кузова, дабы немедля начать разгрузку. В кузове на вещах валялся Саня Вялый. Мы растормошили его и заставили подавать вещи. За десять минут разгрузились и решили сделать чайку. Саня сразу завалился спать прямо около вездехода, забравшись в кукуль.

Пока Витя грел чай, я, батя и Игорь ставили кухонную палатку возле речки. Потом нарезали свежего хлебушка, разложили помидорчики, достали маслица и стали смаковать

нетрадиционную пищу. Проводив вездеход к Николаеву, мы поставили вторую (жилую) палатку и дернули на кухню. Я быстро заварганил яичницу (!), которая мгновенно исчезла в наших ртах. Часов в десять мы с батей поставили антенну. Проснулся Вялый и, шатаясь, направился на кухню. А я врубил спидолу.

6 августа. С утра настроение отличное - светит солнышко и небо голубое. Пожрали ухи, заваренной вчера Игорем, и двинули вверх по Щебенке. Подход четыре километра - мы топали по болоту полтора часа. Наконец, вышли на точку и окрестили ручей именем "Свежий", так как нас здесь обдало ветерком и охладило наши разгоряченные тела. Начался подъем на гору. Ровно к двенадцати часам мы взобрались на вершину и сели описывать точку. Тут-то нас и подмочил первый дождик. Небо затянулось тучами, стадо мрачно и сыро, подул противенький ветерок. Однако мы бодро помчались по хребту наматывать километры, так как породы были одинаковые. Часам к двум мы примчались к перевальчику ручья Свежего и там сделали обед. Прекрасный, причем: свежие помидоры, хлеб, разогретое "мясо к завтраку" и горошек. Чай пили из термоса, присланного мамой, и закусывали хлебом с маслом и черносмородиновым джемом. Во время обеда дождик немного поутих, и мы поперли далее. К четырем часам спустились в ручей Свежий и тут опять пошел дождь. Водораздел, на котором мы были, затянулся облаками. Нам повезло - успели удрать из тумана. А дождь шел и пел, а мы мокли и мокли, но маршрут геройски доделали и погнали домой. Сначала шли по руслу Щебенки, потом, намаявшись там, полезли на склон и так получилось, что я оказался на левом берегу, а батя - на правом. По уши мокрый, я рванул домой, уже не обращая внимания ни на что. Чавкая по болоту и спотыкаясь о кочки, я приперся в палатку в 20-15. Затем подошел батя. Мы поели ухи, долбанули чайку и - в кукуль.

7 августа. С утра дождь. Батя пошутил: "Сейчас пойдем в маршрут, быстро собирайся." Я не поддался шутке, но все же встал. Дежурный Саня заварганил макарон с тушенкой, а на обед - лепешки по-чукотски. После обеда завалились спать. Часа в три проглянуло солнышко и я, обрадовавшись, развесил вещи сушиться.

10 августа. Наконец-то у меня нашлось время пописать дневник. Два предыдущих дня были прямо-таки завалены работой - уходили в маршрут часов в девять, а возвращались в 23-00. Наматывали по 16-17 км по хребтам. Сегодня решили сделать небольшой передышку и сходили в короткий маршрут возле стоянки. Домой вернулись в 19-15. По дороге поднабрали грибов и я забацал из них три вязанки. Сегодняшний день знаменателен был тем, что накрылся радиометр, пришлось лепить туфту. При спуске с высоты 1003.1 видели колоссальную радугу в Ирвынейском проходе. Погода холоднющая, гад, выдалась. Фигарит западный сильнейший ветер и прыскает дождь. Иногда проглядывает солнышко. А радуги такой я еще ни разу не видел - ярчайшая, все цвета отлично различаются. А рядом еще и вторая появилась. Это было великолепно. Как говорится, худа без добра не бывает. Маршрут закончили в 22 часа, три километра до палатки ползли в темноте накрывших нас туч. В кухонной палатке было темно, хоть глаз выколи, и я зажег свечку. Согрели борщеца, пожрали как следует, и - спать... в кукуль... По спидоле звучат французские мелодии, и я балдю. Папа чтёт книгу, я смотрю на желтое пламя свечки, за палаткой кашляет Саня. Усё...

12 августа. "Итак, поет Александр Барыкин",- сказала спидола и я взялся за ручку. Сегодня мы решили отдохнуть от вчерашнего маршрута, и пошли на разрез ручья Каскад. А разрез - это хорошая штука. Я занимаюсь разметкой, то есть, ставлю каменные гурии через 50 м, а батя, ориентируясь, по ним, описывает слои. Сначала было все О́ Кей, но к двум часам с неба стало что-то капать. Вероятно, дождь. Мы одели куртки, подняли голенища сапогов. Я насобирал кассиопеи, вскипятил чай. Пожрали мы, капитально заправились чаем и поперли далее. Где-то на тысячном метре нас накрыл туман. Быстро и бесповоротно, видимость - метров двадцать. Вскоре мы достигли перевала и нам открылась панорама долины Ирвынея и озера Эрвынайгытгын. Туман поднялся и я сфотал эту картину.

Далее наш маршрут следовал по склону горы Каскад. Кругом сплошная пиритизация - рыжати́на и ржавчина. Земля так и пропитана минералами. Наконец вышли мы на контакт с конгломератами, и пошли вдоль него. В девять часов закончили маршрут и дернули вниз по склончику к палаткам. По пути набрали немножко грибов.

13 августа. Забравшись в кукуль, я решил немного писнуть о сегодняшнем дне. Сегодня я дежурный и заварганил лапши с тушенкой. У нас с батей камералка, а Саня с Игорем после завтрака пошли на промывку трех оставшихся ручьев. Я решил вначале расправиться с грибами, а уж потом взяться за журнал. Но тут батя предложил мне сходить за керамзитом и штуфняком на ручей Каскад. Я донизал грибы и, развесив их на веревках, напялил сапоги. Уточнив место отбора керамзитовой пробы, я взял пару мешков, схватил молоток и дернул к устью Каскада, до которого было около километра. Вскоре я дошел до дайки дацитов, где лежал штуфняк, взял его и стал отбирать алевролиты на керамзит. Набив два мешка камнями (получилось десять килограмм), отправился в обратном путь. На затундренном склоне я насоби́рал немного грибов.

14 августа. Сегодня с утра туман и моква, но в маршрут все-равно пошли. Я сразу одел куртку, а батя решил опробовать плащ - этакую дубовую вещицу, сшитую из плотного тяжелого брезента. Весь день шел дождь. Обедали мы в два часа, чай пили из термоса. Пока мы спускались по склончику, погода вдруг резко стала улучшаться, проглянуло солнце. Мы с батей возрадовались перемене и сделали точку на моренных высыпках. Солнышко приятно припекало морду. Это было особенно приятно после столь долгого тумана. Мы бодро потопали к руслу Щебенки и не заметили, как опять пошел дождь. Глядь на небо - опять все затянуто. Батя сказал, чтобы я бежал на место слияния Щебенки и Нижней Щебенки и там делал чай. Я согласился и попер вдоль берега, на ходу срывая морошку и собирая сухие палки. Потом распалил костёр. Но он тут же затух, ведь "сушняк" мокрый. Началась эпопея с чаем. Через час мучений, когда подошел батя и успел наковырять в алевролитах ракушек, вода в котелке забурлила. Я необычайно возрадовался, насыпал заварки в котелок, достал галеты, масло и джем. Как было приятно попивать чаек, который я сверхчеловеческими усилиями сделал на мокрых дровах!

Далее надо было выйти на контакт с конгломератами. Мы шли по подножью обрывистых берегов Щебёнки, где тянулись сплошные коренники. Вскоре мы наткнулись на енти самые конглы, батя взял элементы залегания и потом нам ничего не оставалось делать, как выходить на водораздел - «асфальт» и топать к палаткам.

В палатке никого нет, но в бочке раскопегарен примус и сверху сушится одежда. Ага, значит, пришли шурики и, видимо, подмокли хорошенько. Я переоделся и спустился к кухне. "Еттык", - произнёс я, заходя на кухню. Там сидели Саня и Игорь. Они удивились, почему я не мокрый...

15 августа. Во-первых, сегодня юбилей - ровно месяц в поле. Во-вторых, день начался со сплошных приключений или злоключений. Не успел я проснуться, как в палатку вбегает Игорь /он сегодня дежурный/ и произносит: "Идите, посмотрите на этого гада, который сожрал все масло и порвал палатку". Сначала выскочил батя, потом я, и мы увидели этого гада - на другой стороне Нижней Щебёнки, метрах в двухстах от нас, подбрасывая зад в разные стороны, улепетывал медведь. Вскоре он скрылся за горой.

Я залез обратно, чуть ни столкнувшись с Саней башкой, оделся, и пошел посмотреть, что натворил косолапый. Подхожу к речке - кастрюля, где раньше было масло, пустая. Все подчистую вылизал, гад. Потом повернулся к палатке и вижу - кухня продрана в двух местах. Потом обнаружилось, что медведь стащил еще мешок картошки и пытался опрокинуть борщ. Сколько тут ругани было в адрес Потапыча! "Да чтоб он подавился маслом или обосрался, гад" и т. п. А масла он схрямал три килограмма! Не слишком ли много за один раз, а?

С утра - дубак, сильный северный ветер. Ночью, оказывается, шел снег и сейчас вершины тысячников покрыты этим белым веществом. Пришлось одевать телогрейку. После завтрака мы с батей собрались и погэпали в большой маршрут на гору Каскад.

Подойдя к началу маршрута - ручью Аспид, мы с ужасом заметили, что вода в Щебенке поднялась, чуть ли ни на метр. Елки-моталки! Начали искать брод, еле перебрались на каменистый островок посреди речки. А вода, гад, мутная, глубины не видно. Батя пошёл вперед, промеряя глубину молотком, я за ним. Короче, забрались мы в самую гущу. Дальше идти невозможно - течение сбивает с ног, вода захлестывает в сапоги. Плюнув на все, мы, мы почепали обратно на остров, но пришлось идти против течения, а это еще хуже. Ноги приходится задирать, как цапля. Короче, с огромными усилиями выбрались мы на берег, намочив задницы и проклиная Щебёнку. Маршрут сорвался, зря время потеряли.

Возвратившись в палатку, попили чаю, переориентировались и погнали в другой маршрут, на Нижнюю Щебенку. Тут пошло все нормально, только вот холодно. Сиверко жмарит, а к обеду снег пошел, но тут же растаял и сменился дождем. Чай сделали на кассиопее, правда, помучились изрядно, но зато согрелись. В маршруте мы наковыряли ракушек, набрали кварца. Все вроде О'Кей, но батя умудрился провалиться в задернованную ловушку. Шёл – шёл на ровном месте и вдруг - бух! - правой ногой по колено в воде, набрал в сапог. Я еле сдерживался от смеха, а батя проклинал невезучесть и говорил, что правой ногой почему-то всегда не везет. Он разулся, выжал портянку, и мы поперли домой. Вышли на асфальт и по пути подобрали три здоровых красноголовика, из которых я забачал две вязанки.

Вечером, часов в десять, опять видели медведя. На сей раз я его лучше рассмотрел - зверь бежевого цвета, по спине идет темная полоса, бока светлосерые, морда черная, брюхо тоже. Такое чудо. Масла ему мало, скотобаза, все тут шарахается. Я не выдержал и заснял это дело. Когда все уже были в палатке и валялись на кукулях, вдруг в стороне кухни послышался звон. Что это? Кто это? Первый выскочил Саня и крикнул: "Медведь, собака!" Мы тоже выбежали. Я увидел прямо около кухни это самое чудо серое. Он чего-то там вынюхивал. Как только Саня крикнул, миша так чесанул, что аж "шуба заворачивалась". А вдогонку ему кинули несколько камней и несколько матов. С разочарованием, что нет карабина, залезли обратно в палатку и - по кукулям. И я того же мнения. Вот.

16 августа. С утра погода звенит, не зря вчера суперзакат был. Батя прозвонил в миску - пора завтракать, и выскочил на солнце, и с удивлением заметил, что кухонной палатки нет! Она валяется на гальке к чертям разорванная, а батя готовит прямо на открытом столе. Присвистнув, я сразу врубился, что к чему. Ночью приходил этот чертов "блондин" /так окрестил медведя батя/ и, разодрав всю палатку, перевернул стол, сожрал соус и выпил бутылку подсолнечного масла, это уже слишком! Мы, как бедные погорельцы, сели жрать прямо, как говорится, на лоне природы. Хорошо еще погода позволяла, закончив трапезу, непрерывно ругая медведя, который, гад, ходил по другому берегу Щебенки, мы стали собираться в последний маршрут (завтра должен быть вертолёт).

Первые ушли Саня и Игорь. У них остается одна расчистка метрах в пятистах от палатки. Мы, разделавшись со вчерашним хвостом, тронули вперед. Прошли мимо расчистчиков, сказав им, чтобы наблюдали за палаткой. Если медведь опять придет - гнать его, чем попало. Сами мы подошли к ручью Бам / батя окрестил все ручьи на этой стороне на букву "Б" по алфавиту - Бам, Бем, Бим, Бом, Бум/. Поднялись на водораздел - там сногшибательный, но теплый ветер. Нам открылись колоссальные виды на долину Ирвынейвеема. Налюбовавшись и пофотавшись, мы погнали далее. Вскоре нам открылся вид Малого Ирвынея. Затем по гребешку спустились к тектоническим озерам голубовато-зеленого цвета. Здесь мы попали в тень, а по межгорной долине засвистал, как в аэродинамической трубе, неприятный ветер. Мы сразу утеплились – недели непромокаемо-непродуваемые куртки – и, по разлому, в Нижнюю Щебенку. Закончили маршрут в девять часов.

Внизу, за открытым столом сидели две фигуры - Саня и Игорь Они поведали о том, как гоняли "блондина", который учинил варварский разгром нашей жилой палатки - изорвал ее изрядно в трех местах, выволок наружу мой кукуль, спидолу, лампу, сумку с крючками, добрался до секретного батиного ящика, раскидал из аптечки вату, лекарства /документы остались целы/. Это было уже сверх... Миша перегнул палку. Пожрав, мы принялись за латание палатки и приведение вещей в божеский вид. К двенадцати мы закончили ремонт и решили караулить этого долбаного "блондина".

Первым дежурил Саня. Как только медведь подойдет, всей шарой выскакиваем из палатки и орем, кричим, стучим, гремим, чем попало. А этот нахал отбежит метров на сто и сидит, смотрит на нас. Короче, промаялись так всю ночь. Часов в пять вставал батя и тоже погонял потапыча, распалил костер. Дым, вроде, отпугнул зверя и до восьми часов проспали нормально.

17 августа. Утром обнаружили, что кастрюля со вчерашним супом пуста. Все-таки успел, гад, полакомиться нахалю. Пришлось варить что-то. Пока мужики отсыпались, я заварганил борщ-харчо. В десять закончили жрать, стали готовиться к вертухе. Я долатал вчерашние дыры, досушил грибы, собрал вещи. Батя тем временем возился с камнями, которые медведь основательно перепутал, и теперь приходилось разбирать, какой образец откуда.

В два часа пообедали харчом. Собрали все вещи в одну кучу воткнули палку с намотанной красной рубашкой, и пошли в палатку ждать. И до сих пор ждем, а уже пять часов, то-то и оно, нема вертухи... Вертолет так и не прилетел. После ужина, /а я заварганил остатки супов с последней банкой свинины/ мы затащили вещи в палатку, поставили антенну и в одиннадцать батя вышел на связь. Оказывается, Благоволин сам не знает, почему не было вертолета, а на завтра обещает вездеход.

Продолжаем находиться в осадном положении - вокруг лазит бандит-медведь. Только что Игорь киданул в потапыча зажженный факел, но не попал. Миха бегаёт быстрее. Наверно, опять будет хреновая ночь. Жрать ему больше нечего, кроме нас, конечно /хы -хы/, но, думаю, до этого дело не дойдет.

16 августа. С утра валит снег - крупными белыми хлопьями. Опять медведь лазил - мы его отгоняли, не выходя из палатки. Услышишь сопение возле уха, крикнешь - раздаётся топот - значит, убежал. Как он нас заколебал, этот зверюга! Саня разогрел остатки моего вчерашнего супа и мы, пожрав, в ожидании вездехода, стали заниматься всякими делами. Стало дубно. Я залез в кукуль. Моему примеру последовали Саня и Игорь. Батя держался...

В обед ели заварганенный Саней борщ с последней банкой тушёнки. А вездехода все нет и нет. Но вот, только батя забрался в кукуль, вдали послышался грохот гусениц. Едет! Вездеход едет!! Мы повыскакивали из палатки и сквозь пелену снега заметили движущуюся точку. Зашли обратно, стали собираться. Вдруг раздался выстрел. Саня стрелой выскочил из палатки и восторженно крикнул: "За медведем погнался!" Не успел он это сказать, как раздался второй выстрел. Саня как комментатор стал болтать о том, что там делается: "Развернулись! Погнались за медведем! Вроде ранили, а может, нет"... Мы, окрылённые надеждой, что наш лютей враг наконец-то убит, стали ожидать спасителя Витю, дабы встретить его торжественным тушем. Саня не выдержал. "Пойду, помогу Витьку, может разделать надо," - сказал он и пошел к вездеходу.

Минут через десять к палатке подкатил тарантас, на нем восседал довольный Саня: "Забил гада!" Из вездехода выскочили Витек и Галин. Мы поблагодарили спасителей и, открыв дверцу кузова, посмотрели на ентого "блондина". Он оказался маленьким - метра полтора в длину, но довольно таки мясистым и толстым /конечно, гад, на наших харчах растолстел/. В палатке сразу стало шумно, все начали болтать, делиться капсе /впечатлениями/. Дружно попили чайку, пожрали, стали собираться. Саня с Витьком принялись за разделку зверя. Я их пофотал с трофеем. Пока собирались, снег продолжал валить, но пофигать на него. За час всё сделали. Вчетвером мужики быстро разделали

медведя, отделили ливер, мясо порубили на части. Всё сложили в ящик, загрузились и вперед, на Питвыт.

Доехали без приключений, нормально, примерно за полтора часа и остановились у слияния Питвыта и Куропаточного на высокой моренной террасе. Галин с Витей помогли нам поставить палатку, потом подарили нам ляжку медведя и пять рыбин, и умотали на базу. Ах, да, когда еще Витя с Репиным были здесь, то заметили двух медведей. А когда вездеход скрылся, мы в бинокль усекли еще трех медведей - они паслись метрах в пятистах от нас на другом берегу Питвыта. Вот идиотство так идиотство! Не отстают от нас эти твари. Ну да ладно, плевать на них.

Как только поставили кухню, сразу набрали всевозможных посуды и пошли за водой, которая была метрах в ста /плоховато/. Но ничего не поделаешь, там, внизу, палатку не поставишь - кругом болото. Набрали воды, потом поставили антенну. Саня с Игорем взяли за медвежатину. Но я захотел жрать и подкрепился борщом. Суп из медвежатины был готов через два часа, и мы сели за стол. Сколько удовольствия было от свежанинки! Это воще! Мы с усмешками вспоминали, как этот самый гадёныш не давал нам покоя трое суток, а теперь, вот, находится в кастрюле. Короче, обожрался я капитально, еле дополз до палатки и рухнул на кукуль, довольный, как слон. Ничего не хотелось делать и я заснул.

19 августа. С севера дует леденящий ветер, и я одеваю фуфайку. Вершины гор покрыты снегом, но это все растает наверняка. Только начали маршрут, как увидели лисичку, метрах в двадцати от нас, которая и не собиралась убежать. Увидев, что мы ее не трогаем, она легла у камня. Красивая, рыженькая. Но только мы двинулись, она вскочила, наострила уши и взглядом проводила нас до самого хребта.

Обедали в ручье Белесом - выглянуло солнышко, пригрело, и мы чинно пожрали. Обрато мчались по вулканитам - риолитам, радиоактивность которых скакала от 20 до 70 мкр/час. Когда залезли на перевал Белесой горы, то услышали гул вертолета. Ага, появился. Пока спускались вниз, в долину Куропаточного, вертик слетал на базу, потом на верхний Ирвыней. Батя сказал, что, видимо, он разбрасывал лабазы на второй круг. Закончили маршрут в семь часов и помчались к палаткам.

21 августа. Только что мы нажрались до отвала свежесваренного медвежьего мяса и, попив чайку, двинули по кукулям. Да, свежанина после заевшейся тушенки, это - чудо! Мерно шумит примус в бочке, воняют дымящиеся портянки, свечка выхватывает из темноты всякоразные предметы. О вчерашнем дне много писать не буду. На Каскад мы не ходили, т.к. он был закрыт туманом, а в банке замерзла вода. Отсюда следует, что ночью был легкий морозец, и мы решили дернуть за ягодой. За два часа дошли до перевала в Ирвынейееее и начали спуск в долину. Погода средняя - ни холодно, ни жарко. Как только начали спускаться, стала попадаться смородина, напоролись на целую плантацию этой дивной ягоды! В семь часов закончили сбор смородины (не хватало тары), набрали десять литров. Спустились в болото и сразу же наткнулись на огромную поляну морошки. За полчаса набрали банку (два с половиной литра) и я побежал еще за одной банкой на старую стоянку, где ее оставил батя, нашел поляну еще похлеще и заполнил тару.

Дорога назад была ужасной, хуже не придумаешь - сплошная кочка, да еще в темноте. Идешь, спотыкаешься, качаешься, падаешь, опять встаешь... В полночь были дома, в полудреме поели и сразу спать...

А сегодня - воскресенье. У-у-у! Но это никак не влияет на нашу житуху. Мы пошли на Каскад. Подход два километра и в гору, в гору. Поднялись на хребет, спустились в ручей Аспид, который нас поразил сплошной рыжатиной, переходящей в красно-бурый цвет. Это рудная зона. Наколотили кварца, набрали тринадцать штучных проб. Рюкзаки отвисли, чуть ли ни до колен, но мы шли и шли. В девять часов закончили маршрут. Я взялся за варку мяса, батя - за рыбу /распотрошил ее и посолил/. В половине двенадцатого мы "трохи подзакусили" мясцом и - спать...

23 августа. Вчера ходили в маршрут на гору Оранжевую. С утра туман, но к обеду распогодилось, небо полностью очистилось. Обедали на самой макушке горы /944 м/. Отсюда открывается великолепный вид на долину Ирвынейвеема. Видна подтаявшая наледь, многочисленные протоки и речушки, соединяющие русло Ирвынея, блестят на солнце и причудливо извиваются. Прямо под нами – озеро Ирвынейгытгын, длиной около восьми километров, отдающее небесной голубизной. На том берегу - домики нашей базы. Короче – вид прекрасный. Я пофотал и кончилась пленка. После обеда /вареная медвежати́на и горошек с термосным чаем и галетами/ мы рванули по хребту, натываясь на Васькины флажки. По пути наколотили молибденита.

Спустившись с горы в шесть часов, в русле Пытвыта сделали чаёк, потом вновь дёрнули на подъём по одному из отрогов Каскада. Поднимались с огромным трудом, всё же второй подъём за день, устали, однако. Перевалили в Асс и уже в темноте закончили маршрут. Это было вчера. А сегодня с утра камералили – доделывали хвост. Затем поднялись на водораздел, спустились к озеру и в чудесном местечке сделали обед. Маршрут закончен в девять часов.

24 августа. По спидоле фигарит "рэдио аустрэлие". Сегодня был последний маршрут на этой стоянке, и мы закончили его довольно рано - в шесть часов. С утра, пожрав свареной бате́й ушички, мы двинули на водораздельчик и умудрились до обеда весь его пройти, засеча контакт, и к двум часам спустились в ручей Финал. Пообедав, вышли на Пытвыт. Погода стоит нормальная, средняя - высокая облачность, легкий юго-восточный ветерок, иногда проглядывает солнышко. На обратном пути повторно засекли контакт амгуэмы и карния и, сделав последнюю точку, возвратились в лагерь. В палатке никого нет, кукули промывальщиков свернуты. Ага, понятно, значит, утопали на базу. Мы спокойно поели разогретой ушички, попили чайку и принялись за дело. Я запаковал банки с ягодой по сумкам, сложил вещи в рюкзак. Завтра или послезавтра должен прилетучиться вертолет и увезти меня в поселок. Да... Прощай полевая жизнь...

В двадцать три ноль-ноль батя вышел на связь и узнал, что Саня и Игорь на базе. Благоволин кричит, чтоб Коля был готов к завтрашнему вылету. В общем, так... Ах, да. В девять вечера пошел дождь - вовремя пришли из маршрута, все рассчитано до мелочей. Однако, пора спать, ибо утро вечера мудренее.

25 августа. Сегодня по утренней связи батя узнал, что вертолёт, самое, не будет и что можно, самое-самое, спокойно работать /так сказал Благоволин/. Ну что ж, на сегодня у нас намечен маршрут за смородиной. Встали, поели уши, взяли с собой кастрюлю, котелок, кой чего пожрать и двинули по прямой на перевал в Ирвыней. К двенадцати часам дошли. Батя по пути отмечал породы и толщи. За два часа набрали одну треть кастрюли и решили подзакусить. Батя развел офигенный костер из сушняка. Мы отогрели озябшие руки, разогрели мясо и быстро наворачнули его с солянкой. Затем продолжили сбор. К семи часам /а время прошло незаметно/ кастрюля была полная, и мы, не мешкая, двинули назад.

Вечерней связью батя поздравил Благоволина с днем рождения. Больше мы ничего не имели и поэтому залегли спать.

26 августа. С утра - дождик, но идти куда не надо и я нежусь в волосатом теплом кукуле. Батя в полдевятого вышел на связь и узнал, что к нам едет крагинский вездеход на помощь Вите и заедет к нам. Хорошо бы, если бы было бы так. После связи батя врубил маяк и сказав, что пойдет разогревать борщ, скрылся за палаткой. Я еще повалялся минут эдак двадцать и решил вылезать. С трудом, преодолевая засасывание кукуля, я выбрался наружу, быстро, дабы не замерзнуть, оделся и на выходе столкнулся с бате́й. "Борщ горячий, чай тоже", - сказал он и мы пошли в столовку. Пожрав, мы облегчились и погна́ли обратно.

Я захватил два примуса, дабы наладить отопление. Пришел, разжёл один, второй, а пока ставил примус в бочку, пола моей телогрейки нависла над пламенем другого примуса и внезапно возгорелся карман. Я не заметил, лишь чувствую - вонь пошла. Тут

батьа спрашивает меня: "А чего у тебя карман горит?" Я мгновенно скинул телогрейку и водой из чайника залил тлеющее место.

А сейчас я сижу на кухне, пишу дневник, батя камералит, в бочке гудят примуса, воняют дымящиеся портянки, короча, сплошное удовольствие. Но тут я вспомнил, что и мне необходимо покамералить - начертить графики к радиометрическим журналам. Я сделал себе столик, подобрал инструменты и принялся за работу. Когда закончил, глядь - уже три часа. "Пора и жрать, однако", сказал я бате и, увидав утвердительный кивок, взял примус с чайником и пошел на кухню разогревать борщ.

В чайнике не оказалось воды и я, решив заполнить его, стал выходить из кухни и... нос к носу столкнулся с евраганом, который сидел прямо у входа в палатку и удивленно смотрел на меня. Я хотел его схватить, но он увильнул и, отбежав метра два, встал столбиком и опять вылупился на меня. "Во нахал", - крикнул я и только когда до него оставалось полметра, он чирикнул и смотался. Потом пришел батя, и мы сели обедать. Пообедав, папа выдвинул альтернативу - либо лезть в кукуль, либо идти неподалеку за голубикой.

Мы выбрали второе и, взяв с собой котелок и банку, поперли по склончику вдоль Пытвыта. Сначала абсолютно ничего не было, но потом папа обнаружил такую полянку голубики, что мы враз насобирали половину котелка. Потом ни черта не попадалось, кроме грибов, которые мы тоже брали, но вот стала попадаться морошка и вскоре мы вышли на целую поляну этой ягоды. Набрали полный котелок и банку, капюшон грибов и в семь часов пошли обратно. Отдохнув немного, мы решили забавить жареной рыбки с макаронами. К половине девятого общими дружными усилиями мы заделали вкуснейшее блюдо и молча слопали его. Чай пили с морошко-голубичным ассорти, которое потом я залил сахарным сиропом.

27 августа. С утра навалило снега где-то до уровня 400 метров, дует холодный сильнейший северо-восточный ветер и поэтому из кукуля вылезать неохота. Батя вышел на связь и узнал, что к нам будет выезжать вездеход с базы. Пришлось вставать и начинать сборы. Пожрали борща, затем я раскочегарил примуса и взялся за грибы, а батя - за камералку. Я разложил грибы на бочке и батя сказал мне, что надо бы пойти ополоснуть рыбу в речке, т.к. мы её хотели жарить. Я вышел из палатки и увидел ... приближающийся вездеход. Я сообщил об этом бате /он удивился страшно/ и пошел на кухню разогревать борщ.

Подъехал вездеход, из него вылезли Саня и Витя. Мы поздоровались и, посоветовавшись, решили жарить рыбу. Взялись за это Саня с Витьком, а мы с батей собрали вещи в одну кучу и сняли палатку. Потом пошли на кухню снимать первую пробу с рыбы. Наевшись, быстро загрузились и поех-поех-поехали на базу. Я с Саней сидел на крыше, батя - в кабине. Где-то в четыре мы были на базе. Так как все палатки были заняты, /собралось тридцать два человека/, мне пришлось устраиваться с Саней и Игорем в яранге, где просушивают металку. Я отнес туда кукули и чуть ни помер от жары - печку раскочегарили до опупения. Потом пошел, пожрал ухи и пюре-картошку-гранулю. В полседьмого попали в баню, где хорошенько попарились. А когда стемнело, Витя расфигарил АБэшку и на базе появился свет. Я вместе с батей и Благоволиным напился чаю и отвалил к себе в кукуль в одиннадцать часов. АБэшку заглушили около двух ночи.

28 августа. Сейчас я сижу в палатке на окраине, шумит печка, я попиваю чаек и слушаю политику по спидоле. Простучал бубен, призывающий к обеду, и я ухожу. На обед был борщ и гречневая каша.

30 августа. Сегодня обещает быть вертолет /однако под огромным сомнением/. Погода звенит, т.к. вчера вечером было полнолуние и северное сияние - полный набор признаков хорошей погоды. Проспали до десяти часов, не слышав "бубна". Но вот в ярангу ворвался Благоволин и, явно преувеличивая, сказал: "Сейчас будет вертолет, вставляйте, собирайтесь, ждите!" Мы не мешкая, встали. Я оделся, накалякал заявление на увольнение, пошел в столовку и наелся макарон. Позже узналось, что вертолета,

возможно, и не будет, т.к. у него имеются другие полеты, в том числе на Сеутакан /где работает Леха/. Батя пишет геологический дневник, а я - тра-ля-ля...»

Прилетел вертолет, разбросал людей по лабазам, забрал в поселок всех школьников и окончательно разболевшегося старшего геолога Николаева. Сократившийся отряд приступил к выполнению геологических задач второго круга.

Вместо Коли в паре с Денисом стала ходить его полная противоположность - освободившаяся от Николаева студентка Фрунзенского университета Айгюль, восточная красавица, подруга Чвычкиной Венеры. Всего в Лево-Вульвыеемском отряде было девять полевичек-вульвоносиц. Тридцатого августа утром Денис объявил начало бабьего лета, которое в соответствии с числом баб должно продолжаться девять дней.

Девочки, следите за погодой, - произнес оракул.

Каждой из вас в алфавитном порядке будет принадлежать один день, отражающий ваш характер и ваше будущее.

Так началась эта необыкновенная осень, ставшая занимательной, интересной для всех. Первой в списке стояла студентка Валя. Ей достался солнечный день с легким ветерком после обеда, что свидетельствовало о приятном, положительном характере и слегка легкомысленном поведении девушки.

31 августа, в день Киры Борзецкой, ударил мороз! Примерзли ручьи и озера, погибли ягоды. Вот это да! Ну и Кира! В маршрут Денис отправился в бушлате, но после обеда сбросил его, приторочил к рюкзаку. Солнце пекло немилосердно. «Что за контрастная вульва! - удивлялся геолог. - Сначала мороз, потом жарница - как это понимать?»

1 сентября - день техника-геолога Лены. Погода приятная, умеренно теплая. Такова и девушка - все совпало.

2 сентября - день геолога Раи Маркиной. Оказалось, что в спокойной, даже флегматичной особе таится знойная женщина! Знал об этом, вероятно, только один ее муж Васька, «Васке да Райя». С утра до вечера стояла изнуряющая жара. Денис, вытирал пот, приговаривал: «О, Рая, остынь, пощади меня, что ты делаешь!»

3 сентября - то же самое. Чукотская погода показала, что спутница Дениса Айгюль - тоже знойная женщина, мечта поэта. Это походило на правду, хотя вела себя красавица сдержанно, на шею геологу почему-то не вешалась и соблазнить в маршрутах не пыталась - а жаль! Денис под взглядом ее черных глаз молодец, хорохорился и носился по тундре как очумелый олень, оставляя неторопливую студентку далеко позади. В первом маршруте, догнав присевшего для писания геолога, она с виноватой улыбкой произнесла:

- Ох, как вы быстро ходите, Денис Иванович! и так не могу. Николаев ходил очень медленно и часто отдыхал. Мне трудно с Вами.

- Пустые переходы надо преодолевать в темпе. А вот маршруты - другое дело, в них не разрешишься. Ничего, привыкай, тренируйся. Ведь ты такая молодая, здоровая, красивая.

Айгюль смущенно потупилась, отвернулась, но возражать не стала - сама знала, что прекрасна, как «Полная Луна» - так переводится ее имя.

Свой день 4 сентября очень ждала и сильно переживала старший геолог Вера Николаева, «Верочка», как называли ее за глаза. Она боялась, что испортит погоду, но ничего, слава Богу, обошлось. Это был тихий, теплый, маршрутный день.

5 сентября - день техника-геолога Гали Коптевой, полчукчанки (по матери и воспитанию). Снова было тихо и тепло, но на небе появилось облачко - для красоты. И был очень красивый закат, что порадовало Галю - родная чукотская погода ее не подвела, не обидела. И правильно - характер у девушки добрый и судьба обещает быть не злой. Журавли в этот день тренировались перед вылетом на юг, Витя Костровой очередной раз потерпел маленькую аварию, а Денис, будучи дежурным, сварил прекрасную уху.

6 сентября весь отряд проснулся с величайшей заинтересованностью. «Что день грядущий нам готовит?» - пропел Денис. Не зря волновался народ - ведь это был день непредсказуемой женщины - Гали Типановой. Что вытворит она?

Уже с ранья погода начала портиться, тундра накрылась туманом, стало сыро-зябко, по небу поползли темные облака. Но это был все-таки не полный, безнадежный мрак - солнце временами просвечивало, даря геологам печальную улыбку.

Группа ожидала вездеход для переезда на следующий лабаз. Молодежь спала до обеда, Денис и Вера камералили. В полдень небо полностью затянулось тучами, свидетельствуя о том, что Типанова - женщина изменчивая и ждет ее нелегкая, облачная судьба. Вездеход прибыл в восемь вечера, Витя Костровой выглядел измученным - четыре раза за дорогу он разувался и натягивал гуски - это больше, чем за весь сезон. Ох и неравнодушной же оказалась Галя Типанова к голубоглазому красавцу в свой день - такое ему наколдовала! Припомнит ей Витя впоследствии эти пакости, и ...

7 сентября. Бедная Венера! Не досталось ей теплых и ясных дней бабьего лета - сплошные плотные облака нависли над тундрой на высоте сто метров, наглухо закрыли вершины гор. Что это значит? Денис решил - или Венера не баба, или очень несчастная женщина. Дело в том, что она полюбила-таки вездеходчика, упорно штурмовавшего ее в течение всего сезона. Кратковременный полевой роман не имел будущего - студентка по окончанию полевых работ возвращалась в Фрунзе, ну а Витя, естественно, в Нырвакинот, к жене.

День, однако, еще не кончился. Ломаный-переломаный вездеход забрал женщин и, прихрамывая, потащил их на базу. Денис и рабочий Илья остались на съеденном лабазе, имея в наличии только три больших и девять маленьких банок зеленого горошка. («Ну и попердим!») - жизнерадостно воскликнул Илья). Но благородная Венера не допустила этого безобразия - она послала в рыбацкую сеть двадцать одну рыбу - ровно столько, сколько ей было лет!

Наевшись ухи, Денис сбегал за границу района, выяснил причину своего заблуждения по поводу юрской фауны, обнаруженной им в 1975 году. Оказалось, что он взял ракушки из ледниковых (эратических) глыб, перемещенных ледником с соседней территории, оттуда, где действительно выходила юра.

Вечером потеплело, выглянуло солнышко - Венера ласково улыбнулась. Это была прощальная улыбка, после которой девушка заплакала - пошел дождь. По долине реки Рэннэгвеем проскакал медведь. Денис догадался - это оборотень Костровой, бросив на базе вездеход, помчался на свидание с Венерой, на Чвычкин лабаз. Вот такие творились чудеса в Леве-Вульвывеземском отряде в заключительный вульво-день бабьего лета - 88.

10 сентября Денис и его команда перелетели на следующий лабаз, расположенный на берегу озера. При устройстве лагеря девочки трудились, как пчелки, никаких затруднений из-за дефицита грубой мужской силы Денис не почувствовал.

Геолого-съемочные маршруты на этом участке были однообразно-легки - сплошь по андезитам, плановое искаживание, закрытие на карте белого пятна. Со студенткой Денис вел себя корректно, стараясь выглядеть образцовым геологом-интеллигентом. Но случались и казусы. Однажды в обед Денис вскрыл слегка беременную (вздувшуюся, бомбажную) банку говяжьей тушенки с несколько неприятным, кислым запахом. Айгюль есть такое мясо отказалась - (она вообще в маршрутах кушала мало, так, сухарик с чайком - вот и все). А голодный, как зверь, геолог заглотил всю банку испорченной тушенки и сразу же почувствовал, что вот-вот взорвется. В брюхе у него запищало, заурчало, разразилась целая кишечная симфония, да так громко и выразительно, что все еврейки повыскакивали из нор и испуганно заверещали. Краска стыда залила свободные от шерсти участки Денисова лица, он не знал, куда себя деть. Он понимал, что издавать такие внутриутробные звуки при даме - верх неприличия. «Боже мой, как я опозорился!» - думал геолог, не смея на соседку глаз поднять. Он быстро собрал рюкзак, вскочил с насиженного места и понесся по тундре галопом, стараясь как можно быстрее удалиться от восточной красавицы, дабы не смущать ее непотребными звуками. Но Айгюль - молодец, воспитанная девушка, она и виду не подала, что слышит что-то, она ни улыбкой презрения, ни тем более словом не выразила своих чувств.

Завершив работы, Денис вместо камералки пошел в устье ручья Заячьего, где среди высоких кустов ольхи произрастала смородина печальная (перевод с латыни), густо увешанная гроздьями спелых красных ягод. Вместе с Денисом ходила по смородину и Айгюль, она не захотела остаться в палатке без своего любимого шефа, праздно валяться на кукуле и дуру валять. Ее преданность Денису понравилась. Вдвоем сборщики ягод быстро выполнили план – набил две банки из-под ассорти, попили чаю с ароматно-кислой ягодой. Чернобровая красавица среди рясных красносмородинных кустов выглядела чертовски соблазнительно, а когда она легла у костра, покусывая ярко-белыми зубами гроздь рубиновых ягод, Денис затрепетал и... отвернулся. Вздохнув, он собрал чайные принадлежности, упаковал рюкзак, накинул лямки на плечи, решительно встал и не спеша, в темпе спутницы, возвратился на стоянку. Верная полевая подруга всю дорогу молча шагала рядом.

В середине сентября Витя Костровой, с Венерой в кабине, перевез группу Доценко на базу. Дорога была долгой, но веселой – при переезде через Вульвыеем в кузов хлынула вода, подмочила шмотки и ноги пассажиров. Девочки, разумеется, взвизгнули, хоть и были обуты в резиновые сапоги. Затем был костер-чай на конусе выноса речки Заячьей, среди ольхово-смородинных зарослей, и обед на травянистой пойме ручья Свежего. Здесь влюбленный Витя Костровой учил свою Венеру целиться и стрелять. Он нежно обнимал ее, стоя сзади и поправляя ружье. Венера стрельнула и упала в его объятия, оба расхохотались.

В долинах рек Вульвыеем и Ирвынейеем, на границе с анадырской территорией, путники встретили несколько одиночных древовидных чозений. Под одной из них вездеход остановился и студентка Валя с фотоаппаратом попросила Дениса стать под дерево. «Я хочу иметь образец чукотского геолога, покажу фото родителям и подругам, пусть посмотрят, что это за зверь такой», - сказала она.

Поехали дальше. Вездеход разогнался и вдруг, встретив на пути яму, резко затормозил. Галя Коптева и Айгюль, сорвавшись с крыши, плюхнулись в лужу, вызвав всеобщий смех. Отряхнувшись, они удалились в кусты - им с испугу захотелось пописать. Витя, не зная этого, газанул и помчался по ровной террасе. Оставшиеся на машине женщины закричали: «Стой-стой-стой!» Витя остановился. «В чем дело?» - с недоумением спросил он. «Подожди, вон девочки бегут». Запыхавшиеся, покрасневшие куночки вспорхнули на крышу вездехода. «Поехали!» И снова - стоп! Зайцы! Два сразу. Подкравшись, Костровой сделал пиф-паф и принес зайчиков за уши, бросил в кузов.

На базе - чудо-баня. После нее - реализация посылок, доставленных последним вертолетом. В числе прочих гастрономических радостей было и вино под названием «Агдам».

- Вино «Ах, дам», - прочитал Денис и засмеялся, - женщинам его пить нельзя.

- Наоборот, пусть пьют, глядишь, что-нибудь и получится, - возразил Костровой, разливая вино.

- Вить-тя! - игриво проворковала Типа, грозя пальчиком. - У тебя только одно на уме.

- А я и не скрываю, - согласился ловелас, сверкнув незабудками глаз и белозубо улыбаясь. Взор его был устремлен на Венеру.

- Кажется, они снюхались, - шепнул Чвычка, хмыкнув, на ухо Денису.

-Чего ж ты сам ее прозевал? - пошутил Денис.

- Я? Да ты что, самое... чего ты...самое...вообще...

В день отдыха весь полевой народ помылся, постирался и занялся своими личными делами. Денис варил варенье из красной смородины, на примусе, в большом эмалированном тазу. Чистенькая, тепленькая, разрумившаяся после баньки, в палатку Дениса вошла Айгюль. Ее густые черные сверкающие влагой волосы были прикрыты полотенчатой чалмой.

- Варенье надо постоянно помешивать, - произнесла красавица, взяла ложку и плавными вращательными движениями начала перемешивать сахарно-ягодную смесь, уже пустившую сок рубинового цвета. Лохмато-бородатый геолог с улыбкой наблюдал за своей молодой и дьявольски привлекательной радиометристой.

На следующий день был маршрут под номером сорок, проходящий от подножья горы Оранжевой к западу, на гору Каскад и обратно. Несчастный случай произошел в самом начале маршрута. Описав точку наблюдения, Денис бодренько вскочил на ноги и рванул вперед - предстоял длинный пустой переход по задернованному склону к речке Пытвыткаваам. И вдруг он споткнулся то ли о кочку, то ли о камень и, нырнув вниз головой, растянулся на земле, мгновенно поднялся, разозлился и не оглядываясь понесся вдаль. Неожиданное, нелепое падение на глазах у прекрасной Айгюль морально убило гордого геолога, опозорило его, превратило из уважаемого человека в смехотворное ничтожество, так он считал.

На обнажении Айгюль догнала быстроногую шефа, тот мрачно продиктовал ей название породы, она замерила ее радиоактивность записала в журнал. Весь день прошел в молчании, Денис на свою спутницу не смотрел. Вечером маршрутная пара возвращалась на базу в лодке. Денис, сидя спиной к своему берегу, остервенело греб, избегая пытливого, недоумевающего взгляда Айгюль, сидящей напротив, на корме. Денис, греб неважно, лодка рыскала и это еще больше раздражало его. А студентка мучительно соображала - чем она обидела своего начальника? Почему он не разговаривает с ней, не шутит, как обычно? Что случилось?

Дюралевая лодка ткнулась, наконец, в галечный пляж, с шорохом наполнила на него. Терзания Дениса кончились. Он вылез из лодки и по тропе, сквозь кусты, поднялся к своей палатке, скрылся в ней. Почему эта девушка-киргизка так смущает его? Прямо беда! «Насколько проще и приятнее были маршруты с Колей», - вздохнул Денис.

17 сентября был густой туман. К началу маршрутов Доценко и Благоволин подъехали на вездеходе. Холод и морось не помешали Костровому в течение дня набить множество уток и зайцев. Одну утку геологи сварили и съели прямо в вездеходе. При возвращении на базу Чвычка, как обычно, грузно восседал на кабине. Он зверски замерз, морда у него стала совсем лиловая, с обвисших усов капала вода. Приехали к палаткам в темноте, при свете фар. Быстро растопив печку, маршрутчики согрелась и, по кустам, освещая тропу фонариком, побрели на кухню (пункт общепита располагался на берегу озера, метров двести от жилых палаток).

Следующий день в климатическом отношении был гораздо лучше (солнце, тихо и тепло), но Денис в маршрут не пошел, потому что Айгюль дежурила на кухне, а куда он без нее? Она сварила чудесный суп с зайчатинной, который полевая орава спорила за полчаса. Заработавшийся начальник отряда Благоволин пришел в столовую слишком поздно, ему мяса не досталось, он молча и угрюмо похлебал пустой бульон. Не хватило ему и картошки, и чаю. «Теперь будешь знать, как опаздывать, хрен моржовый», - пожурил друга Денис, усердно работая спичкой-зубочисткой.

19 сентября врезала пурга, пропела песню: «Сидите дома, ходоки». Да, тут не поспоришь, белая-белая тундра свидетельствовала о камеральном дне. А в столовой снова гастрономическое чудо - суп с куропатками. Заслышав призывный набат, Чвычка сорвался с рабочего места, бросил карты и карандаши и, смешно потряхивая широким отвислым задом ватных штанов, потрусил в столовую. Чистый, свежий, ароматный снежок весело поскрипывал под его огромными подшитыми валенками. Свое место за столом Благоволин занял первым и имел полный куропаточный смак. На этом вкусятина кончилась. Очередные дежурные повара Голдобин и Вялов весь день бессовестнейшим образом кормили народ макаронами.

21 сентября началось «бабье лето-два» которое привело к тому, что у Дениса разболелся живот и он решил, что это - трихиниоз. Инкубационный период кончился, болезнь стала явной. Остальные полевые на этот счет не беспокоились, потому что от

августовского медвежьего мяса отказались, не захотели рисковать, побоялись. Лежа на нарах, Денис с тревогой вслушивался в свои ощущения. Вошла Айгюль.

- Завтра, наверно, будет вертолет, - скала она. – Я зашла попрощаться.

- Счастливого пути.

- Денис Иванович, я прошу меня простить. Вы мне очень нравитесь, но я не могла вам дать всего, что вы как мужчина хотели, потому что у меня есть жених, мы с ним прилетели на Чукотку вместе, он попал в другой отряд, но я хранила ему верность. Он ждет меня в поселке.

- Хорошая ты девушка, Айгюль. Желаю тебе счастья, - ответил Денис и, улыбаясь, помахал студентке рукой. Он хотел было встать и поцеловать сотрудницу на прощанье, да поленился.

24 сентября на базу Лево-Вудьвыеемского отряда прилетел с работой вертолет. Были собраны лабазы (летал Витя Галин), проведены аэровизуальные наблюдения вокруг горы Оранжевой с целью подбора посадочной площадки на участке буровзрывных работ. В Нырвакинот было отправлено десять человек. Чвычка перекрестился - такое облегчение! Денис прекрасно понимал коллегу-начальника отряда, сочувствовал ему и радовался своей свободе и безответственности.

Погода и снеговая обстановка еще позволяли ходить в маршруты. Денис сбегал по одному из ближайших ручьев, исписал пятую полевую книжку и прошел последние километры (всего за сезон – 250). «Все, хватит, больше никуда не пойду, - решил он. – Разве что фауну поискать.»

Искать ископаемую фауну в береговых уступах реки Пытвытковаам Денису помогали Кира Борзецкая и Галя Коптева. Они переворачивали плитки черных алевролитов карнийского яруса целый день, но ничего путного, кроме многочисленных ходов и продуктов жизнедеятельности червей - илоедов, не нашли. Зато обеденный костер заделали на славу - дров было много. А на северном склоне горы Оранжевая группа геологов во главе с Чвычкой в это время строила домик для канавщиков. Туда и обратно по склону средней крутизны строители, рискуя, ездили на вездеходе. Лихой водитель Витя Костровом был начеку. В долине реки он застрелил зайца и трех куропаток.

27 сентября Денис принял участие в строительстве утепленного жилого домика на склоне горы Оранжевой. Витя Галин и Саня Чикарев покрыли крышу толью, а Денис соорудил стол и нары. Чвычка в этот день летал на вертолете, собирал лабазы (один не нашел).

28 сентября Костровой в сопровождении геолога Сани Чикарева выехал в Нырвакинот. Небо затянуло тучами, начался мощный снегопад. Тундра окончательно замерзла и накрылась толстым белым одеялом - приготовилась зимовать.

2 октября, в ясный и тихий день с видимостью до горизонта, прилетел вертолет, вывез в поселок еще семь человек. После этого начались систематические, устойчивые морозы и снегопады.

7 октября, в день конституции, Чвычка организовал хозработы на свежем воздухе – перетаскивание и укладку грузов на эстакаду. После обеда были проведены культурно-массовые мероприятия- самогоноварение (сахарная брага стояла-гуляла целую неделю), жаркая баня с купаньем в холодном озере и праздничный ужин, на котором подвыпивший и раздобревший Чвычка великодушно объявил об окончании полевого сезона. Безмятежной чередой потекли камеральные будни. Тысячи белых куропаток обложили базу со всех сторон. Они знали – бояться нечего, гроза тундрового животного мира Костровой вместе со своей пушкой уехал.

13 октября тишину Белого Безмолвия нарушили вопли Васьки Маркина - он громко матерился на берегу озера. Причина крайнего раздражения геолога была уважительная - в сеть попался царь озера - Эрвынай, огромный налим, он же «бурят», он же «Дорж», как его величали по схожести с экономистом Доржиевым, начальником ПЭО. Васька попытался затащить «Доржа» в лодку, но не смог, не справился, уронил, что и вызвало

горестные вопли рыбака. После этого драматического происшествия у Чвычки разболелся зуб и сдохла электростанция.

15 октября утром сеть на озере, стоящую прямо напротив кухни, проверил завхоз. Его громкое ура! возвестило о богатом улове - он вытащил-таки гигантского налима, эрвынейского царя! За обед и ужин «Дорж» был съеден с потрохами, осталась лишь огромная тупорылая башка с мутными глазками. На Чвычку, ответственного за поимку налима, навалились три беды:

1. Он получил втык от Доржиева за полевую переработку у геологов Маркина, Чиکارева, Изикова и узнал, что им предоставлен отгул по сорок дней каждому.

2. Болезнь зуба, глотки и вообще всего ротового отверстия, общее тошнотворное состояние.

3. Вызов в Магадан да петрографическое совещание (с 18 по 21 октября).

Каждый вечер перед сном Чвычка молился-бормотал: «Хоть бы до восемнадцатого не было вертолета! Хоть бы не полететь в Магадан!» Чукотский Бог услышал Чвычкины молитвы – вертолет прилетел девятнадцатого. Полевой сезон-88 для Доценко и Благоволина благополучно завершился. А поисковик Вася Маркин бил канавы до 24 октября. В этот день отряд был окончательно ликвидирован.

Полевом сезон излечил Дениса от нервно-финансового расстройства, связанного с лишением трех премий. О своем заявлении в комиссию по трудовым спорам он вспоминал теперь как о чем-то мелочном, недостойном звания геолога-полевика, как о суете сует. Такова целебная сила природы.

В конце октября произошло не менее важное, чем завершение сезона событие - Денис полностью расплатился за кооперативную квартиру в городе Тольятти и отметил это дело пятизвездочным коньяком.

Пока геологи трудились в поле, независимый от них АУП частично обновился. Перебрался в Краснодар главный геолог Колечко. Освободившуюся престижную должность ПГО предложило Александру Крюканову. Саня снова отказался - административно-чиновничья деятельность его по-прежнему «ни капики», как говорил Чвычка, не привлекала. Он любил практическую геологию и не хотел изменять ей. Стать главным геологом согласился разведчик Михаил Зрякин (Николай Васильевич Журавлев? – В.П.), большую часть своей чукотской жизни проведший в знаменитом иультинском каменном бараке-общежитии – «дивизионе». Про него оформители говорили, что он ни рыба, ни мясо, но болтать умеет, а значит на должность Главного подходит.

Пошли на повышение, перевелись в Магадан выдающиеся деятели ВЧГЭ - начальник отдела материально-технического Гришка Мудренко (перо ему в задницу, чтоб быстрее летел!) и начальник россыпного-разведочного отдела Трахман. Из троих ушедших администраторов только один, да и то под воздействием очаровательной Любы Тынской, вызвал у Дениса желание написать прощальный стих-пинок.

При Трахмане отдел трудился безупречно,

Запасы он имел и премии, конечно.

О, Трахман! Ты во всем хорош,

Ты ценишь время, любишь грош!

Сотрудники тебя за это уважают.

По-прежнему любя, повыше провожают.

Для счастья Магадан тебе, наверно, дан.

Лети, наш золотой, со славою в столицу,

На лестнице крутой лови свою синицу,

Пост высокий добывай, ВЧГЭ не забывай.

Все геологи Восточно-Чукотской экспедиции, за исключением Федора Свистоплясова, умели сочинять стихи, рифмовать строки. Когда Денису Доценко

исполнилось пятьдесят лет, на него обрушился целый каскад стихотворений, густой стихопад. Первым начал поливать – посыпать юбиляра Слава Майоров.

Товарищ наш Денис фартовый дошел до даты пятьдесят.
Прошел всю тундру, горы, доли! Года фанфарами звучат!
Геолог он, артист на сцене и нами признанный поэт.
Стихи его всегда мы ценим, он нам их пишет много лет.
Тебе желаем без крушений достойный труд свой завершить,
Открытий новых и свершений, ну и, до пенсии дожить...

А дальше было вот что. 18 ноября 1988 года, пятница.

Утром, сидя за рабочим столом, Денис услышал какой-то шум, смешки, обернулся и увидел Ваську Маркина с картонной коробкой в руках, которого отрядные женщины пихали в спину из соседнего кабинета. Растрепанный Васька двинулся на начальника отряда Благоволина, стоявшего посреди кабинета с высоким незнакомым парнем.

- Поздравляю тебя с днем рождения! - гаркнул Васька и сунул коробку ничего не понимающему Чвычке. Тот уклонился в сторону, отказываясь от коробки, Васька преградил ему дорогу и снова сунул подарок в грудь начальнику - бери! Благоволин зреть не желал, незнакомый парень стоял рядом, разинув от удивления рот.

- Да не ему, не ему! – зашипели ошарашенные женщины.

Обалделый Васька дернулся, увидел улыбающегося Дениса (которого эта картина здорово позабавила), грохнул коробку на его стол, отскочил в сторону, плюхнулся на свой стул и, схватившись за голову, тяжело, с облегчением выдохнул - Фу-у-у!..

- Где журналы? - заговорил наконец Благоволин.

- Какие журналы? - обозлился Васька, - Какие журналы?!

- Радиометрические.

- А я откуда знаю? При чем тут я!? Все на меня велят!

Журналы нашлись. Чвычка и незнакомый парень удалились.

- Вот балда, - тихо, спокойно произнесла Раиса, Васькина жена. - Вот и поручай такому...

В кабинете разразился хохот - ай да Васька, ну и дурак! Денис вскрыл коробку - самовар. Так сотрудники первыми поздравили его с юбилеем. А Ваську сбил с панталыку вчерашний переезд Благоволина на новую квартиру. Он решил, что новоселье и день рождения у него совпадают. Парень, затесавшийся между Васькой и Чвычкой, оказался проверяющим радиометрию из Хабаровска.

После обеда явилась делегация от лаборатории - Лена Воронова и Таня Прыгина. Таня скромно заявила, что им, как лучшим представителям коллектива и самым красивым женщинам экспедиции поручено поздравить Юбиляра. Лена торжественно прочитала: «Денис Иванович, казак удалой! Геолог-трудолюбивый, поэт и артист, художник отменный и сценарист. Ты в жизни многого достиг. Сколько маршрутов тобою исхожено, песен пропето и сложено! Чукотку ты исколесил: Матачингай, Энгергни, Милют-Ванкарем, Иультин и Амгень, Телекай, Амгуэма. В Монголии был, Чойбалсан посетил. В личной жизни преуспел, жену-красотку заимел. Два сына, дочь растишь, лелея, живота своего не жалея. Сил в тебе еще так много. Дерзай, ищи, расти, твори! Всех благ земных тебе желаем и поздравляем от души!!!» Таня вручила Денису зеленую ветку комнатного лимона с наколотым на иглу плодом - вот, сами вырастили! Денис принял подарок, поцеловал прекрасных дам в губки и они ушли. Этим визитом он был удивлен - откуда узнали?

В конце рабочего дня Денис и Кирилл курили в туалете, что-то проговорило внутреннее радио, объявляла, как всегда, Карамба.

- Слышал? - спросил Пухов.

- Ничего не понял. Что-то в 17-30 в актовом зале. Но я давно туда не хожу.

- На сей раз придется пойти.

У Дениса закралось тревожное подозрение - неужели собрание в его честь? Ладно, думает он, поглядим. Сидит, работает. Закончил информационный отчет о результатах полевых работ 1988 года. В 17-30 никуда не пошел, начал собирать в чемодан секретные материалы. Входит Галя Типанова, сотрудница и профгруппорг ЦГГП:

- Денис Иванович, там все уже собрались, вас ждут,

- Меня? Зачем? - автоматически произнес он, направляясь к выходу. В зал он вошел через первую дверь. Собравшиеся, преимущественно женщины, встретили виновника торжества аплодисментами. Денис сел в переднем ряду. Вошла Инга Сосновская, профбосс ВЧГЭ, огляделась, вздохнула: «О, Господи!»

- Ты кого имеешь в виду? - поинтересовался Денис.

Инга повернулась к залу крупным задом, вошла на сцену, нагнулась, заглянула в трибуну, пробормотала: «Ага, здесь», спустилась вниз и заговорила, объясняя обстановку. Начальства никого нет, все на партконференции, Свистоплясов тоже куда-то убежал, поэтому поздравлять от имени общественности будет она. «Не возражаю!» - крикнул Денис и приготовился слушать. Развернув папку, Карамба хорошо поставленным артистическим голосом прочитала: «Уважаемый Денис Иванович! Коллектив Восточно-Чукотской экспедиции сердечно поздравляет Вас со знаменательной датой. Желаем Вам новых трудовых успехов, крепкого здоровья, семейного счастья!

Жизнь, она - не книжка полевая, но там страницы шелестят.

Ты, свою сегодня открывая, ставишь точку номер пятьдесят.

Точка эта - золотая дата пробы наивысочайшей-шей,

Чтобы описать ее, не хватит в целой ВЧГЭ карандашей.

Да и зачем? Она и так не канет. Всем известно - твой маршрут далек,

И на Вульвывейме каждый камень знает твой упрямый молоток.

Крепкое плечо твое мы ценим, будь опорой нам на много лет,

Наш товарищ, наш (Петренко Женя) Денис Доценко - тундровик, геолог и поэт!

P.S. Хотя простые вирши наши не так, как ваши хороши,

К чему им быть звончей и краше?

Мы вам их дарим от души,

Приняв поздравление, Денис поцеловал Карамбу и собрался уходить.

- Это еще не все, - остановила она его.

Денис сел. Карамба вытащила из трибуны картонный ящик, извлекла оттуда фарфоровый кувшин с откидной крышкой, похожий на амфору, бело-зелено-коричневый, расписанный сусальным золотом, с барельефом, изображающим средневековых охотников и собак. Показала сосуд залу: «Саксонский фарфор! ГДР! Произведение искусства!» Денис с трепетом получил ценный подарок, осторожно положил его на стул рядом со стихами и только начал ответно-благодарственную речь («спасибо... не ожидал такого фурора... праздник грустный... возраст солидный...но мы еще попашем»), как свет потух и в зале наступила темнота. Это было неожиданно и эффектно - каков финал! Но что бы это, однако, значило? Происки врагов? Козни Свистоплясова? В зале раздался смех. Денис подумал: «Чертовщина какая-то, сплошные курьезы, а не поздравления, что утром, что вечером. А с другой стороны - интересно, вон как получается, со смехом. Вся жизнь у меня такая, с хохмами, все правильно, так и должно быть». Юбиляр схватил свои вещи и ринулся на выход (в коридоре свет горел). «Слава Богу, отмучился», - подумал он, вернувшись в кабинет, на свое рабочее место.

Только Денис собрался уходить, вбегает запыхавшаяся Тамара Пупченко с розой и открыткой и произносит громогласно: «Привет тебе, о сын полей, пират широт необозримых! За все полсотни не делимых по капле на зубок налей!»

- Тамара, да где ж я тебе возьму? - говорит удрученно Денис, - Ведь лавка не работает, увы! Сухой закон!

- Да не мне, не мне, себе нальешь, когда будет.

- Ну, это ладно, это - другое дело. Продолжай, слушаем.

- В миру - талантливый геолог, от Бога - пламенный поэт. Мароваам, Мымлереннет с тобой сверкнули, будто сполох! Так будь достоин, Человек, ты этой участи прекрасной и без суетности напрасной последуй в XXI век!

Восторженная поэтесса вручила Денису розу и открытку со стихами, юбиляр ее поцеловал и пожаловался:

- Вот видишь, Тамара, что получается - женщины меня больше любят, все поздравляют и поздравляют, со сколькими я сегодня перецеловался! А мужики - ни гу-гу, никаких эмоций, ни один охломон не поцеловал.

- Один мужик пытался поздравить, да и то все запарол, - уточнил Васька Маркин.

Празднование Юбилея Денис и Оля назначили на субботу 19 ноября в 18-00. Денис пригласил двоих - Пухова и Благоволина, на большее число мужиков выпивки не хватило. Оля взяла трехдневный отпуск без содержания и приготовила мощный закус из свинины, говядины, оленины, уток и кур. Выпивки было всего шесть бутылок пятизвездного коньяку, добытых Денисом еще в начале месяца, и двенадцать бутылок пива, которые Оле удалось купить в рабочее время.

19 ноября. До обеда Денис резал бараний рог, после обеда он ходил в баню, попарился как следует, смыл все свои пятидесятилетние грехи и приобрел надлежащий (праздничный) вид новорожденного младенца. Вечером пришли Благоволины и Пуховы. Чвычка подарил Юбиляру примус «турист», Кирилл преподнес большую луковицу - карманные часы на цепочке и оду собственного сочинения:

- Денису сыну Ивана посвящается.

Полвека прожито, приятель - домовладелец из Тольятти,

Поэт, геолог и певец, художник, чадам трем отец,

Артист, романтик и ваятель, частушек множества создатель,

По рогу резчик и кости - да мало ль, если потрясти.

Исхожено путей немало тобой, искатель драгметалла,

Которому не чужд и фарт. Творец бесчетных геолкарт:

Мечта, Амгень, Матачингай, Мароваам и Телекай,

Пеньельхин и Ирвынейвеем, Эрутта, Астра, Эргувеем,

Пийнкун, Вешкап и Метегын, Чанталь и Дева-Тутумын,

Кодори и Милютчекай, Юца, заоблачный Домбай.

О, сколько стоптано сапог! Но рано подводить итог.

Однако, кто же ты, приятель? Не ясно это мне пока,

Ведь если человек - дока в одном, в другом он дилетант,

Хоть и имеется талант. На будущие пятьдесят желаем мы, как говорят,

Успехов в жизни и труде, в семье, в искусстве и везде.

И продолжай стихи слагать, рог резать и руду искать,

Как можно медленней стареть и вместе с Олей песни петь.

Затем, покончив с официально-поздравительной частью, друзья-геологи и их жены хорошенько выпили, закусили, вспомнили молодость, посмотрели фотоальбомы. Ни песен, ни танцев не было (сказалось отсутствие Виноградова с гитарой), но, все равно, погуляли хорошо. Разошлись в половину четвертого утра.

20 ноября - немного коньяку и вдоволь пива. Денис пригласил Чвычку, Олю навестила подруга Маня Карова. И, наконец, телевизор, отдых, сон.

21 ноября Денис на работу не пошел - он имел официальный отгул за работу 5 ноября. Денис вспомнил предъюбилейные события - «исторические подарки». Вот они:

1. Полный расчет за кооперативную квартиру (самый большой подарок, который Денис сделал себе сам).

2. Чукотка подарила экспедиции три трупа - двоих разведчиков-буровиков (заблудились на Ванкаремской низменности, пропали без вести) и одного командированного - проверяющего-радиометриста из Хабаровска (инсульт).

3. Запуск Энергии и Бурана.

4. Новоселье Благоволина (перевозили 17 ноября).
5. Профессиональные праздники ракетных войск, работников сельского хозяйства и агропрома.
6. Визит Горбачева в Индию.
7. Вася Доценко прооперировал глаза и получил вызов в Анадырь на постоянную работу.
8. Телефильм «Собачье сердце» по повести Михаила Булгакова.

В юбилейные дни стояла холодная сухая ветреная погода, снега в поселке не было (лежал только на вершинах гор). Полевые материалы Лево-Вульвывеевский отряд еще не защищал, потому что его начальник Благоволин сразу после поля целиком и полностью переключился на доработку старого отчета, возвращенного из Магадана, а старший геолог Николаев (Романов) пятьдесят дней болел (астма). У Чвычки было лишь одно на уме - скорее бы спихнуть старый надоевший отчет да уехать в отпуск, в Ленинград, к семье, где случилось несчастье (совершил преступление старший приемный сын) и требуется его присутствие. Вся основная нагрузка и ответственность за подготовку к защите полевых материалов легли на Дениса. Так завершилось его пятидесятилетие.

7 декабря 1988 года Благоволин, покинув вверенный ему отряд, вылетел в Ленинград, этот поступок Чвычки отразился почему-то на Армении - там произошло землетрясение. После этого события внимание коллектива ВЧГЭ переключилось на двухметрового гиганта Романа Дубова (Евгений Фёдорович Дюба – В.П.), который периодически потрясал АУП. Дубов пригрозил начальству, что в ближайшее время будет увольняться. Обрадованное руководство экспедиции с нетерпением ждало этого монета. Огромный заикающийся оригинал был постоянным оппозиционером, он считал всех геологов, кроме себя и Осадчего, воинствующими невеждами, а экспедицию в целом однажды обозвал «фальшивой» и «свинюшником» (в стенгазете «За недра Чукотки»). Свистоплясов и Крюканов платили ему той же монетой. Саня возвращал ему Ленотапский проект на доработку десять раз, сам извелся и Дубова вогнал в паническое состояние. Как-то, войдя отдохнуть, поговорить-разветаться в тихий, спокойный, безконфликтный кабинет Пухова и Доценко, он пожаловался:

- Совсем замучил меня Дубов со своим проектом.
- Что, туго лезет? - посочувствовал Денис.

Кирилл расхохотался, но на усталом Санином лице даже улыбки не появилось.

- Ох туго! - выдохнул он.

- Да, голова у него большая, череп крепкий, непробиваемый, как у бегемота, - сказал Пухов.

- И это доказано, - продолжил тему Денис. - Когда Дубов проходил мимо школы-интерната и его по башке ударила бутылка из-под шампанского, брошенная с пятого этажа, он остановился, посмотрел вверх и сказал: «Та-такие молодые, а уже шампанское пьют!» И пошел себе дальше, на работу.

Санины губы наконец-то растянулись в улыбке. Успокоившись, он вернулся на свой руководящий пост. А Пухов еще долго веселился. «Туго лезет, а!» - повторял он, хихикая.

Таковы были воспоминания об этом оригинальном геологе, возраст которого приближался к роковой дате пятьдесят пять. Окончательно разочаровавшись в способностях экспедиции разведать рудное золото Ленотапа, сделать месторождение, Дубов собрался ехать на Украину. Денис сочинил для него посошок.

Блажен, кто мудрости достиг предпенсионного этапа,

Кто тайну золота постиг в угрюмых сопках Ленотапа.

Блажен, кто след среди вершин оставил многолетним делом,

Кто, долгий поиск завершив, уходит в лучшие пределы,

Меня тундру и снега на лес зеленый и луга.

Ну что ж, прощай, товарищ Дубов, ЦГГП не забывай,

В краю ином, под сенью дуба златые горы вспомянай.

В декабре завершились защиты полевых материалов сезонных отрядов оба отряда групповой геологической съемки - и Лево-Вульвывеемский (начальник Благоволил) и Ирвынейвеемский (начальник Крага) получили тройки. В новогодней газете эти грустные результаты были отражены карикатурами. На одном рисунке Свистоплясов грозит Краге: «Если ты получишь тройку, то погубишь перестройку!» А тот отвечает: «Вот и тройку получил - что же делать? Научи.» На другом рисунке Благоволин мчится на нартах, запряженных тремя оленями, и кричит: «На лихой чукотской тройке мы приехали на елку, сознавая, елки-палки, что от тройки мало толку».

АБА (административно-бюрократический аппарат) Денис изобразил в виде кучки пьющих-жрущих-жирующих обывателей, расположившихся на вершине вулкана.

Где-то там, а не у нас, катаклизмы,

На вулкане мы сидим с оптимизмом.

Мы живем раздуто, вольно, в премиях купаемся,

Развести бумаг побольше мы во всю стараемся.

Но, предчувствуя зажим, потихонечку дрожим.

Впервые появился в стенной печати новый главный геолог Зрякин, поверивший в свои силы-способности и в реальность перестройки с ускорением.

На троне – Михаил восьмой (Сергей седьмой аж в Краснодаре),

Разведчик рудный-россыпной, он в перестроечном ударе.

На должность начальника геологического отдела, которую ранее занимал Трахман, был объявлен конкурс - дело небывалое. По этому поводу Денис связвил:

Перестройка. Конкурс моден.

Кто пробьется, тот и годен.

Буровую партию, лишившуюся возможности вкладывать объемы в поиски погребенных россыпей золота, пока что выручали изыскательские работы под гипотетическую Амгуэмскую ГЭС.

АмГЭС- надежда и спасенье, объект участков буровых,

Уход от бед и сокращенья, решение споров деловых.

В гидропроект идет бригада, людей устроить мы должны.

Нам изыскания нужны, а гидростанции - не надо.

Новогодняя стенгазета несмотря ни на что должна быть веселой, задорной, оптимистичной, такой, как Инга Сосновская - Карамба. Именно она - победительница конкурса на звание «мисс ВЧГЭ-88» была изображена в виде роскошной Снегурочки под зеленой елочкой с толстой змеей на шее - китайским символом нового 1989 года. Подпись под Карамбой гласила:

Самая активная и результативная,

Женщина любезная, обществу полезная,

Трепетно-внимательна, радиовещательна,

Дама динамичная, бодро-энергичная,

Любит без изъятия все мероприятия!

Снегурочка-Карамба пузырилась такими словами:

Поет чукотская земля, снежинки звездами сверкают,

Мифологичная Змея нас нежной лентой обвивает.

Она символикой такой дарует мудрость и покой.

Никакая перестройка не замутит ясных глаз.

Мчится в тундре птица-тройка, в ней - подарочки для вас.

Живите в стиле ро-ко-ко - красиво, весело, легко!

Разделавшись со стенгазетой и Лево-Вульвывеемским отрядом, Денис Доценко написал проект на составление окончательной опорной легенды к Иультинской серии листов Госгеолкарты СССР масштаба 1:50000. Почти весь январь восемьдесят девятого

геолог прожил «красиво, весело, легко», с выходами в распадок и лыжными прогулками. Все в мире резко изменилось 24 января, с наступлением года Змеи, когда Чвичка, отгуляв отпуск, вылетел из Ленинграда в Нырвакинот. Это происшествие сопровождалось глобальными явлениями - землетрясением в Таджикистане и понижением температуры воздуха в заливе Кресла до минус сорока градусов. На Денисе оно отразилось острой почечной болью. В течение недели он мучился дома, вызывая скорую помощь, когда боль становилась нестерпимой, глотал таблетки, выписанные терапевтом и хирургом (врача-уролога в поселке не было). Первого февраля с диагнозом «острый пиелонефрит» Дениса положили в больницу, в стационар, где он и провалялся пятнадцать дней.

Потом черная полоса прошла, наступил морозно-солнечный март, прилетел из Питера на каникулы сын Вася и заискрились радостью женские глаза.

В марте солнце, смех и песни, лица женщин хороши.

С женским праздником чудесным поздравляем от души!

Такой плакат у входа в экспедицию повесили Денис Доценко и Петр Уралов (Петя Громов? – В.П.) седьмого марта. А в стенгазете «За недра Чукотки» прославлялись конкретные работницы ВЧГЭ, среди которых первое место по значимости занимали геологини, все еще пока ходящие в поле, сестрички-полевички.

Вот идеал - под вьюком полевичка,

Романтики законченный портрет.

Что там блестит - алмаз иль голубичка? Раскроет женщина любой секрет.

Персонально поздравлялась «сурьезная спецдама» Рита Кутенкова (Каплёноква – В.П.).

Мои геофонд - мой дом, а значит, крепость.

И никому его я не отдам.

Порядка нарушение - нелепость,

Я пунктуальней всех чукотских дам.

Всегда на пике производственных конфликтов, как бабочка на острие иглы, пребывала начальник отдела труда и зарплаты - ОТиЗа – Римма Рафаиловна Миловидова («Рахуиловна»).

Воплощение хозрасчета, заработал - получи.

А не вышло если что-то, лбом об стенку не стучи.

Справедлив ОТиЗ родной, как и я сама.

Мне известно лишь одно - я схожу с ума.

Что маячит впереди - будет денег тьма?

Иль утащит нас на дно нищего сума?

Ну а Любочке Тынской из разведотдела, подсчитывающей запасы золота, Денис написал такие игриво-плясовые строчки:

Это не радость минутная! Я - золотая, валютная!

Бодрая, сильная, вечная, результативно-конечная!

Едва отдохнув от женского Дня, активисты экспедиции зашевелились по поводу следующего праздника - Дня геолога. И снова Денис взял бумагу, шариковую ручку и задумался - с чего начать? И решил - конечно же со своей любимой ЦГПП и ее «всеми любимого» начальника, председателя СТК (совета трудового коллектива) Федора Свистоплясова (В.В. Плясунова? – В.П.).

Достоинство возглавляю СТК, и плюрализм как-будто полюбил.

Я, как всегда, играю простака, но хозрасчет усек и застолбил.

Незаменим я на своем посту, я в лидеры железные гожусь.

Я вместе с перестройкою расту, и партией своею я горжусь.

Петь не люблю, плевал я на балет,

Хоть вышел сам из рода плясунов.

Где хозрасчет - искусству места нет!

Работайте, не требуя цветов (песня на мотив «Букета»).

Дальше пошли не менее знаменитые люди и коллективы. Заведующая лабораторией Тамара Котова изложила свое кредо на мотив «Черного кота».

Перестройка уже за углом, плюрализм проникает в мой дом.

И мечтаю я только о том, как бы встретиться с милым котом.

Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет.

Стало все наоборот - заиграет, засверкает хозрасчет.

Перестроились даже коты, не стыдятся своей черноты.

И мечтаю я только о том, где бы встретиться с черным котом.

Восторженно-пышная поэтесса Тамара Пупченко, возглавляющая стройцев, пела широкоую, раздольно - вольную, как чукотская пурга, песню.

Вдоль по улице метелица метет,

Перестройка за метелицей идет.

Ты постой, постой, красавица моя,

Дозволь наглядеться, радость, на тебя.

На тебя, на плюрализм и хозрасчет,

На твои да на чудесные дела.

Пусть сильней-сильней метелица метет,

Чтобы беспорядки снегом замела!

Женский хор оформителей исполнял свою задушевно-лирическую:

Кто за картами сидит целый день обычно?

На заказчиков сердит и ворчит привычно?

Плюрализм и звонкий смех дружно принимает

И, конечно, лучше всех все на свете знает?

Это - оформители, старые подружки,

Громкоговорители, ушки на макушке.

Их портреты годны для доски почета,

Только вот хозрасчет не выходит что-то...

В экспедиции в это время уже не было ни прироста запасов россыпного золота, ни новых крупных открытий, что позволило главному инженеру Васильеву заявить: «Геологи-съемщики нам не нужны». На него появилась карикатура - стоит он на коленях перед Идолицем Поганым, похожим на начальника экспедиции Умелина, и молится ему: «О, Идолице Поганое! Как мне надоели эти бездельники-геологи! Покарай их за бесполезность ископаемых, за тунеядство, за поедание фондов зарплаты! Сократи их, уничтожь, чтоб и духу их не было на Чукотке! Мы, разведчики, и без них обойдемся!» А ниже рисунка и подписи - комментариев к ним (от редакции)

Вот так главный инженер - инженерам всем пример!

Надо б, право, для примера, гнать такого инженера!

Однако в душе каждый здравомыслящий геолог понимал - технократ Васильев, не разбирающийся в геологии и современной методике поисков скрытых месторождений, был во многом прав - ЦГГП гонялась за миражами, за геохимическими аномалиями, отбирая сотни тысяч литогеохимических проб, которые анализировались на тридцать элементов! В текущем году геохимический отряд возглавлял Валерий Нартыненко, Колечкин друг.

Он - кормилец бесподобный многих женщин ВЧГРЭ.

И встречаться с ним удобно, геохимия - не грех.

Элементы разносить – не хлеба в полях косить,

Но зарплата есть - и ладно (Нартыненко не накладно,

Денег много у него, как у Креза самого!)

Групповая геологическая съемка в стенгазете была представлена Ирвынейвеемским отрядом.

Плюрализм выходит боком - трудно карту рисовать.

Тут несбойку, там несбойку надо замаскировать.

Проявив в бою отвагу, вскрыть заносчивого Крагу

Надо просто позарез! Это - в действии прогресс.

Ударился в панику начальник Лево-Вульвыеемского отряда Благоволин (Тихомиров – В.П.) - пришла новая инструкция по составлению геологических карт (а карты уже вычерчены по старой инструкции).

Затеяли кошмарный передел-

Менять инструкцию (коня на переправе).

Нам - исполнять, таков, увы, удел.

Там, наверху, всегда бесспорно правы.

От таких безумных дел Благоволин поседел!

Зарплату геологи стали получать с перебоями - таковы были конкретные результаты новой экономической политики (производственной лихорадки и бумажного хозрасчета).

Цифры, графики, расчеты, бланки, шорохи бумаг...

Все под знаменем учета, но подходит время - ах!

Нет зарплаты! Грош цена экономике дана.

Единственным геологом-ветераном, которому происходящий в экспедиции бардак был «до фени», был «кум» Станислав Майоров, он же «Екарный Мамай», получивший пенсионное удостоверение и памятный адрес со стихами Дениса Доценко.

Сказать «прощай» пора настала.

Держись, Петрович! В звездный час

Ты не гляди, как дед, устало,

Ты взором бодрым радуй нас.

Как будто в годы молодые, люби соленый анекдот

И хоть виски - давно седые, трави и смейся круглый год.

Коль Пепен вспомнишь, смейся вольно, Вешкап - тихонько хохотни,

Кенын - с усмешкою довольной наливки ягодной глотни.

А если вспомнишь дом напротив (где дробят пробы ВЧГЭ

И где завлаб «уйти непротив»), то и до слез поржать не грех.

И тот Порожистый отряд- объект воистину забавный –

Поставь с рудою вместе в ряд биографично-станиславный.

Итак, прощай. Среди лесов, вдали от гор Чукотки снежной

Живи, слизая мед с усов, и вспоминай с улыбкой нежной

Все то, что нравилось тебе в геологической судьбе!

А чукотский богатырь Кирилл Пухов (Константин Сухов), составлявший лист Государственной геологической карты масштаба 1:1000000, и в шестьдесят два года не собирался уезжать на материк. «Здесь я - Пухов! А кем я буду там?» - снова изрекал он свою излюбленную фразу. В начале июня Денис пожелал старперу отменного здоровья и непроходящего веселия.

Добрый день, товарищ Пухов! С днем рожденья - это раз.

Во-вторых, Вам быть «под мухой» мы желаем каждый час.

Чтобы песня звонко пелась, чтоб работать не хотелось,

Чтобы солнышко пекло сквозь оконное стекло.

Лето у Дениса предстояло сложное - с небольшим полевым сезоном, последующим отпуском и лечением в Железноводске. В июне в семье Доценко произошло много важных событий, которые излагаются в хронологической последовательности. Закончив ЛГИ, стал инженером-гидрогеологом и устроился на работу в Анадырь старший сын Василий. Закончил Нырвакинотскую среднюю школу и уехал в Ленинград для поступления в ЛГИ младший сын Коля. Собачка Веснушка вылетела в поле с соседкой Верой Николаевой (Романовой). И, наконец, глава семейства Денис Иванович (Евгений Егорович), разругавшись с женой, отправился в поле. Об этом - подробнее.

Часть пятая

Индивидуальное творчество

Сезон – 89

Основным пунктом геологического задания Иультинского составительского отряда было расчленение терригенных отложений (осадочных пород) пермского и триасового возраста на толщи, свиты или подсвиты мощностью не более пятисот метров. Разделение должно было производиться по литологическим признакам (составу пород), а для определения возраста отложений, не содержащих остатков ископаемой фауны, намечался массовый отбор проб на спорово-пыльцевой (палеопалинологический) анализ.

27 июня в ожидании вертолета Денис вычистил подвал. В обед его супруга Ольга попросила оставить доверенность на получение июньской зарплаты. Денис решительно отказал - деньги нужны на отпуск. У Ольги случилась истерика со слезами, визгами, обычной женской руганью и мужскими матюками. Супруги перестали общаться. «Улететь бы завтра!» - думал Денис,

28 июня. Денис выглянул в окно - туман. Решив, что вертолета не будет, -одеваться по полевому он не стал, пошел на работу в обычной гражданской форме. С двумя пацанами-рабочими он перетащил в кабинет шкаф для образцов. Вдруг врывается Фантомас (лысый-яйцеголовый старший геолог ЦГПП Иван Козловский) и кричит: «Сейчас подъедет вахтовка, повезет вас на девяносто первый, там вертолет!»

Суматоха. Сборы. Погрузка. Перед посадкой на машину Денис заскочил в оформительскую, отдал Ольге доверенность на получение зарплаты за июнь (успел написать в последний момент).

- Не надо, - равнодушно произнесла жена. – Я передумала. Я в отпуск не поеду, гроши считать.

- Ничего, на картошке перебьемся, - успокоил ее Денис и уехал без прощального поцелуя.

Вертолет на девяносто первом километре Чукотской трассы, действительно, ждал геологов. Быстро перегрузив продукты и снаряжение из вахтовки, Денис направил вертушку по заранее намеченному рабочему маршруту с шестью посадками и отбором проб на радиологический анализ (для определения абсолютного возраста магматических пород) на междуречье Эквеватапа-Таурэрана. Заодно он сбросил и лабаз.

Заправляться вертолет полетел на Шмидт. Денис впервые увидел этот знаменитый поселок. Он поразил его однообразной простотой планировки, геометрической прямолинейностью улиц.

Одно-двухэтажные дома выстроились, как на параде, перед лицом его Величества Ледовитого Океана, вдоль береговой линии Чукотского моря и застыли по стойке «смирно!». По горизонту - белый лед, вдоль берега - полоска зеленой воды, по всему поселку и вокруг него - большие, блестящие под солнцем лужи. Далеко вперед, на север, выдвинут возвышенный мыс Шмидта, завершающийся скалистым утесом Кожевникова. Картина величественная, впечатляющая. Вот где чувствуется настоящее Заполярье! Сияет солнце, сияют льды, дует ледяной, пронизывающий ветер - разница с душной жаркой Амгуэмской впадиной потрясающая.

Шмидтовский аэропорт - военный, с бетонной взлетно-посадочной полосой, значительно лучше Залива Креста. Вертолетчики и геологи пообедали в аэропортовской столовой, попили черного как деготь, чая - такая здесь болотно-торфянистая вода.

На стоянку номер один в устье ручья Четырех Каньонов Денис с одним рабочим высадился в девять вечера. Место хорошее, погода отличная, много комаров. Первый маршрут был сделан на границу иультинской и амгуэмской свит (пермь-триас). Участок интереснейший, но, как и прошлым году, из головы геолога не выходят оставшиеся в поселке проблемы - предстоящие финансовые затруднения. Он посчитал: на сберкнижке у него ничего нет, значит, оплачивать билеты и жить пять месяцев на материке придется

только за счет отпускных, а это получается восемьдесят восемь рублей на человека в месяц, порог нищеты. А если Ольге вздумается еще что-то и покупать (а это неизбежно), тогда вообще полный завал. «Вот что значит не иметь накоплений. Караул!» - взвыл Денис и ударил молотком по песчанику с конкрециями.

Постепенно за работой мысли о финансовых неурядицах сменились геологическими построениями. Денис с головой ушел в изучение (зарисовки, описание) и опробование слоев осадочных пород флишевидной толщи (песчаников, алевролитов, глинистых и углисто-глинистых сланцев).

5 июля Денис перешел на вторую стоянку, к лабазной точке. Первая половина пути была приятной прогулкой (ровная сухая поверхность, встречный ветерок, отгоняющий комаров), вторая половина - мукой (жара, духота, болото, комарье, пацан заставил нервничать: пропал куда-то, пришлось орать и делать дымокур). На стоянке страсти улеглись. Палатки были поставлены на цветочной поляне между двух озер, для кольев использовались доски, найденные в тундре. Пацан, разбирая свой выюк, обнаружил, что во время перехода потерял сменную обувь - ботинки. Вместо них Денис выдал ему пробные мешки.

6 июля. Маршрут на виноградовскую точку с поздепермской пыльцой (истоки реки Койвэльвэгыргын). Точку Денис не нашел, зато сделал неплохой разрез на восточном склоне высоты 1026.9. Все маршруты до сих пор проходили нормально, с обеденным кассиопейным чаем.

7 июля задул сильнейший восточный ветер, небо затянуло злыми тучами, хлынул дождь, температура упала до +5 °С. Миллионы комаров, набившихся в палатку, замерли на стенах и потолке, образовав сплошной серый слой. Денис, забравшись в свой «полукукуль» - короткий, до плеч, спальный мешок, читал книгу Андрея Платонова «Избранное».

8 июля. Погода наладилась, маршруты возобновились, появился первый гриб - один на всю долину.

10 июля Денис возвратился на первую (основную) стоянку и обнаружил, что ведро со сливочным маслом (четыре килограмма), стоявшее в ручье, исчезло. Исчез и сам ручей. Денис прошел вниз по сухому валунисто-галечному руслу ручья вплоть до его устья, нашел ведро, а масло унесло образовавшимся после дождя мощным потоком в реку Койвэльвэгыргын и далее - в Чукотское море.

11 июля в 8-00 после недельного перерыва Денис вышел на связь с Центром и узнал от радистки о смерти матушки Аксины. Случилось это 4 июля 1989 года. Трагическое сообщение обрушилось на геолога с беспощадностью лавины, внутри у него похолодело, им овладело жуткое, как беспредельный черный Космос, состояние. «Не дождалась! Теперь мне некуда спешить...», - прошептал убитый горем полевик. Траурный маршрут проходил по ручью с символическим названием Кисмет. Денис, заглушая душевную боль, работал неистово, как в каменоломне. Он наколотил гору образцов - проб на спорово-пыльцевый анализ.

13 июля Денис имел две неприятности. Первая - разговор по рации со Свистоплясовым. ПБ сообщил: «С 1 по 31 июля у вас вводится суммированный учет рабочего времени». Что бы это значило? Денис не понял, но на всякий случай решил вести хронометраж, учет фактически отработанного времени. Вторая неприятность - во время маршрута на хребте пропал пацан. Денис как обычно в подобных случаях (а сколько их было с этими малолетками!) орал и жег сигнальный костер - дымокур. Через несколько часов паршивец явился. Оказывается, он поднялся на вершину вслед за Денисом, затем, прячась от ветра, самовольно спустился ниже, нашел затишек, прилег да и заснул.

14 июля. Маршруты завершены. Ночью был сильный ветер с дождем, упала радиомачта, вершины гор покрылись снегом. Одевшись по зимнему, Денис обозначил вертодром красными флажками, перетащил на площадку не мокнущие грузы и вечерней связью заказал вертолет для переброски на следующую стоянку. В ожидании вертушки

Денис камералил и собирал грибы, жарил их с картошкой и варил грибные супы. Пацан круглосуточно спал, просыпаясь только для принятия пищи и выброса продуктов ее переработки - кала и мочи.

17 июля в семь вечера прилетел вертолет, Денис встретился с группой старшего геолога Симы Козловской (сама Сима, рабочий-школьник и пес-пудель Артамон). Козловская работала самостоятельно, но по тому же проекту, что и Денис. Она изучала карбон, отбирая из его метаморфизованных морских отложений пробы на конодонты (челюстные останки древних рыб).

Маршруты на новой стоянке проходили в условиях высоких гор и неустойчивой погоды, под солнцем, ветром и дождем, то в бушлате, то в одной рубашке. С хребтов иногда приходилось съезжать на подошвах по снежникам, в эти моменты геологу становилось весело и приятно. В маршруте по ручью Решающему Денис со своим напарником прошел сквозь многолетний фирновый снежник мощностью двадцать метров по прохладному тоннелю длиной примерно пятьдесят метров, шириной десять-пятнадцать метров и высотой метров пять. От неровных, ямчато-раковистых стен исходило голубовато-глянцевое мерцание, у входа и выхода из тоннеля капала прозрачная ледяная вода. «Ой!» - взвизгнул пацан, когда капля упала ему за шиворот.

В долине этого ручья Денис изучил тектонический контакт карбона и перми. После обеда он отправил пацана с полным рюкзаком камней на стоянку, а сам продолжил маршрут по хребту, пытаясь расчленивать на пачки отложения иультинской свиты.

24 июля, как раз, когда намеченная программа полевых работ была выполнена, пошел камеральный дождь. Денис, весьма довольный содеянным, заказал вертолет на 27 июля. Именно в этот день над всей Чукоткой установилась тихая солнечная погода и вертолет прилетел! По пути в Нырвакинот Денис выполнил авиадесантные работы - совершил две посадки на вулканогенную туманинскую свиту, отобрал пробы на химический анализ. В аэропорту Дениса встретила вахтовка. Короткий полевой сезон, прошедший хоть и не «как по маслу» (оно уплыло), но в целом благополучно, был завершен.

Радость возвращения домой усугубилась известием о поступлении Коли в институт. Об этом Оля узнала, переговорив с сыном по телефону 29 числа. «В семье Доценко все в порядке, планы выполняются», - констатировал Денис, наполняясь гордостью за своих головастых сынов.

Второго августа произошло чудо - вылетев из Нырвакинота в Анадырь, Доценки сразу же попали на московский рейс ИЛ-62 и прибыли в аэропорт Домодедово. Погостив в Энгельсе, чукчи отправились на Северный Кавказ – лечится и учиться.

28 сентября Из Железноводска Денис съездил на экскурсию под Эльбрус. Красота и величие Центрального Кавказа в который раз поразили путешественника. Он, не отрывая глаз, смотрел на хребты и лесисто-скалистые склоны Баксанского ущелья, его восхитил горняцкий город Тырнауз и молибденовый рудник, расположенный на подоблачной высоте. Конечный пункт - Чегет, городок, расположенный в ущелье на высоте 2100 м над уровнем моря, среди сосен и елей, мечта туристов, альпинистов и горнолыжников. Еще выше – подъемник, кафе «Ай» (2750 м), вид на близкие (рукой подать) скалисто-снежные вершины Эльбруса (южный склон).

В Нырвакинот Доценки возвратились 14 ноября. Прибытие в родные пенаты они отметили польской водкой, вьетнамским ликером и «Славянским» вином. На дальнейшее пропитание, деньги пришлось занимать.

Не догуляв тридцать дней, Денис Доценко вышел на работу. И это было хорошо. Северная эпопея продолжалась. Пошли защиты полевых материалов, из которых Денис узнал, что основным достижением сезона-89 стало открытие Южно-Экугской полиметаллической зоны, сделанное геофизическим отрядом. Мощные и протяженные зоны сульфидной минерализации были вскрыты поверхностными горными выработками и буровыми скважинами. Практического интереса эти гидротермальные образования, увы! -

не представляли, потому что цветные металлы на Чукотке не отрабатывались, как нерентабельные. От начальника отряда Славы Затыко и старшего геолога Ивана Глухарева (Глухов Иван) ждали олова и золота, а они выдали свинец, закономерно-зонально обрамляющий Экугское оловорудное поле. «Чем богаты, тем и рады, не обессудьте, господа», - произнес на защите Иван.

Перед новым годом у Дениса Доценко всегда возникало много стихотворной работы, народ привык к его поздравлениям-пожеланиям и ждал их. Среди клиентов Дениса существовал круг лиц (в основном родственников и друзей) которых он приветствовал без принуждения, охотно. К материковским родичам в этом году добавился младший сын Коля, студент ЛГИ. Ему предстояла первая экзаменационная сессия. Денис напутствовал сына так:

Пусть грядущий Новый год лишь успехи принесет.
 Чтобы видели глаза, где верблюд, а где коза.
 Оправдались бы два уха, чтоб оценки - хоть куда,
 Чтобы сессия стипухой завершилась без труда.
 Радуй нас здоровьем, сын. Будь румян, как апельсин,
 Будь силен, как овцебык, тот, что в тундре жить привык.

В новогодней газете «За недра Чукотки» Денис подвел итоги трудовой деятельности экспедиции за прошедший год. Он отметил явное преимущество Западно-Чукотской (Анадырской – В.П.) экспедиции перед Восточно-Чукотской. Там сумели сделать, воскресить давно известное, но заброшенное месторождение эпитеpmального золота Валунистое. У ВЧГЭ в это сложное перестроечное, кризисно-разрушительное время козырей на руках не оказалось. Экуг, раздутый Польским, практической пользы никому не дал (Иультинский горно-обогатительный комбинат принимать его на свой баланс не захотел из-за мелкого касситерита, требующего иной технологии обогащения руд).

Петр Польский, как аскет, жал Экуг десятков лет.
 Не везет, увы, аскету - вес не взят, Экуга-нету!
 Не радовал Экспедицию и Иультин - Ленотапский отряд, «собирающий окурки».
 От старателей металл нам большой подмогой стал,
 Получили мы доход - из отбросов вездеход
 В поле мы собрать сумели и опробовали в деле.

Впервые в истории ЦГГП в камеральный период обанкротился один из сезонных отрядов - Ирвынейвеемский.

Ирвынейский наш отряд ничему уже не рад-
 Деньги слопал он досрочно! Удивляется Степан,
 Говорит: «Я знаю точно - кто потолще, тот и пан.
 Но куда ж девались гроши? Ведь состав у нас хороший,
 Все должно быть по уму... Ничего я не пойму!»

Зато у старшего геолога Козловского все было в порядке - он считал каждую копейку.

Козловский стал универсал - он даже карту чертит сам,
 Чтоб оформителям - ни цента, ни полрубля, ни полпроцента!

В полной растерянности и незнании будущего встречала экспедиция 1990-й год - год Лошади по восточному календарю.

Все мы лошади немного. Что сулит нам Новый год?
 Лишь разор от Духа Злого или прибыль и доход?
 Может, вывезет лошадка наш дубовый тарантас?
 Молим мы с улыбкой сладкой: «О, Пегас! Порадуй нас!»

Наиболее важным персонам были написаны персональные пожелания Начальнику экспедиции Умелину - прожить год Лошади так, чтобы въехать в 1991 год на белом коне.

Старшему инспектору отдела кадров Умелиной - сохранить кадры и полюбить их.

Главному геологу Зрякину - взять штурмом крепости, оставленные предшественниками в тылу геолого-разведочного фронта (Илирней, Амгень и др.). Взять и перестроить их так, чтобы они «заиграли».

Начальнику геолого-разведочного отдела Шувалову - отлить такого Золотого Тельца, которому и генеральный директор СВПО стал бы поклоняться, как древний иудей.

Начальнику Буровой партии Щукину – в мутной воде перестройки поймать золотую рыбку и попросить у нее Золотого Кита!

Начальнику гидрогеологического отряда Щукиной - воды! Воды! Побольше живой воды!

Начальнику ЦГГП Свистоплясову - организовать!

Старшему геологу ЦГГП Крюканову - довести стоимость одного квадратного километра съемки до тысячи рублей. Поймать жар-птицу - золотую руду школьного типа и подарить ее Зрякину.

Начальнику ПЭО Доржиеву - изобрести для экспедиции такую модель хозрасчета, чтобы даже соседи-капиталисты ахнули и сказали: «Ну, Дорж, ну дает! Нам бы такого экономиста!»

Начальнику отряда Тумкыргаву - устроиться в райком, играть руководящую роль, большой оклад получать, всех поучать и ни за что не отвечать.

Начальнику отряда Краге - наострить лыжи. Освоить там-там. Вовремя смыться за границу.

Геологу Глухареву - не быть Иванушкой-дурачком, вырваться в отпуск, удовлетворить потребности.

Старшему геологу Козловской - приобрести для поля Конька-горбунка и скатерть-самобранку.

Инженеру-строителю Тамаре Пупченко - не прерывать связи с Кашпировским, сбросить оставшийся вес, строить и не расстраиваться по пустякам.

Главному геофизику Баранову - сделать геофизику полезной.

В конце января Денис узнал, что его новогодние пожелания сыну Коле сбылись с точностью до наоборот - его за неуспеваемость из института выгнали. Это было страшное потрясение для всей семьи, такого результата зимней сессии никто не ожидал.

Сразу после этого пренеприятнейшего известия состоялись легкие, веселые проводы на материк заслуженного ветерана Колымы и Чукотки, Трижды орденосного геолога Кирилла Пухова - он решил, наконец, последовать за женой, покинуть привычное наезженное место и попробовать жить на пенсию и огород под городом Смоленском.

Закончен труд, завещанный от Бога –

Готов к изданию миллионный лист.

Прощай, Чукотка! На Смоленск дорога –

Все правильно, и ты предельно чист.

Как мавр тот самый, сделав свое дело,
На отдых честно можешь уходить.
Здоровый духом и могучий телом,
Туристом вольным будешь ты бродить

По всей Земле, по всей Руси Великой,
Среди полей, долин, лесов и гор
И наслаждаться жизнью многоликой,
И ощущать свободу и простор.

На материк возьми воспоминанья:
Экиатап, Колючинский отряд,

Нырвакинот, ЦГГП, собранья,
И остров Врангеля, и лиц знакомых ряд.

Тауреран, Тьяут, Амгуэму,
И Керкергин, и Тынкургин-пильхин...
Для мемуаров неплохая тема,
В ней все сплелось - и проза, и стихи.

Сергеевич! На берегах днепровских
Не забывай родной Залив Креста,
Встречай отпускников нырвакинотских,
Будь беззаботен и живи до ста!

Второго февраля 1990 года Пухов покинул Нырвакинот, было ему полных шестьдесят два года - для чукотских действующих геологов это был рекордный возраст. А через некоторое время возвратился в Нырвакинот из Ленинграда позорник Коля, начал готовиться к повторной сдаче приемных экзаменов в ЛГИ. Из студента он снова превратился в абитуриента.

В МЖД-90 Денис, надеясь на хорошее угощение, поздравил жену с праздником от имени двух мужиков - себя и сына.

Маму Олю поздравляем, перед ней хвостом виляем,
Смотрим преданно в глаза и желаем ей сказать,
Что ее мы уважаем, что пред ней хвостом виляем,
Что для нас она всегда - путеводная звезда!

Для дочери Кати Денис сочинил такие стишки.
Нашу Катеньку-снежинку, наш бутончик озорной
Поздравляем, поздравляем с женской праздничной весной.
Будь спокойненькой, не злись, на пятерочки учись,
Коле-пню не подражай, папу-маму уважай.

А «пень-Коля», по настоянию родителей (сам очень не хотел), устроился на работу грузчиком в Смешторг. На складах он загружал в машину различные продукты и развозил их по магазинам. Недели две все шло нормально, Коля уставал, да и только, но потом произошел несчастный случай - слабосильный грузчик уронил тяжеленную скользкую тушу яка на свою левую ногу, расплющил большой палец и ушел (ухромал) на больничный. Палец посинел, почернел, вздулся, ноготь слез - таков основной результат кратковременной трудовой деятельности несостоявшегося студента и рабочего.

И, наконец, последнее событие зимы - День геолога. Денис написал короткую стихотворную сказку-пьеску, основанную на реальных фактах. В некоем царстве, в некоем государстве заболела принцесса ВЧГЭшка. Собрался консилиум целителей.

Царь Циклоп:
Дочь моя давно больна - тут геологов вина.
Отыщите панацею - вот заказ Иультина.
Надо, надо, розэнбаи, вам спасти ее таки!
А иначе порубаю ваши ху на пятаки!

Дремучий народный лекарь Небаба:
Вот решение моё - предлагаю мумиё.
Нету лучшего лекарства для принцессы...
Циклоп: Ё-моё!
Что придумал, Карабас! Девку мы поднимем враз.

Ну а если врежет дуба - эскулапу выбью глаз!

Иезуит Перезвон:

У нее живот болит? Ей поможет цеолит.

Ну а если не поможет, пустим в дело тремолит.

Аксинит хорош для дела - лечит душу он и тело.

Циклоп: В этом тоже есть резон. Но смотри же, Перезвон!

Ошибешься - прогоню, в землю по уши вгоню!

Главный жрец и звездочет Зряка:

Надо кварцевую крошку ей давать за ложкой ложку

И от кварцевой еды станет дочка хоть куды.

Только чистым должен быть этот кварц...

Циклоп: Но где добыть?

Чистый кварц возьмешь ты где?

Зряка: На Чукотке он везде.

Лекарь-монах Некрас:

Кварц - чистейшая мура! Надо двигать мрамора.

Для надгробий камни эти заготовливать пора.

Циклоп: Ай да лекарь! Молодец! Выход найден наконец.

Есть еще какие мненья?

Перезвон: Есть! Лечебный холодец

Из тантало-ниобатов с легкой примесью нитратов.

Можно рений подложить - будет, будет дочка жить!

Хор придворных:

Все Перезонов да Перезонов по всей Чукотке шляется.

Все что-то ищет и не находит, а ВЧГЭшка мается.

А вот соседи - те как бароны, у них семья здоровая.

Эх, помогли бы нам Перезвоны, чтоб жизнь настала новая.

Циклоп: А где же псевдодоктора? Где Цукин и компашка?

У них трудов уже гора, но дело - не бумажка! Где академики?!

Зрякин: Их нету.

Циклоп: Привлечь бездельников к ответу!

Прямого триста - не пустяк! Где ж результаты, маттихтак!

Оптимист Польский:

Есть один рецепт простой - это корень золотой,

На Туманном он закопан под вершиною крутой.

Циклоп: этот Веника Туман не похож ли на обман?

Не туфта ль очередная нам ложится на карман?

Польский:

Нет. На золоте туманном создадим такой бальзам!

ВЧГЭшка заиграет - не поверите глазам!

Циклоп: Хорошо бы не фуфло, на душе бы отлегло.

Дай нам черт, чтоб это зелье ВЧГЭшке помогло.

Итак, единственной (и последней) надеждой для спасения экспедиции от краха стало золоторудное месторождение Туманное, перспективы которого, определенные Веником, Петр Польский лихо пересмотрел и теоретически увеличил за счет флангов и глубины.

Начальству некуда было деваться - оно поверило Петру. На Туманном возобновились буровые работы, керн опробовался под непосредственным наблюдением старшего геолога. По уверенности в своей звезде и деловой активности рудный геолог Польский смахивал на россыпника Руденко. Но у того борьба завершилась полной победой, а у Пети пока чаша весов колебалась в зависимости от содержания золота и мощности рудных тел.

В конце апреля экспедицию покинула инспектор отдела кадров Эльза Кандырина – Заноза со своей семьей (муж, дочь и собака) последнее живое воспоминание о легендарном папе Ка.

Двадцать лет! Кадришь устала в экспедиции родной.
Уходить пора настала - нет причины ни одной
Чтобы дальше мерзнуть тут. Где-то ведь сады цветут!
Исполняется мечта - ждет тебя твоя Чита,
Елки-палки, лес зеленый, воздух, солнцем напоенный,
Витамины-огурцы - вечной бодрости творцы.
Снарядив в дорогу Машу, Станислава не забудь,
Зельду тоже (радость вашу) и - на юг, в счастливый путь!

Счастливого пути пожелал Денис и своим женщинам - Оле и Кате, улетевшим на курорт «Талая», что в Магаданской области, на Колыме

29 апреля в экспедиции происходила массовая раздача медалей «Ветеран труда» всем сотрудникам, проработавшим на Севере более пятнадцати лет. В число награжденных, несмотря на все свои прегрешения, попал и Денис Доценко, начальник Иультинского составительского отряда. Вручал награды «от имени и по поручению» новый зам-нач-по-хч Георгий Тынский, секретарь парткома ВЧГЭ, усатый красавец-мужчина, примерный семьянин, предмет гордости своей жены Любы и тайный любовник ее подруги Зои Щукиной. Торжественным и серьезным был Жора на этой процедуре.

Случилось так, что в этот же знаменательный день из Анадыря прилетел Вася, и Денис, с двумя взрослыми сыновьями-гигантами, обмыл свою заслуженную медаль (пили ликеры). Затем была маевка, шашлыки, проводы Васи, лыжные прогулки, День победы. Для Дениса праздники закончились плачевно - почечными болями (обострение хронического пиелонефрита). Провалившись в больнице десять дней, Денис встретил жену и дочь, возвратившихся с курорта. Быт налачился, предполетная подготовка продолжалась.

В свободное от работы время Денис занимался художественной обработкой мягких поделочных камней, это было его новое хобби, в экспедиции доселе неизвестное. Однако подходящего каменного материала у него было мало, поэтому в середине июня он совершил вместе с Колей поход на Матачингай за серпентинитами. Маршрут был чрезвычайно тяжелым, но интересным и результативным. Доценки, преодолев более пятидесяти километров туда и обратно, приволокли два полных рюкзака поделочных камней.

Оказав батьке столь существенную помощь, хронический абитуриент Коля вылетел в Ленинград для повторной сдачи вступительных экзаменов в горный институт. Ему вдогонку, поздравляя с восемнадцатилетием, Денис отправил телеграмму: «Всё, созрел, пора за дело, хватит весело глупить, поздравляем днем рожденья и желаем поступить! получай лишь только пять, чтоб не выгнали опять».

На этом связь Дениса с семьей и цивилизацией завершилась - девятого июля он вылетел в поле. С ним отправился один рабочий-студент Шурик.

ЦИКЛ – XI (1990 – 1992)

Первый участок полевых работ располагался на побережье, Чукотского моря, в пустынной долине реки Этьыквын. Отсюда Денис сделал дальний выход на Вывыткар (за двадцать километров). По дороге туда маршрутчики встретили трех оленей и поприветствовали их. В долине Вывыткара перед ними предстала изумительная по красоте цветочная поляна - в яркой зелени травы густая вкрапленность голубых незабудок, оранжевых ромашек, сиреневых и синих цветов. Пестрый красочный ковер, созданный волшебницей-природою под сумрачным заполярным небом и мелким

дождиком, обрадовал Дениса. «Неплохое начало», - подумал он, вдыхая нежный аромат очаровательных незабудок.

Во втором маршруте, начатом прямо от палатки, точнее, от снежника, в котором было зарыто сливочное масло, Денис с вершины горы видел свободное ото льда Чукотское море, окрестности поселка Мыс Шмидта, громадные серебристые локаторы на горизонте. В третьем маршруте на гору Этакунь, где выходят пермские отложения этакуньской (иультинской) свиты, геологов засек Ледовитый океан и послал им привет - ледяной ветер и низкие черные тучи. Свалившись в долину, маршрутчики сделали чай. Маленький костерок из кассиопеи согревал только руки, студент дрожал и клацал зубами, наматывая сопли на кулак. Возвратившись на стоянку, Денис увидел, что северный ветер завалил палатку набок и все вещи промокли. Подняв палатку и укрепив растяжки дополнительными камнями, Денис переделался, утеплился, дописал маршрут, сварил кашу со свиной, сам наелся и павшего духом, как мерзлая муха, студента Шурика накормил, в кукуль уложил - спи, родимый. Перед сном Шурик долго, как красна девица, смотрелся в зеркало, любовался собой.

Дождь сменился мокрым снегом. К вечеру стихло. Пошел Денис за маслом и обнаружил, что масла нет, три килограмма прекрасного свежего сливочного масла, зарытого в снег, исчезло! Следы свидетельствовали о том, что масло утащил медведь. «Да что же это такое! Что за напасть! Третий сезон теряю масло!» - завопил убитый горем геолог. Поднявшись на террасу по следам косолапого вора, Денис нашел сумку из-под масла и насобирав в нее грибов - очень слабое утешение...

Утром, собравшись в маршрут, Денис вышел из палатки и остановился в ожидании Шурика. А того все нет и нет. Заглянул он в палатку и видит - Шурик стоит и любуется собой в зеркало, никак налюбоваться не может, до того хорош! Нарцисс, да и только! А точнее - жених, у него на двадцатое сентября назначена регистрация, вот он и следит за собой, проверяет, годен ли для такого дела. А морда-то бельмасто-красная, картофельно-рязанская, кирпича просит...

- Ну ты чего? - крикнул Денис нетерпеливо. - Пошли!

Прошагав с километр, Денис оглянулся и замер, пораженный - Шурика сзади нет, он только от палатки отходит, движется солидно, неспеша.

Маршрут получился удачным - Денис обнаружил, наконец, убедительную этакуньскую свиту (со множеством растительного детрита) и ее границу с амгуэмской свитой, отобрал по разрезу множество образцов-проб на спорово-пыльцевой анализ. Студента Шурика, работающего конем-тяжеловозом, Денис загрузил камнями по максимуму. По пути к стоянке конь Шурик сильно отстал, болотисто-чавкающая тундра, которую как известно, нахваливают только кулики, давалась ему с трудом.

Весь следующий день шел дождь, Денис камералил, Шурик отдыхал и смотрелся в зеркало. Мимо палатки вверх по руслу Этъыквына проехал грузовик из Шмидта. Жилище геологов водителя не за интересовало. А Денис подумал - надо будет отправить с ним текст телеграммы в центр экспедиции: «У меня все в порядке но по рации ничего не слышу вертолет жду двадцать пятого».

В маршрут Шурик взял с собой зеркало поменьше (у него был целый набор зеркал) и теперь, когда Денис рассматривал камни и описывал их в полевой книжке, он не скучал - любовался красотой своих мордас.

16 июля температура воздуха составляла около нуля, а с неба сыпался дождеснег. Студент, как евраган в нору, забился в кукуль, а Денис, напялив на себя ватные штаны, шерстяные носки, свитер и куртку, продолжал камераливать (поднимать тушью маршруты на карте и аэрофотоснимках). После обеда геолог затащил в палатку пустую лабазную бочку, поставил в нее два горящих примуса, просушил сапоги, портянки и носки.

18 июля потеплело, появились комары, да в таком количестве, что Денис вынужден был намазаться дэтой, в маршрутах было даже жарко, но Денис теплую куртку из рюкзака не выбрасывал, «знаем мы эту Чукотку, - бормотал он, - в любой момент может

разразиться пурга». Однажды геологи встретили трех озорных оленей, спасавшихся на снежнике от комаров. Олешки то подходили к людям метров на тридцать и внимательно их рассматривали, то убегали подальше и снова возвращались. Еще двое животных - важенка и олененок - пересекли долину Этаквына и исчезли в голубовато-зеленых просторах тундры.

Старый геолог Доценко чувствовал себя прекрасно, а чечако Шурику, молодому красавцу богатырю, перворазряднику по гиревому спорту, стало совсем худо. Головка у него закружилась, ножки подкосились и он грохнулся на кочкоту всем своим могучим тренированным телом. Отдохнув в позиции «лежа», «конь» встал, попил воды, поблевал и потихоньку, спотыкаясь, поплелся на стоянку. Тут он долго-долго вглядывался в зеркало, изучая милые черты, проверяя, ни исказились ли они от тяжелой работы.

Мимо палатки каждый день проезжали грузовые автомобили и гусеничные вездеходы - близость поселка постоянно давала о себе знать. 22 июля после двухдневных туманов и дождей снова установилась солнечная погода с легким южным ветерком. В конце маршрута, на последней точке наблюдения, где Денис пытался повторить сборы раннетриасовой фауны, сделанные шмидтовскими геологами, случилось солнечное затмение. Продолжалось оно в течение часа с максимумом в 16-00. Ощущение у Дениса было жутковатое, он воспринял затмение как признак надвигающейся катастрофы, как приближающийся конец света. Эффект этого космического явления усиливался его неожиданностью, пустынностью ландшафта, полным одиночеством геолога, застигнутого врасплох.

Рация на прием не работала. 23 июля, надеясь, что она работает на передачу, Денис проорал в эфир, передал блиндром: «Вертолет жду двадцать четвертого!» Три дня после этого погода стояла «люкс», Денис, возвращаясь из маршрутов, собирал грибы, щавель и лук, дома варил зеленые щи с грибами и свежей картошкой и тушенкой и был счастлив.

26 июля вечером к палатке подъехали на мотоциклах два шмидтовца-грибника. Денис попросил их передать телеграмму: «Нырвакинот экспедиция Свистоплясову жду вертолет. Доценко»

29 июля - безоблачно и тихо. Денис рассыпал на клеенку грибы - пусть сушатся. В седьмом часу вечера загудело. «Неужели вертолет? Так поздно? Шмидтовский, наверно», - всполошился Денис. Глянул на звук - точно, летит с северо-запада, со стороны Шмидта, но снижается и идет на посадку! Денис бросился спасать грибы, быстро-быстро сгребая их в кучки и запихивая в пробные мешки. Вертолет садится! Да так близко, что палатка вздулась пузырем, сорвалась и улетела! Все, что было внутри, попадало, покатилося, полетело - чай, сгущенка, сапоги, портянки, зубная щетка, кукули...

Заметив такой разгром, вертолет испуганно подпрыгнул и приземлился подальше, на специально приготовленной для него площадке с красными флажками. Денис в бешенстве! Из вертолета выскочили двое - Свистоплясов и Крюканов.

- Бандиты! - встретил их Денис. - Вы зачем палатку сорвали? Подошли пилоты.

- Что же вы делаете, черти? Кто ж так садится? - продолжал бушевать разъяренный полевик.

- Не кричи! Мы нервные! - ответил первый пилот. - День сегодня такой, неудачный. Показывать надо, куда садиться.

- Как куда? А флажки для чего? Не видно сверху, что ли?

- Ну ладно, ладно, кашка есть? С утра ничего не ели, подвело.

- Садитесь вот сюда. Кашки нет, но есть суп, чудом уцелел, на земле кастрюля стояла. А чай был на примусе, его вы, извините, опрокинули.

Пока пилоты хлебали суп, Денис, Шурик, ПБ и Саня Крюканов в темпе таскали вещи, загружали вертолет.

- Почему вы так поздно прилетели? Почему с той стороны?

- Заблудились, - буркнул ПБ.

В вертолете Денис отдал Свистоплясову свою безмолвную радиостанцию и получил от него взамен новую рацию, проверенную, говорящую. ПБ сообщил, что переданная «блиндом» радиограмма, сигнал вопиющего в пустыне, все-таки была услышана, о заказе вертолета на двадцать четвертое начальник знал, поэтому и прилетел... двадцать девятого. Все путем, все по уму.

На берегу Эмувеема Денис разгрузился в восемь вечера. К полуночи лагерь был оборудован и счастливые полевики залезли в кукули. На второй стоянке солнечная погода радовала Дениса целую неделю и он непрерывно ходил в маршруты, изучал коренные выходы осадочных пород в береговых уступах реки Эмувеем и ее протоков, составлял разрез новой - эмувеемской толщи, содержащей раковины флагрин. Возвращаясь на стоянку, он собирал грибы и рвал щавель. На одном из обрывов Денис видел кречета. Настроение у геолога было превосходное – работа шла успешно и сын Коля не подкачал - снова поступил в Ленинградский горный институт (сообщение по радиации от первого августа).

Пятого августа подул холодный северный ветер, нагнал дождевых облаков. Грибов в тундре было несметное количество. Денис их сушил и мариновал в больших стеклянных банках. Конь Шурик в промежутках между перевозками образцов и проб спал, курил, читал, писал дневник с зарисовками и, конечно же, подолгу смотрелся в зеркало. Когда ему надоедало лежать и наслаждаться зеркальным отражением своего прекрасного образа, он ходил на заброшенное чукотское стойбище и таскал оттуда олени рога и предметы быта пастухов-оленевонов. Шурик притащил фонарь, насос, фарфоровые блюда, пассатижи, веревку, напильник, бинокль, спиннинг, топорик, очки, радиоприемник.

Десятого августа погода выдалась нелетная (низкая облачность). Сварив бурозеленые щавельно-грибные щи и утолив голод, Денис принялся за камералку. Тринадцатого состоялся разговор по радиации со Свистоплясовым.

ПБ - Свет-23, что имеете?

Денис - Имею претензию.

ПБ - Не понял юмора. Кто слышит, что он говорит? Продублируйте.

Мошка-3 - Свет-23, выражайтесь яснее.

Денис (орет громко и четко) - И-ме-ю ад-ну пре-тен-зи-ю! Почему не присылаете вертолет? Почему нет вертолета?

ПБ - Раньше не было погоды. В воскресенье планировали, но Шмидт на вашу территорию погоду не дал.

Денис - Отто Юльевич? А он откуда знает, какая у меня погода? Было два летных дня! ПБ - Ждите! Связи конец!

Отговорившись, Денис пошел за грибами, насобирав подберезовиков (тундровиков) и груздей, замариновал еще одну банку. Вечером пятнадцатого августа он прогулялся на чукотское стойбище. Оказалось, что рядом с ярангами был и кораль - загон для оленей при осеннем забое. Денис притащил на свою стоянку огромные ветвистые рога (не устоял-таки от соблазна, уподобился студенту), большой эмалированный таз, еще один насос и еще один топорик. Хотел взять еще две канистры, да рук не хватило. Бережливо-хозяйственный геолог не мог понять - почему чукчи бросили все это добро?

У студента уже трое рогов! Эту экзотику он намерен везти в Ташкент. Бедный Шурик, как он намучается с таким негабаритно - разлапистым багажом! И сам изведется, и всех пассажиров аэрофлота перебодает.

Ужин в этот вечер был оригинальный. Из-за отсутствия сковородки Денис приготовил пищу в трофейном тазу. Он нажарил чукотских грибов с амурской картошкой на кипрском оливковом масле. Сидя, как монголы, на полу, геологи пожирали жареху, черпая ее ложками из таза и посмеиваясь. «Вот бы сфотографировать», - помечтал Шурик. Набив животы до пузырястого звона, полевики намазали на галеты новозеландское сливочное масло и польский конфитюр и принялись с наслаждением пить ароматный

индийский чай. Зетем была спидольная музыка по «маяку» и сладкий сон под ласковое журчанье речки. Не жизнь, а малина...

17 августа в полдень неожиданно нагрянул вертолет, сорвал палатку. Но грузились геологи спокойно, пилоты их не торопили и не нервничали - они разбрелись по тундре в поисках грибов. Во время погрузки Денис спохватился - а где часы? Часов нигде нет, пропали. Как ни досадно, а лететь придется без них и определять время на третьей стоянке по спидоле, солнцу и желудку. Вот только как ухитриться точно по расписанию выходить на связь? Н-да, проблема. Денис отправил записку жене: «Оля, следующим рейсом вышли часы, старые потеряны во время перелета, а у студента их сроду не было».

Вторая неприятная неожиданность - в намеченном для стоянки месте не оказалось воды - ручей высох. Пришлось сходу, экспромтом выбирать, летая кругами, новую площадку. Сели на полого-бугристый склон морены, недалеко от озера, воду придется таскать ведром. А озеро богатое, рыбное, рыба так и плещет и ходит косяками, дразнит полевиков. Установив палатку, Денис решил немедленно снарядить спиннинг и выловить на ужин пару хвостов. Тут возникла третья неприятность - геолог обнаружил, что забыл блесна и крючки дома, в Нырвакиноте, а, следовательно, от рыбалки в этом сезоне придется отказаться вообще.

«Ладно, теперь надо установить рацию», - пробормотал удрученный Денис и, вытащив ее из футляра, ахнул - на дне коробки лежали его часы! Слава Богу! Значит, когда вертолетным ветром сорвало палатку, часы, лежавшие на кукуле, сдуло прямо в футляр, Денис сунул туда рацию и застегнул крышку. И вот они, родимые, нашлись, сверкают позолотой, тикают-такают-идут, показывают время! «Ура! Живем!» - завопил геолог и поцеловал часики. Настроение у него сразу улучшилось. «Хрен с ней, с рыбой, пусть себе плавает, радуется жизни, а нам достаточно и камбалы в томатном соусе, правильно я говорю, а, Шурик?» «Да ну ее»- буркнул студент, рассматривая в зеркале прыщ на подбородке. Консервированную камбалу почему-то совсем не ест, боится, видимо, отравиться накануне свадьбы или потерять румяный цвет лица, что еще хуже. Денис сознавал, что придется ему самому пожирать свой подотчет, силой Шурика не заставишь.

Окончательно успокоившись, Денис прочитал письма от жены и детей. Затем он с удовольствием отведал содержимое посылки (огурцы, помидоры, яблоки, халву, хлеб) и, разумеется, угостил своего верного коня. А бедному Шурику ничего ни от невесты, ни от матери нету, поэтому он впал в глубочайшее уныние, сопровождающееся головной болью и тошнотой.

12 августа состоялся супермаршрут на гору Останец (1285,3 м), протяженностью двадцать километров. Цель - составление интрузивного разреза по Тауреранскому массиву. Условия при восхождении были жуткие - туман, дождь и ветер, видимость порой не более десяти метров, ноги скользят по мокрым гранитным глыбам и скалам. На крутом опасном спуске бедный конь Шурик раз за разом падал, больно ударяясь о камни, хныкал и скулил - тяжеленный рюкзак валил его с ног. Маршрутчики промокли насквозь и дико, до дрожи в коленях, устали, причем круп студента украсил огромный синяк, а у Дениса от ледяной родниковой воды и общего охлаждения разболелся зуб.

Следующий маршрут Денис выполнял в одиночку, оставив Шурика отдыхать. Он осмотрел обнажения мраморизованных известняков, в которых Кирилл Пухов двадцать семь лет назад якобы видел что-то похожее на кораллы. Денис никаких органических остатков не обнаружил - с поисками фауны ему никогда не везло.

Утром по рации, прослушав разговор Степана Небабы с Центром, Денис узнал, что Генриха Козина вывезли с поля санрейсом и сделали в Анадыре операцию по удалению желчного пузыря. И еще новость - вездеходчик Мясоедов нашел в тундре труп бурового мастера Мартынова, пропавшего два года назад, а чукчи - скелет тракториста Ивана.

В последующие ненастные дни Денис, выполнив запланированные маршруты, собирал голубику, ходил за пять километров в её заросли на берегу Эквиватапа. Затарив

восемь литров голубики с сахаром в стеклянные банки и упаковав их в ящик, Денис произнес: «Ну вот, теперь можно и авиатранспорт вызывать». Он отправил Свистоплясову радиogramму: «Двадцать пятого жду вертолет». Ожидать вертушку, сидя в палатке как ленивый студент, Денис не мог. Он сбегал на контакт гранитов и гранодиоритов, набрал кучу образцов, но описать разрез не успел.

25 августа в полдень Денис услышал по рации тихий Галин голосок: «Свет-23, вам может быть вертолет». Действительно, как в воду глядела - через десять минут загудело, низко летящий вертолет просвистел над палаткой и понесся дальше, по долине Эквиватапа. Проводив шальную дурмашину взглядом и тяжело вздохнув Денис снова поплелся на известняки, фауну искать. Такую безнадежную работу можно делать бесконечно.

Ночью двадцать седьмого боковой ураганный ветер завалил шестиместную палатку геологов. Выбравшись из кукуля, Денис восстановил ее, добавил камней на растяжки, воздвиг посредине третью стойку и снова забрался в спальный мешок. Студент за все это время даже не шелохнулся - спал в кукуле, причмокивая толстыми губами. Видимо, ему снился сладострастный сон - поцелуй невесты. Днем выпал первый снег, твердокаменная лысая макушка горы Останец накрылась белой мягкой тюбетейкой.

В последние дни августа и начале сентября Денис делал вылазки в тундру и на склоны гор, собирал урожай. Ягоды смотрелись как россыпи драгоценных камней-самоцветов на желто-зеленом мохово-лиственном ковре. Голубая и синяя голубика напоминала сапфиры, ярко-красная брусника - рубины, черная шикша - морионы. Собирая все ягоды вместе, Денис создавал изумительное ассорти.

Участки, отработанные с трех стоянок, Денис охарактеризовал так: первый (Этьыквын) - детритно-луковый, второй (Эмувеем) - флагринно-грибной, третий (Эквиватап) - гранитно-голубично-брусничный.

С пятого по седьмое сентября валил мокрый снег, покрывший горы и долины равномерным плотным слоем. Восьмого сентября, после пятнадцатидневного ожидания, прилетел-таки вертолет и перебросил-таки Дениса на последнюю, четвертую (снежную) стоянку. Палатку пришлось ставить прямо на снег. Снова были письма из дому и посылка со свежим луком и яблоками. Денис положил фрукты на снег и вспомнил песню: «Яблоки на снегу, розовые на белом...»

9 сентября маршрут начался в густом тумане. Путеводная нить - русло ручья. Геологи шли по склону долины, сплошь покрытому снегом, с редкими черными выходами обломков горных пород. К полудню прояснилось, Денис нашел хорошее коренное обнажение карбонных известняков, изучил их границу с глинистыми сланцами иультинской свиты. Задача была решена.

10 сентября - ясно, солнце, мороз и ледяной северный ветер. На заснеженных склонах и гребнях водоразделов Денис тщетно искал гипотетические серпентиниты, которые якобы двадцать лет назад наблюдал на контакте карбона и перми Евгений Виноградов. Возвращаясь домой, Денис увидел на снегу следы лисы и росомахи (последняя подходила прямо к палатке).

И вот, наконец, завершающий маршрут! Ура! Сезон закончен! 13 сентября, в полдень, Дениса и его полевого коня, то есть, студента Шурика, вывезли в Нырвакинот. Геологическое задание Иультинского составительского отряда было выполнено по всем пунктам. Глава домашнего техсовета Ольга Николаевна Доценко за большое количество и высокое качество даров тундры поставила мужу оценку «пять».

Первое задание, которое получил Денис в экспедиции, исходило от Карамбы. Она заказала стихи для Тамары Пупченко, достигшей пятидесятилетнего расцвета.

Что для женщины года? Лишь нарядов смена.

Ты прекрасна, как всегда, ты - без перемены.

Ты отнюдь не лишена божеского дара,

Ты талантами полна, Пупченко Тамара!

Как Марина ты в стихах, как Людмила в песне,
А с улыбкой на устах, как заря, прелестна.
Ты повсюду хороша, поэтесса Тома.
У тебя поет душа на работе, дома.
«Юбилейную» любя (нам иной не нужно)
Мы бокалы за тебя поднимаем дружно!

Пояснения: Марина - это поэтесса Цветаева, Людмила - певица Зыкина, «Юбилейная» - водка.

Сразу после этого события главный геолог Зрякин, получивший указивку из СВПГО, направил Дениса в Магадан, на семинар по тектонике и минералогии Северо-Востока. Как Денис ни упирался, а ехать пришлось. Старший геолог Туманной поисково-разведочной партии Петр Польский нежелательную поездку еще больше омрачил - навязал Денису пробы на золото, которые нужно было передать в ЦХЛ (Центральную химическую лабораторию). Вместе с Денисом 12 октября 1990 года в Анадырь вылетели закадычные враги Саня Крюканов и Серега Крага. Они направлялись в Хабаровск на совместную защиту отчета в высшей регионально-геологической инстанции - ДВИМСе.

Из аэропорта Денис пытался дозвониться до сына Васи, да, видимо, перепутал номер телефона и у него ничего не вышло (он вообще очень не любил телефонить). А рядом звонил какой-то другой мужик, неожиданно назвавший фамилию Васиного начальника.

- Вы звоните Жарову? - спросил Денис.

- Нет, я сам Жаров.

- Да? Вот здорово! А Васю Доценко знаете?

- Знаю.

- Я его отец. Не могу дозвониться. Мне надо передать ему рюкзак с теплыми вещами.

- Я лечу на вертолете в Анадырь в четыре часа, возьму вашу передачу. С сыном хотите поговорить?

- Конечно!

Жаров набрал правильный номер, позвал Васю и Денис, волнуясь и потев, с ним оживленно побеседовал.

Первую ночь Денис, по старой привычке, переночевал на скамье в зале ожидания аэропорта. Здесь и обнаружил его сын, приехавший из Анадыря. Зарегистрировав билет в Магадан на воскресенье четырнадцатого, Денис и Вася уехали в поселок Шахтерский, на хату буровиков ТИСИЗа, где и заночевали. Вася сухо кашлял, у него был явный бронхит, с ним он собирался лететь в командировку в Певек. Денис посоветовал ему этого не делать, а идти к врачу и начинать лечиться. Вася папу послушался, на вертолете вернулся в Анадырь, а Денис улетел в Магадан.

Место в гостинице СВПГО на набережной речки Магаданки для дорогого чукотского представителя было забронировано и он занял его. Семинар проводился в здании Политпросвещения, докладов было множество, по всем регионам. Доктора и кандидаты ГМН и простые, неостепененные геологи и геофизики - мобилисты полностью отвергали-опровергали принятую ранее в Советском Союзе геосинклинальную теорию генезиса и развития земной коры (вертикальные движения), смело ее критиковали - переостроечная свобода мышления и плюрализм позволяли делать это. Сторонников этой устаревшей теории, - фиксистов, - они разносили в пух и прах. Мобилисты рассматривали геологическое строение Северо-Востока Азии с точки зрения запрещенной ранее «буржуазной» теории Вегенера (горизонтальные движения континентов), давно принятой в западной Европе и Америке. Они приняли на веру и внедрили в советскую геологию тектонику плит. Они сыпали специальными терминами, незнакомыми Денису. Тем не менее слушать доклады старому геологу было интересно, он добросовестно посещал все занятия и даже писал конспекты.

На третий день семинара, вечером, Денис встретился с институтским товарищем, колымским геологом-россыпником, которого не видел почти тридцать лет. Это было чрезвычайно интересно, выпускники НПИ 1961 года узнали друг друга сразу. Они просидели на кухне у Толика почти всю ночь, выпили всю его талонную водку, выкурили все сигареты и переключились на кофе. В шесть утра Кирс вывел на прогулку свою собаку и Денис распрощался с ним.

Пригласил Дениса в гости и бывший нырвакиннотец, сосед по лестничной площадке, начальник гидрогеологического отряда Полукружкин, ранее крепко пивший, а теперь, к сожалению, полностью излечившийся от этого пагубного удовольствия. Его много натерпевшаяся жена - молдаванка достигла, наконец, женского счастья. Она накормила мужиков вкуснейшими жареными цыплятами, напоила кофе с пирожными. Лева сиял: и на работе, и дома, всё у него - О'Кей!

Узнав от Полукружина новый адрес Блямберга, Денис в последний магаданский вечер решил его навестить. Он долго бродил среди новостроек улицы Якутской, да так нужного ему номера дома не нашел. Когда совсем стемнело чукча поиски прекратил и по пути в гостиницу зашел в бичиное кафе, где на ужин выдавали стакан портвейна. Простояв в очереди за вином два часа, Денис упросил буфетчицу продать ему три стакана, сел за стол и выпил их, закусывая хлебом. Прощай, грустный Магадан!

24 октября Денис покинул колымскую столицу. Голова его была забита мобилистскими терминами - террейнами, субдукциями, контракциями, аккрециями, коллизиями, спредингами, рифтингами, чешуями, меланжами и зонами Беньёфа. Так Денис Доценко ни с того, ни с сего, без всякой причины и пользы производству стал первым и последним мобилистом ВЧГЭ. Полученные знания ему были не нужны, потому что окончательная опорная легенда Госгеолкарты-50 строилась по геосинклинальному принципу.

Новый 1991 год экспедиция встречала в тревожном ожидании непонятных перемен. Денис написал:

Несмотря на перестройку, наступает Новый год.
Дед Мороз на резвой тройке нам подарочки везет.
Что в мешке у дед Мороза? Мухоморы или роза?
Хлеб, вино, окорока даст нам щедрая рука?
Иль пошутит дед: «Шалишь! Получай без мака шиш!

Потому что рынок - не для всяких крынок.
По восточному календарю наступал год Овцы. Денис надеялся, что уж прожиточный-то минимум в новом году обеспечен будет.

С худой Овцы хоть шерсти клок,
Чтоб было что на «файф-о-клок».

У экспедиции возникла необходимость саморекламы. Администрация и профсоюз в лице Инги Сосновской обратились к Доценко с просьбой написать что-то вроде визитной карточки предприятия для юбилейных сувениров (книжечек с шлифовками агатов, изготовленных в камнерезной мастерской группой Михаила Петрова). Вот что у него получилось.

ВЧГЭ - самая восточная экспедиция Союза. Чукотка - самая экзотическая земля, омываемая двумя океанами и морями, а по геологическому строению - родная сестра Аляски. Недра Чукотки богаты полезными ископаемыми. Их ищет, находит, разведует и передает в эксплуатацию Восточно-Чукотская геологическая экспедиция.

ВЧГЭ - это настоящие и будущие месторождения благородных и редких металлов.

ВЧГЭ - это разведанные запасы золота, олова, вольфрама.

ВЧГЭ - это поставщик строительных материалов, питьевой воды, поделочных камней, руководящих работников,

ВЧГЭ - гарант успешного развития горнодобывающей промышленности района.

ВЧГЭ - это коллектив сильных людей, опытных специалистов, преданных изучению и освоению чукотских недр.

По рекламе-то получалось все хорошо - геройская экспедиция, процветающая. На самом деле все было не так. Единственный серьезный объект, за который она могла уцепиться и выжить, это золоторудное месторождение Туманное, которое пытался сделать, довести до победного конца начальник ГРП Петр Польский. Он смело давал большие, головокружительные прогнозы, чтобы выбить финансы на продолжение работ. Он видел пример возрождения месторождения Валунистого в Западно-Чукотской (Анадырской) экспедиции и знал, что это произошло благодаря энергии и настойчивости главного геолога Кислова. Самолюбивый и гордый геолог Польский тоже надеялся на успех и громкую славу. Он доказывал, что даже при невысоких содержаниях золота в рудных телах месторождение будет рентабельным, потому что объем рудной массы велик и отрабатывать его можно будет дешевым открытым способом - карьером. А если к тому же будет построена Амгуэмская ГЭС, то тогда-а-а... Напористому геологу быд дан карт-бланш.

Радужные надежды пока что омрачала сурово-серая реальность. Из экспедиции уволился еще один ветеран - Борис Кутенков (Геннадий Каплёнков). Он стал главным методистом краеведческого музея (директорское место успел занять Маслаков (Александр Мосолов – В.П.). Бывшие мараваамцы неплохо устроились - они имели достойную (модное слово) зарплату, полную независимость и возможность летних путешествий по интересующим их местам (для сбора якобы музейных экспонатов).

Оставшиеся в экспедиции дееспособные геологи не теряли бодрости духа и продолжали шутить. Для праздничного концерта, посвященного тридцатилетию ВЧГЭ, Денис Доценко сочинил сценарий телемоста «ВЧГЭндия – Загранка». В роли Экспедиции выступала, разумеется, Инга Сосновская-Карамба, Загранку представлял Вадим Черных (страна Кубаньдия). Участвовали в телепередаче и две семьи, находящиеся в Монголии и Вьетнаме.

Инга: С нашей стороны в телепередаче принимают участие товарищи Зрякин, Маркин, Тынский, Воронов и Нартыненко с супругами. Кубаньдия, ты слышишь меня? Как изображение?

Черных: Карамба! Слышу и вижу хорошо. Ты ничуть не изменилась, крошка, за последние тридцать лет!

- Благодарю за комплимент, но не будем терять времени. Представь нам заграничных участников телемоста.

- Монголию представляет Мюллердорж, Кубаньдию - я, моя супруга Таис, а также Серж и Сандра Колечко, Вьетнам - Штейн и Ма-си-ко.

- Со своим бывшим соседом хочет поговорить Вася Маркин.

Вася: Андрюха, здорово!

- Сан бай ну, Васья! Их сайн. Очень хорошо. Геологийн удирдах газар. Это наше Управление.

-Понял, ага. Вес штуфных проб какой?

- Нэк, хоер, гурув, дурув, тав. От одного до пяти кг.

- Ты смотри, у нас такой же. Мы такие же, как и вы. Мы похожи. Давайте дружить.

- Давайте.

- По какой инструкции вы работаете?

- По нашей.

- А совет трудового коллектива - СТК - у вас есть?

- СТК бахкуй, нету, их сайн. Васья, вы еще производственной гимнастикой занимаетесь?

- До сих пор постоянно упражнялись только двое - Виноградов и Кутенков. А сейчас они уволились, дергаются в другом месте, ага.

- А где Рая? С ней Людхорло, моя эхнэр, хочет поговорить.

Рая: Тут я, тут, вот она я!

Люда: Сайн дай ну, Рая! Как жизнь в нашем доме?

- У нас все хорошо. Володя Крайтер в новый дом переехал. А Жиглина по-прежнему бузит.

- Профсоюзная жизнь не заглохла после моего отъезда?

- Ну что ты, бурлит. В ЦГГП тебя заменила Галя Типанова, а по экспедиции шустрят Инга Сосновская и Нина Моисеева. Они и праздничные мероприятия устраивают, вот как сегодня, и в кино водят. Всюду женщины.

- А что делают мужчины? Небось, одной геологией и занимаются?

- Да ну, какая там геология. Им не до нее. Сидят, считают, кумекают, как дальше жить, чтобы не прогореть. Хозрасчет называется.

Черных: Слово просит Кубаньдия! Пожалуйста, Серж.

Колечко: Я хочу побалакать со своим преемником. Как дела, Михаил?

Зрякин: Как видишь, еще не сняли. Держимся пока. На старых запасах. Но перспективы не радуют. А что у тебя?

- Го! Тут мы с Вадимом такие залежи золота раскопали - на сто лет хватит!

- Золото в Кубаньдии? Что-то не слыхал.

- Так это так говорят. А фактически - это зоогенные образования типа гуано - навоз, назем, пэрэгной. Верхний слой современных отложений на тырлах, вокруг коровников, птичников, свинарников, конюшен.

- Что-то я не понимаю...

- А шо тут понимать? Естественное удобрение, никаких нитратов. Спрос большой. Мы с Черныхом взяли эти залежи в арэнду. Изучаем, разведываем, разрабатываем, продаем.

И это выгодно?

Го! Скоро миллионерами станем.

Черных: Моя жинка - фермерша хочет поговорить со своими чукотскими друзьями.

Таис: Лена и Леша! Ну что вы там застряли? Пора перебираться в нашу солнечную Кубаньдию!

Лена: Леша говорит, пока не оценит перспективы всей Чукотки, никуда не поедет. Уж больно дело интересное, занимательное, фантастическое. Да и северный стаж еще нужен. Сейчас они с Генной Цукиным вулканиты добивают.

- А новые полевые ископаемые есть?

- Только геохимические аномалии с кларковым содержанием. Литогеохимические пробы анализируются на всю таблицу Менделеева. Миллионы цифр и все нужно разносить.

Нартыненко: Ну и разносим, ну и что! Такие теперь требования. На разноске и держимся, деньги получаем. Половина женщин ЦГГП на разноске сидит.

- А кому это надо?

- В смысле конкретной пользы это никому не надо, занятие это бесполезное. Но это наша продукция, наша лапша, на ней строится хозрасчет.

Колечко: Эх, друже, брось ты це дило, дуй до мэнэ, в мой кооператив.

- Ладно, подумаю.

Черных: Вас не видим, пропало изображение.

Инга: Вот черт! Опять! Ну что там у них случилось? Надо позвонить, узнать. РУС? Почему телепередача не работает? Ага, понятно. Товарищи, на горе кончилась солярка. Подождем, пока завезут.

Маркин: Вечно чего-то ждем. Работать надо. Канавы бить.

Рая: Ну, что ты возникаешь? Тебе больше всех надо? Сиди, молчи!

Инга: Не ссорьтесь, ребята, дома будете ссориться. Здесь все-таки телемост, а не кухры-мухры. Вы что-то хотите сказать, товарищ Тынский?

Жора: Мне бы ваши заботы. А тут, понимаешь, штаты надо сокращать, а кого? Добровольно никто увольняться не хочет.

Нартыненко: А я все-таки не понимаю, для чего разносить марганец? Ну кому он нужен? Как вы считаете, товарищ Зрякин.

Зрякин: Дело не в марганце. Работать надо, крупные месторождения находить, перспективы наращивать. А ЦГГП мышей не ловит.

Инга: Товарищи сегодня же праздник, сегодня телемост, а вы о чем говорите? Давайте вспомним что-нибудь такое, о чем не стыдно рассказать нашим зарубежным друзьям.

Тынский: Новый дом сдали с библиотекой.

Инга: Вот об этом можно сказать.

Рая: Но в квартирах стены и потолки мокрые.

Тынский: Об этом не стоит говорить, это мелочи.

Зрякин: Вахтовый метод действует безотказно.

Рая: Но вахты месяцами в поле сидят, не меняются, мерзнут, голодают.

Инга: Это не интересно, об этом говорить не стоит.

Тынский: Теплицу построили!

Инга: Правильно, об этом скажем.

Рая: Но она же выдает один только лук, да и то очень редко. От нее одни убытки.

Инга: Этим хвастаться не будем.

Зрякин: Втрое увеличили запасы Восточного! Премии отхватим!

Инга: Да-да, наши зарубежные друзья порадуются, узнав об этом.

Нартыненко: А я все-таки не понимаю - зачем марганец разносить?

Инга: О, заработало!

Черных: Внимание, внимание! На телеэкране - Вьетнам! Вы узнаете этих людей?

Инга: Погоди, погоди... Кого-то они напоминают...

Тынский: Это Штеин, бывший зам-нач-по-хч, мой предшественник, с супругой. Этти, тумгытури! Чем вы там занимаетесь?

Штеин: - У самовала я и моя Маса, сидим под пальмой, кусаем банан.

Тынский: - У вас к нам вопросы есть?

- Воплосов ноу, есть, понимаес, позелания, советы.

- Мы внимательно слушаем.

- Кадлы лисають все. В опсизитии должен бить полядок. Бицей надо увольнять.

- Изините, товарищ Штейн, ваши советы несколько устарели. У нас бичи давно перевелись, увольняем стариков-ветеранов.

- Нысиво, холосо. Иссе спортплоссядку от снега цистить ната.

- Но я там не живу. А жильцы не хотят, они привыкли, что снегоуборкой катка постоянно занимались вы с Каталенко. Они ждут не дождутся, когда вы вернетесь и расчистите каток.

Штеин: Вот видис, Маса, я на Сюкотке нузен.

Маса: Я так и знала, мой дорогой, что без тебя там все лазвалитса. Но мы туда не вельнемся, плавда, милый? Говолят, там какая-то кака, пелестлойка, сто ли.

Штеин (поет):

У самовала я и моя Маса, сидим под пальмой, кусаем банан,

А на Сюкотке снеговая каса, молос и ветел, и туман.

У самова...

Инга: Вот черт! Опять изображение исчезло. Теперь, наверно, окончательно. Придется закончить телемост и перейти к следующему номеру нашей программы. Что там у нас?

Доценко: Предыстория ВЧГЭ.

1955 год. У залива - группа партий, Свистоплясов, Галин - тут.

На большой чукотской карте был всего один маршрут.

1959 год. Пухов, Козин и Ирина их пополнили ряды,

Шульц была для них кумиром (в смысле поисков руды).

1960 год. Появился Цукин в этом, из Воронежа поспел

И в разведку рикошетом он на Пепен загремел.

Инга: Все названные первопроходцы здесь, в этом зале. Даже Кирилл Сергеевич прилетел из смоленских лесов. Поприветствуем его! (Аплодисменты). И Евгений Макарович принял наше приглашение, он тоже здесь! (Продолжительные аплодисменты). Жаль только, что без уважаемой Марии Васильевны, он ее на огороде оставил, чтобы нанимала пахать. Непревзойденный маэстро с гитарой сходу влился в нашу заслуженную самодеятельность, он будет аккомпанировать вокальной группе «Все-те-же» (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию, возгласы: «Браво, маэстро!»)

Доценко: История ВЧГЭ.

1961 год – Открытие экспедиции.

Экспедицию создали, группы партий больше нет,

ВЧГЭ свободу дали, полный суверенитет.

Шли по площади двухсотки. Светлый, Пепен–ГРП.

Появились на Чукотке Дэн Доценко, Зина Б.

Молодой специалист:

Скажи-ка, тетя, ведь не даром

Геологические пары ходили по горам?

Сезоны были полевые, да говорят еще какие!

Не раз открытия большие встречались на ура!

Тетя ВЧГЭ (Сосновская):

Да, были люди в наше время –

Веселое, лихое племя, богатыри, не вы!

Такая им досталась доля (на то, наверно, божья воля)

Везли руды и рыбы с поля повыше головы!

1962 год – Открытие Экуга, Керкергина.

Год великий, знаменитый, много дел наворотил:

Керкергин, Экуг открыты, Пеньельхин зазолотил.

Знают все героев года, им досталось не легко –

Пухов (крепкая порода!), Молкин В., и Руденко!

«Все-те-же» (поют для Пухова)

Главное, Сергеич, сердцем не стареть,

Песню заполярную до конца допеть.

Мы живем в краю, где до сезонного отряда

Только вертолетом можно долететь.

А ты улетающий в даль вертолет в сердце своем сбереги.

Под винтом вертолета о рудах поет

Рожденный тобой Керкергин!

1963 – открытие Майны.

Бедных россыпей начало, у Соломина улов.

Слово «Майна», прозвучало громче всех чукотских слов.

Майне нет альтернативы, россыпь вроде быть должна.

Горбачу «перспектива» як горилочка нужна!

1964 - открытие Пеньельхинской россыпи.

Были россыпи и руды – заиграл Милютчеквай.

Кочевряжино как чудо преподносит Телекай.

Заявил Руденко крепко: «Я трепаться не люблю,

Золотая будет репка, скоро прииск подарю!»

1965 – открытие Матачингая.

Был сезон совсем без лета. Шли снега, снега, снега.

От геологов ответы: «Нет полезных ни фига!»

Лишь Синицин был доволен и имел веселый лик –

В листовенитах Кровь Дракона обнаружил полевик.

И в разведке дни настали – Майна золото дает,
Чудо-Блямберг зубы скалит и травить не устает.

Вот кому бы песню спеть – Блямсу! Но этот маленький супермен петь не умел, зато выражался артистично, образно, он вдохновлял рабочих словом на трудовые подвиги, как Цезарь легионеров на ратные дела. Однажды Блямберг заявил: «Мальчики! Если вы выполните план, я поставлю вас на высокое место, поцелую в задницу и выдам каждому по бутылке спирта! План был выполнен.

1966 – Открытие Звонкого.

Снова олово открыто – тут Тутушкин был неплох.

Вышел Звонкий на орбиту, тихо звякнул и заглох.

Кто открыл участок Звонкий? Сима нам ответ дала,

Намекнула очень тонко: «Там Федякина была.»

Я была молода, как тростиночка! Потрудилась тогда моя спиночка.

В поле грузы несла я играючи, я маршруты вела припеваючи.

Все познала ходьбой в геологии, пусть другие идут, длинноногие.

1967 – Разделение экспедиции, открытие Амгенья.

В экспедиции деленье, часть уходит на восток,

Наукана населенье увидало молоток.

ВЧГЭ не оскудело, руды Воронов нашел.

Прям за бухтой было дело – это очень хорошо!

Можно долго не поститься (Шилов, ты уж нас прости),

Можно с горочки спуститься и в «Улыбку» забрести.

1968 – Открытие Эльмауна.

Кадыков открыл Эльмаун, видно снизу от и до –

На скалистой стенке кара оловянное гнездо.

1969 - Открытие Почина.

Золотой Почин как чудо! Жилы взяты под уздцы.

Ноздрина златые руды разошлись на образцы.

1970 - Заккрытие Амгенья.

Был Амгень закрыт навечно, а ведь надо бы бурить.

Но об этом бесконечно можно только говорить.

1971 - открытие Ленотапа, Обзорного, Кенына.

Год успешный, год богатый. Ленотап - Вадима приз,

А Кенынские агаты - для Гаврилы был сюрприз.

Виноградов дал Обзорный, а Синицин – Чумовой

И носить им не зазорно ореол над головой.

Песня Виноградова.

Ретро-тундра веселою была, завертепил чукотские дела:

Всю эту шелупонь прошел я будто конь,

Среди болот и скал проскакал!

Это было не так уж давно, были руды и песни, и вино.

Под струнный перезвон природой одарен

Чукотку пересяк так и сяк!

1972 – Открытие Крыла.

В этот год подарком новым прилетело-приплыло

Оловянно-россыпное Свистоплясово Крыло.

1973 – Начало ГГС (групповых геологических съемок)

Групповых начало съемок, едет банда Черныха!

Этот метод трудоемок и доводит до греха.

Молодой специалист:

Скажи-ка, тетя, ведь не даром
Групповики пердячим парам бродили там и тут?
Ведь были схватки групповые, да говорят еще какие!
Три года натирали выи – была ли в том нужда?
Да, против этого боролись, но все же крепко напоролись
На метод групповой.
Открытий сделано немало, но все ж намного хуже стало,
Ребята выглядят устало, с поникшей головой.
1974 – Открытие Тыноокена.
Ванкаремская эпоха, километры буража.
Нет запасов, дело плохо, Тафик режет без ножа.
Все же золото блеснуло, Тыноокен струйку дал,
В ней Смеян, упав со стула, путь на Тулу увидал.
1975 – Открытие Свободного.
Жилы кварца не бесплодны, Дубов знает – есть металл!
Мурунтау на Свободном поискать черед настал.
1976 – открытие Туманного.
Дубу Веник отвечает: «Скоро Майское найду.
На Туманном различаю и породу, и руду.
Песня для Веника.
Мы за что Володю любим? Да за то, что нас не губит
И за то, что на виду - за туманную руду,
Всем молодушкам по нраву за головушку кудряву,
За характер деловой, за работу головой,
Хвалим мы его за сметы, за полезные советы,
За прошедшие поля, за больше прибыли.
1977 - Открытие Озерной россыпи.
Сделан вывод самый главный – золотого нет кита
И закончилась бесславно буровая маята.
Бросив низменность пустую, к Пеньельхину вновь пришли,
Россыпь среднюю, простую рядом с прииском нашли!
1978 – Открытие Корриды.
На Корриде заиграло – золотой повышен фон.
Вместо записей Уралов применяет диктофон.

1979 - открытие Ленотапской россыпи.
Россыпь крупная открыта, эта россыпь Ленотап.
Все в разведке шито-крыто, новый начался этап.
1980 – Открытие Мечты.
У Доценко появилась оловянная Мечта.
Но недолго счастье длилось, оказалось, что не та...
1981 – Объединение двух экспедиций.
ВЧГЭ объединилась с Науканскою сестрой.
Словно заново родилась – фронт один, единый строй!
Молодой специалист:
Скажи-ка, тетя, видно, даром всех науканцев божья кара
Постигла на века?
Прогнозы выданы большие, за что же их распотрошили
И к ВЧГЭ опять пришли оторванный рукав?
- Да, сколь восточники ни бились, но полевых они лишились
И с ВЧГЭ навеки слились в один Большой Поток.
Лихая им досталась доля – выходит, зря ходили в поле.

Не будь на то Господня воля – не отдали б Восток.
1982 - Открытие Тутумына.
«Дева» Козиным открыта – вот богатая руда!
Глубоко она зарыта, не годится никуда...
1983 - Успехи гидрогеологов
Питьевой воды запасы Зоя Щукина дает,
И в поселке, и по трассе Зоя бурит и поет:
«Ой, черна я черна, черна волосами,
Но бела-бела я своими делами,
Я водой снабжаю: я всегда полезна,
Дело обожаю, леди я железна!
Я люблю Чукотку, как свое поместье.
Я всегда молодка, на своем я месте!
1984 - Новоселье.
Экспедиция могуча, новым зданием горда,
Быт Каталенко улучшил и условия труда.
Метод вахтовый налажен, эффективность возросла,
Но прирост уже неважен, нет объектов, вот беда!
1985 - Закрытие Тутумына.
Тутумын закрыт разведкой, без буренья дан ответ.
Заявил Козловский едко: «Есть руда, но тел-то нет!»
1986 - Открытие Грибного.
Оценить Грибное сложно. Крага прав - рельеф такой,
Что подъехать невозможно ни по склону, ни рекой.
1987 - Возрождение Экуга.
Это что за наважденье - бедных руд большой запас!
Стало вдруг месторожденье перспективней в десять раз!
Возрождение Экуга! Петр Польский на щите!
Где найти такого друга, чтобы взял запасы те?
Песня для Польского,
Ты сегодня не такой, как вчера,
По заслугам ты начальником стал.
Силой мысли и движением пера
Перспективы необъятные создал.
В поле, в поле, в поле, в поле, в поле ты ходил,
Крупные объекты для разведки находил.
В поле, в поле, в поле, в поле, много рудных тел,
Свежий ветер тоже - ты давно его хотел.
1988 - Разведка керамзита.
Керамзит дают не боги, занимался им Попов.
Он запасы у дороги подсчитал и был таков.
1989 - Открытие Южно-Экугской зоны.
На окраине Экуга зона мощная свинца,
Глухарева тут заслуга и Затыки-молодца.
Сразу видно - бес попутал: злата ждет чукотский край!
Говорим мы: «Футы - нуты, на свинце не въедешь в рай!»
1990 - Закрытие Свободного, возрождение Туманного.
Доказательства плохие дать запасов не могли.
Тучи черные глухие на Свободное легли.
На Туманном лучше стало, может, даже будет прок.
Улыбаемся устало: 30 лет - хороший срок!
1991 – Юбилейные итоги.

Что ж в итоге мы имеем, робко двигаясь вперед?
Экспедиция худеет, разбегается народ.
Но надеемся на чудо, на руды большой объем.
Это будет. А покуда мы танцуем и поем:
«Мы сегодня не такие, как вчера,
От застоя мы уже далеко.
Силой мысли и движением пера
К процветанию дойти нелегко.
В поле, в поле, в поле, в поле, в поле мы пойдем,
Ценные объекты для разведки мы найдем.
Поле, поле, поле, поле, поле нас спасет,
Свежий ветер рынка обновленье принесет».

Все участники юбилейного торжества, в том числе и артисты, по типу кафешантана восседали за столами с выпивкой и закуской, что придавало собранию уютно-домашний вид. Самодеятельность сменилась общими танцами и песнями, мужики кучками выходили покурить, позубоскалить, гремела музыка - все было как и раньше, как всегда, как на всех предшествующих пирушках, ничто не предвещало социально-производственной бури. На сцене актового зала все еще стоял большой белый бюст вождя мирового пролетариата и на задней стенке большими красными рельефными (вырезанными из плотного пенопласта) буквами было написано: «Мы придем к победе коммунистического труда».

На другой день после мощной коллективной пьянки Ирина Свистоплясова пригласила ветеранов (кому за двадцать пять) к себе домой. И вот тут, в узком кругу, появилась последняя возможность, настал благоприятный момент помирить пребывающих в состоянии глухой хронической вражды двух старперов - Виноградова и Свистоплясова.

- Ребята, Женя и Федя! Старые пердуны! Хрены моржовые! - обратился к ним Денис, держа в руках рюмку с водкой. - Ну чего вы не поделили? Чукотские недра, что ли? Кончайте враждовать. Мы все достигли такого возраста, когда нужно отбросить гордыню и жить по-христиански. Вы должны немедленно помириться, выпить на брудершафт!

- Правильно! Брудершафт! Пьем мировую! - заорали ветераны. Виноградов, смеясь, подошел к ПБ, пожал руку и обнял его. Потерлись худыми щетинистыми щеками и похлопав друг друга по выступающим лопаткам и станovým хребтам, деда звякнули бокалами и выпили мировую. На их мутных глазках с подвесными мешочками сверкнули слезы умиления. Всем геологам в это мгновенье стало необыкновенно благостно на душе, будто пьяный ангел над ними пролетел. Особенно расчувствовалась хозяйка квартиры, которая и сама-то жила со своим дуроломом в напряженном знакопеременном состоянии любви-вражды.

Дорогие-драгоценные гости Экспедиции Пухов и Виноградов проживали в своих старых квартирах, занятых семьями дочерей, и уезжать из Нырвакинота не спешили. Дородный дед Пухов пил с зятем, ходил по гостям и гулял с рыжими внуками-близнецами. Неугомонный живчик-непоседа Виноградов тоже ходил по гостям, но с другой целью: он собирал слайды - цветные снимки чукотских пейзажей. Он посмотрел фототеку Славы Майорова, Петра Уралова, Генриха Козина, Дениса Доценко и у всех отобрал понравившиеся ему виды с обещанием вернуть через год. Для чего они ему были нужны? Чтобы дома, в Новокузнецке, создавать масляными красками на полотне красивые картины и продавать их. Технология простоя - увеличенное спроектированное на холст изображение пейзажного слайда поднимается красками, цвет-на цвет, вот и все! Вот до чего додумался смекалистый старпер! «Вы понимаете, ребята, ведь там в магазинах ничего нет, никаких картин, подарок на день рождения купить невозможно. Мои картины пойдут нарасхват!» - объяснял Евгений свои намерения.

Затем Виноградов развил бурную трудовую деятельность по ремонту сарая, запущенного зятем. Он ходил по брошенным шхунам и свалкам (предполевая привычка), таскал доски, рейки, проволоку, толь, жель и прочие стройматериалы. Окончательно убедившись в том, что его детки - замужняя дочь и холостой сын Миха - живут в одной норе как лиса с песком, грызутся и дерутся каждый день, он развел их. Он купил однокомнатную квартиру, обставил ее и перевел туда своего неупутевого отпрыска. Сделав это благое родительское дело, Евгений Виноградов теперь уже навсегда покинул Нырвакинот.

Денис Доценко к этому времени завершил составление окончательной опорной легенды иультинской серии листов Госгеолкарты-50 и отправил ее в Магадан. В середине апреля он уже работал по проекту Благоволина на геологическое доизучение площадей и составление листов Государственной геологической карты масштаба 1:200 000 новой серии (ГДП-200).

В конце мая из СВГПО пришло сообщение о том, что рассмотрение легенды Иультинской серии состоится в Хабаровске (ДФ НРС ВСЕГЕИ) 14 июня. В аэропорту Залив Креста Денис узнал, что билетов на Хабаровск (из Анадыря) нет до середины июня, наступило ажиотажное время отпусков. Помогла Олина подруга Маня Карова, работница аэропорта. Она достала билет на пятое июня, что значительно раньше назначенного срока, но иного выхода не было, пришлось Денису лететь.

Четвертого июня утром, провожая мужа, Оля кормила его мясом и приговаривала: «Ешь, ешь побольше, дальше неизвестно что будет». Почему неизвестно? Известно. В Анадыре всегда одно и то же - шницель «чтоб ты сдох». Его Денис и съел на обед после полупорции щей. Вечером в буфете аэропорта ничего, кроме шницеля и мутного кофе с молоком, не было. Денис поужинал и улегся на свою гостиничную койку. В двадцать два часа у него сильно заболела правая почка. Денис побежал в медпункт, дежурная медсестра сделала укол баралгина, померяла давление и ужаснулась: «190 на 100 - куда же вы полетите? Вам нельзя лететь!» Затем она сделала еще укол - от давления. «Идите, ложитесь, должно пройти». После полуночи дрожь и тряска утихли, боль заглохла и Денис заснул. Утром давление нормализовалось (120 на 80). Слава Бегу, можно лететь. Денис думал - отчего произошел почечный приступ? И пришел к выводу - от мяса. Весь день он ел мясо - вот почка и возмутилась. «Надо переходить на манную кашу,» - решил он. В этот день вылет не состоялся - не принимал Магадан.

Шестого июня в два часа ночи Денис на ТУ-154 вылетел из Анадыря и рано утром приземлился в Хабаровске. Его завтрак состоял из одного яйца, хлеба, вафли и кофе. Хабаровск поразил чукчу ярким солнцем, сочной зеленью и невероятным количеством крупных желтых цветов одуванчика. Долго проблуждав по городу, Денис отыскал ДВИМС, в институте вышел на секретаря НРС Бондаренко и очень удивился его ранним приездом - место в гостинице для Доценко было забронировано с 11 июня.

- А сегодня какое число? - хитро улыбаясь, спросил Бондаренко.

Сегодня, однако, шестое.

Где же вы будете жить до одиннадцатого?

Похожу по гостиницам может повезет.

Ну - ну...

Место удалось найти в бичиной ночлежке «Маяк», в номере на одиннадцать человек. Денису было все равно, где ночевать, койка есть - и ладно. Определившись с жильем, Денис возвратился в ДВИМС, встретился со Светой Ратниковой, от которой узнал, что сам Ратников, став доктором ГМН, переехал в Харьков и преподает в университете курс месторождений полезных ископаемых. Света тоже сделала карьеру - написав кандидатскую диссертацию (но не защитив ее), получила должность начальника лаборатории. «Теперь кандидатская диссертация - вот она, лежит в столе - мне не нужна, я и без нее имею максимально возможную зарплату», - сказала Света, жена профессора

Ратникова. Денис у нее поужинал, оставил чемодан, взял в подозрительный бичиный номер лишь туалетные принадлежности и тапочки. Прошедший день у Дениса был очень длинный и тяжелый, он много ходил, натер мозоли, модные остроносые туфли оказались для таких метаний непригодны. Последующие два дня обезноживший геолог валялся на своей койке, читал и сочинял стишки о своих заключенных. Об анадырских почечных страданиях он написал так

Как схватила меня почка - будто в бок всадили кол!
Ох, была кошмарна ночка, за уколом шел укол.
И давление под двести! Боже мой, да что стряслось?
Ох, Анадырь, в этом месте горе чудом пронеслось.
МСЯО! Прочь отраву эту, а иначе - быть беде!
Перешел я на диету, ограничился в еде.

Примечание: «мсяо» - мясное блюдо из репертуара сатирика Михаила Задорнова, увиденное им в общепитовском меню (несъеденное мясо). О первых хабаровских днях у Дениса остались такие впечатления:

Бес меня попутал, что ли? Ноги вдребезги растер.
А кровавые мозоли на мизинцах – как костер!
Я хожу, кривясь от боли и мечтая о лаптях.
Помогает только воля сделать Дэну каждый шаг.
Ножки бедные опухли, будьте прокляты вы, туфли!
Вы – копыта сатаны, что на муку мне даны!

Как ни трудно было геологу ходить, но делать это было надо. Восьмого июня он доковылял до речного порта и совершил прогулку по Амуру на теплоходе. С реки город смотрелся прекрасно. И вообще Хабаровск чукче очень нравился. Однако единственное увеселительное заведение, которое он посетил – цирк-шапито – оказалось довольно-таки халтурным.

На следующий день Денис зашел к Светлане домой, взял из чемодана плавки и, возвратившись на Амурский бульвар, лег на травке и стал читать испанский детектив. Потом прогулялся по замечательной набережной, парку и лестнице, которая не хуже одесской, постоял у памятника Невельскому и возле кафе «Утес». В это престижно-дорогое заведение скромный, стеснительный чукча не пошел. Ужинал он на привокзальной площади в демократичном кафе-забегаловке «Стрела» со стоячими местами вокруг высоких круглых столиков.

В гостинице «Маяк» произошла кража. Один из съехавших прихватил импортную куртку старателя Приморзолота. Никто из обслуживающего персонала и гостей не удивился – а чего тут такого, дело обычное, житейское.

В ДВИМСе Денис пообщался еще с одним бывшим нырвакинецом - Иваном Житовым. В его кабинете он попил чайку с карамельками. Иван, смущенно улыбался и как бы оправдывался перед Денисом, признался, что спиртного он в рот не берет – врачи запретили. Случилась эта трагедия после изнурительно влажно-душного лесного сезона, когда у Ивана разболелась голова, причем боли были жуткие, и он полгода пролежал в больнице. Теперь даже от одной рюмки эта боль возникает вновь и вновь и от нее хоть на стенку лезь! Такой здесь климат, тяжкие таежно-южные поля. Бедолага Кадыков, сменил Чукотку на Приморье, не выдержал, помер - отказали почки. Не помогли ему и березовые почки, которые весной, в трогательном стремлении спасти погибающего товарища, собирал в тайге Ксен Зыбин. Этот молодой, здоровый на вид ороч тоже вскоре взял да умер - вот такие, понимаешь, получаются амурские дела. Не надо было выезжать из Нырвакинота, не надо было покидать Чукотку-мать и матушку тундру! Ваня Житов вот тоже мается, ничего крепче чая не пьет, боится дуба дать. Ну, а у Дениса нет талонов на алкоголь и он тоже стал вынужденно непьющим.

Посетив еще раз амурский пляж (было облачно, хмуро и сыро) Денис простудился и у него заболела хроническая носоглотка – так возникла третья командировочная болезнь (почки- ноги- нос).

Одиннадцатого июня в три часа ночи у Дениса украли тапочки. Пришлось ему идти в туалет в туфлях. В коридоре он видит – идет навстречу лицо кавказской национальности (чурэк), шлепает по линолеуму – шлеп – шлеп – шлеп – его тапочками!

Вот они! – воскликнул обрадованный Денис, указывая пальцем на тапочки.

Твои? – спросил чурэк.

Мои, - сознался Денис.

Извини.

Ладно.

Вернувшись из туалета, Денис нашел тапочки, спрятал их под матрац и с твердым намерением поспать положил голову на подушку. Вдруг раздался выстрел-хлопок и в морду пытающегося заснуть геолога ударила пенная струя шампанского. Денису это очень не понравилось, он вслух обматерил соседа, утерся и повернулся на другой бок. Командированные в Колумбию приморские золотодобытчики (у одного из них украли куртку) гудели до утра, Дениса, гады-жмоты, не угощали, да он и не хотел. Они обмывали синяки, полученные ими в ресторанной драке. От народ!

Примитивная жизнь Дениса резко изменилась - в Хабаровск приехал доктор Ратников! Когда Денис позвонил к нему на квартиру, он открыл дверь с перекошенной кочевражистой физиономией и спущенными штанами (звонок сорвал профессора с унитаза). У Ратникова, как обычно, был понос - сказывалась смена обстановки, климата и воды. Старые коллеги и почти что друзья выпили бутылку традиционной горилки з пэрцэм, привезенной с нэньки Украины и обо всем побеседовали. Ратников сообщил, что своей судьбой чрезвычайно доволен. «Я живу третью жизнь, а у тебя все одно и то же», - сказал он.

Пришло время и Денис покинул простецкую бичино-воровскую ночлежку «Маяк», и переселился в прилично-культурную гостиницу «Центральная», в трехместный номер со всеми удобствами. Помывшись в ванне, Денис и двое его сокамерников поужинали, выпили за знакомство и до двух ночи смотрели по телевизору «Круглый стол», президентский раунд выборной компании (на диспут пришли все кандидаты, кроме одного - Ельцина).

12 июня Денис и доктор Ратников прибыли на теплоходе на Светкину дачу, расположенную в пойме Амура, километра за два от берега. Выяснилось - никакой дачи в обычном понимании нет, а есть просто огород, бурьян-трава на болотистой низменности. Прибывшие работники, обливаясь потом и кривясь, поднимали лопатами тяжелую, плотную, сырую целину. В обед они выпили разбавленного спирта, привезенного с Украины, и еще больше ослабли. Тем не менее, намеченный хозяйкой план - четыре грядки - они выполнили. Обратный путь по Амуру дачники провели на верхней палубе, под ветром и дождем, и крепко продрогли. И это все Кочевряжина- не захотел спускаться вниз – там душно.

За ужином они употребили ледяную (из холодильника) Светкину брагу. В итоге у Дениса окончательно разболелась носоглотка. В гостиничном буфете он спер соли и стал красную зудящую глотку промывать-бульбулькать крепким соленым раствором. Во время этих процедур сочинялся стишок:

Застудилась носоглотка, не спасли ни спирт, ни водка,

Горло чешется, болит, полоскать себя велит.

14 июня, позавтракав в буфете гостиницы за одним столом с тремя японцами и одним латышом, пытавшимся разговаривать с ними на своем языке, Денис отправился в институт. Ему сказами, что рассмотрение его легенды назначено на 16-00. В кабинете у Житова чукча пил чай и репетировал свое пятнадцатиминутное выступление: он выучил его наизусть. Однако дали ему всего пять минут - видимо, члены НРС куда-то очень

спешили. Денис, приготовившийся глаголить, от неожиданности растерялся, долго молчал, соображая с чего начать, потом, преодолев шок, развел руками и спросил: «О чем можно рассказать за пять минут?» Из зала кто-то что-то выкрикнул, Денис не разобрал и начал. Он поведал кандидатам-докторам, чем занимался два года, какие проблемы (в основном стратиграфические) решал, что нового он ввел в легенду. Слушателей заинтересовали данные палеопалинологического анализа, выполненные в одной из московских лабораторий.

- Они вас устраивают? - был вопрос.

- Ну, если против них не возражал сам Бычков, значит, они приемлемы. Спорово-пыльцевые комплексы для немых толщ все же лучше, чем ничего. На безрыбье и рак рыба, - ответил автор новой стратиграфической схемы триасовых отложений Чукотки.

Все выступавшие члены НРС легенду хвалили и постановили утвердить ее практически без изменений. Видимо потому, что знали - листы Госгеолкарты-50 составляться не будут, Доценко свое время опередил. Один из докторов, усомнившийся в ее необходимости в настоящее время, предложил использовать легенду Иультинской серии листов при составлении легенды Госгеолкарты-200, которая более актуальна.

Ужинал Денис у Ратниковых. На троих была выпита бутылка водки, приобретенная Светланой на последний талон. Харьковский профессор Кочевряжина остался недоволен - выпивки мало, не хватило для изложения даже одной из его оригинальных теорий рудообразования.

И снова Светкин огород, лопата, тяжелая сырая земля, копание целины, разбивка-измельчение плотных, эластичных, нерассыпающихся на комки пластов, приготовление грядок. Было влажно, душно, временами сквозь облака проглядывало и припекало солнце, нещадно грызли комары. «До чего же хреновый здесь климат!»-думал потный, задыхающийся чукча. Он непрерывно пил воду и заливался потом. Такая работа ему не нравилась, хоть и сам на нее напросился; двигался он с лендой, что, вероятно, было замечено со стороны. Ратниковы отпустили копателя-добровольца в семнадцать часов, чему он был несказанно рад и припустил на причал без оглядки.

16 июня Денис сходил на рынок, купил килограмм редиски - южный гостинец северной семье. Еще раньше по талонам, которые отдала ему за ненадобностью Света, чукча приобрел конфеты четырех сортов, к которым добавил купленные в гостиничном буфете любимые Катины ириски. Вот такие, понимаешь, дефициты...

Покинув гостиницу «Центральную» (а хорошо-таки в ней жилось!), Денис в полдень заявился к Ратниковым. Светлана угостила его чаем с оладушками и клубничным вареньем. Затем в течение трех часов профессор ХГУ читая лекцию о своей научной и практической деятельности по теории рудообразования и поискам новых промышленных типов оруденения в пределах Охотско-Чукотского вулканогенного пояса. Свои предложения о сотрудничестве он направил во все экспедиции. Дениса он тоже попросил поговорить с руководством ВЧГЭ, чтобы оно согласилось на проведение исследований по определению глубинности оруденения и уровню эрозионного среза известных месторождений.

Последняя статья Ратникова (соавтор Гольденблат) в журнале «Советская геология» за 1989 год имела такой заголовок: «Проблемы новых и нетрадиционных типов оруденения на Северо-Востоке СССР». Как продолжение этой темы Ратниковым подготовлена к печати статья под названием: «Прогнозирование новых типов эндогенного оруденения на Востоке СССР» (соавтор – Гольденблат). В настоящее время Ратников занимается колымской темой: «Разработка геологических моделей основных типов эндогенного оруденения профилирующих металлов для Верхнего Приколымья и Северного Приохотья (с целью разработки рабочей легенды ГСР-50).

Ратников попросил Денис прозондировать почву в Восточно-Чукотской экспедиции, выяснить возможность заключения договора на проведение аналитических работ по рудам и генетически связанными с ними метасоматитами.

Вечером Денис последний раз прогулялся по цветущему Амурскому бульвару, вволю нанюхался сирени, магнолии и тополиного пуха. Плотнo подзаправившись в кафе «Стрела», чукча в девять часов вернулся к Ратниковым, попил у них чаю и выехал в аэропорт. Сидячих мест ни в зале ожидания, ни на скамейках на привокзальной площади не было. Проболтавшись-промучившись четыре часа на ногах, Денис в три часа ночи занял свое мягкое кресло в самолете, расслабился и заснул.

В Анадыре, непрерывно кашляя (поимел сухой бронхит), Денис приобрел билет на Залив Креста и устроился в гостиницу. 18 июня он возвратился домой. В этот день экспедиция проводила в последний путь студента-казаха, зарезанного сыном поэтессы Тамары Пупченко. В два часа ночи у Дениса случился острый почечный приступ, аналогичный анадырскому. Командировка в Хабаровск с чего началась, тем и кончилась. С двадцатого по двадцать восьмое июня Денис с диагнозом «МКБ, гидронефроз» провалялся в больнице, а в начале июля, не долечившись (местные некомпетентные врачи посоветовали обратиться к урологу в Анадыре или Магадане), Денис вместе с Олей и Катей вылетел в отпуск. У всех троих были курсовки в Трускавец, достать которые помогла, созвонившись с курортом по телефону, профбосс Инга Сосновская - Карамба.

19 августа, когда Москву начало «путчить», по улицам Трускавца поперли толпы самостийников-националистов, поющих «Ще нэ вмэрла Украина». Все русские названия санаториев были немедленно сбиты, а улицы переименованы (Горький превратился в Сагайдачного, Дзержинский - в Мазепу, Ленин - в Степана Бандеру). На лечебных процедурах политические события не отразились: нафтуса осталась нафтусей, озокерит - озокеритом, сэча - сэчей (моча - мочой)

В конце сентября супруги Доценко побывали в Белоруссии, в городе Солигорске, где состоялась свадьба их сына Василия и местной девушки Веры, тоже закончившей ЛПИ.

Отгуляв отпуск, чукчи отправились восвояси. Их багаж составлял 85 кг (двенадцать мест). В московском аэропорту Домодедово Доценки устроились в гостиницу, где провели одну ночь. Первого октября они встретили первого земляка - Юру Царика, отвели его в свой номер, уложили баиньки (Юра сутки не спал), затем чудесно погуляли по золотисто-осеннему лесу.

Вылетели Доценки из Домодедово и прилетели в Анадырь по расписанию, опять устроились в гостиницу (вот же везет), а третьего октября приземлились в Заливе Креста. Долетели они прекрасно, всегда бы так! И дома их ждала нечаянная радость - в коридоре сверкал новенький холодильник «Юрюзань 207», в очереди за которым они стояли пять лет. Откуда он тут взялся? Оля заплясала от восторга - ее давняя мечта сбылась, счастье привалило в дом! Потом выяснилось, что холодильник выкупил и доставил на квартиру (ключ был у соседки) не кто иной, как отец-благодетель Федор Свистоплясов. Вот таким удивительным образом завершился у Дениса Доценко и его семьи отпуск-91.

15 октября Денис вышел на работу. Начался последний, завершающий этап чукотской эпопеи. Наступили новые, чудные, перестроечно-бардачные времена - зарплату в экспедиции отменили, выдавали только мизерные авансы на пропитание. Но духовная жизнь коллектива пока еще никаких изменений не претерпела, традиции по инерции продолжались. Активистки - поэтессы Карамба и Пупченко заказали Денису стихи для Мурены - жены Циклопа и кадриссы по совместительству. Ей исполнилось пятьдесят лет.

Нам талоны выдавая на еду и на одежду,
Словно солнышко сверкая кадроматушка Надежда.
Юбилейно-золотая, поздравляем с датой красной!
Словно грация литая, будьте Дамою Прекрасной.
Со своим могучим мужем экспедицию спасайте.
Вместе долго мы послужим на Чукотке, так и знайте.
Вам желаем жизни сладкой (вроде есть такая штука)
И от утренней зарядки много сил и много... внуков.

В новую «Арктику» переселилась Люба Тынская. Продолбить дырки в бетоне под гардины, повесить люстру на кухне и кое-что еще она попросила Дениса, потому что муж был в отпуске на Украине. За выполненную работу врио Жоры был хорошо накормлен жареным мясом с картошкой и напоен коньяком. Оля тоже присутствовала на этом ужине, потому что была подругой Любы и уважала ее за красивые глазки, приятный голос (пела в хоре), доброту и отзывчивость. От другой подруги - Нины Кононовой - Люба получила поздравительную открытку со стихами опять того же Доценко.

Новоселье, новоселье! Радость хлещет через край!

Вот когда пришло веселье, вот когда нагрянул рай!

И на шо вам Украина? Там такой квартиры нет.

Нэзалэжність, самостийність тильки тут. Чукот-привет!

Ликовала в октябре и семья Доценко - подслеповатый, носивший очки Вася в ленинградской клинике завершил многостадийную операцию по методу профессора Федорова и полностью восстановил зрение! Причем бесплатно! Он стал полноценным, здоровым, красивым мужиком, инженером-гидрогеологом, которого молодая женушка Вера полюбила еще крепче, полюбила окончательно и бесповоротно. С появлением у Васи орлиного зрения совпал день рождения невестки. Денис отправил им телеграмму:

Вам желаем наслажденья, рады мы поздравить вас

С расчудесным днем рожденья и рождением ясных глаз.

А через некоторое время Денис и Катя поздравляли свою хозяйку-матушку-кормилицу.

Поздравляя маму Олю, с днем рожденья! - говорим.

Мы с твоею сильной волей рай домашний сохраним.

Сделай так, чтоб было чисто, и уютно, и лучисто,

Чтоб роскошно жили мы в лапах северной зимы.

Олю любим, величаем и подарочки вручаем - поцелуйчики!

Видя плачевное состояние экспедиции, старые кадры, действуя по принципу «рыба ищет где глубже, а человек где лучше» и «спасайся, кто может», продолжали ее покидать. Согнувшиеся в профессиональную дугу от постоянного наклона над чертежной доской «девки-бабы» нашли более легкое и простое, но лучше оплачиваемое занятие. Первой ушла гипертоничка Зинаида Белова, она стала вахтером нового экспедиционного общежития. Тоже, конечно, не мед - изводили пьяные бичи – но хоть шея не гнется и глаза не напрягаются над чертежным пером. За ней последовала Оля Доценко - она ушла в гараж ночным сторожем и уборщицей по совместительству. Села на экспедиционную сторожевую вахту Нина Кононова – Мясоедова. И, наконец, перебралась к мужу в автобазу и стала диспетчером «бандерша», хозяйка оформбюро Лариса Уханова, Лорик. Этой выдающейся личности Денис написал посошок (стих-пинок).

Разлетелись, будто птицы, оформители-«девицы»,

Постаревшие чуть-чуть. Все избрали новый путь.

Пенсионного зенита ты достигла - вот финита

Ля комедиа! Увы, оформители правы.

Было много слез и смеха, и причудливых затей,

Были дело и потеха, словом, жизнь на высоте!

Продолжай в таком же духе в новой рыночной житухе

Среди крепких шоферов. С ними, Лорик, будь здоров!

Ну а нас, своих коллежек, никогда не забывай.

Коль взгрустнется - мы все те же, заходи, позванивай...

В декабре старперу Геннадию Цукину исполнилось пятьдесят пять лет и он принял роковое решение - дожидаться весны, распрощаться с Заполярьем, ехать в южные края. Денис выдал ему адрес-визу.

Чукотский добрый молодец, заслуженный геолог,

Маршрут закончив, наконец, забрался в теплый полог.

« Икс, игрек, зэт! Закрыта смета, настал желанный пенсион.
 Но все же песенка не спета к пусть не ждет меня Херсон.
 Ведь я еще пока не мерин, на отдых ехать не намерен,
 Бодяги этой не хочу. А впрочем, летом полечу.
 Других желаний я нэ маю и адрес-визу принимаю.
 Здоровым, бодрым и веселым русскоязычным новоселом
 Жить в Украине буду я, гривнами орудуя!»

Подводя предновогодний итог прошедшему полевому сезону, Денис написал:

1. Параткинский поисково-разведочный отряд (начальник Владимир Перезвонов) .
 Там, где Вова Перезво - все дела идут на во!

На Паратке все в порядке, есть Туманному прирост!

Эльдорадо! Парни рады - золотой схватили хвост.

Ну, а рудничные шансы подтвердят ...американцы (?)

(В то время шли пустые разговоры о совместном американо-российском предприятии по разработке Туманного золоторудного месторождения).

2. Нижне-Амгуэмский геофизический отряд (старший геолог Степан Небаба)

Бороздят они болота - что-то ищут. Ищут что-то!

Золотые россыпухи? Хороша лапша на уши!

Собираются бурить? Степа, выйдем покурить...

В курилке Степан поведал, что в аллювии некоторых ручьев, впадающих в Чукотское море, он нашел россыпи сердоликов - плохо окатанных обломков желто-оранжевого ювелирного халцедона. Денис зашел к нему кабинет, взял, сколько хотел, этих красивых камушков - при случае из них можно будет сделать прелестные кабашоны

3. Кольцевой отряд групповой геологической съемки (начальник Михаил Шаров).

Развернулся Кольцевой, накопытил - боже мой!

Аномалии, металлы... Михаилу дурно стало:

«Бить канавы? Заверять? Ну, а где ВВ занять?

И к тому же уйма дам - им участок я отдам?

4. Гидрогеологический отряд (Зоя Щукина)

В ВЧГЭ зимой и летом Зоя шлет гидро-приветы,

В Провидения она бизнес-планами полна.

Зоя бурит-бурит-бурит и сурово брови хмурит.

Дождались – вот это да! Стала прибыльной вода.

Благодаря хозрасчету и постоянному спросу на хорошую питьевую воду в чукотских поселках, Щукина первой в экспедиции ощутила возможности нового перестроенного времени. Она сама и ее бригада зарабатывали такие деньги, о которых раньше и мечтать не могли. Щукина стала капиталистической шукой.

Ну, а геологам-камнеедам обогащение не грозило. Ничего, кроме похвал, не имел и Юра Благоволин, написавший отличный отчет.

Отличился Благоволин - сдал отчет, собой доволен.

Был в восторге НРС - в ВЧГЭ большой прогресс!

Групповые мастера! Благоволину - ура!

Неизвестно, как и почему Восточной Чукоткой вдруг заинтересовались итальянцы. Они прилетели в Нырвакинот и заявили, что им нужны легкие и красивые строительные туфы. Крюканов просмотрел журналы замеров физсвойств горных пород за многие годы и с горечью убедился, что туфов с требуемым удельным весом на территории ВЧГЭ нет и продать итальянцам нечего. Увы! Прибыльная сделка не состоялась. Денис заметил по этому поводу:

На Вулкана ремесло итальянцев принесло.

То ли правда, то ли врут - говорят, гранит берут,

Туфы, мрамор, игнимбрит... Это если Рим сгорит,

Иль смахнет его Фома силой русского ума,

Иль Мамай по По промчится. Будем ждать. Авось случится.

Растерявшемуся, мечущемуся, мучимому вопросом «как быть?» руководству экспедиции Денис дал такие вот новогодние советы.

Начальнику ВЧГЭ Умелину-Циклопу:

Закрывать Чукотку будто книгу, без сожаленья ехать в Ригу,

Там у Европы на виду иметь и виски, и еду.

Главному геологу Михаилу Зрякину:

Наладить новые дела, не пасть, как Миша из седла,

Решать проблемы без изъяна тебе поможет Обезьяна.

Примечание: Миша - это ликвидированный президент СССР Горбачев

Обезьяна - символ 1992 года по восточному (китайскому) календарю.

Начальнику ЦГГП Свистоплясову:

Достигнув пенсии, плясать, а заявление не писать.

В Читу пока спешить не надо - там что-то как-то не того,

Не все путем. Нет шоколада. А здесь живешь ты о-го-го!

Новому заместителю начальника экспедиции Василию Манилову (Тынский ушел в малый бизнес, стал предпринимателем – коммерсантом).

Без всяких видимых усилий достиг замначества Василий.

Теперь смотри, не подкачай, пей на работе только чай.

Профбоссу Инге Сосновской-Карамбе:

Союза нет, есть профсоюз и чтобы сохранилась вера,

Что нужен он, свой тяжкий груз неси и будь для нас примером.

СОБЫТИЯ 1992 года

Январь

Новый юбилейно-стихотворный сезон открыл экономист Доржиев, этот самодовольно-жирный экспедиционный хубилган, умевший ловко делать премии АУПу.

Пятьдесят! Созрел Доржиев! Поздравляем, чудодей.

До сих пор умел ты жить и теперь не похудей.

Нет на счете миллиарда, нет бильярда и шаров.

Не беда - играя в нарды, будь спокоен и здоров.

Есть финансовая яма? Не беда - Омар Хаяма

Вместо СУСНов ты читай и о бизнесе мечтай.

Познавая рынка суть, словно Будда мудрым будь.

Всем проблемам ставь по мату, обеспечивай зарплату,

Песни пой и веселись, если деньги завелись.

Жизни ария не спета. Где ты, прибыльная смета?

К ней, батыр, народ веди. Счастье - где-то впереди.

Февраль

Восточно-Чукотская геологическая экспедиция (ВЧГЭ) переименована в Восточно-геологическое Чрезвычайное Предприятие (ВГЧП) с правом заниматься всем, чем угодно - от изготовления табуреток до организации и содержания публичного дома (выражение главного геолога СВПГО Гольденблата). Для начала изумленному Циклопу было предложено возить в Нырвакинот (за 250 км) с золоторудного месторождения Свободное золотиносный кварц, собранный с поверхности, дробить его и извлекать драгоценный металл. «Фуфлю», - рубанул рассерженный Циклоп и от этой сомнительной идеи отказался. Потому что лично ему уже ничего не нужно, ему все до фени, гори все на корню - ему исполнилось 55 и он собрался бежать с тонущего корабля. Денис поздравил начальника с наступающей свободой.

Поздравляем юбиляра с пенсионной датой красной,

С завершением дел полярных и началом жизни ясной,

Жизни ясной и простой среди зелени густой,

Миг чудесный, все совпало - стаж, финал, метаморфозы.

Экспедиции не стало, юбиляру - лавр и розы!

Лавр и розы молодцу - Предприятия отцу.

Март. М Ж Д – 9 2

Морозы достигли небывалой отметки –40 °С. Весна!

Как сказал Эльдар Рязанов, женский праздник - половой

И встречать его мужчинам надо с трезвой головой.

Трезвый Умелин своего решения не изменил - он собирается уезжать. Денис написал ему стих-пинок.

Слово-дело, срок отбыт, изменился резко быт.

Отдых - цель пенсионера, можно спать хоть целый день.

Предприятие - химера, производство - дребедень.

Нет волнений у кумира - есть финансы и квартира,

Не ограбило жильё заграничное жулье.

В Риге (если то не блеф) процветайте, бывший шеф.

Апрель. День геолога

Экспедиция (Предприятие). Актёрский зал. Столы с выпивкой и закуской. Сцена. Хор («Все-те-же») поет:

С днем геолога, коллеги, с днем геолога, друзья!

Пусть сегодня веселится наша дружная семья.

Хоть и тонем - не сдаемся, над несчастьями смеемся!

Раздается междугородний телефонный звонок. Трубку берет Инга Сосновская-Карамба,

- Алло! Краснодар? Тамара Павловна? Здравствуй, дорогая. Поздравляем тебя с днем геолога!

- Га? Шо? Це хто?

- Да я же, я, Карамба! Мой голос не узнаешь? Богатая будешь.

- А, Инга, привет. Даешь Кубаньскую республику!

- Какомэй! Даешь Чукотскую республику!

- Ты откель говоришь?

- Как откель? Из Нырвакинота, из экспедиции.

- Разве вас еще не разогнали?

- Нет, как видишь, держимся, агонизируем помаленьку.

- Странно. А в нашей газете «Кубаньская рада» писали, что ВЧГЭ ликвидировано.

- Да не ликвидировали нас, а урезали и переименовали. Теперь мы называемся Восточно-Геологическое Чрезвычайное Предприятие - ВГЧП.

- Ой, батюшки, звучит-то как нехорошо, ГКЧП напоминает.

- Неважно, как звучит, важно, что существуем, можем делать все что захотим - от табуреток до публичного дома, лишь бы прибыль была.

- А как поживают мои лучшие подружки-оформители?

- Ой, Тамара, из старых чертежниц только одна и сохранилась - Лена Дашкова.

- Да ты что! Какой ужас! А остальные, значит, того...

- Не пугайся, они все живы-здоровы, только по вахтам разбежались. С берданками в сторожах сидят, объекты охраняют.

- И Лорик тоже?

- О, Лорик далеко пошла! Она совсем хорошо устроилась - диспетчером в автобазе.

В десять раз больше, чем в экспедиции, получает, да и поздоровела, возмужала, заматерела. Потому что у них там мат на мате стоит и матом погоняет.

- Рада за нее. А как дела у Риты Кутенковой?

- По работе все о, кей. Но была у нее и неприятность - гиподинамия.

Не могу себе представить - такая спортивная женщина - и на тебе!

Погода подвела, почти всю зиму снегу не было. Вот ее лыжи паутиной и заросли.

- Надо же! Снега на Чукотке - и того нет! Дожились.
- Снег появился в середине Февраля, так что теперь бегают наши спортивные дамы, разгоняют зимнюю хандру.
- А Зина Белова тоже на лыжах бегают?
- А как же! Бороздит бухту по всем направлениям. И еще стала она заядлой рыбачкой. Тут сайка хорошо шла, Зина вместе с мужем Альбертом (он, как ни странно, трезвый был) занималась подледным ловом.
- А Благоволин отчет сдал?
- Сдал, да так, что и Магадан, и Хабаровск ахнули от восторга.
- Как же он добился такого результата?
- Он говорит, самое, я же не один, самое, отчет писал, фифти-фифти. Ему даже Государственную премию хотели присобачить, да зануда Чернов из СВПГО помешал.
- Это который главный метролог?
- Ну да, он самый, паразит. Написал, что в отчете нет сведений об аттестации лаборатории, гаража, микроскопа, компаса, линейки, молотка, не приведены размеры сапогов, применявшихся при поисково-съёмочных работах, поэтому отчет браковый и его можно принять в геофонд условно, в виде редчайшего исключения.
- А как же Моисеев? Он ведь тоже отчет сдавал?
- Моисееву пришлось все эти справки-характеристики выдумывать. Вот такой консенсус.
- Инга Павловна, ты все христианские праздники блюдешь?
- По возможности. Когда есть чем блюсти.
- Так вот, скоро будет день святого Павла. Скажи мне, сестра, праведно ли житие наших братьев во Христе Степана Павловича, Генриха Павловича, Алексея Павловича и Василия Павловича.:? Они хоть крещеные?
- Степан, Генрих и Василий - нехристи, а Алексей перекрестился; когда узнал, что Циклоп на пенсию уходит.
- Чем занимаются братья?
- У Генриха Павловича после оформления пенсии третья молодость наступила - бегают, как горный козел. Ну а Степан Павлович рыбку ловит на заливе да за домашними цветами ухаживает.
- А тютюна ему хватает?
- Говорит, что пока хватает, в роги меть. Так он ругается. Ему свои талоны на тютюн Генрих отдает. Дает и приговаривает: «Кури, Степа, кури. Травись на здоровье».
- Ничего страшного. Горилка да тютюн для казака первое дело. Про то и в песне поется: «Променил он жинку на тютюн та люльку».
- Праведней всех живет Василий Павлович Маркин. Он не курит, не пьет, посещает Полярную пустынь, что на Водораздельном, молится оловянному богу Касситериту.
- Да ведь это ж язычество!
- Ну и что? Сейчас все религии разрешены.
- А где Петрович - кум Майоров? Неужели еще в Курвыкиноте?
- Ты имеешь в виду - в Нырвакиноте? Да, здесь. Трудится переплетчиком в ЦРБ.
- Центральной районной больнице? А что он там переплетает?
- Да не в больнице. ЦРБ - это центральная районная библиотека, он там в подвале сидит. Знаешь, он до сих пор еще и на горных лыжах катается и песни поет, ёкарный мамай.
- А Володя Перезвонов поет?
- Нет, не поет, а что?
- Пообещал и не едет. Его тут давно ждут на постоянную работу.
- Ха! А вы ему курень построили?
- Пока нет, но построим. Из камыша.
- Вот когда построите, тогда и отпустим с миром.

- Ну ладно, договорились. Алексей Павлович, говоришь, крестился. А что после этого изменилось?
- Его производственно-технический отдел заметно поредел. Олег Карбышев его покинул, ушел к Жоре Тынскому, предприятие «Шанс».
- Разве Тынский не уехал в свою самостийную? Его же вроде сам Кравчук вызывал.
- Пока не уехал, но собирается. Только справили новоселье и на тебе, этот вызов от украинского президента. Люба не хочет такую кухню терять. С такой люстрой, которую Доценко повесил.
- Ничего не поделаешь, надо ехать. Я-то на месте, отдыхаю культурно. В филармонию хожу, на песни и пляски кубанских казаков.
- А мы в основном порнуху по Бац-каналу смотрим. Знаешь как интересно! Кстати, а что такое филармония?
- Эх ты, темнота северная, чукча в чуме! Спроси у Свистоплясова, он тебе объяснит. Кстати, как поживает начальник ЦГГП?
- Никак он не поживает, отменили, ликвидировали Свистоплясова вместе с ЦГГП.
- Вот это новость! А как ПБ принял отставку?
- Он сказал: «Не понял юмора».
- А в новой-то организации, как она называется, кто вместо него? Небось, Крюканов?
- Нет, Саня отказался. Начальником геологического отдела (это вместо ЦГГП) стал Петр Брониславович Польский - ПБП.
- Во как! Старого ПБ сменил молодой ПБ. Ну и правильно. Петр хоть и дворянин, но тоже мужик крутой и говорить хорошо умеет.
- Я тоже так думаю. По этому вопросу у нас с тобой полный консенсус.
- Значит, нет теперь ни ВЧГЭ, ни ЦГГП, все стало иначе.
- И буровой партии нету, Илью Щукина тоже отменили.
- А Зоя Щукина здравствует?
- Не то слово. Процветает! Буровые станки по дешевке приватизировала, из провиденской воды делает большие деньги.
- О Пухове что-нибудь известно?
- Пухов в этом году заканчивает горный институт, ему стипендию экспедиция платила, теперь он обязан сюда приехать и работать у Щукиной.
- Кто? Кирилл Сергеевич? Он же на пенсии!
- А я про его сына говорю, Костю.
- А-а-а, поняла, Костя. Жалко мне парня, слопают его Щукина с потрохами. До него четверых мужиков-гидрогеологов извела.
- Думаю, что Пухов-младший окажется несъедобным. К тому же зубки у нашей Зои уже поистерлись, стала она старше, богаче, добрее.
- Так вы что, только на воде и держитесь?
- Мы и рудой занимаемся. На Водораздельном.
- А кто там работает?
- Из бывшей ЦГГП два гиганта - Вася Маркин и Саня Чикарев. Представляешь, вручную собирают рудные глыбы, перетаскивают их на своем горбу и складывают в кучу, чтобы по зимнику вывезти и продать Иультину. Вот такие дела.
- А чем Саня Крюканов занимается?
- Машиной овладевает.
- Водительские права хочет получить?
- Да не автомобилем, а ЭВМ, которая у нас в подвале стоит.
- А, поняла, желаю ему удачи.
- Все ему желают удачи, но Саня говорит: «Необъятное не объять».
- Неужели его Римма так растолстела?

- Ну да, так он ей и даст растолстеть. Гоняет по распадкам и бухтам, как скаковую лошадь.
- Она все еще в лаборатории?
- Где ж ей быть? Только там теперь вместо Котовой (она уехала в Читу) начальником работает Володя Моисеев, У него в подчинении двадцать женщин.
- Стало быть, он теперь дамский угодник? Или дамский атаман? Вот это влип. Как же он с ними справляется? Сабля у него есть?
- Сабля не положена, за ним числится боевой карабин образца 1940 года.
- Ну тогда ладно, отобьется в случае чего. Бабий бунт - скверная штука.
- Володя ласковый, он до бунта не доведет. Да и опыт обращения с буйной во хмелю женой у него имеется.
- Значит, бабоньки довольны новым начальником?
- Конечно, он же мужик! Бабоньки довольны, все время поют. Вот и сейчас через дорогу доносится песня, послушай.
- Любо, дамы, любо, любо, дамы жить,
С новым атаманом не приходится тужить.
Он достал подшипник, гайку и пластинку,
Лампочку повесил и пружину заменил...
- Хорошая песня. У нас ее тоже поют, но слова другие.
- Громче всех поет Ирина Свистоплясова, пенсионерка.
- А вообще у вас пенсионеров много?
- Старперов полно, они - наша опора. Знания, опыт - сама понимаешь. Охают, кряхтят, но тянут, тянут производство.
- Неужели и Сима Козловская еще пашет?
- Еще как! И в поле ходит, и камни режет, змеевики. Черепашку сделала. Правда, без головы и ног, но все равно ее теперь зовут «Сима-мастер». Она еще много чего наделает.
- А в этом году она в поле собирается?
- Да. Возвращается на свою родную науканскую территорию, к своим любимым породам - кристаллическим сланцам. Будет архей расчленять.
- А справится?
- Не сомневаюсь. В этом вопросе она любого мужика за пояс заткнет.
- Цукин в Херсон еще не махнул?
- Собирается.
- Ну и правильно, чего там пухнуть, в вашем Нарвикините. А Свиотоплясов что дальше собирается делать?
- Говорят, зовет его Чита.
- Чи та, чи не та, но все же лучше, чем в этом вашем Сорвикините.
- Тамара Павловна, ну что ты все коверкаешь? Наш поселок называется Нырвакинот, ты же здесь двадцать пять лет прожила, забыла?
- Да ну вас, с вашими чукотскими названиями, язык сломать можно. То ли дело у нас - Кубань, казак, кизяк, катух, криница, конь... Да, кстати, о конях – что там у вас с Доржем случилось?
- Ничего не случилось, еще толще стал... Ах, да, ему 50 стукнуло! Но он устоял. На другой день - как огурчик, даже на работу вышел. Вот мужчина! В расцвете сил.
- Так куда же вы, холостые бабешки, смотрите? Такой клад пропадает!
- После Рахуиловны, с которой прожил целый год, он на женщин и не смотрит. У него другие увлечения - ценные бумаги-акции, нарды и шахматы. В день своего юбилея он заявил:
- Много акций не таскаю, лишь о шахматах пою,
Словно женщину ласкаю экономику свою.
Короче, он спокоен и здоров.
- Да, Павловна, как ни крути, а здоровье - главное в жизни.

- Умелин так же считает. Потому и решил уйти на заслуженный отдых.

- А что с ним случилось?

- С Циклопом? Ничего не случилось, еще красномордее стал. Ах, да, ему шибануло

55. Но он устоял, на другой день даже на работу вышел.

- Что-то ми, Инга, все о стариках да, о стариках. А молодежь у вас есть?

- Есть несколько штук. Один из них предложил ликвидировать профсоюз, представляешь?

- Ну и правильно, какой от него прок.

- Ишь ты какая! А я что буду делать?

- Ха-ха-ха! Ладно, не обижайся, я пошутила. До свиданья. Приезжай в гости.

Стук в дверь, Инга: «Кто там?»

- Почтальон Кочкин. Принес телеграмму.

- Давай. Так. Поздравительная. Зрякину. «Желаю я тебе удачи а Пете Польскому тем паче решить проблемы без изъяна пусть вам поможет обезьяна подпись Каталенко». Ну, туши свет!

Гаснет свет, раздаётся космическая музыка. Свет загорается. На сцене - Обезьяна (1992 год) и Пришелец. Между ними - диалог. Обезьяна: Здравствуй, Посланец Неба!

Пришелец (на одной ноте):

- Эттык - здравствуйте - здоровэньки булы.

- Как я рада, что ты посетил несчастных в этот день. Спаси их, Пришелец вся надежда на тебя.

- Кто-эти-люди?

- Это - бывшие товарищи геологи, а ныне - восточно-чукотские люмпен-господа, геопредприниматели.

- Почему-они-такие - унылые?

- У них нет денег и нечего пить. Они собрались, чтобы единогласно одобрить акт о ликвидации ВЧГЭ как ненужного и вредного предприятия и кое-как отметить последний день геолога. А это - самый старый геолог-ветеран. Послушай его песню.

По чукотским болотам скитался, гордо реял романтики дым.

Я о будущем не волновался, был, друзья, я тогда молодым.

Ни про рынок, ни про перестройку жутких снов в кукуле не видал.

Я икру запивал зверобоем, капитал весь на отпуск спускал.

А теперь я с седой головою, при медали, болезней букет.

Мне б коттеджик какой для покою да талончик на блок сигарет.

- Это-по-прежнему-их-главный-лозунг? (Указывает на сцену) Мы-придем-к-побезде-коммунистического-труда- ленин .

- Думаю, нет. Просто никто не решается его убрать.

- А-это-кто? Их-главный-геолог? (Указывает на бюст Ленина).

- Нет, это автор данного афоризма.

- Я-не-вижу-мисс-ВЧГЭ-где-она.

- Она погибла.

- Тридцать-лет-и-уже-ушла-к-верхннм-людям?

- Увы, да.

- Как-это-случилось?

- А вот так.

Хор: Истожились запасы! Истожились запасы, рассосались перспективы, ох

Экспедицию любили! Экспедицию любили, взяли палку и убили, эх!

Схоронили близ дороги! Схоронили близ дороги, видны руки, видны ноги! Вся на виду! Шевелится! Предприятием назвали! Предприятием назвали, шансы людям выжить дали.

Вот. Живем...

Как –называется-предприятие?

ВГЧП.

- Где оно?

- Оно еще в младенческом состоянии.

- Как-оно-питается?

- Госбюджетную соску сосет.

- Как- это-происходит?

- Послушай песню Эмбриона.

Хор: Еще я эмбрион, неразвит и смешон

На кашку заработать пока я не могу,

О-о-о, я не могу никак.

Худую жизнь влачу, но выжить я хочу

И сливки снять мечтаю на всех объектах я

И-и-и их лизать.

Я буду, буду расти и процветать.

- Вот пожалуйста, программа юного Предприятия - снять сливки со всех доступных месторождений.

Надолго-ли-хватит-этих-сливок?

Сливки съест – другими делами займется.

Какими делами?

Оно не знает. Вся надежда на тебя, помоги, Пришелец!

Чем-геологи-занимались-раньше?

- А вот чем.

Хор: Тундра наша - тундра, тундра зеленая.

Мы по той чукотской тундре ходили-гуляли.

Разные металлы в горах находили.

Хариуса, гольца, налима сетками ловили.

Поле наше поле, поле удалое.

Всю Чукотку исходили - можно веселиться!

- Геология-не-перспективна-не-рентабельна.

Бывшие геологи могут заняться оленеводством, не так ли?

Я-пролетал-на-тарелке-над-тундрой-видел-много-диких-олений-их-надо-собрать-и-приватизировать.

- Это хороший совет. На Предприятии есть специалисты по забою оленей. Это Небаба и Польский. Они могут стать бригадирами.

- А-как-эти-геопредприниматели-будут-пасти-олений?

- Зачем пасти? Они будут их сразу превращать в мясной продукт, готовый к употреблению и продаже.

Хор: Если б дали нам олешек попасти,

Стали б наши прибылешечки расти,

Продавали б за валюту мы рога

И имели бы кусочек пирога.

Эх, тундра ты тундра моя, кормовая тундра ягодная!

- Эти-люди-раньше-специализировались-на-поисках-металлов ?

- Да. Они нашли немало месторождений, которые так и остались лежать в недрах земли чукотской.

- Пролетая-на-тарелке-над-Чукоткой-я-видел-много-ржавого-металла.

- Эти железяки разбросали по тундре наши буровики.

- Прошло-время-разбрасывать-бочки- настало-время-их-собирать.

- Правильно. Деньги на бочку!

Хор: Если станем собирать металлолом,

Бочек тысячи по тундре мы найдем,

Трубы, траки, торсионы и катки,

Балансиры, компаса и молотки!

Эх, тундра ты тундра моя, тракторами раскуроченная!

- Из-космоса-видны-косяки-рыбы-в-реках-в-озерах-акватории-это-тоже-деньги.

- Прекрасная идея! Тем более, что в бывшей экспедиции есть знатные специалисты-ихтиологи. Это Крюканов, Свистоплясов, Белов. Они могут стать бригадирами рыбацких артелей.

Хор: На рыбалку могут нас благословить,

Станем дружно разнорыбицу ловить.

Будем мы, как розы, дыбиться,

Прибыль даст нам разнорыбица.

Эх, тундра ты тундра моя, тундра - матушка озерная!

- Что бы еще придумать для наших бедных геопредпринимателей?

- Пролетая-в-тарелке-над-тундрой- я-видел-много-ягод-и-грибов.

- Правильно! Дары тундры могут собирать под видом геолопоходов конторские служащие во главе со знатными ягодологами и грибоведами Кузиной, Беловой, Свистоплясовой.

Хор: Хорошо бы было, если бы да кабы

Собирать мы стали ягоды-грибы

И голодному народу продавать,

И наличные рублишки добывать.

Эх, тундра ты тундра моя, вся грибная тундра ягодная!

- Олени-бочки-железяки-рыба-ягоды-грибы-это-хорошо-но-где-же-камни?

- Бывшие геологи по-прежнему любят камни, особенно поделочные. Их можно продавать в Санкт-Петербург, там требуются.

- Это-нерудное-сырье-разве-геопредприниматели-забыли-про-руду?

- Есть только оловянная руда.

- И-все ?

- Перезвонов предлагает обрабатывать богатые антимонитовые жилы, но администрация Предприятия не желает иметь сурьмяную синицу в руки, ей подавай золотого журавля в небе.

- Сурьма-фантазия-золото-реальность-где-оно?

- Было на Туманном и рассеялось, как туман. Польский чешет затылок.

- Нет-туманного-золота-берите-тэркэнэйское-серебро.

- Землевладельцы-оленоводы не пускают геопредпринимателей на Тэркэней. Они опасаются, что наши люди испортят экологию и сократят поголовье оленей, съедят их.

- Вполне-возможно-вполне-возможно-вполне-возможно-вполне...

- Тебе больше нечего сказать?

- Положение-безвыходное-положение-безвыходное-пора-смываться-всех-желающих-прошу-следовать-за-мной-за-мной-за-мной-на-другую-планету-там-нет-проблем-там-нет-проблем-проблем-проблем...

Хор: Что же нам делать? Прибылей нету,

Где ассигнации взять?

Эх, полетим на другую планету,

Золото чтоб добывать.

Чтобы не скучно было в пространстве

Чтоб ностальгию прогнать,

Песню возьмем мы как спутницу странствий, Будем ее напевать.

- Ну-поех-поех-поехали! (Исчезает).

Обезьяна: А мы остаемся. Программа для ВГЧП намечена, будем ее выполнять!

Хор: Нашим следопытам сил не занимать,

Роги да копыты будем собирать,

За доллары, за иены, за юани тоже

И наступят перемены, станем жить пригоже.
 На металлоломе бизнес делать можно,
 Это ж не солома в зоне придорожной –
 Бочки, траки, торсионы, трубы и моторы.
 Нокопытим - наворотим металлома горы!
 Мы б поймали рыбку, если б были сети.
 Нам вполне подходят перспективы эти.
 Харюсом, гольцом, горбушей можно пропитаться,
 Обойтись без Джорджа Буша надо попытаться.
 Ягоды-грибочки можно собирать,
 И с грибами бочки "Шансу" продавать,
 Получить барыш хороший можно сговориться
 И на те шальные гроши будем веселиться!

В эстрадно-концертных хохмах и капустниках Дениса Доценко всегда обыгрывался один из главных героев экспедиционного фольклора - Федор Свистоплясов. В День геолога-92 ария Свистоплясова, сочиненная тремя влюбленными в него дамами - Пупченко, Щукиной и Сосновской - звучала так:

Достал нас рынок, НЭП и хозрасчет, у нас от перестройки диатез.
 Какие ждать сюрпризы нам еще? О чадах беспокоюсь как отец.
 Я вам спою романс, полевики, о том, как нежно я о вас пекусь.
 У нас всегда и все не по людски, взаимности, как видно, не дождусь
 ЦГП осталась в дураках, альтернативы неудачам нет.
 И вот послал я к черту СТК, туда же посылаю менеджмент.
 Я жду - подуют ветры перемен, и это - не последний мой букет.
 Жила хотя б полвека ВЧГЭ - другой заботы не было и нет.
 Поэты пишут часто оды мне, и их поет артистов стройный хор.
 Привык я к славе, знаете, вполне. Пущай поют, ну что за разговор.

Худо-бедно, а несколько полевых отрядов собирались-таки ехать в поле. Правда, с проектами и сметами творилось нечто невообразимое, они до сих пор лежали в Магадане и не были утверждены.

Денег нет для Тэркэнэя, Свистоплясов полой сил,
 А Козловский стал бледнее и работу запросил.
 Есть проект - отряда нету, на помойку сдали смету.
 По Восточному массиву Сима мыслью растеклась.
 Быть легендушке красивой, коль Козловская взялась.
 (Польский очень удивится, если поле состоится).
 Как работать им без денег? Сметы, где вы? Не видать.
 Ничего не знает Веник - как считать и что считать...

И только у Благоволина и Доценко сомнений не было - поле состоится.

У Крестовского отряда много суши и воды –
 Благоволину награда за прошедшие труды.
 Геологию потрусят, экологией закусят.
 Май - июнь

И побежали ветераны кто куда. В Хабаровск улетел Виктор Галин. Вот ему посошок от Дениса.

Виктор - значит «победитель». Тридцать шесть чукотских лет
 Продержался покоритель камня, кочек и галет.
 Побеждал морозы, ветры, гор скалистых крутизну,
 Тундровые километры, черноту и белизну.
 Жизнь - не сладкая поэма, знал и беды, и лямур.
 До свиданья, Амгуэма! Здравствуй, батюшка Амур.

Едешь поздно или рано? В самый раз для ветерана –
Север стал тебе не люб. Ждут тебя зеленый дуб,
Солнце, овощи, покой - счастье полною рекой!

Возвратясь из третьей (африканской) заграникомандировки, Алексей Воронов заявил:
«Я не зря рожден пернатый - я летал по заграницам
И с Чукотки вольной птицей я лечу в свои пенаты.
Инвалютно, тихо, кротко сам себе я сделал дар –
Между Конго и Чукоткой город южный - Краснодар.
Я из северного плена на Кубань стрелой лечу!
Там клубничка, там Елена, в том гнезде я жить хочу.»
Негрочукча Алексей! Проживай в казачьем крае,
геологии не зная, сад расти и злаки сей.

Отслужив пятнадцать лет и не видя перспектив своего развития (загнали в геохимию, сделали пробоотборщиком в поле и разносчиком элементов на камералке), уволился из экспедиции Иван Глухарев, имеющий кооперативную квартиру во Владивостоке. Не зная дальнейших планов Глухарева, Денис написал ему посошок по собственному разумению.

Что по силам Ване было? Интрузивы, дайки, жилы,
Геохимия, руда - с этим он дружил всегда.
Что Ивану по карману? И контейнер, и билет,
И талон на званье пана, только вот фазенды нет.
Но зато желаний много, есть энергии поток.
Отправляйся же в дорогу, покоряй Владивосток.

Однако не тут-то было, делать этого Иван не стал - не угадал Денис намерения друга. Иван проводил семью, а сам остался в Нырвакиноте и по благу (жена работала товароведом) устроился грузчиком в Смешторг, где зарабатывал в два раза больше, чем в ... ВГЧП, к тому же зарплату получая вовремя. У него была цель - заработать на дачу и машину (шоферские курсы он успешно закончил, научился ездить на автомобиле и водительские права получил). Жил Иван один в пустой квартире, спал на ящиках, питался мясом и рыбой, был весел и здоров. Создавалось впечатление, что отсутствие домашнего комфорта и женской ласки его совсем не тяготило. По пятницам после бани он заходил к Денису домой, приносил «пузур» (так называл бутылку один из его грузчиков, азиат) и друзья подолгу беседовали на кухне. Хозяйка Ольга Николаевна обеспечивала их мощным закусоном и сама охотно участвовала в разговорах. Иван, излагая свои оригинальные мысли, резко наклонял корпус в разные стороны и жестикулировал длинными руками, махая ими, сбивая со стола рюмки, вилки и ножи. Напившись, наевшись и наговорившись вдоволь, Иван уходил в свою пустынно-аскетическую ночлежку. Денис и Оля иногда провожали его на окраину поселка, совершали вечерний моцион.

В середине июня Крестовский отряд ГДП-200 к выезду в поле был готов. Начальник отряда Юрий Благоволин-Чвычка, находясь в самом продуктивном (46 лет) возрасте, собирался горы своротить. Старшие геологи - поэт-романтик Денис Доценко и сухарь-начетчик Анатолий Николаев - тоже рвались в поле со своими идеями. Денис специализировался на стратиграфии осадочных пород (складчатом основании вулканитов), тектонике и полезных ископаемых, Толик - на магматизме. Геолог Наталья- (Атос- Едрена Вошь), потеряв в Мароваамском отряде второго мужа-вездеходчика, вышла замуж третий раз - за проходчика канав Сычева, уже родила от него дочку и, сплавив ее вместе с сыном (от Перевалова) на материк, снова стала дееспособной полевичкой. Вторая женщина - молоденькая Галя Дубинина, техник-геолог, взяла своего еще не родившегося ребеночка с собой, ему было всего три месяца внутриутробного развития и врачи разрешили будущей мамашке легкую полевую работу. Инженер по технике безопасности тоже не возражал. Впрочем, он и не знали, что Галя беременна. Были в отряде и девушки -

студентки Марина и Лена, над которыми сразу же взял шефство бравый вездеходчик, местный донжуан, Витя Костровой.

Часть шестая

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

ЦИКЛ – XII (1992 – 1994)

Сезон – 92

Круг первый. Тепло.

Чвычка придумал великолепный тактический ход - перед массовой выброской в поле всего народа сделать предварительный вездеходный рейс в истоки Матачингая, разведать местность, найти подходящую площадку для строительства легкой базы, а заодно порыбачить и отдохнуть, короче, совместить полезное с приятным. Вторжение в район работ состоялось 22 июня (совпадение с планом Барбаросса случайное). Успешно преодолев гребень водораздела с опаснейшим спуском и валунисто-глыбистые участки долин, вездеход в полдень прибыл в назначенное место. Геологи сходу захватили плацдарм - небольшой участок суши на высоком берегу озера. Евражки, оборонявшие высоту, с паническими воплями разбежались и попрятались в норах-блиндажах - силы были слишком неравные. Блестящую победу десантники отметили обедом с домашним вином Вити Кострового. Затем лихой танкист-вездеходчик занялся рыбной ловлей, а Чвычка и Денис построили каркас первого базового жилья. Вечером была первая уха предстоящего полевого сезона.

Застолбив участок, пометив его и по-медвежьи, и по-собачьи, переночевав в кукулях (Денис нежился на панцирной сетке-койке, найденной в тундре по пути), геологи отправились в обратный путь, вниз по Матачингаю. Они проехали по ртутному рудному полю, миновали останки старой базы, воздвигнутой Синициным и унаследованной Денисом двадцать пять лет назад, набрали образцов серпентинитов и лиственитов (для поделок). Вездеход пересек площадку, на которой Доценко и Глухарев в 1971 году построили вторую Матачингайскую базу (теперь тут стоял всего один полуразрушенный домик охотников-рыбаков). Погода не подвела, вылазка состоялась. Великолепный Чвычка остался доволен весьма.

Подписав контракт с директором Предприятия Зрякиным на срок с 15 июня 1992 года по 1 июня 1994 года (старший геолог, оклад 4000 рублей), Денис отправился в поле на вертолете, летное время - десять минут. С ним прилетел порыбачить Саня Крюканов. Чвычка прибыл на стоянку на вездеходе поздно вечером (ехал целый день). Окончательный выезд на полевые работы геологи отметили крепчайшим самогоном Вити Кострового.

Потратив один день на строительные работы, геологи ринулись в маршруты. Спутницей Дениса стала гармонично развитая девочка Марина, студентка геологического техникума, с восторгом взирающая широко распахнутыми серыми глазами на своего шефа.

Романтически настроенная юная особа впервые видела настоящего чукотского геолога-героя, покорителя сурового Заполярья! Ее круглая симпатичная мордашка излучала радость и восхищение, ее большая упругая грудь с твердыми выпирающими сосками трепетала под тонкой блузкой. «Хороша, как спелая ягодка в росе», - облизнулся Денис.

Взаимное влечение старого геолога и молоденькой студенточки возникло еще в кузове грузовика, когда отряд ехал в аэропорт. Девочка мгновенно засекала нескромный взгляд геолога, скользнувший по ее венериним холмам, свободным от лифчика, и

предложила хлеба (девчата отламывали куски от свежей булки и жевали их – завтракали). Денис взял хлеб и вместе с молодухами заморил червячка. На стоянке Марина заявила начальнику отряда, что в маршруты будет ходить только с Денисом Ивановичем. «Пожаста, - ответил Чвычка, - мне, самое, все равно». Денис, разумеется, тоже не возражал. «Глядишь, что-нибудь и получится», - думал он.

В маршрутах геолог обращался с Мариной бережно и нежно. Он не разрешал ей садиться на холодные камни, заставлял хорошо кушать в обеденный перерыв и не перегружал пробами-образцами, щадя ее хрупкие девичьи плечики. Эротических позывов малышка у Дениса не вызывала, потому что ее прелести скрывала бесформенная спецодежда. А тонкая нежная шейка и детское личико с розовыми губками-бутончиками вызывали лишь чувство умиления и желание их поцеловать.

Целью полевых работ Крестовского отряда было геологическое доизучение побережья залива Креста с последующим составлением Государственной геологической карты масштаба 1:200 000 новой серии. Первые два маршрута с восторженно-очарованной девицей прошли гладко, а третий - на гору Большой Матачингай с отбором большого, количества образцов ископаемой флоры - закончился дождем и чрезвычайно опасным спуском по обвально-осыпному склону и крутым зафирнованным снежникам. Марина испытание выдержала, не пикнула даже и это Денису понравилось.

Вездеходчик Витя Костровой обеспечивал работу отряда. По утрам он развозил геологов к началу маршрутов, а вечером собирал их. Днем он ловил рыбу, делал из нее квашню, варил уху, жарил рыбу и вялил ее. На первой стоянке ловился исключительно озерный голец, причем только в сетку (на блесну не брал). Постоянное рыбное меню иногда разнообразилось мясом гаги (охотился все тот же азартно-неутомимый Костровой).

В начале июля холодный ветер и дождь загнали геологов в кукули. Чвычка и Наталья Сычева выехали в поселок. Костровой подбросил их в истоки Нырвакинота, а дальше, на трассу, через непроходимые для вездехода каньоны, скалы и глыбы, они пошли пешком. В этот же день старших геологов Доценко и Николаева, несмотря на различие характеров, одинаково пронесло. Они решили, что виной этому - полусырой, слабо маринованный голец из Витиной квашни и потреблять его перестали. Денис, резко сократив объем поглощаемой дикой пищи, сбегал в короткий маршрут, набрал мешок пестроцветных, красивых, как ситчик, туфов для распиловки и изучения их в качестве поделочных камней (оценка территории на поделочные камни и облицовочные материалы входила в персональное полевое задание Доценко).

Ночью, терзаемая сильным ветром, палатка потекла, как решето, кукули промокли. «Вот она, прелесть полевой жизни, вот оно, слияние с природой», - нервничал Денис, вытирая с лица дождевые брызги.

Чвычка, проводив семью в отпуск, возвратился на стоянку с Дэвисом, шотландской овчаркой-колли. Здесь Дэвиса истерически-восторженно встретил Джерри - маленький черный длинноухий спаниель, собственность беременного техника-геолога Гали Дубининой. Энергичный и решительный охотничий песик немедленно бросился на огромного красавца светло-коричневого окраса с белым воротником и попытался его изнасиловать. Дэвис удивился, Чвычка хмыкнул, Галя смутилась. «Джерри, ко мне!» - строго произнесла она. Возбужденный спаниель не обратил на хозяйку внимания, он не услышал ее.

Четвертый маршрут начался неудачно. Утром проспала дежурная, затянула завтрак. Вездеход при выезде разулся - слетела гуска, пришлось ее долго напяливать. Сидя в кабине вездехода и выполняя роль штурмана, Денис сплеховал, прозевал нужный поворот, загнал машину «не в ту степь», промахнулся километров на восемь! «Ни хрена себе!» - воскликнул ошарашенный геолог, разобравшись в ситуации, и повернул вездеход назад. Чвычка с Дэвисом и маршрутной рабочей Леной смиренно сидели в кузове, ждали сигнала для высадки.

Маршрут был прохладный, легкий, быстрый, но несчастья продолжались. Николаева в назначенном месте в назначенное время не оказалось. Проехали туда-сюда, до перевала и обратно - Толи нет, пропал, увяз в маршруте, запутался. Появился он на горизонте только через несколько часов, далеко за полночь, ползущий, как улитка. Ожидающие извелись, изголодались. Костровой погнал послушную машину как бешеный, на предельной скорости - всем жутко хотелось жрать.

Ночью у Дениса схватило брюхо и разболелся зуб. Раз за разом он выскакивал из палатки и бегал за ближайший бугор. Каждый раз его сопровождал Дэвис с палкой в зубах. Он совал ее под нос присевшему на корточки другу, просил кинуть палку подальше. Денис кидал, Дэвис находил, возвращался и снова требовал броска. Так геолог и пес проиграли всю ночь. Дэвис повизгивал и улыбался, он был, ну, очень доволен. А Денису ну очень мешали радоваться недосып и зубная боль, которую он тщетно пытался унять анальгином.

Пятый маршрут - в истоки Матачингая, на левобережный хребет, испытывая острые рези в животе, Денис ходил один, без Марины. Он пожалел девочку - пусть поспит. Утром и в обед он ничего, кроме сухариков и чая, не ел, глотал бесалол и ношпу. С острой болью в желудке, печени, кишках и тяжело загруженным рюкзаком (набрал брекчиевидных розово-зеленых лиственитов и пестроцветных туфов), Денис спустился с водораздела. У лагеря он увидел чужаков. Оказалась, что это Кутенков с пацанами. Бродит по долине, ищет древние чукотские стойбища, стоянки первобытного человека, золото и Серебряную гору заодно. Пока еще ничего не нашел, но это и неважно, главное – процесс. Денис накормил псевдоархеологов рыбой, напоил чаем и с облегчением их проводил («ходят тут всякие, а потом вещи пропадают»). Испытывая голод, он не выдержал, рискнул, похлебал немного супчику. Ничего, обошлось без болезненно-жидких испражнений и ночных игр в палкобол с Дэвисом. Зуб, однако, еще не успокоился, болел, гад.

6 июля погодно-желудочные мучения Дениса вроде бы кончились. Под ясным солнечным небом он собирал кристаллы гранатов в долине ручья Киноварного (участок его работ 1967 года), решал вопрос о генезисе минерала. А на стоянке - непрерывный собачий рык, визг, лай, собачья ссора-умора. Глупый, сексуально озабоченный маньяк Джерри (ему полгода) продолжает терроризировать Дэвиса, тот отбивается от него, валяет на спину и, прижав лапой, слегка покусывает, успокаивает. «Галя, он у тебя голубой, что ли?» - спросил однажды Костровой. Беременный техник-геолог зарделась. Так были завершены работы на первой стоянке.

На второй стоянке началось жаркое комариное лето. Ночь была кошмарной - душный, потно-липкий кукуль, злые кровожадные комарихи и зубная боль... Хорошо еще, что хоть желудочно-кишечный тракт как будто налажился.

Удивительный маршрут произошел десятого июля. Он в равной мере был наполнен и удачами, и неприятностями, и положительными и отрицательными эмоциями. Приятные события:

1 - на старой чукотской стоянке Денис насобирав обрезков оленьих рогов, пригодных для резьбы;

2 - впервые после болезни живота и лечения голодом и ношпой он выдал полноценный, качественный стул (это не смешно, это очень важно в полевой жизни, это необходимо для полноценной, качественной работы в поисково-съёмочных маршрутах). Чем лучше у геолога стол и стул, тем выше оценка его полевых материалов. Это - закон.

3 - в самом начале маршрута Денис наткнулся на фауну.

4 - взобравшись выше по склону, он увидел поделочные камни (серпентиниты, листвениты) и закопался в них.

За испытанные удовольствия немедленно последовала расплата.

1. Денис разбил термос с чаем, 2 - попал под грозовой дождь, пять километров без остановки тащил под дождем тяжеленный рюкзак с камнями, не имея возможности присесть и отдохнуть, дать слабинку спине и плечам - шел дождь, условия для отдыха были

абсолютно неподходящие. И, наконец, 4 - у геолога снова разболелся зуб. Таким образом, за весь маршрутный день в борьбе добра и зла счет получился ничейный, четыре-четыре.

13 июля состоялся второй оригинальный маршрут. Денис ходил на поиски коренного источника золота с двумя помощниками - Мариной и Дэвисом. Колли очень привязался к девушке, потому что она его баловала, подкармливала, играла с ним в палочку (от угрюмо-сварливого хозяина, Чвычки, он отказался совсем, он полностью его игнорировал). Трое поисковиков ползали по склонам долины и искали-вынюхивали золотишко, обнаружили несколько обломков кварца. На один из них Дэвис поднял ногу, В пробе именно из этого обломка, помеченного Дэвисом, впоследствии Римма Крюканова установила золото.

Ночь Дэвис провел в девичьей палатке рядом с Мариной. Джерри, охранявший соседний кукуль, в котором спала его хозяйка Галя, ворчал на незваного гостя.

В середине июля Чвычка и Костровой уехали в Нырвакинот за бензином. Денис, воспользовавшись тем, что в женской палатке все спали, тихонько перекусил, собрался и побежал в маршрут один, без студентки. Погода стояла контрастная - с севера дул ледяной ветер, с юга припекало солнце. Денису нравилось ходить одному, без обременительного прицепа, наедине с природой он чувствовал себя необыкновенно легко, вольготно. На следующий день он снова воспользовавшись тем, что Марина дрыхла в теплом кукуле, сорвался втихаря один, потому что маршрут был с небольшим отбором образцов, по однообразным породам. Вечером обиженная студентка встретила Дениса со слезами и упреками: «Почему вы меня не берете? Я не хочу в палатке сидеть! Если я вам не нужна, я попрошусь в другой отряд!»

Возвратился вездеход. За ужином геологи надрались зверского самогона, привезенного из поселка Костровым. Пьяный Денис объяснял девчатам, что против Марины он ничего не имеет, наоборот, она ему нравится, девочка хорошая, ходить с ней он хочет, но одному все-таки лучше, приятней, свободнее. Почему? Да хотя бы по биологическим-физиологическим причинам.

Утром, похмелившись, геологи поехали на четвертую стоянку, где было работы на два дня. Полусонный Денис вою дорогу лежал на кукулях и держал в своей грубой мозолистой руке нежную ручку Марины, с которой помирился и пообещал больше не бросать.

Стоянка оказалась мрачной и тяжелой. Два дня шел дождь и геологу скрывались в палатках. Затем был туманный маршрут под морозящим дождем в истоки Эчкачека. Мокрый, раздраженный Денис на водоразделе, в тумане перепутал направление и слегка блуданул, но в долину спустился правильно и нашел вездеход, в котором Витя Костровой тискал и целовал студентку Леночку, Маринкину подружку. Во втором маршруте тоже пришлось промокнуть, но вездехода на сей раз в конце маршрута не было и пришлось старику десять километров до палаток идти пешком, ругая Чвычку - зачем так далеко от маршрутов поставил палатку? (Впоследствии Чвычка сознался, что после пьянки плохо соображал и проскочил участок маршрутного исхаживания).

На этой поганой стоянке все пошло кувырком; собирались на два дня, а проторчали пять; ехали полупьяные, Чвычка загнал вездеход за пределы района; продукты съели за два дня и пришлось Чвычке съездить на старую стоянку, где сидели беременная техник-геолог Галя Дубинина и педераст Джерри. Маршруты были какие-то жутковатые, мокрые, холодные, причем переодеться было не во что - ведь ехали-то всего на два дня! Отдельной кухонной палатки не взяли (зачем ее ставить на такое короткое время?), готовить и есть приходилось в тесной женской палатке, вприсядку, на полу.

21 июля отряд двумя рейсами вездехода был переброшен на пятую стоянку в долину реки Этэлькуйым. Место было выбрано отличное, с кустами, на них геологи развесили и просушили мокрые одежды. Вторым рейсом Витя привез свежего оленьего мяса, взятого у канчаланских чукчей, перегоняющих стадо к устью Матачингая.

22 июля, несмотря на туман до земли и морозящий дождь, настроение у Дениса было праздничное - он впервые за сезон помылся с мылом в горячей воде и переоделся в чистое! К тому же еда стала необыкновенно вкусной и питательно - калорийной: на завтрак - суп гороховый с оленьим мясом, слегка пригорелый со дна; на обед - печенка оленя жареная, на ужин - суп с оленьим мясом, много-много парного оленьего мяса! А после этого - музыка, впервые за сезон Денис включил спидолу, поймал «Маяк».

С этой прекрасной стоянки было сделано два маршрута, в первом Денис вместо коренного источника золота нашел бараний рог, что было для него гораздо существеннее и приятнее невидимого металла. Как дополнение к полученному в маршруте сувениру на ужин была отбивная котлета с гарниром из жареных грибов с картошкой - объеденье! Во втором маршруте из двух намеченных вершин с относительным превышением восьмьсот метров Денис одолел только одну. Крутые длительные подъемы ему в его возрасте давались тяжело, ноги болели, сердце заходило. Совсем близко он увидел снежных баранов и позавидовал им - вот кому даются легко любые кручи.

25 июля состоялся переезд на шестую стоянку, в долину реки Матачингай. Палатки были поставлены в устье ручья Олений Рог. Место было такое же живописное и приятное, как и то, откуда ушли - лужайка среди кустов. Отсюда в восемь вечера Чвычка ушел в поселок. Вернулся он на следующий день. А Денис дорвался до серпентинитов, натаскал гору обломков, годных для поделок. В маршруте он видел изумительное по красоте озеро, восхитившее Чобру двадцать один год назад. Кузьма, проходя по водоразделу ручьев Ревущий - Олений Рог в июле семьдесят первого, сделал в полевой книжке такую запись: «Гребень водораздела узкий, пилообразный, склоны осыпные. В цирке озеро, частично подо льдом, темно-синее, очень красивое. С юга к нему подходит фирновый снежник, частично перекрытый осыпями. Калабашкин назвал озеро «Сапфировое кольцо». Соответствует. Денис пришел, увидел это чудо природы и согласился с предшественниками. В этот день наступила великая сушь, ручей у палатки исчез.

28 июля Витя Костровой отвез Дениса с Мариной и Наталью Сычеву за двадцать километров от стоянки, на ручей Цербер (левый приток Этэлькуйыма). В узкой долине ручья, среди зарослей ивняка геолог обнаружил таинственную, повидимому, браконьерскую, хижину с железной печкой и трехъярусными нарами на шесть персон - отличное, скрытое убежище, настоящий схрон. Отсюда Денис начал маршрут - тяжелый долгий подъем с целью поисков конгломератов, затем быстрый спуск к руслу ручья, в благословенную тень. А здесь сушняк, костер и чай-чай-чай-чай! Денис выпил восемь кружек чая! И пришел к выводу: самое приятное в жизни - утоление жажды.

Вездеход за Денисом и Натальей должен был прибыть в девять-десять вечера, однако Денис закончил маршрут гораздо раньше (потому что конгломератов он не нашел, изучать нечего) и пошел на стоянку пешком, навстречу вездеходу, попутно собирая грибы. Сыпал мелкий дождик, над широченной долиной Этэлькуйыма в районе наледи сверкала гигантская радуга, нещадно жрали комары. Денис впервые намазался дэтой. Грибов вдоль дороги было мало, в основном грузди, но все же с помощью Марины Денис набрал половину рюкзака (около ведра). До стоянки маршрутная пара топала четыре часа и вездехода не встретила. Приехал Витя в лагерь аж в два часа ночи, привез Чвычку и Наталью. За Денисом Костровой не приехал вовремя потому, что путь ему преградил прилив в бухте Этэлькуюм. Пришлось долго стоять и ждать, когда море соизволит освободить пляж-дорогу.

Оленья стада паслось неподалеку от палаток геологов. Из поселка на грузовых машинах приезжали деловые люди со спиртом, меняли его на олени туши. Забой животных шел непрерывно. Пьяные пастухи и их собаки по ночам не давали геологам спать.

29 июля Денис был командирован на двое суток с Матачингайской стоянки в Нырвакинот. Задание включало семейные наслаждения, посещение конторы, склада, АТХ, На вездеходе Кострового полевик привез домой все, что мог: поделочные камни, свежее

оленье мясо, рыбу, грибы, рога оленей и баранов. Взамен он поимел основные блага цивилизации - ванну, коньяк, жену и много-много пива с вялеными гольцами.

31 июля, оставив в поселке беременного техника-геолога Галю Дубинину и ее игривого спаниеля и взяв вместо них двух не менее шаловливых мальчиков Костровых, Крестовский отряд совершил утомительный двенадцатичасовой марш-бросок по маршруту Нырвакинот – Матачингай – Стойбищная - Юогаун. На Стойбищной в наспех поставленной палатке была временно оставлена студентка Марина с другом Дэвисом. Всю дорогу лихой водитель - вездеходчик, начальник отряда и старший геолог поддерживали бодрость духа пивом из канистры, самогоном и коньяком.

На Юогауне туман. Весь маршрут Дениса прошел в тумане, но уверенно, без блуда. Костровой ловил в море горбушу - рыба шла на нерест. На этом удаленном от Нырвакинота отрезке берега свирепствовала какая-то рыбацкая бригада - то ли от Смешторга, то ли от «Шанса» Жоры Тынского.

На следующий день снова туман и низкие облака, но теперь уже с потерей ориентации у Дениса.

Снова в тучах оказался, не туда маршрут загнул,

Шел по компасу, старался, но надрасно - блуданул.

Не видно гор, не видно неба, - сижу в тумане, грустный муж,

Горбушу ем с горбушкой хлеба и кашей гречневой к тому ж.

Когда же выйду из тумана? Когда вступлю на верный путь,

Чтоб ставить точки без обмана и написать хоть что-нибудь?

Из маршрута на стоянку геолог возвращался своим ходом, десять километров. К концу пути облака рассеялись, встречное солнце слепило глаза, доносили комары, Денис еле ноги волочил. В палатке, приготовив еду и утолив голод, он провалился в глубокий сон.

3 августа в дождь и туман геологи переехали на Стойбищную, где Денис второй раз за сезон обожрался и поимел понос. Вечером, по совету многоопытного Вити Кострового, раздосадованный геолог полечился самогоном с солью и жареным мясом.

4 августа у Дениса был ностальгический маршрут по местам полевых работ 1971 года. На хребте он видел следы первой веролетной высадки, с которой рабочие таскали грузы вниз по склону к ручью. Спустившись в долину, Денис постоял на родимом пепелище. Каркас палатки, в которой жили счастливые супруги Доценко, давно развалился и доски растащила вода. На камнях лежали полусгнившие широкие нары - бывшее ложе любви. Отсюда, из этой точки 12 июля 1971 года Денис и Оля вылетели в Монголию. Трогательный, грустный момент пережил ветеран, осматривая старую стоянку. Здесь, на контакте субвулканических андезитов и конгломератов он поставил очередную точку наблюдения, посидел на камушке, сделал запись в полевой книжке.

Весь день, борясь с желудочно-кишечным расстройством, Денис ходил голодный, зато вечером напоролся супу горохового с копченым мясом от Кострового и грибов с картошкой. Его снова пронесло. Денис обозлился не на шутку, завтракать не стал, выпил кружку крепкого чая, заглотил две таблетки бесалола, и - в маршрут. Лез он на хребет, спотыкаясь и покачиваясь от слабости, временами испытывал головокружение и тошноту. Пообедал он копчеными мясными ремнями и холодным чаем с сухарями. Спустившись в долину, он встретился с вездеходом, попил чаю. Вездеход три часа ждал Николаева, дождался, взял на борт и в час ночи прибыл на стоянку. «Ужинать» Денис не стал, залез в кукуль голодным.

Следующий маршрут был легкий, рядом со стоянкой. Денис нашел красивые сиреневые игнимбриты с зелеными пламеневидными линзами (фьямме). Собравшись вечером в палатке, геологи, как обычно, делились впечатлениями. Оказалось, все видели каких-либо зверей: Денис - снежного барана, Чвычка - лося, Витя Костровой-медведя. Только Только Николаев не видел никого, потому что всматривался исключительно в горные породы - такой, понимаешь, деловой, серьезный, сосредоточенный геолог.

7 августа Крестовский отряд в полном составе, завершив первый круг геологических исследований, возвратился в Нырвакинот. В пути Денис с резвыми Костровятами сидел в кабине вездехода, Чвычка - на кабине, Николаев - на моторе, женщины и колли Дэвис - в салоне. Загрузка была чрезмерной, сразу после отъезда лопнуло два торсиона. Но до места доползли, разгрузили снаряжение - в Витином сарае, в восьми километрах от Нырвакинота. Здесь Костровой разделил на всех членов отряда свежую кету и горбушу, выловленную им ночью в бухте Эчкачек. Вечером на вахтовке полевики прибыли в Нырвакинот. Машина остановилась на краю поселка, в АТХ, где Денис встретился с разлюбленной супругой Ольгой Николаевной (она дежурила-сторожила). Дома геолог помылся, выпил коньячку и, чистый телом и духом, завалился в чистую постель, испытывая необыкновенную легкость и блаженство. Полевой кукуль конечно, хорош, но домашняя кровать все же лучше.

В три часа ночи Денисова дочка Катя с группой экспедиционных женщин выехала на вахтовке на залив Свободный. Возвратилась она вечером вялая - усталая и очень недовольная поездкой - грибов мало, а путь изнурительно-длинный.

Нырвакинотский отдых Дениса продолжался шесть суток. За это время геолог три раза ходил и ездил на склад, привез свои камни, с помощью Чвычки набрал из распадка на четвертом километре туфов для распиловки и оценки их облицовочных свойств. 13 августа отряд загрузил машину и выехал в аэропорт для вылета в поле, но рейс по метеоусловиям не состоялся. Денис такому обороту событий обрадовался, потому что вечером, благодаря Мане Каровой, из Анадыря на вертолете привезли сына - студента Колю. Ольга Николаевна устроила по этому поводу праздничный ужин, с участием Мани и изрядным количеством выпивки.

Круг второй. Прохладно.

14 августа утренний аврал закончился выездом в аэропорт и вылетом на вертолете в поле, на озеро Янранайгытгын, где на старой базе Свистоплясова в хорошо сохранившемся домике проводил свой отпуск (вместо Сочи) непримиримый дремучебородатый бобыль Степан Небаба. Поселившись у него, Денис и Толя Николаев поставили рядом две свои палатки - женское жилье и кухню. Благоволин с Костровым остались в поселке, приедут позже. Горы выше уровня 400 метров уже были покрыты снегом.

15 августа на вездеходе приехал Чвычка и начались регулярные маршруты на морозном ветру. «Лето ли это?» - удивлялся Денис, одетый по-зимнему. На этой стоянке он занимался осадочными породами, отбирая из них по всему разрезу пробы на спорово-пыльцевой анализ. Успешное применение палеопалинологического метода на севере Чукотки позволяло ему надеяться, что и здесь, в южной части полуострова, на границе с вулканитами (в перивулканической зоне) можно будет уточнить возраст осадков по ископаемым спорово-пыльцевым комплексам.

19 августа в туман и дождь Чвычка снова отправился в Нырвакинот (сначала на вездеходе до хребта, дальше - пешком). Необходимость его пребывания в поселке была вызвана пересудом над старшим приемным сыном, находящимся в заключении. Парнишка с младенческих лет не признавал отчима. Отпущенный на свободное развитие, он вырос с воровскими наклонностями и быстро их реализовал. Проживая у бабки в Ленинграде, он побывал в детской исправительной колонии и вот теперь, уже в Нырвакиноте, снова попал в зону.

- Я ничего не понимаю! Почему он таким стал? с чего это началось? - воскликнула однажды мать преступника Галя Благоволина.

- Это началось с того камня, который убил Матускина, - ответил Денис, сидевший с ней у нее дома за кухонным столом (выпивали вдвоем).

- Да, был бы жив его настоящий отец, такого с ним бы не случилось.

- Выпьем за то, чтобы этот кошмар скорее кончился и все было хорошо.

- Ох, Денис, я вся извелась, как мне этого хочется...

Чвычка никогда, ни с кем, кроме задушевного друга Моисеева, с которым вместе кончал Ленинградский университет, даже при любой, самой откровенно-товарищеской пьяной беседе о приемном сыне-выродке говорить не хотел. Если же кто-то заикался о нем, задавал ненароком вопросы, Благоволин резко мрачнел, строго, как индейский вождь, произносил магическое слово «табу» и тема обрывалась. Табу! И никаких вопросов! Так, к сожалению, обстояли семейные дела у Великолепного Чвычки, прекрасного геолога, любимца экспедиции.

Проводив друга-начальника в Нырвакинот, Денис, находившийся в вездеходе, решил в маршрут не ходить и заняться более важным делом - сбором голубики; рядом с ним собирал синюю ягоду и охотился одновременно (в кустах сидели медведи, зайцы и куропатки) хозяин здешних мест Степан Небаба. С трудом наполнив маленькую баночку (терпения для столь мелочной работы у Степы явно нехватало, не мужское это занятие), борода успокоился.

- Чего так мало? - спросил Денис.

- А мне больше и не надо. Я с сахарком намну, намну – и скушаю под чаек. Курочка по зернышку клюет и сыта бывает, - ответил степенный Степан и пошел по кустам в поисках дичи.

На базе отшельник не очень удачно ловил рыбу. Оснащение у него было неважное - сетенка старая, рваная, резиновая лодка худая, дырявая, он едва успевал сплавить к сетке к обратно, с мокрым задом выбирался на берег и выплескивал воду, заполнившую плавсредство. Тем не менее, дело потихоньку двигалось, бочонки наполнялись. Было у Небабы и еще одно базовое увлечение – уничтожение евражек. Он их ненавидел и убивал самыми различными способами, трупки грызунов устилали все подступы к хижине дяди Степы. В тундре они не гниют - запаха не было.

Охотничья удача сопутствовала Костровому. Грохочущий вездеход вспугивал зайцев и куропаток, лихой водитель на ходу стрелял по ним. Промазав, он выпрыгивал на землю, находил жертву и добывал ее. Однажды двух зайцев он срезал одним выстрелом, показав высший класс! Безоглядно гоняясь за косыми, Витя всего лишь один раз разулся и сломал один торсион. Вот так. Вообще у Кострового этот сезон получался необыкновенно насыщенным и разнообразным. Каждый полевой день с утра он ставил перед собой три основные задачи: 1 - наловить рыбы, 2 - настрелять дичи, 3 - трахнуть студентку Леночку. Первые две задачи он, хоть и с переменным успехом, выполнял легко и беспрепятственно, а вот решение третьей задачи давалось с великим трудом, потому что объект упорно сопротивлялся. В ненастную погоду и по ночам из закрытого салона вездехода частенько раздавался девичий визг, шум борьбы, глухие звуки ударов о борт и днище кузова, охи-ахи-смехи. В вольной эротической борьбе за трусики, которые Витя стремился с девушки стащить, иногда участвовала и Марина, ненароком попавшая под разгоряченного Витю (она тоже предпочитала темной холодной и сырой палатке светлый, теплый, сухой вездеходный салон). Добился ли Витя в конце концов своей цели? Об этом, кроме его и Леночки, не знал никто («только знает ночь туманная как поладили они...»).

Итак, Чвычка отправился в поселок, Денис насобирал голубики и ночью, возвращаясь с ягодного промысла, при свете фар, выполнил геологическое задание на этот день - отобрал на силикатный анализ пробы из коренных выходов песчаников в береговых обрывах реки Янранайваам. 22 августа он на вездеходе выехал встречать Чвычку и в устье реки насобирал еще две банки. Тундра приобрела осеннюю багрово-золотистую окраску. Чвычка пришел из поселка под вечер и сообщил, что сына освободили (колоссальные морально-физические усилия и денежные затраты Галины принесли желаемый результат).

23 августа Чвычка, Денис и Марина переехали со Степановой базы в долину среднего течения Янранайваама. Палатки геологи поставили прямо на голубичной поляне. Пока Марина орудовала на кухне, а Чвычка разбирался с аэрофотоснимками, Денис и Витя Костровой собирали голубику. Витя поднялся на высокую террасу и оттуда заорал:

«Идите сюда! Тут море грибов!» И началась заготовка даров тундры. Насобирав по ведру, новоселы успокоились. « Вот так стоянка - прямо чудо!» - воскликнул сияющий Денис.

Вечером на стоянку геологов пришел чукча-пастух, оленье стадо в тумане разбежалось по всем долинам, невозможно собрать. Особенно подвижны олени-грибники, есть такие.

В связи с хроническим ненастьем притоки Янранайваама Денис назвал так: Морось, Мжичка и Моква. Утром рано, когда Чвычка, Дэвис и Марина еще спали, Денис сварил для последующего консервирования отборные - маленькие, твердые грибочки, а крупные порезал на дольки и повесил в марлевом пологе над горящим примусом - сушить. Уходя в маршрут, геолог оставил студентку в палатке и приказал ей: «Следи за грибами, помешивай, потряхивай!» Возвратившись из дождливого маршрута по коренным выходам вдоль берегов Янранайваама, Денис увидел в своей палатке трагикомическую картину: грибы в пологе (целое ведро!) не только не высохли, а наоборот, сварились - распарились - расплавились, превратились в мерзкую жижу, которую глупышка Марина перемешивала ложкой, пытаясь отодрать липкую массу от марли. Всю эту мерзость Денису пришлось выбросить, а испоганенный противокмаринный полог бросить в воду на отмокание. «Вот же старый дурак! - ругал себя Денис. - Как я мог додуматься до такого способа сушки?» А вот Чвычка оказался умнее - он поставил примус в лежащую бочку, на бочку в один слой доложил грибочки и прекрасно, самое, их высушил!

25 августа у начальника Крестовского отряда наступил день рождения, но знали об этом только двое - он сам и Денис. Перед выходом в маршрут старший геолог залез в кухню-спальню Марины и Дэвиса, чтобы перекусить и взять продуктишек с собой. Сонная студентка вылезла из кукуля, набросила на плечи телогрейку, прикрыла грудь. А снизу... Денис впервые за сезон увидел - белые девичьи ноги, обнаженные до самого основания и замер обалдело, уставившись на них. Боже, как красиво! И какой соблазн! Марина, ничуть не смущаясь, стояла себе спокойно и позевывала. Девочке было невдомек, какое мощное воздействие оказала она на взволнованного бородатого дядю! Дениса неудержимо потянуло к ней, ему немедленно захотелось ... Да мало ли что ему захотелось - в маршрут надо идти, осадочные породы расчленять, думать над метаморфизованной толщей, черт бы ее побрал! Куда ее отнести, к какой свите? Совершенно не ясно!

Геолог схватил банку тушенки, банку сгущенки, пачку галет и как ошпаренный вылетел из девичьего теремка, убегая от греха подальше. Видение голых женских ног и темной ложбины между ними долго еще сопровождало его в маршруте. Как поступать в таких случаях? Денис вспомнил геолога Турецкого, одного из начальников отряда Науканской экспедиции, о котором ходили легенды. У него с этим делом проблем не было, он не комплексовал. Это был половой бандит, неотразимый полевой донжуан, который каждый сезон и чуть ли ни в каждом маршруте, без зазрения совести, смело и решительно трахал своих спутниц, рабочих-радиометристок (об этом с восхищением и завистью рассказал Денису науканец Миша Тумкыргав). Но такие геройские мужики - редкость, Денис к ним, разумеется, не относился. Соблазнительные студенточки в большинстве случаев уезжали с полевых работ нетронутыми, весьма сожалея об этом.

Денис шел и вздыхал. Погода - хуже некуда. До обеда - морось, после обеда - дождь. Поднимаясь на подоблачный хребет, Денис миновал стадо снежных баранов (насчитал одиннадцать голов). Звери замерли как изваяния на склоне горы метрах в тридцати от медленно идущего геолога и настороженно наблюдали за ним, готовые в любой момент сорваться и бежать. Они сообразили, что человек без карабина для них опасности не представляет, а длинная рукоятка молотка, на которую он опирается, всего лишь палка.

- Нету на вас Небабы или Польского, - сказал баранам Денис.

- Степана мы хрен подпустим, - ответил самый крупный баран-вожак с огромными витыми рогами. - Мы за ним давно следим и издалека видим.

- К тому же от него за версту разит порохом и табаком, близко не подобрется, - добавила овца.

Денис приветливо помахал баранам рукой и пополз на гребень водораздела, скрылся в тучах. Осмотрев выходы рассланцованных песчаников и алевролитов (следствие динамотермального метаморфизма), Денис перевалил хребет и спустился в долину, в болото, где обнаружил комплексную голубично-морошковую россыпь и отработал ее. Последнюю голубичную поляну на берегу Янранайваама он очищал от лазуритовых ягод под дождем. Толстая ватная куртка с капюшоном - пурговка - хоть и медленно, но промокала. В палатку Денис ввалился абсолютно мокрый и холодный до головы.

Новорожденный Чвычка был, напротив - абсолютно сухой, теплый и веселый. Он восседал на кукуле, игриво улыбаясь сквозь мохнато-вислые сосульчатые усы. В палаточной атмосфере витал дразнящий запах спирта. «А я уже!»- воскликнул Чвычка и захихикал. «Имеешь полное право», - одобрил его Денис, пожал лапу, поздравил и переоделся в сухое. Чвычка набулькал в зеленые эмалированные кружки разбавленного спирта, протянул Денису - ну, давай! Друзья чокнулись-звякнули, вздрогнули-передернулись, быстро закусили зеленым горошком, выдохнули -о-о-о... Из соседней палатки-кухни донесся призывный звон.

Первым в пищеблок бросился Дэвис, за ним, прихватив бутылку, закосолапили и геологи. В девичьей палатке они втроем, не считая собаки, отметили Юркин день рождения. Подпив, Чвычка твердо и определенно (до сих пор были только призрачные намеки), заплетающимся языком заявил, что по окончании сезона он переводится на работу в Анадырь, а отряд оставляет ему, Денису. Доценко этого очень не хотел. Ему нравилась беззаботно-безответственная работа старшего геолога за широкой гранитной спиной Благоволина, но куда ж денешься? Альтернативы нет, производственная необходимость, придется снова на старости лет браться за гуж.

В палатке, под шум дождя, при свете и тепле горящего примуса, вдали от мирской суеты, рядом с друзьями -Денисом и Дэвисом, в обществе симпатичной-аппетитной девушки, вдоволь напившись «веселой воды» и набив брюхо горячей пищей, геолог-полевик Чвычка был по-настоящему счастлив. «У-бу-бу...», - бубнил бутуз, пуская пузыри.

А вот утром следующего дня он был по-настоящему несчастлив, Денис, разумеется, тоже. Сгорая от похмельной жажды, он с жадностью заглотил кружку капустного рассола из банки. После плотного завтрака (борщ, каша, чай) Денис, охая и вздыхая, нехотя отправился в маршрут, а Чвычке стало совсем плохо. «Капику поспать», - пробормотал он и залез в кукуль.

Тучи закрывали вершины гор, но дождя не было. Промозглую сырость - мокву - Денис ощутил только на гребне водораздела. Впервые за сезон он взял с собой в маршрут сигареты, уподобился заядлым курыкам и на каждой остановке (точке наблюдения) курил, заглушая похмельную тоску. Время от времени у него возникала боль в правой почке. «Вот это уж точно от выпивки», - с грустью констатировал он.

Вечером со Степановой базы на стоянку приехал разудало-озорной Витя и радостно, весело сообщил, что вчера, то есть 25 августа, сгорела кухонная палатка. Получилось так: повариха (беременная техник-геолог Галя Дубинина) разожгла два примуса и вышла. Один примус потух, пустил сначала струю газа, потом брызнул керосином и от пламени соседней горелки вспыхнул-взорвался. Ну а дальше все понятно. Тушить горящую палатку бессмысленно. Вот такой подарок-фейерверк преподнесла начальнику отряда на день рождения беременная Галочка. Чвычка не особенно огорчился; палатка была списанной, а сгоревшие вместе с ней продукты будут расписаны на всех.

27 августа Крестовский отряд воссоединился в истоках ручья Двурогого. Денис заметил – в начале сезона вездеход Кострового летал, в середине сезона просто ездил, а под конец - ползает. Основная причина - поломка нескольких торсионов. Как их получить из

центра Экспедиции? Связь препогойнешая, рация пищит, заказы на торсионы Чвычка никак передать не может и сильно раздражается.

Календарное лето завершилось сырой, промозглой погодой, туманами и дождями. К геологам прибилося трое чукчей-пастухов, они поселились у них в палатке, вместе с ними ели и спали, не снимая кухлянок, прямо на холодном брезенте, между кукулей. Для них такой отдых был все равно что в гостинице «люкс». Тундровые бродяги - геологи и олениводы - объединились в одну семью, образовали общий жилищно-пищевой кооператив.

Все четыре крестовские женщины (Наталья Сычева, Галя Дубинина, Марина и Лена) уехали на вездеходе на побережье залива Свободный для отбора экологических - металлометрических проб.

Оттуда по рации Витя Костровой сообщил, что при переправе черед вздувшуюся от дождей реку вездеход разулся и утонул, сел на дно. Чвычка засуетился, загоношился, забормотал «самое, самое, надо идти». А туда тридцать километров, не меньше. Спас Чвычку счастливый случай - неожиданно-негаданно налетел вертолет, увез его к терпящему бедствие вездеходу и попавшим в беду женщинам. По пояс в ледяной воде Чвычка и Витя сумели обуть машину (натянуть гусеницы) и вывести ее на сушу. Четыре бесформенные грации в болотных сапогах и толстых куртках, стоя на берегу, приветствовали героев криками «ура» и горячим чаем.

- Наде бы, самое, чего покрепче, - помечтал дрожащий Чвычка, сося чай.

- У меня есть флакон одеколона, - вдруг заявила Сычева, опытная полевичка, прекрасно знающая навыки бичей.

- Да что ж ты молчала! - вскрикнул Витя. - Давай!

Цветочный спирт-горлодер спас мужиков от простуды и продлил их полевую жизнь. А студентки вылетели в поселок - их практика закончилась. Вечером первого сентября Чвычка и Витя вернулись на основную стоянку.

Круг третий. Х о л о д н о

В пять часов утра из вездехода раздался восторженно-изумленный вопль Вити Кострового: «Мужики! Снег хуярит!» Денис выглянул, убедился - все вокруг белым-бело, белым снегом замело. Наступила зима. Протопав первый след, Денис по свежему снежку, который всегда почему-то радует необыкновенно, прошел на кухню, приготовил завтрак, звоном ложки по кастрюльной крышке собрал товарищей. Наевшись мяса, полевички собрались, поехали на следующую стоянку. Отъехав с километр, Чвычка треснул себя по лбу - антенну забыл! Вернулись (плохой признак, однако), нашли, взяли, поехали обратно по своему следу, достигли домика-балка, притащенного к заливу Свободному экспедиционными рыбаками. В передвижном деревянном домике уже переночевали Наталья и все более беременный техник-геолог Галя (без Джерри). Взяв на борт женщин, геологи поехали дальше, на Эрутту, где и поставили палатки. Витя Костровой тихим ходом повел вездеход на ремонт в поселок - укатали сивку крутые горки.

В начале сентября несколько дней подряд был прерывистый снегопад. Денис ходил в маршрут на гору Тучка, краем коснулся Амгеньского оловорудного месторождения, где работал в 1970 году. После маршрутов геолог собирал мягкую голубику, из которой варил варенье, и тверую бруснику, которой набивал пробные мешки.

Седьмого сентября ожидался вертолет. Встав пораньше, Денис отправился на брусничную поляну. Листья на кустах, травы и ягоды были покрыты белым пушусто-игольчатым инеем. Насобирав полкотелка, Денис услышал гул вертолета. С досадой покинув ягодное место (так жаль - ведь все пропадет!), он побежал на стоянку, споткнулся, упал, больно ударился локтями и коленями о камни, рассыпал по земле рубиново-красные ягоды, быстро-быстро собрал их и снова потрусил к палаткам, которые уже начали снимать, эвакуация шла полным ходом. Наталья, едрена вошь, сунулась в Денисов угол и выбросила на камни трехлитровую стеклянную банку с голубичным

вареньем, упакованную в пробный мешок. Банка хряснула, разбилась, вязкая тёмно-красная жидкость потекла сквозь ткань как черная кровь. Обуянный ужасом Денис чуть ни плача подхватил кровоточащий мешок и сунул его в ведро. Он готов был убить зловредную бабу за причиненный ущерб, но времени на это не было, вертолет сел, надо было быстро-быстро бегать-бегать-бегать, таскать-таскать-таскать. Тут уж не до выяснения отношений. Случилось это несчастье при перелете на тринадцатую стоянку. Хреновый номер, хреновое настроение, хреновые маршруты. Кончилась рубиново-красная (брусничная) радость, началась опалово-синяя (голубичная) печаль.

Восьмого сентября вечером ситуация резко изменилась. После легкого приятного долинного маршрута в сопровождении Дэвиса Денис встретил прибывшего из Нырвакинота развеселого Витю с оленьей тушей, свежей рыбой горячего копчения и холодным, крепким самогоном. И наступил праздник! Витя, как солнечный луч, как озорной рыжий клоун, внес оживление в загрустивший отряд. Возвратился из маршрута усталый Чвычка и сходу, не снимая сапогов, хряпнул самогону, передернулся, закусил жирной копченой рыбкой и заулыбался - намана!

Оставив Чвычку разоблачаться и насыщаться, Денис и Витя при луне поставили на озере сети и возвратились на кухню, где продолжили пир. Третью палатку - для себя - мужики поставить не успели, поэтому спали вперемежку с женщинами и собаками. Утром с похмелья геологам, как обычно, было нехорошо и полечиться было нечем. Но Денису дико повезло. Уже после завтрака, перед отъездом в маршрут, он забрел на кухню, с тоской глянул на пустую фляжку, валяющуюся на полу, взял ее и на всякий случай встряхнул. Есть! Немного не допили! Он быстренько вылил остатки самогона в кружку и выпил....

А маршрут был такой - всем составом отряда ехать на рудопроявление золота Тымыль для повторного (контрольного) литогеохимического опробования по иной, более правильной сетке (500x100) Денис ехал весело, а Чвычка страдал, сидя сверху, на моторе, и изображал всем своим видом, как ему хочется выпить-похмелиться! Он через окно подавал знаки, рисуя на стекле фляжку, щелкая себя по шее. «Что это с ним? - удивилась Наталья. - Чокнулся, что ли, едрена вошь?» А Денис самодовольно ухмылялся - он-то в порядке, ему повезло.

Опробование было выполнено быстро, несмотря на разыгравшуюся пургу. Возвратившись домой, продрогший отряд в темпе поужинал и спрятался в кукули.

10 сентября Денис выполнил длинный маршрут по левобережью реки, которая давным-давно попала в его песню: «О, какомэй, чай пауркэн мы будем. О, какомэй, усталость позабудем. О, какомэй, потом пойдем опять длину Кылькаквытвытвеема измерять».

Отряд переехал на реку Янрамавээм, в Конергинскую тундру. Два дня Денис бегал по четвертичке, по кочкам и болотам, отбирал экологические пробы, слушая вопли гагар.

13 сентября в маршруте номер сорок пять Денис тоже весь день провел на болотах, под мощным слоем облаков, северным ветром и морозящим дождем. Задрать голенища сапог он не дотумкал, штаны у него промокли и прилипли к ногам, варежки, точнее носки, надетые на руки, тоже были мокрые. Вот в таких условиях и таком виде он вышел на берег залива Свободного, показавшегося океаном. Противоположного - амгеньского берега в тумане не видать, взволнованное море казалось безбрежным. Денис пошел по пляжу, по морской капусте и длинным, похожим на гигантские спагетти, водорослям, выброшенным на берег, по панцирям крабов и морских ежей. Удивило его огромное дерево с корневищем в комле, принесенное морем неизвестно откуда, из далекого далека. Дрожа от холода, геолог нашел тихий овражек, вскипятил чай, пообедал. Затем он осмотрел береговые обрывы, попытался найти ракушки, но не нашел.

Время близилось к вечеру, Денис стоял под обрывом с выходами глин и песков и вдруг слышит - гудит вездеход. Он взлетел наверх и выскочил прямо перед носом вездехода! Еще чуть-чуть и Витя проехал бы мимо и пришлось бы Денису десять

километров до лагеря шлепать пешком в темноте. Костровой и Чвычка тоже ошарашены - откуда взялся? Чистая случайность. «Мы думали, чукча! - крикнул улыбающийся водитель. - Влезай в кузов, поехали!» В салоне вездехода чудесно - тепло и сухо. Вот только трясет зверски на кочкоте и мелкобугристой поверхности тундры, но это не беда, можно терпеть.

Вездеход приехал в лагерь, совсем стемнело, а Николаева и Сычевой все еще нет. В девять вечера Чвычка пустил ракету, через полчаса - еще одну. Появился Толя, а через некоторое время нарисовалась Наталья. Чвычка успокоился: «Мона спать».

На другой день - пурга, холод собачий, а Чвычка на вездеходе отправился отбирать экологические пробы, взял рацию, кукули, запас продуктов на несколько дней. Николаев в палатка шурует примуса, горящие в железной бочке. Но эта печка - фикция, самообман - теплый воздух мгновенно улечивается, выдувается из палатки, которая так и норовит сорваться с камней и умчаться в снежную даль. Упала антенна. Благородный, добродушный Дэвис от слабого питания (продукты на исходе, Марины нет, никто пса не жалеет, не подкармливает) озверел. Он ворует и жрет сырое мясо (дома этого с ним никогда не случалось), огрызается, показывает клыки. Вот уж воистину, «собака бывает кусачей только от жизни собачей».

После обеда храбрый, мужественный Чвычка возвратился из похода побежденным - работа не пошла, пурга есть пурга и с нею надо считаться, надо ее уважать. При такой погоде положено смиренно лежать в кукуле, а не по заснеженной тундре мотаться. У совсем уж беременного техника-геолога Гали Дубининой случился собственный день рождения. Об этом отряд узнал утром, когда по радию из центра экспедиции поступило поздравление. А Чукотка, зараза, наградила ее, стало быть, пуржичкой, подарила много-много снега. Бедная маленькая пузатенькая Галочка! Не позавидуешь ее судьбе. Из коллег только колли Дэвис ее поздравил. Да и то после того, как нажрался мерзлого дерьма, которое нашел за поворотом террасы, в отхожем месте. «Такое красивое, благородное животное и на тебе - докатился до пожирания человеческих экскрементов. Хорошо, что не видел хозяин Чвычка, он бы в ужас пришел. «Да, жизнь заставит жрать говно», - рассуждал Денис, глядя на облизывающуюся, как после порции шоколада, собаку. В палатке Дэвис кинулся к Галочке, сидящей на кукуле и, поздравляя ее с днем рождения, лизнул прямо в губы! Денис содрогнулся. Не позавидуешь такому ароматному поцелую! О-хо-хо... Вот такое оно, зимне-осеннее поле, вот такая, понимаешь, хреновина.

15 сентября принято смелое, боевое решение - Чвычка и Денис выезжают таки на вездеходе (пурга стихла) в трехдневный рейд для экологического опробования Конергинской низменности с ночевками в салоне вездехода (три кукуля помещаются как раз, впритирку). Начался маршрут номер сорок шесть - по снежной равнине при сильном ветре. Дениса высадили в верховьях реки Канэнмываам, где вездеход сломался и Витя начал его ремонтировать, приподняв зад домкратом. А Денис, подгоняемый попутным ветром, одетый по-зимнему и с кукулиным хвостом, пошел вниз по реке (она еще не замерзла), отбирал донные пробы.

На закате солнца он пришел в назначенное место для встречи с вездеходом, а там его нет. Ноги в резиновых сапогах быстро замерзли. Стемнело, Денис танцевал, бегал, прыгал, согревался, - пытался развести костер - ничего не вышло, сырые веточки не горели, а кассиопеи не было нигде. Геологу стало жутковато, он закурил. Где вездеход? Сломался? Приедет или не приедет? Если нет, придется погибаться? Очень не хочется. В полной темноте послышался отдаленный гул вездехода, появились огоньки двух фар. Ура! Приехал! Денис бросился навстречу.

Второй день у Дениса прошел нормально, если не считать неудачную переправу через реку (забрел по пояс, набрал воды в сапоги, выжимал портянки). Зато встреча с вездеходам в конце маршрута состоялась в светлое время, просто и легко, по расписанию.

17 сентября, маршрут № 48 - вниз по Кукувээму и вдоль побережья залива Свободный. Денис шел навстречу свирепому северному ветру, спрятав кисти рук в

меховые рукавицы, которые одолжил ему Витя Костровой. В устье Кукувээма он видел множество нерпичьих черепов, прошел заброшенную землянку охотников-рыбаков и пустой деревянный домик с нарами и железной печкой («Дом для бродяг», - подумал Денис). Море штормило, ноги в резине отчаянно мерзли. Забравшись в овраг, Денис разогрел тушенку, перекусил и пошел дальше вдоль морского берега. И вот, наконец он добрался до конечного пункта - в устье ручья Камака (в переводе с чукотского - гибельный конец, хана, кранты). Здесь геолог насобирает плавника, разжег костер и, сидя возле него, под свист ветра и шум морской волны, набегающей на берег, дописал маршрут.

Приближалась ночь, а вездехода все не было. Что с ним случилось на сей раз? «Уж теперь-то наверняка сломался», - решил Денис и ему стало страшно в этой безжизненной холодной пустыне. Но не пропадать же на самом деле, сидя до посинения в устье Камаки! Надо двигаться в сторону стоянки, хоть до нее и очень далеко, не менее тридцати километров. «Ничего, как-нибудь дойду.» - вслух произнес Денис и двинулся в путь. Он поднялся наверх, обнаружил подмороженную тракторную колею, пересекающую густокочковатую поверхность морской террасы и ведущую на северо-запад, к устью Янрамавээма. Пошел - и успокоился. Любое действие легче безнадежно-тоскливого ожидания, да еще в темноте.

Не прошел Денис и трех километров, как вдруг слева по курсу на берегу залива увидел почти одновременно ракету в небе и огонек на земле. «Вот они где! Нашлись, паскуды!» - прошипел геолог и, развернувшись на девяносто градусов, попер по снежнокочковатой целине, проваливаясь то в снег, то в ямы, заполненные водой и покрытые тонким слоем льда, держа направление на призывно-спасительный огонек. Изможденный, мокрый, запыхавшийся и злой подошел Денис к костру, у которого стоял Чвычка, черный и мрачный, как демон.

- Что случилось? - прохрипел он.

- Ты где должен был меня ждать, хрен моржовый? - заорал Денис - Почему ты здесь торчишь? Ты должен быть вон там, в устье Камаки!

- Камака здесь!

- Камака там!

- Здесь Камака!

- Там Камака!

- Я точно привязался сверху, с бугра, от тригопункта! У меня железная привязка! Вот оно, устье Камаки!

Денис замолчал, огляделся. Успокаиваясь, он начал догадываться, что Чвычка, пожалуй, прав. Другой, более мелкий ручей сбил его с панталыку. «Значит, я не дошел до Камаки», - пробормотал покаянно Денис, сбрасывая рюкзак. - «Ну что ж, и на старуху бывает проруха». Да, геолог ошибся и получил жуткие, панические ощущения, потерял пять часов светлого дневного времени. Чвычка тоже признался, что испытал «маленький ужас» и уже намечал на завтра план поисков пропавшего (погибшего?) старшего геолога Доценко, друга и соратника.

Все обошлось, камака не состоялась, хоть и попугала изрядно, Далеко за полночь вездеход возвратился на стоянку, полевики утолили голод и жажду. Перед сном Денис вышел из палатки и с удивлением увидел чистое небо, луну и северное сияние, посвященное благополучному завершению трехдневного экологического рейда по просторам Конергинской тундры.

18 сентября. Переезд. Мороз. Ветрище. Задняя дверца вездехода открыта, снежная пыль из-под гусениц залетает внутрь салона, оседает на бороде, ноги у геолога мерзнут. А тут еще надо сотворить последнее большое дело - пройти расчистки по высоченному, метров пятьдесят, обрыву - прекрасному обнажению ледниково-морской террасы, задокументировать выработки и опробовать осадки на спорово-пыльцевой анализ. Пыль летит в глаза, руки в носках коченеют, песок скрипит на зубах - условия полярные,

экстремальные. Крестовский отряд всем составом лазит по обнажению, Денис руководит операцией, определяет места отбора проб. Осадки, особенно глины, мерзлые, плотные, Чвычка орудует ломом и топором. Кое-как за два часа общими усилиями справились с задачей, забились в вездеход, поели тушенки и рванули дальше. В устье реки Тымлыведем геологи обнаружили деревянный домик, утеплили дверь брезентом, растопили печку, разбросали по нарам кукули, переночевали.

19 сентября. Сразу после завтрака заходит в домик, согнувшись и отодвинув брезент, старый чукча, пьет чай, по-русски разговаривает плохо - видимо, все жизнь в тундре провел. Ему надо подъехать на вездеходе. Чвычке вздумалось объяснить ему, чем в данный момент занимаются геологи. Так сказать, знания - в массы, в народ. Предположив, что старик - обязательно глухо-пердя, Чвычка громко кричит: «Мы отбираем, самое, экологические пробы, чтобы узнать, отчего в некоторых местах бывает массовый падеж оленей! Нам надо узнать, почему ни с того, ни с сего олени, самое, дохнут!» Чукча удивился - неужели дохнут? А-я-яй! Он долго и внимательно слушал оратора, кивал головой, поддакивал. Денису надоел надсадный чвычкин крик и он сказал: «Юра, ну чего ты орешь? Говори нормально, он же хорошо слышит». Старик обрадовался, заулыбался, закивал: «Та, та, слышит.» Чвычка облегченно передохнул, хлебнул чаю и продолжал говорить нормальным голосом. Долго слушал абориген пространную чвычкину лекцию и вдруг, выбрав момент, задал вопрос: «А кутька ките?» Чвычка осекся и обалдело уставился на чукчу.

- Какая кутька?

- Кутька ките, там, та? - снова спросил любознательный старик и махнул рукой в сторону моря.

- Ничего не понимаю, что он спрашивает. Какая кутька?

Тут вмешался Денис, сразу оценивший комичность положения.

- Юра, ты же ему полчаса про кутьку толковал, а где она, так и не объяснил.

Чвычка, хлопая глазами и морщив лоб, пытался сообразить, в чем ту дело. Разве он что-нибудь говорил про кутьку? Какая, черт побери, кутька? Что это такое?! Чукча, глядя на Чвычку, хитро улыбался, девки хихикали, Дениса разбирая смех.

- Ну все, самое, поехали! Нечего тут рассиживаться, ехать пора! - разозлился начальник отряда и начал собираться.

Старика чукчу-охотника на морзверя с лодкой и багром Костровой высадил по дороге, на берегу залива Свободный. У Дениса в этот день был юбилейный маршрут номер пятьдесят, болотно-тундровой экологический с геолого-геоморфологическими наблюдениями. В одном месте, осторожно ступая по мочажине, Денис провалился по пояс в ледяную воду, охнул, испугался, стал на твердое мерзлое дно, осторожно ступая, перебрел опасное место. «Как хорошо, что на Чукотке есть многолетняя «вечная» мерзлота и нет засасывающих трясин», - думал геолог, сидя на кочке и выжимая портянки.

Переобувшись, он глянул вперед и увидел плату за страх - все болото было покрыто россыпью желто-оранжевой спелой-переспелой морошки. Наевшись этой замечательной ягоды, прибодренный Денис продолжил путь. В полдень он разогрел на костре гуляш с рисом, попил чаю, вечером встретил вездеход и приехал на нем в долину реки Кукеккуюм к экспедиционному передвижному домику-балку. Домик был занят посторонней публикой, приехавшей сюда из Нырвакинота на пяти мотоциклах, одном грузовике и одном вездеходе. Денис переночевал вместе с Витей Костровым в его спальном салоне на гусеничном ходу.

29 сентября. Экологический маршрут № 51 по долине Кукеккуюма. День тихий, солнечный, много снегу, пейзаж зимний. Возвратившись, Денис поел жареной рыбки, которую Витя наловил удочной. Все рыбаки-охотники, слава Пелекену, разъехались, на домик, кроме членов Крестовского отряда, более никто не претендовал. Денис со своим кукулем втиснулся меж двух женщин – Натальей и Галей - и без всяких происшествий

провел ночь. Под утро, однако, все-таки вышел конфуз или, как сказала бы на оформительском языке Ольга Николаевна, «хохма с яйцами». Геолог в старых рваных трусах (износились к концу сезона) вылез из кукуля и на четвереньках, сверкая голым задом, пробрался к выходу, чтобы сделать пи-пи. Сотрудницы, чьи головы с глазами торчали из спальных мешков, вроде вы спали и как бы ничего не видели, хотя легкое сотрясение одного из кукулей было очень похоже на внутритрубное хихиканье.

И вот настал желанный день - отряд едет последним маршрутом - по дороге в Нырвакикот, отбирает Толины пробы на все виды анализов магматических пород, колотит камни в четыре молотка (все более беременный техник-геолог Галя Дубинина и водитель вездехода Витя Костровой участия в камнедробильных работах не принимали). Склоны гор глыбасто-снежные, скользкие, подъемы тяжелые. На первом объекте опробования Чвычка обнаружил, что забыл карту в вездеходе, а без нее намеченную площадку не найти. Матюкнувшись, Чвычка спустился далеко вниз, взял карту и снова поднялся, отобрав пробу килограммов на пятьдесят, он спустился к подножью склона и с ужасом обнаружил, что забыл карту на обнажении! Сбросив рюкзак в снег, сгорбившись, с собачьей тоской в глазах, измученный растяпа потащился в гору, по своим следам. Из-за этих его возвращений всю дальнейшую дорогу ломался вездеход. И все же отряд, с трудом преодолев перевал, спустился в благословенную долину, достиг земли обетованной. До АТХ вездеход дотащился еле-еле, на последнем издыхании мотора и ходовой части. Оттащив секретные чемоданы в экспедицию, геологи разошлись по домам. Денис взял в кабинете и нес с собой металлическую походную фляжку, которую обнаружил на своем столе. Это был прощальный подарок от Марины, о чем свидетельствовала записка: «Денису Ивановичу на память. Пейте, вспоминайте. М.» Денис был тронут. «Все-таки эта девочка была в меня влюблена!» - гордо думал ветеран труда, шагая до дому, в объятия старой доброй супруги.

Полевой сезон-92 окончательно завершился 23 сентября сбором лабазов на вертолете МИ-8 (летали Чвычка и Денис). Вместе с отрядными грузами был вывезен со своего озера сильно затосковавший по людям, бане и выпивке, и уже собиравшийся выходить пешком (за сто километров), бобыль-отшельник Степан Небаба с тремя бочками соленой рыбы) (себе, Свистоплясову и Крюканову). У Дениса главным полевым грузом были ящики с ягодами и вареньем. Сдав этот бесценно-витаминный груз жене, Денис совместно с другом Чвычкой принялся пить-гулять. Одновременно Юрка упаковывал вещи, готовился к переселению в Анадырь - специально за ним прилетит самолет.

«За чашкой чая» друзья вспоминали перипетии полевого сезона, характеры и взаимоотношения людей. Денис пришел к выводу, что студентка Марина его любила, студентка Лена уважала (полевым роман был у нее с другим голубоглазым красавчиком - Витей Костровым), беременный техник-геолог Галя к нему, да и ко всем была абсолютно равнодушна, геолог Наталья слегка презирала - Доценко ни по каким параметрам не подходил под ее идеал, ей нравились крупные самцы из рядов рабочего класса. Свою неприязнь к геологу Наталья особенно наглядно продемонстрировала во время авральной погрузки на вертолет, когда зло вышвырнула из палатки его банку с голубичным вареньем. Денис долго не мог простить ей этого преступления.

Теперь о мужиках. Чвычку Денис без всякого сомнения считал своим другом. Витей Костровым восхищался (замечательный парень, настоящий северянин, не зря его женщины любят), а вот старшего геолога Анатолия Николаева ненавидел. Вернее так - он признавал и ценил энциклопедичность его знаний о геологии Чукотки, пунктуальность и инструктивность мышления, но презирал за то, что Толя был крайне эгоистичным, мелким человечешкой, который все греб под себя и даже мелким воровством не брезговал. Возможно, эти черты характера выработались у него из-за хронической болезни - астмы и приступов головной боли (как-то в отпуске, в деревне у родителей, его во время пожара трахнуло бревном по голове). Несоответствие спортивной внешности (высокий, широкоплечий, бывший боксер-первоступенник) и болезненности при общении с ним

создавало неприятные ощущения. Умный, начитанный, знающий, непьющий, некурящий, но - больной, мелочный и злобный. В поле у Дениса с ним было несколько стычек. Однажды вечером Денис пришел на кухню последним. Марина ему говорит - опоздали, первого нет. Толя в это время звучно хлебал щи из своей самой большой миски (жрал он всегда жадно и помногу). Денис приподнял крышку другой кастрюли - там оставалось немного макарон.

- Оставь мне! - гавкнул Николаев, на мгновение прервав еду.

- Что оставь? - опешил Денис.

- Макароны!

Все, кто был в палатке, замерли и удивленно уставились на чавкающего Толю. Пришлось Денису довольствоваться холодным бульоном, сухарями и чаем. А в конце сезона Николаев приватизировал лучший примус, принадлежавший Денису (из его подотчета) и помеченный провололочкой. Толя спрятал примус в свой ящик и при необходимости разжигал для личных нужд. Как-то раз негодующий Денис попытался использовать его, но был остановлен злым окриком:

- Не тронь! Это мой примус!

- Да какой же твой, если я его привез из своего подвала! Вот и метка есть, видишь?

- Эту метку сделал я! Моя метка! Мой примус!

Денис развел руками, у него не было слов, он растерялся перед наглостью Николаева. Вот такие вспомнились Денису мелочи полевого быта, связанные с этим уникальным геологом. А если говорить о камеральном периоде, то тут можно полностью согласиться с Козьмой Прутковым: «Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя». Толя ничем, кроме геологии, не занимался, не увлекался, не интересовался, не замечал, никакого хобби у него не было, в общественной жизни он был круглый ноль.

Справедливости ради следует сказать, что Толя не всегда был раздражительным и желчным. Он очень любил, когда его гладили по шерстке, внимательно и с полным одобрением слушали его пространные объяснения и соглашались с ним. Тогда он прямо-таки светился, мурлыкал ласково и умильно, как сытый самодовольный кот. Но стоило ему возразить, как он мгновение ошетикивался, зверел и начинал грубо выражаться. Однажды от него крепко досталось даже Свистоплясову. Залетел начальник ЦГПП в кабинет и за что-то Толю упрекнул.

- Ты, мудака! - взъярился Николаев. - Ты не занимался групповой геологической съемкой и ни хрена в ней не понимаешь! Пошел на х...—!

Эту сцену надо было видеть! Сам хам, Свистоплясов никак не ожидал, что и с ним могут так же обращаться. Он совершенно растерялся, он замер с разинутым ртом и остекленевшими глазами, постоял в гробовой тишине несколько секунд, круто развернулся и хлопнул дверью. «Ну, Толя, ты молодец, едрена вошь!» - одобрила коллегу Наталью Сычева. Ей нравились крутые мужики.

Уходом Благоволина Николаев был удручен не меньше Дениса. Оба прекрасно понимали, что лишившись третьего мощного исполнителя работ, Крестовский отряд попал в крайне затруднительное положение, что в дальнейшем ему придется нелегко и давить на него беспощадно будет именно Благоволин. Посошок, сочиненный Денисом для друга-начальника звучал так.

А мы все думали - о ком страдает юный Геолком?

Кому, на то имея веру, готовит славную карьеру?

Ты ж был геолог, Благоволин! В поля начальником ходил.

Пошто от нас теперь уволен? Пошто в АУПы угодил?

Ты Предприятие небрежно на калькулятор променял

И стал куратором прилежным - ты это, самое, понял?

Ты ГДП внезапно бросил, вознесся вверх, за облака.

Решай же важные вопросы, а не валяй там дурака.

Слова - невинные проказы, ты их в головку не бери.
 Из Геолкома шли указы и нас не очень-то дери.
 Улыбки зри на наших лицах, ты вышел в люди! Молодец!
 Живи красиво, как в столице, имей и хрен, и холодец...

В конце сентября работники Восточно-геологического Чрезвычайного Предприятия (ВГЧП), товарищи и друзья загрузили Чвычку со всеми его домашними вещами в самолет и проводили в Анадырь. Там был образован самостоятельный, независимый от Магадана Чукотгеолком. Председателем его стал бывший главный геолог Западно-Чукотской экспедиции Кислов, заместителем Председателя Петр Польский, главным геологом Юрий Благоволин. В эту же управленческую организацию попал на высокий пост и воспитанник Ирины Истецкой, выдающийся национальный кадр Миша Тумкыргав. Умирающее Предприятие понесло и другие тяжкие потери. Переехали на Северный Кавказ (вызвал Колечко) супруги Ураловы. Об этом Денис написал со слезой.

Петр и Светлана!

В Майкопе цветущем лафа, говорят.

Там жить вам, наверное, вечно?

Рыдает Чукотка - теряет ребят хороших, веселых, сердечных.

Здесь годы молодые пургой пронеслись, те годы счастливыми были.

Вы вместе с оленями в тундре паслись и вместе с гагарами выли.

Геологи оба - и песня о вас на юг направляется с вами.

Услышит мелодию грозный Кавказ и нежно обнимет горами.

Улетела в Донбасс бессменный секретарь многочисленных начальников экспедиции Валентина Ивановна Ступак-Вайнер.

Пора осенняя настала, пора судьбу свою решать.

И Валентина вдруг устала полярным воздухом дышать.

И лишь теперь нам стало ясно, что экспедиции - конец.

От нас уходит в мир прекрасный В.И. Ступак, ее венец.

Она - история живая. Секретарем, не унывая,

При всех начальниках была трудолюбива и мила.

Стихов Валюше очень много посвящено за тридцать лет.

И вот последние - в дорогу, как беспосадочный билет.

Лети счастливая, как птица, на юг ковыльный, за границу,

В родном Донцке процветай, к нам за морошкой прилетай.

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ (молния).

Шестого ноября 1992 года в городе Анадыре у Василия и Веры Доценко родилась дочь! Денис Иванович и Ольга Николаевна стали дедом и бабкой! Коллектив Предприятия поздравляет славных ветеранов с получением столь почетного звания и, несмотря на это, желают вечно молодыми быть!

Новые веяния

В новом 1993 году из числа бывших полевиков Крестовского отряда отличился вездеходчик Витя Костровой. О нем осуждающе заговорили все женщины Предприятия - имея семью, Витя связался с незамужней (разведенной) женщиной, зовут которую... Типа! Галя к этому времени перестроилась, из геологии ушла и села за бухгалтерский стол, на материальную часть. Она часто бывала в АТХ и на складах, там встречалась с Костровым, ну и завлекла его в свои амурные сети, уложила, бедного, в свою нерасшатанную, давно не ощущавшую мужского тела, кровать. А Витя и сам давно мечтал поиметь геологиню. Посещал он ее регулярно, вечерами, после работы, а на ночь ехал домой, в другой поселок, объясняя позднее возвращение большим объемом ремонтных работ в АТХ. Ну столько ломаной техники - ужас! Приходится вкалывать за двоих! Так, объясняя ситуацию, Витя резво исполнял основную супружескую обязанность, успокаивал жену - сексуальной мужской силы у него вполне хватало на двоих. И никакие морозы (в конце

января - начале февраля они достигали пятидесяти градусов) не могли остудить Витин пыл. Но и Типа была ненасытна.

Развитию эротических наклонностей населения содействовали такие объективные обстоятельства, как свободная, неограниченная продажа в частных магазинчиках заграничного спирта «Роэл» (в народе его называли проще и понятней - рояль) и частый показ по местному телевидению («Бац-каналу») порнографических фильмов. В Нырвакиноте наступила сексуальная революция - основной показатель демократических преобразований в обществе. «Да здравствует порнуха!» - провозглашал голубой экран.

Главным геологом нравственно разлагающегося коллектива стал вполне подходящий для сложившейся ситуации разведчик Куликов Коля (Куколя) (Журавлёв Николай Васильевич – В.П.), дивизионно-иультинский друг и соратник Михаила Зрякина, теперешнего начальника ВГЧП. Тихий немногословный пьяница никому не мешал, со всеми соглашался, спокойно-равнодушно тянул свою временную (он это сознавал) лямку. Он являл собой исторически неизбежный образец деградации экспедиционного административно-геологического начальства, он был последним представителем этого вымирающего вида горно-геологических бюрократов.

Накануне дня геолога произошло несколько знаменательных событий. Первое - из Анадыря прибыл зампред Чукотгеолкома Петр Польский. На общем собрании коллектива он предупредил о готовящейся ликвидации ВГЧП как самостоятельного структурного подразделения и присоединении его к Западно-Чукотской (Анадырской – В.П.) экспедиции. Расхаживая по центральному проходу между рядами, избегая трибуны с бюстом Ленина и официальности, находясь, так сказать, в гуще народа, важный столичный чиновник четко излагал решение Чукотгеолкома. От него нырвакинотские геологи впервые услышали пугающе-непонятное слово «санация», созвучное с кастрацией. Этой таинственной операции должно было подвергнуться, чтобы выжить, полудохлое ВГЧП. «Многие работники, естественно, будут сокращены», - пояснил Польский, что вызвало в зале ропот негодования и панические возгласы - а куда нам деваться?

- Итак, санация, оздоровление, - единственный выход из создавшегося положения, - вещал Петр. - Присоединившись к Западно-Чукотской экспедиции, вы окрепнете, у вас появится шанс на выживание. Там есть надежный золоторудный объект - месторождение Валунистое. Это тот паровоз, который вытащит всех оставшихся чукотских геологов, в том числе и вас, из финансовой ямы. На этом золотом паровозе мы въедем в рыночный рай!

Дабы придать решению Чукотгеолкома демократический характер, сотрудникам ВГЧП было предложено проголосовать. Большинство по традиции было «за». Против лишения самостоятельности и присоединения к ЗЧГЭ выступил только один член коллектива - главный геолог Куколя. Сделал он это то ли потому, что под ним преждевременно зашаталось кресло, то ли потому, что предвидел будущее, знал, чем кончится этот фарс. Тихим, неуверенным голосом, слегка заикаясь и делая длинные мучительные паузы, он пролепетал: «Как вы не понимаете, что объединение с ЗЧГЭ означает полное уничтожение. Жарченко таким образом уже ликвидировал несколько экспедиций, та же участь ждет и нас...

Второе событие. От кавалера трех орденов, нищенствующего пенсионера Пухова из Смоленска в партбюро ВГЧП (оно еще существовало) пришла бандероль, состоящая из разорванного в клочья партбилета и заявления о выходе из рядов КПСС -беспомощно-гневный политически-идеологический протест обманутого, разочарованного, крепко обиженного государством ветерана Севера.

Событие третье. В актовом зале кто-то исправил (откорректировал в духе времени) ленинский лозунг - скovyрнул со стены две буквы и теперь одиозная фраза читалась так: «Мы придем к беде коммунистического труда». Под этим лозунгом вели геологов в неотектоническую пропасть Михаил Зрякин и Коля Куликов - такие же слепцы, как и все остальные номенклатурные деятели этого революционно-бардачного времени. Под этим

лозунгом (пропади все пропадом!) геологи весело и самозабвенно отмечали свой профессиональный праздник (этого не истребить никогда).

День геолога - 93

Традиционный праздничный концерт начался оптимистичной песней «Эх, хорошо!»

Эх, хорошо в стране чукотской жить,

Эх, хорошо розл и пиво пить,

Эх, хорошо треской закусывать

И от бардака не унывать-вать-вать.

Перед нами все карты открыты,

Но полезные в недрах лежат.

Перспективности нет, каждый день шлет привет

Геолком, геолком, геолком.

Геолком всегда готов

Дать денжат для поддержки штанов.

И чем больше он даст нам финансов,

Тем подольше мы здесь проживем.

Ведущий:

Значительная часть работников экспедиции - ветераны. По степени древности их можно разделить на пятидесятников, шестидесятников и семидесятников. Самый древний человек - Федор Свистоплясов, его стаж - 37 лет. Для него исполняется чукотская песня «Забыл».

Ая, а-я-я, тут Нырвакинот.

А где же Чита? Где Чита-чита?

Ая-а-я-я, тут Нырвакинот.

Вон там за горой Тырky-тыркыней.

А где же Чита, где Чита-чита?

Ая-а-я-я, Тырky-тыркыней.

Вон там Тыркыней, тут Нырвакинот.

А где же Чита, где Чита-чита?

Ая-а-я-я, где Чита-чита?

- Следующий по стажу - Генрих Козин (34 года). Наш музыкальный ему привет!

Жил был на Севере серенький козлик,

Был он геологом, горным козлом.

Ага, ага, горным козлом!

Полюбилось козлику в поле гуляти,

Руды искати, пользу давати.

Ага, ага, горный козел!

Там, где копыта Козьи стучали,

Месторожденья мы получали,

В месторождениях, как в награжденьях,

Козя чукотский - старый козел.

Ага, ага, старый козел!

- Третья пятидесятница - Ирина Свистоплясова. Поем для нее.

Молодой была стройнее тополя и ходила я в чукотские поля.

Ах, тундра ты тундра моя, кочковатая-болотистая!

Минералы изучала я потом, много сведений написано о том.

Ах, зерна-кристаллики, шлиховые минералики!

А теперь я до дробилки доросла - нет важнее и нужнее ремесла.

Ах, пробы вы пробушки, доведете до хворобушки!

Нет-нет, я всегда молода, не берут меня чукотские года.

Чукотка, Чукотка моя, до чего ж ты привлекательная!

- Среди шестидесятников есть великолепные семейно-геологические пары. Это Николаевы, Козловские, Крюкановы. Долгая совместная жизнь выработала у них одинаковые взгляды на стратиграфию, кулинарию, магматизм, тектонику и воспитание детей. Художественно-эстетические вкусы у них тоже одинаковые. Николаевы любят песню «Во поле палатка стояла» Послушайте ее.

Во поле палатка стояла, во поле зеленая стояла,

Люли-люли, стояла.

Кукули в палатке лежали, кукули зеленые лежали,

Люли-люли лежали.

В кукулях геологи спали, в кукулях зелененькие спали,

Люли-люленьки, спали, потому что очень устали.

- Козловские балдеют от песни «Ах ты сукин сын науканский мужик».

Ах ты сукин сын науканский мужик,

Для чего по Тэркэнею ты бежишь

В сапогах больших резиновых

И в штанах аквамариновых?

Для чего, мужик, махаешь молотком

И в ручье порою хлюпаешь лотком

В сапогах больших резиновых и в штанах аквамариновых?

Ах ты сукин сын науканский мужик,

Как же жить ты геологией привык!

В сапогах больших резиновых и в штанах аквамариновых!

- Перед началом репетиций текст этих песен мы отдали на проверку Крюканову. Сидя вечерами в течение недели, Александр Васильевич внимательнейшим образом все прочитал, после чего мелким бисерным почерком исписал десять листов замечаний, поправок и рекомендаций. Приведем некоторые из них.

1. Песня «Эх, хорошо». «Я не согласен о том, что треской закусывать хорошо, лучше было бы икоркой, как бывалоча в старину. В остальном все правильно.

2. Где Чита? Да, был недавно такой разговор. Федор Владимирович спрашивал про нее и я показал Читу на карте, так что теперь он знает, где этот город. Хуже другое - он не может вспомнить, что у него связано с Читой, что у него там имеется, это он на чисто забыл. А я не говорю. Пусть пока здесь живет и трудится, читинский кооператив не пропадет.

3. По поводу Козина. Следовало бы отметить, какие именно месторождения он топтал. Они всем известны, это Экуг, Эльмаун, Водораздельное, Тутумын, Туманное. В песне надо бы кратко охарактеризовать геологическое строение месторождений, указать параметры рудных тел и запасы по категории Пе-2.

4. В песне о Свистоплясовой слабо отражены результаты минералогических анализов. Ну что такое кристаллики-минералики? Несерьезно как-то, непрофессионально. Если был касситерит - укажите габитус. Ну и так далее.

5. В песне Николаевых убейте не пойму, почему геологи зелененькие? Ну были бы они красненькие или, на худой конец, голубенькие, это было бы еще ничего, объяснимо. А зелененькие почему? Что, браги обдулись? Так не годится, надо переделать.

6. Теперь о науканском мужике. Вот уж действительно сукин сын. Что это он как оглашенный по Тэркэнею носится, когда там надо все буквально на пузе исползать и опробовать неспеша, как это сделал Козловский? Чего зря на бегу молотком, как шашкой, размахивать? При такой методике поисков мы ни хрена не найдем и месторождение не докажем. А ведь речь-то идет о золоте и серебре! Это теперь единственное, о чем нужно петь и за что можно пить.

- Мы поддерживаем мнение Александра Васильевича и предлагаем тост за золото с серебром!

Краткий перерыв. Музыкальная пауза.

- Есть еще одна песня о семейной спортивно-геологической паре, которую мы Крюканову не показывали. Называется она «Мы-крюканцы»

Мы крюканцы и дух наш молод, на лыжах мчимся мы вперед!
Вздыхайся выше железный молот, бей образцы от всех пород.
Мы крюканцы, мы любим руды и перспективы создаем.
Чтоб за металл не гибли люди, мы за собою их ведем.

И после каждого отчета умней становится народ,
Вздыхайся выше железный молот, бей образцы от всех пород.

- А вот что поют про себя наши коллеги-геофизики.

Мы имеем точные приборы, отбиваем рудные тела,
Видим насквозь горы, разрешаем споры,
Хорошо идут у нас дела.

В нашем деле всякое бывает, кучи аномалий вдруг попрут.

И никто не знает, что обозначают

И никак не вяжется маршрут.

- Еще одному ветерану - разведчику чукотских недр Михаилу Зрякину, главе АУПа, посвящается бодрящая такая песенка «Любо, братцы, жить».

Жил он раньше тихо, был он просто Миха,

Жил в Дивизионе-оне, горюшка не знал.

А теперь без чести, на горячем месте -

В кресло он директора (директора!) попал!

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить,

С нашим атаманом нам приходится тужить.

Нет у вдохновенья, нет приватизаций,

Нет приватизаций и прибылей тю-тю.

После сохраненья будет ли стараться?

Выведет ли, братцы, нас на верную путю?

Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить,

С нашим атаманом нам приходится тужить.

- Как известно, без воды ни туды и ни сюды. Ценность этого жидкого полезного ископаемого возросла с появлением «роэла». Вода, смешанная со спиртом и введенная внутрь организмов делает всех людей, в том числе и гидрогеологов, чрезвычайно веселыми и тогда они поют:

Мы важнее, чем врачи, потому что гидрачи.

От водички мы поем и водоемы выдаем.

Солнце, воздух и вода выручают нас всегда,

Без финансовых затрат их насосаться каждый рад.

Не волнует нас руда, пейте воду, господа.

Ну а дамам без воды ни туды и ни сюды!

- Мы не забыли и славное племя разведчиков - буровиков и проходчиков. Им посвящается песня «Ехала вахтовка».

Ехала вахтовка в тундру на дела,

А за ней поземка снежная мела.

Ах, Чукотка ты Чукотка, буровой ты наш станок!

В тундре жили мы без водки - и никто не занемог.

Становились за станки молодцы-буровики,

Круглосуточно бурили. В тундре - все здоровяки!

Ехала вахтовка с гор в Нырвакинот,

В ней сидел усталый буровой народ.

Ах, Чукотка ты Чукотка, до чего ж ты довела.

Эх, скорее б выпить водки, чтоб забыть про все дела.

Отдыхали молодцы, вспоминали огурцы,

В телевизорах глядели, как Борис дает концы.

- Экспедиция - не конституция и концы все еще пока не отдает. Поэтому мы заканчиваем наше выступление на той же мажорной ноте и той же песней, с которой начали.

Эх, хорошо в стране чукотской жить...

Вбегает почтальон Кочкин, кричит: «Телеграмма из Риги! Нет рублей и нету латов, ничего не взять по благу. Убежать отсель хочу, вызывайте, прилечу! Подпись – Умелин»

Перед нами все карты открыты,

Но полезные в недрах лежат...

- Телеграмма из Смоленска! «Телом тут, душою с вами, пью дешевый самогон. Огурцами и грибами переполнен закусон. Песни с вами бы попеть, но увы - не улететь. Пухов»

Геолком всегда готов

Дать денег для поддержки штанов...

- Телеграмма из Новокузнецка! «Мы вас поздравляем с Марусей на пару, на стенке висит и скучает гитара, нам хочется песни геологов петь, подружке-гитаре - аккордом звенеть. Виноградовы».

Эх, хорошо в стране чукотской жить...

- Телеграмма из Майкопа! «Шлем кавказские приветы, Петр-сам и жинка Света. После чарки араки записались в казаки. Ураловы».

Перед нами все двери открыты,

Мы, однако, туда не пойдём.

Перетерпим года, нам поможет всегда

Геолком, геолком, геолком.

- Телеграмма из Краснодара! «Из глубин российской дури поздравляем, тумгытури. Эх, поесть бы шас гольца да оленьего мясца. Черных, Мишин, Воронов, Колечко, Заболоцкая.»

Геолком всегда готов

Дать денег для поддержки штанов...

- Телеграмма из Херсона! «Чудаков Чукотки сонной поздравляем мы херсонно и желаем чтобы «гэть» вам сказал Большой Медведь. Синицин, Цукин».

Эх, хорошо в стране чукотской жить...

- Телеграмма из Анадыря! «Знайте истину одну - ваш корабль идет ко дну. Но, друзья, не дуйте губки - все логично, много дыр. Пересаживайтесь в шлюпки и гребите в Анадыр. Польский, Благоволин, Тумкыргав».

Геолком всегда готов дать денег для полевиков,

И чем больше он дает нам финансов,

Тем подольше мы тут проживем.

Эх, хорошо в стране чукотской жить,

Эх, хорошо региональным быть,

Эх, хорошо Анадырю служить и про ВЧГЭ-ВГЧП забыть!

15 апреля 1993 года издан приказ Чукотгеолкома о преобразовании Восточно-Геологического Чрезвычайного предприятия, (ВГЧП) в Заливо-Крестовскую геологоразведочную партию /ЗКГРП/ и присоединении ее к Западно-Чукотской геологической экспедиции /ЗЧГЭ/. Санация состоялась. Однако практически очередная смена вывески на жизнедеятельность оставшихся геологов не повлияла. Крестовский отряд все так же проводил камеральные работы и, помимо этого, выполнял весенний план по отбору экологических проб снега на территории поселка и по профилям через бухту Нырвакинот. Занимались этим странным делом Доценко и Козин, потешался над ними ПБ.

В конце месяца Денис по вызову Благоволина слетал в Анадырь, получил кое-какие инструкции и карты для примера и подражания, попил с руководящим товарищем спирту,

поиграл с внучкой. Май прошел празднично, весело, спортивно, с еженедельными лыжными прогулками по ущелью ручья Изыскательского и через бухту на Амгень. Лыжный сезон был закрыт тринадцатого мая. В этот день Денис видел на окраине поселка свежий медвежий след.

Заливо-Крестовская геологоразведочная партия продолжала сокращаться. По вызову министра геологии Адыгейской республики Петра Уралова уехал в Майкоп Степан Небаба.

На Чукотке жил Степан - сам себе и кум и пан.
Жил свободным бобылем, обеспеченный рублем,
Был охотник и рыбак, водку пил, курил табак.
В общем, был геолог знатный, всем товарищам приятный.
Как-то вдруг прошли года, поседела борода
И решил он - в самый раз удалиться на Кавказ.
Все! Прощайте! Сморщив лоб, улетает он в Майкоп.
Воздух там, наверно, чище. До свидания, дружище!
Пусть гордится казаком Адыгейский геолком.

Вслед за Небабой распрощалась с Чукоткой картограф Нина Коканова («все, что нужно, поимела - мужа, сына, деньги, льготы, а теперь умчаться смело можно в южные широты») и инженер-строитель, поэтесса Тамара Пупченко.

У Тамары звездный час - покидает Тома нас.
Отдых честно заслужила в стройках, песнях и стихах.
Хлопоча с улыбкой милой, всех пленяла - ах, ах, ах!

В Крестовский отряд на сезонную работу прибыл кандидат геолого-минералогических наук Владимир Поличкин с красивой женой и не менее красивой собакой - ярко-коричневым ирландским сеттером, чемпионом Дальнего Востока. На постоянную работу в должности техника-геолога перевелась из гаража Ольга Доценко, а ее пятнадцатилетняя дочь Катя шла в поле маршрутной рабочей и кинологом - водителем поисковой собачки Веснушки. Настала и Катина очередь поработать в тундре вместе с папкой, познать полевою геологическую жизнь. Из старых кадров в поле снова шли Генрих Козин и Наталья Сычева - Едрена Вошь. В состав отряда входили также трое рабочих и один вездеход с водителем Кошевым.

СЕЗОН - 93

Местом базирования Крестовского отряда было выбрано рыбное озеро Варэнайгытгын на выходе из него реки Ергывеем. Строительные материалы и уголь были завезены двумя вертолетными рейсами в начале июля, затем десять дней шли дожди, погода стояла нелетная. 14 июля состоялся третий рейс. Разгрузив вертолет, Денис, Козя, Поличкин и рабочий Поносян сложили большую кучу полевого барахла, укрыли ее брезентом, придавили кое-как и полезли в вертолет.

- Придержите брезент! А то взлетит и на винты наматается! Мы отлетим в сторонку, вы подбегите, сядите! - проорал бортмеханик (вертолет гудел, лопасти вращались). Четверо мужиков навалились на кучу с четырех сторон, вертолет приподнялся, завис, начал отходить, отходить и... подниматься, подниматься... Вот он уж совсем высоко и совсем далеко...

- Да он не собирается садиться. Он улетает! - первым сообразил Поличкин.
- Не может быть! - встревожился начальник отряда. - Круг сделает и сядет.
- Ну-у-у...што это вот, - возмутился Козя.
- Вот так фокус, екарный бабай, - согласился Поносян.

- Что за дурацкие шутки? - пробормотал Денис, все больше убеждаясь, что пилоты не шутят, а на самом деле, всерьез, повели машину в Нырвакинот, бросили их. Такого варианта у старого геолога еще не было, он мог появиться только в такое бардачное время - обнаглевшие авиаторы плевали на ЗКГРП, которая не оплачивает их счетов.

Одураченные геологи остались в тундре без продуктов и без рации. Но, как ни злись и ни ругайся, на ночь устраиваться надо. Палатка есть, кукули есть, посуда есть, нашелся один заправленный керосином примус, воды много, вот только жрать нечего. Впрочем, что это? Мешок с картошкой! «Слава Богу, не пропадем», - обрадовался Денис.

- Этого мало. Соль хотя бы нужна, - возразил Поличкин. - Я попробую перебраться через речку, схожу к рыбацким домикам.

Речка, однако, оказалась глубокой, Вова брода не нашел. Но на противоположном ее берегу стояла дюралевая лодка - вот бы ее зацепить веревкой и перетащить! Сделав крюк, доктор Поличкин начал его метать. Снаряд до берега не долетал, падал в воду. Метнув крюк раз сто, Вова сдался.

На ужин была несоленая картошка в мундирах и кипяток. На другой день утром и в обед было то же самое. Чтобы занять людей и принести пользу отряду Денис предложил построить самый необходимый жизненный объект - уборную на одно очко и с утра пораньше взялся за лопату. Оттайка была уже довольно большая, около метра, яма получилась достаточно глубокая (до мерзлоты добил Поносян), на сезон должно хватить, над ямой - пол с дыркой и речный каркас, обшитый толью. Сверху был прибит красный флаг, вращающийся на гвозде: поднят - занято, опущен - свободно.

В цветуще-благоухающей тундре дышалось вольно и легко, ароматы зелени и цветов кружили голову. Но людей терзал голод, в их душах поселился страх остаться в таком неприкаянном положении надолго. Когда будет вертолет, хрен его знает. Прямо фантастика какая-то, фильм ужасов. Ольга-то точно знает, что Денис не собирался оставаться в поле, все его вещи дома - она должна кипеж поднять, взбудоражить начальство.

И точно! Поздно вечером, после третьей за день картофельной трапезы, загудело! Летит, собака! Садитея. Тот же самый экипаж. Летит от геохимиков, работает на них, на Варэнай залетел попутно. Бортмеханик, автор «козы», пытался что-то объяснить, дескать, командир его не понял, не послушал, времени было мало, спешили ну и так далее. «Ладно, ладно, все позади, но мы уже надежду потеряли, что сегодня улетим. Надоело одной картошкой питаться», - успокоил Денис мучающегося угрызениями совести пилота.

А погода над заливом Креста была такая, что могли и не прилететь - сплошная свинцово-серая низкая облачность, дождь, вертолет несся над темнозеленой волнистой водой, подрезая тучи лопастями. Два дня после возвращения Дениса домой стояла убедительно нелетная погода (густой туман, дождь). Восемнадцатого июля прояснилось и Доценки вышли за грибами на вторую косу, где заделали пикник с шашлыками. А на следующий день Денис проводил в поле жену и дочь и, завершив все дела, отправился за ними. Одновременно на вездеходе стартовал и Генрих Козин.

Пролетая над долиной речки Медвежьей, вертолет вдруг резко сменил курс и начал снижаться. Денис бросился в кабину, проорал на ухо бортмеханику: «Что случилось? Куда летим?» «А ты смотри, смотри! Медведь!» Денис сквозь вертолетный фонарь увидел бегущего медведя, длинная бурая шерсть на нем шевелилась и развевалась от вертолетного ветра. В кабине на полу между двумя пилотами сидел мальчик, сын командира и возбужденно вскрикивал. Это для него папаша устроил гонку за медведем, ему показывал с предельно близкого расстояния (метров пять) испуганного, загнанного хозяина тундры, который в ужасе метался под грохочущей стальной громадиной. Начальнику Крестовского отряда, заказчику рейса, эта затея не понравилась - ведь оплачивать дурное летное время придется ему, из отрядной сметы. Но он ничего не сказал первому пилоту - с авиаторами ссориться нельзя. Пусть, тешатся, добры молодцы, лишь бы прилетели, когда позарез нужны.

20 июля началось интенсивное круглосуточное строительства базы - склада, четырех жилых палаток (Поличкин упросил Дениса построить себе отдельное семейное жилье), кухни и брезентово-полевой бани. Двадцать пятого прибыл неисправный вездеход,

двадцать шестого была опробована баня и состоялся пир по поводу завершения организации и полевого новоселья.

Крестовский отряд начал полевые работы на месяц позже запланированного срока. Объяснялось это общей дезорганизацией производства, несвоевременным финансированием и большим количеством нелетных дней. Все одно к одному, полный завал. Еще весной, предчувствуя неладное, Денис составил две программы - максимум и минимум, в зависимости от начала полевых работ. Получилась программа-минимум с редкой сетью маршрутов и посещением самых важных в геологическом отношении мест. К выполнению этой программы отряд и приступил 27 июля.

Вездеход шел тяжело груженым. Водитель Саня Кошевой, зная о неисправностях своей бедолаги-машины (что-то где-то там лопнуло – треснуло – оторвалось, надо приварить) вёл ее предельно осторожно, избегая буераков и каменных глыб. По пути Володя Поличкин застрелил оленя, женщины насобирали грибов. Ехали весело. Когда добрались до первой стоянки, на которой сходила группа Дениса, пошел дождь и горы утонули в тумане. Группе Козина предстояло ехать дальше. Наталья Сычева возмутилась: «Куда мы поедем в такую погоду, на ночь глядя, едрена вошь! Переночуем здесь». Начальник отряда был неумолим, он резко возразил: «Вы не можете терять время! Завтра - маршруты!» И Кошевой дал газу, попер на перевал.

Прогнав вездеход, Денис со своими женщинами (Олей, Катей и Веснушкой) принялся под дождем устанавливать палатку. Двадцать восьмого июля состоялся первый горный маршрут под дождем. Второй маршрут прошел в тумане. И вот, наконец «мокротиха» кончилась, засияло солнце, подул «суховец», появилась возможность творить костровой чай. Можно бы и порадоваться, если бы тундровая атмосфера ни наполнилась голубым дымом - где-то южнее кто-то развел гигантский дымокур, который от комаров, однако, не спасал - они продолжали жалить. Канчаланская тундра горела. Это явление Денис видел впервые и оно его поразило - как же так? Разве это возможно? Кругом мерзлота, вода, болота - а тундра горит! Все изменилось, все стало не так, как в старое доброе время. Вот и насекомые какие-то странные появились, очень неприятные и кусучие - мушки-белоножки называются. Тьфу, мерзость!

Август начался прекрасной маршрутной погодой. Доценки всей семьей проводили литогеохимическое и штучное опробование рыжей золотоносной зоны «Веснушка» и донное экологическое опробование долин. Второго августа после обеда всех работников намочил дождь. Третьего дунул ледяной ветер - северняк. Денис и Катя, одевшись по зимнему, поднялись на гору Красную, где геолог задокументировал разрез кремнисто-вулканогенно-терригенной толщи. Четвертого августа подошел вездеход с группой Козина, Доценки погрузились на него и маршрутом возвратились на базу. По требованию начальника отряда Кошевой через каждый километр останавливал машину, геологи, как десантники, прыгали на землю с молотками наперевес, бежали к подножью гор, на склоны долины, колотили глыбы или коренники, отбирали образцы, наносили точки на карту (описание горных пород будет сделано на базе). Попутно полевики собирали грибы-красноголовики, усеявшие поверхность высокой террасы и ледниковые холмы.

С момента вылета из поселка и до завершения работ на первой стоянке дочь Дениса Катя, по примеру своих старших братьев, вела полевой дневник. Вот что она написала.

Полевой дневник 15 – летней Кати.

19 июля выехали наконец-то в поле. Вылетели. Ровно в 17 часов были на месте. Стоит жара. Рядом озеро Варэнай. Мы уже два раза купались в нем. Я даже плавала. Целый день пашем - моем посуду для лабазов, построили склад, палатки, кухню. С нами в поле приехала собачка Жуля, ее, видимо, бросили. Она привязалась к маме, ходит за ней. Мы ее постригли.

В нашем озере много рыбы. «Красавцы» поставили сетку и каждый день утром и вечером ездят вынимать рыбу. Здесь есть хариус, голец, чир, конек, еще какая-то рыба.

Мы эту рыбу солим, коптим, жарим, варим, едим в котлетах и фрикаделях. Здесь полно комаров.

В Крестовском отряде десять человек, в том числе рабочие-школьники Виталий (15 лет) и Гришка (16 лет) – «красавцы». Безработные члены отряда - Женя Сычев (Перевалов), собаки Веснушка, Жулька, Дик.

А Виталька ничего, высокий, симпатичный. Он мне понравился без рубашки. А Гришка просто приколистый - маленький, белобрысый, красный от загара. Я с ними еще не общаюсь. Я общаюсь с Женей - с ним такой ржак! Ему одиннадцать лет. Но я не представляю, о чем буду болтать с парнями - они ржут, как кони, курят и между собой пропускают маты. Вот тебе и общие интересы!

Все эти события происходят на базе. На другом берегу озера стоянка чукчей. Они там отдыхают. Приходили к нам. Они все молодые парии. К нам пришел сначала Роман, потом Саня, а потом Игнат. Мы их угощали рыбой, а они нас - мясом. Роман с Саней обычные, а Игнат строит из себя крутого. Вот приколот-то! Оделся в рваную куртку с бывшим хорошим качеством, в потертые джинсы! Меня прибило, когда Игнат сказал: «Ништяк!» И схлестнулся с красавцами! Даже две ночи у них ночевал. Так вот, у этого Игната - лаечка Аленка. Такая прелесть! Маленькая (щенок), вертлявая, с белыми перчаточками и манишкой, а сама черная. Такая игрунья! Кусается, потявкивает.

Сегодня, 26 июля, мы с Наташей Поличкиной и мамой купались в бане. Так классно! Перед этим, рано утром приехал вездеход, а 27-го закончилась базировка и началась лабазовка.

27 июля мы загрузились и, оставив на базе Поносяна, Женю и Жульку, поехали. Женщины сидели в салоне, набитом всякими вещами и еле там умещались с Диком. Мы с папкой, Виськой и вездеходчиком ехали в кабине. Все остальные - наверху. Переезд опишу одним словом - романтичный. Грохот, вонь курильщиков (Саня Кошевой курил слева, папка – справа), не мягкие прыжки на кочках, продираание через кусты. Ели на вездеходе бутерброды с паштетом. За время поездки (с 12-30 до 22-30) мы много раз делали остановки - забивали пальцы и чинили вездеход. В это же время ели, просто прогуливались, собирали грибы. Дядя Вова Поличкин подстрелил олениху, мы ее тут же разделали, отобрали мясо и потрошки. Олениха красивая была. Дядя Вова попал в нее со второго раза, прямо в шею. Мы запаслись мясом и грибами таким образом. Рядом шел дождь. Когда мы приехали на место, он немилосердно хлестал. Вездеход заправился бензином. Прежде мы его разгрузили, взяли то, что на троих. Веснуха продубела и промокла на дожде. Мы ее уложили на шкуру под брезент, где она и грелась. И так, вездик заправился и поехал дальше, а мы стали устраиваться. Под проливным дождем поставили палатку, застелили пол брезентом, уложили три кукуля. Висю положили на одну шкуру и прикрыли другой. Она там согрелась и задрыхла. Попили чаю с бутербродами и - спать. Я спала с мамой в большом кукуле. На улице дождь и темень. Под дождик очень хорошо спать.

Лабаз находился в 36 км к северо-западу от базы, на пупке гальки и камней. Кругом - кусты, речка. Красиво. На самой вершине пупка стоит бочка с бензином (уже без него), ее видно со всех сторон за несколько километров в хорошую погоду.

28 июля. Первый маршрут. Утром поели печени и пошли с папкой. Погода затянутая, но светло. Облазили одну гору, прошли ее по хребту. Несколько раз шел дождик и мы промокли. С горы такой вид открывается! С одной стороны - тундра и горы уходят вдаль, с другой – то же. С одной стороны - хорошая погода, с другой - туман и затянуто. Папка иногда останавливается, бьет молотком по камням, отбирает образцы. Раз в час садимся минут на десять, он описывает. На хребте перекусили, но чаю не пили - костер не получился. Мокротихо. Погода такая. А в суховеетер получилось бы. Папка сжег весь пипифакс, но напрасно. Время от времени шел дождь и опять все тухло. Один дым крутом. Я принесла снега из снежника, мы пытались сделать чай, но потом попили талой воды с сахаром. Слезли с горы, прошли вдоль речки между гор. В маршруте видели оленя

безрогого. Веснуха его погнала. А он так смешно побежал - ноги заплетаются, длинные. Олененок еще.

В палатку перли по трем долинам, я еле дошла. Перед домом, на сопочке, нашла гриб красный и у меня сразу поднялось настроение. Дома покушали. Папка поставил антенну для радиации «карат» и для спидолы. Я спидолу немного послушала, потом - спать. На земле жестко спать, но пришлось.

29 июля. Второй маршрут. В этот маршрут я ходила с мамой. И он мне очень понравился. С утра был такой туман, что не видно сопков. Только долинки. Папа проводил нас немного, показал, как брать пробы. Сам он отбирает образцы, то есть камни. А мы с мамой пошли отбирать пробы, т.е. копать землю и брать глинку, суглинок или супесь. Потом вкладываем в мешочки. Сначала по фото находим нужный нам квадрат, идем туда и берем пять проб по углам и центру «конверта», складываем в один мешок и завязываем его. Мы взяли нормально две пробы, а третью очень долго искали, т.к. туман и очень трудно ориентироваться. Уперли дальше этого места на два километра, потом вернулись, взяли пробу и усталые пришли домой, пообедали хорошо, отдохнули. Вися пошла в маршрут с нами, она сама переходила речки, некоторые переплывала, вся промокла и задубела, так как было холодно. Идти-то не холодно, но мы с мамой часто останавливались, искали место пробы. Веснуха задубевала и не успевала согреться, так как опять лезла в холодную воду. В палатке мы ее уложили, накрыли, покормили и она заснула. Мы с мамулей пообедали, я определила программу спидолы - где-то играет. Потом дурью маялась, мыла посуду. Постучала папке по бочке - а вдруг он рядом и заблудился в тумане?

Тут погода на глазах стала улучшаться, туман поднялся до макушек сопков, И мамуля говорит, что пошли, мол, еще доберем две пробы, которые рядом здесь. Мы собрались и пошли, Висю закрыли в палатке и приказали охранять. Она слабо пыталась встать и пойти с нами, но мы ее уговорили остаться. Спустились мы с мамой с нашего пупка и увидели: папку, сидящего на скале высокой горы и что-то пишущего. Как выяснилось позже, папка нас не видел. Прошли мы с мамулей километра два, пересекали речки, проходили по камням, кустам и вошли в долинку. И тут слышим, что-то сзади топает и сопит. Сначала испугались, а потом оглянулись и увидели... Висю! Она, бедненькая, нас догнала, по следу и запаху вынюхала. А сколько обиды и радости было в ее воплях. Она прыгала вокруг нас, лизалась! Представить трудно, как она, совершенно нас не видя и не зная даже, в какую сторону мы пошли, нашла нас. Значит, у Виси еще развиты все собачьи чувства.

Ну вот, взяли мы с мамой не две, а четыре пробы. Все, что оставались. Это потому, что наступила хорошая погода. Да еще долина и терраска, по которой мы шли, оказались грибными. Нашла три белых, один красный и один груздь, остальные - тундровики. Получилось восемь вязок грибов. Мы их сушили. Я задолбалась их чистить, нарезать и накалывать. Папка уже второй раз пытается безрезультатно связаться с базой. Он вызывает, вызывает: «Туча-два, я туча-один, прием!» Но никто не отвечает. Ровно в десять вечера Поносян скажет: «Туча-один, я туча-два, прием» и потом отключается. Видно, что у папки радиация плохо работает на передачу, а у Поносяна - на прием.

Около нашей палатки летает пичужка, она ко мне подлетела на один метр! Смелая! Все летает кругом, что-то хочет. А чего, непонятно. Она по утрам прыгает по палатке и видна тень от нее. Спать мы ложимся ровно в десять часов.

30 июля. Третий маршрут. Ходила с папкой. Мы с ним перевалили через перевал, прошли вдоль цепи гор, обогнули их, вышли в долину и вернулись к палатке. В этом маршруте Веснуха сбила себе лапки так, что начала хромать. За перевалом папка обнаружил возможность серебряной или золотой россыпи. Он взял образец, а там блестящие вкрапления серебра и золота. Мелкие очень, но факт есть факт. Будем исследовать это место подробнее. На гору мы не лезли, а шли вдоль подножья и папка непрерывно отбирал образцы. Нас преследовал своими криками кулик. Потом, на

повороте в долину пристала чайка. А один раз мы сели пописать. Я сидела на камне, а за мной поднималась гора, усыпанная крупными камнями. Веснуха кого-то заметила и умчалась проверять. А я сижу, сижу, и вдруг из кустика напротив нас выбегает евраган и кривыми шажками бежит на меня, пробегает слева и заскакивает под камень в метре за моей спиной. Я сижу, обалдевая. Тут возвращается Вися, я ее сую под этот камень, еврага чирикает, Вися возбуждается, начинает гавкать и полностью залезает под камень, одна попа торчит, А еврага уже удрал и чирикает где-то вдали под камнями, Вися пытается раскопать камни, но это все - напрасный труд.

Дальше шли вроде без приключений. Набрали много грибов, еще на девять вязок. Хватило еще и поджарить. Я нашла короля грибов - огромный белый гриб, крепкий, твердый. Мама все дни, кроме того, когда я ходила с ней в маршрут, сидит в палатке, готовит еду, стирает, просушивает все наши вещи и просто отдыхает. Вот и сейчас она нас встретила. Сказала, что видела двух оленей, пасущихся рядом с пупком нашим. А мы с папкой тоже видели следы оленей и даже большой след лося. Обедали мы около густых зарослей ивы, высокой и толстой. Папка предложил мне разжечь костер, но я ничего не разожгла, а только его насмешила. Папка учил меня, как что куда класть. Обедали два часа! Дома папка починил палатку (т.к. она скосбочилась). Мы вместе умяли компот из черешни. Потом слушала спидолу, чистя грибы. Получилось восемь вязок да еще на жареху хватило. Мы уже два дня непрерывно едим ландорики. Здорово, когда мама сидит дома. Вчера мама спала в моем спальнике, а я - в кукуле здоровом одна. Мама убедилась, что в моем спальнике жестко и холодно. Мы решили эту ночь поспать вдвоем в здоровом кукуле. Подложили под него спальник. Так мягко, тепло получилось, А ночью мы зажарились в этом кукуле.

Сегодня вечером было два прикола. Мама уже легла, я разделась, подползаю к ней, смотрю, она головой лежит на тряпке цвета портянки. Ну, я взяла и сказанула: «Ма, ты что, на портянке лежишь?» Она: «Да, на твоей вонючей портянке, больше ничего не нашла. Взяла первую попавшуюся тряпку». Мы еще долго хохотали. А второй прикол, это когда папка тучкал, тучкал («туча-два, я туча-один, прием»), а мама сказала: «Куча-два, я куча-один». А папа так по рации и сказал! Мы хохотали! Вися дрыхла, как ребенок. Она себе сбила лапки здорово, до розового, и мы решили завтра ее в маршрут не брать. К вечеру все затянуло дымом. Опять где-то тундра горит.

31 июля. Четвертый маршрут. Я не хотела идти, но папка уговорил. Это дальний маршрут. Подход по долине - четыре километра, потом залезание на гору, прохождение по хребту, седловинкам и водоразделам, спуск и обратный путь по долине - подход к стоянке. Когда мы утром уже собрались с папкой, Вися, прихрамывая, выползла из палатки, подошла к папке и тихонько поскуливала. Потом побежала по направлению к долине, вернулась, подошла к папке и стала ласкаться и лизаться. Мы ей: «Нет, Висенька, ты не пойдешь, лапа». Мама взяла ее на руки, а Вися так жалобно смотрела нам в след, что лучше было идти и не оборачиваться. Ведь собачка, как человек, все понимает. Ну, ничего, завтра мы собираемся все троим в маршрут и Висю обязательно возьмем.

Грибы мы условились собирать на обратной дороге, а они, как назло, попадались по две-три штуки, и довольно часто. Но мы их не брали, ведь завянут, а мне больше тащить. Кругом все в дыму и дымом пахнет. Мы прошли через долину и стали забираться на гору. Тут у нас маршрут проходил обычно - папа откалывал образцы, а я за ним бегала. На гору залазили ступенями. Вот, думаем, уже вершина, а залезешь на эту высоту и видишь следующую ступень. Так ступеней пять. Залезли, папа сел и писал в книжке, я тоже писала здесь. Перед нами крутой обрыв с горы.

Обедали мы в очень живописном месте: ручей, травка, камни. Чай делали на кассиопее. Получился чудесный пахучий напиток. Когда от дыма очистилось все вокруг, стало еще лучше, классный обзор. Солнышко яркое светит. После обеда шли вдоль ручья в ложбинке, я ела щавель и убивала комаров, а еще рассматривала камни. Нашла красивые розовые, зеленые, белые, бордовые, черные камни. В речке нашла маленький круглый

гладкий камешек и взяла его с собой. Я поняла, что без Виси в маршруте скучно. Папке сказала, а он обиделся, говорит: «Ну и сиди с Веснушкой на стоянке, а мы с матерью в маршруты будем ходить». Что это с ним?

Опять затягивает небо дымом. И не только небо, а всю тундру. Какие козлы ее поджигают? Сейчас мы нашли место для писания и пишем с папкой. Дыма уже столько, как и утром, вообще ничего не видно. Мы обнаружили озеро, которое образовалось при таянии снега. Это еще на горе. А рядом с этим озером красноголовиковские места. Грибов насобирали штук двадцать пять. Если учесть, что среди них попадаются гиганты, то это здорово! Я нашла еще два груздя. Солнце превратилось в тусклый красный шар из-за дыма. Мы уже слезли с горы и сидим около речки Быстрой. Маршрут подходит к концу и мы собираемся идти домой, собирая грибы (красные можно помариновать). Но дым настолько густой, что не видно, куда идти - все затянато. Интересно, как папка собирается определять направление отхода? Папка сказал, что всего наметил двадцать маршрутов, т.е. осталось всего шестнадцать. А потом буду балдеть. Мама зачем-то думала отправить меня 25 августа домой, но я не хочу. Здесь гораздо больше минусов, чем плюсов. Я все же хочу пообщаться с пацанами. Во время переезда мы стояли совсем рядом и болтали вместе со взрослыми на разные темы. Гриня один раз спрыгнул с вездехода и сорвал гриб и посмотрел на меня, предлагая. Но я что-то не решилась сказать: «Давай». Интересно, хотят ли пацаны также сблизиться со мной, как я с ними? А мне бы хотелось установить с ними близкие отношения, чтобы Виталя покатал меня на мопеде. Ладно, мне на этом фронте всегда не везет. По спидоле я поймала канал молодежный «Юность». Там каждые десять минут музыка, не считая музпрограмм. Слушаю между делом. Еле доперлись до дому, собирая грибы. Вечер прошел как обычно. Веснушка радостно проковыляла навстречу нам с папкой, повизжала, попрыгала, полизалась. Мы нажрались антрекотов и завалились спать. Я спала одна в здоровом кукуле, что мне понравилось.

1 августа. Пятый маршрут. В этом маршруте мы были втроем, как и намечали. Вися тоже ходила. Я сделала ей тапочки на передние лапы, обувала в течение маршрута, потом снимала на травке и в конце концов Вися их где-то посеяла. А мы и искать не стали - ну их к черту! Поход у нас был, как и в третьем маршруте, только все работы мы выполнили на перевале и немного за ним. В маршруте мы собирали пробы. Набрали 26 маленьких мешочков глинки на профилях и на донках. Папка еще камней насобирает в большие мешки. Тащить все это было очень тяжело. И зачем, спрашивается? Обедали за перевалом, под большим кустом. Обед получился на славу. Чаек хороший. Грибов собрали очень мало, на маленькую жареху. Просто собирали на обратном пути, а с тяжеленным рюкзаком не понагибаешься. Вися еще сильнее сбила передние лапки и сильно хромала. Пыталась я ее тащить, но от этого мало толку. Виська тяжеленная. Папка, назвал ручей, вдоль которого мы шли к перевалу и сам участок Веснушкой. Ручей Веснушка и участок Веснушка. Вот здорово!

Дома мы отдохали - пили чай, папка работал. Сегодня мы ждем вездика. Он должен точно приехать. Поиграли с мамой в карты. Я чуть-чуть переводила английский, про Байрона. Потом мамулька услышала шум вездехода. Итак, вездеход с остальными членами отряда приехал сегодня около восьми вечера. Началась суматоха, беготня. Поставили еще две палатки. Быстро сварганили ужин и, теснясь в нашей палатке, поели. Вот так. Сычева устроилась с Поличкиными, пацаны с дядей Генрихом. А мы так и остались. Папка опять пытался связаться о Тучей-два, но с прежним успехом. Потом мамуля варила мясо на завтрашний маршрут. Вися дрыхнет.

2 августа. Шестой маршрут. С утра все поели и сели в вездик. Сегодняшние маршруты у всех с подъездом. Тряслись мы тряслись, первыми вышли дядя Генрих с Виталиком, вторыми - мы с мамой, потом - все остальные. Вездеходчик насобирает ведро красных, пока мы трудились. Погода выдалась на редкость омерзительная. Туман, холод, дождик (морось). Мы промокли и задубили. Нам с мамой нужно было отбирать 25 проб в двух ручьях. Мы думали, что там долинка, мелкие камушки и идти будет приятно. Но по

мере залазания наверх наше хорошее настроение портилось. Пошли крутые откосы и огромные острые камни. Взяв восемь проб, мы стали спускаться. Вися промокла и задубла. Она научилась проситься на руки. Так вот, она ковыляет за нами бедная, несчастная, мокрая, замерзшая. На обратной дороге мы с мамулей ее по очереди тащили на руках.

В истоках ручья изредка попадалась тонкая нитка паутины с капельками воды. Еще были большие камни, на которых сверху положены маленькие, будто кто-то специально ложил. Спустившись к началу маршрута, мы обнаружили вездик. Мы с мамой оставили в вездике пробы и мокрую Висю с дядей Саней. Сами мы пошли во второй ручей, было очень холодно, погано, мокро, острые крутые каменные подъемы и трясущиеся спуски. Поели на ходу. Лазили по разным ответвлениям. Шли долго по снежнику, рискуя сорваться и полететь вниз. Потом, когда нам оставалось четыре пробы, подошел папка. Вместе с ним мы быстро закончили маршрут. Папка говорит, что этот участок может быть золотоносным. Поэтому нужно брать побольше проб. Мы вернулись к вездик, попили горячего чайку. Нас было пятеро без водителя. Доценко трое и Сычева с Гриней. Гриня нарвал золотого корня. Пока мы ехали к лабазу, он нас веселил своими историями. Прикольный парень. Был бы он один, без Виталика, я бы его к рукам прибрала.

А Поличкины и д. Генрих с Виталькой должны прийти прямо на стоянку. Парням явно не повезло, что с ними поселился д. Генрих. Им теперь ни побеситься, ни поматериться, ни покурить. Они торчат в основном на улице - болтают, бегают. Скоро пришел Виталька, а потом д. Генрих. Последний растянул себе шов в маршруте. Пусть будет поосторожнее. Потом пришли Поличкины. Дядя Вова подстрелил ягненка - детеныша горного барана. Он целился во взрослого барана, да еще в тумане, а попал в малыша, о чем очень жалел. Детеныш величиной с крупного зайца. Мы все поужинали борщом.

Пацаны пошли собирать грибы, пришли поздно, набрал два ведра грибов, а потом еще их чистили и нанизывали на нитки. Какие хозяйственные парни. Веснуха совсем оборзела - целый вечер, как пришла, валялась в своем куле, который состоит из двух оленьих шкурок, одна подстилка, другая - покрывало. Еда ей теперь подается прямо в постель. Она лениво поднимает голову, подумает, есть или нет, потом неохотно выберет кусочки мяса и воротит голову. А что я? Мы ведь сами ее приучили.

Сегодня папка говорил по рации с Пургой-65. Мама вечером сварила бараньи окорока на завтрашние маршруты. Мы спали с ней вдвоем в большом кукуле. Здорово! Нам было тепло.

3 августа. Седьмой маршрут. Сегодня идем с папкой на гору. Она находится к востоку от стоянки. Поличкины идут на гигантскую гору Грозную, Сычева и Козин с пацанами поехали на вездике в дальний маршрут. Мама с собаками осталась в лагере.

Вышли мы в 10-30, а на вершину залезли в 14-00. Идти было довольно легко. Или я уже привыкла? С горы открывается изумительный вид, которым я долго любовалась, пока папка колошматил камни. Нам часто попадались бараньи тропки. Мы иногда по ним шли. Обедали на вершине горы в укрытии от ветра, барашковым окороком. Такая вкуснятина! Пили холодный чай из фляжки. Погода хорошая, не то что вчера. Ветер сильный северный. Утром и вообще холодно. Мы в маршруте - в телогрейках и варежках. Поэтому нам тепло. Ветер разогнал тучи и серость, выглянуло солнышко и голубое небо. Здорово! Лезем дальше. Сейчас мы залезли на гору Красную, высота которой 856 метров. Тут стоит тренога, которую установили топографы-первопроходцы. С этой горы открывается еще более грандиозный вид. Он неподвижен, однообразен - горы, горы, горы. Но сколько в них прелести! Я лопаю галеты. Видна и наша стоянка - мизерная, еле-еле видны палатки. Небо опять затягивается. А так охота хорошей погоды!

Погода хорошая. Мы уже скатились с горы. Я пробовала ягель - он не вкусный. Сидим сейчас последний раз (я надеюсь), потом будет подход к стоянке и все. Конец первого круга или первой лабазовки. Желание схлестнуться с парнями крепнет. Надо мне

сделать первый шаг. Хоть бы подействовало! Насчет Грини я не очень волнуюсь, а вот Виталик – это да-а-а... С ним надо будет поработать. Я вот сегодня утром пила чай, а мне не хватило сухарика. Виталик мог бы подать. Но я постеснялась его просить. А надо было. Если они с чукчей нашли общий язык, то со мной тоже должны найти, интересно, как там успехи Ирки? Ну да ладно. Что-то у меня интерес не в ту сторону. В тундре, на природе, мысли должны быть возвышенными, а у меня - фиг знает какие. По спидоле слушаю музыку. Мне так охота классной музыки - я по ней скучаю. В воскресенье вечером по радио «Юность» была муз. программа. Там я послушала чинные песни. Ништяк, одним словом. БОЛЬШЕ ПИСАТЬ НЕОХОТА».

Сезон продолжается

Отдохнув на базе два дня (с баней и бражкой, изготовленной рабочим Поносяном), отряд выехал на золотоносный участок «Клык», где предшественниками в современном аллювии одного ручья были установлены устойчивые знаки золота (шлиховым опробованием занимался Виталий Клевый). Название участку дано по островерхой одиночной сопке, сложенной субвулканическими риолитами.

Сидевший на базе с пацаном Женькой (Дениской) и собакой Жулькой рабочий Поносян (Панасян Сергей Анатольевич – В.П.) взмолился - Денис Иванович, возьмите меня с собой, я хочу ходить в маршруты. Денис согласился. Вместо него осталась Ольга и Веснушка. По пути на Клык вездеход геологов сделал остановку в стойбище чукчей-оленоводо. Почти все пастухи были при стаде (оно паслось где-то неподалеку), в ярангах проживали туберкулезные старики, женщины и дети. Чукчи кашляли и голодали. У них было только вяленое оленьё мясо. Колхоз развалился, пастухи стали «акционерами», свободными людьми, и теперь никто их продуктами не снабжал (да и продуктов не стало). Денис решил - надо коллегам-тундровикам оказать гуманитарную помощь. Он написал записку Оле: «Выдай две пачки сахару и по одному пробному мешку круп и макарон голодающим пастухам». На базу отправились два парня, которые уже бывали на Варэнае, жили в рыбацкой хижине и выбирали рыбу из сетей.

Стоянку на реке Южный Тадлеоан окружили олени. Подошли пастухи в меховых кухлянках и резиновых сапогах, попили чаю, забили оленя, сдали его на отрядную кухню, поставили свою специальную палатку без окон и дверей (заползали в нее снизу, по земле) и стали полноправными членами коллектива. В их глухую цельношитую брезентовую палатку не проникали ни ветер, ни дождь, ни комары и никакие прочие внешние раздражители. Так они и жили рядом с геологами и питались вместе с ними. Самый молодой из пастухов, Игнат, влюбился в Катю и оказывал ей всевозможные знаки внимания, говорил комплименты и даже прелестную собачку по имени Аленка хотел подарить.

В первый рабочий день на новой стоянке отряд всем составом проводил площадное литогеохимическое опробование по сетке 500x100. Второй маршрут (9 августа 1993 г.) Денис провел с дочкой по слабозолотоносному ручью Ятак (Катя – наоборот; Ятсан – В.П.), в нижней части склона он обнаружил развалы кварцевых жил и опробовал их. Этот фартовый день завершился роскошным ужином с коньяком, картошкой и свежими овощами, копченой колбасой и жареной картошкой с мясом. Деликатесы, привезенные Поличкиными из Владивостока, были пущены в расход по поводу дня рождения Володи. Это событие было неожиданным и очень приятным.

Десятого августа в живописных верховьях реки Юогаун (уютные зеленые долины, скалы-останцы) Денис и Катя сделали стратиграфическое открытие - выделили две верхнетриасовые толщи - и нашли два бараньих черепа с великолепными рогами. На следующий день в долине речки Бурной они исследовали поделочные камни - пестрые зеленовато-бело-коричневые алуниты, набрали гору образцов. На скале, сложенной алунитизированными риолитами, поселились кречеты. Птицы весь день летали над головами геологов и оглашали долину пронзительными воплями (в гнезде находились встревоженные малыши). Подъезд к маршруту и отъезд от него были длинными, с

поломками и останками. Маршрутки возвратились в лагерь в два часа ночи, что начальнику отряда чрезвычайно не понравилось. Последующие маршруты Дениса по участку Клык привели к открытию еще двух золотоносных /?/ кварцевых жильно-прожилковых зон среди гидротермально измененных риолитов, их туфов и игнимбритов.

Дежурства на кухне (готовка пищи) осуществлялись традиционным полевым способом - по очереди, невзирая на лица. Не дежурил только начальник отряда - за него это смиренно делал рабочий Поносян (не дежурили также В.П. и Г.К. – В.П.). Командирская дочка Катя первый раз тоже отказалась дежурить, сославшись на то, что ничего не умеет варить (вместо нее готовил негодующий рабочий Поносян), Но когда очередь подошла снова, с Катей побеседовал кандидат ГМН Вова Поличкин. Он постыдил ленивую девицу, объяснил ей, что увиливать от кухни нехорошо, нечестно и Катя согласилась на дежурства, рискнула приготовить пищу для отряда. Хотя и получилась ее еда неважнецкой, все ели и нахваливали - куда ж денешься, альтернативы нет (вполне съедобная еда, наговаривает на дочку – В.П.). Овладев примусным хозяйством, Катя осмелела, стала дежурить без капризов и даже с некоторым интересом - а что получится?

По утрам школьники очень любили поспать, поднять их было невозможно. Из-за них завтрак затягивался, потом водитель долго возился с вездеходом, вследствие чего отряд отправлялся на работу чуть ли не к обеду, а возвращался за полночь, в темноте. Несколько дней Денис терпел такое безобразие, потом разозлился, оборзел и начал решительную борьбу с засонями. Просыпаясь в шесть часов, он поднимал дежурного, потом криком и пинками будил пацанов, вытаскивал из кукуля возмущенного вездеходчика (тот тоже любил поспать). Короче, начальник отряда вынужден был устраивать всеобщий подъем, утренний тарарам.

- Я не хочу ездить по ночам! Мы должны возвращаться из маршрутов засветло! - гневно орал Денис (каждый год одно и то же!).

В девять часов утра Денис выходил на связь в базой и беседовал с женой. Оля полевой житухой была довольна - скучать ей не давали Женька Сычев (Денис Филин), Веснушка с Жулькой (Жульки уже не было, ее угробил до этого рабочий Панасян – В.П.) и чукотские ребята с Варэная, снабжавшие ее рыбой. В середине августа появилась рыба и у поисковиков. Выехав на вездеходе для экологического опробования, Денис и Катя весь день бродили по тундре и ели морошку. За время их отсутствия Кошевой наловил удочкой в Южном Тадлеоане полное ведро хариусов и убил оленя (вот это результат! Не то что у геологов). Вечером на стоянку вездехода подошел старпер Козя и тут обнаружил, что на последней точке наблюдения забыл полевую сумку со всеми документами. Вернулся. Ждали его допоздна, потом поехали маршрутом на стоянку. Последнюю экологическую пробу Денис отобрал ровно в 24-00. Сел он в кабину вездехода - и повалил крупный белый пушистый снег – отличная финальная декорация!

Разобравшись со структурой рудного поля, Денис по развалам потенциально золотоносного кварца оконтурил наиболее перспективный участок и провел на нем литохимическое опробование по сетке 250x50. При такой плотности пробоотбора пропуск геохимических аномалий золота был исключен.

Чукчи от геологов откочевали (Игнат пообещал Кате писать письма, звонить и наведываться), но отдельные отбившиеся от стада олени еще попадались на площади маршрутного исхаживания. Теперь уже это была собственность Крестовского отряда, поэтому Вова Поличкин на законном основании застрелил одного. Свежего мяса в отряде было завались, питание в связи с этим - отличное (даже Катина то полусырая, то подгоревшая, то пересоленная стряпня съедалась подчистую) (клеветает на дочку – В.П.).

В центр экспедиции с самого начала полевых работ Денис дал заказ на запчасти для вездехода. И вот, 16 августа, как раз в камеральный день (удачно получилось, хоть и нечаянно) на южно-тадлеоанскую стоянку сел долгожданный вертолет и Миша Петров из ПТО выгрузил требуемые детали. С этой вертушкой Денис отправил на базу Поличкиных, а в Нырвакино – наиболее весомые пробы для срочного анализа. На следующий день с

оставшимися грузами и людьми начальник отряда выехал на базу на вездеходе. Проехав семь километров, водитель Кошевой, раздолбай, неожиданно обнаружил, что крепко просчитался - бензин на исходе, вездеход до базы не дойдет. Денис по рации сообщил об этом прискорбном факте Оле и, бросив бесполезный транспорт, повел народ пешком.

И тут случилось чудо - прилетел вертолет, привез бочку бензина! Откуда? Как? Выясняется - произошло это благодаря расторопности Поличкина. Вертолет прилетел на озеро, к рыбакам (не к рыбакам, а привез туристов – американцев, показать им озеро и базу геологов, попутно – В.П.). Володя его поймал и упробросил по пути в Нырвакинот бочку бензина, что и было сделано. Отряд был спасен. Саня заправил баки и повел машину дальше. Геологи, насобирав голубики, утолили голод, ели сочную кислосладкую ягоду с печеньем. «Вкуснотища необыкновенная!» - признали Катя и Денис.

Дорога снова проходила через яранги. Голодающих туберкулезных старух и детей Денис угостил сахаром и сухарями (чай-заварка у них был). А на базе маршрутчиков-«кльковиков» ждал богатейший и вкуснейший ужин, приготовленный Олей, и баня с крепким паром и ночным купанием в озере. В эту же ночь был первый мороз, началась натуральная осень. Обжираловка на кухне продолжалась. Наталья Сычева - Едрена Вошь устроила праздничный ужин по поводу дня рождения Перевальчика - своего сына Женьки (Дениски). Она наготовила уйму мясных и рыбных блюд, угостила спиртом.

16 августа, отправив отряд на озеро Митэнь (Митеньгытгын – В.П.), Денис приступил к отработке площади вокруг базы. Это были легкие, приятные маршруты на пару с Олей со сбором голубики и морошки, выполнением основных супружеских обязанностей на лоне природы, среди кустов.

23 августа не базу возвратился изломанный вездеход, причем последние четыре километра он преодолел за четыре часа. Приволок его на буксире рыбацкий вездеход. Кошевой заявил - все, отъездился, мотор окончательно от станины оторвался, требуется сварка, без нее - хана. Денис отправил в центр радиogramму с нижайшей просьбой выслать первым рейсом газосварочный аппарат. В ожидании его Кошевой, выпросив у Дениса двадцатипятилитровую стеклянную бутылку из-под подсолнечного масла, решил заварганить брагу. Он налил в бутылку теплой воды, засыпал сахар и начал его размешивать-растворять. Делал он это в предбаннике. Мешал-мешал какой-то палкой, да и разбил емкость, сладкая жидкость разлилась по грязной земле. Так накрылась Санина брага-один. Саня заплакал. «Ек-макарёк! Сколько загублено добра!» - горестно произнес он сквозь слезы.

Пришел он, убитый горем, к начальнику отряда, покаялся, опять попросил бутылку - очень уж выпить хотелось, горела душа. Денис, сам будучи никогда не против хорошей выпивки, и на сей раз брагоделу-брагоделу не отказал, велел вылить масло из второй бутылки в алюминиевый бак, и бражка была благополучно заквашена. Кошевой подтопил баню, чтоб брожение шло хорошо, поставил бутылку на лавку и процесс пошел. На четвертый день заглянул Саня в баню и ахнул - бутылка разбита, браги нет. Мужики содрогнулись – кто это сделал? Какая зараза? Вспомнили - в баню ходила и занималась там стиркой Наталья Сычева - Едрена Вошь. Ее работа, она разбила. Но зачем? Против кого направлена эта диверсия? Расспрашивать об этом Наталью никто не стал - что толку? Так накрылась Санина брага – два.

В конце августа Денис наметил сплав по Ергывеему до реки Канчалан. План изменили соседи-рыбаки. Они ехали в том же направлении и подбросили геологов. Денис, Поличкин и Сычева втроем, без ординарцев, выбросились в крайнюю южную точку района с целью экологического опробования северной окраины канчаланской тундры, где реки Койвзльвэгыргын, Ергывеем и Южный Тадлеоан сливаются в единый могучий поток, именуемый далее Канчалом. Геологи преодолевали густые заросли ивняка, переправлялись через реки и сплавились по ним на резиновой лодке. Питались они хариусом, но ждали кету, надеялись на ее нерестовый ход. Поличкин приготовил трехлитровую банку под икру и скромно заявил, что этого ему будет вполне достаточно,

больше не надо. Увы! Ни одной кетины геологи не увидели, а Денис сочинил песенку про кетобоя, который не выговаривал букву эр.

Доктор Вова Поличкин захотел икры-кры-кры-кры,

Но вернувшись с озера, поднял Вова крик:

«Где кета? Нет кеты, нет кеты, не видно.

Где иква? Нет иквы - до чего обидно!»

Доктор Вова Поличкин на реку пошел-шел-шел-шел,

Но кеты с икорочкой тоже не нашел.

Вот река, вот река - а кеты не видно.

Ну тоска, ну тоска! До чего обидно!

Утешился доктор Вова охотой - убил куропатку, утку (гуся – В.П.), зайца и олененка (полутороговая оленушка – В.П. Видел также двух волков – В.П.). Денис в маршрутах сильно уставал - тяжело было ему ходить по кочкам, болотам к кустарникам. Да и погода стояла душная, сырая, временами шли дожди, сапоги и портянки были постоянно мокрыми. Не повезло Наталье - переходя вброд реку, она провалилась в песчаную яму до самого бюста, чуть ни утонула, но сумела выбраться на берег и пришла на стоянку злая-презлая, как баба-яга. «Почему с лодкой не встретили, едрена вошь? - набросилась она на мужиков. - Идите отсюда, я переодеваться буду». Сконфуженные геологи покинули палатку. «А откуда мы могли знать, когда и в каком месте она будет форсировать реку?» - пожал плечами Поличкин.

В конце августа Миша Петров доставил на вертолете газосварочный аппарат, работающий на карбиде кальция, и увез в поселок школьников, в том числе и Катю с Веснушкой. Первого сентября тем же рыбацким вездеходом геологи вернулись на базу. Покамералив пару дней, они снова выехали в маршрут вверх по долине речки Встречная. Саня Кошевой, подшаманив вездеход, сумел доехать до конечной точки /25 км/, но на обратном пути машина сломалась (что-то «полетело») и пришлось отряду в ней заночевать. Был мороз, ноги у людей мерзли (резиновые сапоги для такой температуры явно не предназначены), изо рта у всех вырывался пар. Сидели вплотную, скованно. Бодрая была, здоровая ночка, черт бы ее побрал, едрена вошь! В шесть утра Денис протрубил подъем, невыспавшийся народ вылез из вездехода, разминая затекшие конечности. Перекусив остатками продуктов и попив чаю, геологи пошли на базу пешком, четырьмя параллельными маршрутами: Денис и Козя - по левобережью, Сычева - вдоль русла с отбором экологических донных проб, Поличкин - по правобережью. День, слава Пелекену, выдался солнечный, приятный, с попутным ветерком. Дошли все, даже вездеход самостоятельно приполз, подобрав по дороге Наталью (В.П. подстрелил по дороге росомаху. На лагерь пришел около двух часов ночи).

Шестого сентября Денис взял в маршрут Олю и всесторонне ее использовал - погода и природа благоприятствовали любви. Возвращаясь вечером на базу, счастливые супруги собрали банку голубики. На другой день ударил, крепкий мороз, задул сильный северный ветер, завершившийся пургой. Денис обул валенки. А работы еще было непочатый край, маршруты продолжались. Небольшое потепление сопровождалось дождями, обеденные перерывы и приготовление чая в маршрутах Денис приспособился делать под пленкой, натянутой на кусты.

В один из ненастных осенних дней отрядные запасы продовольствия пополнились двумя (тремя – В.П.) тушами оленей, убитых Поличкиным (два оленя) и Кошевым. Голубика для сборов уже не годилась, но брусника была в самый раз. Денис и Оля собирали ее при всяком удобном случае в окрестностях базы.

Сезон явно близился к концу, а вездеходчик Саня Кошевой так до сих пор и не смог сделать брагу. Эта мысль не давала ему покоя, да и все остальные мужики не могли смириться с такой несправедливостью. И вот, Саня решился-таки на последнюю, третью попытку. Денис, скрепя сердце, отдал ему последнюю, третью бутылку и последние дрожжи (сахару еще хватало). Саня осторожно, аккуратно заквасил брагу, поставил

бутыль в натопленную баню, укутал кукулем - играй, родная! Он нежил ее и ласкал, как любимую женщину. Брага отвечала взаимностью. Она весело играла к пенिलाе, набирая градусы, с каждым днем становясь все крепче и вкусней.

14 сентября 1993 года произошло историческое событие - начальник отряда Денис Доценко завершил свою полевую поисково-съёмочную биографию, выполнил последний маршрут. В этот день он, как и всегда перед дальним заездом, поднялся в шесть утра. На кухне уже шумел примус - там хозяйничала дежурная – Наталья. Денис осмотрелся. «Сплошная низкая облачность, но дождя нет, можно ехать», - решил он. После завтрака на востоке, куда надо было направляться, вдруг появился густой туман и горы исчезли. Тем не менее, Денис не усомнился - маршрут должен быть выполнен при любой погоде, дальше будет еще хуже.

На перевале - морось /от слева «мразь»/, густой туман, но дорога знакомая, через яранги. Вездеход идет уверенно по своему следу. Первым, не доезжая чукотского стойбища, высадился Поличкин с женой и собакой - его маршрут начинался сразу за перевалом. Возле яранг сошел Козя с Поносяном, а Денис заехал в самый дальний конец, в верховья речки Спокойной, откуда вездеход с Натальей Сычевой поехал назад, на экологическое опробование долины. Свой последний маршрут Денис начал у подножья водораздела (т.н.1442, андези-базальты). Поднялся на хребет, где его накрыла пурга, и пошел по пестрым разноструктурным вулканитам на юг, отбивая пачки и отбирая образцы. Пробежав водораздел, Денис спустился в долину, спрятался от ветра под скалой, на берегу ручья, и тут очень кстати на фоне белого мглистого неба он увидел две черные сгорбленные фигурки - это заканчивали маршрут Козя и Поносян. «Как хорошо! - обрадовался Денис. - Вместе пообедаем - у них есть примус, не надо будет мудохаться с кассиопеей и костром».

В укрытии было тихо, сверху спокойно падали безобидные приятные снежинки и, если бы не мерзли ноги в резиновых сапогах, все было бы прекрасно. Геологи перекусили, попили крепкого горячего чая. Время всего лишь четырнадцать часов, вездеход должен подойти к семнадцати, а за три часа и задубеть можно. Геологи единогласно решили идти к ярангам пешком (по карте - пять километров) и там ловить Кошевого. Денис шагал первым, по вездеходной колее, разогрелся, разгорячился, снял свитер, оставшись в ватной куртке-пурговке, откатал голенища болотных сапог - идти стало легче (к тому времени разыгралась настоящая пурга – В.П.).

Вот и яранга. Денис вошел. Внутри, в полумраке увидел Поличкиных. В центре яранги горит-дымит круглый очаг, греется подвешенный над ним черный закоптелый чайник (в котле варится жирное оленьё мясо – В.П.). Сверху, над костром развешано копченое оленьё мясо - основной продукт питания обитателей яранги. У полога и вокруг костра (по всему чоттагыну) снует сопливая детвора. Денис присел на пол, вместе со всем попил чаю, наблюдая через дверной проем за дальним озером, и горизонтом - там должен проезжать вездеход, его надо остановить и завернуть к ярангам.

В половине шестого машина появилась, до нее - километра два. Денис вскочил на бугор, замахал руками. Подошел Козя с красным плащом и тоже стал подавать сигналы. Денис отобрал у него плащ, привязал к шесту, поднял, как знамя. Сзади хлопнула-взлетела зеленая ракета - это стрельнул чукча, хозяин яранги. Уж теперь-то Кошевой должен увидеть сигнал и повернуть налево. Ага, так он и сделал - вездеход развернулся к ярангам. В ожидании его Денис сел на полоз перевернутой и покрытой оленьей шкурой нарты, дописал свой маршрут. Чоттагын /площадка перед пологом внутри яранги/, костерок в каменном круге, дымок, чукчи в кухлянках и керкерах, копченое мясо над головой, закрытый полог /меховой короб, в котором спят чукчи всей семьей/ - такова была экзотическая обстановка, в которой старый геолог Денис Доценко завершал свою полевую-маршрутную деятельность; это было романтично, символично, красиво, ну прямо как в кино.

Подъехал Саня Кошевой. Пока он пил чай, вездеход заглох. Завести его стартером не удалось, аккумуляторы сели. Семеро мужиков /четверо геологов и трое пастухов/ стали вездеход толкать - сначала на ровном месте /было очень тяжело/, потом под уклончик /стало полегче/. Тяжеленная гусеничная машина все-таки завелась и геологи, попрощавшись с чукотскими друзьями, поехали домой. В кабине сидела Наталья, весьма довольная Кошевым (оставшись в маршруте наедине с нею, Саня понял, что от него требуется и не подкачал). Денис устроился в салоне, рядом с Козей и Поносяном. Напротив расположилась спортивно-здоровая дружная семья Поличкиных - Володя, Наташа и красавец-сеттер Дик. Тряска была ужасающей - вездеход ковылял без двух торсионов. И все-таки дотянули, доехали. «Ура! Мы победили!»- воскликнул торжествующий Денис. Маршрутчиков ласково встретили хозяйка базы Ольга (Зоя – В.П.) Николаевна, теплые палатки, горячие печки, вкусная еда. Их ожидала созревшая брага, их манили родные пушистые кукули.

Загорелый, бородатый, оживленный, скалящий зубы вездеходчик Саня Кошевой (вприпрыжку, как резвый мальчик, напевая песенку «Пора-пора-порадуемся на своем веку», побежал с ведерком в баню, за бражкой - ох как, кстати она была! Саня уже поимел сегодня одно удовольствие, которое ему доставила соскучившаяся по мужику Наталья, и вот теперь он будет иметь еще одно - напьется браги, захмелится, почувствует еще большую радость свободного полевого бытия! А геологи сидели на кухне, за богатейшим столом и пока еще пустыми кружками и ждали гонца с полевым винцом.

Кошевой вернулся темнее ночи. «Бутыль разбита, браги нет» бросил он свинцовую фразу. Совершил злодеяние он сам - поставил бутылку на лавку, наклонил, стал наливать, стеклянное дно скользнуло по гладкой доске, бутылка упала на пол, раскололась, пенная брага - двадцать пять литров! - залила банный пол! Третий раз на этом же месте! Услышав это, геологи в третий раз содрогнулись. Поносян схватился за голову и завопил: «Екарный бабай!» «Значит, не судьба», - мрачно произнес Денис и взялся за ложку.

А на другой день, как компенсация отряду за бражно-моральный ущерб, из химлаборатории поступило сообщение: «Пробах высокое содержание металла поздравляем Свистоплясова». Необузданная радость охватила Дениса и все его окружение. Площадь кварцевых развалов большая, содержания золота – промышленные, значит, есть месторождение! Ура! Последний сезон завершился прекрасно!

К этому времени горы полностью покрылись толстым слоем снега. Денис с чистой совестью дал РД: «Полевые работы завершены. Двадцатого сентября требуется вертолет для полной ликвидации отряда». Начались полевые камеральные работы со сбором брусники в перерывах. Денис рисовал сводную карту, обобщая материалы всех исполнителей работ. Козя как всегда в своем репертуаре - натаскав несметное количество образцов и проб и исписав множество полевых книжек, нарисовать геологическую карту он не осмелился и о геологическом строении исследованных им участков ничего толком сказать не мог. «Ну-у...типа...как это...как бы штоли...или што...какое-то...вроде...што там...», - невразумительно мычал он сквозь моржовые усы, тыкая толстым заскорузлым пальцем в измызганную маршрутную карту. С Козей все ясно, ничего удивительного, Денис знал его уже более тридцати лет. А вот кандидат ГМН «доктор Вова» его начисто сразил. Оказалось, что до сих пор он геологической съемкой не занимался, инструкции и методического руководства не знал, с аэрофотоснимками обращаться не умел и в маршрутах ими не пользовался. Привязку точек наблюдения на топографическом карте делал не по рельефу (и по рельефу тоже – В.П.) и АФС, а по пройденному расстоянию, непрерывно считая шаги и переводя их в метры. Кошмарная работа! На таком рельефе! Да еще отбирал он образцы со всех разновидностей горных пород в двойном количестве - для себя и для отряда, так что его рюкзаки были всегда вдвое тяжелее, чем у нормальных геологов-производственников. Закончил полевой сезон «доктор Вова» с чистыми, неотдешевленными аэрофотоснимками и без нанесенных /наколотых/ маршрутов,

что грозило ему оценкой «неудовлетворительно», а начальнику отряда - выговором за плохое руководство кандидатом геолого-минералогических наук. Денис пришел в ужас.

- Вот что, Володя, тебе надо немедленно садиться и переносить маршруты с карты на снимки. Вот так, смотри, - и Денис показал свои маршрутные аэрофотоснимки. - Давай, шуруй-вкальвай, иначе быть беде.

Доктор Вова начал туфтить, создавать видимость соблюдения инструкции. В отношении обработки полевых материалов самой аккуратной и в то же время самой тугодумно-медлительной и нерешительной, как Козя, была Наталья Сычева. Маршруты /сначала на снимке, потом на карте, как и положено/ она выносила чистенько, без помарок, номера точек наблюдения обозначала четко, ровно, записи в полевых книжках делала по содержанию хоть и посредственные, а иногда даже и ошибочные (не хватало у нее геологического тям, баба - что с нее взять), но исполненные каллиграфическим почерком, что, в первую очередь, и бросается в глаза, производят приятное впечатление на членов техсовета. Наталье часто ставили оценку «хорошо». А дед Козя, который все знал, все понимал, но рисовал и писал коряво, неказисто, некрасиво, мог за грязь и помарки запросто и тройку схлопотать. Вот что значит внешний вид полевых материалов.

Два дня отряд занимался подготовкой к ликвидации. Рядом с посадочной вертолетной площадкой, обозначенной по углам красными флажками, геологи построили эстакаду и уложили на нее все отрядное снаряжение (кукули, палатки, резиновую лодку, посуду и прочее - все, что может быть вывезено вторым - третьим рейсами), укрыли его брезентами и увязали веревками - пусть пока полежит. На краю площадки были сложены первоочередные грузы - пробы, образцы, остатки продуктов, личные вещи. Двадцатого сентября отряд к вылету был готов. Но вертолета не было, пришлось полевикам собирать бруснику, а Сане Кошевому доставать лодку и возобновлять рыбную ловлю. Денис, имея вечером свободное время, читал Солженицина «В круге первом».

24 сентября озеро Варэнайгытгын покрылось льдом, кончился уголь, Кошевой съездил за дровами на брошенный чукчами кораль, а Денис с помощью Оли разделал на куски автомобильную шину.

25 сентября начальник Крестовского отряда отправил начальнику ЗКГРП Иванову очередную радиограмму: «На зимние работы не рассчитывал уголь давно кончился мерзнем имейте совесть». На вечерней связи были студент Коля Доценко, проходивший практику на Чукотке, и Катя. Денис поговорил с ними, узнал, что сын вылетает в Анадырь тридцатого сентября. Удастся ли встретиться с ним (а этого Денису очень хотелось) было не ясно.

28 сентября утром, незадолго до связи, на геологическую карту Дениса с палаточной крыши спустился паучок. «Это - к вертолету!» - обрадовался начальник отряда и стал собираться. В восемь тридцать из Центра сообщили - вам будет вертолет, готовьтесь. Геологи приготовились и до обеда просидели, вслушиваясь в небесную тишину. Белое безмолвие окружало их. В 13-00 они узнали, что вертолета не будет. «У, гады!» - скрипнул зубами Денис. - Мне же с сыном встретиться надо!»

30 сентября. Облачность пять баллов, высота 1500 метров, ветер северный, морозный, 5-10 метров в секунду. Встав в шесть часов, Денис растопил печку и примус на кухне, подогрел воды, налил в кружку, почистил зубы теплой водой и умылся. Его сожители - Екарный Бабай и Ек-Макарёк - нежились в кукулях, печку растопил Козя. «Жмурики» спали, лежали, читали книжки до угрозы взрыва мочевого пузыря. Из кукулей их выгонял только жар от печки.

На кухню пришла дежурная Сычева, начала готовить завтрак. Как всегда по утрам, она была хмурая, сосредоточенная, злая. В восемь тридцать Денис включил рацию. В эфире полная непроходимость, будет ли вертолет - не ясно. К вылету готовы все, кроме Кошевого и Козина - они едут в поселок на вездеходе. Попутно Генрих должен

опробовать одну злополучную геохимическую точку с аномально высоким содержанием золота, до которой до сих пор никак добраться не могли.

В десять часов вездеход выехал на Южный Тадлеоан за автомобильными баллонами и штучными пробами, оставшимися на стоянке возле Клыка. В десять тридцать прилетел вертолет. Геологи загрузили все, что приготовили, да еще по пути, пролетев низко над вездеходом, забрали штучные пробы на Клыке. Загрузка получилась предельно допустимая для вертолета, командир с ворчанием вел машину на бреющем полете, сжигая керосин, облекая баки. Причем летел не прямо по курсу на Нырвакинот, а крючком, да еще петляя, зигзагами, чтобы, значит, побольше накрутить летного времени и больше заработать. «Знаем мы эти хитрости пилотов», - думает с улыбкой Денис. Но как ни крути, а Залив Креста неумолимо приближался и вот - посадка!

Справа от здания аэровокзала, за забором, огораживающим летное поле, Денис увидел смеющиеся физиономии Кати и Коли! Студент ужасен - длинный, худой, заросший волосами до плеч, настоящий хиппи. Но все равно свой, родной сынуля. Полевики - отец и мать - бросились к нему, обняли через прутья.

К вертолету подъехала экспедиционная машина, полевики загрузили ее доверху и выше. И все же камни остались на второй рейс. Машина выехала через охраняемые ворота, Денис показал пропуск. Вместе с ним в кабине сидел рабочий Поносян. На автобусной остановке в кузов, поверх вороха полевого барахла залезли Коля, Катя и Миха Виноградов, вместе с Колей вылетающий в Питер. Злой шофер-кавказец, побаиваясь гаишников, всех согнал.

Разгрузив машину (часть в подвал, часть - к подъезду своего дома), Денис отправил Поносяна в гараж (требовать машину за пробами и оставшимися людьми) и только собрался тащить тяжеленные вьючники к себе на второй этаж, как подошли детки - Коля и Катя, помогли взмыленному батьке. Коле надо возвращаться в аэропорт к семнадцати часам, а было уже четырнадцать-десять. Денису надо успеть угостить сына строганиной (он привез мороженого варэнайского чира) и выпить с ним за встречу и прощанье.

- Коля, брось гитару, беги за бутылкой. У тебя деньги есть ?

- Есть! - ответил Коля и убежал. И тут Денис вспомнил и ужаснулся - а ведь в магазине с двух до трех перерыв! В четырнадцать тридцать Коля вернулся с литровой бутылкой китайской рисовой водки, купленной в баре по ресторанной цене, и Денис возликовал. Он быстро, большим острым ножом, наготовил строганины и - вперед! Первый тост - за встречу, второй - за успехи, третий - за отъезд. Четырнадцать пятьдесят пять. Появляется Миха Виноградов, кричит: «Коля, ты чего? На автобус опоздаем!» Опрокинув по последней рюмке, парни и провожающая их Катя убежали. Денис остался один. Он доволен - все-таки есть Бог! Удалось-таки встретиться с сыном! А вот мать общалась с ним совсем мало. Она возвратилась из аэропорта вторым рейсом вместе с пробами, осталась, дурища, грузить, а могла бы домой раньше приехать, без нее бы обошлись. Коля улетел.

Вечером, помывшись в ванне, супруги - полевики Доценко, вместе с коллегами Поличкиными, допив рисовую водку, отметили взбалмошное окончание сезона-93. А на другой день Денис в овощном магазине встретил рабочего Поносяна и пригласил его к себе. Он купил трехлитровую стеклянную банку красного виноградного вина и направился к выходу. «Иваныч, давай я понесу», - попросил Поносян. Денис передал ему банку. Поносян упустил ее, банка упала на пол и разбилась. Денис окаменел, продавщица заголосила: «О-ё-ё-ёй!» Полевое бражное проклятье Крестовского отряда распространилось и на поселок.

- Екарный бабай! - воскликнул Поносян. - Везде и всем я приношу только несчастья!

- Ладно, брат, не горюй. Деньги есть, возьмем вторую. И Денис вернулся к прилавку. Хороший парень - Поносян, угостить его все-таки надо.

Третьего октября в поселок прибыл вездеход и Денис, выпив с Козей, простил ему аномальную золотую точку, которую он не посетил - все под снегом. В поле осталась гора

списанного снаряжения, если его не удастся вывезти - не беда, весной его можно будет использовать для поисковых работ на Золотом Клыке.

6 октября 1993 года Западно-Чукотская геологическая экспедиция /ЗЧГЭ/ (АКГРЭ – В.П.), а вместе с ней и Заливо-Крестовская геологоразведочная партия (ЗКГРП), прекратила свое существование. Все ее работники, кроме главных руководителей и геологов-полевиков Крестовского и Кольцевого отрядов, были отправлены в бессрочный неоплаченный отпуск.

28 октября состоялась последняя защита последних полевых материалов Крестовского отряда. Несмотря на многочисленные, нерешенные по объективным причинам, геологические вопросы и оставшиеся на карте недоизученные участки, отряд получил оценку «хорошо».

Персональная тройка была поставлена только «варягу» - кандидату ГМН Поличкину. Денис был и этому рад.

В этот же день сошел с корабля на нырвакинотский берег неподражаемый Иван Иванович, трудяга и шут, знатный работник Смешторга, бригадир-бугор грузчиков-амбалов. Сверкая неистощимым оптимизмом, запечатленным на его физиономии белозубой голливудской улыбкой, Глухарев поздравил Дениса с победой и принял активное участие в пьянке-гулянке по поводу последней защиты полевых материалов и открытия нового месторождения - Золотого Клыка.

ХРОНИКА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Начиная с ноября 1993 года события понеслись галопом. Третьего ноября, накануне дня рождения, Оля Доценко получила от Ивана Глухарева замечательный подарок - двадцать два килограмма свежей капусты, которую сама и отбирала на складе Смешторга (давали по блату только своим). Четвертого ноября Оля Доценко достигла северного пенсионного возраста - ей исполнилось пятьдесят. Денис поздравил супругу стихами.

В золотой свой юбилей, Ольга Николаевна,
О прошедшем не жалея - мы прожили славно!
Мёд, бальзам и амбру лей ты на наши души,
Источай на нас елей, чтоб не вяли уши.
Будь здорова от полей, мать-жена-бабуля.
Нам веселия налей, а печалям - дулю!

Только отметили бабулю, а тут и у внучки день рождения наступил, ей исполнился годик.

Мы для нашей милой Лизы - подхалимы и подлизы,
В щечки внучку чмок да чмок, Лиза, ты - земли пупок!
Заодно и папу в мамой поздравляем в губки прямо.

20 ноября Денис Доценко тоже достиг пенсионного возраста - ему исполнилось пятьдесят пять лет. Никаких особых поздравлений и подарков, как было в пятидесятилетний юбилей, от реликтов развалившегося коллектива бывшей экспедиции он не имел. Все старые друзья, которые могли бы его как следует поздравить, покинули Нырвакинот. В некотором роде Денис чувствовал себя заброшенным, одиноким. Тем не менее гулянка по поводу «совершеннолетия» одного из корифеев Восточной Чукотки, «души экспедиции», как называла его восторженная поэтесса Тамара Пупченко, продолжалась три дня. В ней участвовали полевые соратники Дениса: Генрих Козин, Иван Глухарев, Голик Виденко, Вася Маркин.

В связи в отсутствием хвалебных од со стороны, Денис сам себе придумал эпиграмму и попросил Васю Маркина прочитать ее, выдавая за свою. И вот этот момент наступил. Когда все товарищи выразили свои чувства к юбиляру, Маркин решительно встал и заявил:

- Тихо! Прошу внимания. Я вот тут тоже кое-что подсочинил для Дениса Ивановича. Значит так.

В работе, выпивке и бабах
Денис - геолог был силен,
К тому же он резец и лабух
И стихопьянством наделен.

-Что ты буровишь! - возмутился Денис.

- Где? - вылутился Вася.

- В последней строчке.

- Ага, ну да, извините. «И стихоплетством наделен!» Да какая разница! Не перебивайте поэта. Читаю дальше. Кгм!

На лыжах ползает в распадок

И любит камни и цветы.

Он до раздольной жизни падок –

Ну, вот и все его черты!

Фу! Аж вспотел! Давайте выпьем. За тебя, Иваныч!

- Молоток, Вася, справился, - похвалил друга Денис и крепко пожал его мощную длань.

Веселье продолжалось. Гости удивленно говорили- кто бы мог подумать, что Маркин пишет стихи! Чего же ты раньше молчал? У, тихушник! Вася застенчиво улыбался и отвечал:

- Для Иваныча я на все способен.

Прослушав эпиграмму очередное раз, Денис вдруг обнаружил, что ее слова легко поются на мотив «Кости-моряка».

- Вася! Твои стихи можно петь! - воскликнул он.

- Да ты что! - испугался Вася.

Денис запел, Оля и Иван подхватили новую песню, родившуюся за праздничным столом. И припев определился сам собой.

Я вам не скажу за всю Чукотку,

Вся Чукотка очень велика,

Но от Наукана до Клыкотки

Обожают Дэна-чудака. Плюм-блюм!

(«Клыкотка» - площадь золоторудного месторождения Клык).

Пора и юбиляру что-нибудь вякнуть, - спохватился Глухарев.

Это можно, - с готовностью ответил Денис, вставая. - Изю всех удовольствий, имеющих на Земле, наибольшими, истинными удовольствиями являются поглощение пищи, утоление жажды и обладание женщиной. Выпьем за то, чтобы еда всегда была вкусной, влага – живительной, дама - приятной!

- О-о-о! - взревели геологи-мужики и дружно сдвинули бокалы.

6 декабря состоялось заседание руководителей подразделений бывшей ЗЧГЭ. Последний (чрезвычайный уполномоченный) начальник-ликвидатор Жарченко по кличке Будулай, неудачно съездивший в Москву и попавший на прием к премьер-министру Гайдару, передал его слова: «Денег я вам не дам, потому что их нет. А на Север я вас не посылал, так что и выкручивайтесь сами!» В связи с полным отсутствием финансирования, Будулай посоветовал собравшимся немедленно увольняться, спасаться, кто может, бежать на материк.

7 декабря по следам выступления Будулая в актовом зале с откорректированным ленинским утверждением: «Мы придем к беде коммунистического труда» по инициативе Карамбы состоялось стихийное профсоюзное собрание всех работников бывшей ЗКГРП, по накалу страстей напоминающее революционный митинг. Принято решение - направить на телевидение в Останкино телеграмму-обращение: «Всем геологам России. Гайдар -

враг геологов! Призываем не голосовать за проправительственные блоки. Геологи Восточной Чукотки».

- Наивно и смешно, - прокомментировал Денис, сам и составивший текст телеграммы.

10 декабря Ольга Николаевна, находящаяся в отпуске, улетела на помеле в город Анадырь, ей захотелось внучку понянчить.

17 декабря произошла схватка Дениса со старшим геологом Николаевым по поводу состава (количества фаций и фаз) тауреранского интрузивного комплекса и верхнеамгеньской подтолщи. Николаев работал в свободном режиме, как ученый, не соблюдая официального рабочего времени. Астма, как он говорил, не позволяла ему приходить в контору раньше девяти часов (много времени уходило на утренние лечебные процедуры), зато вечерами он мог сидеть в кабинете до полуночи. Он обобщал, анализировал и систематизировал тысячи химических анализов по интрузивным и вулканогенным породам, вделанным предшественниками, составлял таблицы и графики. Он считал себя самым знающим геологом, непререкаемым авторитетом, он был консерватором и новшества отрицал. На этой почве и вспыхнул яростный спор двух старперов. Производственно-геологические противоречия усугублялись личной неприязнью этих двух совершенно разных людей.

- Надо придерживаться старой, проверенной схемы, ничего нового выдумывать не надо, тогда все будет нормально, все получится, - раздувая побелевшие от гнева ноздри, гнусаво цедил Николаев.

- Никогда и ничего у нас с тобой не получится! - рубанул Денис, обрывая разговор.

После обеда отрицательные эмоции сменились положительными - была выдана зарплата за октябрь и состоялось заседание у Крюканова. Геологи обсуждали предложение Польского о выделении сезонных отрядов из ЗКГРП в самостоятельное товарищество.

- Ну да, и назовем его ТОЗ - товарищество по обработке земли. Такое уже было после октябрьской революции, - съязвил Денис.

Рабочий день Доценко завершался получением пенсионного удостоверения. Пенсия была начислена максимальная (78948 рублей), исходя из средней зарплаты 101623 руб. 78 коп.

Накануне нового года другой (более ранний) пенсионер Свистоплясов перешел на службу в новую анадырскую камеральную организацию «Георегион», дописывающую отчеты по прошедшим полевым сезонам. По заказу любящих ПБ женщин Денис написал такое напутствие:

Нас покинул ты достойно, отслуживши тридцать семь.

Ты еще парняга знойный, хоть старпер уже совсем.

Служи Георегиону, позабывши про Читу.

Пятисоточку района, как бульдог, возьми - ату!

7 января 1994 года во время застолья, посвященного рождению Христа, Денис, послушав Ивана Глухарева, принял окончательное решение об увольнении из ЗКГРП и отъезде на материк в связи с окончанием срока договора. Можно сказать, что в принятии этого решения не только Ванька, но и Бог помог.

Пенсионеркой стала и знаменитая неунывающая Карамба – Инга Сосновская. Хоть и шибануло ей полста, она оставалась все той же озорной и смешливой комсомолкой, какой знал ее Денис в шестидесятые годы.

В день золотого юбилея, хвалебных звуков не жалея.

Мы славим скромно, зная меру, Нырвакинотскую Венеру.

О, Окружная Афродита! О, Терпсихора-Мельпомена!

О, Клара, Бэлла и Эдита! В тебе возможны ль перемены?

Таланты все соединила, честь ВЧГРЭ не уронила,

До ста изменишься едва ли! Живи красиво, трали-вали!

Пояснение: Клара - эстрадная артистка-юмористка Новикова, Бэлла - поэтесса Ахматдулина, Эдита - певица Пьеха.

Пенсионер-бобыль Козин, давно уже замкнувшийся в своей до предела захламленной и вонючей конуре, продолжал свое гнусное занятие - снова отрастил огромную паховую грыжу и сделал вторую операцию по ее удалению. После операции он получил оплаченный, лечебный отпуск на сорок дней. Чем заняться, Козя не знал (никакого хобби у него не было), поэтому регулярно ходил на работу и просиживал за столом весь рабочий день, выполняя мелкие поручения Дениса. Он представлял собой жалкое зрелище, этот неухоженный опустившийся старик.

4 февраля все реликтовые геологи получили уведомление: «В связи с полным прекращением финансирования всех видов геологоразведочных работ и согласно приказу № 23-56/13 от 02.02.1994 "О сокращении численности Западно-Чукотской геологической экспедиции» вы предупреждаетесь о сокращении с 2 апреля 1994 года. Начальник ЗКГРП Иванов.»

7 февраля. Общее собрание, предупреждение о предстоящем бессрочном отпуске без содержания всем, кто не связан с камеральными работами геологов сезонных отрядов. Последние дни доживала химическая лаборатория, но она успела-таки на последнем издыхании выполнить свою главную задачу – проанализировала все штучные пробы Крестовского отряда (их быстрому продвижению содействовала Ирина Свистоплясова) и подтвердила высокие содержания золота в них! Золоторудное месторождение Клык было окончательно доказано, Денис ликовал и принимал поздравления товарищей.

- С тебя бутылка, - сказала Ирина.

- Да хоть девять! - согласился Денис.

16 февраля, В семье Доценко очередная радость - из Анадыря прилетела невестка с внучкой.

1 марта. Календарная весна началась тридцатиградусным морозом и приездом начальника несуществующей ЗЧГЭ Жарченко. Будулай привез зарплату за декабрь и на общем собрании сообщил, что полномочный представитель Чукотгеолкома Польский в данный момент находится в Москве, выбивает деньги на ликвидацию и выплату компенсаций увольняемым. Это ему пока не удается. Денег нет.

4 марта. В семье Доценко снова радость - прилетел Вася, соединился с родней.

8 марта. Поздравление женщине-коллеге.

Несмотря на сокращение, не прошло земли вращенье,

Женский праздник наступил! Он для нас все так же мил.

Будь счастливой. С женским днем! А отчет - гори огнем!

В семье Доценко - самая большая радость - к Кате из тундры пришел чукча - оленевод, жених Игнат в кухлянке, грязный, вонючий, принес подарок - шкуру прекрасной лисы. Ольга Николаевна встретила пастуха с распростертыми объятиями, раздела его у порога, положила в ванну, залила горячей водой - отмокай! Мойся хорошенько! Затем хозяйка подобрала гостю полную смену белья и одежды (из сыновних остатков и запасов мужа) и чистый, цивильный «зятёк» уселся за праздничный стол, улыбаясь и зыряка черными раскосыми глазками на смущенную Катю.

10 марта в ЗКГРП поступил протокол заседания Чукотгеолкома, из которого Денис сделал выписки.

« ... в большинстве предприятий значительно расстроены или нарушены технологические связи единого производственного процесса ГРР (геологоразведочных работ), из них уволились наиболее умные и квалифицированные исполнители работ («остались дураки», - продолжил Денис оборванную фразу).

Геологические предприятия Чукотки в существующий финансовый год не способны эффективно осуществлять производственную деятельность...

В связи с профессиональным распадом коллективов геологоразведчиков... считать целесообразным ликвидацию геологических предприятий и увольнение их работников...»

18 марта. Денис Доценко подал заявление на отпуск с последующим увольнением.

24 марта. Мороз -37°C! Неожиданная зарплата за январь (189000 руб.) В конце марта ЗКГРП была ликвидирована, вместо нее образовались два ТОО – «Геопоиск», тут же переименованным в «Геописк», объединивший геологов, и «Гран-при», в котором сконцентрировались механики и буровики.

Главный геолог Куколя был ликвидирован (сокращен за ненадобностью) и, как ценный номенклатурный работник, переведен на службу в Чукотгеолком, где возглавил разведочный отдел и стал надежным, привычным другом-собутыльником Великолепного Чвычки.

Начальник ЗКГРП буровик Алексей Иванов (сменивший ушедшего в «Гран-при» Зрякина), отражая тяжелое, безнадежное состояние геологической службы на Восточной Чукотке, опасно заболел. Его вывезли в Магадан и сделали резекцию желудка. В день профессионального праздника Денис Доценко подбодрил Алексея стихами.

С днем геолога, коллега, наш последний геобосс!

В простынях белее снега, буровик, не вешай нос!

За тебя мы пьем, дуря, грустно-праздничный бокал.

Выздоровливай скорее, раздели страстей накал.

Председателем ТОО «Гран-при» стал бывший зам-нач-по-хч Василий Манилов, председателем «Геописка»...нет-нет, только не Крюканов, он решительно, сколько его ни упрашивали, от этой должности отказался, уперся - и ни в какую! Он оставил за собой работу главного геолога, а в председатели настоятельно рекомендовал и упорно двигал упирающегося геофизика Славу Затыко. «Молодой, здоровый, энергичный - справится!» - рекламировал Александр своего протеже. Уговорили-таки Затыку, согласился, надел на выю тяжелое, неблагодарное ярмо.

Для того, чтобы зарегистрировать ТОО, надо была его учредителям сброситься по пятьсот тысяч, сделать взнос. Все начальники отрядов и старшие геологи согласились и лишь Доценко отказался. Вместо денег он вытащил из кармана пенсионное удостоверение («фиг-вам») и помахал им над головой.

- Ребята, я вам не товарищ, я на пенсию ухожу. Крюканов засмеялся. Действительно, хрен его знает, что из этого «Геописка» получится, может, и взносы пропадут.

Вот в таком состоянии пришли недобитые остатки бывшей экспедиции к своему празднику – дню геолога, совпадающему с международным днем дурака. В актовом зале традиционно стояли накрытые столы и жалкие остатки некогда великолепной самодеятельности во главе с Денисом Доценко и Ингой Сосновской давали последний-прощальный концерт. Из-за отсутствия гитаристов (ни одного не осталось!) эти двое бессменных активистов-чудаков обеспечивали и музыку - Денис шпарил на балалайке, а Карамба, отбивая ритмы, стучала расписными деревянными ложками. Докатились!

Открывая концерт, Инга сказала: «Дорогие друзья! Сегодня представился случай официально поздравить с переходом в анадырский «Георегион» нашего любимого и неповторимого начальника ЦГП, царство ей небесное, пухом ей земля, Федора Владимировича Свистоплясова (В.В. Плясунов – В.П.). Для него исполняется наш последний, шестой по счету «Букет».

Дождался я великих перемен, мне не узнать родимой ВЧГЭ.

Меня не спас бюджет и менеджмент, я в царстве рынка мухой погорел.

Но вы меня не спишите в тираж, не собираюсь на запасный путь.

Какой тут юмор? Что за номера? Я ж ваш отец, не бич какой-нибудь.

Я не покину Северо-Восток, до песни лебединой далеко.

Я самый яркий тундровый цветок в букете из крутых полевиков!

- А теперь - первоапрельская шутка, акт первый. Внимание, внимание! Говорят все радиостанции «Голова Америки!» Послушайте экстренное сообщение! 1 апреля 1994 года в день российского геолога и всемирного дурака в бухте Нырвакино по приказу

анадырского начальника Будулай обледенела, проломила лед и затонула геошхуна «ЗКГРП». Экипаж, погружаясь в ледяную воду, бодро пел:

Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает.

Камака приходит отчетам-листам, корабль наш Дыра поглощает.

Настала камака отчетам-листам, маршрутам в чукотских просторах.

Запомнят нас воды залива Креста, запомнят долины и горы.

Не скажут ни камни, ни Крест, где прошли свой путь полевые бродяги.

А то, что геологи в тундре нашли, навек сохранят лишь бумаги.

- Наблюдения над терпящим бедствие судном продолжаются. А пока, в ожидании неизбежного конца, предлагаю тост за прошедшие времена, за Заливо-Крестовскую ГРП.

Веселись напропалую! ГРПинушка, пляши!

Грянем, братцы, удалую за помин ее души.

«ЗэКи» пьют стоя рюмку номер один.

- Последнее сообщение с места трагедии. Опустившись на дно бухты, экипаж передал шхуну главморгеологу Нептуну, вынырнул на поверхность и бросился в объятия неунывающего главвингеолога Бахуса, который поджидал утопленников на берегу. Согревшись, ликвиданты запели:

Геройская шхуна ЗКГРП врагам просто так не сдается.

В последний свой день на чукотской земле она над врагами смеется.

Геологи, выпив, гитарой звенят и дружно готовятся к бою.

Чукотгеолкому они говорят: «Живи ты без нас, хрен с тобою!»

Наверх вы, товарищи, все по местам, нас ждут времена грозные.

Камака настала отчетам-листам, но мы остаемся живые!

- Покинув шхуну, экипаж раскололся на три группы. Умные образовали ТОО «Гран-при», геологи сформировали ТОО «Геоиск», а те, кто не попал ни туда, ни сюда, осели у моря и ждали расчета. Ликвиданты пели:

Эх, яблочко, да куда котишься? В «Гран-при» попадешь – не воротишься

В «Гран-при» склады да магазинчики, живут они как херувимчики.

Эх, яблочко, да на тарелочке, в «Геоиск» не катись – там проблемочки.

Там нет пока ой да гарантии, она еще да где-то в мантии!

- Наш второй тост - за мантию!

Акт второй.

- Братья и сестры! Сегодня, 1 апреля 1994 года - наш праздник: день дурака. Мы, живущие на Крайнем Северо-Востоке Азии, первыми в мире встречаем этот день и очень гордимся этим.

Мы дураки и дух наш молод, мы пьем горилку и кричим.

Мы потеряли лоток и молот, об стол бокалами стучим.

И после каждого бокала редет тьма, сверкает свет

И веселее напев вокала и лучше выражен привет.

- Внимание, внимание! Экстренное сообщение! Над нами только что пролетел Черный Ворон. Он сообщил радостную весть - к нам едет Будулай! Замаскировавшись под оленевода, он едет на собачьей упряжке, денежки везет!

Там Будулай, Будулай, Будулай! Едет за рекой, за рекой

В красной рубашеночке - хорошенький такой.

Появляется Будулай, плачет-ревет. Карамба: Деньги привез?

- Ограбили! Все отобрали! Налоговая полиция! У-у-у, гады!

Эх, Будулай – Будулай - Будулай! С нами вместе полай да полай,

Для житья приличного финансы добывай!

- Будулай: А ты кто такая?

- Карамба (ЗКГРП): Ну ты даешь! Уже не узнаешь? Я - Заливо-Крестовская красавица, наложница твоя! Ты же меня соблазнил, присоединил, совокупился со мною, валунистые горы золота обещал, а теперь в бухте утопил! У-у-у, зараза!

- Не виноватый я! Это тот самый маленький, толстенький, лысенький, с розовыми щечками и масляной улыбочкой - Егор Гайдар. «Выбор России», «Выброс» !

- Ладно, прощаем тебя, Будулай, ведь ты так старался, так хотел нас спасти! Эй, ликвиданты, налейте ему вина!

Пей, Будулай, Будулай, Будулай с нами заодно, заодно.

Вместе мы опустимся на самое на дно.

- Тост третий - за дно!

акт третий

- Внимание, внимание! Над нами снова пролетел Черный Ворон. Он принес радостную весть - из столицы ЧАО возвращается трезвый, живой и невредимый председатель «Геописка» Слава Затыко.

Появляется Председатель.

Карамба: Господин Затыко, можно взять у вас эксклюзивное интервью?

Можно.

Как вы себя чувствуете?

Кисло.

А как поживает пан Кислов?

- Да уж не хуже пана Польского.

Значит, хорошо живут паны?

- О, да! Зарплата у них достойная!

- А концепсия у них есть?

- У них все есть, как в Греции.

- А наша кома что для Геолкома?

- Баба с возу - кобыле легче, так там говорят.

- О-е-ей! Неужели они без геологов проживут?

- Еще как! Припеваючи! Ведь там собрались совсем не дураки.

Эх, яблочко, да куда котишься? В Геолком попадешь - не воротишься

В Геолкоме жизнь спокойно-сытная и компашка там да монолитная!

- Из уцелевших на сегодняшний день членов экипажа затонувшей шхуны «ЗКГРП» самым древним в составе ТОО «Геописк» оказался Генрих Козин, стаж плавания 35 лет, а самой молодой - Леночка Елистратова, она проплавала всего два годика. Леночка, чмокни дедушку Козю в щечку, соедини события и времена.

Лена целует Козина.

- Ну вот и прекрасно. Теперь можно предложить тост за связь времен, за нашу геологическую историю.

Мы редко собираемся, теперь - последний раз.

Охотно наслаждаемся вином в вечерний час.

Гуляем по традиции и мил нам пир горой.

Прощаясь с экспедицией восточной, дорогой,

Пей до дна, пей до дна, пей до дна, пей до дна, пей! .

- Тост четвертый - за конец!

ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ ВЕЮТ НАД НАМИ

В издыхающей экспедиции (ТОО «Геописк») появился радиокорреспондент из Магадана. В поисках клиента для записи он набрел на инженера-буровика Мишу Петрова, соратника Дениса в деле стенной печати, великолепного художника-рисовальщика, карикатуриста и портретиста. Денис сочинял эпиграммы, Миша сочинял иллюстрации к ним - на том и держалась последнее время стенгазета «За недра Чукотки». Миша уважал старого геолога, считал его лучшим представителем этой профессии и по простоте душевной, не ведая, что творит, заделал Денису мульку - направил корреспондента к нему. Журналиста опередила Карамба. Она прибежала в кабинет Доценко и взволнованно зататорила:

- Денис, к тебе сейчас придет корреспондент, скажи ему покрепче, скажи, как следует, что они с нами творят, ты это сможешь, пусть все люди услышат, весь Северо-Восток узнает, в каком мы находимся положении. Денис, дорогой, мы надеемся на тебя!

- Инга, да что говорить-то? Разруха общая, массовая, на всех предприятиях беда. Мы попали под каток истории и он нас раздавит. Говори не говори, а крах неизбежен, он уже наступил. Кому жаловаться? На кого? Я не знаю.

- Скажи, Денис Иванович, скажи, защити нас, потому что больше мы никому не нужны. Может, общественность вступится.

- Ага, нашла защитника. В тебе больше ярости клокочет, вот ты и выступи.

- Ему требуется именно геолог, а я что?

- Фу, ладно, что-нибудь наговорю.

Запись состоялась. Денис сказал, что для него катастрофа геологии не так уж и страшна - он свое отпахал, он - пенсионер, имеет жилье на материке и с голоду помереть не должен. Жалко молодых ребят-геологов, бледнолицых братьев-бродяг, которые лишились возможности реализовать свое романтическое призвание, свои знания и желания. Они не смогут проникнуть в тайны земных недр, найти природные клады, насладиться романтикой полевых сезонов. Они вынуждены сменить отверженную профессию, дисквалифицироваться, искать заработок в других организациях, заниматься скучным, неинтересным делом ради хлеба насущного - вот им действительно не позавидуешь! Это настоящая трагедия для тех, кого обанкротившееся Государство заставило поставить крест на своей мечте - походить по Земле, пооткрывать месторождения полезных ископаемых. А у него, Дениса Доценко, эта мечта осуществилась - он оставляет потомкам нетронутое, неразведанное месторождение Золотой Клык. Ему можно с чистой совестью уезжать.

Репортаж журналиста из гибнущей экспедиции передали по радио, ну и что? Агония продолжалась, хотя вроде бы и появились новые, рыночные возможности и надежды.

Бизнесмены хреновы

Разбогатеть нам пора настала -

Покупайте акции «Геометалла»!

Так отозвалась на предложение магаданского акционерного общества «Геометалл», возглавляемого бывшим главным геологом СВПГО Гольденблатом, одуроченная Карамба. Она и сама приобрела ценные бумаги, обеспеченные колымо-чукотским золотом и сулившим большие прибыли, и другим советовала сделать это. Одним из первых акционеров стал старпер-бобыль Генрих Козин, которому деньги, действительно некуда было девать. В старые добрые времена частный банкир Козя был доступен для всех - Он занимал деньги и товарищам-геологам, и оформителям и прочим сотрудникам экспедиции, он был эдаким добрым феём, за что, соб-сря, люди его и уважали. Но вдруг Козя резко перестроился и круто изменил свой нрав - из уважаемого беспроцентного кредитора он превратился в скупердяя, засравшегося по уши вонючего козла. Свою однокомнатную квартиру, включая коридор, кухню, ванную и туалет, он завалил книгами, журналами и всевозможными, часто ненужными ему вещами, которые накопил за долгие годы своего существования, у него было два радиоприемника и три телевизора, из которых к девяносто третьему году не работал ни один. Квартиру Козя ни разу не ремонтировал - не освежал, уборок не делал, так что неудивительно, что она приняла вид грязного, захламленного склада с крысами, пыжами и тараканами, расплзавшимися по всему дому.

Сознавая весьма и весьма непрезентабельное состояние своего жилища, Козя перестал пускать к себе всех посетителей (за исключением, пожалуй, одного - Степана Небабы), он разговаривал с ними только через дверную щель, из которой несло, как из помойной ямы. От самого хозяина постоянно разило чесноком - он знал целебную силу этого овоща и пожирал его в огромных количествах, благо дамы его давно перестали

интересовать. «Ты, Генрих, как арсенопирит, при ударе, от тебя вечно мышьяком пахнет» - сказал однажды Денис. Так Козя получил свою последнюю кличку - Арсенопирит.

Такого Козю коллектив перестал уважать, его презирали все, кроме одной сотрудницы - Натальи Сычевой, которая всегда жалела его и защищала перед Денисом, не позволяла плохо о нем отзываться и унижать. Подражая своему неприкаянному любимчику, Едрена Вошь тоже приобрела пару акций «Геометалла». Ничтоже сумняшися, акции приобрели миллионерша Зоя Щукина, начальник отряда Петр Уралов и другие. Акционеры с волнением ждали, когда начнутся выплаты от присыле и. С год ничего не было вообще, а потом все-таки бизнесмены хреновы начали получать, но такие смехотворно-мизерные суммы, что разочаровавшаяся Карамба воскликнула: «В гробу в белых тапочках я того видала, кто предложит акции «Геометалла»!

Внутри бывшей экспедиции раздавались свои эфемерные источники дохода и возможности разбогатеть. По инициативе Перезвонова, знатока Иультинского рудного района, была создана кустарная группа предпринимателей-золотодобытчиков, в которую кроме самого Перезвона отважились войти Володя Климов и Сергей Крага. Образовалась тройка мелких чукотских богатырей, вооруженных кувалдами, кирками и ломками. Рудознатцы разобрали на доступную глубину две золотоносные кварцевые жилы, вывезли обломки в Нырвакинот, раздробили, истерли, промыли. Денег за золото, добытого пятимесячным каторжным трудом, хватило только на то, чтобы расплатиться за транспорт и продукты. Изможденные "бизнесмены" неохотно отвечали на вопросы о прибылях, увивали от прямого ответа - им было неудобно перед товарищами.

«Разбогатеет», Сергей Крага из «Геописка» ушел, расстался, наконец, со своим злейшим геокритиком Крюкановым. Устроился он прекрасно – стал главным экологом (должность была введена впервые), занял отдельный кабинет на четвертом этаже и превратился в шишку районного масштаба, стал грозой авто- и нефтебазы, кочегарок и тепловой электростанции, морпорта и судов-перевозчиков ГСМ.

Геологи от ручной добычи полезных ископаемых отказались, но золотая лихорадка охватила директора ремонтно-строительного предприятия - ТОО «Икар». Он узнал, что по левым притокам реки Амгуэмы Шумному и Врезанному после старателей остались мелкие и сложные россыпушки, которые можно взять. Он добился лицензии на разведку и отработку этих карманных россыпей и в качестве главного геолога и прораба пригласил к себе на службу Дениса Доценко, предложив ему оклад вдвое больше геологического. «Да ну!» - сказал Денис, когда ему передали это заманчивое предложение. – «Это же чистейшая авантюра. Ничего они там не намоют» и выдвинул вместо себя Васю Маркина. Вася клюнул на приманку, поехал на золотоносные долины, опробовал выходы кварцевых жил, отобрал копушные-шлиховые пробы, уловил несколько мелких струй и гнезд с повышенным содержанием золота, но до добычи и больших прибылей дело по организационно-техническим причинам так и не дошло. Затратив невероятное количество труда, Вася полученной зарплатой был недоволен и, разругавшись с хозяином, уже собирался уходить от него, ехать на Дальний Восток, в город Партизанск, где его давно ждали теща и тесть, владельцы большого крестьянского хозяйства.

Над Васиным старательством посмеивался Толик Виденко. Подвыпив как следует, он говорил: «На этих ручьях кого только не было, все ушли, никто ничего не добыл и ты зря возишься. Вот я знаю долинку на Ленотапе - там можно стать миллионером. Богатейшее золото прямо сверху лежит - бери лоток и мой. Но я никому эту долинку не покажу, она моя, придет время, сам ее отработаю». Об этом своем таинственном россыпном кладе Толик буровил каждый раз, как доходил до определенной кондиции. Выпивающие с ним геологи только посмеивались, кивали головами и поддакивали, не веря ни единому слову Большого Брехуна.

В ТОО «Геописк» Толика приняли условно, с исправительно-испытательным сроком. Несколько недель Виденко держался молодцом, вино употребляя в меру, только для поддержания рабочего состояния. Он трудился, не считаясь со временем, засиживался

до полуночи, даже телевизор приволок в кабинет и поставил на подоконник, чтобы слушать последние известия, смотреть «В мире животных» и «Клуб путешественников». Однако месяца через три, усыпив бдительность начальства, Толик начал рисковать, увеличивать дозы, на работу стал появляться заметно похмелившимся, с красной мордой, рыжей бородой и «червоными ушами». Благополучно получив секретный чемодан и усевшись за рабочий стол, он, увы!.. к мыслительной работе, рисованию карт и писанию глав отчета был уже не способен, иногда даже засыпал и падал со стула на пол. Пришлось-таки Крюканову и Затыке уволить молодца - такой работник товариществу был не нужен. Вот теперь бы и взялся Толику за свою таинственную золотую россыпь, но как это сделать практически, он не знал, ни силы, ни воли у него не было (зеленый змий сожрал), да и существовала ли в природе вообще эта богатейшая долинка, якобы пропущенная разведчиками, или она только мерещилась в пьяном воображении фантазера-геолога?

Виденко жил в гражданском браке с экзотично-симпатичной, цивилизованной чукчанкой Зоей, тоже, естественно, крепко пьющей и очень любившей, ну прямо-таки обожавшей своего рыжебородо-голубоглазого кумира. Однажды Денис, выпивая с ними, пошутил: «Я всю жизнь мечтал попробовать чукчанку, да так и не смог, случай не представился». Зоя вопросительно посмотрела на Повелителя. Толик сморщился и отрицательно помотал головой. Зоя вздохнула - гость ей тоже нравился и она была не против удовлетворить его любопытство. Она-то и спасла Толика после увольнения из «Геописка» - отвезла его к своим родителям в колхоз Уэлькаль, где Виденко занял какую-то руководящую должность - умный, хоть, и пьющий геолог никогда и нигде не пропадет.

Ближе всех к большим деньгам стоял, пожалуй, Виталий Клевый - он ушел в старательскую артель «Горизонт», которая подрабатывала остатки золотых и оловянных россыпей в пределах Иультинского рудного района. Случилось так, что эта артель договорилась с администрацией Аляски (вот они, ветры перемен!) на отработку хвостов небольшой и нерентабельной по американским меркам россыпи, оставшейся от джеклондонских времен. Артель со всей своей техникой из горняцкого Иультина перебралась в морской порт Нырвакинот и здесь в ожидании корабля Удачи некоторое время базировалась, занимаясь ремонтом крыш. Старатели просидели в поселке все лето, прожили-прогуляли все имевшиеся у них деньги, а заветный корабль, который перенес бы их из страны дураков в разумную, процветающую Америку, так и не появился. Где-то в высших сферах контракт не прошел. Говорили, что камнем преткновения стал пункт о рекультивации старательского полигона, стоимость которой, по расчетам американских специалистов, оказалась дороже того золота, которое предполагалось добыть. Обманутая, разорившаяся артель развалилась. Чукотский предприниматель Клевый плюнул, матюкнулся и уехал на Украину, где жил его брат - украинский предприниматель. Вот уж там-то Виталий покажет хохлам, как надо бизнес делать, мать-тра-ля-ля!

Иным путем в вопросах предпринимательства пошел талантливый инженер-буровик Миша Петров - он занялся художественной обработкой канэнмываамских агатов. Группа технарей из ТОО "Гран-при" завладела подешевке камнерезным станком и начала производить полированные агаты для продажи. Миша пошел дальше - он сделал станок для ювелирных работ (изготовления оправы из мельхиора и серебра) и создавал великолепные перстни, серьги, броши и кулоны. Но рынка сбыта в Нырвакиноте не было, поделки продавались тут же, в здании экспедиции, в магазинчике на первом этаже, принадлежащем ТОО. Кое-какую прибыль мастер-ювелир имел, но в миллионеры так и не выбился. Интеллигентный, мягкий по характеру Петров в конце концов не смог сработаться с директором "Гран-при", хамовитым мужиком Маниловым и с вечно пьяной бездействующей шоферней (заказов на машины было очень мало). Он ушел на чистую, обеспеченную гарантированной зарплатой работу в райотдел МВД. На этом его попытки стать процветающим бизнесменом закончились. Сделать это удалось только троим - Тынскому, Манилову и Щукиной.

Георгий Тынский, бывший замнач, торговал водкой, спиртом и прочими продуктами первой необходимости, занимался рыбалкой и изыскательскими буровыми работами, он имел рыболовный сейнер, склад и магазин, грузы перевозил на арендованных самолетах и вертолетах, одним словом, развернулся широко, по-купечески. Верным, надежным помощником бизнесмена стала его жена Люба, одновременно работавшая главным бухгалтером Заливо-Крестовской ГРП, а затем ТОО «Геописк». Она вела все бумажные дела мужа и хорошо за это получала. Фирма Тынских была рентабельно-прибыльной, о чем свидетельствовали меха и золотые украшения, в которых щеголяла буржуйка Люба.

Василий Манилов - бывший замнач, председатель ТОО "Ган-при", прихватизировав АТХ и склады, вел разведку бедной россыпи к северу от Иультина, осуществлял заказы на перевозки грузов, конкурируя с автобазой, имел смешанный магазин, продавцом которого была его собственная жена. Несмотря на изобилие техники и всякого разного складского добра, ТОО, мягко выражаясь, не процветало - автомобили и трактора не имели достаточного фронта работ и частенько простаивали, а на добычу небогатого россыпного золота сил и средств не хватало. Тем не менее механизаторы жили не хуже прежнего и, надеясь на будущие прибыли, уезжать из Нырвакинота не спешили.

Зоя Щукина - начальник гидрогеологического отряда, попавшая в струю. Прихватизировав по остаточной стоимости отрядное имущество, в том числе и основные средства - буровые станки, она имела большую прибыль от разведки подземных вод для нужд национальных поселков. Удачному раскладу предпринимательской деятельности Щукиной тайно содействовал ее богатый любовник Жора Тынский. О том, что денег у буржуйки Зои куропатки не клюют, свидетельствовали меха и золото, в которых она появлялась в поселковом ресторане под ручку с мужем Ильей, скромным инженером - буровиком из команды Тынского. Сколотив приличный капитал и обеспечив водой все поселки Чукотского полуострова, Зоя переехала в Москву, где занялась новым прибыльным делом. Ее супруг-рогоносец остался в Нырвакиноте, окончательно спился и, собравшись в отпуск на новый год (уже и билет купил), внезапно умер от инфаркта. Вместо него по делам фирмы в Москву полетел сам Тынский - Зоя ждала его...

Пенсионер Денис Доценко

Несмотря ни на какие передряги, камеральные работы по составлению отчета Крестовского отряда шли полным ходом, каждый геолог выполнял свои конкретные задания, определенные графиком. После профессионального праздника начальник отряда Денис Доценко крупномасштабную производственно-стихотворную деятельность прекратил. Последний стишок, который он сочинил, имел локальное, внутриотрядное значение, он относился к старшему геологу Генриху Козину.

С днем рождения. Старпер, камнеед Чукотки.

Вспомни, сколько тонн упер ты с полей Двухсотки!

Беды лихо обскакал, оседлавши ТОО.

За здоровьем, аксакал, отправляйся в Лоо.

Отметив день рождения Кози, Денис заболел (схватило правую почку) и слег в больницу. Первого мая сильные почечные боли прекратились. Вечером этого дня лечащий врач-хирург отпустил клиента домой со строгим наказом не пить, Денис пообещал. Дома он помылся, посидел за праздничным столом со своими относительно молодыми и абсолютно здоровыми друзьями-геологами Ваней Глухаревым и Васей Маркиным. Оба амбала (грузчик и старатель) были пьяны, красны, веселы, говорливы и смешливы.

- Иваныч, ты чего это вздумал болеть? Ты это брось! - шумел Вася, наливая очередную рюмку коньяку уважаемой хозяйшке Ольге Николаевне, Ивану и себе. - За твое здоровье, Иваныч! Поправляйся!

- Геолог, на кой ему черт порошки, микстуры, пилюли, облатки! - пропел Иван и, расслабив «мускулус максимус», как он называл ягодицы, привычным, ловким, лихим, отработанным жестом опрокидывал рюмку в широко разинутый рот.

Денис уныло кивал головой, соглашаясь с товарищами. Ну и ситуация! Начало мая, сплошные праздники, выпивки, костры, шашлыки, а он, бедолага, провонявший больничным хлорно-эфирным духом, не имеет права нарушать больничный режим. Ладно, пить пока нельзя, но стихосложением заниматься можно, это для здоровья не опасно. Возвратившись с побывки на стационарную койку, Денис вдохновился на обязательные стишки для одной прелестной юной особы - собственной дочери.

Готов букет - 16 лет! Пора расцвета наступила.

Как дальше жить - проблемы нет, коль есть и ум, и честь, и сила.

Будь нежной, как морская пена, будь твердой духом, как гранит

И пусть улыбка Пелекена в тебе веселость сохранит.

Пропустив всухую два майских праздника, на третий - день Победы - Денис не выдержал и принял активное участие в поджаривании и смачном пожирании победных шашлыков (после обязательных фронтовых ста граммов). Выписавшись из больницы, Денис продолжал лечение дома, глотал таблетки от пиелонефрита. Основным занятием в последующие майские дни был ремонт квартиры для сдачи ее в ЖЭУ. Переселившись на четвертый этаж, в пустующую однокомнатную квартиру Кости Пухова, Доценки освободили свою жилплощадь, закупили ремонтные материалы (обои, клей, краски, побелку), наняли двоих женщин-мастериц и те, работая вечерами, сделали шашку за десять дней. На ремонте Доценки потеряли миллион рублей.

Обязательным условием для получения компенсации от поселковой администрации за сданную квартиру было наличие справки об отсутствии жилья в ЦРС (центральных районах страны). Однако инспектор отдела кадров ЗКГРП Петрова, жена Миши-буровика, молодая принципиальная дамочка-комсомолочка, выдать такую справку категорически отказалась. Она заявила, что у нее есть дети и сидеть в тюрьме ей неохота (в отделе кадров имелись сведения о тольяттинской кооперативной квартире). Но справка Денису нужна была позарез! Четвертого июня чукотская природа, поддерживая бодрость духа своего ветерана, разразилась мощным гневным антибюрократическим снегопадом. Летняя пурга подсказала Денису другой вариант добывания необходимого документа. Он сочинил обтекаемый текст, смысл которого сводился к тому, что гражданин Доценко Д.И. по поводу бронирования жилья на материке к руководителю предприятия не обращался. С этой справкой он пошел к начальнику уже практически несуществующей ЗКГРП Алексею Иванову. Улыбнувшись, крякнув, помотав белокурой головой и тяжело (беру грех на душу) вздохнув, Иванов сделал доброе дело - бумажку подписал! Но, отдавая ее Денису, предупредил: «Надо заверить в отделе кадров, иначе справка будет недействительной». «Хорошо, найду», - сбредал Денис, а сам подумал убегая: «Сойдет и такая, обойдемся без мадам Петровой».

В приемной Денис попросил секретаршу заверить подпись начальника. Хлоп - и готово «Спасибо, Алексей, хороший ты мужик, мы тебя не забудем». – «И секретуточка – прелесть», - прошептал Денис и поцеловал бумажку. Случилось это событие в день Вознесения Христа. Видимо, без его помощи не обошлось.

Девятнадцатого июня, на Троицу, Доценки всей семьей, включая собачку Веснушку, совершили туристический поход вдоль бухты Нырвакинот, к югу, на вторую косу. Там, на берегу ручья, среди ивовых кустов, они сделали привал, на костре вскипятили чай (у блаженно возлежащего Дениса загорелся кед), перекусили. Оля постригла лохматую Веснушку, засыпала террасу серой шерстью, после чего прогульщики повернули назад, пошли по дороге на гору, к телевышке. С гребня хребта, круто обрывающегося к бухте, Доценки последний раз полюбовались захватывающей дух панорамой Нырвакинотского фьорда, скалистыми пиками Искатеньского хребта, округлыми водоразделами Амгеньского полуострова. С высоты птичьего полета они взирали на улицы и дома родного Нырвакинота, отмечая исторические места: каменные дома-бараки, в которых пришлось жить Денису и Оле в шестидесятые годы; деревянный восьмиквартирный дом, в котором увидел свет их первенец Вася; пятиэтажная панельная коробка «Арктики», в

которой выросли Коля и Катя; двухэтажный П-образный дом - старое здание (контора-камералка) Восточно-Чукотской геологической экспедиции; новое пятиэтажное кирпичное здание ВЧГЭ с лозунгом по фасаду: «Геологи! Разведанные богатства недр - наш вклад в укрепление могущества Родины!»

Спустились Доценки по крутому скалисто-обрывистому гребешку и обвально-осыпному склону. Женщинам этот головокружительный, страшный спуск дался с большим трудом, они ползли медленно, осторожно, затаив дыхание.

Натерпелась страху на острых гребнях и бедная Веснушка, она непрерывно попискивала, жалилась, плакала, задыхалась. Денис, спустившись первым, долго ждал на конусе осыпания своих измученных спутниц. Веснушка, разбив лапки, хромала. После этого похода барбалонка слегла. Она болела уже с месяц - на боку у нее образовалась большая шишка-гематома, след от удара бичиного сапога. Легкие у нее, по видимому, были отбиты, собачка дышала с трудом и покашливала. «Посттравматическая пневмония», - определил Денис. Разнесчастную собачку он величал так: Веснушка - Бобошишка Гнилоглазовна Хромоножка. Уханькали собаньку. Оклемается ли? Катя непременно хотела взять ее с собой в Тольятти, но родители были против -еще чего не хватало! «Барбалонку» с собой тащить - подумаешь, порода! И без нее грузов невпроворот, рук-ног не хватает. Да и платить за нее, опять же, придется - лишние расходы ни к чему. В общем, судьба Веснушки была неопределенной, все могло решиться в самый последний момент.

22 июня Денис праздновал день победы - все справки для оплаты жилья были сданы. Бухта окончательно очистилась ото льда, плотными косяками в нее вошла морская рыба - навага.

25 июня Доценки вышли в распадок на очередной чайный пикник, прекрасно отдохнули на зеленой травке у ласково журчащего ручейка и веселого костерка. А вечером на руках у Кати Веснушка сдохла. Девочка плакала - это было первое настоящее горе в ее жизни, она потеряла свою самую лучшую, самую любимую подружку. Завернув собачку в большую белую наволочку и положив ее в рюкзак, Денис пошел с нею в последний маршрут. Всхлипывающие жена и дочь печально плелись сзади. Веснушку положили в естественное углубление и завалили камнями у подножья горы, на высокой коллювиальной террасе, там, где она так любила гулять, прыгать и резвиться со своими хозяевами. Это была настоящая полевая геологическая собачка и погребена она на лоне природы, среди шершавых глыб вулканических пород, слагающих горы Нырвакинота.

4 июля геолог Денис Доценко, прослуживший на Чукотке тридцать лет (без заграникомандировки) получил в райисполкоме деньги за сданную квартиру (одну минимальную зарплату за каждый год, всего четыре миллиона). Компенсация полагалась только одному члену отъезжающей семьи, поэтому Ольге ничего не обломилось (впоследствии некоторые хитромудрые супруги перед отъездом быстренько оформляли фиктивный развод, и получали двойную плату. Доценки до этого не додумались, они были рады и тому, что имели - с худой овцы хоть шерсти клок.) Через два дня была получена зарплата за июнь, а десятого Доценки втроем, уже без незабвенной Веснушки, вышли в распадок, к водопаду, и шашлыками отметили день рыбака.

В середине июля Денис встретился с Чвычкой, пожелавшим навестить «Геописк» и расслабиться вдали от Геолкома, в кругу старинных друзей, среди которых самым закадычным был Володя Моисеев или Мося, как Юрка называл его (с ним вместе он учился в ЛГУ и приехал на Чукотку). Работая в Науканской экспедиции, Мося частенько налетал в Нырвакинот, приходил к другу Юрке, которого звал "Юрась", к ним присоединялся Денис и геологи подолгу заседали втроем, решая важные профессиональные проблемы. В Наукане рыжий Мося женился на красивой черной ламутке, которая подарила ему двух красавиц-дочерей смешанного окраса. После ликвидации Науканской экспедиции и переселения в Нырвакинот (вторая «Арктика», пятый этаж) Мося поехал в отпуск и привез пятого члена семьи - огромную московскую

сторожевую собаку по имени Рада. Супруга пьющего Моси, подруга Карамбы Нино тоже, разумеется, очень любила выпить. Моисеевы переоборудовали кухню под кунацкую и часто принимали гостей, в числе которых вместе с Чвычкой бывал и Денис. Многие праздники, где бы они ни начинались, завершались здесь, у Моисеевых. И каждый раз хозяйка кунацкой Нино устраивала скандал. Напившись, она становилась обидчивой и агрессивной, она вспоминала, что относится к национальному меньшинству, и ругала русских, обвиняла их в заносчивости, шовинизме, пренебрежительном отношении к ним, малым народностям Севера. «Вы, русские - гады, паразиты!» - вопила она пронзительно-резким голосом, заглушая музыку. Геологи давно привыкли к выступлениям буйной ламутки, никогда ей не перечили и в спор не вступали.

Было и еще одно специфическое явление в моисеевском застолье - шалости Рады. Подходя к гостю, который ей особенно понравился, она урчала, разевала огромную пасть, нежно брала за руку или ногу и периодически сжимала мощные челюсти, эдак слегка, как ей казалось, подавливала, играла, выражая свою признательность и любовь. От ее ласк оставались синяки.

Володя Моисеев, пройдя все стадии геологического развития, все должностные ступеньки, стал в конце концов заведующим лабораторией, где, как всем было известно, «лампочку повесил и пружину заменил». После ликвидации лаборатории Чукотгеолком избрал его своим полпредом в администрации Иультинского района (райисполкоме). Что это за должность такая, никто из геологов не знал, а сам Мося никому не рассказывал, тайну не разглашал и хитро посмеивался, Чвычка пытался всех убедить, что он ни при чем, что на эту должность Мосю назначили без его ведома.

Настало время заняться подготовкой контейнера. Денис и Оля уже давно, с весны, ходили по магазинам и собирали картонные ящики для упаковки вещей. В июле Денису представилась возможность заготовить доски, чтобы зашить контейнер спереди, перед дверью. Прекрасные, сухие и даже с одной стороны крашеные в зеленый цвет сосновые доски он добывал в лаборатории, разбирая пустые, никому не нужные стеллажи из-под порошковых капсульных проб. Доски предложила Денису Ирина Свистоплясова, занимавшаяся окончательной ликвидацией учреждения и консервацией лабораторного оборудования, выбросом всего ненужного и упаковкой (для кого? Для чего?) оставшихся пригодными для эксплуатации предметов. Денис в рабочее время, покинув кабинет и стол, орудовал топором, щипцами и ножовкой, отрывал полки, связывал их в пакеты и таскал домой. Ему это занятие нравилось, он пил перцовку и распевал песни, слушая которые Ирина смеялась где-то там вдали и причитала.

- Ну, Доценко, ты и даешь! Молодец! А что если начальство усекет, чем ты занимаешься? Нагоняй получишь!

- Какое начальство? Затыко, что ли? Ничего он мне не сделает, я – пенсионер, и это звучит гордо!

- Ха-ха-ха..., - донеслось из дробильного цеха.

От Свистоплясовой Денис имел не только доски - она дала ему две большие стеклянные бутылки из-под соляной кислоты, возместила полевой урон, который нанес ему Ек-Макарёк, пытавшийся делать брагу. Бутылки Денис планировал использовать на материке по этому же направлению - для изготовления домашнего фруктово-ягодного вина.

19 июля Доценко отправился в морпорт узнать насчет бесплатного контейнера, который был ему положен по закону. В конторе морпорта посмеялись над наивным геолухом и популярно объяснили ему, что контейнер дать не могут, потому что его нет. Нету пустых контейнеров вообще, понимаете? А нету их потому, что судоходство между Находкой и Чукоткой прекратилось, перестали плавать корабли, нету ни денег, ни грузов. Вот такая ситуация, дорогой товарищ. Ждите осени, может, что-нибудь и будет.

- Но мне сейчас надо.

- Покупайте на складе НПОТа, они продают нестандартные трехтонные контейнеры из-под аммонита по 350000 рублей.

Денис ахнул и смирился - другого выхода не было, надо покупать (убыток - 700000 рублей).

24 июля Денис повел своих женщин за грибами в долину ручья Эскимос. Преодолев высокий затяжной перевал из ручья Изыскательского, грибники оказались в широкой травянисто-кочковатой седловине. Постепенно спускаясь вниз, к морю, они насобирали на южных склонах водораздела, в истоках Эскимоса, изрядное количество тундровиков (подберезовиков), а вдоль русла ручья нарвали луку. Отдохнув на берегу бухты Этелькуюм у костра из плавника, семья возвратилась в поселок через мыс Опасный. После длинного, утомительного пути как приятно оказаться дома! Гудели усталые ноги, жарились-шкворчали грибы на сковородке, наполняя кухню дразнящим ароматом. Денис открыл бутылку вина. Дамы не возражали.

25 июля Денис купил два контейнера и привез их с пятого километра на грузовой машине, арендованной в ТОО "Гран-при", и разгрузил их в гараже, потому что требовалась сварка. По требованию морпорта одна створка была приварена, после чего контейнеры за бутылку спирта были привезены к подъезду Денисова дома. И началась самая интересная часть предотъездной программы - укладка упакованных вещей (книги, камни, посуда, одежда и прочее-прочее-прочее) в контейнеры. Тут, естественно, руководящую роль взяла на себя Ольга Николаевна - пришло и ее время. Помогал Денису в этом важном деле Иван Глухарев.

29 июля у Дениса и Оли был последний рабочий день в ТОО «Геописк». Ушли Доценки тихо, незаметно, а дома выпили бутылку коньяку. Все! Трудовая деятельность закончена. Даже не верится, как все просто. Отвальная для сотрудников была назначена Олей на пятницу пятого августа. Уходя из кабинета, Денис захотел взять на память (а может быть, еще пригодится на практике, думал пенсионер) один из трех списанных, но действующих геологических компасов. Сунулся он в ящик стола, где лежали приборы - а их там нет, тю-тю, пропали! Он понял - компасы украл Николаев. Толя их прихватизировав, этого следовало ожидать.

Ладно, компасы Толя увел, но другие полевые сувениры у Дениса все-таки были. Это вьючные ящики, болотные сапоги, шестиместная палатка, пробные мешки, кусок кукуля - полевой хвост с веревкой и, конечно же, последний геологический молоток - первооткрыватель золоторудного месторождения Клык. А вот моржовых клыков у Дениса не было. Их недостаток восполнялся в избытке рогами снежных баранов. Много набралось и некачественных поделочных камней - большую их часть ему за ненужностью ему подарила Сима Козловская, заведующая геологическим музеем и большая любительница поделочного ремесла. За каменные отбросы Сима-мастер попросила Дениса сделать ей на память нерпу из серпентинита.

Закрепив ручное точило на подоконнике в кухне Кости Пухова (гидрогеолог сбежал от Щукиной, бросив все барахло, не заплатив за квартиру и назанимав денег, внезапно смылся, улетел на материк), Денис за неделю с перерывами выточил двух тесноприжавшихся друг к другу нерп (символ супругов Козловских).

Сима приняла дар - она видела у мастера вещи гораздо лучше, чем эта. Одна его поделка - таутара - была куплена начинающим нырвакинотским бизнесменом, другая, (битва морзверей) - группой женщин во главе с Любой Тынской, в качестве подарка улетающей на житие в Москву Ирке Кузиной.

Здесь уместно вспомнить, что эта маленькая озорная конопато-сисястая женщина к концу своего чукотского срока стала знаменита не только как рыбачка-икроделка, но и как герой Афганистана. Она, единственная из картографов-оформителей, побывала в заграникомандировке, совпавшей с началом афганской войны, в Кабуле попала под бомбежку, храбро ее перенесла и получила медаль. Ну, уж для такой-то необыкновенной москвички Денис поделки из офиокальцита и серпентинита не пожалел.

Второго августа в Нырвакинолет прилетел студент-гидрогеолог Коля Доценко. Он проходил практику в анадырской «Геоакве» и был направлен на Иультин для ревизии источников (артезианских скважин) питьевой воды. Четвертого августа он туда уехал. В то время ИГОК уже практически не работал и готовился к консервации.

Крестовский отряд находился во взвешенном состоянии, сроки выполнения проектных камеральных работ была явно нереальны, они отодвинулись в туманную даль. На старшего геолога Николаева эта неопределенность существенно не повлияла - он туго знал свое дело и гнул свою линию. Подвергая все сомнению. Толя ползал по окрестным горам, переопределял породы (по мнению Крюканова и Доценко, производственной необходимости в этих маршрутах не было). Тяжело больной геолог из этих своих вылазок возвращался очень поздно, семья за него сильно беспокоилась. Однажды Толя в назначенное время домой не вернулся. Через сутки жена и сын-старшеклассник пошли его искать, подались в то место, где он указал им окончание маршрута. Там, в верховьях ручья Изыскательского, они и увидели его. Бледным и задыхающийся он сидел на земле, прислонившись к глыбе. С помощью жены и сына он поднялся, стал на ноги. «Ну зачем тебе это нужно, Толя?! - вскрикнула плачущая Вера и, положив его тяжелую руку на свою шею, обняла страдальца - Сам измучился и нас замучил! Пошли!» Сын поддерживал папу-фанатика с другой стороны.

На другой день старший геолог Николаев чуть не умер. Рано утром в дверь Доценко постучали. Денис еще не одетый, в одних трусах, открыл дверь и увидел взволнованную Веру (квартира Николаевых располагалась этажом выше).

- Денис, поднимись к нам, скорее! Толе плохо, он упал в коридоре! Я уже скорую вызвала, сейчас подъедут, помоги отнести. - Сейчас, оденусь.

Быстро, как по тревоге, одевшись, Денис вышел на лестничную площадку. Николаева уже несли (головой вперед). Денис отстранил Веру, пристроился к носилкам, помог зафиксировать их в машину и поехал в больницу сопровождающим (Вера побежал на работу, попросила Дениса зайти, сообщить о состоянии мужа). В больничной палате бесчувственного Толю перевалили на койку. Медсестра сказала - низко, надо выше подтянуть, чтобы голова нормально легла на подушку, Денис наклонился, обнял безжизненное тело, приподнял плечи (голова запрокинулась назад), поднатужился, подпернул к изголовью. «Вот так, теперь хорошо», - одобрила медсестра, поправляя подушку.

Николаев не дышал. «Да жив ли он вообще?» - усомнился Денис, выходя из палаты. Больше ему тут было делать нечего. Прибежал дежурный врач, Через некоторое время в коридор вышел покурить один из больных и сообщил, что новенького оживили, сделав укол в сердце, Денис пошел в здание бывшей экспедиции, успокоил Веру и Крюканова - Толя будет жить. Однако Александр был печален.

- Укол в сердце - разве это хорошо? Да, совсем развалился Крестовский отряд. Кто же будет отчет доводить до конца?

- Как кто? Дед Козя и Наталья - Едрена Вошь, - ответил Денис.

Крюканов грустно улыбнулся:

- Вот, вот. Они напишут ...

Сам Саня тоже имел желание дать с Чукотки стрекача, но у него еще не подошел северный пенсион и не было на материке квартиры. Полевых работ для "Геописки" не проектируется, денег нет. Геологи будут заниматься только камеральными работами, завершать отчеты по сезонам прошлых лет. Как только последние отчеты будут написаны, крюканизированы и сданы на вечное хранение в геофонд, Александру Васильевичу с чукотскими недрами придется распрощаться (переезжать в Анадырь он не собирался).

От Крюканова Денис отправился на верхние склады Смешторга - договориться насчет перевозки контейнеров в морпорт. Ему повезло - у ворот, на проходной стоял улыбающийся супергрузчик Иван Глухарев. На складе он знал всех и быстро свел Дениса с водителями каров - подъемников. Узнав цену (160000), Денис привел погрузчики к

своему дому, мощные машины подцепили контейнеры на свои стальные клыки и потащили их в морпорт. Денис бежал сзади. И вот багаж на месте! Денис свободен. Вот теперь он мог сказать: кончил дело - гуляй смело!

На проводинах Доценко Ивана Глухарева не было - в этот день он в составе смешторговской команды и звании товароведа улетел в Соединенные Штаты Америки, штат Калифорния, город-порт Сиэтл. Там его ждал корабль-рефрижератор из Находки, который должен был загрузиться сельхозпродуктами для голодающей Чукотки. Вот куда Ивана занесло!

Пятого августа сразу после обеда в здании бывшей экспедиции, захваченной чиновниками поселковой администрации и ЖЭУ, началось большое оживление. Ольга Николаевна, затратив примерно полмиллиона, приготовила столько выпивки и закуски, что их с лихвой хватило на весь "Геописк" и приглашенных из "Гран-при". Пир проходил в просторном кабинете бывшего начальника экспедиции (теперь тут временно сидел начальник несуществующей ЗКГРП Алексей Иванов) и в приемной. Во всем здании света не было - отключили за неуплату. Электричество имелось только на первом этаже, в офисе и магазине Манилова. Оттуда был протянут кабель, сделано освещение и музыка в пиршественном зале.

Приготовить еду и накрыть столы Ольге Николаевне помогали ее верные подружки Люба Тынская и Инга Сосновская-Карамба (которую Оля, впрочем, терпеть не могла). Они же сочинили сценарий концерта и были развеселыми ведущими-тамадушками. За столом рядом с Денисом сидели еще два старпера - Федор Свистоплясов и Генрих Козин. Они пока еще оставались на Чукотке - Федор не закончил обзорные карты полезных ископаемых для "Георегиона", а бобылю Козе просто некуда было ехать (кооператив построить он не удосужился, а родительскую избу в деревне занимал старший брат). Но выезжать Козя-Арсенопирит все-таки собирался и даже, вслед за Денисом, купил два контейнера.

Карамба от имени всего коллектива подарила Денису метлу и фартук, а Люба Тынская - зеленовато-серую клеенчатую фуражку, испещренную автографами экспедиционных женщин. «Эти вещи, Денис Иванович, пригодятся тебе для работы в Тольятти» - говорила, смеясь, шутница-Люба (и как в воду глядела). Народ ухахатывался. Тосты, песни, танцы - все было как и прежде, на достославных геологических вечерах. Непрерывно работала блиц-вспышка - это Володя Крайтер фотографировал разгулявшихся реликтов бывшей ВЧГРЭ, выхватывал самые интересные, занимательные сценки. Некоторые из стоп-кадров вошли впоследствии в Денисов альбом: стол с букетами огромных белых ромашек и оранжево-искрящейся кетовой икрой; сморщенные, жирные, лоснящиеся лица старперов и старперш, начальный Саня Крюканов с бутылкой коньяка; выступающая народно-самодеятельная артистка Сосновская; толкующие о судьбах "ГеоПиска" Затыко, Моисеев и Свистоплясов; заразительно хохочущая, переломившаяся в талии Люба Тынская, а перед ней - рассмешивший ее комик - пляшущий Денис; дед Козя, изображающий танцующего джигита перед Ольгой Николаевной; крупным планом - первая чукотская любовница-подруга Дениса, отдаленно напоминающая престарелую и располневшую артистку Марину Влади - Ирина Жаркова - Свистоплясова. Здесь и Нина-ламутка (по пьянке баламутка), сидящая на коленях у Карамбы, и строгая Рита Кутенкова, и разухабистая Зинаида Белова - первая нырвакинотская соблазнительница Дениса и лучшая Олина подруга. Солидный возраст, отличное настроение и боевой-бодрый дух - вот что излучают фотографии большинства геологов на этом последнем гульгее. В полночь Денис был совершенно пьян, рубил ладонями воздух, танцевал что-то дико-несуразное, упал, ударился головой об батарею, разбил правое ухо и поцарапал нос.

Утром у Дениса была возможность полечиться, пойти в экспедицию (бывшую) и продолжить выпивку - Люба и Инга приходили, приглашали, говорили, что в пиршественном зале еще осталось кое-что. Однако, у Дениса, к великому сожалению,

разболелась левая почка Она сказала: «Хватит!». От соблазнительного предложения вакханок пришлось отказаться, предпочесть веселию унылый диван и телевизор. Ольга Николаевна одобрила выбор мужа и выдала ему набор почечных таблеток. Началась Неделя Грусти. По настоянию жены (Денису ой как не хотелось зря тратить деньги!) была оформлена страховка контейнеров (300000 рублей – фьють!). Выполняя разные мелкие бумажно-квартирные дела, Денис и Оля гуляли по Нырвакиноту и ужасались его стремительной деградации - многие дома были покинуты и пугали пустыми черными глазницами выбитых окон. Квартиры с зияющими прямоугольными дырами стали частицей Космоса, воссоединились с ним. Возвратившийся из Иультина Коля рассказал, что и там многие квартиры брошены, рудник не работает, все, кто имеет возможность, спешно уезжают на материк (в основном на Украину). Разруха, как чума, шла по Чукотке полным ходом.

Зато тундра ликовала и возрождалась - тысячи двуногих вредителей с их колесным и гусеничным транспортом, оставив долго незаживающие раны-следы и бугристо-отвальные шрамы, исчезли с ее просторов. Вопрос о границах Чукотского заповедника, который бурно обсуждался в последнее время, решался сам собой - вся опустевшая Чукотка станет заповедником.

Вторая Колина командировка была в поселок Амгуэму. Оттуда он вернулся двенадцатого августа с мешком грибов. Тринадцатого августа Доценки получили в сбербанке все свои деньги (2 870 000), четырнадцатого последний раз сходили в нырвакинотскую баню и упаковали авиабагаж. В одном из чемоданов лежал прощальный подарок от коллектива "Геописка" - картина местного художника Козлова «Бухта Нырвакинот». В контейнере поедут на берега Волги лучшие чукотские камни - полированный срез канэнмываамского агата (подарок Евгения Виноградова), крупные уникальные кристаллы иультинского касситерита от Толика Виденко, друга канэнмываамского аметиста от Миши Петрова, руды со всех месторождений, на которых побывал Денис (касситерит, вольфрамит, молибденит, киноварь, золото, полиметаллические руды) и другие менее эффективные образцы из недр земли чукотской.

ДЕНЬ ИКС НАСТУПИЛ!. 15 августа 1994 года в Нырвакиноте стоял туман, обстановка была мрачная, серая, сырая, печальная. Доценки налегке (вещи были отвезены предварительно и сданы в камеру хранения) выехали в аэропорт. При отъезде их случайно увидели и проводили две соседки, Генрих Козин, Инга Сосновская и зять Виноградовых. Специально пришла проводить подружку Олю авиадиспетчер и кассир Маня Карова. Тихо и незаметно, трезвый и спокойный, без малейшего волнения к сожаления (значит, созрел!) покинул Денис умирающий поселок, в котором прожил тридцать лет.

В 10-40 самолет с Доценками на борту взлетел из аэропорта Залив Креста и взял курс на Анадырь. Пробив нависшую над бухтой толщу густого тумана - символ прошлого - он через пять минут вышел к Солнцу, знаменующему светлое будущее. Денис ощутил радость, восторг, ликование «Да здравствует Солнце, да скроется Тьма!» - воскликнул он.

В 11-30 самолет приземлился в солнечном городе Анадыре. Из аэропорта на автобусе Доценки приехали на десятый причал, где имели великое удовольствие полюбоваться игрой в сине-зеленых волнах китов-белух и тюленей-нерп, пересекли на катере лиман и встретились с Васей, Верой, Лизой. Произошло уникально-историческое событие - вся семья Доценко (семь человек) находилась в сборе, причем первый и последний раз на чукотской земле. Это была огромная радость, которую несколько омрачил студент Коля - он вдруг обнаружил, что потерял все свои деньги - 300000 рублей которые лежали у него в наружном кармане долгополой куртки.

16 августа анадырский старожил Вася Доценко показал отцу и брату, что такое настоящая рыбалка. По лиману в это время дуром перла икроносная кета, она мгновенно набивалась в сети и бурлила в них. Рыбаки едва успевали очищать сети, выбрасывать рыбу на берег. Острыми ножами разделщики освобождали ее от гроздьев крупной, как красная смородина, сверкающей на солнце икры, рыбы тушки разрубались на куски и

разбрасывались по пляжу, где их пожирали-заглатывали крупные чайки-поморники-мартыны. Ловля брюхатой рыбы и извлечение красной икры производилось по всему берегу лимана, разделенному на участки по лицензиям. На каждую лицензию полагалось выловить пятнадцать хвостов, не больше. Тысячи обожравшихся чаек сидели на воде, переваривая кетовое мясо. Они не успевали заглатывать все, что им предлагали рыбаки.

Васина бригада разделала уже несколько десятков кетин, когда раздался тревожный сигнал - рыбнадзор едет! Браконьеры-рыбаки, значительно превысившие норму отлова, засуетились, забегали, начали выхолощенную рыбу закапывать-прятать в землю, засыпать ее гравием и галькой. Обошлось без тщательной проверки, газик рыбнадзора просто пугал, медленно проезжая по пляжу. Эта дикая, фантастическая суперрыбалка была прекращена только тогда, когда икры набралось полное ведро (из пятидесяти семи кетин). Наведя порядок на пляже, мокрые, усталые, облепленные чешуей краснорукие и синегубые рыбаки выпили, закусили и поехали домой, где их ждали женщины, чудесная уха из кетовых голов (какие хрящики!) и сочно-жареная ароматная красная рыба, поджаристые такие, с румяно-коричневой корочкой ломти. Нырвакинотские Доценки, включая вечно голодного питерского студента Колю, со вкусом поедали ароматно-жирную рыбу, пресытившиеся аборигены Вася и Вера потребляли ее умеренно и без восторга, а маленькая прелестно-капризная девочка Лиза вообще от жареной кеты отказалась, она кушала банан.

На следующий день Денис Доценко попрощался навеки со своим другом-соратником, полевым товарищем Юрием Благоволиным-Чвычкой и его псом - колли Дэвисом, у них на квартире. Трое мужиков сидели на диване, перед цветным телевизором, пили спирт, закусывали бутербродами с маслом и икрой и внимательнейшим образом смотрели крутой порнографический фильм, который привез из отпуска Миша Тумкыргав. Весь Чукотгеолком по первому разу уже ознакомился с ним, получил мощный заряд бодрости и энергии, необходимый для выработки концепсии, возбудился и был готов к новым трудовым свершениям для собственного блага. Друзья-собутельники Чвычка и Куколя смотрели удивительный видеофильм еженедельно, по пятницам, после бани, выпивая за сеанс бутылку разведенного спирта. Очень современное, очень культурное, очень европейское развлечение. Теперь вот и Денис приобщился к нему. Успел напоследок.

Погостив у сына еще один день, погуляв с внучкой по столице Чукотского автономного округа - ЧАО (следов разрухи в городе как будто не видать), Денис Доценко с женой и дочкой утром 19 августа покинули Анадырь. На причале родных проводил один Вася (остальные чукчи-родичи спали). Он помахал рукой уходящему катеру и, не оглядываясь, попер в гору, на улицу Куркутского. Солнце сияло в голубом небе, играли волны, нерпы и белухи, преследующие кету, дышалось вольно и легко на просторах лимана - день стоял ну просто замечательный! При такой погоде Анадырь смотрелся великолепно - белые, розовые, голубые, красно-коричневые пятиэтажные дома, новый, чистый, цветной современный городок, морской порт на холме, подрезанный снизу черной полосой базальтового обрыва и сине-зеленой водой. Денис, похмелившийся за завтраком вишневым ликером, чувствовал себя отлично. Сидя на палубе катера лицом к удалявшемуся, уходящему в прошлое городу, со вкусом и ароматом вишенки во рту, не испытывая почечных болей, сознавая величие и историческую неизбежность этого момента, старый геолог произнес: « Чао, Анадырь!» и глаза его наполнились слезами.

Окончательный отрыв от чукотской земли произошел в аэропорту. Взлетев в небо, глядя в иллюминатор на знакомый до боли рисунок анадырской тундры, Денис прошептал: "Чао, ЧАО! До свидания, родимая Чукотка». Он не думал, что покидает ее навсегда, этому не хотелось верить. Он был еще полон сил и желаний, он имел огромные геологические знания о недрах этой сурово-красивой земли и большой, бесценный опыт полевых работ, он оставил неизученным, неразведанным открытое им в последнем сезоне месторождение золота. Он надеялся, что возможность возвращения к чукотской геологии

у него еще будет, поэтому не говорил «прощай», а говорил «чао», до свиданья. Так было легче на душе, так было проще уходить в неизвестность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Заслуженный” отдых

Через год после вылета пенсионера Доценко из Нырвакинота последнее, реликтовое геологическое образование - ТОО "Геописк" - было ликвидировано. Оно исчезло, испарилось и о нем уже никто не вспоминал. Да что там говорить о каком-то ТОО, расположенному у черта на куличках, если даже само Министерство геологии было уничтожено. Вместо него возникло Министерство природных ресурсов, возглавил которое... Александр Иванович Каталенко! «Ни хрена себе!» - воскликнул, узнав об этом, бедствующий тольяттинский пенсионер Доценко и возгордился - под каким человеком ему пришлось работать! От какого начальника экспедиции строгий выговор удалось поиметь! Да-а-а, есть чем гордиться чукотскому ветерану, есть о чем внукам рассказать.

А в Нырвакиноте не осталось ни одного геолога, работающего по специальности. Из состава бывшей Центральной геолого-геофизической партии - профессионально-интеллектуального ядра Восточно-Чукотской экспедиции в анадырский «Георегион» перебралось всего пять геологов-мужиков, причем все без жен - Федор Свистоплясов (недолго там задержавшийся), Иван Козловский, Анатолий Николаев (врачи запретили ему вылет на материк по состоянию здоровья), Володя Крайтер и Валера Яковлев. Переселилась в Анадырь и одна упорная, суровая женщина, никак не желающая менять специальность - Наталья Сычева, соломенная вдова (ее последний, третий по счету официальный муж зарезал по пьянке какую-то бичиху и надолго сел в тюрьму).

В связи со всероссийским разгромом геологии остались безработными, и вынуждены были переквалифицироваться черт знает во что молодые специалисты, выпускники Ленинградского горного института Василий и Николай Доценко и их рыжий, чудаковато-придурковатый дружок - Костя Пухов. Потомки славных чукотских геологов-ветеранов продолжить их дело не смогли.

Последняя запись в трудовой книжке Дениса Ивановича Доценко от 11 августа 1994 года гласит: «Уволен по ст. 33 п. 1 КЗОТ РФ по сокращении штатов в связи с ликвидацией ЗКГРП как структурного подразделения ВЧГЭ». Ни контейнера, ни денежных выплат, полагающихся по этой статье, Денис не получил. Лишился он и северного стажа, и северных надбавок. Он был приравнен к миллионам обычных, ставших нищими российских пенсионеров, всю жизнь проживших на материке. Чукотки как не бывало. Получилось, как в известной песне Вахтанга Кикабидзе.

Я часто время торопил,
Привык во все дела впрягаться.
Пускай я денег не скопил,
Мои года - мое богатство.

Эти слова из песни Бубы как нельзя лучше отражали итоги всей полярной геологической деятельности Дениса Доценко. В Тольятти чукотских денег и той суммы, которая были выручена за энгельскую (тещину) квартиру-хрущевку, хватило всего на полгода. Часть денег ушла на две операции по удалению камней (оксалатов и фосфатов) из обеих почек и мочеточников Дениса (уехал он из Нырвакинота, как оказалось, буквально напшигованный камнями, там их не смогли определить). Стало предельно ясно, что на пенсию прожить невозможно. Денис на собственном опыте познал, что такое нищенское полуголодное существование, когда на кухне только перловка и заплаканная жена, а в туалете - газеты. Он вспомнил голодные военные годы, увидел аналогию своему современному состоянию и ему стало жаль себя до слез. «С чего началась моя жизнь, тем

и кончается», - с горечью думал он. Чукотские пенсионеры думали, что едут на материк отдыхать, а оказалось – подыхать, чего им очень не хотелось. Надо было бороться за выживание! Под яростным нажимом отчаявшихся жены и дочери, несмотря на еще не совсем зажившие и очень болезненные хирургические швы (от позвоночника до пупка с обеих сторон) и внутренние боли глава семейства-добытчик-кормилец вынужден был искать работу. Первое рабочее место Денис нашел в июне 1995 года через биржу труда в ДК химического завода. Бывший геолог стал рабочим сцены, грузчиком, дворником, мойщиком окон, штукатуром-маляром (красил, шпаклевал колонны по фасаду здания). В конце года он получил серьезную черепную травму, осложнившуюся воспалением гематомы, и больше месяца пролежал в больнице, из ДК после этого Денис уволился - суетно-холуйская, временами ненормированная и физически тяжелая работа (однажды даже шов лопнул) была явно не для него.

В январе 1996 года Катя Доценко устроила отца в научную экологическую организацию (НЭО). Случилось это так. В социально-экономическом колледже, где она училась, преподавала сотрудница НЭО. Катя спросила у нее, нет ли там работы для геолога. Ученая дама посоветовала обратиться по этому вопросу в лабораторию абиотических факторов. Денис поехал в НЭО, узнал, что геолог не требуется, а вот сторож нужен. Денис согласился и на эту должность. Через месяц Денису предложили стать еще и дворником по совместительству и он с радостью это предложение принял. Затем его попросили отремонтировать развалившиеся мраморные ступени парадного подъезда - он сделал это. «Да вы все умеете!»- воскликнула приятно удивленная зам-дир-по-хч. И многозначительно добавила: «Будем иметь в виду».

В трехэтажном старинном здании, которое Доценко охранял и вокруг которого убирал, первый стаж занимала лаборатория фитоценологии и коммерческая фирма, арендующая восточное крыло (фамилия ее директора была Розенбаум). На втором этаже располагалась бухгалтерия и вторая фирма (директор Розенблюм). Третий этаж занимали директор научно-экологической организации Розенталь, лаборатории биокондиций, экологического прогнозирования и урбоэкологии. Здесь же в одном из кабинетов Денис неожиданно обнаружил шкафы и полки с многочисленными образцами минералов, горных пород и ископаемой фауны, собранные сотрудником химической лаборатории, большим любителем камня. Кое-что из своих чукотских образцов Денис передал этому музею.

Неподалеку от старого административного здания, которое обслуживал Денис, располагался новый лабораторный (экспериментальный) корпус, территорию которого убирал второй дворник. В 1997 году этого дворника-лентяя уволили и предложили Денису взять его площадь себе за дополнительные полторы ставки. Доценко стал полновластным хозяином всего огромного двора, ценным работником, занимающим три с половиной должности. Вот такую головокружительную карьеру сделал бывший чукотский геолог на берегу Волги, в научно-экологической организации. Называл он себя «ночным директором» и «дворником экологических наук».

На это еще не все. Летом за дополнительную плату Доценко целый месяц косил травы и бурьяны, заполонившие все свободное от деревьев и кустов пространство, а потом сгребал высохшее сено и копнил его. Еще через год по договору Денис занимался лесоповалом, сукорубством, трелевкой (тасканием) срезанного-срубленного сухостоя и валежника, его складированием и сжиганием. Костры горели до небес! Денисом была проделана гигантская работа по очистке крайне запущенного дендропарка. Пилить-валить-разделять и таскать наиболее толстые сосны, ели, тополя, осины, ивы плакучие и другие деревья ему помогали сыновья, приехавшие в отпуск. Доценко стал самым полезным и уважаемым работником научной организации, все ее сотрудники - от уборщицы до директора, доктора биологических наук, членкора АН, Дениса Ивановича знали, уважали и величали по отчеству – «Петрович». Так с самого начала сторожа-

дворника окрестила зам-дир-по-хч, а он возражать-поправлять не стал. «Начальству виднее, кто есть ху», - говорил Денис, подражая Горбачеву.

Во время долгих утомительных дежурств (с 17-00 до 8-30 в рабочие и с 8-00 до 17-00 в выходные дни) Денис резал по кости и занимался художественной обработкой камня, вытачивал маленькие скульптуры различных зверюшек, лягушек, русалок и змей. Два резных бараньих рога Катя продала за три миллиона и заплатила за учебу в колледже. Так батя-ка-пенсионер своим искусством ей существенно помог.

Денису повезло не только с местом работы (прибрежная зона отдыха, Жигулевское море, пляжи, живописные виды), но и с геологией-минералогией. Помимо музея, на третьем этаже камни имелись и в подвале, где стояли камнерезные и шлифовальные станки третьей фирмы-арендатора. Денис охотно воспользовался возможностями этого цеха (козла пустили в огород). С разрешения мастера, изготавливающего бытовые каменные поделки, Денис собрал и перетаскал домой отходы производства - обломки и обрезки ювелирно-поделочных камней-самоцветов, среди которых наиболее красивыми были: прозрачный золотисто-коричневый арагонит, пестроцветный желтовато-зеленоватый кальцифир, различной интенсивности зеленый нефрит, черно-розовый родонит, сланцевато-полосчатый фиолетовый чароит, синий-пресиний азурит и другие минералы и горные породы. Используя свои чукотские и вновь приобретенные (подвальные) поделочные камни, Денис нарезал на станке разноцветных пластинок и сделал свою первую опытную мозаичную картинку-фантазию. Затем, набив руку, к пятидесятипятилетию Ольги Николаевны и своему шестидесятилетию он сотворил шедевр - большую мозаично-рельефную картину на геологическую тему с вулканами и динозаврами, которую назвал «Мезозойская эра». В период изготовления картины (ушло полгода) камнеобрабатывающая фирма из НЭО ушла, станки из подвала вывезла и Денис свою художественно-поделочную деятельность, совмещенную в охраной здания, складов и гаража, прекратил.

Камни из НЭО кончились, но остались цветы и Денис продолжал их таскать домой, украшая быт и радуя близких. В зале, в хрустальной вазе на столе частенько стояли пышные букеты, менявшиеся по сезону: сирень, черемуха, калина стерильная, акация (робиния), жасмин (чубушник кавказский), иногда тюльпаны, нарциссы, пионы, ирисы. Все его весенне-летнее многоцветие сменяли розы-розы-розы, цветущие до самого октября.

Жизнь постепенно налаживалась, материально стали помогать сыновья, но все равно пенсий и заработанных Денисом денег хозяйке Ольге Николаевне едва хватало только на самые необходимые статьи расхода - квартплату, лекарства, еду и бытовую химию. О каком либо путешествии (сколько об этом раньше мечталось), о поездке в гости, по туристической путевке или на отдых к Черному морю, о лечении в санатории (болезней хватало) Денис и Ольга даже не помышляли - они смирились со своей оседло-бедной судьбой, довольствовались телевизионными развлечениями, заменяющими реальную жизнь.

Незавидная участь постигла и многих других чукотских геологов-пенсионеров. Степени крайней нищеты (хоть иди и побирайся) достигла в городе Энске Липецкой области, где получила дармовую квартиру (хоть в этом повезло!) знаменитая восточно-чукотская женщина - Инга Сосновская-Карамба. Покинув Нырвакинот, где последние годы имела чистую работу, занимала различные канцелярские должности и руководящие посты, в Энске она принципиально отказалась от грязных, унижительных, по ее мнению, и низкооплачиваемых работ (санитарки, уборщицы, дворника и т.п.), которые предлагались пенсионерам, и жила только на пенсию. Ладно бы еще одна, а то ведь содержала еще и старшего сына-тунеядца, здорового лба, малость чокнутого и тоже не желающего работать. Младший сын Инги остался на Чукотке, где отбывал наказание за ограбление магазина (действовал вместе с приемным сыном Благоволина, под его руководством), а муж-геофизик Сосновский погиб - утонул в Амуре. Безлощадно-безземельная

коммунистка-пенсионерка Сосновская, очень часто хохотавшая в период развитого социализма, теперь вела жалкое существование и часто плакала. Некоторый душевный подъем она испытывала только раз в году, когда получала единовременное адресное пособие в размере ста долларов от московской подруги-миллионерши Зои Щукиной.

В этом же доме, построенном специально для северян, счастливо проживал, ни в чем не нуждаясь, и бывший начальник ЦГПП Федор Свистоплясов, которому Сосновская в свое время посвятила шесть песенно-поэтических букетов и которому на эти букеты было в высшей степени наплевать. Прямолинейный, как дышло и в то же время энергично-хитроумный северный суперветеран (сорок лет чукотского стажа!) и тут, в сложнейшей бардачно-перестроечной ситуации, сумел сориентироваться, показал, на что способен. Он задержался в Анадыре на год, доделал свою работу и, увольняясь, каким-то образом получил от государства все, что положено северянам при ликвидации предприятия. Более того, ему удалось скрыть читинскую кооперативную квартиру, сдать свою нырвакинотскую квартиру и получить от администрации поселка двойную плату - за себя и за жену (для этого пришлось оформить фиктивный развод). Добыв все необходимые бумаги, удостоверяющие, что он, Свистоплясов, не имеет жилья на материке, «бедняга» получил бесплатную квартиру в городе Энске, продал читинский кооператив, купил вторую легковую машину и подарил ее дочери, проживавшей в Москве, приобрел гараж с погребом и дачу на берегу реки. Обладая достаточным для безбедного отдыха капиталом, не имея ни малейшей необходимости зарабатывать дополнительные к пенсии деньги, ПБ зимой вел праздный образ жизни (что, впрочем, при его кипучей энергии было не так-то просто), а весной-летом-осенью вместе с трудолюбивой супругой Ириной копошился-вкалывал на даче, выращивая всевозможные овощи, ягоды и фрукты (больше для развлечения и здоровья, чем по необходимости).

Промежуточное положение между Сосновской и Свиштоплясовым занимал Александр Крюканов, проживающий в том же доме. Первые пенсионные годы, не имея дачи и машины (был только велосипед), он, используя старые северо-восточные связи, ходил в поле, летом работал в Забайкалье, а зимой тратил время на лыжи и победный юг. Потом у него обнаружилась язва двенадцатиперстной кишки, в поле он ходить перестал и полностью переключился на рыбалку и физическое воспитание жены (рыбу он мог поймать в любой луже, а Римму тренировать вдоль любой лесополосы). Имели спортивные супруги и небольшой огород, на котором сажали картошку. Впрочем, от этого занятия они вскоре отказались, потому что картофельную ботву пожирал колорадский жук и урожай получался смехотворно-плачевным.

В начале августа девяносто седьмого года Федор Свистоплясов внезапно, неожиданно, как гром среди явного неба, как летний снег на голову, нагрянул на тольяттинскую квартиру Доценко. Он был помятый, грязный, загорелый, с лысым черепом, худой и страшный, как Кощей Бессмертный, как ожившая египетская мумия. Он напугал старушку-тещу, та подумала, что это бандит с большой дороги. Денис сперва опешил, потом, быстро сориентировавшись, заорал: «О-о! Вот это явление! Комбат! Батяня! Заходи!»

- Я перегоняю машину из Читы в Энск, а дорога, оказывается, проходит мимо вас, вот я и заскочил, - оправдывался ПБ.

- Да правильно сделал, Федя! Молодец!

И вспомнились Денису шестидесятые годы и роль Свиштоплясова в создании его семьи. Молодой специалистке Оле Зориной двадцать два и ей пора замуж. Когда Денис предложил девушке выйти за него, у нее не было альтернативы. Те, которых она рассматривала ранее как потенциальных спутников жизни, уже пристроились. Особенно жалела Оля о внезапной потере Феде Свиштоплясова, которого буквально из-под носа у нее увела другая. Высокого, мужественного, немногословного парня с густой кудрявой шевелюрой на голове женщины любили, не избежала его чар и Оля. Она с ним встречалась, целовалась, готова была и дальше пойти, но Федя на лобовую атаку не

решался, тянул, ждал наиболее удобного случая. Вот тут-то и возникла Ирина Жаркова - женщина решительная и гораздо более опытная, чем девица Оля Зорина, в реальной плотской любви. Разочаровавшись в легкомысленном романтике Денисе Доценко, она круто взялась за прямую его противоположность - прагматика Федора Свистоплясова. Она его заманила, соблазнила, увлекла и - результат известен. Оля погрузила немного и вышла замуж за Дениса - альтернативы не было. Что из этого вышло, известно всем. Оба брака выдержали испытание временем, оказались прочными, как нефрит.

И вот шестидесятилетний Свистоплясов здесь, на Волге, у Доценко! Засуетилась, зайкала хозяйка квартиры Ольга Николаевна, Денис побежал в ближайший магазин, на последние деньги (как раз хватило!) купил бутылку самой дешевой водки, и чукчи, оживленно беседуя и хлебая борщ, мигом приговорили ее. Узнав о бедственном финансовом положении Доценко, о хронической болезни под названием «арублез». Свистоплясов объяснил, что денег никогда никому не хватает, сколько бы их ни было, потому что человек так устроен, его запросы неограниченны, ему хочется все больше и больше. Вот такая философия. Успокоил Дениса мудрый Федор. Отобедав, он прилег отдохнуть, соснуть перед дальней дорогой, а Денис отправился на работу, на ночное дежурство в НЭО.

Еще одно столь же неожиданное, но гораздо более трагическое событие коснулось семьи Доценко в июле девяносто восьмого года. Денис и Оля получили телеграмму о гибели Валентины Пуховой - она утонула в своей любимой с детства речке Березке. Семидесятилетний колымо-чукотский ветеран Кирилл Пухов остался один-одинешенек, без няньки, без самогона, огорода, маринадов, солений-варений, без всего того, к чему он так привык - незаслуженная кара постигла его. Однако крепкий духом и телом богатырь не сломался - он продолжал жить на пенсию, пить, курить, писать мемуары и резать по коровьему рогу.

- Я ни в чьей помощи не нуждаюсь! – говорил он изредка навещавшим его родственникам.

В разговоре с Денисом Свистоплясов сказал: «Да ты знаешь, какой он здоровый! Да он до ста лет проживет!» Дай-то Бог!

Заслуживает внимания и судьба чукотского старожилы Генриха Козина (стаж 36 лет), с которым Денис Доценко съел не один пуд полевой соли и выпил не один декалитр камерального вина. Бобыль дед Козя получил государственную квартиру в Костроме, но контейнеры с барахлом отправил из Нырвакино в родительский дом, в деревню, где и проводил весенне-летнее время, до завершения сбора урожая садово-огородных культур. А зимой Козя жил в своей пустой городской квартире, спал на полу, готовил и кушал на по подоконнике. Не испытывая недостатка в деньгах, он накупил акций, с переменным успехом играл на бирже и был вполне счастлив - прокормить одного самого себя для него труда не составляло.

По соседству с Козей жили (очень бедно, как Карамба) супруги Беловы, Зинаида и Альберт. Козя с Альбертом дружил и время от времени, под скромную закуску, приготовленную Зиной, выпивал с ним бутылку-другую водки. Зина иногда заходила и на квартиру бобыля, мыла полы, наводила порядок - осуществляла шефство над этим старым, неухоженным обалдуем. В начальной стадии пенсионного симбиоза все шло хорошо. Но вот однажды Альбертино, перепив, приревновал жену к деду Козе, надавал ей крепких боксерских тумаков и потаскал за жалкие остатки седых волос (его коронный, излюбленный прием). Так случилось раз, другой, третий... Плюнув на «гносного Ателу», Зинаида сбежала от него к матери в Саратов, решила, наконец. Козин обрадовался. Он сдал свою квартиру в наем и переселился к Белову, потому что жить у него было комфортабельнее и веселее - в любое время можно выпить и поговорить за чукотские поля, за интересно прожитые годы. А Зинаида, «изгнанная» из Костромы, похоронила в Саратове сначала старшую дочь, потом мать и осталась одна-одинешенька, в тишине и безопасности, в тоске и покое.

Упорно трудились в городе Новокузнецке двужильные супруги Виноградовы. Евгений Макарович работал на шинном заводе, уважаемая Мария Васильевна помогала ему на садово-огородном участке, заготавливала на зиму до сотни банок консервированных овощей и ягод. Однажды перед новым годом подвал, в котором хранилось все это богатство, был взломан и полностью очищен. Удар по благосостоянию семьи был жестоким, Виноградовы пережили трудную зиму, но картошку и овощи посадили снова, потому что без них - беда. Помимо этого уважаемая Мария Васильевна развела множество цветов, украшавших пенсионный быт.

Жуткое сообщение в виде вырезок из газет пришло Денису из Анадыря. Отбывший очередной срок вор-рецидивист Благоволин, Чвычкин приемный сын, занялся рэкетом. Вышибая деньги у одного, а затем другого предпринимателя и не получив требуемой суммы, он "нечаянно" зарезал обоих. Когда милиция пришла за преступником, то тот прыгнул из окна квартиры (с пятого этажа) и разбился насмерть. Для Юрия Васильевича освобождение от такого «сынули», позорящего его фамилию, было благом, божьим промыслом. Он продолжал занимать пост главного геолога Чукотки и в этой должности достиг северного пенсионного возраста (55 лет). Денис послал ему стихи.

Ну вот и все, созрел и ты на грядке Геолкома.
Сбылись ли все твои мечты и хорошо ли дома?
Пенсионером юным став, Великолепный Чвычка
О недрах думать не устал - похвальная привычка.
Поздравляем! В юбилей вспомни горы круты,
Чарки полные налей, выпьем за маршруты!

Год двухтысячный Денис Доценко встречал в торжественно-приподнятом настроении и ожидании чуда - спокойной пенсионной жизни, чтобы денег хватало хотя бы на еду. Еда! Еда! Вот все, что беспокоило его ежедневно. Другьям он отправил такое послание.

Новый год настал великий, юбилейный для Христа,
Разноцветно-многоликий от Звезды и до Креста.
Поздравляем вас, дожили! Пара тысяч - позади.
Что имеем - заслужили, улучшение - впереди.
Десять заповедей знайте, соблюдая их не очень,
От того не унывайте, что проходят дни и ночи.
Новый год под знаком Бога, чтобы жили не убого,
Чтоб всегда была еда и веселая вода.

Поздравляя по почте коллег с первым в двадцать первом веке Днем геолога, невыездной (потому, что безденежный) житель города Тольятти, работающий пенсионер Денис Доценко разослал открытки с текстом своей последней песни. Сочинил он ее на высоком волжском берегу, вспоминая Некрасова ("Выдь на Волгу - чей стон раздастся над великою русской рекой? Этот стон у нас песней зовется..."). Вот ее слова.

От костра только дым и допета песня,
На гитаре лопнула струна.
Ветеранам седым все же интересна
Дальняя чукотская страна.

День геолога нас всех объединяет,
В тундру заполярную зовет,
Где весною тает наст и природа оживает,
Пуночкой ликующей поет.
В этот праздничный день мы воспрянем духом,
Слайды и альбомы поглядим.
Позабыв дребедень, зрением и слухом
Мы ушедший мир воссоздадим.

Вспомним время свое, берега и бухты,
Молотки, палатки, кукули.
Снова песню споем и воскликнем: "Ух ты!
Мы еще, пожалуй, не нули!"